

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

**РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР**  
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Выпуск 20

Серия основана в 1990 г.  
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

Редакционная коллегия серии:  
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский



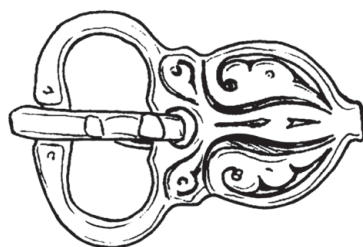
Москва 2020



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

# ИСТОРИЯ ВЕЩЕЙ – ИСТОРИЯ И ВЕЩИ

К 60-летнему юбилею И. О. Гавритухина



Москва 2020

УДК 902/904  
ББК 63.4  
И90

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

*Ответственный редактор*  
А.М. Обломский

*Рецензенты:*  
Кандидат исторических наук Н.В. Лопатин  
Кандидат исторических наук В.Е. Родинкова

На первой странице обложки – вещи из научных интересов юбиляра  
На последней странице обложки – вещи, статьи о которых мы дарим юбиляру

**История вещей - история и вещи** – Раннеславянский мир. Выпуск 20. –  
И90 М.: ИА РАН, 2020. – 320 с.: ил.  
ISBN 978-5-94375-325-1

Сборник «История вещей – история и вещи» посвящен 60-летию юбилею И.О. Гавритухина, известного ученого, археолога, историка, источниковеда. В него вошло 25 статей по актуальным вопросам археологии римского времени и эпохи Великого переселения народов, написанных специалистами из России, Украины, Белоруссии, Польши, Сербии и Германии. Рекомендуется историкам, археологам, краеведам.

The anthology "History of things – history and things" is dedicated to the 60th anniversary of I.O. Gavritukhin, a well-known scientist, archaeologist, historian, and source-study expert. It includes 25 articles on topical issues of archaeology of the Roman times and the era of the Great migration of peoples, written by experts from Russia, Ukraine, Belarus, Poland, Serbia and Germany. Recommended for historians, archaeologists, and local historians.

**УДК 902/904**  
**ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-325-1  
DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-325-1

© Федеральное государственное бюджетное  
учреждение науки Институт археологии  
Российской академии наук, 2020  
© Авторы статей (см. содержание), 2020



Игорь Олегович Гавритухин, выступление в дискуссии на заседании отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН, 2019 г.

# К юбилею Игоря Олеговича Гавритухина

А.М. Обломский (Москва)

Многие деятели науки руководят большими коллективами, имеют пышные титулы и звания, чем заслуженно гордится профессиональное сообщество. Тем не менее, есть и ученые другого рода. Их официальный статус невысок, но они оказывают значительное влияние на развитие науки и часто выступают организаторами групп, решающих актуальные задачи. Игорь Олегович Гавритухин – именно такой человек.

Он родился в г. Умани Черкасской обл. Украины 20 августа 1960 г., окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета в 1982 г. В 1985–1987 гг. работал в Звенигородском историко-архитектурном и художественном музее в должностях научного сотрудника, старшего научного сотрудника, затем – заведующего сектором археологии, в 1987–1989 гг. обучался в аспирантуре Института археологии АН СССР. С 1990 г. по настоящее время Игорь Олегович работает в Институте археологии, сейчас – в должности старшего научного сотрудника Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, является автором более 150 научных работ.

С 1978 г. по 1996 г. Игорь Олегович неоднократно участвовал в различных экспедициях в Среднем Поволжье, Верхнем Поочье, Подмосковье, в западных областях Украины, Молдавии, в Средней Азии, Австрии. С 1985–1987 гг. он руководил экспедицией Звенигородского музея, с 1985–1989 гг. был начальником отряда Прикарпатской экспедиции ИА АН СССР, с 1988–1994 гг. – начальником Волынского отряда (затем экспедиции) ИА РАН.

Своими учителями Игорь Олегович считает Ирину Петровну Русанову и Анатолия Константиновича Амброза. У Ирины Петровны он обучался в аспирантуре. С тех пор раннеславянская тематика стала одной из основных в творчестве Игоря Олеговича. Ему принадлежит серия статей по пражской культуре, из которых наиболее важными мы считаем работы по хронологии керамики и вещей: «Хронология пражской культуры» (Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3, М. 1997), «Комплексы пражской культуры с датирующими вещами» (Archeologia o początkach słowian. Kraków, 2006), «Понятие пражской культуры (Труды Государственного Эрмитажа, 2009. № 49).

Сейчас Игорь Олегович является фактически единственным специалистом по пражской культуре в России.

И.О. Гавритухин был одним из редакторов и фактическим составителем выпуска журнала «Stratum plus», который назывался «Славяне на Дунае. Обретение Родины» (2015, № 5) и был посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося историка и археолога-слависта Любора Нидерле. По инициативе Игоря Олеговича в это издание были включены статьи по раннеславянской археологии в Южной Европе, написанные, кроме российских авторов, специалистами из Чехии, Словакии, Румынии, Словении, Сербии, Болгарии. Все статьи были опубликованы по-русски. Выход в свет журнала имел важное значение для русскоязычных читателей, которые благодаря этому изданию сумели получить представление о современном состоянии исследований по раннеславянской тематике в Подунавье и на Балканах.



Разбор архива Анатолия Константиновича Амброза был одним из первых заданий И.О. Гавритухина в отделе славяно-русской археологии ИА АН СССР. Скорее всего, именно эта работа, в результате которой были опубликованы несколько неизданных статей А.К. Амброза, заложила основы еще одного направления научной деятельности Игоря Олеговича – типологии и хронологии вещей (фибул, ременной гарнитуры, стеклянной посуды) Восточной, Центральной и Южной Европы в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов и реконструкции культурных связей населения на этой основе. Одним из первых корпусов публикаций в этом отношении были главы, написанные И.О. Гавритухиным для коллективной монографии о раннесредневековом Гапоновском кладе (М.: ИА РАН, 1996), где происходящие из него фибулы и геральдическая ременная гарнитура были поставлены в контекст находок этого круга на территории Евразии. Интерес к деталям ремней геральдического стиля свойственен Игорю Олеговичу и до сих пор. Этой теме посвящена серия его статей: «К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв.» (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара. 1996), «Эволюция восточноевропейских псевдопряжек» (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э., из истории костюма. Самара. 2001), «Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links» (Belinsij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar*. Bonn, 2018). Из работ, имеющих особую важность для хронологии Европы отметим исследования финала черняховской культуры, материалов Поволжья, Верхнего Поочья и Северного Кавказа, аварских могильников: «Хронологические индикаторы финала черняховской культуры» (Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999), «Финал черняховской культуры. Некоторые результаты, трудности и перспективы изучения хронологии» (Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск, 2006), «Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильнопрофилированных фибул» (Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1. Тула), «Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок» (Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. *Раннесредневековый могильник Мамисондон*. М. 2010) «Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные

и со сплошным приемником» (в соавторстве с А.М. Воронцовым) (Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008), «Перспективы изучения раннесредневековых древностей Кисловодской котловины» (в соавторстве с В.Ю. Малашевым) (Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы хронологии. Самара, 1998), «Archaeological heritage of the Avar khaganate and the southern part of Eastern Europe» (Antaeus, 2008).

Работы Игоря Олеговича отличаются подробным анализом источников, каталогами, картами. При этом используются не только материалы из общеизвестных публикаций, но и собранные автором в результате постоянного посещения архивов и музеев. В настоящее время авторитет Игоря Олеговича, как специалиста по хронологии, признан археологами не только России, Украины, Белоруссии и Молдавии, но и стран дальнего зарубежья.

В течение многих лет Институт археологии издает серию публикаций «Раннеславянский мир». Первый сборник, задуманный И.П. Русановой и С.А. Плетнёвой, вышел в 1990 г. В 2017–2018 гг. опубликованы 18-й и 19-й выпуски. Серийным, тем не менее, это издание стало начиная с третьего выпуска. Игорь Олегович (вместе с А.М. Обломским и Н.В. Лопатиным) стал редактором этой серии.

В содружестве с Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН проводит конференции «Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов» (сначала в г. Туле, позже на базе музея в с. Монастырщине Тульской обл.), которые проходили в 2006, 2008, 2010, 2012, 2015 и 2019 г. За их организацию от отдела отвечает И.О. Гавритухин, от музея-заповедника – А.М. Воронцов. По итогам конференций опубликованы сборники статей первых четырех из них. В Монастырщине собирается широкий круг участников из разных научных центров России и зарубежья. Фактически эти конференции стали дискуссионной площадкой для обсуждения актуальных проблем археологии I тыс. н.э.

Игорь Олегович был также одним из тех, кто стоял у истоков тесного научного сотрудничества России и Сербии. Первая российско-сербская археологическая конференция была проведена в гг. Белград и Нови Сад (Сербия) в 2014 г.,

вторая – в Москве в 2017 г., третья – также в Белграде и Новом Саде в 2019 г. По итогам первой конференции в 2019 г. опубликован совместный сборник статей, редактором которого с российской стороны также стал Игорь Олегович.

Особым направлением деятельности И.О. Гавритухина является работа над статьями по археологии в энциклопедиях. С 2005 г. он руководил группой археологии Большой российской энциклопедии. Им был составлен словник, собраны статьи (что потребовало огромной работы по поиску авторов, переговоров с ними, редактированию). Сам Игорь Олегович написал в БРЭ 75 статей (25 – в соавторстве). В настоящее время он возглавляет коллектив по изданию энциклопедии «Археология России».

Игорь Олегович часто пишет в соавторстве с учеными России и других стран, и это не

случайно. Он охотно делится с окружающими своими идеями, что зачастую дает импульс совместным работам. На многочисленных конференциях и на заседаниях отдела полемизирует, критикует доклады, но не просто критики ради, а позитивно, указывая аналогии, ссылаясь на литературу, уточняя даты. Для нас Игорь Олегович – во многом «клад аналогий». К нему всегда можно обратиться по поводу идентификации той или иной вещи. Учитывая энциклопедический склад его ума, ответ будет если не исчерпывающим, то дающим определенное направление поиску.

Мы, сотрудники отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья ИА РАН, сердечно поздравляем Игоря Олеговича с 60-летним юбилеем! Счастья, здоровья и новых интересных работ!

## Список публикаций И.О. Гавритухина за 1988–2019 гг.

1988

**Заметка, тезисы доклада**

Гавритухин И.О. Украшения и оружие белорусского Поднепровья в V–VIII вв. как источник исторических реконструкций // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР / Ред. А.П. Абрамов и др. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 103–104.

Гавритухин И.О., Новикова Г.Л. Исследования Звенигородского музея // Археологические открытия 1986 года / Ред. М.А. Дэвлет и др. М.: Наука, 1988. С. 55–56.

**Редактирование**

Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР. / Ред. кол.: А.П. Абрамов, И.О. Гавритухин, И.А. Гей, Н.В. Лопатин, С.В. Мокроусов, А.В. Сазанов, К.А. Семина, А.В. Токарев, А.В. Энгватова. М.: ИА АН СССР, 1988. 176 с.

1989

**Статья**

Гавритухин И.О. Кодынские фибулы (типы и некоторые проблемы интерпретации) // *Vakarų baltų archeologija ir istorija* (Археология и история западных балтов) / Ed. V. Žulkus. Klaipėda: Klaipėdas kraštotyros muzejų; paminklų restauravimo institutas; Lietuvos archeologijos draugija, 1989. С. 78–85.

**Рецензия**

Русанова И.П., Гавритухин И.О. Рец на: Dostal V. Breclav-Pohansko. Casne slovanske osidleni. III. Brno, 1985 // Советская археология. № 2. 1989. С. 267–271.

1990

**Тезисы доклада**

Гавритухин И.О. К изучению изменений в материальной культуре Карпатской котловины в конце VI – начале VIII вв. н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Избранные доклады Всесоюзной конференции молодых ученых. Москва, 20–23 апреля 1990 г. / Ред. А.П. Абрамов, И.О. Гавритухин. М.: Московский археологический информационный центр, 1990. С. 127–145.

**Редактирование**

Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Избранные доклады Всесоюзной конференции молодых ученых. Москва, 20–23 апреля 1990 г. / Ред. А.П. Абрамов, И.О. Гавритухин. М.: Московский археологический информационный центр, 1990. 168 с.

1991

**Статьи**

Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Ред. А.П. Абрамов и др. М.: Музей искусств народов Востока; Московский археологический информационный центр, 1991. С. 127–141.

Gavrituchin I.O. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland) // *Archaeoslavica*. 1. Kraków: Instytut archeologii Uniwersitetu Jagellońskiego, 1991. S. 95–103.

**Заметка, тезисы докладов**

Гавритухин И.О. К методике изучения этнокультурных традиций населения аварского каганата // Проблемы истории Крыма. Тезисы научной конференции. Вып.1 / без указания ред.

Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 1991. С. 29–31.

Гавритухин И.О. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков // Археологические исследования Юго-Восточной Руси. Тезисы конференции (26–28 ноября 1991 г.) / без указания ред. Курск: Курский гос. педагогический ин-т, 1991. С. 27–28.

Гавритухин И.О., Терпиловский Р.В. I и II конференция «Киевская культура, ее истоки и наследие» (Курск, 1988, 1989) // Советская археология. 1991. № 1. С. 296–299.

## 1992

### Монография

Томашевский А.П., Гавритухин И.О. Славянское поселение Тетеревка I. Препринт. Киев: ИА АН Украины; Научно-исследовательский археологический центр «Арх», 1992. 91 с.

### Заметка, тезисы доклада

Гавритухин И.О. Послесловие к: Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1. М., 1992. С. 95–97.

Гавритухин И.О. Раннеславянские глинобитные печи // Минуте і сучасне Волині. Краєзнавство: історія, здобудки, перспективи. Тези доповідей та повідомлень II регіональної «Велика Волинь» і VI областної історико-краєзнавчої конференції 8–10 жовтня 1992 року / Ред. Р.А. Арцишевський та інші. Луцьк: Луцький держ. педагогічний ін-т; Волинське обл. товариство краєзнавців, 1992. С. 46–48.

## 1993

### Статьи

Гавритухин И.О. Раннеславянские памятники в районе Зимневского городища // *Archaeoslavica*. 2. Kraków: Instytut archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego, 1993. С. 99–112.

Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 208, М., 1993. С. 52–62.

### Заметки

Гавритухин И.О. К публикации работы А.К. Амброза («К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул») // Российская археология. 1993. № 2. С. 178.

Гавритухин И.О., Федотова Е.Н. Раскопки на поселении Зимне 4 в 1991–1992 гг. // Археологічні дослідження в Україні 1992 року / Ред. Д.Н. Козак та інші. Київ: Ін-т археології АН України; Запорізький держ. Ун-т, 1993. С. 40–43.

## 1994

### Статьи

Гавритухин И.О. Причерноморская серия фибул типа Левице-Токари // Боспорский сборник. 4. М., 1994. С. 31–42.

Гавритухин И.О. Пряжки с коробчатой петлей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 201–214.

### Заметки

Гавритухин И.О. Архив А.К. Амброза // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 23–30.

Гавритухин И.О., Федотова Е.Н. Исследования на Западной Волыни // Археологические открытия 1994 года / Ред. В.В. Седов. М.: ИА РАН, 1995. С. 321–322.

## 1995

### Статья

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад (предварительная публикация) // Российская археология. № 4. 1995. С. 136–149.

### Тезисы доклада

Гавритухин И.О., Мастыкова А.В. К изучению культурных связей юго-восточной Европы VII в. н.э. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов / Д.А. Сташенков (ред.). Самара: Самарский областной краеведческий музей, 1995. С. 16–19.

## 1996

### Статья, разделы в коллективной монографии

Гавритухин И.О. Датировка днепровских первой группы кладов методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 58–89.

Гавритухин И.О. Датировка начальных фаз культуры Луки Райковецкой // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его исто-



рико-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 136–139.

Гавритухин И.О. Детали ременной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 22–36.

Гавритухин И.О. К изучению ремесленных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 1996. С. 115–133.

Гавритухин И.О. Обломский А.М. Введение // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 4–6.

Гавритухин И.О. Фибулы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 36–39.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Вместо заключения // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 140–148.

Гавритухин И.О., Шеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 53–57.

Гавритухин И.О., Шеглова О.А. Комплектность клада и реконструкция гарнитур // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 47–53.

Гавритухин И.О., Шеглова О.А. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. М.: ИА РАН, 1996. (Раннеславянский мир. 3). С. 133–136.

#### **Заметка, тезисы доклада**

Гавритухин И.О. Кавказские материалы в архиве А.К. Амброза // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). Тезисы докладов / Ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Наука, 1996. С. 46–49.

Гавритухин И.О., Ковалевская В.Б., Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты.

История, археология, культурная антропология и этнография / Ред. А.Р. Вяткин. М.: Международный научный фонд, 1996. С. 219–231.

### **1997**

#### **Статьи**

Гавритухин И.О. Маленькие трапецевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. 12. Мінск. 1997. С. 43–58.

Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного конгресса Славянской археологии. Т. 3 / Ред. В.В. Седов. М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 39–52.

#### **Заметки, тезисы доклада**

Гавритухин И.О. Боспор и Поднепровье в 6–7 вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.) / без указания ред. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения НАНУ; Гос. комитет по охране и использованию памятников истории и культуры; Нац. заповедник «Херсонес Таврический», 1997. С. 27–32.

Гавритухин И.О. Материалы круглого стола «Методика этногенетических исследований» // Труды VI Международного конгресса Славянской археологии. Т. 3 / Ред. В.В. Седов. М.: НПБО «Фонд археологии», 1997. С. 391–403.

### **1998**

#### **Статьи**

Гавритухин И.О. Горизонт пражской культуры поселения Зимно 4 // *Archaeoslavica*. 3. Kraków: Instytut archeologii Uniwersytetu Jagellońskiego, 1998. С. 171–207.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей. 1998. С. 28–86.

#### **Заметки**

Gavritukhin I., Oblomski A. Le découvertes "principières" du Ve s. dans la région du Dnepr-rive gauche et leur contexte archéologique et historique // *Bulletin de liaison. Association Française d'Archéologie Mérovingienne*. 22. 1998. P. 14–15.

1999

**Статьи**

Гавритухин И.О. Пряжки, отлитые вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье / Ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 160–209.

Гавритухин И.О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. I. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–XI) // Сто лет черняховской культуры. / Ред. М.Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 48–86.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 99–159.

**Заметки**

Гавритухин И.О., Михайлина Л.П., Перхавко В.Б. К 80-летию Б.А. Тимошука // Российская археология. № 4. 1999. С. 240–241.

Мастыкова А.В., Гавритухин И.О., Казанский М. Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь 1997) // Российская археология. № 1. 1999. С. 242–246.

Gavritukhin I., Oblomski A. Les Tresors des Antes // L'arheologue. N 39. 1998/1999. P. 33–34.

2000

**Статьи**

Гавритухин И.О. Великое славянское расселение на юг и запад // Археологічні студії / Ред. П.П. Толочко. 1. Київ; Чернівці: Прут, 2000. С. 72–90.

Гавритухин И.О. Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье. // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Eds. M. Maćczyńska, T. Grabarczyk. Łódź: Uniwersitet Łódzki, 2000. С. 261–324.

**Заметки, тезисы доклада**

Гавритухин И.О. Амброс Анатолий Константинович (1929–1985) // Институт археологии: история и современность / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 30–32.

Гавритухин И.О. К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья //

Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов конференции / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 2000. С. 25–32.

Гавритухин И.О. Тимошук Борис Анисимович // Институт археологии: история и современность / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 235–236.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Русанова Ирина Петровна (1929–1998) // Институт археологии: история и современность / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 207–210.

2001

**Статьи**

Гавритухин И.О. Нові пальчасті фібули з околць Гладизька на Полтавщині // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1. Полтава, 2001. С. 29–31.

Гавритухин И.О. Приложение 1. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. С. 40–49, 146–148.

Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т.2. Хазарское время / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий Государственный университет, 2001. С. 45–162.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 2001. С. 31–86.

**Заметки**

Гавритухин И.О. Об «основаниях» и основном в дискуссии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей, 2001. С. 259–265.

Надь М., Мастыкова А.В., Гавритухин И.О. Памяти Атилы Киша (1939–1999) // Российская археология. № 1. 2001. С. 186–187.

2002

**Статьи**

Гавритухин И.О. Фибулы византийского круга в Восточной Европе (I. Дунайско-иллирий-

ские) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь. 2002. С. 229–250.

Гавритухин И.О. Фибулы и ременные гарнитур из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь. 2002. С. 217–228.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Двупластинчатые фибулы из новых поступлений Краснодарского музея // Древности Боспора. 5. М., 2002. С. 86–94.

#### Тезисы доклада

Гавритухин И.О. Проблемы хронологии «раннехазарской» археологии // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы / Ред. В.Я. Петрухин, М.М. Федорчук. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики «Сэфер»; Еврейский университет в Москве; Институт славяноведения РАН, 2002. С. 25–26.

### 2003

#### Статьи, главы в коллективной монографии

Гавритухин И.О. Фибула из Луки-Каветчинской в контексте славяно-византийских связей // *Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu* / Ed. M. Dulnicz. Lublin; Warszawa: IAE PAN: Wyd. Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 2003. С. 197–206.

Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Вып.18. Мінск., 2003. С. 123–138.

Гавритухин И.О., Николаева Э.Я. Табл. 60–63 // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 227–230.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Памятники ранневизантийской эпохи. Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 152–157, 227–231.

Гавритухин И.О., Приймак В.В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // *Stratum plus*. 2001–2002. № 5. Кишинев, 2003. С. 91–99.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Исто-

риографический очерк // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 186–187.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Могильники III–IV веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 187–191, 239–242.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Древности V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 191–193, 240–245.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Могильники V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 193–195, 243–245.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 195–200, 245.

Шавкоплас Г.М., Гавритухин И.О. Перше поселення пражської культури в Києві // *Музей та його колекції*. Київ: Нац. Музей Історії України, 2003. С. 74–79.

Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // *A nyiregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve*. XLIV. Nyiregyháza, 2003. P. 113–184.

#### Заметки, тезисы докладов

Гавритухин И.О. Боспорские фибулы середины V – VII вв. как показатели культурных связей // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / Ред. В.Н. Зинько. Керчь: ЦАИ Деметра; Крымское отд. Института востоковедения НАНУ; Керченский историко-культурный заповедник, 2003. С. 66–68.

Гавритухин И.О. Взаимоотношения славянских и восточногерманских народов во второй половине V – начале VI вв. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. Часть II / Ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ; ИА РАН; Гос. Эрмитаж; Самарский гос. педагогический институт, 2003. С. 109–113.

Гавритухин И.О., Ахмедов И.Р. К 70-летию Ярослава Тейрала // Древности Кубани. Вып. 21 (2003, декабрь). Краснодар, 2003. С. 4–7.

Гавритухин И.О., Масан А.Н., Перхавко В.Б. Памяти Бориса Анисимовича Тимошука (1919–2003) // Российская археология. № 4. 2003. С. 175–177.

## 2004

### Статьи, главы в коллективной монографии

Гавритухин И.О. Детали поясов «поздне-римского воинского» стиля с поселения Замятино 10 // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. 6) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 2004. С. 14–15.

Гавритухин И.О. Днепровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (Труды Института истории материальной культуры, Т. 11) / Ред. В.М. Горюнова, О.А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 208–220.

Гавритухин И.О. Ранние формы пальчатых фибул и образец из Замятино // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. 6). / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 89–94, 307.

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья // Славянский мир Полесья в древности и средневековье / Ред. О.А. Макушников. Гомель: Гомельский Государственный университет, 2004. С. 39–50.

### Заметка

Гавритухин И.О. К изучению горизонта хазарского времени на мысе Зюк // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Мате-

риалы V Боспорских чтений / Ред. В.Н. Зинько. Керчь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2004. С. 89–92.

## 2005

### Статьи

Гавритухин И.О. Комплексы пражской культуры с датируемыми вещами // Archeologia o początkach Słowian / Eds. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia akademicka. 2005. С. 401–461.

Гавритухин И.О. Некоторые перспективы изучения финала черняховской культуры // II Городцовские чтения (Труды ГИМ. Вып. 145) / Ред. И.В. Белоцерковская. М., 2005. С. 231–240.

Гавритухин И.О. Фибула с городища Супруты // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu (Monumenta studia gothica IV) / Ed. P. Łuczkiwicz. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. С. 113–115.

Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары / Ред. В. Петрухин и др. Иерусалим: Гершаим; М.: Мосты культуры, 2005. (Евреи и славяне. Т. 16). С. 378–426.

### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Авилова Л.И., Гавритухин И.О., Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Археология // Большая Российская энциклопедия. Т. 2. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 315–322.

Гавритухин И.О. Абидня // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 24.

Гавритухин И.О. Австрийские земли с древности до образования Восточной марки // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 120.

Гавритухин И.О. Аланы // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 402.

Гавритухин И.О. Альмгрен // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 559.

Гавритухин И.О. Амброз // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 594.

Гавритухин И.О. Англосаксы // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 699.



Гавритухин И.О. Апахида // Большая Российская энциклопедия. Т. 2. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 104.

Гавритухин И.О. Армиёво // Большая Российская энциклопедия. Т. 2. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 251–252.

Гавритухин И.О. Арцибашево // Большая Российская энциклопедия. Т. 2. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 347.

Гавритухин И.О. Банцеровщина // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 18.

Гавритухин И.О. Бахмутинская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 123.

Гавритухин И.О. Беленджер // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 205.

Гавритухин И.О. Белоруссия с древнейших времён до 9 в. // Большая Российская энциклопедия. Т.3. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 241–242.

Гавритухин И.О. Богачёвская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 3. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 639.

Гавритухин И.О., Петрухин В.Я. Аварский каганат // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 58.

Гавритухин И.О., Петрухин В.Я. Авары // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2005. С. 58–59.

## 2006

### Статьи

Гавритухин И.О. Финал черняховской культуры. Некоторые результаты, трудности и перспективы изучения хронологии // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2006. С. 139–144.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V – VI вв. // Археологические вести. Вып.13. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 297–344.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гуннская держава и Лесостепное Подонье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2006. С. 100–106.

Gavritukhin I. La date du “Trésor” de Perščepina et la chronologie des antiquités de l’époque de formation du Khaganat khazar // La Crimée et le Khaganat khazar (Centre de recherche d’Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies 25) / Ed. C. Zuckerman. Paris: Association des amis du Centre d’Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. P. 13–30.

Gavritukhin I., Oblomski A. Le decouvertes "princières" du Ve siècle dans la région du Dnepr-rive gauche et leur contexte historique // De l’Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologique funéraire, princes et élites guerrières (Mémoires publiés par l’Association français d’Archéologie mérovingienne. XV) / Eds. X. Delestre, M. Kazanski, P. Périn. Paris; Condé-sur-Noireau: Achevé d’imprimer sur les presses de Corlet imprimeur, 2006. P. 307–331.

### Заметка

Вида Т., Гавритухин И.О. Круглый стол по хронологии «среднеаварского» периода // Российская археология. № 3. 2006. С. 182–183.

### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Гавритухин И.О. Борисовский могильник // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 49.

Гавритухин И.О. Борочичский клад // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 65.

Гавритухин И.О. Булгары // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 332.

Гавритухин И.О. Ванвиздинская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 573.

Гавритухин И.О. Великая Болгария // Большая Российская энциклопедия. Т. 4. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 720.

Гавритухин И.О. Вельбарская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 67.

Гавритухин И.О. Вознесенка // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 576.

Гавритухин И.О. Волынцево // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 680.

Гавритухин И.О. Восточноевропейские выемчатые эмали // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 758–759.

Гавритухин И.О. Гепиды // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 661–662.

Гавритухин И.О. Карта «Великое переселение народов» // Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 57.

Гавритухин И.О., Ганина Н.А., Смирницкая Е.В. Германцы // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 756–757.

Гавритухин И.О., Голофаст Л.А. Германия до возникновения Священной Римской империи // Большая Российская энциклопедия. Т. 6. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2006. С. 692–693.

## 2007

### Статьи, главы в коллективной монографии

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения и отдельные находки постгуннского времени // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 30–33, 67, 411–412.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 33–37, 68–72, 412.

Гавритухин И.О. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 9–24, 39–43, 46–59, 65, 410–411.

Гавритухин И.О. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики / Ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 482–486.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Введение // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 5–8, 410.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье. Вводные замечания. // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 9, 46, 410.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 37–38, 46–47, 65, 412.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Заключение // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 389–393, 426–427.

### Статьи в энциклопедии

Гавритухин И.О. Годловский // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 294.

Гавритухин И.О. Готы // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 554–555.

Гавритухин И.О. Гунны // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 160–161.

Гавритухин И.О. Гунны // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2007. С. 457–459.

Гавритухин И.О. Дания с древнейших времен до сер. 9 в. н.э. // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 294.

Гавритухин И.О. Дружное // Большая Российская энциклопедия. Т. 9. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 371–372.

Гавритухин И.О. Дюрсо // Большая Российская энциклопедия. Т. 9. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 493.

Гавритухин И.О., Скаков А.В. Дагестан. Историч. очерк // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 230.

Гавритухин И.О., Скаков А.В. Двин // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2007. С. 373.

### Редактирование

Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007.

## 2008

### Статьи

Гавритухин И.О. Предисловие. Об авторах этой книги // Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога 100, 2008. С. 5–18.

Гавритухин И.О. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина / Ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН: Таус, 2008. С. 362–368.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 28–89.

Gavrituchin I. Archaeological heritage of the Avar khaganate and the southern part of Eastern Europe. Periodisation, dating and synchronisation // *Antaeus*. 29–30. 2008. P. 62–125.

Gavritukhin I.O. Late Roman Military Style in the East of the Forest and Forest-Seppe Zone of Europe // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. 16. 2008. P. 57–67.

#### **Заметки, тезисы докладов**

Гавритухин И.О. Актуальные проблемы изучения ранней истории славян и славянского расселения на юг и запад (пражская культура) // Труды II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. Т. II. / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 206–209.

Гавритухин И.О. Кавказские материалы в архиве А.К. Амброза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 / Ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: наследие, 2008. С. 555–556. (переиздание работы 1996 г.).

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Предисловие // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред. А.Н. Наумов, Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. С. 5–6.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Семинар «Верхнее Подонье в системе этнокультурных контактов в эпоху римских влияний» // Российская археология. 2008, № 1. С. 181–184.

#### **Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»**

Арапов Д.Ю., Гавритухин И.О., Кузьминых С.В. Казахстан. Исторический очерк // Большая Российская энциклопедия. Т. 12. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 422–423.

Гавритухин И.О. Збручский идол // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 312–313.

Гавритухин И.О. Зимно // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 489.

Гавритухин И.О. Зубрецкая культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 583–584.

Гавритухин И.О. Именьковская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 128.

Гавритухин И.О. Интерциза // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 467.

Гавритухин И.О. Ипотешти – Кындешти – Чурел // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 591.

Гавритухин И.О., Голофаст Л.А. Инкерман // Большая Российская энциклопедия. Т. 11. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 382–383.

Гавритухин И.О., Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Железный век // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2008. С. 6–11.

#### **Редактирование**

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред. коллегия: А.Н. Наумов, А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2008. 397 с.

**2009**

#### **Статьи**

Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света (Труды Государственного Эрмитажа. XLIX) / Ред. В.С. Короткевич и др. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 7–25.

Гавритухин И.О. Элементы «Юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (пряжки типа Сучидава) // *Studia antiquae et mediaevalia. Miscelanea in honorem annos LXXV peragentis Professor Dan Gh. Teodor oblate* / Ed. D. Aparaschivei. București: Editura Academiei Române, 2009. С. 153–183.

**Статьи в энциклопедии**

Гавритухин И.О. Карнунт // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 193–194.

Гавритухин И.О. Квады // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 426–427.

Гавритухин И.О. Кодын // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 409–410.

Гавритухин И.О. Коман культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 589–590.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В. Кировская область. Историч. очерк (археология) // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М.: М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 37–38.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В. Коми республика. Историч. очерк (археология) // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 619–620.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Канторович А.Р., Лопатин Н.В., Обломский А.М. Ранний железный век и Великое переселение народов // Национальный атлас России. Т.4. История и культура. М.: Роскартография, 2008 (2009). С. 31–39.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Торговец А.И. Киргизия. Исторический очерк (до 10 в.) // Большая Российская энциклопедия. Т. 13. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2009. С. 755–756.

Гаўрытухін І.А. Авары // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. С. 15–17.

Гаўрытухін І.А. Вялікае перасяленне народаў // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. С. 201–204.

Гаўрытухін І.А. Гунны // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. С. 279–281.

Гаўрытухін І.А. Дняпроўскія раннесярэдневяковыя скарбы // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. С. 307–309.

Гаўрытухін І.А., Смірніцкая Я.У. Германцы // Археалогія Беларусі. Т. 1. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2009. С. 239–242.

**2010****Статьи**

Гавритухин И., Тотев Б. О двух накладках геральдического круга из Добричского музея // *Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Stefcae Angelova (Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supl. V)* / Ред. Е. Пенчева, К. Рабаджиев. София; Велико Тырново, 2010: Софийский университет «Св. Климент Охридски»; ФАБЕРС. С. 423–430.

Гавритухин И.О. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. 13)*. / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: Институт археологии РАН, 2010. С. 35–89.

Гавритухин И.О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1*. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. С. 49–68.

Гавритухин И.О. Необычная фибула из Крыма (к изучению поздних форм двупластинчатых фибул) // *Terra Barbarica (Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, Tomus II)* / Eds. A. Urbaniak et al. Łódź; Warszawa: Wyd. Uniwers. Łódzkiego; PMA, 2010. С. 517–534.

Гавритухин И.О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // *Албегова З.Х., Веришинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон (Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Т. 11)*. М.: ТАУС, 2010. С. 410–428.

Гавритухин И.О., Албегова З.Х. Хронология могильника Мамисондон // *Албегова З.Х., Веришинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон (Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Т. 11)*. М.: ТАУС, 2010. С. 94–111, 303–316.

Gavritukhin I., Kazanski M. Bosphorus, the Tettraxite Goths, and the Northern Caucasus Region during the Second Half of the Fifth and the Sixth Centuries // *Neglected Barbarians* / Ed. F. Curta. Turnhout: Brepol, 2010. P. 83–137.

**Заметки, тезисы докладов**

Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Предисловие // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Ев-*



ропы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. С. 5–8.

Гавритухин И.О. Поздние- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике» // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. (До 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) / Ред. Г.І. Волинка и др. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010. С. 28–32.

Гавритухин И.О. Фаза «D» и черняховская культура // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. (До 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) / Ред. Г.І. Волинка и др. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010. С. 91–93.

Gavritukhin I. For the Study of the Nature of Relations between the South of the East Europe and the Central Region of the North Europe in the Late Period of Roman Influence and Great Migration Period. К изучению характера связей юга Восточной Европы и центральной части Северной Европы в поздний период римских влияний и эпоху Великого переселения народов // *Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Poman Period*. Simferopol: Vest Agder Reg. Council; Taurida Nat. Unier.; “Heritage of Mollenia”, 2010. P. 28–33.

#### **Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»**

Гавритухин И.О. Корчак // Большая Российская энциклопедия. Т. 15. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 399–400.

Гавритухин И.О. Костшевский // Большая Российская энциклопедия. Т. 15. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 485.

Гавритухин И.О. Кухаренко // Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 479.

Гавритухин И.О. Кюль-тегина стела // Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 527–528.

Гавритухин И.О. Лангобарды // Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 653.

Гавритухин И.О. Лауриак // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 72.

Гавритухин И.О. Ленковцы // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 259.

Гавритухин И.О. Ломоватовская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 774.

Гавритухин И.О., Войнаровский В.Н. Липицкая культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 552–553.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Краснодарский край. Историч. очерк (археология) // Большая Российская энциклопедия. Т. 15. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2010. С. 607–609.

#### **Редактирование**

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. 260 с.

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2010. 227 с.

#### **2011**

#### **Статьи**

Гавритухин И.О. Фибулы типа Удине-Планис // Петербургский апокриф. Послание от Марка (Библиотека Stratum) / Ред. О.В. Шаров. СПб; Кишинев: «Высшая антропологическая школа», 2011. С. 464–490.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Византийская фибула с Новосёловского городища (Краснодарский край) // *Stratum plus*. № 5. 2011. Кишинёв. С. 23–132.

Gavritukhin I. Cut Glass Beakers within the Context of Studies in the Connections between the South of Eastern Europe and Skandinavia in the Late Period of Roman Influence and the Great Migration Period // *Inter ambo maria. Contacts between Skandinavia and the Crimea in the Roman Period*. / Eds. I. Khrapunov, F.-F. Stylegar. Kristinsand; Simfiropol: “DOLYA”, 2011. P. 3 9–69.

#### **Заметка, тезисы доклада, рецензия**

Гавритухин И.О. Византийские влияния на восточноевропейские народы славянского и

тюркского круга в VI–VII вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Руса). Т. II / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М., Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 15–18.

Гавритухин И.О. Дискуссия по статье Галкина Е.С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1(9). 2011. С. 56–60, 67.

Гавритухин И.О. Рец. на: Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. 1. ... Симферополь; Керчь, 2008 // *Российская археология*. 2011. № 2. С. 177–181.

#### Статьи в энциклопедии

Вяргей В.С., Гаўрытухін І.А. Пражска культура // *Археалогія Беларусі*. Т. 2. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2011. С. 217–220.

Гавритухин И.О. Лужицкая культура // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 18. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2011. С. 102–103.

Гавритухин И.О. Лука-Райковецкая // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 18. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2011. С. 117.

Гавритухин И.О. Лявдянскі // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 18. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2011. С. 279.

Гавритухин И.О. Мазунинская культура // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 18. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2011. С. 450.

Гаўрытухін І.А. Русанава І.П. // *Археалогія Беларусі*. Т. 2. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2011. С. 262–263.

Гаўрытухін І.А. Фібула (пальчатая) // *Археалогія Беларусі*. Т. 2. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2011. С. 374–375.

Гаўрытухін І.А., Абломскі А.М. Славяне // *Археалогія Беларусі*. Т. 2. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя Петруся Броўкі, 2011. С. 299–301.

#### 2012

##### Статья

Гавритухин И.О. Фибула из Тисасентмартон // *Thesaurus avarorum* / Ed. T. Vida. Budapest: ELTE BKRI; MNM; MTA BKRI, 2012. С. 129–139.

##### Заметка, тезисы доклада

Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Предисловие // *Лесная и лесостепная зоны Восточной*

*Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3* / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2012. С. 5–8.

Gavritukhin I. Brooches of the Levice – Tokari Sub-Group. Фибулы подгруппы Левице – Токари // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Abstracts of presentations. 3–7 October 2012. Gaspra, Crimea, Ukraine. Simferopol: Vest Agder County Council, National Taurida University, “Heritage of Millennia”, Non-Profitable Foundation for History and Archaeology, 2012. P. 85–90.*

#### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Гавритухин И.О. Мартыновский клад // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 19. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2012. С. 239.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Могила // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 20. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2012. С. 565.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Могильник // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 20. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2012. С. 567.

Гавритухин И.О., Полачек Л. Миккульчицы // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 20. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2012. С. 295.

#### Редактирование

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2012. 555 с.

#### 2013

##### Статьи

Щеглова О.А., Гавритухин И.О. Раннеславянские культуры Среднего Поднепровья и локальные шкалы соседних регионов: в поисках хронологического репера // *Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья* // Ред. Е.Н. Носов. СПб.: СПбГУ, Свободный ун-т Берлина, ИИМК РАН, Эрмитаж, 2013. С. 147–158.

Gavritukhin I. Brooches of the Levice – Tokari Sub-group // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians*

from Scandinavia towards the Bleak Sea / Eds. I. Khrapunov, F.A. Stylegar (ed.). Kristiansand; Simferopol: "Dolya", 2013. P. 107–127.

#### **Заметка**

Гавритухин И.О. Предисловие // Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2013. С. 7–8.

#### **Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»**

Гавритухин И.О. Неволинская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 22. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2013. С. 255–256.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В. Монтелиус О. // Большая Российская энциклопедия. Т. 21. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2013. С. 67.

#### **Редактирование**

Воронцов А.М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Ред. И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013.

### **2014**

#### **Статьи**

Гавритухин И.О. Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосквья // Российская археология. № 4. 2014. С. 134–144.

Гавритухин И.О., Седин А.А. Фибулы с городища Никодимово // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. М., 2014. С. 118–128.

#### **Тезисы докладов**

Гавритухин И.О. Византийские вещи в культурах раннеславянского круга // Первая сербско-русская археологическая конференция / Ред. С. Трифунович. Нови-Сад: Музей Воеводины, 2014. С. 37–38.

Гавритухин И.О. Заметки о датировке раннеславянских памятников естественнонаучными методами // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: ИА АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, ИА РАН, ИАЭ СО РАН, 2014. С. 297–301.

#### **Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»**

Гавритухин И.О. Новогригорьевка // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 186–187.

Гавритухин И.О. Оппид // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 258.

Гавритухин И.О. Орвието // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 329–330.

Гавритухин И.О. Остготское королевство // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 582–583.

Гавритухин И.О. Остготы // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 583.

Гавритухин И.О. Остия // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 596–597.

Гавритухин И.О. Пастырское городище // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 431.

Гавритухин И.О. Пашковский могильник // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 492–493.

Гавритухин И.О. Пеньковская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 583–584.

Гавритухин И.О. Перещепинский клад // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 676–677.

Гавритухин И.О. Петроаса // Большая российская энциклопедия. 2014. Т. 26. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 98.

Гавритухин И.О. Поморская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 27. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 106–107.

Гавритухин И.О. Попина // Большая Российская энциклопедия. Т. 27. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 137.

Гавритухин И.О. Пражская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 27. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 375–376.

Гавритухин И.О. Территория Польши в древности и начале Средневековья // Большая Российская энциклопедия. Т. 27. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 36–37.

Гавритухин И.О., Григорьев А.В. Новотроицкое городище // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 236.

Гавритухин И.О., Дзанев Г. Никополис-ад-Иструм // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 28–29.

Гавритухин И.О., Дзанев Г. Никополь // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 29.

Гавритухин И.О., Кызласов И.Л. Плетнёва Светлана Александровна // Большая российская энциклопедия. 2014. Т. 26. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 410–411.

Гавритухин И.О., Терпиловский Р.В. Оксывская культура. // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 49–50.

Гавритухин И.О., Трифунович С. Паннония // Большая Российская энциклопедия. Т. 25. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 225.

Гавритухин И.О., Шувалов П.В. Нуманция // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 385–386.

Гавритухин И.О., Шувалов П.В. Одоакр // Большая Российская энциклопедия. Т. 23. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2014. С. 706.

## 2015

### Статьи, главы в коллективной монографии

Елинкова Д., Гавритухин И.О. Любор Нидерле (1865–1944) // *Stratum plus*. № 5. 2015. С. 27–34.

Гавритухин И.О. Глава 9. Фибулы подгруппы Левице – Токари в Подонье // *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 202–211, 403, 573, 616–618.*

Гавритухин И.О. Глава 10. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240, 403, 404, 407, 420, 443, 459, 466, 469, 544, 570–574.*

Гавритухин И.О. Глава 12. Стекланный сосуд с синими налепами из Ксизово // *Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 270–273, 452, 646.*

Гавритухин И.О. Дунайский «страт» раннеславянской археологии // *Stratum plus*. № 5. 2015. С. 17–26.

Гавритухин И.О. Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велигож // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 80–102.*

### Заметка, тезисы доклада

Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Предисловие // *Лесная и лесостепная полоса Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М., Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 5–8.*

Гавритухин И.О. Проблемы исследования социальной стратификации славян V–VII вв. по материалам пражской культуры // *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г. / Ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 22–23.*

### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Гавритухин И.О. Пшеворская культура // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 28. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 65.

Гавритухин И.О. Рашков // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 28. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 276.

Гавритухин И.О. Ретра // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 28. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 435.

Гавритухин И.О. Румыния. Территория Румынии до 9 в. После римского завоевания // *Большая Российская энциклопедия*. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 9.



Гавритухин И.О. Русанова И.П. // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 42.

Гавритухин И.О. Саксы // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 224.

Гавритухин И.О. Салин Б. // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 234.

Гавритухин И.О. Салона // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 241.

Гавритухин И.О. Сармизегетуса // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 442.

Гавритухин И.О. Сахновка // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 495–496.

Гавритухин И.О. Сирия от завоеваний Александра Македонского до Арабских завоеваний // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 276, 281.

Гавритухин И.О. Сирмий // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 289–290.

Гавритухин И.О. Славяне. Происхождение и история // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 388–389.

Гавритухин И.О. Славяноведение. Археология // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 390–392.

Гавритухин И.О. Словакия. История до 10 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 411–412, 415.

Гавритухин И.О. Словения. Исторический очерк. До 9 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 430–431, 433.

Гавритухин И.О., Демиденко С.В., Кульчар В. Сарматы // Большая Российская энциклопедия. Т. 29. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 441–442.

Гавритухин И.О., Круглов Е.В. Соколово // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 635.

Гавритухин И.О., Шувалов П.В. Склавини // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 347.

Гавритухин И.О., Янкович. Д. Сербия. Исторический очерк. Археология, история до 16 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2015. С. 44–46, 53–54.

### Редактирование

Лесная и лесостепная полоса Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М., Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 311 с.

Stratum plus. № 5. 2015. / Ред. Р.А. Рабинович, И.О. Гавритухин. 360 с.

### 2016

### Статья

Гавритухин И. Пряжки типа Сиракузы на Восточно-Европейской (Русской) равнине // *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznaczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego* / Eds. B. Chudzińska, M. Wojenka, M. Wołoszyn. Kraków; Rzeszów: Uniwersytet Rzeszowski. С. 151–169.

### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Гавритухин И.О. Суков – Дзедзицы // Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 406.

Гавритухин И.О. Сэрата-Монтеору // Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 513.

Гавритухин И.О. Третьяков П.Н. // Большая Российская энциклопедия. Т. 32. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 375.

Гавритухин И.О. Украина. Изобразительное искусство. До 9 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 32. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 750–751, 753.

Гавритухин И.О. Унтерзибенбрунн // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 47.

Гавритухин И.О. Фативижский клад // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 209.

Гавритухин И.О. Фибула // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 300.

Гавритухин И.О. Харьевский клад // Большая Российская энциклопедия. Т. 33. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 778.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Тихонов И.Л. Спицын А.А. // Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 83.

Гавритухин И.О., Сеница Е.В. Украина. Исторический очерк. Территория современной Украины до 9 в. н.э. // Большая Российская энциклопедия. Т. 32. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2016. С. 736–737, 743.

## 2017

### Статья

Gavritukhin I. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // *Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám*. Brno: Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: MuniPress, 2017. P. 83–109.

### Тезисы доклада

Гавритухин И.О. Гуннская «держава» и лесостепная зона Восточной Европы // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / Ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017. 2 стр. без нумерации.

### Статьи в «Большую Российскую энциклопедию»

Гавритухин И.О. Хорватия. Исторический очерк. Территория Хорватии до образования славянских государств // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 153–154, 156.

Гавритухин И.О. Цебельда // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 265–266.

Гавритухин И.О. Цебельдинская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 266.

Гавритухин И.О. Черняховская культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 498.

Гавритухин И.О. Чехия. Исторический очерк. Территория Чешской республики до 8 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 519–520, 523.

Гавритухин И.О. Швейцария. Исторический очерк. Древнейший период // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 735–736, 738.

Гавритухин И.О. Швейцария. Исторический очерк. Римский период // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 736, 738.

Гавритухин И.О. Шимлеул-Сильваней // Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 31.

Гавритухин И.О. Шипово // Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 35–36.

Гавритухин И.О. Якушовице // Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 688.

Гавритухин И.О., Егорейченко А.А. Штрихованной керамики культура // Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 131–132.

Гавритухин И.О., Иванишевич В. Царичинград // Большая Российская энциклопедия. Т. 34. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 248–249.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В. Эстония. Исторический очерк. Территория современной Эстонии до нач. 13 в. // Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2017. С. 464–465, 468.

## 2018

### Статьи

Гавритухин И.О. К атрибуции славянских памятников V–VII веков на Южном Буге // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Вып. 19). / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН, 2018. С. 51–62.

Гавритухин И.О. Пальчатая фибула потисского круга из Юго-Западной России // *Relationes rerum: Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai. Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology. Vol. 10)* / Ed. A. Korom. Budapest: Budapesti Történeti Múzeum; Pázmány Péter Katolikus Egyetem Régészettudományi Intézet, 2018. С. 461–488.

Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Узкие ременные наконечники со щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Евро-

пы // *Studia barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et al. Lublin: UMCS, 2018. С. 592–617.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. О времени появления славян на территории Молдовы // *Древности, Исследования. Проблемы: Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова* (Библиотека "Stratum") / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь: Приднестровский Гос. университет; Н.и. лаб. «Археология»; Высшая антропологич. школа, 2018. С. 333–354.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 2018. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронез // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. XXIII. С. 135–206.

Gavritukhin I. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. (Archäologie in Eurasien, Bd. 36). Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

Gavritukhin I. Glass vessels // Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. (Archäologie in Eurasien, Bd. 36). Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P. 97–98, 217–236, 275, 309, 363, pl. 5.

Gavritukhin I., Radiush O. A Polychrome Brooch from Konevo and Its Context // *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag*. Band 1 (Monographien des RGZM, 150-1) / Eds. J. Drauschke et al. Mainz: Römisch–Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 137–160.

#### Тезисы доклада

Гавритухин И.О., Кадиева А.А., Торгоев А.И. Кавказские подражания пряжкам типа Митилена // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье*. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. университет; ИА РАН; РИО, 2018. С. 303–306.

2019

#### Статьи

Гавритухин И.О. К изучению ранневизантийских цельнолитых фибул из района Железных ворот // *Балкан, Подунавье и Источна Европа у римско доба и у раном Средњем веку – Балканы, Подунавье и Восточная Европа в римское время и в раннем Средневековье*. Материалы I Сербско-Российской конференции «Судьбы народов Восточной и Южной Европы – взгляд через века» (20–26 мая 2014 г., Нови-Сад, Белград) / Ред. И.О. Гавритухин, С. Трифуновић. Нови Сад: Музеј Војводине; ИА РАН, 2019. С. 383–406.

Гавритухин И.О. Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2019. С. 295–353.

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // *Поволжская археология*. № 3 (29). 2019. С. 170–189.

#### Заметки, тезисы докладов

Воронцов А.М., Гавритухин И.О. От редакторов // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2019. С. 5–6.

Гавритухин И.О. И.П. Русанова (1929–1998) // *Институт археологии РАН: 100 лет истории* / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 282–284.

Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы в контексте контактов культур Подунавья и Днепро-Донской лесостепи // *III Российско-сербская археологическая конференция «От Дуная до Волги: взаимодействие и трансформация культур в 1 тыс. н.э.* (Нови-Сад – Белград, 7–14 октября 2019 года). Программа с тезисами. Ред. С. Трифунович. Нови-Сад; Белград: Музей Воеводины; Народный музей в Белграде. С. 54.

Гавритухин И.О., Кузьминых С.В., Лопатин Н.В. Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия) // *Институт археологии РАН: 100 лет истории* / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 196–199.

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В. Свод археологических источников (книжная серия) // Институт археологии РАН: 100 лет истории / Ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 200–203.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Языков С.В. Некоторые перспективы изучения материалов могильника римского времени Фронтное 3 // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории: Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 / Ред. Д.А. Костромичев. Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2019. С. 67–70.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Языков С.В. Первые результаты изучения могильника римского времени «Фронтное 3» // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» 6–8 июня 2019 г., г. Севастополь. Материалы конференции. Том 1 / Ред. А.Д. Васильев и др. М.: Пробел-2000. С. 65–69, рис. 1–2 на цв. вклейке.

Гавритухин И.О., Трифуновић С. Од уредника – От редакторов // Балкан, Подунавље и Источна Европа у римско доба и у раном Средњем

веку – Балканы, Подунавље и Восточная Европа в римское время и в раннем Средневековье. Материалы I Сербско-Российской конференции «Судьбы народов Восточной и Южной Европы – взгляд через века» (20–26 мая 2014 г., Нови-Сад, Белград) / Ред. И.О. Гавритухин, С. Трифуновић (ур.). Нови Сад: Музеј Војводине; ИА РАН, 2019. С. 17–20.

#### Редактирование

Балкан, Подунавље и Источна Европа у римско доба и у раном Средњем веку – Балканы, Подунавље и Восточная Европа в римское время и в раннем Средневековье. Материалы I Сербско-Российской конференции «Судьбы народов Восточной и Южной Европы – взгляд через века» (20–26 мая 2014 г., Нови-Сад, Белград). / Ред. И.О. Гавритухин, С. Трифуновић. Нови-Сад: Музеј Војводине; ИА РАН, 2019. 476 стр.

Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2. / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»; ИА РАН, 2019. 366 с.



## Часть 1

# История вещей и ремесел

## Новые комплексы с пряжкой типа «Сиракузы» из могильника у с. Лучистое

А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова (Симферополь)

В VII в. у жителей Херсона и Боспора, а также у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма особой популярностью пользовались небольшие византийские пряжки типа «Сиракузы». В работе публикуются две новые находки этих пряжек из закрытых комплексов, происходящих с северо-западного участка могильника у с. Лучистое. Для датировки пряжек типа «Сиракузы» показательны находки и стратиграфия захоронений в публикуемом склепе 305. Мужское захоронение с названной пряжкой перекрывало женское погребение с орлиноголовой пряжкой южнобережного типа конца VI – первой четверти VII в. Это еще раз подтверждает сделанный ранее нами вывод о появлении пряжек типа «Сиракузы» в первой четверти VII в. Публикуемые захоронения принадлежали молодым мужчинам 20-22 и 25 лет. Скорее всего, пряжками застегивался поясной ремень, к которому слева подвешивались нож и специальная сумочка для кресала с кремнями и шила.

*Ключевые слова:* Юго-Западный Крым, могильник у села Лучистое, пряжки типа «Сиракузы», мужской костюм.

Судя по многочисленным находкам, в VII в. у жителей Херсона и Боспора, а также у гото-аланского населения Юго-Западного Крыма особой популярностью пользовались небольшие византийские пряжки типа «Сиракузы», целиком отлитые из бронзы с овальным щитком, украшенным полупальметтами или стилизованным изображением листьев аканта (Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2, 122; 42, 6, 7; Хайрединова, 2016, с. 242–265). Игорь Олегович Гавритухин составил наиболее полный на сегодняшний день свод найденных в Крыму пря-

жек типа «Сиракузы» (Гавритухин, 2019). Нам бы хотелось внести свой скромный вклад в этот поистине титанический труд, дополнив его двумя новыми находками из закрытых комплексов, происходящих с северо-западного участка могильника у с. Лучистое.

**Могила 199** открыта в 2002 г. на глубине 1,2 м от современной поверхности (рис. 1). Прямоугольная в плане, с закругленными углами могила (длина 2,1 м; ширина 0,78 м) ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. Южный борт могилы разрушен гра-

бительской ямой, остальные борта прослежены на высоту 0,1-0,15 м. На дне могилы зачищен костяк мужчины 20-22 лет<sup>1</sup>, захороненного вытянуто на спине, головой на юго-запад, с повернутым на север лицом, с вытянутыми вдоль туловища руками. Кисть правой руки была уложена на правое бедро. Около левого плечевого сустава и под лицевой частью черепа прослежены древесные угольки (рис. 1: I, 8). В захоронении найдены: около левой тазовой кости – железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой (длина 19,9 см; рис. 1: 4); около левого тазобедренного сустава – бронзовая пряжка типа «Сиракузы» (длина 4,9 см; ширина кольца 3,2 см; рис. 1: 1); под костями левой кисти – железное кресало в виде прямоугольной пластины (размеры 2,6 × 6,4 см; рис. 1: 6), два кремня (размеры 2,1 × 2,4 и 2,2 × 3,4 см; рис. 1: 5), железное шило из прямоугольного в сечении стержня со скрученным в виде кольца концом и уплощенной и заостренной рабочей частью (длина 11,5 см; рис. 1: 2), а также фрагменты железных однолезвийного ножа с прямой спинкой (длина 4,5 см; рис. 1: 3) и прямоугольного в сечении стержня (длина 2,4 см; рис. 1: 3); около левого коленного сустава – фрагмент стенки гончарного коричневоглиняного сосуда (размеры 2,4 × 3,3 см; рис. 1: I, 7).

**Склеп 305** найден в 2018 г. на глубине 2,0-2,5 м от дневной поверхности (рис. 2-5). Дромос склепа разрушен оползнем. Овальная в плане камера ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад, ее длина – 2,3 м, ширина 1,55 м. Пол камеры разрушен несколькими трещинами, пролеглими по склону холма, с востока на запад. Отдельные участки пола просели на 0,07-0,13 м. Камера заполнена грунтом рухнувшего свода. Юго-западная часть камеры склепа разрушена грабительской ямой, почти круглой в плане, размером 1,8 × 1,9 м. В ее заполнении найдены разрозненные кости от скелетов двух взрослых и одного ребенка 7-8 лет, а также лежавшие на глубине 1,88 м и 2,12 м от современной поверхности два бронзовых браслета из сегментовидного в сечении стержня с уплощенными концами (размеры 4,6 × 5,2 см и 5,1 × 5,2 см; рис. 4: 1, 2).

<sup>1</sup> Исследования антропологического материала выполнены В.Ю. Радочиным, научным сотрудником Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

В склепе выявлено два слоя с пятью захоронениями. В слое 1 по центру склепа зачищено погребение № 1 мужчины 25 лет, захороненного вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 2: I). Сохранность костяка плохая: череп раздавлен, кости грудной клетки и таза полностью истлели, остальные кости прослежены по тлену или по небольшим фрагментам. В погребении № 1 найдены: на правом тазобедренном суставе – бронзовая пряжка типа «Сиракузы» (длина 5,0 см; ширина кольца 3,3 см; рис. 2: 2; 5: 1), между бедренными костями – фрагментированная железная пряжка с трапецевидной рамкой из овального в сечении стержня (длина 4,4 см; ширина 4,0 см; рис. 2: 1), в области левого предплечья – железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой и остатками деревянной рукоятки на черенке (длина 17,3 см; рис. 2: 7), три фрагмента аналогичного железного ножа (длина 4,3, 5,7 и 7,4 см; рис. 2: 8), обломки железного шила из прямоугольного стержня со скрученным в виде кольца концом и уплощенной и заостренной рабочей частью (длина 3,5, 3,7 и 6,7 см; рис. 2: 5), обломок железного квадратного в сечении стержня с остатками дерева (длина 4,1 см; рис. 2: 6), фрагмент кожаного изделия (размеры 1,9 × 2,5 см; рис. 2: 9), на левом тазобедренном суставе – железное кресало в виде узкой прямоугольной пластины (размеры 2,0 × 6,2 см; рис. 2: 4) и два кремня (размеры 2,5 × 3,0 и 3,5 × 3,7 см; рис. 2: 3).

После удаления остатков погребения № 1 и 0,12-0,2 метровой прослойки темной земли, на полу камеры склепа зачищены относящиеся к слою 2 погребения двух взрослых (№№ 2, 5) и двух детей 5-6 лет (№ 3) и 9-10 лет (№ 4), похороненных вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 3: II). Все костяки плохой сохранности и прослежены, в основном, по костному тлену. За черепом скелета № 5 и вдоль костей левой ноги скелета № 3 отмечен темно-коричневый органический тлен (рис. 3: II, 12). Погребение № 3 – безынвентарное.

Справа от черепа костяка № 2 стояла раздавленная гончарная светло-глиняная, одноручная кружка с высоким, прямым слегка отогнутым венчиком с плоскосрезанным верхним краем, с вытянуто-сферическим туловом и плоским дном. Вертикальная петлевидная овальная в сечении ручка прикреплена по центру венчика и в месте максимального расширения тулова (высота 10,9 см; диаметр венчика 8,5 см, дна – 5,4 см; рис. 3: II, 9; 5: 3). В захоронении № 2 найдены:

около правой височной кости – бронзовая серьга в виде проволочного кольца с сомкнутыми заостренными концами, к которому на проволочной петельке подвешена литая сферическая бусина с 4 фигурными выступами (длина 3,5 см; рис. 3: II, 7; 4: 9) в области шеи – ожерелье из стеклянных и янтарных бусин (рис. 3: II, 8; 4: 3–7), на тазовых костях – большая серебряная орлиноголовая пряжка (рис. 3: II, 11; 4: 8; 5: 2), вдоль левой локтевой кости – железный однолезвийный черешковый нож с прямой спинкой и остатками дерева на черенке (длина 7,6 см; рис. 4: 10).

В состав ожерелья входили: шаровидная, поперечно-сжатая бусина из темно-синего глухого стекла (диаметр 0,7 см; рис. 4: 5), коротко-цилиндрическая бусина из желтого глухого стекла (длина 0,2 см; рис. 4: 4), шаровидная бусина из темно-синего глухого стекла, украшенная накладными пятнышками красного глухого стекла (диаметр 1,2 см; рис. 4: 7), бочковидная мозаичная бусина с поперечными полосами красного глухого стекла вокруг каналов отверстия, ядро которой спаяно из чередующихся 4 заготовок: двух – из темно-синего глухого стекла с глазком из белого и красного глухого стекла, двух – из зеленого полупрозрачного стекла с желтым восьмилестником (длина 1,2 см; рис. 4: 6) и 21 бочковидная уплощенная бусина из янтаря с двусторонним сверлением канала отверстия (длина 0,7–1,7 см; рис. 4: 3).

Орлиноголовая пряжка из погребения № 2 сделана с овальной пластинчатой рамкой, полым граненым язычком с зооморфным выступом в тыльной части и прямоугольным щитком с выступом в виде головы орла на завершении (рис. 4: 8; 5: 2). По центру щитка укреплено прямоугольное гнездо с плоской вставкой из красного полупрозрачного стекла; на рамке, боковых сторонах язычка, по углам щитка и на орлиноголовом выступе напаяно 10 цилиндрических гнезд с выпуклыми вставками из красного полупрозрачного стекла. По контуру щитка пряжка декорирована врезными завитками, на поверхности рамки – рядом S-видных завитков, на орлиноголовом выступе – треугольниками, заполненными врезными параллельными линиями. Нижняя пластина щитка укреплена четырьмя узкими бронзовыми пластинами. Длина пряжки – 16,0 см; ширина рамки – 6,5 см; длина держателя рамки – 1,7 см. По длине держателя рамки она относится ко 2-му варианту орлиноголовых пряжек южнобережного типа, бытовавших в Юго-Западном Крыму в конце VI – первой четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 21, рис. 12: II).

В погребении № 4 обнаружены: среди костей черепа – янтарная бочковидная уплощенная бусина (длина 1,0 см; рис. 3: 1), в области живота – овальная, вытянутая в ширину рамка железной пряжки из овального в сечении стержня (длина 1,7 см; ширина 2,2 см; рис. 3: 2), на костях левого предплечья – бронзовый браслет из овального в сечении стержня с сомкнутыми концами, один из которых расплюснут штампом с рельефным орнаментом, второй – обломан (размеры 4,2 × 4,8 см; рис. 3: 3). В захоронении № 5, в области пояса, лежали пять фрагментов рамки железной пряжки из круглого в сечении стержня (длина 2,8–4,2 см; рис. 3: 6), кремь (размеры 2,5 × 3,6 см; рис. 3: 5) и 14-гранная бусина из темно-синего глухого стекла (длина 1,1 см; рис. 3: 4).

Публикуемые пряжки типа «Сиракузы» отлиты с овальной, граненой рамкой и овальным, вытянутым в длину щитком с небольшим прямоугольным выступом на завершении. Они представлены двумя вариантами, различающимися декором щитка. К варианту 1 отнесена пряжка из склепа 305 (рис. 2: 2), на прилегающей к рамке части щитка которой изображены листья на изогнутых стеблях, соединяющихся в центральном поле щитка. Вдоль краев щитка вырезаны стебли, завершающиеся двумя крупными листьями, расположенными зеркально друг другу. На передней стороне рамки прорезаны небольшие кружки. У пряжки варианта 2 из могилы 199 (рис. 1: 1) в центре щитка, между листьями аканта, изображен стилизованный цветок или завязь цветка, а на пространстве около язычка и рамки размещены треугольники и кружки с точкой в центре. Как было показано ранее одним из авторов, пряжки типа «Сиракузы» вариантов 1 и 2 бытовали одновременно на протяжении VII в. и имели общий ареал. При этом застежки варианта 1 являются более распространенной находкой (Хайрединова, 2016, с. 243–247). Помимо публикуемой пряжки варианта 1 из склепа 305 к составленному И.О. Гавритухиным своду происходящих из Крыма однотипных предметов следует добавить случайную находку фрагментированной пряжки типа «Сиракузы» на территории Судакской крепости (Захаров, 2018, с. 101, № 47).

Для датировки пряжек типа «Сиракузы» показательны находки и стратиграфия захоронений в публикуемом склепе 305. Мужское захоронение № 1 с названной пряжкой перекрывало женское погребение № 2 с орлиноголовой пряжкой южнобережного типа конца VI – первой чет-

верти VII вв. (рис. 2: I, 1; 3: II, 11; 4: 8). Напомним, что в могильнике у с. Лучистое в склепах с многослойными захоронениями самые ранние пряжки варианта 1 зачищены в склепах 38 и 113, в слоях с погребениями, содержавших орлиноголовые пряжки 2-го варианта конца VI – первой четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 37, рис. 19: 11, 17; табл. 127: 15). В склепе 43, использовавшимся на протяжении всего VII в., выявлено три слоя с остатками десяти захоронений. Пряжки варианта 1 лежали на костяках нижнего слоя, с инвентарем первой половины VII в. и в погребениях верхнего слоя последней четверти VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 10–12, рис. 1: 12–14, 24, 26, 27; табл. 2: 13, 15, 16; 4: 17, 18, 22). В склепе 54 в конце VI – VIII вв. похоронены двадцать два человека, чьи тела уложили в четыре слоя. Здесь интересные нас пряжки были выявлены в погребениях третьего слоя с инвентарем первой четверти – середины VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 16–20, рис. 3: 16, 23, 37; табл. 49: 4, 19, 37, 39). Самая ранняя пряжка типа «Сиракузы» варианта 2 найдена в склепе 154, в погребении 2 с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв. (Айбабин, 1990, с. 33–34, рис. 2: 90; 30: 2; 31: 1; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 21, рис. 12: 21] и с двумя днепровскими фибулами – пальчатой I-го типа и с бордюром из птичьих голов III-го типа, появившимися в регионе в начале VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 21, 29, рис. 12: 23, 24). В склепе 154 погребение 2 перекрывало женское захоронение 6 с однотипной орлиноголовой пряжкой 2-го вари-

анта. Поскольку интересующее нас погребение 2 совершено позже, то и датировать его следует поздним периодом бытования орлиноголовых пряжек 2-го варианта – то есть первой четвертью VII в. Это еще раз подтверждает сделанный ранее нами вывод о появлении пряжек типа «Сиракузы» в первой четверти VII в.

Пряжки типа «Сиракузы» были универсальными застежками – их носили и мужчины, и женщины, и дети (Хайрединова, 2016, с. 249–251). Пряжки типа «Сиракузы» вариантов 1 и 2 предназначались для ремня шириной 2,1–2,4 см. На ремне они крепились при помощи двух пластинчатых петель, припаянных на обороте щитка. В петли вставлялся бронзовый, деревянный или железный стержень. Деревянный стержень длиной 1,5 см полностью сохранился в петлях пряжки из склепа 305 (рис. 5 на с. 274: 1). Публикуемые захоронения с пряжкой типа «Сиракузы» принадлежали молодым мужчинам 20–22 и 25 лет. Скорее всего, этими пряжками застегивался поясной ремень, к которому слева подвешивались нож и специальная сумочка для специфических «мужских» предметов: кресала с кремниями, шила с кольцом на завершении рукояти и обломков железных пластин и стержней (рис. 1: 2, 3, 5, 6; 2: 3–6). Остатки двух кожаных лоскутков от такой сумочки, сшитых стачным швом, выявлены в погребении № 1 из склепа 305 (рис. 2: 9). Отметим, что наборы из двух погребений близки по составу и по форме названных изделий и характерны для мужских погребений VII в. из Юго-Западного Крыма (Khaïrédinova 2007, p. 33, fig. 6: 21, 24, 30, 32).

## Литература

**Айбабин А.И., 1990.** Хронология могильников Крыма позднеантичного и ранне-средневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. I. С. 3–86.

**Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008.** Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.) (Боспорские исследования. Supplementum 4). Симферополь – Керчь: Адеф-Украина. 336 с.

**Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2014.** Могильник у с. Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. (Боспорские исследования. Supplementum 14).

Симферополь – Керчь: ТОВ «Майстер Книг». 400 с.

**Гавритухин И.О. 2019.** Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 295–353.

**Захаров В.А. 2018.** Археологические разведки в 2016–2017 годах на территории объекта культурного наследия федерального значения Комплекс сооружений Судакской кре-

пости VI–XVIII вв. (XIV–XV вв.). Симферополь: «Н. Оріанда». 112 с.

**Хайрединова Э.А. 2016.** Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. С. 242–265.

**Khairédinova E. 2007.** Le costume des barbares aux cinfins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople / Eds. A. Aibabin, Hl. Ivakin. Kiev, Simferopol, Paris: ACHCbyz. P. 11–44.

### Summary

#### **New complexes with a buckle of "Syracuse" type from the burial ground near the the village of Luchistoe**

**A.I. Aibabin, E.A. Khayredinova**

In the seventh century small Byzantine buckles of the "Syracuse" type were particularly popular among the inhabitants of Cherson and Bosphorus, as well as among the Gothic-Alanian population of the South-Western Crimea. The paper represents two new findings of such buckles from closed complexes originating from the north-western section of the burial ground near the village of Luchistoe. For dating the buckles of the "Syracuse" type, the findings and stratigraphy of the burials in published crypt 305 are indicative. A male burial with the buckle overlapped a female burial with an eagle-headed buckle of the south-bank type of the end of the VI – first quarter of the VII century. That once again confirms our earlier conclusion about the appearance of "Syracuse" type buckles in the first quarter of the seventh century. The published burials belonged to young men of 20-22 and 25 years old. Most likely, the buckles fastened the waist belt, to which a knife and a special bag for a steel with flints and awl were hung up on the left.

*Keywords:* South-Western Crimea, burial ground near the village of Luchistoe, buckle of "Syracuse" type, man's suit.



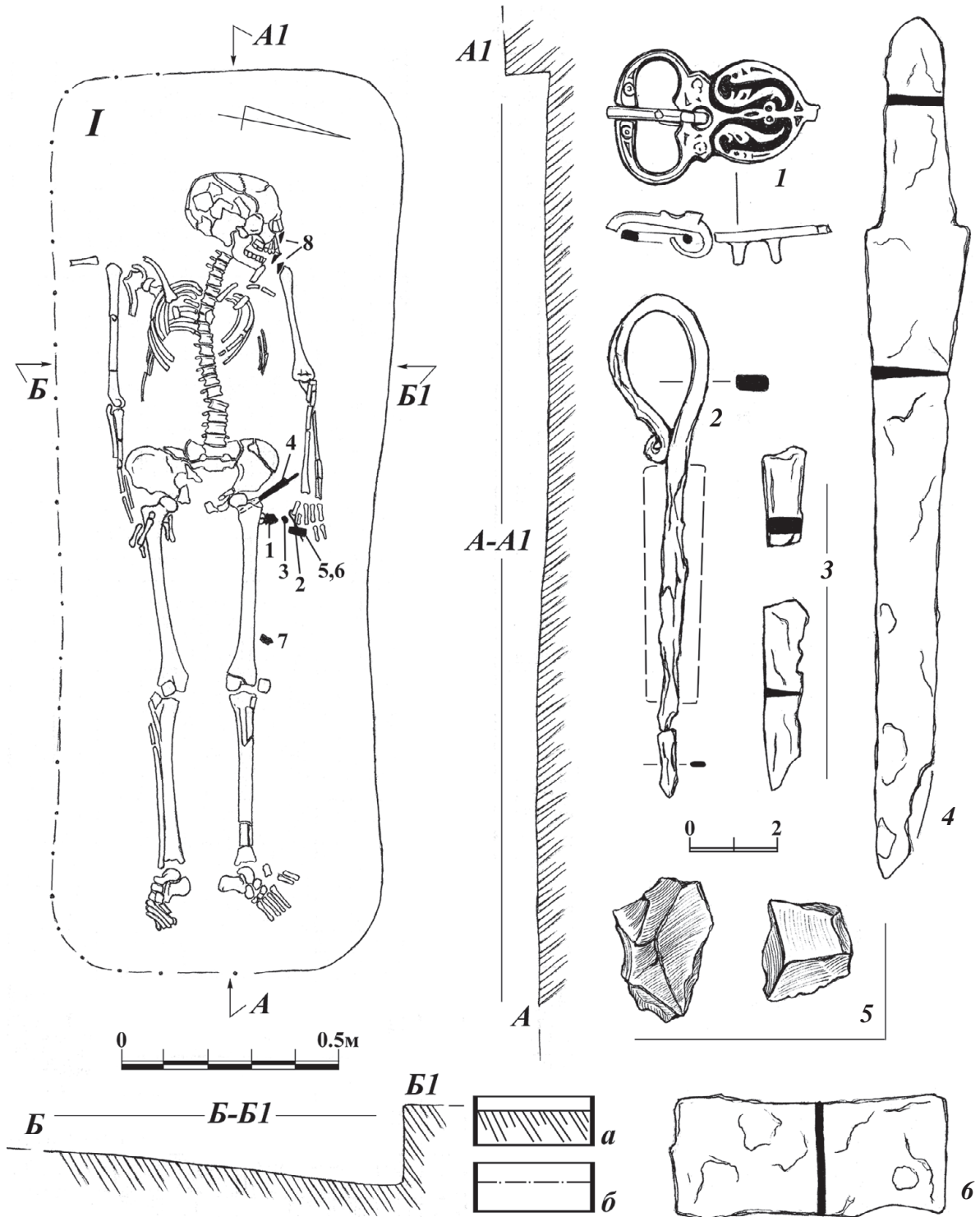
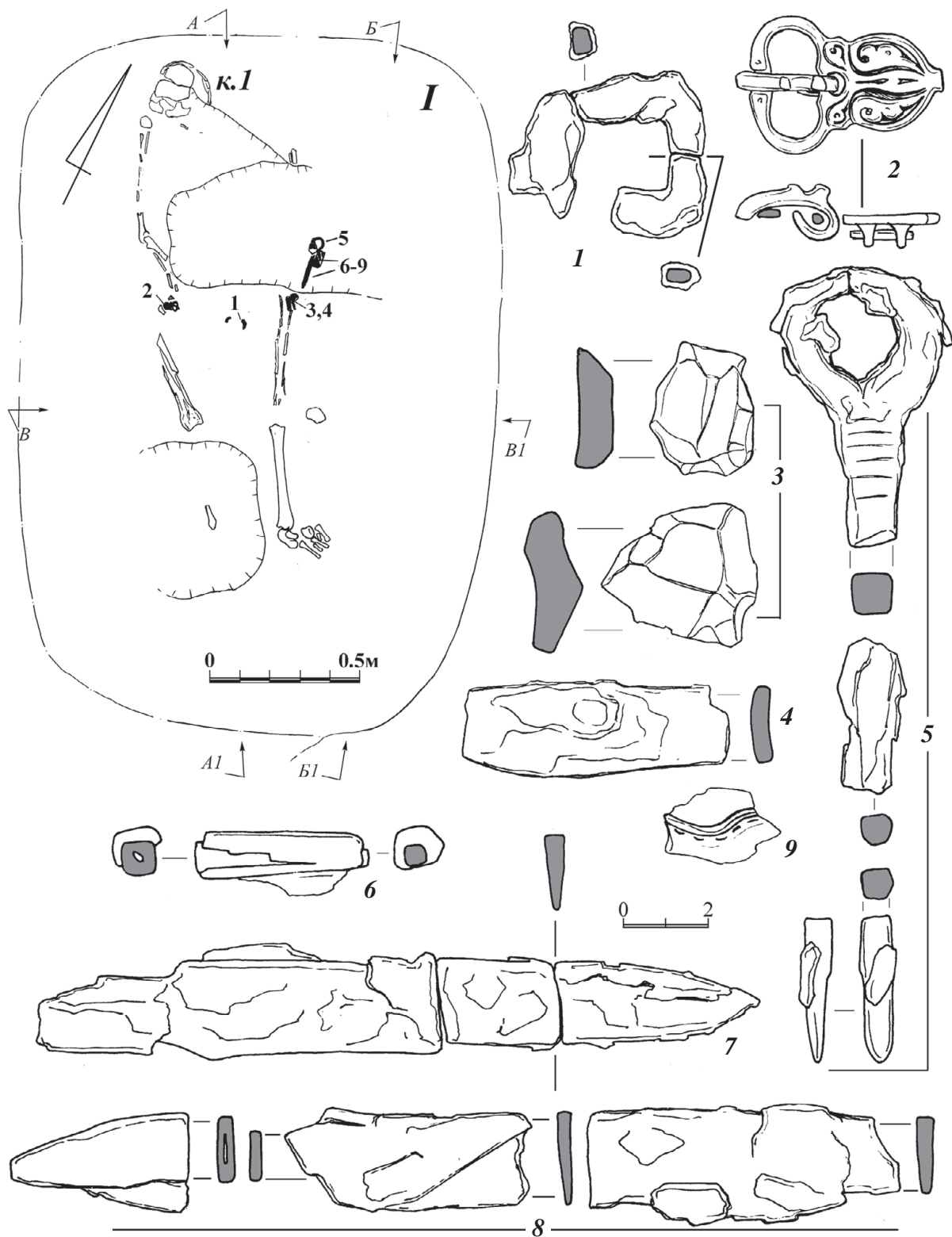


Рис. 1. Могильник у с. Лучистое, могила 199.

I – план могилы; а – темный глинистый грунт; б – разрушенные борты могилы; 1–7 – находки из погребения (1 – бронзовая пряжка типа «Сиракузы»; 2 – железное шило; 3 – фрагменты железных изделий; 4 – железный нож; 5 – кремни; 6 – железное кресало; 7 – фрагмент стенки гончарного сосуда).



**Рис. 2.** Могильник у с. Лучистое, склеп 305, мужское захоронение № 1 из слоя 1.

I – план захоронения; 1–9 – находки из захоронения (1 – рамка железной пряжки; 2 – бронзовая пряжка типа «Сиракузы»; 3 – кремни; 4 – железное кресало; 5 – железное шило; 6 – фрагмент железного стержня; 7, 8 – железные ножи; 9 – фрагмент кожаной сумочки).

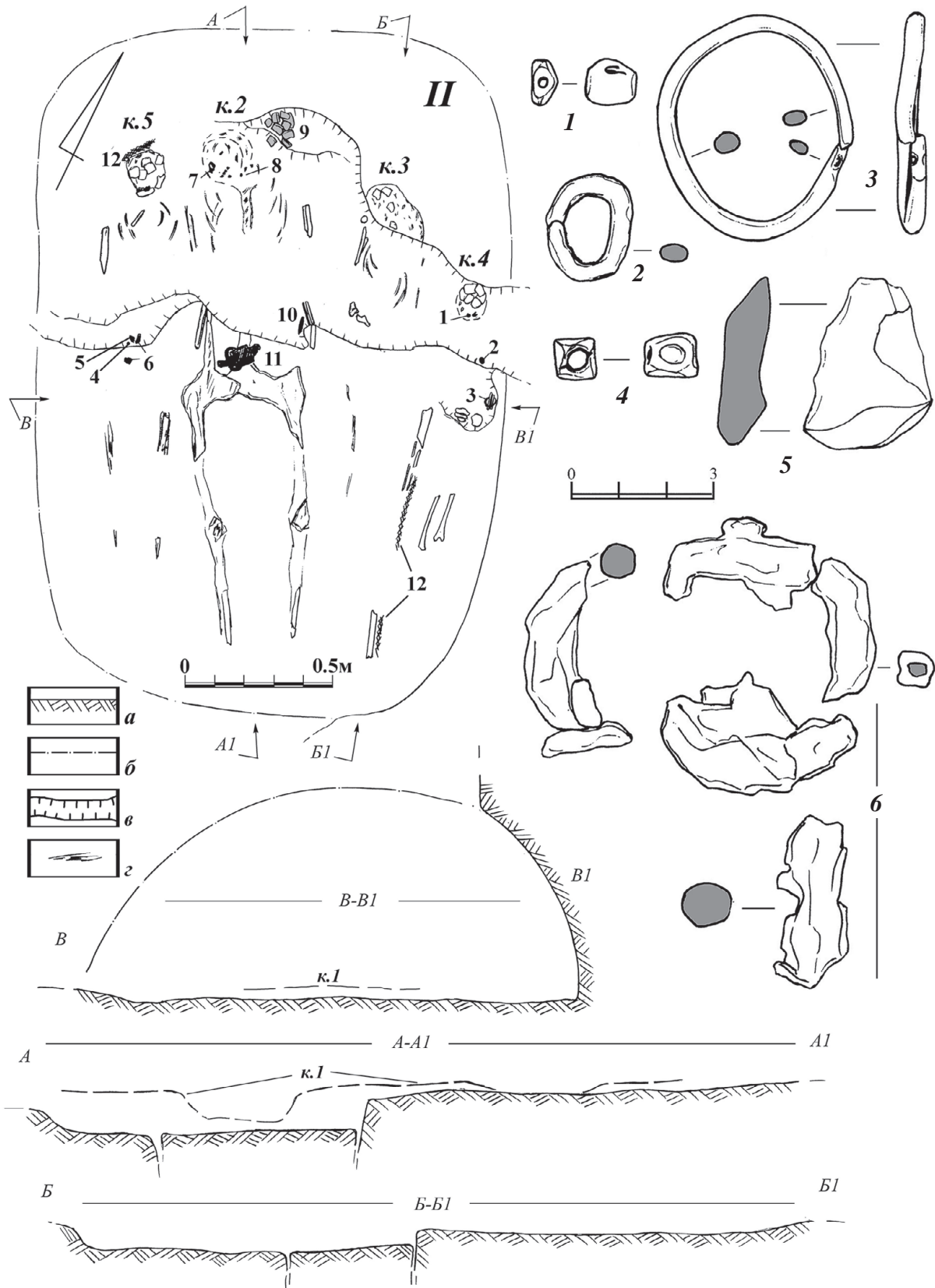
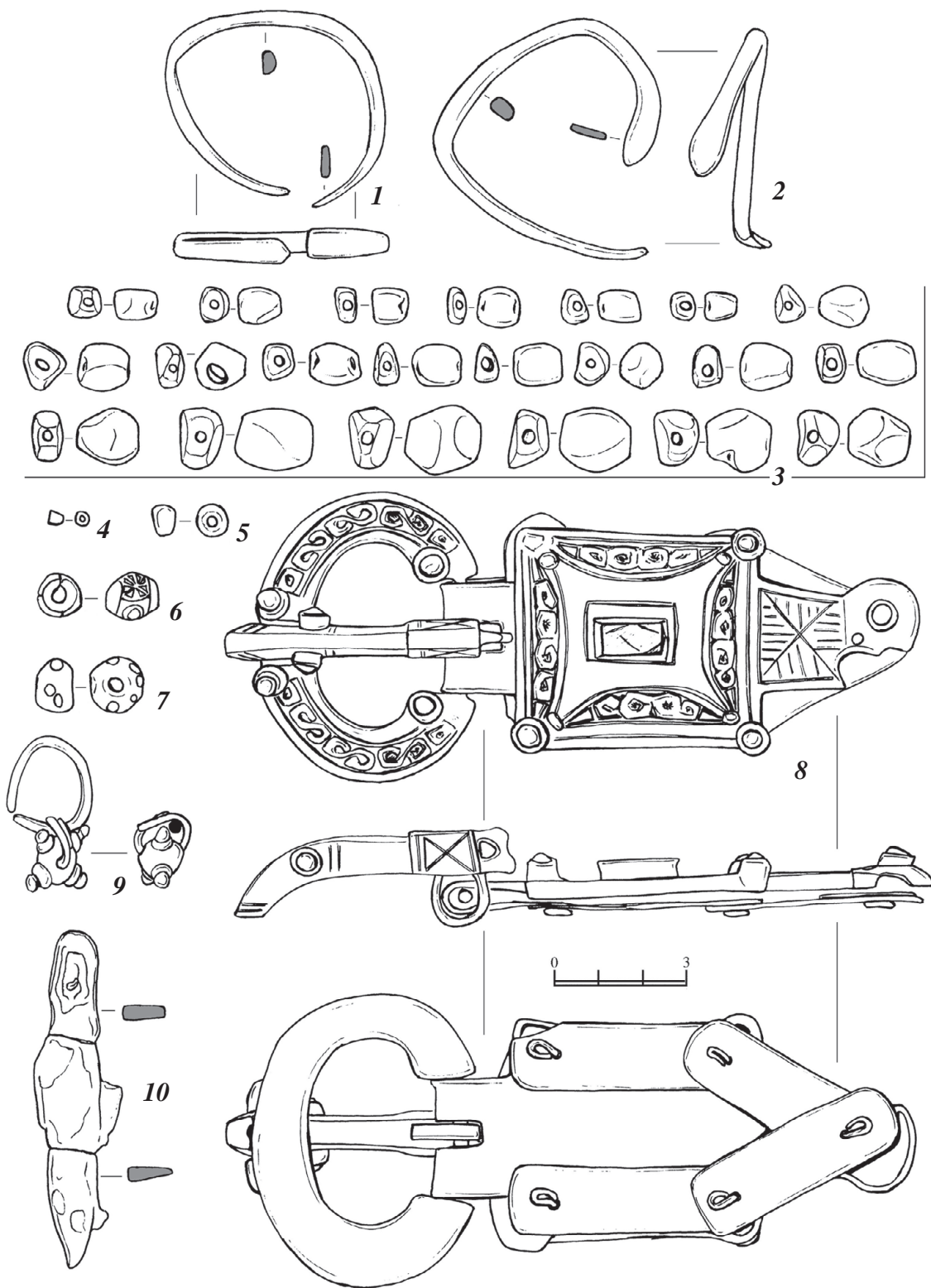


Рис. 3. Могильник у с. Лучистое, склеп 305, погребения слоя 2.

II – план погребений слоя 2 и разрезы к плану; а – материк; б – разрушенные стенки камеры склепа; в – трещины; г – костный тлен; 1–3 – находки из захоронения № 4 (1 – бусина янтарная; 2 – рамка железной пряжки; 3 – бронзовый браслет); 4–6 – находки из захоронения № 5 (4 – бусина стеклянная; 5 – кремень; 6 – фрагменты железной пряжки).





**Рис. 4.** Могильник у с. Лучистое, склеп 305, находки из грабительской ямы (1, 2) и инвентарь погребения № 2 (3–8).

1, 2 – бронзовые браслеты; 3 – янтарные бусы; 4–7 – стеклянные бусы; 8 – серебряная орлиноголовая пряжка; 9 – бронзовая серьга; 10 – железный нож.

# Фibuлы «AVCISSA» в Посурье и Поочье

И.Р. Ахмедов (Санкт-Петербург)

Статья посвящена находкам фибул-«авцисс» в бассейнах рек Оки и Суры. Публикуются новые рисунки старых находок из погребений Андреевского кургана и Троицкого городища, а также новые находки из могильника Городище 2 и городища Терехово в Поочье, Большеалгашинского городища (у с. Большие Алгаши) в чувашском Посурье. Автор предполагает, что распространение этих фибул в регионе связано с процессами расселения и военной экспансии населения, оставившего памятники андреевско-писеральского круга. Обзор находок фибул-«авцисс» в регионе среднего и верхнего течения реки Дон и находок вещей андреевско-писеральского круга в верхнем Поочье позволяет автору выдвинуть предположение о наиболее вероятном «донском» пути поступления этих фибул.

*Ключевые слова:* Фибулы, памятники андреевско-писеральского круга, межкультурные взаимодействия, Подонье, Поочье, Посурье.

Римские шарнирные фибулы, относимые к типу «AVCISSA», в древностях лесной зоны Восточной Европы впервые, почти одновременно, были найдены при раскопках Троицкого городища в верховьях р. Москвы (Можайский район Московской области) Можайской экспедицией института археологии под руководством А.Ф. Дубынина и при исследованиях Андреевского I кургана в верховьях реки Пьяны, левого притока р. Суры (Бывший Больше-Игнатовский, теперь Ичалковский район, Республика Мордовия) экспедицией Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики под руководством П.Д. Степанова (Дубынин, 1963, с. 63; 1964, с. 192, рис. 12; Степанов, 1964; 1969). Эти находки фибул достаточно быстро стали использоваться специалистами, в первую очередь как хронологические индикаторы и свидетельства инокультурных связей местного населения. Однако фибула из Троицкого городища была опубликована только в одном ракурсе, а фибулы из Андреевского кургана лишь в не очень соответствующих оригиналам рисунках и усредненных описаниях П.Д. Степанова, согласно которым среди них не было фибулы с надписью. Также в

его описании инвентаря женского погребения 53 Андреевского кургана, кроме целой застежки, располагавшейся на груди под головой погребенной, в норе суслика был найден обломок фибулы, которая в разных публикациях определяется то как «римская», то как «Авцисса». (Степанов, 1964; 1980, с. 23; Гришаков, Зубов, 2009, с. 112). Лишь в монографическом исследовании Андреевского кургана В.В. Гришакова и С.Э. Зубова был опубликован рисунок фибулы из погр. 36 Андреевского кургана, а в фундаментальной работе В.В. Кропотова, посвященной фибулам сарматской эпохи, указана надпись на фибуле, происходящей из погр. 53, с которой исследователь ознакомился на экспозиции ГИМ, однако уточнение хранительской документации показало, что эта фибула происходит из погр. 36. Таким образом, совершенно необходимо предоставить исследователям правильные сведения об этих находках, убирающие указанные выше несоответствия.

К этим фибулам в последнее время добавились новые находки, происходящие из Шиловского района, Рязанской области (Тереховское городище, могильник Городище 2) и Шумерлин-

ского района Республики Чувашия (городище у с. Большие Алгаши). К статье приложен каталог находок с библиографическими сведениями.

Пополнился массив находок фибул «авцисс» новыми находками и на соседних территориях: в среднем и верхнем Подонье и сопредельных регионах, значительная часть из которых опубликована А.М.Обломским, (Обломский, 2018; Обломский, в печати 2020)<sup>1</sup>.

Найденные фибулы представлены тремя вариантами:

1. С двумя фигурами в виде кружков на передней площадке – 2 экз.: Андреевский курган, находка из разрушенного погребения в насыпи, могильник Городище 2, находка на грабительских разрушениях (рис. 1: 1, 2).

2. С верхней широкой горизонтальной площадкой с надписью и нижней узкой горизонтальной площадкой – 2 экз.: Троицкое городище (надпись: AVCISSA), погр. 36 Андреевский курган (надпись «...CISSA») (рис. 1: 3, 4).

3. С двумя узкими горизонтальными площадками на щитке – 4 экз.: Андреевский курган, погр. 53 и находка из разрушенного погребения в насыпи, Большеалгашинское городище, Тереховское городище (рис. 2).

Шарнирные фибулы, относимые в настоящий момент к типу «Авцисса», впервые были выделены О. Альмгреном среди специфических провинциальных застежек в тип 242 (Almgren, 1897, S. 109, 211, Taf. XI: 242). Позже эти фибулы становились объектом пристального внимания специалистов, получившего отражение в значительном количестве исследований, из которых наиболее актуальными являются классификации Эмилии Риха и Мишеля Фёжера. Совокупность находок в Восточной Европе недавно была подробно рассмотрена Виктором Кропотовым. Находки фибул «авцисс» и их дериватов в Северном Причерноморье рассмотрены Кирстен Хеллстрём (Riha, 1979, S.114–120, Taf. 23–24; 1994, S. 100–106, Taf. 18–19; Feugère, 1985, p. 312–316, pl. 126: 1593; 128: 1609, 1611; 129: 1616 и др.; Кропотов, 2010, с. 264–265, 276–279, рис. 75, 76: 1–3, 77; Hellström, 2018, S. 100–102, Taf. 56B, 57, 58 a).

Все известные в Посурье и Поочье фибулы принадлежат к типу 5.2 по Э. Риха или типу 22b2 по М. Фёжеру, или группе 13 форме 2 по В.В. Кропотову, типу VB. 1 по К. Хеллстрём.

Находки из Андреевского кургана происходят из впускных мужского погребения 36 и женского погребения 53, а также из разрушенных погребений в насыпи кургана. Датировки впускных погребений колеблются от широких – I в. н.э. (Степанов, 1980, с. 44–45), I–II вв. н.э. (Смирнов, 1992, с. 6), кон. I – II вв. н.э. (Вихляев, 1999, с. 20–22; 2000, с. 45–46) II–III вв. (Халиков, 1987, с. 10; Зеленева, 1988, с. 84) до узкой – последняя четверть I – начало – первая четверть II в. н.э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 91, рис. 29, 30). С погребальным контекстом также, видимо, связана находка на кладоискательских отвалах на рязано-окском могильнике Городище 2 в Шиловском районе Рязанской обл. (Гаврилов, Конов, 2020, с. 61, рис. 2: 3).

На городище в округе с. Большие Алгаши в правобережье р. Суры в Шумерлинском районе Республики Чувашия, кроме фибулы-«авциссы», были также обнаружены две небольшие прямоугольные литые застежки-броши с полушарными выпуклостями на коротких боковых сторонах. Различные версии таких брошей, в том числе и достаточно крупных, хорошо известны в древностях андреевско-писеральского круга – небольшие, с орнаментом в виде прорезных треугольников в погр. 39 Андреевского кургана и погр. 4 кургана 1 Писеральского могильника. Близкие по схеме, но гораздо более крупные найдены в составе клада с городища Долматово, в погр. 3 кургана 1 Писеральского могильника, а также среди находок на Пильнинском I могильнике. В некоторых случаях на обороте по длинной стороне броши присутствует ряд петель, выступающих в качестве распределителей для шнуров, входивших в состав этого женского украшения, носившегося в нижней части груди – находка на Пильнинском I могильнике – иногда выполненных из бронзы и отлитых вместе с брошью – погр. 1 кургана 8 Писеральского могильника, погр. 5 кургана 1 Климкинское могильника. Известна и простая пластинчатая застежка, декорированная лишь выпуклостями, входившая вместе с фибулой-«авциссой» в состав ансамбля костюма женщины в погр. 53 Андреевского кургана. (Степанов, 1980, с.20, 22, 33, рис. 8, табл. 23: 1, 7; 29: 3, 9; Гришаков, Зубов, 2009, рис. 20: 6; 23: 12; Ахмедов, 2003, рис.1: 1; Зубов, 2011, рис. 37: 1,2; 58: 6–9). Эти и остальные

<sup>1</sup> Автор выражает искреннюю благодарность сотруднику Шиловского районного краеведческого музея А.П. Гаврилову за информацию и помощь в работе с находками фибул с городища Терехово и могильника Городище 2, а также Ю.Д. Разуваеву за консультации и фото находки фибулы с городища Верхнее Казачье.

ные находки на городище – гривна со «скользящей петлей», поясные застёжки с неподвижным крючком, пряжки и бляшки-накладки, пронизи, а также бронзовый стержневидный псалий, двушипные стрелы, нож с горбатой спинкой, общий облик керамики – позволили Н.С. Мясникову связать этот горизонт на памятнике с носителями культуры писеральско-андреевского круга (Мясников, 2017а, с. 192–198, рис. 5–6). Проведенные после первой публикации Н.С. Мясникова полевые исследования на городище выявили два слоя напластований, из которых верхний авторы исследований отнесли к раннему железному веку, а нижний – к эпохе средней бронзы (чирковско-балановский тип). Совокупность находок из верхнего слоя подтвердила выдвинутое ранее предположение Н.С. Мясникова о принадлежности обитателей городища к андреевско-писеральному населению. Этот период заселения памятника датируется серединой I – II вв. н.э. (Вязов и др., 2019, с. 106–109). Андреевско-писеральские древности представительны в северной части Сурско-Свияжского междуречья, особенно показательны материалы городища «Пичке-Сярчѣ», присутствуют они и в виде кладов и отдельных находок на поселениях, о чем убедительно свидетельствует сводка, собранная Н.С. Мясниковым (Мясников, 2017б). Таким образом, находку фибулы-«авциссы» на Большеалгашином городище следует рассматривать в контексте распространения андреевско-писеральского населения на правобережье среднего и нижнего Посурья.

С военной активностью андреевско-писеральского населения связывают находку фибулы-«авциссы» на Троицком городище. Ее рассматривают вместе с находками на этом и других памятниках дьяковской культуры двушипных наконечников стрел и некоторых других вещей «андреевского» облика (Актуальный обзор сведений – Ставицкий, 2013, с. 127–131).

Пока не изучен в достаточной степени контекст находок фибул-«авцисс» на рязано-окских памятниках правобережья шиловского течения р. Оки. Сборы на местах кладоискательских разрушений на могильнике Городище 2 включают в себя материалы, большая часть которых датируется в рамках V–VIII вв. Лишь отдельные вещи, такие как фибула-«авцисса» и литая кольцевая застёжка с парными сферическими выступами, относятся к более раннему времени (Гаврилов, Конов, 2020, с. 62, 63, рис. 1: 7; 2: 3). Понять контекст этих находок позволят лишь исследования

памятника. Пока можно лишь указать на вероятность достаточно раннего освоения рязанскими финнами округа этого памятника, о чем свидетельствует находка клада римских монет I–II вв. н.э. у городища Кривцово 1 (Седой Бугор). (Ахмедов, Гаврилов, Чореф, 2018, с. 437–438).

Среди находок из сборов на городище Терехово, в первую очередь сделанных на склонах, известны двушипные наконечники стрел черешковые (8 шт.) и втульчатые (2 шт.) (фонды Шиловского район. краеведч. музея), которые также позволяют предполагать, что находка «авциссы» на Терехово может быть связана с военной активностью «андреевцев». На городище (участок «Верхний городок») в одной из ям прослеживались остатки слоя с керамикой городецкой культуры, сохранилась и переотложенная городецкая керамика в культурном слое, окончательно сформировавшемся на рубеже I–II тыс. н.э.. Эти факты, видимо, свидетельствуют о том, что поселение было обитаемо в финале раннего железного века (Ахмедов, 2010, с. 85). Трехлопастные черешковые, двушипные черешковые и втульчатые наконечники стрел известны и в составе сборов на ряде городищ рязанского течения р. Оки и, в первую очередь, Шиловского и соседних районов (Тимошкино, Нармушадь, Мелехово, Бордаково и др.), известны на них и некоторые другие находки «андреевско-писеральского» облика, часть из которых находится в фондах Шиловского районного краеведческого музея (любезная информация научного сотрудника музея А.П. Гаврилова). Весь массив этих материалов требует детального анализа, что позволит получить более полное представление о контексте этих явлений, из которых наиболее вероятным представляется процесс военной экспансии «андреевцев», за которым последовало освоение их ближайшими потомками территории Поочья. Этот тезис, уже выдвигавшийся ранее, в настоящее время может быть подкреплен новыми материалами, публикация которых еще предстоит (Ахмедов, 2003, с. 136–137; 2007, с. 137, 138, 150).

В зоне андреевской «военной» экспансии, согласно наблюдениям А.М. Воронцова и Е.В. Столярова, оказалась и территория Верхнего Поочья. В последнее время на нескольких памятниках типа Упа 2, расположенных преимущественно в бассейне р. Упы, обнаружено представительное количество находок «андреевского» облика (Воронцов, Столяров, 2019) Здесь, кроме значительной серии наконечников стрел – трехлопастных черешковых (городище Страхово 2 – 24 экз.;



Слобода – 3 экз.; Малая Стрекаловка – 1 экз.), двушипных черешковых (Страхово 2 – 5 экз.; Слобода – 2 экз.; Малая Стрекаловка – 4 экз.), двушипных втульчатых (Страхово 2 – 1 экз.; Малая Стрекаловка – 2 экз.) – найдены также наконечники копий и двушипные наконечники дротиков (Страхово 2, Слобода), два стержневидных двупетельчатых псаля (мыс напротив городища Малая Стрекаловка). Комплекс предметов вооружения дополняется другими находками: бронзовыми застежками, накладками и бляшками, также находящимися параллели в андреевско-писеральских древностях. (Воронцов, Столяров, 2019, с. 57–58, 68–69, рис.5: 3; 8; 9; 10; 13; 14; 15: 1–4).

Датировка этого горизонта устанавливается исследователями по проволочным одночленным лучковым фибулам с нижней тетивой 1-го варианта по А.К. Амброзу (одна целая – из постройки на городище Малая Стрекаловка и фрагмент вместе с псалями и трехлопастными черешковыми наконечниками стрел на соседнем с городищем мысу), бронзовому креплению для рукояти сосуда, аналогичной деталям бронзового таза, происходящего из разрушенного погребения в насыпи Андреевского кургана, (городище Слобода), а также фрагменту бронзового зеркала (городище Страхово 2), датирующихся в рамках конца I в. до н.э. – I в. н.э. (первой половины I в. н.э.). Происхождение этих вещей исследователи связывают с сарматским населением Верхнего Подонья (Воронцов, Столяров, 2019, с. 61–65, рис. 11: 1–3; 12: 1).

Наиболее важные для датировки этого горизонта лучковые фибулы 1-го варианта с городища Малая Стрекаловка находят ближайшие аналоги на поселении Нижнее Казачье 5 (Острая Лука Дона, Задонский район Липецкой области) среди других находок, в том числе и фибулы-«авциссы», интерпретируемые А.М. Обломским как потерянные в ходе сражения. (Обломский, 2010, с. 31–32, рис. 6: 3, 4) (рис.3: 4).

В микрорегионе Острой Луки Дона это не единственная находка фибул-«авцисс». Изделие с надписью найдено на городище Верхнее Казачье (Разуваев, Козмирчук, 2016, с. 117, 120–121, рис. 5) (рис. 3: 1). Еще одна фибула с надписью происходит с поселения Ксизово 8, а фрагмент еще одной фибулы, возможно, судя по оформлению конца ножки, формы 1 по В.В. Кропотову, – с поселения Ксизово 17Б. (Обломский, 2018, с. 54, 55, рис. 3: 20, 22; Кропотов, 2010, с. 264, 265, рис. 75, 76: 9) (рис. 3: 2, 8). На севере Липецкой

области находка фибулы-«авциссы» без надписи известна на Паженском городище под Липецком (Пряхин, Разуваев, 1991, с. 6, рис. 2: 9; Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996, с. 146, рис. 5: 11). (рис. 3: 7) Ниже по течению р. Дон, в соседнем с Задонским, Рамонском районе Воронежской области, известны фибулы-«авциссы» без надписей, найденные в кургане 11 П Чертовицкого могильника и под завалом стены в постройке 8 III Чертовицкого городища (Медведев, 1990, с. 67, рис. 27: 8; 1998, рис. 8: 5; 2008, рис. 33: 6, 61: 5) (рис. 3: 4, 5). Наиболее северо-восточной находкой является фибула-«авцисса» с круглыми отверстиями и горизонтальным пояском из вертикальных черточек, происходящая с поселения Стаево 4, расположенного в верховьях р. Воронеж, в 2,5 км ниже слияния рек Польной Воронеж и Лесной Воронеж 4, в регионе, территориально близком Среднему Поочью (рис. 3: 6) (Обломский, в печати, рис. 3: 13).

Находки фибул-«авцисс» дополняются шарнирной фибулой с выступами по боковым сторонам (тип 5.3 по Э. Риха или формы 5 по В.В. Кропотову) середины – второй половины I в. н.э., найденной на Ратском городище (Медведев, 2000, рис.11, 9; Кропотов, 2010, С. 265, 267, 279) (рис. 3: 9).

Известны также сведения о ряде кладоискательских находок фибул-«авцисс». В Кантемировском районе в юго-западной части Воронежской области найдена фибула с окружностями на щитке. Как происходящую с «юга» Воронежской области представляют находчики фибулу-«авциссу» плохой сохранности. Появилась новая находка и соседнем регионе – в Беловском районе Курской области. Это фибула без надписи, украшенная двумя горизонтальными орнаментальными полосками на щитке. Хочется довести до сведения специалистов и информацию о еще одной находке, связанной уже с бассейном Верхнего Поднепровья – фибулу с надписью, которую указывают как происходящую из Брянской области (по материалам мониторинга ресурсов интернета сообществом VK «Раннеславянский мир»).

Все перечисленные находки из регулярных раскопок связаны с контекстом взаимодействия (симбиоза) местного населения («потомков скифоидного населения лесостепного Подонья», представителей особой группы носителей позднескифской археологической культуры, оставивших памятники типа Иштутино) и носителей среднесарматской культуры (Обломский, 2018,



с. 57–58; Медведев, 2018, с. 17, 22). Номенклатура вариантов фибул-«авцисс» Среднего и Верхнего Подонья совпадает с выборкой из Посурья и Поочья. Это, а также картографирование находок фибул-«авцисс», проведенное В.В. Кропотковым (Кропотов, 2010, рис. 77) и дополненное автором (рис. 5), позволяет предполагать, что в Поочье и Посурье они поступали при посредничестве населения Среднего и Верхнего Подонья из Нижнего Подонья, где, по сведениям В.В. Кропотова, сконцентрирована почти треть всех находок фибул-«авцисс» в Восточной Европе (Кропотов, 2010, с. 277–279, рис. 77). Исследователь предполагает, что появление этих и некоторых других провинциально-римских застезек связано с прямыми поставками из мест производства в западных провинциях, в пользу чего, по его мнению, свидетельствует и фиксируемый исследователями в южной части Восточной Европы во второй половине I – начале II вв. пик импорта других провинциально-римских изделий (например бронзовой посуды и краснолаковой керамики). Население Нижнего Подонья с середины I в. н.э. и вплоть до середины III в. н.э. становится главным контрагентом для «сарматского мира». Основное время бытования фибул-«авцисс» в сарматской среде исследователь относит ко второй половине I – началу II вв. н.э., с отдельными находками в комплексах, датирующихся «большой частью II в. н.э.» и относящихся уже ко времени сложения позднесарматской культуры (Кропотов, 2010, с. 273, 343, 349, 351–352).

К. Хелстрём, исходя из сводки мнений специалистов о хронологии «авцисс» в Северном Причерноморье, предлагает широкую датировку в рамках конца I в. до н.э. – начала III в. н.э. При этом она указывает, что из-за «слабо развитой хронологии» северо-причерноморских древностей, при датировании динамики бытования этих фибул исследователи преимущественно опираются на исторические события I в. н.э. (Hellström, 2018, s. 102).

Так, Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко связывают массивное поступление фибул-«авцисс» на Северный Кавказ с «четвертой волной» поступления римских импортов, ставшей результатом походов сармат в Закавказье (35 г. н.э.). В пользу этого предположения, по их мнению, свидетельствует большое количество находок фибул в памятниках Центрального Предкавказья «в районах, близких к перевалам через Кавказский хребет» (Лимберис, Марчен-

ко, 2004, с. 229–230; Marčenko, Limberis, 2008, s. 310–311; 329).

Несколько иначе объясняет появление большого количества фибул-«авцисс» в южной части Восточной Европы А.В. Симоненко. Он считает, что это было следствием присутствия здесь римских военных отрядов под командованием Авла Дидия Галла во время римско-боспорского конфликта 45–49 гг. н.э. и контакта римлян с сарматами на Нижнем Дону. Он также предполагает, что эти фибулы появляются в Нижнем Поднепровье с волной переселенцев с «востока Сарматии», в обиходе которых авциссы использовались дольше, нежели в римских провинциях. (Симоненко, 2011, с. 19–22).

Этот тезис использует в качестве одной из отправных точек В.В. Ставицкий, рассмотревший комплекс вещей «западного» происхождения из Андреевского кургана. По его мнению, эти вещи могли появиться здесь в середине – начале второй половины I в. н.э. в результате предполагаемого похода «объединения» андреевско-писеральских племен в Северное Причерноморье для участия в событиях римско-боспорского конфликта в «составе конфедерации племен, во главе которых стояли аорсы». В то же время он не исключает и другого направления поступления «западных» импортов – через Поднепровье и Подонье, подразумевая сарматское и зарубинецкое население в качестве контрагентов (Ставицкий, 2013). В работе, посвященной хронологии погребений с фибулами из Ново-Сасыкульского могильника, исследователь, исходя из наблюдений В.В. Кропотова по хронологии находок «авцисс» в погребениях среднесарматской культуры, разработок В.В. Гришакова и С.Э. Зубова по хронологии материалов Андреевского кургана, исследования находок фибул в Прикамье Т.М. Сабировой, предлагает «наиболее вероятные» рамки использования этих фибул в Поволжье и Прикамье в пределах второй половины I – начала II вв. Это предположение является одной из отправных точек в предпринятой им ревизии хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника (Сабирова, 2015, с. 49, 74–75, 316, рис. 33: 332, 334; Ставицкий, 2015, с. 111–113). В более поздней работе он предполагает время появления фибул-«авцисс» у населения, оставившего Ново-Сасыкульский могильник, в рамках последней четверти I в. н.э. (Ставицкий, 2017, с. 252).

Однако следует отметить, что при работе с находками из Ново-Сасыкульского могильника

исследователи, в том числе и Т.М. Сабирова и В.В. Ставицкий, оперируют рисунками из публикации С.М. Васюткина и В.К. Калинина, дающими лишь приблизительное представление о фибулах (Васюткин, Калинин, 1986, с. 106–107, рис. 9: 1, 2) (рис. 2: 5, 6).

Валообразное накопление новых материалов и недостаточная степень изученности и введения в научный оборот музейных коллекций (в том числе и таких ключевых памятников как Андреевский курган и Кошибеевский могильник из раскопок А.А. Спицына) требует продолжения работы по их максимально полной и адекватной публикации. Без этого любые реконструкции исторических событий останутся в области занимательной археологической политологии.

Как малую часть этой работы рассматривает автор данные о находках фибул-«авцисс» в Посурье и Поочье, изложенные в предлагаемой статье.

Сопоставление географии и номенклатуры находок «авцисс» в Поочье, в верховьях р. Воронеж и Верхнем Подонье демонстрирует вероятный «донской» путь их поступления из Нижнего Подонья, а зафиксированная А.М. Воронцовым и Е.В. Столяровым ситуация в Верхнем Поочье в I в. н.э., может указывать на район, где происходило взаимодействие «андреевского» и верхнедонского населения.

### Каталог находок фибул

#### Московская область, Можайский район, с. Троица. Городище.

Фибула, бронза, ось – железо. Надпись “AVCISSA”. Длина – 5,5 см, высота – 3 см. Троицкое городище, раскопки А.Ф. Дубынина. Московская обл., Можайский район, с. Троица (рис. 1: 4). Найдена в V зоне (на глубине 0,6 м), на краю рва, в смешанном слое, состоящем из глины и темных прослоек культурного слоя (Дубынин, 1963, с. 60; 1964, с. 192, рис. 12).

#### Рязанская область, Шиловский район.

Фибула, бронза, на щитке два кружка. Длина – 5,8 см, высота – 3,1 см. Могильник у с. Городище, Шиловский район, Рязанская обл. Сборы А.П. Гаврилова на кладоискательских разрушениях в 2016 г. Шиловский районный краеведческий музей (рис. 1: 1).

Фибула, бронза. Щиток украшен двумя поперечными рифлеными полосками. Длина – 6 см, высота – около 3,2 см. Городище у с. Терехово, Шиловский район, Рязанская обл. Случайная на-

ходка на городище, хранилась в школе с. Терехово, в настоящее время – в фондах Шиловского районного краеведческого музея (рис. 2: 4).

#### Республика Мордовия. Ичалковский (бывший Больше-Игнатовский) район. Андреевский курган.

##### *Фибулы из погребений.*

Погребение 36. Фибула бронзовая, ось из железа. Длина – 5,1 см., высота – 3,1. Надпись с повреждениями, сохранились буквы “..CISSA” (рис. 1: 3). Мужское погребение по обряду ингумации, на спине вытянуто головой на северо-запад. Комплекс: железный втульчатый наконечник копья, бронзовая пряжка, бронзовая обойма с привеской (у головы); за черепом кость коровы (лошади). У левого плеча – бронзовая привеска с язычком. На верхней части груди – фибула-«авцисса»; на груди – плоская бронзовая застежка с язычком, рядом – прямоугольная бронзовая пряжка, с левой стороны у груди – остатки колчана с бронзовыми обоймами с 3 железными плоскими черешковыми наконечниками стрел с «жальцами». Здесь же привеска из бронзы с язычком и обоймочки от колчана. На левой стороне таза – обломки железной пряжки. Справа от таза – железный нож, рядом – коническая бляшка с петлей. На ступнях – бронзовые пряжки, на правой – еще привеска из бронзы с язычком, в ногах – глиняный горшок. (Степанов, 1980, с. 19, 38, табл. 20: 1–15; Гришаков, Зубов, 2009, с. 107–108, рис. 23: 7, 25: 14, 15).

Погребение 53. Фибула бронзовая, механизм обломан, игла утрачена. С двумя горизонтальными полосками на щитке. Длина – 5 см, высота – около 3 см (рис. 2: 1).

##### *Упоминание обломка бронзовой фибулы.*

Погребение по обряду ингумации на спине вытянуто головой на юго-запад. За черепом – глиняный горшок. Под черепом найдена золотая спиральная височная привеска, там же в норе суслика – обломок бронзовой фибулы (в описании погребения П.Д. Степанова в работе 1980 г. указано, что это «...обломок бронзовой фибулы типа “Авцисса”») На груди – фибула-«авцисса», рядом с ней – ожерелье из стеклянных бус. На животе – большая прямоугольная пластинчатая бляха с неглубокими ямками, ниже – группами бронзовые привески, располагавшиеся и по бокам таза. На правой руке – бронзовый проволочный браслет спиралевидной формы. Ниже подвесок на левой стороне таза – бронзовая бляха, под кистями обеих рук – небольшие бронзовые

плоские бляхи, Под большой бляхой – другая плоская бронзовая бляха, от которой между ногами спускались два ремешка с нанизанными бронзовыми обоймами. Ремешки на уровне колен заканчивались кистями из стеклянных зеленоватых граненых бус очень плохой сохранности. На ступнях ног – бронзовые фигурные пряжки. У правой ступни – петелька из бронзовой проволоки. В ногах – глиняный лепной горшок (Степанов, 1980, с. 22–23, 38, табл. 29: 1–43; Гришаков, Зубов, 2009, с. 112–113, рис. 20: 11, 21: 2, 3, 23: 12, 25: 29).

*Фибулы из разрушенных погребений в насыпи.*

Фибула бронзовая, ось из железа. На щитке – две горизонтальные рифленые полосы. Длина – 5,9, высота – 3 см (рис. 2: 2).

Фибула бронзовая, ось из железа. По краям щитка – две циркульных фигуры. Поверхность спинки сильно повреждена, игла утрачена. Длина – 5,1 см, высота – 3,1 см (рис. 1: 2) (Степанов, 1980, с. 25, 38, табл. 37: 5, 6).

**Чувашская республика, Шумерлинский район, городище в округе с. Большие Алгаши**

**(территория Порецкого лесничества, правый берег р. Суры).**

Фибула типа «Авцисса», случайная находка на городище.

Информация о местах находок, некоторые из них и фото других при содействии краеведа из с. Порецкое А.Н. Паничкина были получены сотрудниками отдела археологии Чувашского государственного института гуманитарных наук В.Г. Харитоновой, Е.П. Михайловым, Н.С. Мясниковым и А.Ю. Березиным, которые провели на городище разведочные работы. Рисунок – по фото, опубликованному Н.С. Мясниковым. Фото щитка отсутствует, однако, по информации Н.С. Мясникова, надписи на щитке нет, треугольный вырез на боковых краях щитка, четко видимый на фотографиях, позволяет с большой долей вероятности предположить, что щиток был орнаментирован аналогично находкам из Терехово, погр. 53, и одной из фибул из разрушенных погребений Андреевского кургана (Мясников, 2017а, с. 192, рис. 4: 3; Мясников и др., 2017б, с. 74–75, рис. 4: 3).

## Литература

- Ахмедов И.Р. 2003.** Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Ред. В.П. Челябин. Рязань: Поверенный. С. 128–138.
- Ахмедов И.Р. 2007.** Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). / Ред. И.О. Гаврилухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 137–185.
- Ахмедов И.Р. 2010.** Работы Рязано-Окской экспедиции ГИМ // Археологические открытия 2007 г. / Ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры. С. 84–85.
- Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чорэф М.М. 2018.** Клад римских монет I–II вв. из Среднего Поочья // Мат-лы по археологии и истории антич. и средневеков. Крыма, 10. С. 426–457.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. 1986.** Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. / Ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Башкирский филиал АН СССР. С. 95–122.
- Вихляев В.И. 1999.** Андреевская культура и ее роль в этнической истории Западного Поволжья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы международной научной конференции посвященной 100-летию П.Д. Степанова. / Ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Историко-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева. С. 17–30.
- Вихляев В.И. 2000.** Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Историко-социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева. 132 с.
- Воронцов А.М., Столяров Е.В. 2019.** Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел. // Stratum plus, 4. С. 51–74.
- Вязов Л.А., Мясников Н.С., Михайлов Е.П., Ершова Е.Г., Блинников М.С., Пономаренко Е.В. 2019.** Большеалгашинское городище в Нижнем Посурье // Поволжская археология, 1 (27). С. 106–120.
- Гаврилов А.П., Конов В.Д. 2020.** Новый могильник рязано-окских финнов // Археология Волго-Окского региона. Сборник тезисов круглого стола 28–29 апреля 2020 г., к юбилею И.В. Белоцерковской. / Ред. Н.А. Биркина и др. М.: ГИМ – ИА РАН. С. 60–67.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009.** Андреевский курган в системе археологических культур

раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ. 173 с.

**Дубынин А.Ф. 1963.** Результаты работ Можайской экспедиции // КСИА, 94. С. 54–64.

**Дубынин А.Ф. 1964.** Троицкое городище Подмосковья // СА, 1. С. 178–198.

**Зеленеев Ю.А. 1988.** Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. (АЭМК. Вып. 14). Йошкар-Ола: Марийский НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. С. 79–86.

**Зубов С.Э. 2011.** Военские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing. 136 с.

**Кропотов В.В. 2010.** Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 384 с.

**Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2004.** Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани, 4. / Ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 221–241.

**Медведев А.П. 1990.** Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ. 220 с.

**Медведев А.П. 1998.** III Чертовицкое городище (материалы первой половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 42–84.

**Медведев А.П. 2000.** Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: «Тerra»; НПК Гефест. С. 233–255.

**Медведев А.П. 2008.** Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 452 с.

**Медведев А.П. 2018.** Сарматы в лесостепи (40 лет спустя) // Вестник ВГУ. Серия история, политология, социология. 1. С. 14–30.

**Мясников Н.С. 2017а.** Новое городище писеральско-андреевского типа в Среднем Посурье // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: Мат-лы LVII конф. преподавателей и студентов Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева по итогам научно-исслед. работы за 2016 г. Вып. 2. / Ред. П.Н. Волков. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. С. 190–204.

**Мясников Н.С. 2017б.** Клады и отдельные находки писеральско-андреевского времени в Сурско-Свияжском междуречье // Чувашский гуманитарный вестник. № 12. С. 3–26.

**Мясников Н.С., Вязов Л.А., Петрова Д.А., Макарова Е.М., Михайлов Е.П., Мясникова А.Б. 2017.** Исследования памятников Среднего Посурья эпохи римских влияний и Великого переселения народов: некоторые итоги и перспективы дальнейшего изучения // Никоновские чтения. Сб. научных статей. / Ред. А.В. Никитина. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. С. 70–81.

**Обломский А.М. 2010.** Новые памятники первых веков нашей эры в Верхнем Подонье // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. / Ред. О.Б. Супруненко. Київ, Полтава: Гротеск. С. 23–35.

**Обломский А.М. 2018.** Материалы первых веков н.э. на поселениях Ксизово-17 и 19 // Междуречье Днепра и Дона: пересечение культур: к 25-летию Курского государственного областного музея археологии (Материалы и исследования по археологии Днепроовского левобережья. Вып. 5). / Ред. Г.Ю. Стародубцев. Курск: Курский государственный музей археологии, АНО «Центр археологических исследований». С. 47–80.

**Обломский А.М. В печати.** Позднескифские материалы конца I тыс. до н.э. и первых вв. н.э. из верховьев р. Воронеж // Stratum, 4. 2020.

**Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. 1991.** Исследования Паженского городища // Елец и его округа (археологические исследования 1991 г.). Препринт. Воронеж: Воронежский университет. С. 4–8.

**Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. 1996.** Елец и его округа – уникальная историческая территория России // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Издательство Липецкого гос. пед. ин-та. С. 138–156.

**Разуваев Ю.Д., Козмирчук И.А. 2016.** Раскопки городищ в Верхнем Подонье // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. / Ред. Н.Е. Чалых. Липецк: Управление культуры и туризма Липецкой области. С. 117–121.

**Сабирова Т.М. 2015.** Фибулы Среднего Прикамья первой половины тыс. н.э. Дис... канд. ист. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т. 328 с.

**Симоненко А.В. 2011.** Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История. 272 с.

**Смирнов К.А. 1992.** О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Вол-



го-Донья: материалы научной конференции. / Ред. А.З. Винников. Пенза: Пензенский гос. объединен. краеведч. музей. С. 3–6.

**Ставицкий В.В. 2013.** Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 3. С. 126–140.

**Ставицкий В.В. 2015.** К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. 15. С. 111–116.

**Ставицкий В.В. 2017.** К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология, № 3 (21). С. 244–258.

**Степанов П.Д. 1964.** Андреевский курган (Предварительное сообщение) // Труды Мордовс. НИИ лит., яз., истории, экономики. Вып. XXVII / Ред. И.К. Инжеватов и др. Саранск. С. 206–267.

**Степанов П.Д. 1969.** Южные связи Среднего Поволжья в I тыс. н.э. // Древности Восточной Европы / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука. С. 221–227.

**Степанов П.Д. 1980.** Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордовское книжное издательство. 108 с.

**Халиков А.Х. 1987.** Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. (АЭМК. Вып. 12) / Ред. Г.А. Архипов Йошкар-Ола: Марийский НИИ яз., лит. и истории. С. 8–24.

**Almgren O. 1897.** Studien über nordeuropäische Fibel formen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Stockholm. 243 s.

**Feugère M. 1985.** Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête a la fin du V siècle après J.-C. Paris. 509 p.

**Marčenko I. I., Limberis N. Ju. 2008.** Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebietes (Archäologie in Eurasien. Bd. 25). Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 133 s.

**Riha E. 1979.** Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst, Band 3. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 219 s.

**Riha E. 1994.** Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Forschungen in Augst, band 18. Augst: Römermuseum Augst. 204 s.

**Hellström K. 2018.** Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.). (Archäologie in Eurasien, 39). Bonn: Habelt Verlag. 284 s.

## Summary

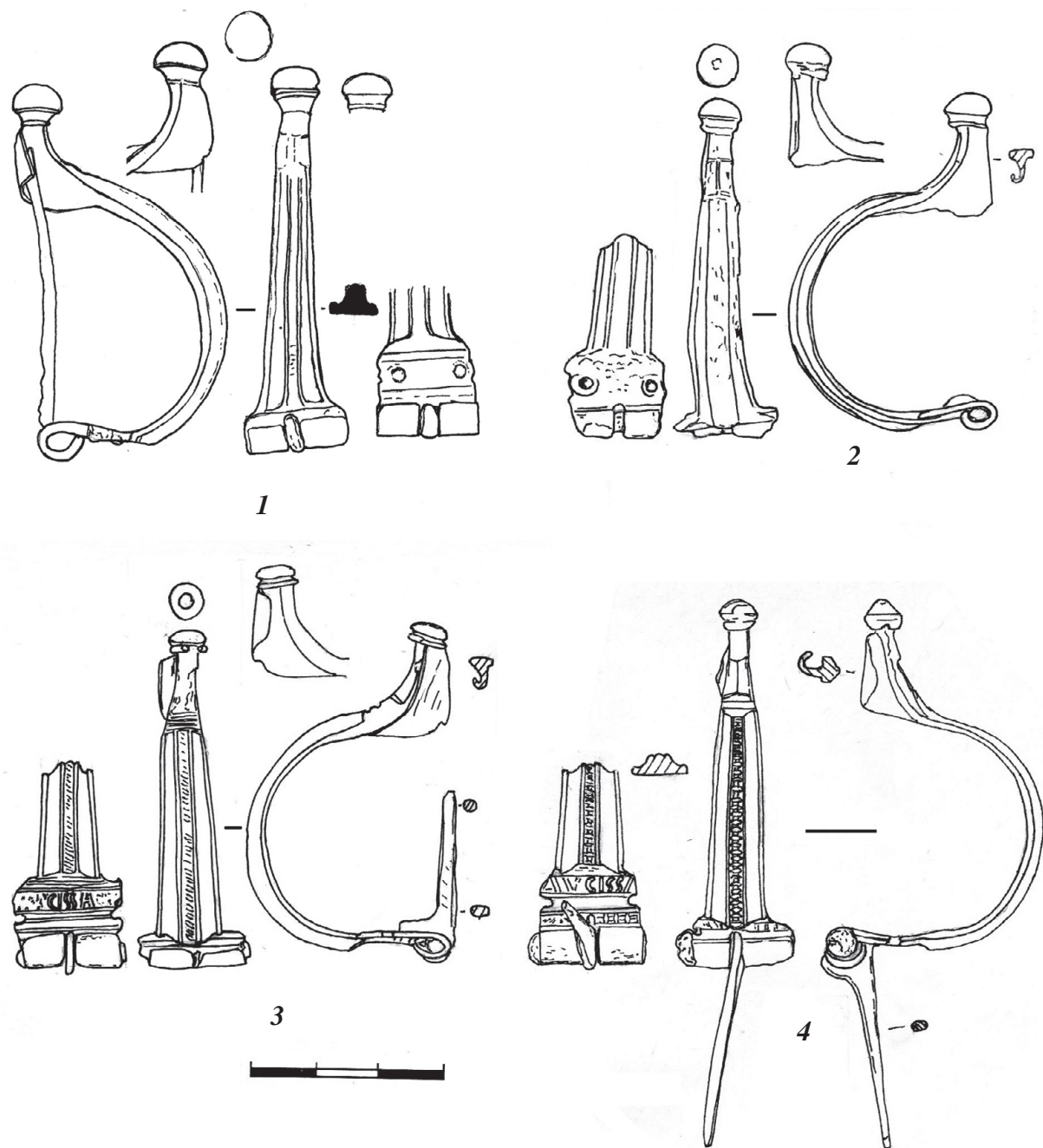
### Fibulae “AVCISSA” in the Sura and Oka rivers areas

I.R. Ahmedov

The article is devoted to the findings of fibulae “AVCISSA” in the basins of the Oka and Sura rivers. New pictures of the old findings from the burials of Andreyevsky mound and Troyetskoye hillfort, as well as new findings from the burial ground of the Hillfort 2 and Terekhovo hillfort in the Oka river area, Bolshealgashinskoe hillfort ( at the village of Bolshiye Algashi) in the Chuvash Sura river area. The author supposes that the spread of these fibulae in the region is connected with the process of settlement extension and military expansion of the population that left the area of archaeological sites of the Andreevsky-Piseralsky range. A review of the findings of fibulae “AVCISSA” in the region of the middle and upper reaches of the Don river and the findings of the Andreevsky-Piseralsky range in the upper Oka river area allows the author to suppose the most likely “don” way of those fibulae arrival.

*Keywords:* fibulae, sites of Andreevsky-Piceralsky range, intercultural interaction, the Don river area, the Oka river area, the Sura river area.





**Рис. 1.** Фибулы-«авциссы».

1 – Городищенский могильник; 2 – Андреевский курган, из разрушенного погребения в насыпи; 3 – Андреевский курган, погр. 36; 4 – Троицкое городище.

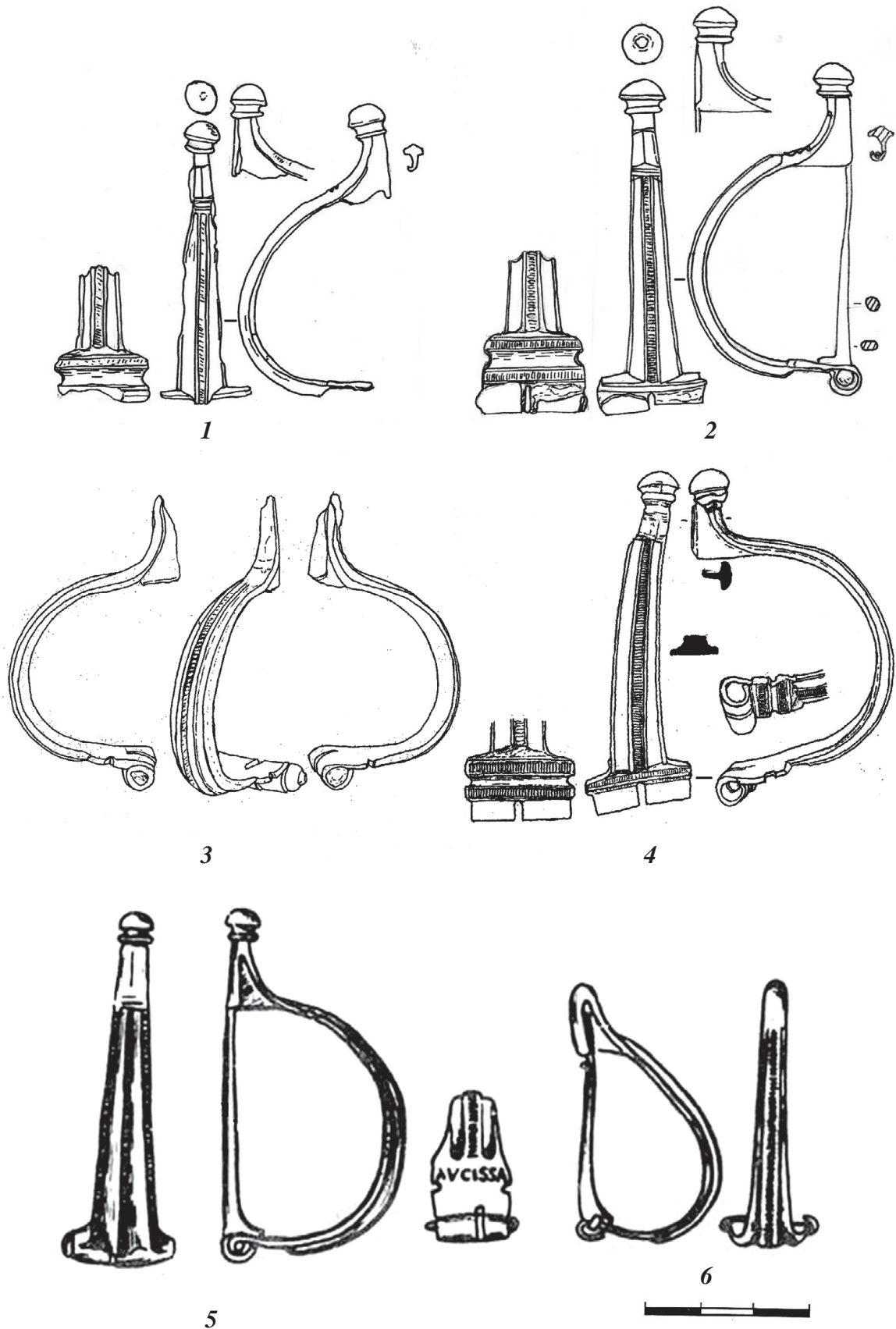
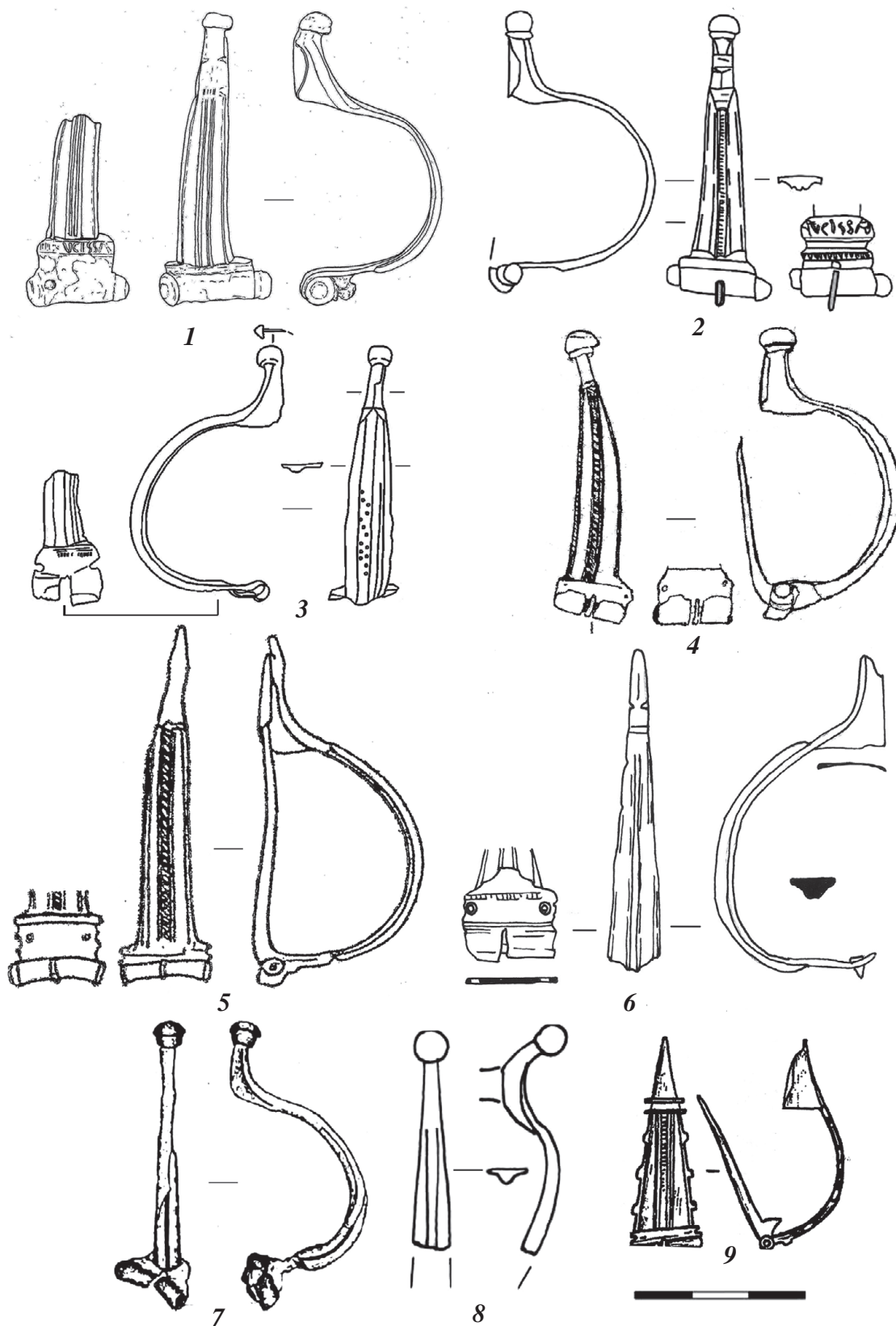


Рис. 2. Фибулы-«авциссы».

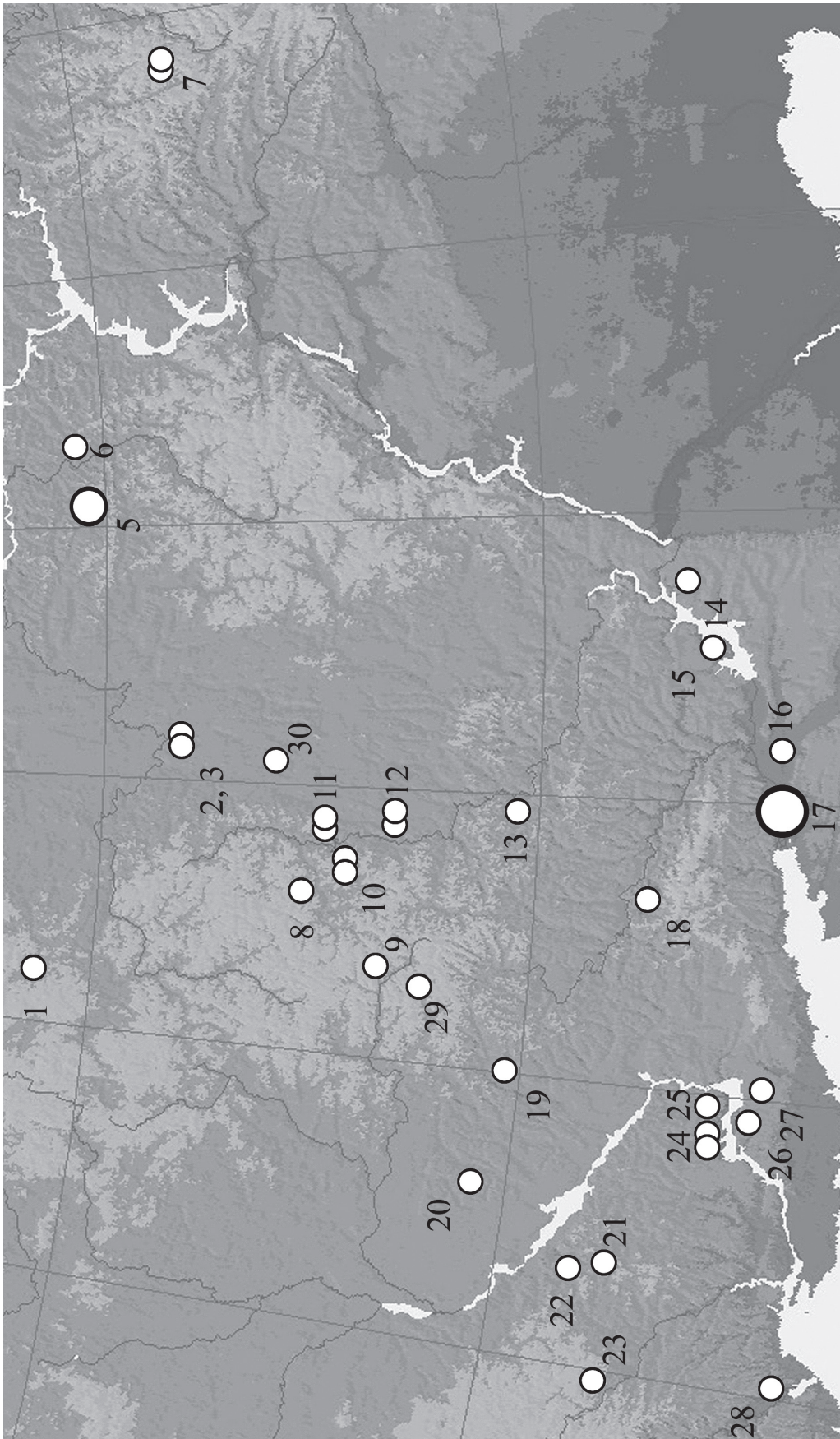
1 – Андреевский курган, погр. 53; 2 – Андреевский курган, из разрушенного погребения в насыпи; 3 – Большеалгашинское городище; 4 – Тереховское городище; 5 – Новосасыкульский могильник, погр. 10; 6 – Новосасыкульский могильник, погр. 43.



**Рис. 3.** Фибулы-«авсиссы» и фибула типа 5.3 по Э. Риха из Верхнего Подонья и восточной части Днепроовского левобережья.

1 – городище Верхнее Казачье; 2 – Ксизово 8; 3 – Нижнее Казачье 5; 4 – III Чертовицкое городище; 5 – II Чертовицкий могильник, курган 11; 6 – Стаево 4; 7 – Паженьское городище; 8 – Ксизово 17Б; 9 – Ратское городище.





**Рис. 4.** Находки фибул-«авцисс».

1 – Троицкое; 2 – Городищенский; 3 – Терехово; 5 – Андреевка; 6 – Большие Алташи; 7 – Ново-Сасыкуль; 8 – Пажень; 9 – Ратское; 10 – Ксизово 8, Ксизово 17; 11 – Верхнее Казачье, Нижнее Казачье; 12 – Чертовицкое городище, Чертовицкий могильник; 13 – Кантемировский район; 14 – Первомайская; 15 – Есауловская; 16 – Крепинский; 17 – Танаис, Азов, Нижне-Гниловское; 18 – Луганская обл.; 19 – Лихачевка; 20 – Поставмука; 21 – Пастырское; 22 – Митронинское; 23 – Рахны; 24 – Усть Каменское; 25 – Портмашево; 26 – Каменка Днепровская; 27 – Федоровка; 28 – Ольвия; 29 – Курская область, Беловский район; 30 – Стаево 4.

# Аб знаходках упрыгажэнняў пастырскага тыпу ў Прыпяцкім Палессі

Г.М. Бяліцкая (Мінск)

## О находках украшений пастырского типа в Припятском Полесье

На правом берегу р. Припять, около населенных пунктов Хочень, Давыд-Городок, Плотница найдены фрагменты украшений, характерных для племён колочинской и пеньковской культур. Это – обломки литых двухпластинчатой фибулы днепровского типа и подвесок с звездообразными отростками в виде виноградной грозди. Их стилистика восходит к провинциально-византийскому ювелирному искусству. Появление дунайского набора украшений в Среднем Поднепровье было связано с переселением из Подунавья части славян в последней четверти VII в. на свою прародину из-за войны с болгарами. В середине VIII в. многие поселения Поднепровья, прекращают функционировать в результате военной экспансии хазар. Вероятно, в результате этих драматических событий часть населения из Среднего Поднепровья спасалась в лесах и болотах Припятского Полесья среди родственных им племён пражской культуры, что, возможно, объясняет нахождение в Полесье вышеупомянутых украшений.

*Ключевые слова:* Припятское Полесье, Среднее Поднепровье, Карпато-Дунайский регион, пражская культура, провинциально-византийское металлообрабатывающее ювелирное мастерство, двухпластинчатая антропоморфная фибула, височные кольца пастырского типа.

Складванне найбольш ранняга комплексу славянскіх ювелірных упрыгажэнняў прыпадае на VI–VII стст. На тэрыторыі Сярэдняга Падняпроўя знойдзены шматлікія комплексы, якія атрымалі назву “скарбы антаў”. Па меркаванні І.О.Гаўрытухіна і А.М.Абломскага гэтыя наборы ювелірных упрыгажэнняў належаць да старажытнасцяў калочынскай і пянькоўскай культур (Гавритухін, Обломскі, 1996, с. 96–120). Гарадзішча Пастырскае адно з самых вядомых помнікаў Сярэдняга Падняпроўя, якое стала эталонным у вывучэнні раннесярэднявечных старажытнасцяў, у тым ліку і раннеславянскіх упрыгажэнняў (Прыходнюк, 2005). У Прыпяцкім Палессі такія знаходкі даволі рэдкія. Да іх кола можна аднесці сярэбраную завушніцу ў выглядзе пустацелага шарападобнага гузіка на паселішчы Петрыкаў-2 з комплексу жытла 2 (Вяргей, 2016, с. 34, фота 25), малую пальчатую фібулу і два фрагменты бранзалетаў з бронзы з пашыранымі

канцамі з паселішча Бярэжцы (Бяліцкая і др., 2019, с. 547–549, мал. 24: 2, 6, 7). За апошні час выяўлены яшчэ некалькі рэчаў пастырскага тыпу. У 2019 годзе экспедыцыя Інстытута гісторыі НАН Беларусі разам з сябрамі Тураўскага навукова-асветніцкага таварыства А.А. Байкоўскай і В.М. Харытановіч правялі вырагавальныя археалагічныя работы на паселішчы каля в. Хачэнь Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці (мал. 1: А). Яно адкрыта ў 90-х гадах XX ст. мясцовым краязнаўцам М.І. Андрэевым, які ў сценках кар’ера выявіў фрагменты ляпнога посуду і перадаў іх у мясцовы музей. Археалагічны помнік знаходзіцца каля 1 км на паўднёвы-усход ад вёскі, на пясчанай выспе левага берага Сцвігі, у 10 км вышэй ад месца яе ўпадзення ў Прыпяць. Пад час палявога сезону 2019 года на плошчы каля 40 м кв вывучаны шэраг аб’ектаў вытворчага прызначэння (рэшткі домніцы, горнаў). Сярод знаходак – прылады працы з жалеза, фраг-



менты тыгляў, ашлакаваныя сценкі сасудаў, крычнае жалеза, косткі жывёл. Побач у кар’еры знойдзены злітак з бронзы, малаток, прабойнікі, фрагменты ляпной глінянай вазы з дзвюма ручкамі. Матэрыялы даследавання прадстаўляюць розныя перыяды развіцця зарубінецкай і пачатак фарміравання пражскай культур. Папярэдні аналіз паказвае, што археалагічны помнік каля в. Хачэнь можна разглядаць як адкрытае гандлёва-рамеснае паселішча. Абследаванне тэрыторыі з дапамогай металадэтэктара зафіксавала наяўнасць напластаванняў, якія адносяцца да другой паловы I тыс. У выніку пошукаў знойдзены шэраг металічных рэчаў. Сярод артэфактаў – фрагменты дзвюхпласцінкавай фібулы дняпроўскага тыпу, якая зроблена са сплаву медзі шляхам ліцця (мал. 1: 1). Ад яе захаваліся пашкодзаныя шчыткі на галоўцы і ножцы, аздобленыя рубчастай акантоўкай. Дужка, спружынны апарат, прыёмнік страчаныя. Згодна з тыпалогіяй для дзвюхпласцінкавых засцежак дняпроўскага тыпу, якую распрацавала У.Е. Радзінкова, засцежку з пад Хачэня можна аднесці да тыпу III.2. Арэал распаўсюджвання іх сканцэнтраваны ў Сярэднім Падняпроўі – у раёне Канева, нізоўях Цясміна, вакол Пастырскага гарадзішча, дзе размешчаны ювелірна-рамесны цэнтр. Літыя дзвюхпласцінкавыя фібулы датуюцца ў рамках другой паловы VII – першай паловы, сярэдзіны VIII стст. (Родінкова, 2006, с. 50–63). На гэтым жа помніку выяўлены фрагмент падвескі (мал. 1: 2). Выраб літы, большая частка дужкі страчана. Шчыток уяўляе сабой круглую пласціну з выступам у цэнтральнай частцы. На адваротным баку шчытка выступу адпавядае выемка. Цэнтр выступу ўпрыгожаны псеўдашарыкам, які абкружаны разеткай з дэсяццю пялёсткамі і дзвюма канцэнтрычнымі колцамі. Шчыток мае тры канцавыя выступы: на бакавых размешчана па тры псеўдазярняткі, на ніжнім – адно. Блізкае па арнаментальнасці скроневае колца выяўлена на Пастырскім гарадзішчы (Приходнюк, 2005, рис. 45: 7). Акрамя узгаданай вышэй, сёння вядома аб знаходжанні падвесак пастырскага тыпу на землях, якія размяшчаюцца ўверх па цячэнні Прыпяці.

*Давыд-Гарадок, Столінскі раён, Брэсцкая вобласць* (мал. 1: А). Паселішча 5 знаходзіцца на паўночна-усходняй ускраіне горада, на пячаным ўзвышшы правага берага р. Гарынь ва ўр. Старое Сяло. Адкрыта аўтарам у 2010 годзе. Падвеска літая, дужка страчана (мал. 1: 3). Шчыток у выглядзе круглай пласціны з выступам у цэнтральнай частцы. На адваротным баку шчытка – выемка. Вяршыня выступу ўпрыгожана псеўдашарыкам і шасцю маленькімі зярняткамі (некаторыя з іх

вельмі слаба вылучаны). Шчыток аздоблены коламі з псеўдазерні. Зверху, знізу і зправа зярняткі групуюцца ў выглядзе трохкутнікаў вяршынямі да цэнтру. Шчыток абкружаны пяццю канцавымі выступамі, якія ўпрыгожаны псеўдазерню як са знешняга боку, так і з адваротнага. Падобная ліцейная форма з адбіткам псеўдазерні на вонкавым баку выяўлена ў Карпацка-Дунайскім рэгіёне ў Бржэцлаве (Чэхія) (Ільквіч і др., 2017, рис. 3: 13). Другая падвеска знойдзена побач, яна літая, дужка страчана (мал. 1: 3). Шчыток у выглядзе круглай пласціны з выступам у цэнтральнай частцы. На адваротным баку шчытка – выемка. Вяршыня выступу ўпрыгожана псеўдашарыкам. Ад яго разыходзяцца групамі па тры праменьчыкі ў кожным з чатырох накірункаў, утвараючы крыж. Шчыток абкружаны рубчастым коламі. У месцы мацавання дужкі размешчаны два псеўдашарыкі. Ад шчытка адыходзяць тры выступы – кожны з іх ўпрыгожаны трыма псеўдазярняткамі. Блізкае па арнаментальнасці падвеска знойдзена на Пастырскім гарадзішчы (Приходнюк, 2005, рис. 43: 3).

*Плотніца, Столінскі раён, Брэсцкая вобласць* (выпадковая знаходка) (мал. 1: А). Падвеска літая, дужка часткова страчана (мал. 1: 5). У месцы мацавання шчытка дужка зроблена ў выглядзе лунніцы, цела якой падзелена напалову шэрагам псеўдашарыкаў. Там, дзе адзначаны пераход ад лунніцы да дужкі, зроблены муфтачкападобныя патаўшчэнні. На мяжы лунніцы і шчытка размешчаны тры псеўдашарыкі. Верхні край лунніцы пасярэдзіне ўпрыгожаны выступам з псеўдашарыкам, на адваротным баку – выемка. Па краях лунніца акантурана дробнымі пірамідкамі. Зоркападобны шчыток мае выпуклы корпус з псеўдашарыкам ў цэнтры і чатырма V-падобнымі ледзь заўважнымі валікамі вакол яго, утвараючы касы крыж. Пяць зоркападобных канцавых выступаў аздоблены рэльефнымі лісточкамі.

Падводзячы вынікі апісання можна сказаць наступнае: усе падвескі зроблены шляхам ліцця па васковай мадэлі. Згодна тыпалогіі, якую распрацаваў А.І. Айбабін, яны адносяцца да I тыпу (Айбабін, 1973, с. 62–72, рис. 2). Культурны кантэкст знаходка з берагоў Прыпяці відавочны – гэта носьбіты пражскай і лука-райкавецкай культур. Артэфакты адлюстоўваюць дынаміку гісторыка-культурных працэсаў, якія склаліся у другой палове I тыс. ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне. Вядома, што з трэцяй чвэрці I тыс. назіраецца інфільтрацыя культуры славян на тэрыторыю Балкан, Падунаўе, Прыбалтыку. Гэта праявілася ў распаўсюджванні паўзямлянак з печамі ў кутках, якія з’яўляюцца традыцый-

най дэтальню ў домабудаўніцтве, і характэрных сасудаў тыпу прага-карчак (Вяргей, Гаўрытухін, 2011, с. 217–220). З сярэдзіны VI ст. пачынаюцца шмаглікія нападзенні славян на балканскія правінцыі Візантыі (Гавритухін, Обломский, 1996, с. 144). У канцы VII ст. на Балканах адбылося нашэсце балгар, у выніку чаго частка славян вярнулася на сваю прарадзіму. З'яўленне і распаўсюджванне з апошняй чвэрці VII ст. у сярэдняпроўскіх землях дунайскага набору ўпрыгажэнняў было абумоўлена прыходам ў гэты рэгіён насельніцтва з Сярэдняга Падунаўя, якое прынесла з сабой тэхналогіі правінцыйна-візантыйскага металапрацоўчага ювелірнага майстэрства. На Пастырскім гарадзішчы і яго ваколіцах выяўлены сляды вытворчасці ювелірных вырабаў (Щеглова, 1990, с. 162–204; Приходнюк, 1994, с. 64–75; 2005, с. 76). Акрамя Сярэдняга Падняпроўя традыцыя нашэння падобных

падвесак зафіксавана сярод насельніцтва Прута-Днястроўскага міжрэчча. Там даследчыкі знайшлі шмат разнастайных скроневых падвесак (Ільквіч і др., 2017, с. 249–265). Дзвюхпласцінкавая фібула дняпроўскага тыпу і падвескі, знойдзеныя ў Прабоўяжжы Прыпяці, адносяцца да другой групы "скарбаў антаў" паводле В.А. Шчагловай. Іх утойванне прыпадае на сярэдзіну VIII ст. і звязана з пачаткам ваеннай экспансіі хазар, у выніку чаго шмат якія паселішчы ў Сярэднім Падняпроўі перасталі існаваць (Щеглова, 1990, с. 162–204; Приходнюк, 2005, с. 80). Можна меркаваць, што ў выніку гэтых драматычных падзей частка насельніцтва з Сярэдняга Падняпроўя ратавалася ў лясах і балотах Прыпяцкага Палесся сярод роднасных плямёнаў пражскай культуры. Магчыма гэта тлумачыць знаходжанне ў Палессі вышэй узгаданых упрыгажэнняў.

## Літаратура

**Айбабин А.И. 1973.** К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // Советская археология. № 3. С. 62–72.

**Бяліцкая Г.М., Байкоўская А.А., Харытановіч В.М. 2019.** Паселішча каля в. Бярэжцы Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя. Второе издание исправленное, переработанное и дополненное. Кн. 1 / Ред. О.Н.Левко. Минск: Беларуская Навука. С. 514–555.

**Вяргей В.С., Гаўрытухін І.А. 2011.** Пражская культура // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. У 2-х т. Т 2. Л–Я / Ред. Т.У.Бялова і інш. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі. С. 217–220.

**Вяргей В.С. 2016.** Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. Кн. 2. / Ред. О.Н. Левко, В. Г. Белевец. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 14–61.

**Гавритухін І.О., Обломский А.М. 1996.** Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады //

Гавритухін І.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (Раннеславянский мир. Вып. 3). М.: ИА РАН. 296 с.

**Ільквіч М.В., Калінічэнко В.А., Міхайліна Л.П., Півоаров С.В. 2017.** Лунницы та скроневі кільця з поселення VIII-X ст. в Рідківцях // Европейська археологія I тисячоліття н.е.: Збірник наукових праць на честь Л.В.Вакуленко / Ред. А.В.Скиба, С.А.Горбаненко. Київ: ІА НАН України. С. 249–265.

**Приходнюк О.М. 1994.** Технологія виробництва та витоки ювелірнага стылю металевых прикрас Пастырського городища // Археологія, 3. С. 61–77.

**Приходнюк О.М. 2005.** Пастырське городище. Київ–Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.

**Родинкова В.Е. 2006.** К вопросу о типологическом развитии антропоморфных фибул (сложные и двухпластинчатые формы) // Российская археология, 4. С. 50–63.

**Щеглова О.А. 1990.** О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курское отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162–204.

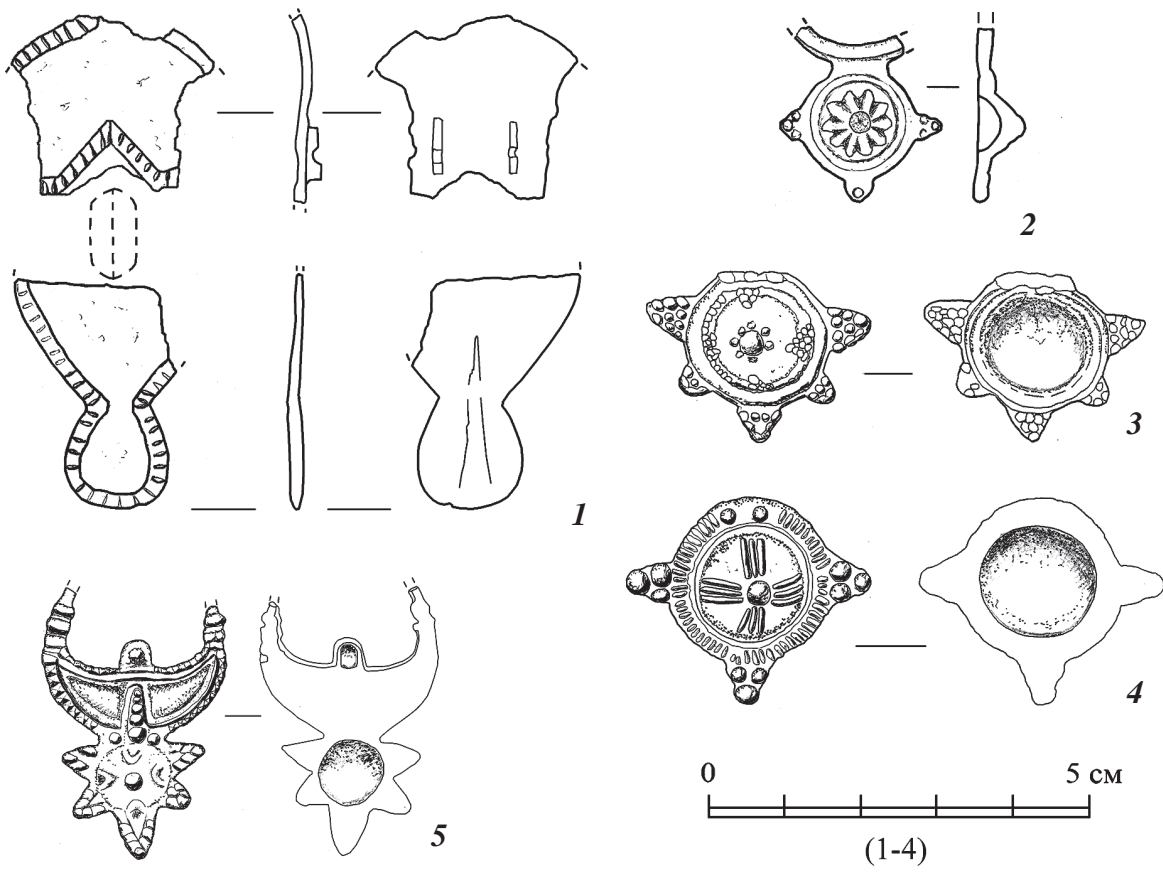
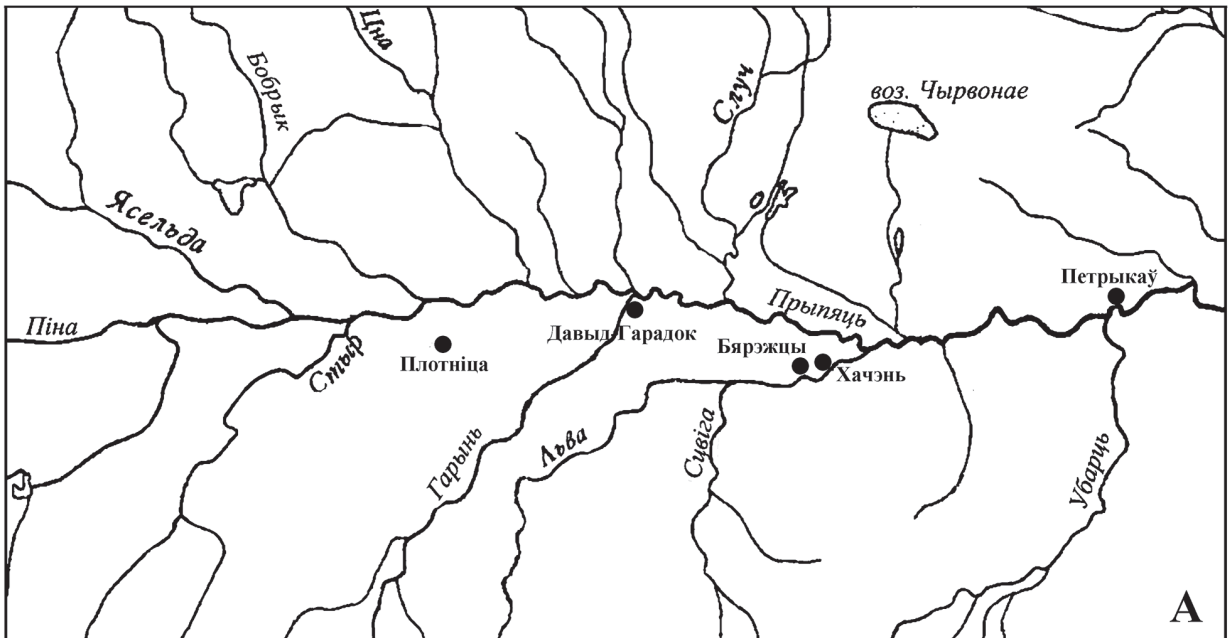
### Summary

#### On the findings of decorations of Pastyrskoje type in the Pripjat Polesye region

G.M. Belitskaya

On the right bank of the Pripjat river, near the populated localities of Khochen, Davyd-Gorodok, and Plotnitsa, fragments of jewelry typical of the Kolochin and Penkovka cultures were found. These are fragments of the cast two-plate fibula of the Dnieper type and suspenders with star-shaped sprouts in the form of cluster of grapes. Their stylistics goes back to the provincial-Byzantine jewelry art. The appearance of the Danube set of ornaments in the Middle Dnieper region was attributed to the migration of part of the Slavs from the Danube region to their ancestral homeland in the last quarter of the seventh century due to the war with the Bulgarians. In the middle of the eight century, many settlements of the Dnieper region cease to function as a result of military expansion of the Khazars. Probably, as a result of these dramatic events, part of the population from the Middle Dnieper region escaped to the forests and swamps of the Pripjat Polesie and saved themselves among related tribes of the Prague culture. That may explain the presence of the above-mentioned ornaments in Polesye

*Keywords:* Pripjat Polesye, the middle Dnieper river area, Carpathian-Danube region, the Prague culture, provincial-Byzantine metalworking jewelry, two-plate anthropomorphic fibula, temporal rings of Pastyrskoje type.



**Мал. 1.** Месцазнаходжанне ўпрыгажэнняў пастарскага тыпу ў Прыпяцкім Палесці – А.  
 1 – фібула; 2–5 – скроневыя колцы; 1–2 – Хачэнь; 3–4 – Давыд-Гарадок; 5 – Плотніца (без маштаба).  
 Усе – сплавы медзі. Мал. Г.М.Бяліцкай

# Инструменты ювелиров круга восточноевропейских эмалей (по материалам вещей из собрания Исторического музея)

Н.А. Биркина (Москва)

В работе впервые предпринята попытка реконструкции инструментальной базы ювелиров круга варварских эмалей. На основании трасологии и общих сведений о технологических процессах, инструменты были сгруппированы по характеру работы, которую они выполняли. В итоге можно говорить, что мастерам круга варварских эмалей были доступны основные ювелирные инструменты, необходимые для простых операций по созданию украшений, таких как ковка, шлифовка и пр. Литье, в свою очередь, проводилось по оптимальной процедуре, позволявшей тиражировать необходимые вещи.

*Ключевые слова:* ювелирные инструменты, изделия круга восточноевропейских варварских эмалей, литье, ковка, чеканка, гравировка, трасология.

В фондах Государственного Исторического музея хранится наиболее представительное собрание предметов круга восточноевропейских эмалей на территории России. В его состав входят отдельные находки на памятниках (Огубское городище, Кошибеево, Щепилово и др.), покупки В.В. Хвойко и два крупнейших клада, введенных в научный оборот: Мощинский и Брянский. Именно последние два комплекса послужили основным источником настоящего исследования: входящие в их состав предметы являются наиболее репрезентативными для изучения технологических аспектов металлообработки, в том числе реконструкции инструментальной базы. Во-первых, это связано с хорошей сохранностью вещей. Во-вторых, в состав этих кладов входят разные типы украшений, к которым применялись различные приемы металлообработки.

Долгое время в сферу интересов исследователей не попадали технологические аспекты и способы изготовления предметов круга варварских эмалей. Начало было положено в конце 1960-х гг. лабораторией Е.Н. Черныха, где был проведен анализ состава металла украшений из Мощинского клада (Черных и др., 1969, с. 112, рис. 54). Возобновление интереса к вещам круга варварских эмалей, а также к ювелирным технологиям связано с находкой Брянского клада и его публикацией (Брянский клад, 2018). Тем не менее, инструментальная база ювелиров, создававших эти вещи, до сих пор не рассмотрена должным образом ни в одной работе. Составление такой базы позволит точнее определять и идентифицировать инструменты, обнаруженные в ходе археологических раскопок.

Реконструкция инструментов, применявшихся для создания того или иного предмета, основывается в первую очередь на трасологическом анализе и дополняется сведениями о технологи-

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00376.



ческом процессе. Исследование следов на предметах производилось с помощью визуального анализа их поверхности и макросъемки следов технических операций и использования инструментов. Работа выполнялась с помощью стереомикроскопа Stemi 2000C (Zeiss) в фондах отдела Археологических памятников ГИМ.

Полученные сведения были систематизированы на основании списка ювелирных инструментов, известных в XI–XIII вв., предложенного И.Е. Зайцевой и Т.Г. Сарачевой (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 78). Затем этот список был незначительно дополнен. Все инструменты и приспособления были разделены на четыре основные группы: для работы с восковой моделью; для плавки и литья металла; для механической обработки металла; для декорирования и орнаментации изделий.

Обычно для *работы с воском* даже современные ювелиры не применяют специализированные инструменты. Исключением могут составлять только приспособления для шлифовки, например, напильники с грубой насечкой (МакКрайт, 2002, с. 13). Проведенное исследование позволяет говорить, что для работы с воском ювелиры использовали ножи и лезвия различных видов. Также могли применяться сверла, но следов, которые можно было бы уверенно связать с этими инструментами, не зафиксировано. В некоторых случаях сквозные округлые отверстия имеют неровный край, например, у фибулы Б 549/247. Такой край может свидетельствовать как о неаккуратном применении сверла, так и об использовании более простого инструмента, например, ножа. Однако другие округлые отверстия на этой же фибуле имеют равные между собой диаметры и ровные края: возможно, применялся какой-то цилиндрический инструмент.

*Приспособления, использованные для плавки и литья*, могут быть реконструированы только на основании наших сведений о технологических процессах. Можно предполагать использование следующих приспособлений: литейные формы (для тиражирования восковой модели и/или для отливки самого предмета); тигли или льячки; клещи.

Значительная часть исследованных предметов представлена изделиями, для которых формообразующей операцией являлось литье. Оно также применялось для создания заготовок, которые дорабатывались ковкой. Следы на обследованных предметах позволяют говорить, что использовалось литье по выплавляемой вос-

ковой модели в неразъемные формы. Подробнее процесс описывается в других работах (Сапрыкина, 2018, с. 228; Биркина, в печати). После литья мастер применял те или иные *инструменты для механической обработки металла*, в зависимости от того, какие действия требовались для создания украшения.

Все они разделены на несколько подгрупп: опорные и подкладные инструменты; ударные инструменты; рубящие и режущие инструменты; формующие инструменты; инструменты для разметки; удерживающие инструменты; отделочные инструменты.

К опорным и подкладным инструментам в первую очередь относятся наковальни. Об использовании наковален мы можем судить на основании следов на кованых изделиях, однако точно реконструировать их вид или материал, из которого они были сделаны, не представляется возможным. Так, след от края наковальни фиксируется на большинстве налобных венчиков с тордированными концами (рис. 1 на с. 275). Такой брак может быть связан с неаккуратным выполнением процедуры поковки при работе с центральной частью заготовки.

Также можно говорить о применении наковален с желобком. Они необходимы для создания проволоки сегментовидного или треугольного сечения. Проволочные изделия являются одной из самых многочисленных категорий исследованных вещей. Все они были изготовлены ковкой, использование волочильной доски не зафиксировано (Биркина, в печати). Посредствомковки изготавливалась проволока округлого или подпрямоугольного сечения. Если требовалась придать ей другую форму, мастер делал это на наковальне с желобком.

Практически все исследованные проволочные изделия были подвержены процедуре изгибания. Для этой операции необходим ригель, представлявший собой металлический стержень округлого сечения. Его использовали для создания браслетов, различных типов спиральных и пластинчатых пронизей.

Помимо перечисленных выше инструментов в распоряжении ювелиров, изготавливавших вещи круга варварских эмалей, были подкладные подушечки. Они использовались для тиснения и, вероятно, для нанесения чеканного орнамента на пластинчатых предметах. Такие подушечки могли быть сделаны из свинца (Рыбаков, 1948, с. 301), смолы (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 102), но могло применяться и дерево (Минасян, 2014,

с. 373). На одной из трапециевидных привесок, входящих в состав Мощинского клада, зафиксирован брак при нанесении орнамента тиснением (рис. 2 на с. 275). Он объясняется тем, что подвеска сместилась с подкладной подушечки и удар пришелся на более твердую наковальню, из-за чего произошел разрыв металла по форме наносимого орнамента.

Для большинства работ, связанных с ковкой и орнаментацией, использовались молотки, относящиеся к *ударным инструментам*. Следы работы молотком зафиксированы на поврежденном орнаменте пластинчатых пронизей. Тисненный линейный орнамент, нанесенный на эти украшения, был деформирован в процессе изгибания изделия. Также след от молотка фиксируется на некоторых тордированных концах налобных венчиков. Их повреждение также связано с неаккуратной работой мастера в процессе уплощения центральной части изделия.

*Рубящие и режущие инструменты* тоже предназначались в основном для обработки кованых изделий. Для придания необходимой формы пластинчатым изделиям могли задействовать зубило или ножницы. В связи с тем, что у большинства пластинчатых изделий края сильно повреждены, уверенно говорить, какой именно инструмент использовал мастер, невозможно. На основании трасологии реконструируется использование зубила для обрубания проволоки. На сохранившихся окончаниях спиральных пронизей отчетливо виден след отрубания лишнего металла с помощью этого инструмента.

Вероятно, в единичных случаях использовались кусачки. С полной уверенностью говорить об этом нельзя, однако следы на некоторых элементах нагрудной цепи, входящей в Мощинский клад, дают возможность предполагать наличие этого орудия. Такие следы отмечены на пластинчатых элементах, служивших для скрепления литых деталей цепи между собой.

На ряде изделий, например, на маленьких трапециевидных привесках из Брянского клада (Брянский клад. 2018, рис.23: 2–13; табл. XXII: 9–15), имеются признаки использования пробойников. Они применялись для создания отверстия в верхней части, в которое продевалось проволочное колечко для подвешивания.

Среди *формующих инструментов* для постлительной обработки может быть выделен пуансон или штамп. Соответствующие следы зафиксированы на крупных трапециевидных привесках, входящих в состав Брянского (Брян-

ский клад. 2018, рис. 23: 1; 94; табл. VII; XXII: 16) и Мощинского кладов (Булычев, 1899, табл. XI). В основном использованные инструменты были сложнопрофилированными и представляли собой несколько окружностей, вписанных друг в друга. В единственном случае присутствует тисненный орнамент в виде волны (Булычев, 1899, табл. XI: 6).

К *удерживающим инструментам* относятся щипцы и клещи, необходимые как при литейных работах, так и при последующей обработке готовых изделий. Важное место эти инструменты занимали при изготовлении кованых предметов. Риски, которые могут быть оставлены при работе клещами или щипцами, отмечены на некоторых спиральных пронизях (Брянский клад, 2018, с. 327, рис. 27: 4) и на гривнах из Брянского и Мощинского кладов (Булычев, 1899, табл. VIII: 3; Брянский клад, 2018, рис. 8). О применении пинцетов и тисков нельзя говорить с полной уверенностью, однако можно предположить, что первые также использовались ювелирами, которые делали вещи круга варварских эмалей, например, при работе с составными восковыми моделями.

При постлительной обработке большое значение имели *отделочные инструменты*, такие как напильник и точильный камень. Возможно, применялись и более мелкодисперсные полировальные инструменты. Следы работы напильниками отчетливо фиксируются на внешней поверхности практически всех литых изделий. Особенно хорошо они видны на деталях, противостоящих друг к другу под прямым углом, таких как гребни браслетов (рис. 3 на с. 276) или перекладчатых фибул. На этих украшениях фиксируются параллельные риски: такие следы исследователи связывают именно с работой напильником (Минаян, 2014, с. 372). Вероятнее всего, размеры напильника были обусловлены тем, для каких операций его применяли. Напильники больших размеров использовали для обработки больших площадей литых изделий. В свою очередь объемный зигзагообразный орнамент, присутствующий, например, на детали нагрудной цепи (Булычев, 1899, таб. IX: 1) или на фибуле из Брянского клада (Брянский клад, 2018, рис. 13), дорабатывался маленьким напильником, схожим с современным надфилем. В ходе финальной обработки внешняя поверхность полировалась, для чего могли применять точильный камень или полировальный камень. Мастер убирал мелкие заусенцы, возникавшие при нанесении гравированного орнамента, и наводил блеск. Характерными сле-

дами такой полировки являются мелкие хаотично расположенные риски и царапины. Заметим, что процедура полировки применялась только к видимым поверхностям. Например, на гребнях браслетов отчетливо фиксируются параллельные риски от напильника, а на основной его поверхности хаотичные царапины от полировки оселком или полировальником.

В редких случаях ювелиры использовали *разметочные инструменты*, с помощью которых обозначалось место нанесения орнамента. Основная часть вещей декорирована без применения вспомогательных инструментов. Единственным украшением, на котором зафиксированы следы от острия (чертилки), является налобный венчик из Мошинского клада (Бульчев, 1899, таб. VIII: 2; Брянский клад..., 2018, с. 363, рис. 63). В месте нанесения гравированного линейного орнамента предварительно были проведены менее явные линии.

*Инструменты для декорирования и орнаментации предметов* представлены штихелями (резцами) и самыми разнообразными чеканами. Встречается орнамент, нанесенный простыми чеканами-канфарниками. Однако точечный орнамент – не самый популярный мотив, и обычно он сочетался с линиями или окружностями. Последние, в свою очередь, являются одним из самых частых типов декора и встречаются на браслетах и налобных венчиках. Большинство чеканов, которыми наносили такой орнамент, были сложно профилированными (подробнее Биркина, в печати). Также излюбленным мотивом были треугольники. Встречаются следы как от простых чеканов с треугольным сечением, так и сложнопрофилированных чеканов. Отмечены два варианта таких чеканов: первый оставлял след в виде двух треугольников с соединенными вершинами, второй – в виде двух треугольников, отстоящих друг от друга. Кроме того, есть следы от линейных чеканов. Примером может служить декор на пластинчатом держателе для трапециевидных привесок гривны из Брянского клада (Брянский клад, 2018, рис. 94).

Помимо чеканов для орнаментации использовались штихели. На предметах присутствует как гравированный орнамент, так и орнамент в стиле тремоло, который не может быть отнесен к гравировке в полном смысле этого слова. Последний тип декора встречается в основном на пластинчатых венчиках, входивших в состав двух кладов (Бульчев, 1899, таб. VIII: 6; Брянский клад, 2018, рис. 5–7). Также он присутству-

ет на шарнирном браслете из Брянского клада (Брянский клад, 2018, рис. 42). Такой орнамент наносился фляштителем, имевшим дугообразное сечение. В результате применения этого инструмента получался зигзаг не из ровных, а из слегка изогнутых линий. На некоторых вещах этот орнамент имеет разрывы в центральной части. Такой след может быть результатом повреждения рабочей поверхности инструмента, но нельзя исключать, что использовался специализированный инструмент.

Гравированный орнамент встречается в основном на браслетах и венчиках. Обычно он представлен линиями и дугами. Для этих операций могли использовать мессерштихель и спицштихель.

Таким образом, если сопоставлять результаты проведенного анализа с таблицей ювелирных инструментов, приведенной в работе И.Е. Зайцевой и Т.Г. Сарачевой, то можно утверждать, что мастерам, изготавливавшим украшения круга варварских эмалей, были доступны основные ювелирные инструменты. Среди них встречаются инструменты для работы с воском, различные опорные, ударные, режущие и рубящие, для разметки и нанесения орнамента, отделочные, приспособления для плавки металла и пр.

Отметим, что отсутствуют следующие категории инструментов: пилящие, контрольные и предназначенные для пайки. К контрольным инструментам относятся весы. У нас нет основания утверждать, что при создании металлических сплавов они не применялись, однако невозможно уверенно говорить и об обратном. Использование приема пайки не было зафиксировано ни на одном изделии, вероятно, она не была известна мастерам – специалистам по варварским эмалям. Пилящие инструменты были известны местному населению, но вероятно, они не применялись для металлообработки.

Также можно говорить, что некоторые инструменты, известные в этот период, не использовались или не были известны мастерам. Примером может служить волочиная доска (фильера). Вся проволока, обследованная в рамках этой и предшествующих работ, была сделана ковкой.

Заметим, что все литые предметы подвергались значительной постлитейной механической доработке. Благодаря ей с внешней поверхности предмета убирался литейный брак. Само литье же проводилось по оптимальной и упрощенной процедуре. Это позволяло тиражировать необходимые вещи.

## Литература

**Биркина Н.А. В печати.** Некоторые аспекты технологии изготовления вещей из Брянского и Мощинского кладов // КСИА.

**Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). 2018.** / Ред.: А.М. Обломский. (Раннеславянский мир. Вып. 18). М.: ИА РАН, Вологда: Древности Севера. 562 с.

**Булычев Н.И. 1899.** Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 85 с.

**Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. 2011.** Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII вв. М.: Индрик. 404 с.

**МакКрайт Т. 2002.** Практическое литье. Руководство для мастерской. Омск: Изд-во Наследие. Диалог Сибирь. 164 с.

**Минасян Р.С. 2014.** Металлообработка в древности и Средневековье. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 472 с.

**Рыбаков Б.А. 1948.** Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 802 с.

**Сапрыкина И.А. 2018.** Некоторые данные к технике изготовления и химическому составу цветного металла предметов из Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Ред.: А.М. Обломский. (Раннеславянский мир. Вып. 18). М.: ИА РАН. С. 227–236.

**Черных Е.Н., Хоферте Д.Б., Барцева Т.Б. 1969.** Металлургические группы из цветного металла I тысячелетия н.э. из Прибалтики // КСИА, 119. С. 109–120.

## Summary

## Jewelers' tools of the East European enamels range

N.A. Birkina

This work is the first attempt to reconstruct the tool base of jewelers of barbarian enamels range. On the basis of trace analysis, and general information about the technological processes, the tools were grouped according to the nature of the work they performed. As a result, we can say that the masters of barbarian enamels range knew and were able to use basic jewelry tools necessary for simple operations to create jewelry, such as forging, grinding, and so on. And casting was carried out according to the optimal procedure, that allowed to replicate the necessary things.

*Keywords:* jewelry tools, artifacts of the East European barbarian enamels range, casting, forging, chasing, engraving, trasology.

# Пряжка из Врченовацкого городища и византийские находки середины и второй половины VII в. из Сербского Поморавья

И. Бугарски (Белград, Сербия)

В статье публикуется ранневизантийская пряжка, найденная на Врченовацком городище на юге Сербии. В краеведческом музее в Алексинаце хранятся находки, на основании которых можно определить два основных горизонта заселения этого памятника. О ранневизантийском периоде, кроме нескольких фрагментов глиняных сосудов, свидетельствуют два фоллиса императора Анастасия I и фрагментированная пряжка, которая похожа на самые поздние находки из группы *lyrenförmige Drachenpaarschnallen*, найденных в Трансданубии и датированных последней третью VII в. Это первая такая находка на Центральных Балканах. Основываясь на качестве изготовления и месте обнаружения этой вещи, мы можем рассматривать ее как образец, которому подражают близкие вещи из Трансданубии. Датировка нашей пряжки не выходит за пределы середины VII в. Около 620 г. на всей территории Центральных Балкан практически полностью прекратилось обращение византийских монет. Между тем в Сербском Поморавье в небольшом количестве найдены более поздние вещи VII в. Одной из них является наша пряжка.

*Ключевые слова:* пряжка, ранневизантийский период, VII век, Центральные Балканы, Сербское Поморавье.

Одной из сфер научных интересов уважаемого коллеги и друга Игоря Олеговича Гавритухина являются металлические детали костюма поздней античности и раннего средневековья. Я очень надеюсь, что посвященный его юбилею сборник станет достойным местом для публикации одной из таких находок – ранневизантийской пряжки, найденной в Врченовацком городище. Оно расположено на юге Сербии на склонах горы Велики Ястребац. Несмотря на то, что городище находится в глубине горного массива, его положение над рекой Южная Морава к северо-западу от древнего города Наис позволяло поддерживать связь с обширной территорией котловины реки Топлица с юга.

Многослойное городище расположено на высоте 455 м над уровнем моря на доминирующем возвышении, окруженном двумя реками и одним сезонным потоком, что усиливает систему обороны крепости, помимо этого имеющей и собственный источник пресной воды. Стены крепостных валов окружают площадь в 2,5 га, на которой отчетливо видно «поразительно большое скопление обтесанного камня», а также кирпича и черепицы античного формата. Городище известно уже более ста лет. Его осмотр проводился несколько раз, а в краеведческий музей в Алексинаце поступала керамика, собранная во время проведения строительных работ. Помимо этого еще в 1894 году этнолог Тихомир Джор-



джевич указывал, что в поисках сокровищ люди незаконно перекапывают укрепление. К сожалению, то же самое мы наблюдаем и сейчас (Милојевић, Милојевић, 2015).

Несмотря ни на что, в краеведческом музее в Алексинаце хранится достаточное количество материала, на основании которого можно определить, что на памятнике имеются два основных горизонта заселения. О ранневизантийском периоде, кроме уже упомянутых кирпичей и черепицы, а также нескольких фрагментов керамических сосудов, свидетельствуют два фоллиса времени императора Анастасия I (491–518 гг.). Оба были отчеканены в Константинополе и отнесены к эмиссии 517/8 годов (Милојевић, Милојевић, 2015, с. 82–84). Неудивительно, что городище было заселено в раннем средневековье, принимая во внимание описанные особенности рельефа и микротопографии (см.: Ivanišević, Bugarski, 2019). Эту фазу датировали примерно X–XI вв. на основании находок анонимного фоллиса и керамики (Милојевић, Милојевић, 2015, с. 79–85), а также колец, хранящихся в Народном музее в Крушеваце, и двух сережек из частной коллекции (Рашковић, 2013, с. 68, табл. 8).

О ранневизантийском горизонте в Врченовацком городище, кроме упомянутых вещей, свидетельствует случайная находка – пряжка, привлекающая мое внимание в апреле 2017 г. во время просмотра коллекции Алексинацкого краеведческого музея. Она отлита из бронзы, фрагментирована, размеры сохранившейся части – 3,8 см × 2,7 см (рис. 1 на с. 277). Цельнолитая пряжка имела удлиненную овальную рамку, сохранился остаток железного язычка, но он подвергся коррозии. К рамке прилегал щиток с двумя вогнутыми внутрь сторонами, имеющий отверстие посередине в виде квадрата длиной 0,5 см. На обратной стороне щитка находятся два перфорированных выступа трапециевидной формы для крепления пряжки к кожаному поясу, расположенные зеркально друг к другу. Хуже всего сохранилась вторая часть щитка. Его остатки – овальной формы, судя по ним и по аналогиям, щиток, по-видимому, имел сердцевидное или почковидное отверстие. Описанные элементы щитка и завершения пряжки орнаментированы параллельными вдавленными линиями, а обратная сторона изделия – гладкая, кроме части для крепления.

Хотя пряжка сохранилась не полностью, она имеет достаточно типологических характеристик, чтобы можно было определить ее происхождение и датировку. Это – относительно ред-

кий тип. В эталонной коллекции византийских пряжек из Майнца отсутствуют соответствующие предметы (см.: Schulze-Dörrlamm, 2002; 2009). Кроме того, если судить по имеющимся обзорам, такие находки не зафиксированы ни в Крыму, ни к югу от нижнего Дуная, ни в Северной Африке (см.: Ajbabin, 2011; Ангелова Трайкова, 2017; Eger, 2010).

Напротив, в погребениях аварского времени, обнаруженных в Карпатском бассейне, среди многочисленных изделий византийского происхождения подобные вещи известны (рис. 2). Похожие изделия из Трансданубии (Kiskassa, Halimba) относят к одним из самых поздних находок группы *lyrenförmige Drachenspaarschnallen*, датированных последней третью VII в. на основании комплексов погребений (Garam, 2001, S. 107, Taf. 68: 1–3). Ева Гарам к этой группе обоснованно отнесла еще одну трансданубскую находку (Komarno), которая в другой работе была определена как одна из самых ранних пряжек паннонской группы типа *Keszthely-Pécs*. Подобное определение вытекает из датировки всего некрополя в Комарне, отнесенного к первой половине VII в. (Varsik, 1992, S. 86, Taf. V: 4). Урсула Иблер исследовала паннонские пряжки в том же году, что и Владимир Варсик. Одну из упомянутых находок (Kiskassa) она определила как изделие типа *Boly-Želovce*. Пряжки, которые она отнесла к этому типу, были найдены, кроме Паннонии, в Албании, Греции и на Истрии (Ibler, 1992, S. 138–140, Abb. 4: 19; 5).

С другой стороны, экземпляр из Врченовацкого городища – первая подобная находка в Центральных Балканах (см.: Bugarski, 2012). Сравнительно близкая пряжка из Царичин-града (*Justiniana Prima*) (рис. 3) отнесена к типу *Keszthely-Pécs*, датированному второй третью VI – второй третью VII в. (Bavant, Ivanišević, 2019, p. 223, n. 801, cat. № 1803, pl. LII: 1803). По мнению Урсулы Иблер, это – единственная находка подобного типа, обнаруженная к югу от Карпатского бассейна (Ibler, 1992, S. 135–138, Abb. 1: 10, 2). Если рассматривать предлагаемые типологии, типы *Keszthely-Pécs* и *Boly-Želovce* определяются в довольно широких рамках. В эти таксоны входят вещи, демонстрирующие помимо схожих основных черт и значительные отличия друг от друга (см.: Blay, Samu, 2016, S. 308). О несогласованности типологии свидетельствует и тот факт, что В. Варсик и У. Иблер один и тот же экземпляр из Каши (Kiskassa) относят к разным типам. Помимо этого, Урсула Иблер бал-

канские и паннонские находки рассматривает вместе. Несмотря на то, что они имеют разный контекст, она не дает их конкретное этническое определение (*interethnic*), указывая, что по стилю они восходят к византийским поясным пряжкам (Ibler, 1992, S. 135). Между тем, Ева Гарам для всех этих находок определила византийское происхождение (Garam, 2001).

Если мы хотим дать более конкретное определение пряжки из Врченовацкого городища, то, основываясь на качестве изготовления и месте ее находки, мы можем ее рассматривать как образец, которому подражают вышеупомянутые вещи из Трансданубии, которые все-таки считаем производными от типов *Boly-Želovce* или *Keszthely-Pécs*. Таким образом, эти находки представляют либо византийские изделия сравнительно низкого качества, такие, как пряжка из Царичин-града, либо, что более вероятно, местные копии, сделанные по византийской модели. О подобных явлениях писали достаточно много (см.: Daim, 2000; 2010; Bühler, 2011; Heinrich-Tamáska, 2016), а в последнее время, применительно к «паннонским» пряжкам, второй вариант объяснения представляется наиболее вероятным (Blay, Samu, 2016, S. 308–309). В любом случае, датировка нашей находки не выходит за пределы середины VII в.

Пряжка из Врченовацкого городища важна при обсуждении продолжительности заселения первой фазы памятника. Ее конец отнесен приблизительно ко второму десятилетию VII в., когда в окрестностях Наиса и на всей территории Центральных Балкан практически полностью прекратилось обращение византийских монет (Милојевић, Милојевић, 2015, с. 84; см. Popović, 1975, pp. 489–491). Из этого общего вывода надо сделать исключение для Сербского Поморавья, откуда происходит небольшое количество находок более позднего ранневизантийского периода. Прежде всего нужно упомянуть о фрагментированной пряжке, найденной в Чуприи (*Horreum Margi*). Пряжка цельнолитая, бронзовая, ее длина составляла около 5,5 см (Янкович, 1990, с. 20, кат. бр. 108: 1). Согласно классификации Евы Гарам она относится к варианту *Tierkopfschnallen*, а самый похожий известный мне экземпляр найден в Кестхее (см.: Garam, 2001, Taf. 70: 8). Помимо пряжки (рис. 4), авторы упоминают о находке бронзовой монеты императора Константина IV, датированной 643/4 г. (?), найденной в Чуприи, которая предположительно хранилась в краеведческом

музее в Ягодине (Янкович, 1990, с. 20, кат. бр. 108: 3), однако в каталоге нумизматической коллекции музея она не опубликована (см.: Додић, Грбович, 2009).

Недавно была обработана группа находок, найденных в окрестностях Врченовацкого укрепления. В Меровине близ Ниша найден солид, выпущенный в 661–663 гг. императором Константином II, а золотая серьга типа *Jánoshida*, обнаруженная в самом Наисе, относится к последней четверти VII в. На основании четких параллелей тем же периодом датирована и ранее опубликованная матрица для тиснения поясных наконечников, найденная на памятнике *Praesidium Pompei* в котловине Алексинаца. В эту группу находок включено и кадило из Пепелеваца близ Куршумлии (см.: Bugarski, 2012, pp. 234–238). В 2011 году в Давидоваце около Буяноваца было обнаружено погребение воина с византийской поясной гарнитурой, датированное второй четвертью VII в. (Petković et alii, 2016). К этому более раннему горизонту также относится гексаграмма императора Ираклия из крепости Люти-Врх около Сврлига, отчеканенная между 615 и 638 гг. (Popović, 1975, p. 503, Fig. 21), что соответствует последним монетам из Наиса и Царичин-града, гексаграммам Ираклия 615–625 гг. (Ivanišević, 2010, p. 451).

Состояние находки из Врченовацкого городища допускает несколько иную интерпретацию. Например, Юзеф Забойник считает, что фрагментированные поясные элементы, отлитые из бронзы, относящиеся к позднему аварскому периоду и найденные в раннесредневековых укреплениях в современной Чешской Республике, фактически представляют собой сырье для переплавки, собиравшееся в более поздний период (Zábojník, 2011). Поскольку на наших раскопках четко выделен раннесредневековый горизонт, нельзя отбрасывать такую возможность, хотя никаких следов металлообработки и не было обнаружено. Даже если это и так, что маловероятно, в любом случае пряжка связана с территорией, окружающей Врченовацкое городище, с областью, где ранее были зарегистрированы византийские находки VII в.

Более раннее заключение, что распространение византийских находок VII в. на Центральных Балканах указывает на то, что Империя «каким-то образом» все еще контролировала укрепления, расположенные ниже по Дунаю, и коммуникации, ведущие из Сердики через Наис

до Сингидунума (Янкович, 1990, с. 20), недавно было уточнено наблюдением, что в Подунавье в основном группируются находки конца VI и начала VII вв., в то время как в Южном Поморавье можно найти вещи более позднего периода, причем некоторые из них являются роскошными (Bugarski, 2012, pp. 233–238; Бугарски, Радишић, 2016, с. 91–93, сл. 45). Падение Дунайской границы произошло после правления императора Фоки (602–610 гг.) (Баришић, 1956; см.: Haldon, 2003, pp. 43–44), но исторические источники, свидетельствующие, что византийское население в континентальной части Центральных Балкан сохранилось, почти полностью отсутствуют.

Более поздних находок VII в., найденных в Поморавье, известно не так много, поэтому публикация каждого предмета, как, например, пряжки из Врченовацкого городища необычайно важна (рис. 5 на с. 277). Это – самые поздние находки раннего византийского периода на Центральных Балканах, концентрирующиеся на территории, где до сих пор не обнаружены следы присутствия славянских племен этого времени, и, которые, с точки зрения археологии, указывают на эту территорию как на одну из зон уже сильно регионализованной восточно-римской цивилизации конца VI – VII вв. (см.: Rorović, 1975, p. 457). Поскольку следы присутствия славян наблюдаются на обширной территории лишь спорадически, получается, что в VII в. их расселение не отменило византийскую администрацию на Центральных Балканах, эти территории оставались очень малонаселенным и находились вне чьего-либо прямого контроля (Ostrogorsky, 1959, p. 4; Бугарски, Радишић, 2016, с. 99, сл. 45).

И в заключение необходимо упомянуть о еще двух недавних находках, которые могли бы точно вписаться в представленную картину, если бы о них имелась более надежная информация. Это – бронзовые элементы поясной гарнитуры и набор матриц для изготовления поясных бляшек (включая псевдопряжки!) и конской упряжи, которые были найдены с помощью металлоиска-

теля. Утверждается, что пояс найден в деревне Йошаница, а матрицы – на участке между Церовицей и Княжевацем. Оба места находятся в районе Сокобанья (Рашковић, 2016, с. 35–39; табл. VII: 3–10; VIII). Когда речь идет о случайных находках и/или о вещах, обнаруженных с помощью металлодетектора, сообщения о локализации поврежденных предметов, которые не имеют материальной ценности и которые могут идентифицировать только специалисты, не должны подвергаться сомнению, особенно тогда, когда их датировка укладывается в уже известные локальные хронологические рамки. Именно таким является пример пряжки из Врченовацкого городища.

В случае же определения места нахождения наборов предметов, таких как два упомянутых выше, когда мы не можем сослаться на ранее известный нам материал, необходимо оставаться достаточно осторожными. Особенно это относится к таким находкам, как матрицы, которые либо могут дать ценное направление в длительном обсуждении о происхождении соответствующих тисненых предметов, либо могут направить исследователей по ложному следу. Когда такие находки опубликованы и на них ссылаются в научной литературе разных стран (см.: Gulyás, 2018, S. 110, n. 60, Fig. 4: 11–14), их локализация представляется несомненной, хотя следует помнить, что на «черном» рынке незаконно раскопанных древностей идет перепродажа и обмен древними вещами, а также их копиями, изготовленными более или менее искусно.

**Благодарность.** Благодарю коллег из краеведческого музея Алексинаца за гостеприимство и разрешение опубликовать находку, благодарю своего коллегу Петра Милоевича из Института археологии в Белграде за фотографии, первый рисунок пряжки и информацию об этой вещи.

*Перевод с сербского языка  
на русский: Елена Вукичевич*

## Литература

**Ангелова Трайкова Л. 2017.** Коланът южно от Долен Дунав – края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт с музей – БАН. 556 с.

**Баришић Ф. 1956.** Цар Фока (602–610) и подунавски Авари-Словени // Сборник радова Византолошког института. № 4. С. 73–88.

**Бугарски И., Радишић М. 2016.** Централни Балкан у раном средњем веку: археолошка сведочанства о променама // Процеси византинизације и српска археологија (Византијско наслеђе и српска уметност I) / Ред. В. Бикић. Београд: Српски комитет за византологију – ЈП Службени гласник – Визан-

толошки институт Српске академије наука и уметности. С. 91–99.

**Додић С., Грбовић Д. 2009.** Новац у Завичајном музеју Јагодина. Јагодина: Завичајни музеј. 51 с.

**Јанковић М., Ђ. 1990.** Словени у југословенском Подунављу (Каталог изложбе 36). Београд: Музеј града Београда. 149 с.

**Милојевић П., Милојевић Ј. 2015.** Врхеновачко градиште – рановизантијски и раносредњовековни археолошки материјал из збирке Завичајног музеја Алексинац // Караџић. № 7. С. 73–105.

**Рашковић Д. 2013.** Прилог познавању археолошких налазишта Алексиначке котлине // Караџић. № 5. С. 57–77.

**Рашковић Д. 2016.** Низинска античка насеља и висинска рановизантијска налазишта у окружју Алексинца и Соко Бање // Караџић. № 8. С. 21–48.

**Ajabin A.I. 2011.** Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit (Monographien RGZM 98). Mainz: RGZM. 274 S.

**Bavant B., Ivanišević V. 2019.** Catalogue des objets des fouilles anciennes // Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études (Collection de l'École française de Rome 75: 4 – Arheološki institut u Beogradu, Caričin grad 4) / Ed. B. Bavant, V. Ivanišević. Rome – Belgrade: École française de Rome – Institut archéologique de Belgrade. P. 1–298.

**Blay A., Samu L. 2016.** Über die mediterranen Kontakte des frühawarenzeitlichen Karpatenbeckensam Beispiel ausgewählter Fundgruppen // GrenzÜbergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau – Late Roman, Early Christian, Early Byzantine as categories in historical-archaeological research on the middle Danube. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauroaum, Ruma, 4.–7.11.2015 (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 4) / Eds. I. Bugarski et alii. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner. S. 291–310.

**Bugarski I. 2012.** On the Jánoshida Type Earrings and the Seventh Century Byzantine Finds from the Western Balkans, with a Retrospective View of the Vajska (Vajszka) Cemetery // Thesaurus avarorum. Régészeti tanulmányok Garam Éva tiszteletére – Archaeological Studies in Honour of Eva Garam / Ed. T. Vida. Budapest: ELTE Bölcsészettudományi Kar Régészettudományi Intézet – Magyar

Nemzeti Múzeum – MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont Régészeti Intézet. P. 233–254.

**Bühler B. 2011.** Is it Byzantine Metalwork or not? Evidence for Byzantine Craftsmanship Outside the Byzantine Empire (6<sup>th</sup> to 9<sup>th</sup> Centuries AD) // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter, Welt der Ideen, Welt der Dinge 1 (Monographien RGZM 84: 1) / Eds. F. Daim, J. Drauschke. Mainz: RGZM. S. 213–234.

**Daim F. 2000.** “Byzantinische” Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt, Studien zu Diplomatie, Handel und Technologietransfer im Frühmittelalter (Monographien zur Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie 7) / Ed. F. Daim. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner. S. 77–204.

**Daim F. 2010.** Byzantine Belt Ornaments of the 7<sup>th</sup> and 8<sup>th</sup> Centuries in Avar Contexts // Intelligible Beauty: Recent Research on Byzantine Jewellery (British Museum Research Publication 178) / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum Press. P. 61–71.

**Eger Ch. 2010.** Byzantinische Gürtelschnallen aus Nordafrika – ein typologischer Überblick // Ephemeris Napocensis. № XX. S. 129–168.

**Garam É. 2001.** Funde byzantinischer Herkunft in der Awarzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts (Monumenta Avarorum Archaeologica 5). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum – MTA Régészeti Intézete. 432 S.

**Gulyás B. 2018.** A szegvár-sápoldali 1. sír keleti kapcsolatai az újabb orosz és ukrán kutatás fényében // Archaeologiai Értesítő. № 143. S. 105–115.

**Haldon J.F. 2003.** Byzantium in the Seventh Century, The transformation of a culture. Revised edition. Cambridge – New York – Melbourne: Cambridge University Press. 492 pp.

**Heinrich-Tamáška O. 2016.** Byzantine goldsmithing in Avaria? Exchange and transfer at the edge of the Empire during the seventh century AD // GrenzÜbergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau – Late Roman, Early Christian, Early Byzantine as categories in historical-archaeological research on the middle Danube. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donauroaum, Ruma, 4.–7.11.2015 (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 4) / Eds. I. Bugarski et alii. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner. P. 273–290.



**Ibler U. 1992.** Pannonische Gürtelschnallen des späten 6. und 7. Jahrhunderts // *Arheološki vestnik*. № 43. S. 135–148.

**Ivanišević V. 2010.** La monnaie paléobyzantine dans l'Illyricum du nord // *Mélanges Cécile Morisson. Travaux et Mémoires* 16 / Réd. G. Dagron. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. P. 441–454.

**Ivanišević V., Bugarski I. 2019.** Post-antique settlement patterns in the central Balkans: use of Justinianic landscape in the early middle ages // *Mediterranean Landscapes in Post Antiquity: New frontiers and new perspectives* / Eds. S. Gelichi, L. Olmo-Enciso. Oxford: Archaeopress Archaeology. P. 7–17.

**Ostrogorsky G. 1959.** The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. № 13. P. 1–21.

**Petković S., Bugarski I., Miladinović-Radmilović N. 2016.** A non-wandering soldier's grave? The seventh-century burial in Davidovac (southern Serbia) // *GrenzÜbergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau – Late Roman, Early Christian, Early Byzantine as categories in historical-archaeological research on the middle Danube. Akten des 27. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum, Ruma, 4.–7.11.2015 (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 4)* / Eds. I. Bugarski et alii. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner. Pp. 247–272.

**Popović V. 1975.** Les témoins archéologiques des invasions avaro-slaves dans l'Illyricum byzantin // *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité*, № 87: 1. P. 445–504.

**Schulze-Dörrlamm M. 2002.** Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum 1. Die Schnallen ohne Beschlag, mit Laschenbeschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts (Kataloge RGZM 30:1). Mainz: RGZM. 258 S.

**Schulze-Dörrlamm M. 2009.** Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum 2. Die Schnallen mit Scharnierbeschlag und die Schnallen mit angegossenem Riemendurchzug des 7. bis 10. Jahrhunderts (Kataloge RGZM 30:2). Mainz: RGZM. 404 S.

**Varsik V. 1992.** Byzantinische Gürtelschnallen im mittleren und unteren Donaauraum im 6. und 7. Jahrhundert // *Slovenská archeológia*. № XL :1. S. 77–108.

**Zábojník J. 2011.** Zum Vorkommen von Gegenständen „awarischer“ Provenienz auf den slawischen Burgwällen nördlich der Donau // *Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldt-Stiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgrabungen in Pohansko bei Břeclav, 5.–9.10.2009, Břeclav, Tschechische Republik (Studien zur Archäologie Europas 14)* / Eds. J. Macháček, Š. Ungerman. Bonn: Habelt-Verlag. S. 203–214.

## Summary

### The buckle from Vrćenovac hillfort and Byzantine finds from the middle and the second half of the seventh century in the Serbian Morava region

#### I. Bugarski

The article presents the fragmented early Byzantine buckle found at the Vrćenovac hillfort in the south of present-day Serbia. Archaeological finds from this hillfort, stored at the Heritage Museum of Aleksinac, can be attributed to two main occupation phases. In addition to several pottery fragments and two folles struck for Emperor Anastasius I, the buckle belongs to the early Byzantine period. The first find of this kind in the Central Balkans, it resembles lyrenförmige Drachenpaarschnallen from Transdanubia, dated to the last third of the seventh century. Judging by its quality and the location of the finding site, we may consider it one of the models after which the similar buckles from Transdanubia were made. The date of our buckle does not go beyond the middle of the seventh century. Around the year 620, the circulation of Byzantine coins in the Central Balkans had almost completely collapsed; however, a small number of finds from the later seventh century, including the buckle from the Vrćenovac hillfort, cluster in the Serbian Morava region.

*Keywords:* buckle, early Byzantine period, seventh century, Central Balkans, Serbian Morava region.



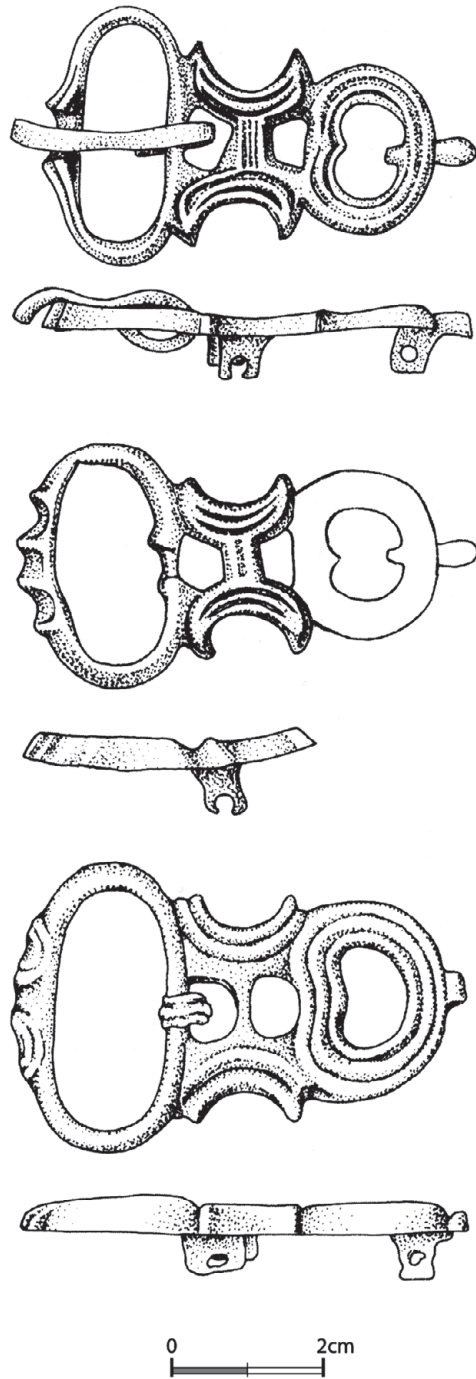
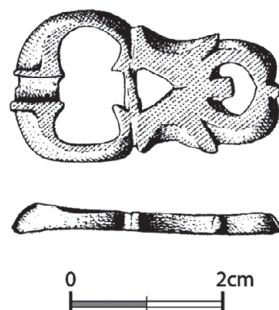
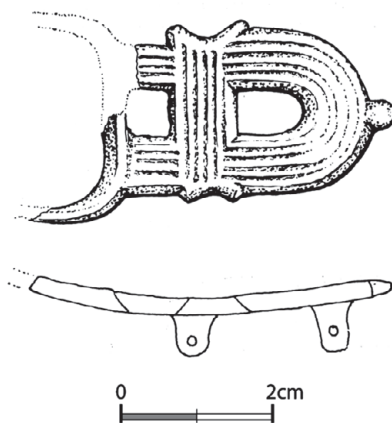


Рис. 2. Пряжки из Трансданубии (Garam, 2001).



**Рис. 3.** Пряжка из Царичин-града (Bavant, Ivanišević, 2019).



**Рис. 4.** Пряжка из Чуприи (Јанковић, 1990).

# Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела

А.М. Воронцов, Е.В. Столяров (Тула)

В статье публикуется свод находок восточноевропейских сильно профилированных фибул с территории Окско-Донского водораздела (рис. 1). Все они связаны с памятниками типа Ново-Клеймёново (II – начало III вв.) и, возможно, с ранним горизонтом мощинской культуры (середина III в.).

К ранним экземплярам относятся находки фибул с бусиной на головке и с крючком для тетивы, происходящие с поселения Большая Кожуховка 2 (рис. 2: 1–3), относящиеся к группе 11, серии I, вариантам 2 и 36 по А.К. Амброзу. Близка к ним находка с городища Слобода, являющаяся дериватом фибул этой серии (рис. 3: 1).

К ранним экземплярам серии II по А.К. Амброзу относится находка железной фибулы 1-го варианта из Ефремовского района, имеющая аналогии в материалах сарматских погребений Нижнего Дона (рис. 2: 6).

Наиболее поздние находки представлены экземплярами из Супрут (рис. 2: 5) и с селища Большая Кожуховка 2 (рис. 2: 4). Они относятся к варианту 2 серии II и датируются серединой III в.

*Ключевые слова:* Окско-Донской водораздел, восточноевропейские сильно профилированные фибулы, памятники типа Ново-Клеймёново, мощинская культура.

До последнего времени на территории Окско-Донского водораздела была известна единственная находка восточноевропейской сильно профилированной фибулы. Ей была посвящена специальная работа Игоря Олеговича Гавритухина, в которой он подробно разобрал эволюцию и хронологию фибул 11 группы серии II (с бусиной на головке и без крючка для тетивы) по А.К. Амброзу (Гавритухин, 2010). Последние находки значительно расширяют круг вещей этой группы на интересующей нас территории. Продолжая работу юбиляра, мы представляем в этом сборнике их полную сводку. К сожалению, практически все находки сделаны грабителями, за исключением фибулы с городища Слобода (рис. 1: 2; 3: 1). Тем не менее, они попали в фонды музея-запо-

ведника «Куликово поле» и могут использоваться в дальнейших научных построениях.

Эти находки наиболее вероятно происходят с памятников типа Ново-Клеймёново, генетически связанными с верхнедонскими памятниками позднесарматского времени, и датирующимися в рамках II – начала III в. (Воронцов, 2013, с. 15–22). Последние находки позволяют отнести начало процесса экспансии лесостепного сарматизированного населения на территорию лесной части Окско-Донского водораздела к середине I в. (Воронцов, Столяров, 2019). Точная датировка финала древностей типа Ново-Клеймёново и появления сменивших их поселений мощинской культуры около середины III в. пока не ясны. Поэтому, как справедливо отметил Игорь Олегович,

наиболее поздние находки восточноевропейских сильно профилированных фибул могут относиться как к наиболее поздним памятникам типа Ново-Клеймёново, так и к ранним мощинским (Гавритухин, 2010, с. 56–57).

К ранним экземплярам, происходящим с территории Окско-Донского водораздела, относятся находки фибул с бусиной на головке и с крючком для тетивы, происходящие с поселения Большая Кожуховка 2 (рис. 2: 1, 2). А.К. Амброз включил такие находки в группу 11, серии I, варианты 2 (с приемником, начинающимся сразу от задней бусины и относительно недлинной спинкой) и 3б (с более длинной, пластинчатой спинкой), соответственно, и датировал II в. (вариант 2) и II – первой половиной III в. (вариант 3) (Амброз, 1966, с. 40–41). К этой же серии относится обломок верхней части фибулы, найденный на этом же поселении (рис. 2: 3). В данном случае ее сохранность не позволяет определить вариант. Известно еще об одной грабительской находке фибулы, относящейся к варианту 3а серии I, происходящей из Орловского района Орловской области (рис. 1: 8). Она бронзовая, имеет полную сохранность и дополнительную бусину в середине дужки.

Важно отметить, что все находки расположены на самой границе лесной зоны, причем поселение Большая Кожуховка 2 находится на так называемом Муравском шляхе – сухопутной дороге из Крыма, известной по позднесредневековым источникам и, возможно, существовавшей в древности. На Верхнем Дону известны два курганных могильника позднесарматского времени – Вязовский и Ново-Никольский (рис. 1: 5, 6), в материалах которых бронзовые восточноевропейские сильно профилированные фибулы I серии вариантов 1–3 представлены значительной серией – 38 экземпляров (Медведев, 2008, с. 99–100). Вероятно, во II – начале III в. здесь располагался «административный» центр территории, включавшей лесостепное Подонье и лесное правобережье Верхней Оки.

А.С. Скрипкин, анализируя фибулы Нижнего Поволжья, согласившись с выделением А.К. Амброзом 1-го варианта фибул серии I (с короткой спинкой и приемником, удаленным от задней бусины), предложил объединить фибулы 2-го и 3-го варианта в один и датировать его II в., преимущественно его серединой (Скрипкин, 1977, с. 109–113). Причиной объединения вариантов послужило то, что, по его мнению, позволяющий различать их признак – большая и меньшая

длина спинки – не отличается достаточной точностью. Точка зрения А.С. Скрипкина была подтверждена М.В. Кривошеевым, который обосновал датировку для фибул 2-го и 3-го вариантов по А.К. Амброзу, происходящих из сарматских погребений южной части Волго-Донского междуречья, в рамках середины-конца II – начала III в. (Кривошеев, 2005, с. 145–146).

Рассматривая интересующие нас сильно профилированные фибулы в материалах Северного Кавказа, Т.А. Габуев и В.Ю. Малашев отмечают, что застежки с крючком для тетивы и стержневидной спинкой характерны для комплексов середины II – начала III в., и, вероятно, частично синхронизируются с фибулами с узкой пластинчатой ромбической спинкой (Габуев, Малашев, 2009, с. 133–135). Они указывают, что в целом, на уровне тенденции, экземпляры с пластинчатой спинкой занимают более позднюю позицию по отношению к застежкам со стержневидной спинкой, но в начале III в. на Северном Кавказе происходит замена сильно профилированных фибул с крючками для тетивы застежками местной серии – центральнокавказскими сильно профилированными фибулами с нижней тетивой.

В.В. Кропотов объединил находки 1-3 вариантов по А.К. Амброзу в рамках серии II группы 10 фибул сарматской эпохи, предложив деление на формы 1 и 2 – с короткой и длинной спинкой соответственно, исключив как признак расстояние от задней бусины до приемника (Кропотов, 2010, с. 229–248). Он дает для этой серии широкую дату – II – 1-я половина III в., хотя и отмечает, что в конце II – первой половине III в. такие находки «не столь многочисленны». Мы считаем, что уменьшение количества признаков и упрощение типологии – не лучший путь для разработки дробной хронологии, но, безусловно, указанные им поздние находки сильно профилированных фибул с крючком для тетивы требуют дальнейшего анализа и уточнения данных. В частности, его утверждение, что такие находки известны с монетами 1-й половины III в. (Кропотов, 2010, с. 231), основывается на материалах склепа с многократными погребениями (№ 78 по его каталогу) и одной из построек Танаиса (№ 211–212), где они могли быть переотложены.

Таким образом, наиболее вероятная датировка интересующих нас находок – середина II – начало III в. и они могут быть уверенно соотнесены с горизонтом памятников типа Ново-Клеймёново.

На городище Слобода была найдена крупная железная фибула, являющаяся дериватом восточноевропейских сильно профилированных (рис. 1: 2; 3: 1). Близкие аналогии ей происходят из слоя позднесарматского времени на селище Стаево 5, расположенного в верховьях р. Воронеж (рис. 1: 7; 3: 2–3) (Обломский, 2020, с. 373, рис. 10: 564, 2/2015). Андрей Михайлович относит их к выделенной В.В. Кропотовым форме 8 группы 11 – «гибридных» фибул, сочетающих «признаки лучковых подвязных фибул и сильно профилированных с кнопкой на дужке» (Кропотов, 2010, с. 250, 254, рис. 71: 5).

Рассмотрим эти фибулы подробнее. Все они железные, крупные, имеют пластинчатую спинку, имеющую максимальное расширение к головке (рис. 3: 1, 2) или в середине, как у фибул варианта 3б (рис. 3: 3). Бусина на головке отсутствует. Форма ножки, приемника, и бусина, отделяющая кнопку, близки фибулам серии I восточноевропейских сильно профилированных фибул. Отметим, что приемник расположен достаточно далеко от бусины, что бывает на некоторых застежках варианта 3а и 3б (Амброз, 1966, таб. 8: 10; Кропотов, 2010, рис. 65: 8). Пружина – короткая, с верхней тетивой, на фибулах из Стаево 5 крючок для тетивы отсутствует (рис. 3: 2–3), для фибулы из Слободы сохранность пружинящего механизма не позволяет однозначно ответить на этот вопрос (рис. 3: 1).

Соотнесение верхневоронежских находок с «гибридными» фибулами формы 8 по В.В. Кропотову, на наш взгляд, сомнительно. Эта форма представлена всего тремя экземплярами, из которых опубликованы два (Кропотов, 2010, с. 256–257). Фибула из кургана 3 Ютаевки имеет трехвитковую пружину с верхней тетивой, массивную пластинчатую спинку, расширенную посередине, отделенную от приемника шаровидным утолщением и пластинчатый приемник с отломанным краем (Скрипкин, 1977, с. 117–118, рис. 6: 29). А.С. Скрипкин отмечает, что эта фибула не имеет довольно близких аналогий на других памятниках, и, возможно, представляет собой результат местного творчества. Мы же отметим массивность спинки, отличающую этот экземпляр от интересующих нас находок, шаровидное утолщение, отделяющее спинку, а не биконическую бусину. Кроме того, сохранность приемника не позволяет понять, была ли на его конце кнопка.

Фибула из могилы 11/1982 некрополя Крепостного городища исследователями соотно-

сится с восточноевропейскими сильно профилированными (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 30, табл. II: 15). Насколько можно понять по рисунку и описанию группы находок, она имеет стержневидную спинку.

С третьей находкой, происходящей из погребения 179 могильника у х. Чернышев в Адыгее, к сожалению, ознакомиться не удалось, поскольку она не опубликована, а отчетные материалы весной 2020 года оказались недоступны.

Таким образом, выделенная В.В. Кропотовым группа 8 представляет собой сомнительный набор разнородных находок, очень отдаленно напоминающих интересующие нас фибулы Окско-Донского водораздела.

Мы считаем, что, по совокупности признаков, рассматриваемые фибулы являются местным дериватом восточноевропейских сильно профилированных фибул серии I, наиболее близки варианту 3б по А.К. Амброзу и должны датироваться в рамках середины II – начала III в. Конечно, не исключено влияние на них со стороны ранних экземпляров застежек серии II (с бусиной на головке и без крючка для тетивы). Все они связаны с одним кругом памятников, и, возможно, со временем они будут выделены в локальную серию, характерную для сарматизированного населения Окско-Донского водораздела.

Из Ефремовского района Тульской области происходит железная фибула (рис. 1: 4; 2: 6), относящаяся к варианту 1 серии II (с бусиной на головке и без крючка для тетивы) группы 11 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 42). Точное место находки установить не удалось, но однозначно, что она сделана поблизости от Вязовского курганного могильника (рис. 1: 5), в материалах которого, тем не менее, нет ни одной фибулы серии II (Медведев, 2008, с. 99–100).

Близкими аналогиями застежке из Ефремовского района являются нижнедонские находки, подробно разобранные И.О. Гавритухиным (Гавритухин, 2010, с. 51–52, рис. 5: 21–22, 30–39). Он датирует их «не позднее 1-й половины III в.», отмечая, что выделить наиболее ранние находки мешает недостаточная разработанность хронологии Нижнего Дона II – 1-й половины III в. Фибула из Ефремовского р-на связана, по всей видимости, с одним из лесостепных поселений Верхнего Подонья позднесарматского времени.

Наиболее поздними находками восточноевропейских сильно профилированных фибул является экземпляр из Супрут (рис. 1: 1; 2: 5), которому И.О. Гавритухин посвятил специаль-



ную работу, и аналогичная застежка с поселения Большая Кожуховка 2 (рис. 1: 3; 2: 4). Они относятся к варианту 2 серии II (с бусиной на головке и без крючка для тетивы) группы 11 по А.К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 42). Игорь Олегович убедительно показал, что такие фибулы входят в круг сравнительно ранних вариаций оформившегося варианта 2, известных лишь на Северном Кавказе и датированных около середины III в. (Гавритухин, 2010, с. 56–57).

К сожалению, новая находка не позволяет решить вопрос, связаны ли застежки этого варианта с финалом памятников типа Ново-Клеймёново или с ранними памятниками мощинской культуры. Она найдена случайно и происходит с поселения, где представлены оба культурно-хронологических горизонта. В любом случае, эта вещь связана с более поздним временем, чем «классический» период влияния сарматизированного населения Верхнего Подонья на окраину лесной зоны Верхней Оки, к которому относится существование верхнедонских Вязовского и Ново-Никольского могильников.

Находки фибул серии II, возможно, отражают новый импульс степного влияния на Верхний Дон и Окско-Донской водораздел середины III в., связанный с сарматами Нижнего Дона и эпохой экспансии раннеаланской культуры Северного Кавказа.

### Каталог

1. *Большая Кожуховка*, поселение 2, муниципальное образование г.Тула (бывший Ленинский район Тульской области) (рис. 1: 3). На памятнике имеются слои типа Упа 2 (I в. до н.э. – I в. н.э.), Ново-Клеймёново (II – начало III вв.), мощинской культуры (середина III – V вв.), типа Криволучье (IV–V вв.). Поселение найдено К.А. Столяровой в 2018 г., все фибулы представляют собой грабительские находки, которые удалось изъять.

1.1. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и с крючком для тетивы, группа 11, серия I, вариант 2 по А.К. Амброзу (рис. 2: 1). Бронза, сохранился корпус с крючком, пружина обломана, иглоприемник частично утрачен. Длина – 4,0 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

1.2. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и с крючком для тетивы, группа 11, серия I, вариант 3б по А.К. Амброзу (рис. 2: 2). Бронза,

сохранился корпус с крючком, пружина частично обломана, иглоприемник имеет небольшие утраты. Длина – 6,1 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

1.3. Фрагмент восточноевропейской одночленной сильно профилированной фибулы с бусиной на головке и с крючком для тетивы, группа 11, серия I по А.К. Амброзу (рис. 2: 3). Бронза, сохранился фрагмент корпуса с крючком и частью пружины, обломанный ниже бусины на головке. Длина сохранившегося участка – 1,4 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

1.4. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и без крючка для тетивы, группа 11, серия II, вариант 2 по А.К. Амброзу (рис. 2: 4). Бронза, сохранился корпус с частью разогнутой пружины. Длина – 3,5 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

2. Ефремовский район Тульской области (рис. 1: 4).

2.1. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и без крючка для тетивы, группа 11, серия II, вариант 1 (рис. 2: 6). Грабительская находка, которую удалось изъять, найдена на берегу р. Красивая Меча, в районе границы с Липецкой областью. Железо, сохранилась почти полностью, утрачено только около половины тетивы. Длина корпуса – 5,3 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

3. *Слобода, городище, Дубенский район Тульской области* (рис. 1: 2). Открыто К.А. Столяровой в 2018 г. На памятнике имеются слои типа Упа 2 (I в. до н.э. – I в. н.э.), Ново-Клеймёново (II – начало III вв.), мощинской культуры (середина III – V вв.). Фибула происходит из сборов подъемного материала на мысовой части внутренней площадки, № 1 по полевой описи.

3.1. Дериват восточноевропейской одночленной сильно профилированной фибулы. Имеет кнопку на ножке, биконическую бусину, отделяющую ножку, пластинчатую спинку с максимальным расширением у головки, короткую пружину и верхнюю тетиву, но без крючка для тетивы (рис. 3: 1). Железная, сохранился корпус с фрагментом пружины, иглоприемник частично утрачен. Длина – 7,6 см, максимальная ширина корпуса – 0,6 см. ГМЗ «КП», номер еще не присвоен. Ранее не публиковалась.

4. *Супруты, городище, Щёкинский район Тульской области* (рис. 1: 1). Исследовалось С.А. Изюмовой с 1954 по 1976 г., А.В. Шековым с 1995 по 1996 г., А.В. Григорьевым с 1999 по 2002 г., А.М. Воронцовым в 2006–2007 гг. На памятнике имеются слои типа Упа 2 (I в. до н.э. – I в. н.э.), Ново-Клеймёново (II – начало III вв.), мощинской культуры (середина III – V вв.), а также более поздние (IX–XVII вв.).

4.1. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и без крючка для тетивы, группа 11, серия II, вариант 2 по А.К. Амброзу (рис. 2: 5). Раскопки С.А. Изюмовой, 1970 г., раскоп IX, кв. 276, пласт 1, № 85 по полевой

описи. Бронза, сохранился корпус, приемник разогнут при реставрации, пружина утрачена. Длина – 3,5 см. ГИМ, опись 2729, № 149. Публикации: Воронцов, 2007, рис. 8: 1; Гавритухин, 2010, рис. 2: 4.

5. *Орловский район Орловской области* (рис. 1: 8).

5.1. Восточноевропейская одночленная сильно профилированная фибула с бусиной на головке и с крючком для тетивы, группа 11, серия I, вариант 3а по А.К. Амброзу. Грабительская находка, которую не удалось изъять. Бронза, сохранилась полностью, имеет длинную пружину и дополнительную бусину посередине дужки.

### Литература

**Амброз А.К. 1966.** Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.) (САИ, Вып. Д1–30). М.: Наука. 169 с.

**Воронцов А.М. 2007.** Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. № 3. С. 57–68.

**Воронцов А.М. 2013.** Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

**Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2019.** Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // *Stratum plus*, 4. С. 51–74.

**Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009.** Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

**Гавритухин И.О. 2010.** Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1* / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин.

Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 49–68.

**Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011.** Некрополь Паниардуса (Крепостного городища). Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. 512 с.

**Кривошеев М.В. 2005.** Фибулы из сарматских комплексов второй половины II – первой половины III вв. н.э. в южной части Волго-Донского Междуречья // Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады / Ред. И.И. Марченко. Краснодар. С. 144–147.

**Кропотов В.В. 2010.** Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД АДФУ-Украина. 384 с.

**Медведев А.П. 2008.** Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус. 235 с.

**Обломский А.М., 2020.** Позднескифские материалы конца I тыс. до н.э. и первых вв. н.э. из верховьев р. Воронеж // *Stratum plus*, 4. С. 365–380.

**Скрипкин А.С. 1977.** Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. №2. С. 100–120.

---

**Summary****East European strongly profiled fibulae from the territory of the Oka-Don watershed****A.M. Vorontsov, E.V. Stolyarov**

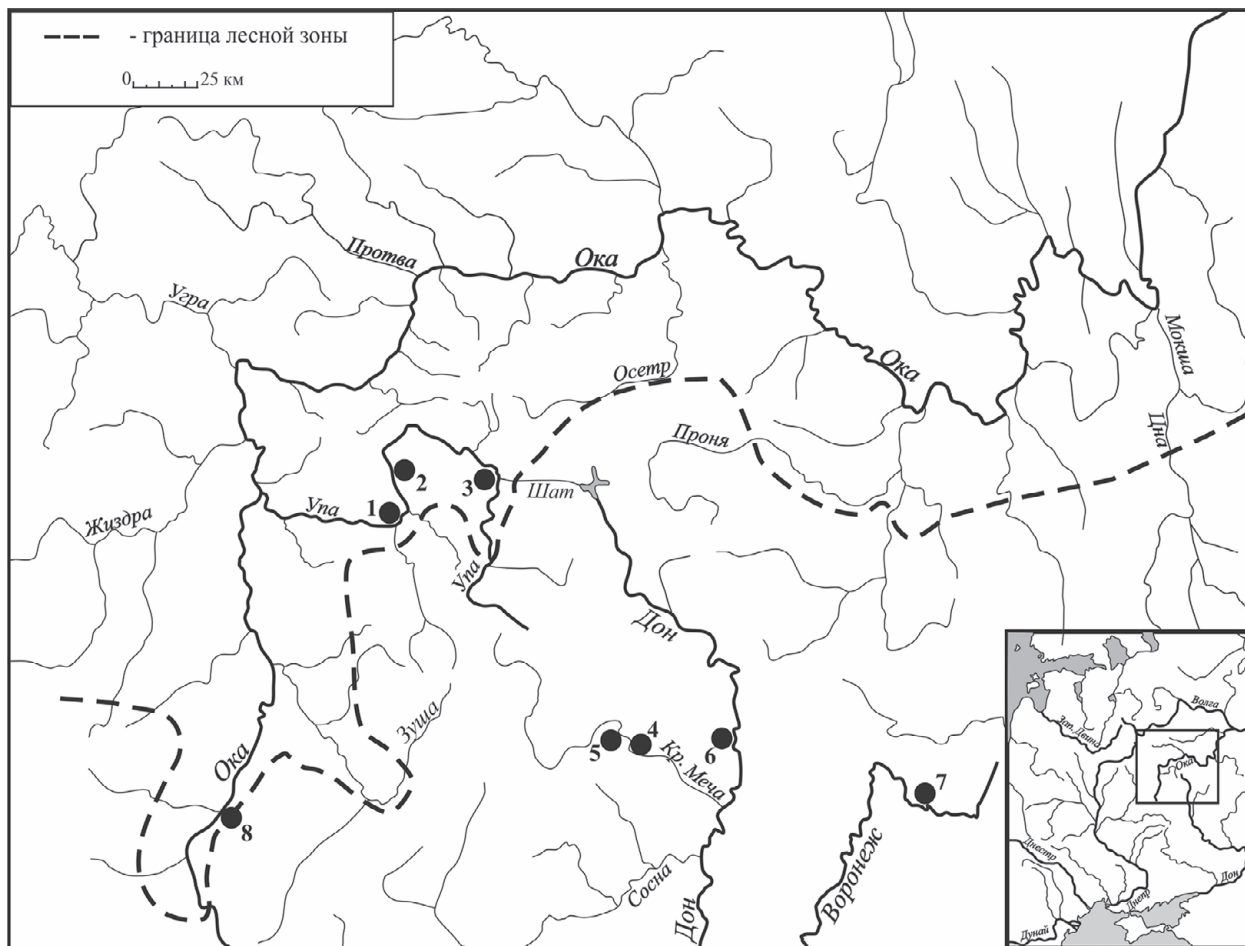
The article presents a summary of findings of Eastern European strongly profiled fibulae from the territory of the Oka-Don watershed (Fig. 1). All of them are connected with archaeological sites of the Novo-Kleymyonovo type (II – beginning of the III century) and, possibly, with the early horizon of the Moshchino culture (middle of the III century).

Early specimens include findings of fibulae with a bead on the head and a hook for a bowstring, originating from the settlement of Bolshaya Kozhukhovka 2 (Fig. 2: 1-3), belonging to group 11, series I, variants 2 and 3b by A. K. Ambrose. The finding from the Sloboda hillfort which is a derivative of fibulae of this series (Fig. 3: 1) is close to them.

Early copies of series II by A.K. Ambrose include the discovery of an iron fibula of the 1st variant from the Efremov district, which has analogues in the materials of Sarmatian burials of the Lower Don (Fig. 2: 6).

The most recent findings are represented by specimens from Suprut (Fig. 2: 5) and from the village of Bolshaya Kozhukhovka 2 (Fig. 2: 4). They belong to variant 2 of series II and date back from the middle of the third century.

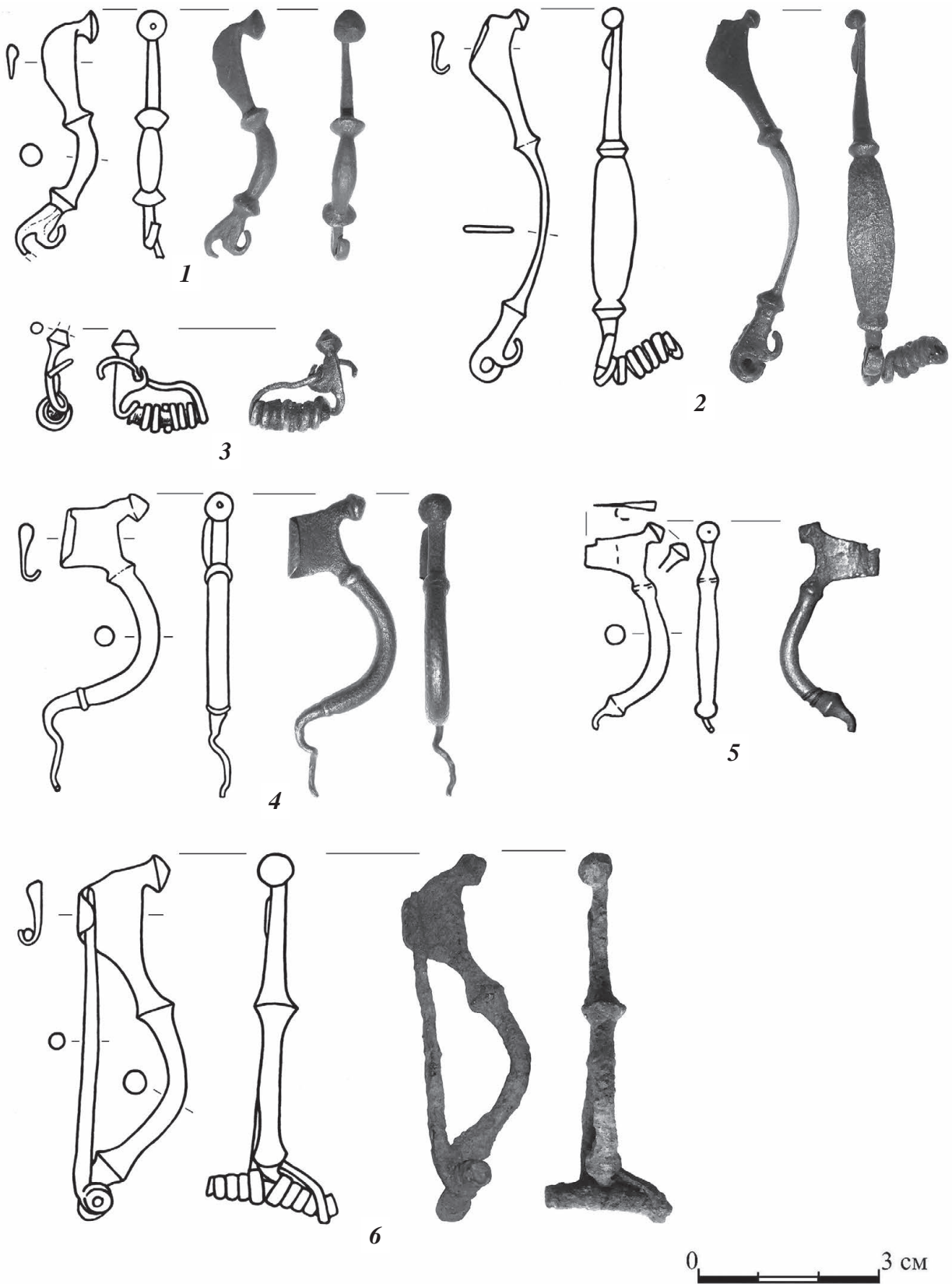
*Keywords:* : Oka-Don watershed, East European strongly profiled fibulae, Novo-Kleymyonovo type sites, the Moshchino culture.



**Рис. 1.** Карта находок восточноевропейских сильно профилированных фибул на территории Окско-Донского водораздела.

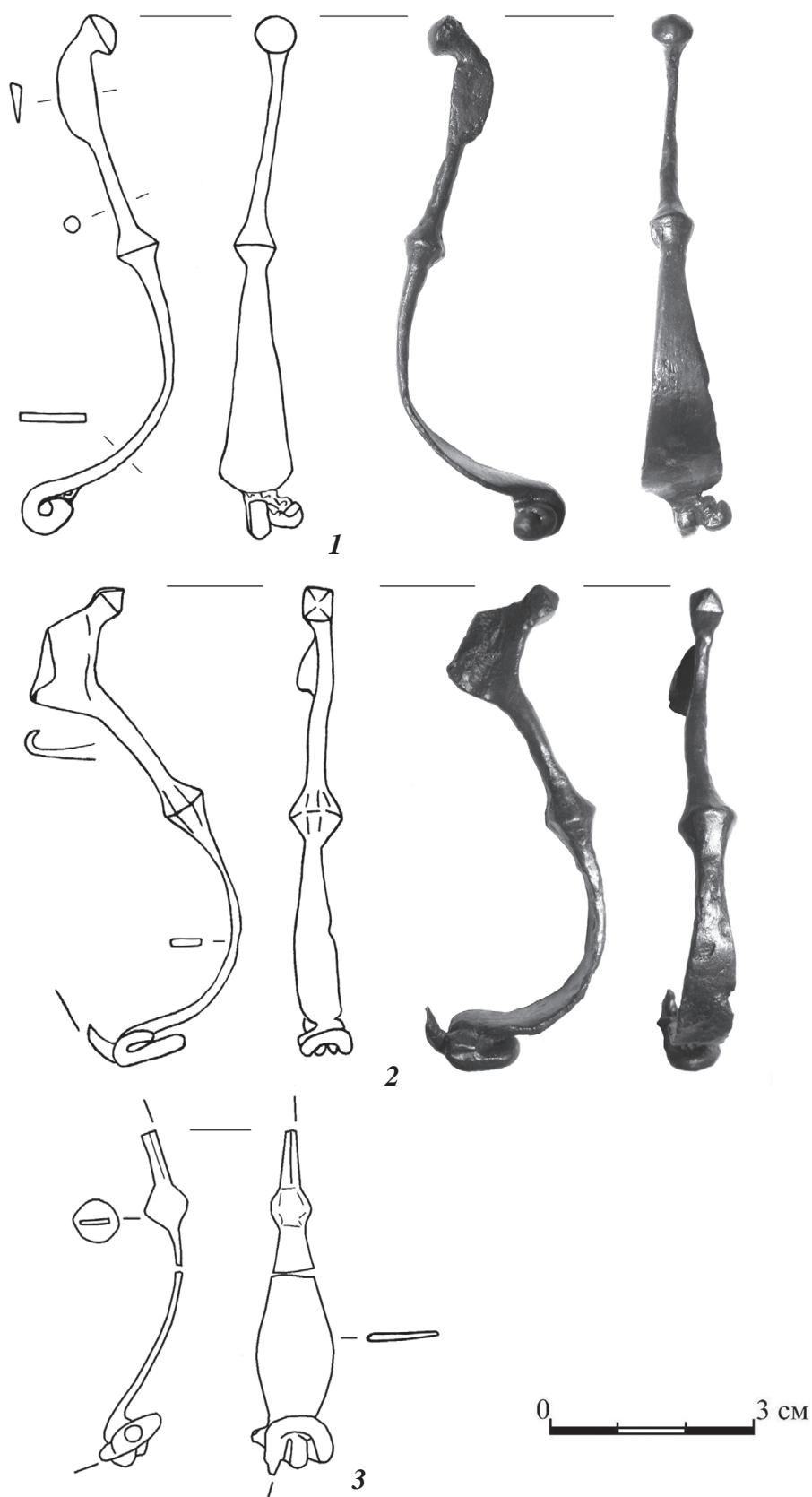
1 – городище Супруты, 2 – городище Слобода, 3 – поселение Кожуховка 2, 4 – Ефремовский район (приблизительно), 5 – Вязовский могильник, 6 – Ново-Никольский могильник, 7 – поселение Стаево 5, 8 – Орловский район (приблизительно).





**Рис. 2.** Находки восточноевропейских сильно профилированных фибул с территории Окско-Донского водораздела.

1–4 – поселение Большая Кожуховка 2, 5 – городище Супруты, 6 – Ефремовский район.  
1–4, 6 – рисунки А.М. Воронцова, 5 – по: Гавритухин, 2010, рис.2: 4.



**Рис. 3.** Находки восточноевропейских сильно профилированных фибул с территории Окско-Донского водораздела и верхнего Воронежа.

1 – городище Слобода, 2–3 – поселение Стаево 5.

1 – рисунок А.М. Воронцова, 2 – по: Обломский, 2020, рис. 10: 564, 3–2 – по: Обломский, 2020, рис. 10: 2/2015.

# Фibuлы первых веков нашей эры из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2016–2017 гг.)

А.А. Кадиева, С.В. Демиденко (Москва)

Статья посвящена исследованию фибул из захоронений первых веков нашей эры могильника Заюково-3 (Баксанский район, Кабардино-Балкарская республика). За два полевых сезона 2016–2017 гг. в четырех погребениях (51, 100, 102, 104) были обнаружены 16 фибул и еще одна находка происходит с площади раскопа. Исследованные экземпляры укладываются во временной промежуток второй половины I – второй половины III вв. н.э. Однако наличие в погребениях таких категорий инвентаря, как бронзовые зеркала с петелькой в центре диска, бронзовые петлевидные привески с отогнутыми концами и спиральной обмоткой, 14-гранные сердоликовые бусы и некоторых других, позволяет предполагать дату II – вторая половина III вв. н.э. Большая часть изделий относится к типу сильно профилированных фибул с нижней тетивой и бусиной на конце сплошного пластинчатого приемника. В культурном отношении данные погребения связаны с местным кавказским населением и, с одной стороны, возможно, относятся к группе памятников «Чегем – Манаскент». Но, с другой стороны, они могут представлять и самостоятельную культурную группу.

*Ключевые слова:* горная зона центральных районов Северного Кавказа, Кабардино-Балкария, Баксанское ущелье, могильник Заюково-3, памятники типа «Чегем-Манаскент», хронология, первые века нашей эры, фибулы.

Проблема изучения населения предгорной и горной зон центральных районов Северного Кавказа первых веков нашей эры на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных для кавказоведения. Населению горной зоны региона посвящена единственная обобщающая работа М.П. Абрамовой, где автор атрибутирует известные здесь археологические памятники как принадлежащие «местным кавказским племенам» (Абрамова, 1974, с. 28). В разработках В.Ю. Малашева, посвященных «раннеаланской» археологической культуре, выделяются две культурные группы предшествующего времени и синхронные ей, носители которых участвовали в сложении раннеаланского культурного комплек-

са, но не составляли с ними единого целого. Это памятники типа «Подкумок-Хумара» и памятники типа «Чегем – Манаскент» (Малашев, 2007, с. 497; Габуев, Малашев, 2009, с. 157; Малашев, 2016, с. 43–44, 60–61). Первая из этих групп распространена в Кисловодской котловине и бассейне Верхней Кубани, вторая охватывает равнинные территории центральных и восточных районов Северного Кавказа<sup>1</sup>.

В современном кавказоведении не существует устоявшегося термина для обозначения па-

<sup>1</sup> Авторы искренне благодарят к.и.н. В.Ю. Малашева за ряд ценных консультаций и помощь в работе с материалом.

мятников сарматского времени в горах и предгорьях Центрального Кавказа. Данный факт связан с почти полным отсутствием здесь документированных археологических комплексов. Подавляющее большинство материалов известно по собраниям XIX – начала XX вв., которые попали в музеи вместе с предметами иных эпох. Из данного массива часто довольно проблематично вычленивать древности изучаемого периода. После исследования М.П. Абрамовой была предпринята всего одна попытка работы с такими коллекциями, предварительно обозначившая новый тип памятников горского населения Дигорского ущелья (Кадиева, 2016, с. 282–298).

Таким образом, выявление закрытых комплексов первых веков нашей эры в предгорной и горной зонах центральных районов Северного Кавказа является первостепенной задачей археологического изучения региона. Однако исследованию особенностей погребального обряда, керамического комплекса и специфических местных деталей женского костюма, позволяющих определить культурную принадлежность погребенных, должен предшествовать анализ хроноиндикаторов, наиболее надежными из которых справедливо считаются фибулы.

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена фибулам из захоронений первых веков нашей эры могильника Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики). За два полевых сезона 2016–2017 гг. в четырех погребениях обнаружено 16 фибул, и еще одна находка происходит с площади раскопа.

В погребении 51 (раскопки 2016 г.) найдена одна одночленная проволочная лучковая бронзовая фибула с подвязным приемником, короткой пружиной, верхней тетивой, высокой дужкой и расширяющейся ножкой. Длина – 6,2 см (рис. 1 на с. 278: 1). По классификации А.К. Амброза такие изделия относятся к группе 15 серии I варианту 4 и датируются второй половиной II в. н.э., возможно, началом III в. н.э. (Амброз, 1966, с. 50–51). А.С. Скрипкин в классификации фибул сарматского времени с территории Нижнего Поволжья определил их в тип I вариант 4, датировав второй половиной II в. н.э. (Скрипкин, 1977, с. 107). В.В. Кропотов отнес их к группе 4 серии I варианту 4 форме 1 и датирует заключительной частью II в. н.э. – первой половиной III в. н.э. (Кропотов, 2010, с. 80). К. Хеллстрём аналогичные изделия выделяет в тип IV.1e.1 и датирует рубежом II/III – серединой III в. н.э. (Hellström, 2018, S. 56).

В погребении 100 (раскопки 2017 г.) была найдена одна одночленная бронзовая фибула с короткой ленточной спинкой подтреугольной формы, спиральным завитком на конце широкого сплошного пластинчатого приемника и короткой 4-витковой пружиной с нижней тетивой. Длина – 2,3 см (рис. 1: 2). По классификации А.К. Амброза такие изделия относятся к группе 13 варианту 3, отличаются малыми размерами и датируются I и, отчасти, II в. н.э. (Амброз, 1966, с. 45). В.В. Кропотов отнес их к группе 8 серии I форме 3 и датирует второй половиной I – II вв. н.э. (Кропотов, 2010, с. 182–185). К. Хеллстрём аналогичные изделия относит к форме IC.2b.1a. и датирует I – началом III вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 67). По В.Ю. Малашеву верхняя граница фибул данной разновидности полностью охватывает первую половину III в. н.э. (Малашев, 2008, с. 269; Малашев, 2009, с. 228–229; Габуев, Малашев, 2009, с. 130–134).

В погребении 102 (раскопки 2017 г.) обнаружено 7 фибул. Сильно профилированные бронзовые фибулы с двумя бусинами на спинке и пластинчатым приемником с аналогичной бусиной на конце представлены двумя экземплярами.

Первый экземпляр имеет плавно изогнутую пластинчатую спинку, слегка расширяющуюся в средней части, и крючок для тетивы. Расстояние между бусинами значительно превышает расстояние от задней бусины до аналогичной бусины на конце пластинчатого приемника. На пружине сохранились остатки кожи. Длина – 6,4 см (рис. 1: 3). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии I варианту 3 и датируется II – первой половиной III вв. н.э. (Амброз, 1966, с. 40–41). А.С. Скрипкин в классификации фибул сарматского времени с территории Нижнего Поволжья выделяет такие изделия в тип I вариант 2, датировав II в. н.э. (Скрипкин, 1977, с. 107). В.В. Кропотов подобные экземпляры относит к группе 10 серии II форме 3б и датирует в пределах II – первой половины III вв. н.э. (Кропотов, 2010, с. 229–233). К. Хеллстрём аналогичные изделия относит к подварианту IV.2b.2 и также датирует II – первой половиной III вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 80).

Второй экземпляр имеет проволочную сильно изогнутую дужку, 4-витковую пружину с нижней тетивой. Расстояние между бусинами значительно превышает расстояние от задней бусины до бусины на конце пластинчатого приемника. Игла обломана в древности, пластинчатый приемник согнут. Длина – 5,8 см (рис. 2: 5).



По классификации А.К. Амброза, вероятно, может относиться к группе 11 серии II варианту 2, который датируется II–III вв. н.э. (Амброз, 1966, с. 42). К. Хеллстрём рассматривает фибулы без крючка для тетивы с многовитковой пружиной в едином ключе с фибулами с 4-витковой пружиной, выделяет их в тип ID и датирует второй половиной I – II (частично, первой половиной III) вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 68–70). И.О. Гавритухин определяет дату сильно профилированных фибул без крючка для тетивы группы 11 серии II по А.К. Амброзу в рамках второй половины I – III вв. н.э. (Гавритухин, 2010, с. 49–67). Возможно, эта фибула является «гибридной» формой, представляющей собой синтез сильно профилированных фибул, о чем свидетельствуют бусины на корпусе и нижняя тетива, и фибул группы 13 варианта 3, которые характеризует очень короткая пружина. В таком случае датировка предмета не выходит за рамки первой половины III в. н.э.

Одна одночленная фибула имеет кнопку на конце сплошного пластинчатого приемника, короткую пружину с верхней тетивой. Спинка широкая, овальная. Длина – 4,8 см (рис. 1: 4). Полностью идентичные экземпляры нам не известны. Представляет собой, вероятно, одну из разновидностей группы 12 типа 4 варианта б по классификации А.К. Амброза, характеризующегося крупными размерами, едва намеченной кнопкой и выпуклой спинкой, дата – вторая половина II – III вв. н.э. (Амброз, 1966, с. 44). По классификации В.В. Кропотова может относиться к группе 9 варианту 2, дату которого исследователь считает возможным ограничить в рамках II в. н.э. (Кропотов, 2010, с. 212, 213). К. Хеллстрём аналогичные изделия относит к форме IC.2b.2b и датирует I в. н.э. Однако общая дата типа IC.2 по К. Хеллстрём – I – начало III вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 67).

Одночленные фибулы с ленточной спинкой, сплошным пластинчатым приемником и короткой пружиной с верхней тетивой представлены тремя экземплярами, у которых завершения пластинчатого приемника не сохранились, и экземпляром, состоящим только из пластинчатой изогнутой спинки. Первый экземпляр имеет узкую неорнаментированную плавно изогнутую пластинчатую спинку подтреугольной формы. Длина – 3,7 см (рис. 2: 1). У второго экземпляра широкая пластинчатая, сильно изогнутая, подтреугольная спинка украшена пуансонным орнаментом в виде трех параллельных продольных линий. Длина – 3,2 см (рис. 2: 3).

Третий экземпляр имеет плавно изогнутую пластинчатую спинку подпрямоугольной формы, также украшенную пуансонным орнаментом в виде четырех продольных линий. Длина – 4 см (рис. 2: 6). Узкая пластинчатая спинка четвертого экземпляра подтреугольной формы и не имеет орнамента. Длина сохранившейся части – 2,2 см (рис. 2: 4). По классификации А.К. Амброза могут относиться к группе 13 варианту 3 и датироваться I – началом II в. н.э. (Амброз, 1966, с. 45). В.В. Кропотов отнес подобные экземпляры к группе 8 серии I форме 3 и датировал второй половиной I – II вв. н.э. (Кропотов, 2010, с. 182–185). К. Хеллстрём аналогичные изделия относит к форме IC.2b.1a. и датирует I – началом III вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 67). Верхняя граница фибул данной разновидности, по В.Ю. Малашеву, полностью охватывает первую половину III в. н.э. (Малашев, 2008, с. 269; Малашев, 2009, с. 228–229; Габуев, Малашев, 2009, с. 130–134).

Фрагментированная железная фибула с высокой дужкой сильно корродирована. Приемник не сохранился. Длина – 4,6 см. (рис. 2: 2). Вероятно, относится к одной из разновидностей шарнирных дуговидных фибул центральнокавказской серии и датируется в рамках 3 и 4 хронологических групп, по В.Ю. Малашеву – концом II – III вв. н.э. (Малашев, 2008, с. 227–229; Малашев, 2009, с. 133).

В погребении 104 (раскопки 2017 г.) обнаружено 6 экземпляров сильно профилированных фибул с двумя бусинами на проволочной дужке и с бусиной на конце пластинчатого приемника, без крючка для тетивы. Два экземпляра изготовлены из бронзы (рис. 3: 1, 3), а 4 – из серебра (рис. 3: 2, 4–6).

У бронзовой фибулы с коленчато изогнутой спинкой, короткой пружиной, обломанной с одного конца, высоким пластинчатым приемником с бусиной на конце задняя бусина располагается у перехода спинки в пластинчатый приемник, передняя бусина отделена от пружины короткой «шейкой». Длина – 3,2 см (рис. 3: 3). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии II варианту 1 датируется II в. н.э. (Амброз, 1966, с. 42). И.О. Гавритухин расширил датировку фибул варианта 1 до второй половины I в. н.э. (Гавритухин, 2010, с. 51–52).

У бронзовой фибулы с невысокой плавно изогнутой спинкой, многовитковой пружиной, невысоким пластинчатым приемником с бусиной на конце задняя бусина располагается у перехода спинки в пластинчатый приемник, передняя

бусина находится непосредственно у пружины. Длина – 3,3 см (рис. 3: 1). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии II варианту 2.

У серебряной фибулы с коленчато изогнутой, многовитковой пружиной, высоким пластинчатым приемником с бусиной на конце задняя бусина располагается у перехода спинки в пластинчатый приемник, передняя бусина отделена от пружины короткой «шейкой». Длина – 3 см (рис. 3: 2). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии II варианту 2.

У двух серебряных практически идентичных фибул с сильно изогнутыми спинками, многовитковыми пружинами, высокими пластинчатыми приемниками с бусинами на конце задние бусины располагаются на некотором расстоянии от перехода спинки в пластинчатый приемник. Передние бусины отделены от пружин высокой «шейкой». Длина обоих экземпляров – 5,5 см (рис. 3: 5, 6). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии II варианту 2.

А.К. Амброз датировал фибулы варианта 2 – II – III вв. н.э. (Амброз, 1966, с. 42). В.Ю. Малашев комплексы с аналогичными фибулами выделяет в 3 и 4 хронологические группы и датирует концом II – III вв. н.э. (Малашев, 2009, с. 227).

У серебряной фибулы с сильно изогнутой спинкой, многовитковой пружиной, невысоким пластинчатым приемником с бусиной на конце задняя бусина располагается у перехода спинки в пластинчатый приемник, передняя бусина находится непосредственно у пружины. Длина – 2,1 см (рис. 3: 4). По классификации А.К. Амброза относится к группе 11 серии II варианту 3 и датируется всем III в. н.э. (Амброз, 1966, с. 42). А.С. Скрипкин аналогичные экземпляры выделяет в вариант 2 типа II сильно профилированных фибул и датирует серединой – второй половиной III вв. н.э. (Скрипкин, 1977, с. 144). И.О. Гавритухин, отмечает, что аналогичные фибулы встречаются во второй половине III в. и даже в единичных комплексах второй-третьей четвертей IV в. н.э. (Гавритухин, 2010, с. 55–56).

К. Хеллстрём фибулы без крючка для тетивы выделяет в тип ID и датирует второй половиной I – II (частично, первой половиной III) вв. н.э. (Hellström, 2018, S. 68–70).

Фибула-брошь с плоским ромбовидным щитком, дополненным с четырех сторон зооморфными выступами обнаружена на площади раскопа вне погребальных комплексов. Снабжена шарниром из двух стоек. Игла не сохранилась.

Два зооморфных выступа отломаны в древности. Верхняя поверхность ромбовидного щитка разделена посередине прямоугольным желобком на два треугольных углубления. В центре желобка располагается округлый выступ. Желобок заполнен эмалью красного цвета. Треугольные углубления были также заполнены эмалью, вероятно, белого или зеленого цвета (рис. 4: 1).

Данный экземпляр относится к многочисленной группе провинциально-римских изделий с эмалью и шарниром из двух стоек. По А.К. Амброзу такие фибулы-броши относятся к группе 7 типу 4 варианту в и датируются в целом II в. н.э. или его второй половиной (Амброз, 1966, с. 29–30, табл. 14: 15). Э. Этлингер выделяет подобные экземпляры в тип 43.2 (Ettlinger, 1973), а Е. Риха относит их к типу 7.16 (Riha, 1979; 1994). Исследователи определяют дату найденных экземпляров в рамках второй половины I в. – первой половины II в. н.э. В.В. Кропотов отнес их к группе 16 форме 39 и считает, что они существуют в Северном Причерноморье большую часть II в. н.э. и даже в начале III в. н.э. (Кропотов, 2010, с. 310, 314). К. Хеллстрём аналогичные изделия выделяет в тип VII.2a и датирует второй четвертью II в. н.э. (Hellström, 2018, S. 113). Наибольшее число аналогий данному типу изделий происходит с территории Западного Крыма и Северного Кавказа.

Таким образом, рассмотренные фибулы из погребений 51, 100, 102, 104 и с территории раскопа могильника Заюково-3 укладывается во временной промежуток второй половины I – III вв. н.э. Однако наличие в данных погребениях таких категорий изделий, как бронзовые зеркала с петелькой в центре диска, бронзовые петлевидные привески с отогнутыми концами и спиральной обмоткой, 14-гранные сердоликовые бусы и некоторых других (Кадиева, Демиденко, 2020, с. 291–307), позволяет предполагать дату II–III вв. н.э.

Большая часть изделий, обнаруженных в погребениях, относится к типу сильно профилированных фибул с нижней тетивой и бусиной на конце сплошного пластинчатого приемника. В культурном отношении данные погребения связаны с местным кавказским населением и, возможно, относятся к группе памятников «Чегем – Манаскент». В то же время они могут представлять и самостоятельную культурную группу. Окончательно решить этот вопрос позволит только всесторонний анализ материалов некрополя.

## Литература

**Абрамова М.П. 1974.** Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ. С. 3–28.

**Амброз А.К. 1966.** Фибулы юга Европейской части СССР. (САИ; Вып. Д 1–30). М.: Наука. 126 с.

**Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2009.** Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии России, 11). М.: ИА РАН: Таус. 468 с.

**Гавритухин И.О. 2010.** Находка из Супрут в контексте Восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «КП». С. 49–67.

**Кадиева А.А. 2016.** Пряжки и фибулы из могильника Алдар-Резен близ селения Кумбулта из раскопок К.И. Ольшевского по материалам собрания Государственного Исторического музея // КСИА. 244. С. 282–298.

**Кадиева А.А., Демиденко С.В. 2020.** К проблеме контактов населения Баксанского ущелья в сарматское время. Погребение 104 могильника Заюково-3 // Stratum plus. № 4. С. 291–307.

**Кропотов В.В. 2010.** Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД. «АДЕФ-Украина». 384 с.

**Малашев В.Ю. 2007.** Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику друзья и ученики. / Ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 487–500.

**Малашев В.Ю. 2008.** Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии: (сб. памяти В.А. Башилова) (Материалы и исследования по археологии России, 10) / Ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус. С. 265–283.

**Малашев В.Ю. 2009.** Хронология некоторых разновидностей центральнокавказских фибул римского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. С. 225–236.

**Малашев В.Ю. 2016.** Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН. 208 с.

**Скрипкин А.С. 1977.** Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 2. С. 100–120.

**Ettlinger E. 1973.** Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern: Francke Verlag, 198 S.

**Hellström K. 2018.** Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2.Jh.v.Chr. – 3.Jh.n.Chr.) // Archäologie in Eurasien. Band 39. X, 382 S.

**Riha E. 1979.** Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst, band 3. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 219 s.

**Riha E. 1994.** Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Forschungen in Augst, band 18. Augst: Römermuseum Augst. 204 s.

---

**Summary****Fibulae of the first centuries AD from Zayukovo-3 burial ground  
(on 2016-2017 excavations materials)****A.A. Kadieva, S.V. Demidenko**

The article is devoted to the study of fibulae from the burials of the first centuries AD of Zayukovo-3 burial ground (Baksan district, Kabardino-Balkar Republic). 16 fibulae were found in four burials (51, 100, 102, 104). During two field seasons of 2016-2017 and another one was found in the excavation site area. The studied specimens fit into the time period of the second half of the I – second half of the III centuries AD. However, presence in the burials of such equipment as a bronze mirror with an eyelet in the center of the disc, a bronze loop-pendants with curved ends and a helical winding, 14-faceted carnelian beads and some others, suggests the date II – second half of III century AD. Most of the articles refer to the type of strongly profiled fibulae with a lower string and a bead at the end of a solid plate of the receiver. Culturally, these burials are associated with the local Caucasian population and, on the one hand, may belong to the “Chegem – Manaskent” group of archaeological sites. But, on the other hand, they can also represent an independent cultural group.

*Keywords:* mountain zone of central regions of North Caucasus, Kabardino-Balkaria, the Baksan gorge, Zayukovo-3 burial ground, archaeological site of the “Chegem-Manaskent” type, chronology, the first centuries AD, fibulae.



## Nowe dziobowate okucia końców pasa z Lubelszczyzny

N. Kisiel, A. Kokowski, T. Mazurek (Lublin, Chełm, Polska)

Новые находки клювовидных наконечников пояса из Люблинщины

Н. Кисель, А. Коковский, Т. Мазурек

S momenta publikacji kataloga kljowowidnych nakoniecznikow pasa P. Maдыдой-Легутко (2011) были сделаны новые находки этих вещей. Всего известно 58 экземпляров (таблица I). 32 из них (54,24%) могут быть связаны с кругом готских культур; 11–12 – с балтскими культурами; 6 – с пшеворской культурой; и 4 – с дембчинской группой. Новые находки из Люблинщины датируются фазой D1, о чем свидетельствует погребение 7/2017 из Грудка над Бугом. Авторы предлагают модель распространения наконечников на территории вельбарской культуры и масломенской группы. Необходимо подчеркнуть повышенную концентрацию находок вокруг последней. Распространение этих вещей за пределами круга готских культур можно объяснить мобильностью сообществ готов, вызванной угрозой со стороны гуннов; или (в случае Балтийского региона) тесными контактами с этими сообществами.

*Ключевые слова:* наконечники пояса, позднеримское время, готы.

W roku 2017 trafiło do Instytutu Archeologii Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie, za pośrednictwem dra Jacka Andrzejowskiego z Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie<sup>1</sup>, interesujące, dziobowate okucie końca pasa. Znaleźisko opisano jako pochodzące z miejscowości Czermno, gm. Tyszowce, pow. tomaszowski, z bliżej nieokreślonego miejsca.

Wcześniej, w roku 2010, podobny zabytek zasilił zbiory Muzeum Chełmskiego w Chełmie. Znaleźisko pochodzi z badań wyprzedzających inwestycję budowlaną w centrum Chełma, związaną z remontem nawierzchni ulicy Lubelskiej (przy posesji nr 27).

Obydwa zabytki wykonano ze stopu miedzi; są one też bardzo dobrze zachowane.

Okaz z okolic Czermna ma 5,6 cm długości i 1,6 cm szerokość w największym miejscu, do 2,3 w najszerszym. Posiada daszkowaty przekrój. Zakończenie ozdobiono listwą / żeberkiem z ukośnymi liniami rytymi oddzielającą skuwkę, od część głównej. W część skuwkowej, delikatnie rozszerzającej się ku górze, znajdują się 3 nity. Powierzchnia część głównej została rozdzielona na trzy pola przez krawędź grzbietową. Wszystkie krawędzie, wraz z krawędzią grzbietową, podkreślono drobnym ornamentem, wykonanym stempekkiem. Cechuje go też prawostronne wygięcie końcówki (fot. 1a, ryc. 1a na s. 282). Należy ono do typu określanego jako zakończenia dziobowate

<sup>1</sup> Za co niniejszym serdecznie dziękujemy.

grupy VI typ 11 w klasyfikacji R. Madydy-Legutko (Madyda-Legutko, 2011, s. 87–90).

Okaz z Chełma ma 7,8 cm długości i 1,3 cm szerokości w największym miejscu, do 2,2 cm w najszerszym, dziobowato odgiętym zakończeniu (fot. 1b, ryc. 1b). Część główna okucia posiada daszkowaty przekrój oraz delikatnie zaakcentowane wzdlużne profilowanie. Górna część okucia, lekko rozszerzająca się ku górze, bardzo wyraźnie oddzielona jest poprzecznym żeberkiem, o wysokości 3 mm; skuwka zaopatrzona w 3 nity (2 zachowane). Typ 11 wg. R. Madydy-Legutko.

Do chwili obecnej interesujące nas okucia znane były na Lubelszczyźnie z czterech miejscowości: Gródek nad Bugiem, stan. 6 (3 egzemplarze), najprawdopodobniej są to znaleziska z osady grupy masłomęckiej (Kokowski, 1999a, ryc. 4: 2; Kokowski, 2005, ryc. 3: a, g-h; Kokowski, 2009, Abb. 10: m, p); Spiczyn, stan. 53, znalezisko luźne najprawdopodobniej związane z kulturą wielbarską (Prochowicz, 2005, s. 77, nr 26; Łuczkiewicz, 2008, S. 220 – autorom udostępniono fotografię zabytku dla weryfikacji klasyfikacji); Swaryczów, stan. 1, grób 18 kultury wielbarskiej (Sadowski, 2008, p. 310, 312; fig. 11); i z Ulowa (2 egzemplarze), znaleziska z cmentarzyska (Niezabitowska, 2003, S. 410–411; 2004, s. 274; ryc. 4–5; Niezabitowska-Wiśniewska, 2007, s. 18, fot. 9; Niezabitowska-Wiśniewska, 2009, s. 229, Fig. 17: 3–4; Kokowski, 2005, s. 170, ryc. 3: e; Kokowski, 2009, S. 201, Abb. 5: f).

Ostatnimi czasy dokonano dwóch podsumowań stanu wiedzy o dziobowatych okuciach końców pasa w środkowej Europie. Pierwsze zawdzięczamy Radosławowi Prochowiczowi, zainspirowanemu odkryciem z miejscowości Przeradowo na północnym Mazowszu (Prochowicz, 2005). Drugie znalazło miejsce w monografii okuć końców pasa obecnych w kulturze przeworskiej, autorstwa Renaty Madydy-Legutko, która sporządziła też katalog takich znalezisk, z uwzględnieniem zabytków nieprzeworskich (Madyda-Legutko, 2011, s. 158–160). Sklasyfikowała ona interesujące nas elementy pasa jako typ 11 w ramach grupy VI; co uczyniła w oparciu o 44 egzemplarze z 38 miejscowości (w tym z trzech nieznanych: Madyda-Legutko, 2011, s. 87–90, 158–160, 260; tabl. XL: 7–14, s. 261, tabl. XLI: 1–7).

Interesująco wygląda analiza kulturowa zebranych przez nią znalezisk. Otóż aż 17 stanowisk z tej listy (20 zabytków) przypisać należy gockiemu kręgowi kulturowemu, obejmującemu kulturę wielbarską, grupę masłomęcka, kulturę czerniachowską

i Sântana de Mureş – (definicja kręgu: Kokowski, 1995, s. 57–60; 1999b, S. 732–735, 743–743; 1999c, S. 180–181). Do tej listy należy też włączyć znalezisko z cmentarzyska Żerniki Wielkie, znajdującego się na zachodniej, śląskiej części terytorium kultury przeworskiej (Zotz, 1935; Mączyńska, 1993; Błażejowski 1998, ryc. 11–13, 17–19; Gralak, 2008; Bohr, 2015, s. 78–81), które interpretowane jest jako gockie (Блажеєвські, 2001; Kokowski, 2006, s. 510–513).

Drugą pod względem liczebności grupę stanowią okucia pochodzące z 7 stanowisk (10 lub 11 egzemplarzy) zlokalizowanych na obszarze zajmowanym przez kultury bałtyjskiego kręgu kulturowego. Pozostałe znaleziska można uznać za rozproszone, nie mniej trzy stanowiska z północnego obszaru grupy dębczyńskiej wydają się odzwierciedlać istotny problem historyczny.

Powyższe zestawienie należy uzupełnić – oprócz wskazanych wyżej zabytków z Chełma i okolic Czerwna, o następujące znaleziska<sup>2</sup>:

**Działdowo**, pow. działdowski, woj. warmińsko-mazurskie, 1 egzemplarz (Cieśliński, Hoffmann, Sobieraj, 2015, s. 115; ryc. 1: 1; 116);

**Gródek nad Bugiem**, gm. Hrubieszów, pow. hrubieszowski, woj. lubelskie, stan. 1C, grób 7/2017, 1 egzemplarz (Hyrchała, Bartecki, 2018, s. 126);

**Husynne**, gm. Hrubieszów, pow. hrubieszowski, woj. lubelskie, znalezisko luźne (jako Gródek nad Bugiem – Kokowski, 2001, s. 48; fot. 23);

**Hünenberg** – „Gora Velikanov“, Sambia, Rosja, grób H-106, 1 egzemplarz (Кулаков, 2014, c. 218, 302, рис. 46: 10);

**Kurzętnik**, gm. loco, pow. nowomiejski, woj. warmińsko-mazurskie, 1 egzemplarz (Cieśliński, Hoffmann, Sobieraj, 2015, s. 115; ryc. 1: 2; 116);

**Malbork-Wielbark**, pow. loco, woj. pomorskie, stan. 1, groby 10/1927, 34/1927, 2 egzemplarze o niepewnej klasyfikacji (Kleemann, 2017, S. 18, 21);

<sup>2</sup> W tym miejscu chcielibyśmy definitywnie rozstrzygnąć kwestię domniemanych okuć dziobowatych z miejscowości Szczedrzyk i Opatów z obszaru kultury przeworskiej. Zamieszanie wprowadzone informacją Teresy Łaszczewskiej (Łaszczewska, 1966, s. 202, przypis 12 na s. 211) o podobnych okuciach do opisywanego przez nią z miejscowości Skrzydlów, z powołaniem na informację Kazimierza Godłowskiego – „Badania K. Godłowskiego, zbiory Zakładu Archeologii Polski Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie”, ma swoje objaśnienie w stwierdzeniu, że to analizowane przez nią jest „lekko asymetryczne”. Czyli podobieństwo dotyczyło wyłącznie stylistyki (zdobnictwa).

**Radolin**, gm. Trzcianka, pow. czarnkowsko-trzcianiecki, woj. wielkopolskie, znalezisko luźne, 1 egzemplarz (Kasprzak, Kraszczuk, 2018);

**Skowronno Dolne**, gm. Pińczów, pow. pińczowski, woj. świętokrzyskie (Kozera, 2017)<sup>3</sup>;

**Ślipcze/Kosmów**, gm. Hrubieszów, pow. hrubieszowski, woj. lubelskie, 1 egzemplarz, niepublikowane (zbiory Muzeum St. Staszica w Hrubieszowie);

**Ulów**, gm. Tomaszów Lubelski, pow. tomaszowski, woj. lubelskie, stan. 1, grób 57 z 2002 roku (silnie uszkodzone); grób 96 z 2006 roku; 2 egzemplarze (niepublikowane, badania Barbary Niezabitowskiej-Wiśniewskiej z Instytutu Archeologii UMCS).

Tak więc katalog ułożony przez R. Madydę-Le-gutko wzbogacił się o dalsze znaleziska z trzech już znanych miejscowości (Gródek nad Bugiem, Malbork-Wielbark i Ulów) i z dziewięciu w nim nieodnotowanych. W sumie jest to 14 nowych znalezisk (łącznie 58); z których 11 (łącznie 32) należy przypisać gockiemu kręgowi kulturowemu; jedno jest bałtyjskie (łącznie 11 lub 12), a jedno kolejne należy powiązać z kulturą przeworską (w sumie 6) (tabela I, ryc. 3, 4).

Analizowane zabytki mają ustaloną chronologię występowania na fazy C3-D, z zastrzeżeniem, że okazy z mniej wyrazistą asymetrią zakończenia (słabiej wyodrębnionym dziobem) mogą reprezentować fazę starszą (C3) (ostatnio: Cieśliński, Hoffmann,

Sobieraj, 2015, s. 119). Ważnym argumentem dla tej tezy jest zespół z gockiego grobu kobiecego w Gródku nad Bugiem, nr 7/2017 (Hyrchała, Bardecki, 2018, fot. na stronie 126) gdzie zakończenie pasa ma ostro wyodrębniony dziób. W jego inwentarzu wystąpiła m.in. para zapinek blaszanych z półokrągłą pokrywą sprężyny i rombowa nóżka, najpewniej grupy D1 (Kokowski, 1996, s. 156, 160), sprzączka z pogrubioną ramą i grzebień z dzwonowatym uchwytem zbliżony do typu G.6 (Kokowski, 1995, s. 15), ale z ostro wyodrębnionymi ramionami; tak jak w typie III B1a dla okazów kultury czerniachowskiej (Магомедов, 2001, с. 84). Zespół winien być datowany na fazę D, najprawdopodobniej jej starszą część (D1).

Dominacja interesujących nas znalezisk na terytorium kultur kręgu gockiego (54,24%) sugeruje powstanie tego wzoru na jej obszarze, przy czym w grę wchodzi terytorium kultury wielbarskiej i grupy masłomęckiej. Godne podkreślenia jest jednak wyraźne zagęszczenie znalezisk w okolicy tego ostatniego ugrupowania, co również, roboczo, sugeruje jego niepoślednią rolę w dystrybucji interesującego nas wzoru okucia zapięcia pasa. Rozprzestrzenienie się znalezisk poza ten obszar można tłumaczyć mobilnością społeczności gockich wywołaną zagrożeniem huńskim (Коковський, 2008); lub (w przypadku obszaru bałtyjskiego) bliskimi kontaktami z tymi społecznościami.

<sup>3</sup> Autorka ilustruje znalezisko jako okucie dziobowate, ale w tekście pisze, że stan jego zachowania nie pozwala na przyporządkowanie typologiczne. Stąd określenie należy uznać póki co za niepewne.

Tabela I. Klasyfikacja kulturowa znalezisk okuć dziobowatych (na podstawie Madyda-Legutko 2011; Cieśliński, Hoffmann, Sobieraj 2015; Kasprzak, Kraszczuk 2018 – z uzupełnieniami autorów). GKK – gocki krąg kulturowy; KP – kultura przeworska; GD – grupa dębczyńska; BKK – bałtyjski krąg kulturowy.

Nr	Miejscowość	GKK	KP	GD	BKK	inne
1	Bogucin	1				
2	Cecele	1				
3	Chelm	1				
4	Czermno okolice	1				
5	Dowesee-Braunschweig					1
6	Działdowo	1				
7	Eisliethen				2	
8	Głuszyno			1		
9	Gozdów		1			
10	Grebieten				1	
11	Greibau				1	
12	Gródek nad Bugiem	4				
13	Hünenberg – „Gora Velikanov“				1	
14	Husynne	1				
15	Konikowo			1		
16	Kurzętnik	1				
17	Malbork-Wielbark	3				
18	Modła	1				
19	Naumburg					1
20	Niedanowo	1				
21	Pionierskij				1	
22	Piotrów		1			
23	Pruszcz Gdański	1				
24	Przeradowo	1				
25	Putilovo				1	
26	Radolin			1		
27	Rakowiec	1				
28	Ripniv	1				
29	Sątoczno	1				
30	Siedleczko		1			
31	Skowronno Dolne		1			
32	Skrzydłów		1			
33	Spiczyn	1				
34	Stara Wieś	1				
35	Stary Targ	1				
36	Stramnica			1		
37	Swaryczów	1				
38	Ślipcze /Kosmów	1				
39	Török- Kanizsa					1
40	Ulów	4				



41	Vernchnia Lypuca	1				
42	Wyszembork				2	
43	Wola Branicka – Kolonia		1			
44	Żerniki Wielkie	1				
45	„Bjäre”					1
46	Sambia				2	
47	Miejscowość nieznana				1	
Razem		32	6	4	12	4
		58				

## Литература

**Блажесевські А. 2001.** Нові матеріали до вивчення поховального обряду черняхівської культури в басейні Одри. // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть / Ред. В.Д. Баран и др. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка. С. 136–140.

**Коковський А. 2008.** Дві битви за Грубешівську Котловину на схилку старожитності // Археологічні дослідження Львівського університету. 10: 2007. С. 60–91.

**Кулаков В.И. 2014.** Hünenberg – „Гора Великанов“. Могильник III–IV вв. На севере Самбии // Światowit Suplementa Series B: Barbaricum 10. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. С. 199–362.

**Магомедов Б.В. 2001.** Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica I). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie, 290 с.

**Блаżejowski А. 1998.** Obrządek pogrzebowy kultury przeworskiej na Śląsku. Wrocław. SUDETY Oficyna Wydawnicza Oddziału Wrocławskiego PTTK, С. 224.

**Bohr М. 2015.** Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym kultury przeworskiej na Dolnym Śląsku // Viator per devia scietiae itinera. Studia nad problematyką okresów przedrzymskiego, rzymskiego, wędrówek ludów i wczesnego średniowiecza, / Eds. A. Michałowski, M. Teska, M. Żółkiewski. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. S. 71–84.

**Cieśliński А., Hoffmann M.J., Sobieraj J. 2015.** Dwa dziobowate okucia końca pasa z południowo-zachodnich Mazur i ziemi lubawskiej. // Ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebiuntur. Jerzy Okulicz-Kozaryn in Memoriam. (Światowit Suplementa Series B: Barbaricum, 11) /

Ed. B. Kontny. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 115–122.

**Gralak T. 2008.** Przyczynek do poznania związków kulturowych cmentarzyska w Żernikach Wielkich, stan. 4, w powiecie wrocławskim. // Labor et patientia. Studia archaeologica Stanislao Pazda dedicata. / Ed. A. Błażejowski, Wrocław: Instytut Archeologii Uniwersytetu Wrocławskiego. S. 351–394.

**Hyrchała А., Bartecki В. 2018.** Hrubieszów. Opowieść o małym muzeum – współpraca profesora Andrzeja Kokowskiego z hrubieszowskim muzeum i wioską Gotów w Masłomęczu (Studia Barbarica. I) / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et alii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. S. 114–127.

**Kasprzak А., Kraszczuk R. 2018.** Dziobowate okucie końca pasa z miejscowości Radolin nad środkową Notecią // Studia Barbarica II / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et alii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. S. 536–541.

**Kleemann J. 2017.** Die Ausgrabungen des Städtischen Museums Marienburg im Gräberfeld Malbork-Wielbark Fundstelle I in den Jahren 1927–1932, 1934 und 1936, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. 429 s.

**Kokowski А. 1995.** Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. 334 s.

**Kokowski А. 1996.** O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowałą nóżką. // Studia Gothica, I. / Ed. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. S. 153–184.

**Kokowski А. 1999a.** La fin de la civilisation de Wielbark et ses conséquences // L'occident romain

et l'Europe Centrale á l'Époque des grandes migrations (Spisy Archeologického Ústavu AV ČR Brno. 13) / Eds. J. Tejral et alii. Brno. Archeologický Brno: Ústav Akademie Věd České Republiky. P. 309–326.

**Kokowski A. 1999b.** Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises – ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihrer Wanderungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 78: 1997. S. 641–833.

**Kokowski A. 1999c.** Vorschlag zu relativen Chronologie der südöstlichen Kulturen des „Gotenkreises“ (Die Forschungsergebnisse zur Masłomęcz-Gruppe in Polen) // Die Sıntana de Mureș-Černjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. 2 / Ed. G. Fuchs-Gomolka. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 179–209.

**Kokowski A. 2001.** Dzieje badań okresu rzymskie w Kotlinie Hrubieszowskiej // Rzymskie dzieje Kotliny Hrubieszowskiej (Skarby z Przeszłości). III / Ed. A. Kokowski. Lublin: Oficyna Wydawnicza „EL-Press” s.c. S. 19–53, 71–83.

**Kokowski A. 2005.** Zanik południowych kultur kręgu gockiego // Archeologia o początkach Słowian / Eds. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Księgarnia Akademicka. S. 165–179.

**Kokowski A. 2006.** Starożytna Polska. Od trzeciego wieku przed Chrystusem do schyłku starożytności (wydanie II, poprawione). Warszawa: TRIO, 608 s.

**Kokowski A. 2009.** Kontinuität und Diskontinuität der Besiedlung in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und in der römischen Kaiserzeit am Beispiel des Hrubieszów-Beckens. // Přečled Výskumů. 50. S. 181–212.

**Kozera A. 2017.** Badania powierzchniowe Skowronna Dolnego w województwie świętokrzyskim. <https://archeologiakozero.wordpress.com/tag/skowronno-dolne/>

**Łaszczewska T. 1966.** Wyniki dotychczasowych badań archeologicznych w Skrzydłowie, grom. Rzerzęczyce, pow. Radomski // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi. 13, S. 193–212.

**Łuczkiwicz P. 2008.** Ein völkerwanderungszeitliches Grab (?) aus Spiczyn bei Lublin // The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period I. (Monumenta Studia Gothica V) / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et

alii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie, S. 219–226.

**Madyda-Legutko R. 2011.** Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagellonica”, 312 s.

**Mączyńska M. 1993.** Niektóre niepublikowane plany późnorzymskich grobów szkieletowych z Żernik Wielkich, woj. Wrocław // Miscelanea archaeologica Thaddaeo Malinowski dedicata. / Ed. F. Rożnowski. Słupsk – Poznań: Wydawnictwo Sorus. S. 263–270.

**Niezabitowska B. 2003.** Die Heruler. // Die Vandalen, die Könige, die Eliten, die Krieger, die Handwerker / Eds. A. Kokowski, Ch. Leiber. Holzminnen: Trigena. S. 387–394, 410–411.

**Niezabitowska B. 2004.** Herulowie // Wandalo- wie – strażnicy bursztynowego szlaku / Eds. J. Andrzejowski et alii. Lublin-Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. S. 271–274.

**Niezabitowska-Wiśniewska B. 2007.** Ulów – tajemnica starożytnego Roztocza. Siódma wystawa Instytutu Archeologii Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Muzeum UMCS pod honorowym patronatem Wojewody Lubelskiego Wojciecha Żukowskiego i Jego Magnificencji Rektora UMCS prof. dr hab. Wiesława Andrzeja Kamińskiego / Eds. A. Kokowski., Lublin: Muzeum UMCS – Instytut Archeologii UMCS. 48 s.

**Niezabitowska-Wiśniewska B. 2009.** Archaeology, History and the Heruls. The Lublin Region in the Late Roman Period and the Migration Period. // Światowit Suplementa Series B: Barbaricum. 8, S. 195–240.

**Prochowicz R. 2005.** Znaleźisko dziobowatego okucia końca pasa z Przeradowa, pow. Makowski // Wiadomości Archeologiczne. LVII: 2004–2005. S. 73–80.

**Sadowski S. 2008.** The youngest phase of Wielbark Culture cemetery in Swaryczów, site 1 (Komarów-Osada commune, Zamość district, Lublin province) // The turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II. (Monumenta Studia Gothica V) / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et alii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie. S. 303–314.

**Zotz L. 1935.** Die spätgermanische Kultur Schlesiens im Gräberfeld von Gross Sürding. // Quellschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte. 2 / Ed. R. Glaser. Leipzig: Kabitzsch. 115 S.

---

## Summary

### New findings of beak-shaped belt tips from Lublin Region

N. Kisiel, A. Kokowski, T. Mazurek

Since R. Madydoy-Legutko published the catalog of beak-shaped tips of the belt (2011), new discoveries of such things have been made. There are 58 known instances (table I). 32 of them (54.24%) may be related to the range of the Goth cultures; 11-12 – to the Baltic cultures; 6 – to the Przeworsk culture; and 4 – to the Dembchin group. New findings from the Lublin region date back to the D1 phase of the Roman period, as evidenced by the 7/2017 burial from Grudka over the Bug river. The authors propose a model for distribution of tips on the territory of the Velbar culture and Maslomenchskaya group. It is necessary to emphasize the increased concentration of findings around the latter one. Spread of these things outside the range of the Goth cultures can be explained by mobility of Goths communities, caused by the threat from the Huns; or (in the case of the Baltic region) by close contacts with these communities..

*Keywords:* belt tips, late Roman times, Goths.

*Słowa kluczowe:* zakończenia pasa, późny okres rzymski, Goci.

## Цикады в Верхнем Потисье

Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия),  
В. Кульчар (Сегед, Венгрия)

Целью статьи является введение в научный оборот находок фибул-цикад, обнаруженных – отчасти в ходе раскопок, отчасти случайно – в Верхнем Потисье. Одна из них, вероятно, провинциально-римского производства. Несколько штук происходят из сарматского контекста II–III вв. н.э., остальные являются типичными находками гуннского времени. Акцентируется присутствие этого типа украшений уже в римское время у сарматов, приводятся аналогии.

*Ключевые слова:* фибулы-цикады, Верхнее Потисье, сарматы, гуннское время.

В наших разговорах с юбиларом мы неоднократно возвращались к вопросу о новых находках цикад в Карпатском бассейне. У нас не было возможности собрать все новые находки в посвященный ему сборник. Поэтому мы составили ему в подарок только скромный букет из фибул-цикад Верхнего Потисья (северо-восточная часть Карпатского бассейна, пограничная территория четырех стран: Венгрии, Румынии, Словакии и Украины)<sup>1</sup>.

1. *Кемече–Кашаш котьман / Kemece–Kásás kotymán* (рис. 1: 6; 3: 1).

В 2014 г. к югу от с. Кемече местный житель нашел цикаду металлоискателем. В ходе проверки территории металлоискателем никаких других вещей мы не обнаружили.

Бронзовая литая *фибула-цикада*. К ее четырехжды профилированной шейке присоединяется

корпус, разветвляющийся в три стороны. Длина – 3,9 см, ширина – 2,25 см, высота – 1,2 см (Краеведческая коллекция Кемече) (Kögösfői, 2018).

2. *Кемече–Жадань / Kemece–Zsádány* (рис. 1: 3; 2: 2).

В 2016 г. местный житель, обнаруживший фибулу, описанную выше, снова нашел цикаду, на этот раз в восточной части сельской округи.

Маленькая бронзовая литая *цикада*, игла утеряна. Длина – 2,3 см, ширина – 1,5 см, высота – 1 см (Краеведческая коллекция Кемече).

3. *Ньиредьхаза–Фелиёшима, Дьэбраш-танья / Nyíregyháza–Felsőszima, Gyebás-tanya погреб.* 39 (рис. 1: 1; 2: 3).

Узкая, подпрямоугольная погребальная яма, кости не сохранились. На основании размеров ямы погребение было детским, по всей видимости, непотревоженным. Длина ямы – 150 см, ширина – 57 см, ориентация – ЮЗ-СВ (10° к СВ). В районе шеи – три гривны, между бусами и ведековидной подвеской – серебряная литая пластина в форме цикады, которая служила украшением серебряной двучастной фибулы необычной формы с нижней тетивой, пластинчатой спинкой и бронзовой осью. Фибула была найдена немно-

<sup>1</sup> Статья была подготовлена при поддержке гранта NKFI 124944 «Онлайн-публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения в Барбарикуме Карпатского бассейна».

го в отдалении, лежала головкой на запад. Длина – 1,8 см. Она состояла из двух частей, которые были найдены в разных частях погребения. Сложить вместе обе части стало возможным по отпечатку (коррозии) на спинке. Головка цикады была повернута по направлению к ножке фибулы. Длина пластины – 1,5 см, ширина – 1,1 см (Музей им. Андраша Йожа инв. no. 2019.29.12.).

В этом же погребении также в районе шеи были найдены фрагменты двух рельефных, весьма тонких, позолоченных медных пластинок. Одна из них сделана в форме цикады (рис. 1: 2), другая – розетки (Музей им. Андраша Йожа инв. no. 2019.29.12.).

4. *Tiszaavasvári–Városföldje, Edъзё-mag / Tiszavasvári–Városföldje, Jegyző-tag, жилище 1* (рис. 1: 4; 2: 4).

В заполнении жилища была найдена бронзовая литая фибула-цикада с высоким приемником и верхней тетивой, в пружине с 3-4 витками – железная ось. Длина – 2,5 см, ширина – 1,35 см (Музей им. Андраша Йожа инв. no. 87.131.7.) (Istvánovits, 1993, p. 382–384, fig. 2; Istvánovits, 1999, p. 180–181, 186, fig. 10–11).

5. *Туньогматолч–Клейн-маг / Tunyogmatolcs–Klein-tag* (рис. 1: 8; 2: 5).

В 2013 г. сотрудники Музея им. Андраша Йожа проводили спасательные раскопки в западной части поселка под руководством Дьёрдя Томпа<sup>2</sup>. Речь идет о многослойном памятнике, где, кроме цикады, были найдены материалы исключительно эпохи бронзы.

Бронзовая литая *фибула-цикада*. Пружинная конструкция повреждена, ось и игла утеряны, приемник находится со стороны головы. Длина – 4,8 см, ширина – 2,8 см, высота корпуса – 0,55 см, высота фибулы – 1 см, ширина у высшей точки крыльев – 1,4 см, ширина головки – 0,9 см (Музей им. Андраша Йожа, неинв.).

6. *Великая Бакта–Сэпассонь-домб* (Украина) *погребение 2* (рис. 1: 7; 2: 6)<sup>3</sup>.

В 1986–87 гг. археологи Ужгородского университета производили раскопки многослойного поселения рядом с курганом Сэпассонь-домб на левом берегу р. Верке. На глубине 3,5 м были найдены 4 погребения в ряде, ориентированном по оси север-юг.

Погребение 2: ориентация – З-В, прямоугольная яма размером 2,5 × 1,4 м. Частично потревожено; череп, большая часть грудной клетки и таз отсутствовали. Инвентарь был найден в области верхней части скелета, в частности, фибула типа Лева / Левице-Прша длиной 6,3 см, фрагмент бронзовой цепочки, пряслице, дисковидная янтарная бусина, светло-зеленый (1 экз.) и черный (97 экз.) сферический стеклянный бисер, а также цикада.

Литая бронзовая *фибула-цикада*, длина – 4,3 см. На основании рисунка (а в тексте публикации об этом ничего не говорится) нельзя сказать, обломаны ли крылья, и на самом ли деле является аналогией ей фибула из Шаровце, о чем упоминает автор публикации, или же цикаду первоначально сделали с такими короткими крыльями (что, по нашему мнению, маловероятно) (Черкун, 1994, с. 93–95, рис. 5: 2).

7. *Область Сатмар / Szatmár или Satu Mare / Satu Mare, неизвестное местонахождение*<sup>4</sup> (рис. 1: 5).

Мартон Рошка упоминает о бронзовой фибуле-цикаде, хранящейся в археологической коллекции Венгерского национального музея (инв. no. 1897/12), в инвентарной книге в графе «место находки» указана область Сатмар (Roska, 1939, p. 22), но это, скорее всего, место покупки. В дальнейших публикациях этот предмет упоминается как случайная находка из неизвестного местонахождения «якобы Сатмара», Сату Маре.

Бронзовая литая *фибула-цикада* римского типа, украшенная линией-зигзагом. Длина – 7,9 см. (Hampel, 1897, p. 278; Bader, 1975, p. 43–44, pl. V: 3; Harhoiu, 1997, S. 186, Nr. 75, Taf. XC: A).

#### Анализ находок

Цикады Карпатского бассейна считаются характерными находками ранней эпохи переселения народов, главным образом гуннского времени. Историей их изучения занимался ряд исследователей (например, Kazanski, Perin, 2000, p. 15; Kisné, Prohászka, 2002, p. 114–115; Gavritukhin, Kazanski, 2010, p. 128–129; Tejral, 2015, S. 309–310 и др.), что в этой короткой заметке освобождает нас от необходимости перечисления взглядов на данный вопрос. Новейшие

<sup>2</sup> Благодарим автора раскопок за право публикации находки.

<sup>3</sup> На карте (рис. 3) мы скорректировали расположение памятника, обозначенного номером 22.

<sup>4</sup> Историческая область Сатмар до 1920 г. была частью Венгрии. Ныне ее западная часть под прежним названием находится в Венгрии, а восточная – в Румынии (обл. Сату Маре / Satu Mare).



исследования убедительно опровергают общераспространенное мнение, согласно которому эти вещи являются по происхождению северопонтийскими или кавказскими (Kazanski, Perin, 2000, p. 15). Самые ранние фибулы-цикады появляются на территории Барбарикума в среде алфельдских сармат. Здесь, однако, они встречаются довольно редко. Именно поэтому необходимо обратить пристальное внимание на относительно недавно обнаруженный экземпляр из Ньиредьхазы, который происходит из сарматского погребения. На основании коленчатой фибулы из этого же комплекса погребение можно датировать серединой III в. н.э.

Как уже указывалось, фибулы-цикады не уникальны в сарматском материале Венгерской низменности. Обобщающая статья Жофии Машек детально описывает их распространение и хронологию (Masek, 2013, p. 109–111). В данный момент неясно, чем считать цикаду из Ньиредьхазы: варварским или римским изделием. В отношении датировки провинциально-римского материала нет однозначного мнения: есть предположения, по которым паннонские и британские фибулы, возможно, связаны между собой. В этом случае их появление относится к событиям маркоманских войн, то есть они возникают в конце II в. Однако, это пока гипотеза, так же, как и родство цикад Карпатского бассейна с британскими экземплярами (Kisné, Prohászka, 2002, p. 117; Kysela, 2002, S. 22–23).

Изучая алфельдские цикады, нельзя не заметить, что сарматские находки из памятников Ёчёд / Ócsöd, Тисафёльдвар / Tiszaföldvár, Ракоцифалва / Rákóczi-falva все датируются III в., последняя серединой – третьей третью века (Masek, 2013, p. 118). Находка из Ньиредьхазы отличается от остальных по двум признакам. Она изготовлена из серебра, в то время как остальные сделаны из бронзы, и отлита из двух частей. Ее основу составляет фибула, которая по своим контурам напоминает так называемые фибулы, согнутые в форме колена (не путать с коленчатыми!), характерные для эльбских германцев (Gurte, 2004, S. 3–4), но для тех не характерна нижняя тетива. Ими пользовались с середины I в. н.э. до позднеримского времени (Gurte, 2004, S. 101–104).

Хотя нам не известны точные параллели по форме и технике, ближе всего к ньиредьхазской фибуле те маленькие экземпляры, которые Гюнтер Фитц определил как вещи римского времени в ряде случайных находок из Паннонии. Возможно, не случайно, что среди них есть и се-

ребряные фибулы (Fitz, 1985–86, S. 40, 43–49, Taf. 11: 1: 1–9; ср.: Tejral, 2015, S. 310, Abb. 11).

У ньиредьхазской фибулы сама часть в форме цикады является литой деталью с гладкой нижней поверхностью, что обращает на себя внимание, так как известны две пластины, в связи с которыми на этом основании было сделано предположение, что они являются частью перстня или броши (Kisné, Prohászka, 2002, p. 123, fig. 1). В нашем случае бесспорно, что речь идет о фибуле несмотря на ее весьма малый размер (длина 1,5 см). Недавно была опубликована серебряная маленькая фибула-цикада II в. н. э. из римского погребения в могильнике Пать / Páty, но у этого предмета иная система крепления, и форма корпуса насекомого тоже иная (Meczi, 2019, p. 43, 57, kat. 24).

В том же ньиредьхазском погребении была найдена позолоченная медная пластина также в форме цикады. Схожий предмет, правда золотой, известен в раннесарматском комплексе (конец I – начало II вв. н.э.) из с. Атань/Átány (Párducz, 1941, S. 56, Taf. XXIX: 55, 57). Нужно отметить, что во всем сарматском Барбарикуме Алфельда известно всего две золотых ведерковидных подвески, причем из погребения в Ньиредьхазе, представленного здесь и содержащего пластину в форме цикады, и в комплексе Атань<sup>5</sup>. Другой комплекс, содержащий пластину в форме цикады – Сентеш-Надьхедь / Szentes-Nagyhegy, погребение 20 (Párducz, 1956, S. 144, Taf. XVII: 2–3, 9–12, 17–18, XVIII: 5–6), который можно датировать IV в. (Иштванович, Кульчар, 1998, с. 4).

Кроме ньиредьхазской цикады, происходящей из сарматской среды, у нас есть еще две вещи с достоверными условиями находки (то есть найденные в ходе раскопок). Первая происходит из жилища 1 поселения Тисавашвари, а вторая – из Великой Бакты. Первую на основании материала поселения можно датировать только в широких рамках V в., но вторая на основании фибулы типа Лева / Левице-Прша хорошо вписывается в середину V в.

Остальные фибулы из Верхнего Потисья представляют собой случайные находки.

Цикада из «области Сатмар», поступившая в Венгерский национальный музей в 1892 г., принадлежит к почти что униформизированным

---

<sup>5</sup> На этом основании встает вопрос о пересмотре хронологии атаньского погребения (конец I – начало II вв. н.э.). Исходя из ньиредьхазского комплекса, можно предложить датировку его серединой III в.

крупным римским фибулам. Исследователи предполагают, что этот тип происходит из Паннонии, а еще точнее – из Валерии<sup>6</sup>, где из всех римских провинций они встречаются чаще всего. За пределами этих территорий, в частности, и в Барбарикуме, они попадаются только спорадически<sup>7</sup>. Несмотря на то, что известно относительно много экземпляров этого типа, датировка этих вещей пока под вопросом (Kazanski, Perin, 2000, p. 22, fig. 4).

Кроме римских цикад или фибул римского времени, все наши застежки из Верхнего Потисья, о которых здесь идет речь, по всей вероятности, уже датируются эпохой переселения народов.

Из последних, экземпляры из Кемече-Жадань и Тисавашвари по форме напоминают маленькие фибулы, датированные римским временем и выделенные Фитцем, поскольку их крылья расположены V-образно. Тем не менее, серия цикад этого облика весьма разнообразна. Не желая в данной статье принимать участие в дискуссии, какой же вид насекомого лежит в основе фибул «цикад», все же отметим, что «цикада» из Тисавашвари однозначно изображает муху, и, как таковая, не имеет по настоящему хороших аналогий. Наиболее близкая ей вещь найдена в римском кастеллуме в Иже/Iža<sup>8</sup> (Словакия). Можно упомянуть и фибулу неясной датировки из Братиславы (Tejral, 2015, Abb. 11: 5, и, в первую очередь, Abb. 11: 6). Фибулы из с. Киштокай/Kistokaj, найденные недалеко от нашего региона (Bóna, 1991, S. 55, 249, Abb. 40: 3) представляют более отдаленные аналогии: профилировка головы похожа, но треугольник, обозначающий тело насекомого и заостренный в сторону головы, расположен как раз противоположно по сравнению с нашими фибулами, т.е. в этом случае маловероятно, что мы имеем дело с мухой.

Находка из Кемече относительно схожа с фибулой из Тисавашвари по форме тела. Оно представлено треугольником, суживающимся по направлению к крыльям. Тем не менее, по другим признакам эти фибулы сильно различаются. Как ни странно, но ближайшей аналогией этой вещи

также является экземпляр, найденный в Иже. Более отдаленная аналогия известна из Красного Мака, датированная периодом D2-D3 (410–475), а их параллели из Франции – второй третьей четвертью V в. (Kazanski, Perin, 2000, p. 20, fig. 3: 1–4, 9–11). Необходимо отметить, что одна застежка из сарматского окружения (Ёчёд) сильно напоминает эти фибулы (Vaday, 1989, Kat. 225, Taf. 76: 8). На основании сказанного определение датировки и происхождения случайной находки фибулы-цикады из Кемече на данный момент невозможно.

Фибула-цикада из Кемече-Кашаш котьман принадлежит к наиболее распространенному, т.н. трехкрылому типу (three-winged cicada brooch)<sup>9</sup>, так же, как и экземпляр, найденный в ходе раскопок в Великой Бакте. То есть в нашем регионе были найдены две такие фибулы. Наиболее полную подборку этой формы опубликовала Агата Вишневецка, которая, однако, упустила из виду более раннюю обобщающую работу, к сожалению опубликованную только по-венгерски (Kisné, Prohászka, 2002, p. 120, fig. 16; Wiśniewska, 2019, p. 175–179, fig. 3–4). Она определила, что фибулы этого типа были распространены в первую очередь в Крыму и на Среднем Дунае (Wiśniewska, 2019, p. 177, fig. 4). Экземпляр-заготовка был найден в Австрии в Бушберг-Штейнмальде/Buschberg-Steinmald, а другой – в Словакии на памятнике Бойна/Bojná II. Найденные на балтийском памятнике Ленжаны/Łężany (Польша) четыре почти одинаковые фибулы отражают дунайское влияние, но, вероятно, являются продуктами местного производства (Tejral, 2015, S. 309, Abb. 14: 7, 12: 11; Wiśniewska, 2019, p. 177, fig. 3: 8). Наряду с концентрацией находок этого типа на Среднем Дунае (Нижняя Австрия, Северное Задунавье: Северо-Западная Венгрия) обращает на себя внимание, что в его распространении наблюдается ряд памятников от среднедунайского центра на юго-западе вплоть до востоко-северо-востока в Харьковской области (рис. 3). Фибулы, найденные недавно в Кемече, а также в Сильвашварде/Szilvásvár (Bencze, Rácz, Bajnok, Gait 2019, p. 440–441, Fig. 2: 5, 4: 2) вполне вписываются в эту линию.

В связи с фибулой из Кемече интересна хронология типа. Он распространен с середины V в. вплоть до VII в. (во всяком случае в Кры-

<sup>6</sup> Последняя обобщающая работа об этом типе: Tejral, 2015, S. 310–311.

<sup>7</sup> Локализация вещи из «Сатмара» очень неопределенна, поэтому не исключается, что речь идет вообще не о варварской территории. При инвентаризации музейный сотрудник указал Сатмар только как предположительное место находки.

<sup>8</sup> Благодарим за консультацию авторов раскопок Клару Кузмову (Трнава) и Яна Райтара (Нитра).

<sup>9</sup> Юбилар Игорь Гавритухин отнес ее к серии Виминаций (Гавритухин, 2015, с. 213–214).

му) (Гавритухин, 2015, с. 213–214). Для нашего случая наиболее показательны фибулы из Среднего Подунавья. Географически наиболее близкая находка происходит из Великой Бакты, датированная, как было указано выше, серединой V в. К этому же времени авторы публикации отнесли находку из так же близкого Сильвашарада (Bencze, Rácz, Bajnok, Gait 2019, p. 450). Наиболее близкие по форме и размеру аналогии фибуле из Кемече происходят из погребения в Дунауйварош-Ёрегхедь / Dunaújváros-Öreghegy (Интерциса / Intercisa): пара цикад. Исходя сугубо из исторических аргументов, автор публикации датировал эти украшения между 433 и 450-ми годами (Visy, 1981; см. также Keszi, 1998).

Наконец, фибула-цикада из с. Туньогматолч – относительно крупная (4,75 см). Она относится к

типу Дьёркёнь/Györköny<sup>10</sup>. Различные серии этого типа были распространены на огромной территории от Северного Кавказа и Причерноморья через Балканы до Среднего Подунавья и Западной Европы. Судя по контексту комплексов, они были в употреблении с начала V в. до начала VII в. (Gavritukhin, Kazanski, 2010, p. 132). Ближайшие аналогии фибулы из с. Туньогматолч происходят из Керчи (2 шт.) и Тамани, их датировали фазой D3 (440–475 гг.) (Kazanski, Perin, 2000, p. 18–20, fig. 2).

Этот небольшой, но разноцветный букет цикад мы дарим юбиляру в надежде, что он сможет ими воспользоваться в своих дальнейших типологических исследованиях на радость всей нашей интернациональной варварско-«переселенческой» братии.

### Литература

**Гавритухин И.О. 2015.** Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) (Раннеслав. мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 212–240.

**Иштванович Э., Кульчар В. 1998.** О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир (мат-лы 6-го археол. семинара). Ч. 2 / Ред. Б.А. Раев. Краснодар: Краснодарская гос. академия культуры. С. 3–27.

**Черкун Й.К. 1994.** Погребения эпохи Великого переселения народов возле с. Великая Бакта Закарпатской области Украины // Slovenská Archeológia XLII: 1. С. 91–69.

**Bader T. 1975.** Contribuții la cunoașterea istoriei orașului Satu Mare. Descoperiri arheologice // Satu Mare Studii și comunicări 3. P. 43–44.

**Bóna I. 1991.** Das Hunnenreich. Budapest, Stuttgart: Corvina Kiadó, Konrad Theiss Verlag. 294 S.

**Gulyás B., Rácz Zs., Bajnok K., Gait J., 2019.** A solitary 5<sup>th</sup> century burial from Szilvásvárads-Lovaspálya, North-East Hungary // Gepiden nach dem Untergang des Hunnenreiches. Tagungsakten der Internationalen Konferenz an der Eötvös Loránd Universität, Budapest, 14–15. Dezember 2015. Gepids after the fall of the Hun Empire. Proceedings of the International Conference at Eötvös Loránd

University, Budapest, 14<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> December 2015. / Eds. Vida T., Quast D., Rácz Zs., Koncz I. Budapest, Mainz: Institut für Archäologiewissenschaften, Eötvös Loránd Universität – Institut für Archäologie des Forschungszentrums für Humanwissenschaften der Ungarischen Akademie der Wissenschaften – Leibnitz-Forschungsinstitut für Archäologie, Römisch-Germanisches Zentralmuseum. P. 431–458.

**Fitz G. 1985–1986.** Römisch-kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Zikadenfibeln aus österreichischen Privatsammlungen 1 // Römisches Österreich, 13-14. S. 25–76.

**Gavritukhin I.O., Kazanski M. 2010.** Bosphorus, the Tetraxite Goths, and the Northern Caucasus Region during the Second Half of the Fifth and the Sixth Centuries // Neglected Barbarians. Studies in the Early Middle Ages. / Ed. F.Curta. Turnhout: Brepols. P. 83–136.

**Gupte O. 2004.** Knieförmig gebogene Fibeln der römischen Kaiserzeit. (Univeritätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie 110) Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. 195 S.

**Hampel J. 1897.** A Nemzeti Múzeum Régiségosztályának gyarapodása // Archaeologiai Értesítő XVII: 3. 1897. P. 277–279.

**Harhoiu R. 1997.** Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien (Archaeologia Romanica I) Bukarest: Deutsches Archäologisches Institut – Rumänische Akademie Archäologisches Institut „Vasile Pârvan”. 268 S.

**Istvánovits E. 1993.** Újabb hun kori leletek Szabolcs-Szatmár-Bereg megyében // Szabolcs-Szatmár-Beregi Szemle XXVIII: 4. 380–391.

<sup>10</sup> В публикациях часто неправильно: Dyerken.

**Istvánovits E. 1999.** Tiszavasvári–Városföldje–Jegyző-tag. A settlement of the 5th century // *A Nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve* XLI. 173–254.

**Kazanski M., Perin P. 2000.** Les „fibules-mouches” de l'époque des grandes migrations découvertes en Gaul // *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut moyen-âge (Colloquia Pontica 5)* / Eds. M. Kazanski, V. Soupault. Leiden, Boston, Köln: Brill. P. 15–28.

**Keszi T. 1998.** Cikádafibulák // 125 év 125 tárgy. Válogatás a Fejér Megyei Múzeumok gyűjteményeiből (A Szent István Király Múzeum Közleményei, D sorozat 268). / Eds. Cserményi V., Lakat E. Székesfehérvár: Szent István Király Múzeum. 64 P.

**Kisné Cseh J., Prohászka P. 2002.** „Cikádafibulák” a tatai Kuny Domokos Múzeum gyűjteményéből [„Zikadenfibeln” aus der Sammlung des Kuny Domokos Museums Tata] // *Komárom-Esztergom Megyei Múzeumok Közleményei*. 9. S. 113–140.

**Körösfői Zs. 2018.** Bronzruhakapcsoló tű (fibula) [Bronze brooch (fibula)] // *Bőségszaru. Ízelítő a 150 éves Jósa András Múzeum gyűjteményeiből. Cornucopia. A taste of the collections of the 150-year-old Jósa András Museum.* (Jósa András Múzeum Közleményei 75) / Szerk. Istvánovits E., L. Nagy M., Ratkó L. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum. P. 286–287.

**Kysela E. 2002.** Zikaden als Schmuck- und Trachtbestandteil in Römischer Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit // *Zikaden. Kataloge des OÖ. Landesmuseums. Neue Folge* 176. / Ed. W.E. Holzinger. Linz: Oberösterreich. Landesmuseum. S. 21–27.

**Masek Zs. 2013.** Cikádafibulás szarmata sír Rákóczi-falváról [Sarmatisches Grab mit

Zikadenfibeln in Rákóczi-falva] // *Communicationes Archaeologicae Hungariae* 2010–2013. S. 101–122.

**Merczi M. 2019.** A Páty–Malom-dűlőben feltárt temető római kori fibulái [Roman brooches from the graveyard excavated in Malom-dűlő, Páty] // *Studia Comitatensia*, 37. P. 32–71.

**Párducz M. 1941.** Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns I. (*Archaeologia Hungarica* XXV.) Budapest: Országos Magyar Történelmi Múzeum. 75 S.

**Párducz M. 1956.** Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II. und III. Jahrhundert // *ActaAH*, 7. S. 139–182.

**Roska M. 1939.** Szatmár vármegye múltja a legrégibb időktől a honfoglalásig // *Szatmár, Ugocsa és Bereg K.E.K. vármegyék* / Szerk. Fábrián S. Vármegyei Monográfiák XXVIII. Budapest: Magyar Városok Monográfiája Kiadóhivatala. P. 34–53.

**Tejral J. 2015.** Zum Problem der Feinschmiedeproduktion im Mitteldonauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. // *Památky archeologické, CVI*. S. 291–362.

**Vaday A. 1989.** Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums // *Antaeus*, 17–18. 1988–1989. 351 S.

**Visy Zs. 1981.** 5. századi sír Intercisában [Ein Grab aus dem 5. Jh. in Intercisa] // *Archaeologiai Értesítő*, 108. P. 211–217.

**Wiśniewska A. 2019.** Cicada brooches from Łężany: new evidence linking the Balt milieu and the south in the Migration Period // *Interacting Barbarians. Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD.* (Neue Studien zur Sachsenforschung 9) / Eds. A. Cieśliński, B. Kontny. Braunschweig, Warszawa, Schleswig: Uniwersytet Warszawski – Braunschweigisches Landesmuseum – Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie. P. 173–182.

## Summary

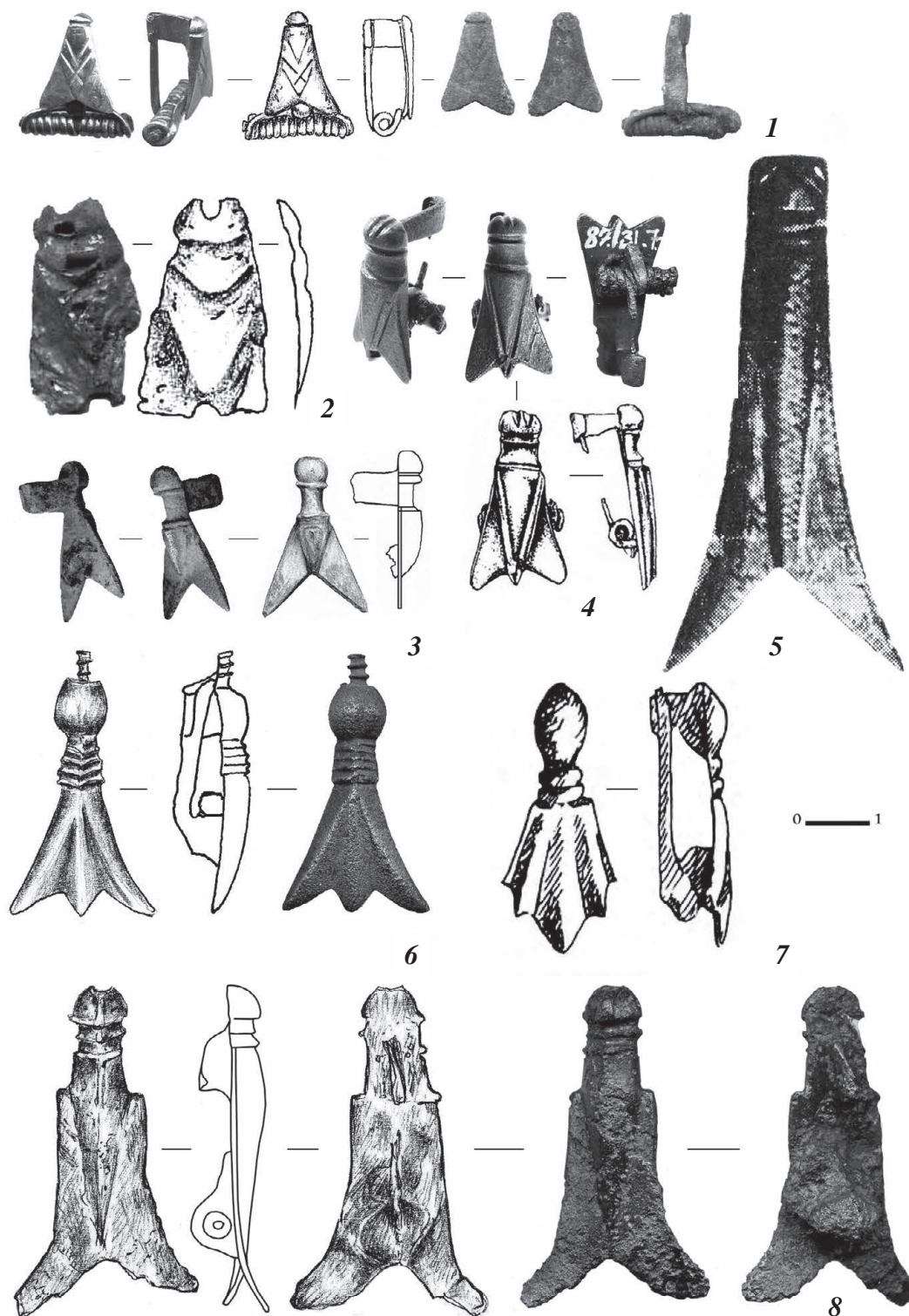
### Cicadae in the Upper Tisza region

E. Istvánovits, V. Kulcsár

The purpose of this article is to introduce the findings of cicada fibulas discovered – partly during excavations, partly by accident – in the Upper Tisza river region. One of them is probably of Roman provincial production. Several pieces come from the Sarmatian context of the 2<sup>nd</sup>–3<sup>rd</sup> century AD, the rest of them are typical findings of the Hun Period. The authors emphasize the presence of this type of jewelry already in Roman Age among the Sarmatians, and provide analogies.

*Keywords:* cicada fibulas, Upper Tisza region, Sarmatian, Hun Period.





**Рис. 1.** Цикады Верхнего Потисья.

1–2 – Ньиредьхаза-Фелшёшима, Дьебраш-танья / Nyíregyháza–Felsősim, Gyebrás-tanya погреб. 39;  
 3 – Кемече-Жадань / Kemece–Zsadány; 4 – Тисавашвари-Варошфёльдье, Едьзё-таг / Tiszavasvári–  
 Városvölgye, Jegyző-tag жилище 1; 5 – область Сатмар / Szatmár, неизвестное местонахождение;  
 6 – Кемече-Кашаш котман / Kemece–Kásás kotymán; 7 – Великая Бакта-Сэпассонь-домб;  
 8 – Туньогматолч-Клейн-таг / Tunyogmatolcs–Klein-tag  
 1–3, 6, 8 – рисунки Габриэллы Белезнаи; 4 – по Istvánovits, 1999, Fig. 10–11; 5 – по Bader, 1975, Pl.  
 V: 3; 7 – по Черкун, 1994, рис. 5: 2.



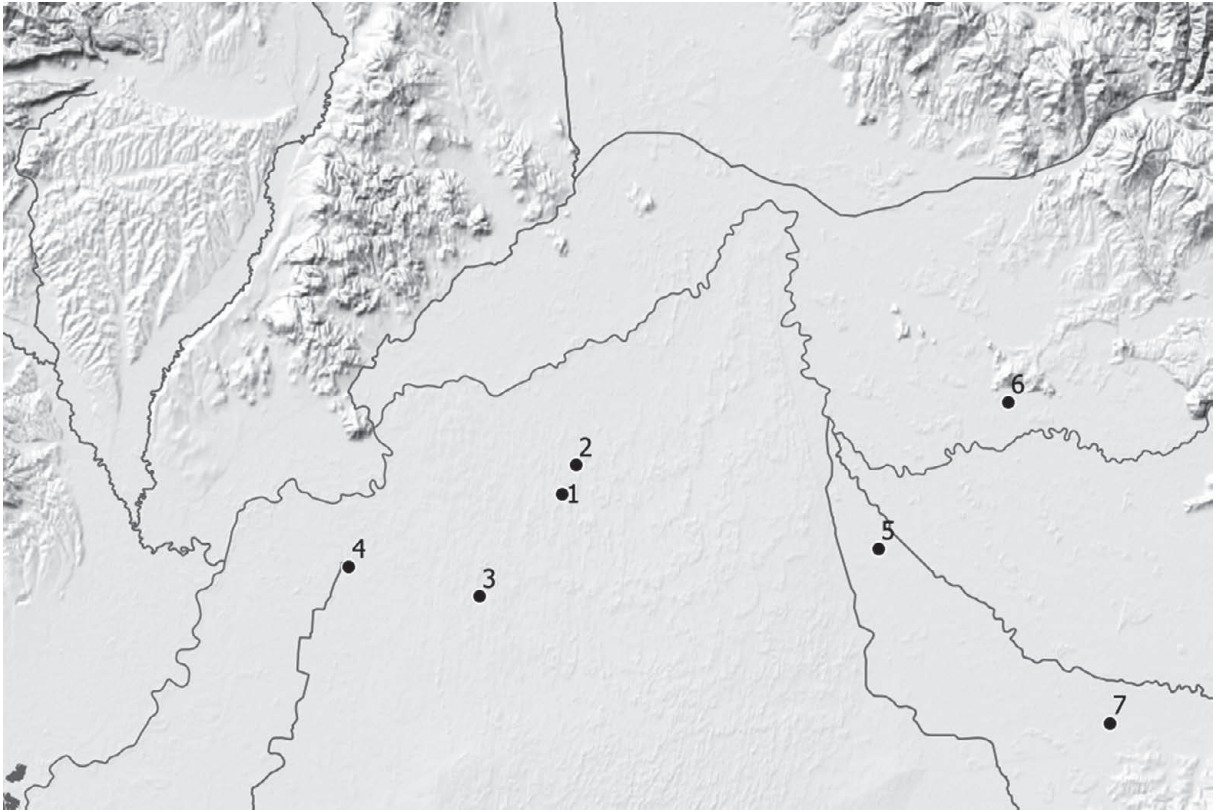


Рис. 2. Карта распространения цикад в Верхнем Потисье.

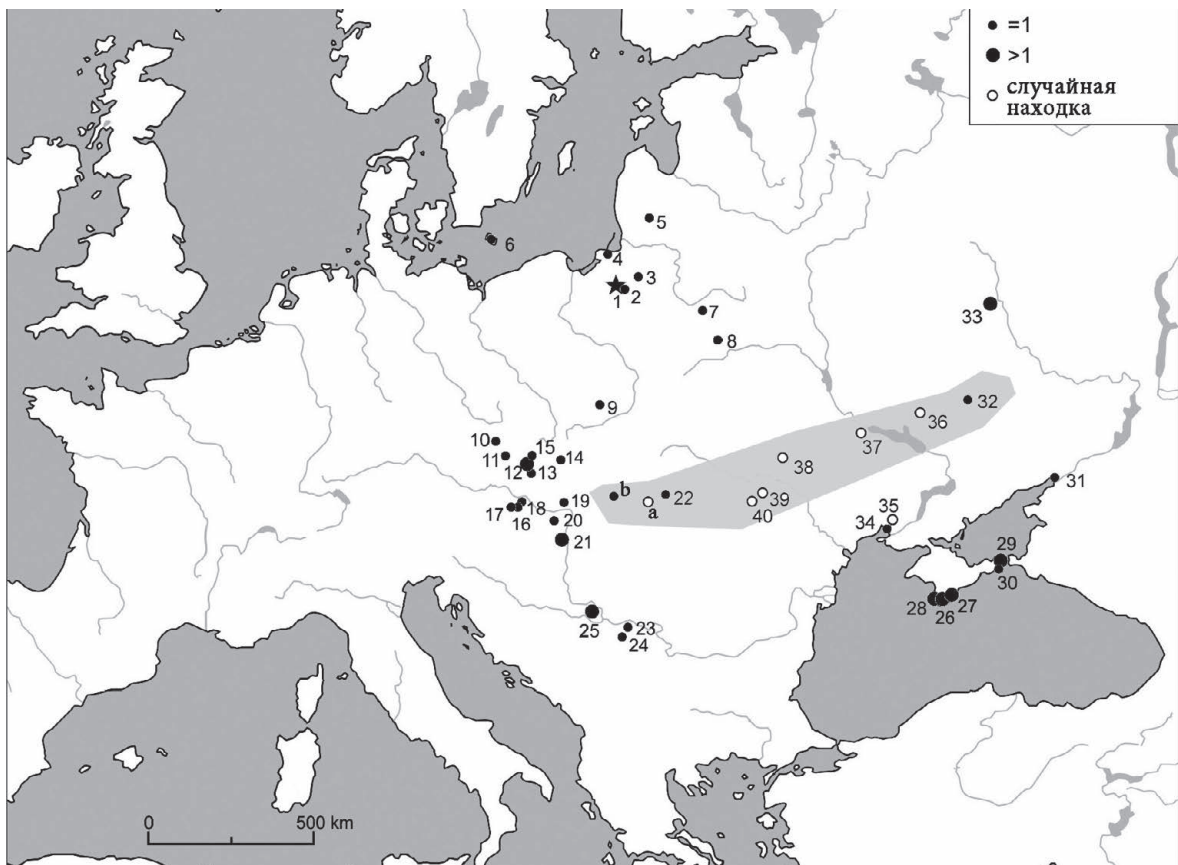


Рис. 3. Карта распространения т.н. трехкрылых цикад (по Wiśniewska, 2019, Fig. 4) с добавлением памятников Кемече (а) и Сильвашварад (в) и обозначением западно-восточной полосы.

# Некоторые типы золотых бус позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов

А.В. Мастыкова (Москва)

Эллипсоидные или веретеновидные бусы из золотой фольги позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов известны в погребениях Среднего Дуная и Северной Галлии и, скорее всего, имеют дунайское происхождение. Полиэдрические золотые, реже серебряные, бусы распространяются в позднеримское время и в эпоху переселения народов на широкой территории от Галлии до Палестины. Эллипсоидные и полиэдрические бусы входят в состав женского престижного костюма эпохи переселения народов, в первую очередь в варварской среде, как о том свидетельствуют находки в ряде погребений, однако они известны и в составе позднеримского – ранневизантийского костюма. Эти бусы крайне редко попадают в Восточную Европу, что, видимо, отражает особенности формирования «княжеского» убора восточноевропейского Барбарикума.

*Ключевые слова:* Средний Дунай, Карпатский бассейн, Галлия, золотые бусы эллипсоидно-веретеновидной формы, золотые бусы в форме многогранника.

В данной статье будут рассмотрены распространение и датировка золотых бус двух типов – эллипсоидных и/или веретеновидных, в форме цилиндра с зауженными концами и полиэдрических, многогранных.

## Бусы эллипсоидной и веретеновидной формы

Наибольшее количество бус эллипсоидной и веретеновидной формы, изготовленных из золотого тонкого листа, известно на Среднем Дунае. Они могут быть гладкими или иметь по центру тулова декор в виде нескольких, чаще всего трех параллельных поперечно расположенных рельефных линий. В свое время такие бусы были рассмотрены Ф. Вале, которая предположила их среднедунайское происхождение и определила

время бытования в рамках V–VI вв. (Vallet, 1993, p. 112–115, fig. 6: 3, 4). Сводка находок золотых бус в Карпатском бассейне была сделана А. Кишем (Kiss, 1995; 1996).

Такие золотые бусы действительно образуют особую группу в дунайском регионе и, вероятней всего, имеют позднеримское происхождение (например, Интерциза / Intercisa, см.: Alföldi, 1957. S. 452. Taf. XXXI: 5, 6)<sup>1</sup>. И если для позднеримского периода характерны бусы, сделанные из гладкого золотого листа, то в последующее время на них появляется поперечный рельефный

---

<sup>1</sup> Иную точку зрения высказывал М. Пардуц, который полагал, что такие бусы появляются на Венгерской равнине в первой половине III в., и представляют собой наследие сарматской культуры (Párducz, 1938, S. 132, 133).

линейный декор, хотя продолжают иногда встречаться бусы и без него.

Рассмотрим наиболее показательные находки. В Северо-Западной Венгрии, в погребении 6 могильника Чаквар (Csákvár) конца IV – первой половины V в., найдены две золотые эллипсоидно-веретеновидной формы бусины, одна – с рельефными линиями по центру тулова, вторая – без декора (Salamon, Barkóczy, 1971, S. 40. Abb. 6: 18). В Южной Венгрии две золотые бусины цилиндрично-эллипсоидной формы с тремя параллельными рельефными линиями по центру тулова обнаружены в могильнике Чонград (Csongrád), периода D2, т.е. 380/400 – 440/450 гг. (горизонт Унтерзибенбрунн) по хронологии европейского Барбарикума (Pàrducz, 1938, S. 125, pl. 5: 8, 9; Tejral, 1988, S. 268). В Северной Сербии в погребении 1.1961 г. Восточного кладбища Сирмия (*Sirmium*) найдено шесть золотых гладких бусин веретеновидной формы. По наличию в погребальном инвентаре элементов ременной гарнитуры обуви это захоронение отнесено к концу IV – началу V в. (Kazanski, Mastykova 2017, p. 196, pl. 12: 1; Мастыкова, 2019, с. 98, рис. 7: Б, 2, 4, 6). К периоду D2 относится и захоронение в Меркуреа Сибилуи-Петриш (Miercurea Sibiului-Petriș; Румыния, Трансильвания) с семью золотыми бусами эллипсоидно-веретеновидной формы с многократным линейным декором по тулову (Luca, Opreanu, 2006, p. 939–946, pl. 2). В этом захоронении находилась пара фигурных пластинчатых серег со вставками из граната, имеющие параллели в знаменитой «княжеской» могиле Эран (Aïran) в Нормандии и в погребении (тайнике) 82 могильника Лучистое в Юго-Западном Крыму. Обе находки относятся к периоду D2 (о серьгах см.: Мастыкова, Казанский, 2005, с. 262).

В Сербском Подунавье, в Паннонии, в погребении 1 некрополя Вранья (Vranja) найдены три золотых эллипсоидной формы бусины с поперечным линейным декором по центру (Dautova-Ruševljan, 1981; Мастыкова, 2018, с. 133, 134, рис. 5: 4, 41–43) (рис. 1 на с. 284: 1). В составе погребального инвентаря были две фибулы типа Братей (о них из последних работ см.: Гавритухин, Казанский, 2018, с. 341), а также пряжка с длинным загнутым вниз язычком и подтреугольным щитком – эти вещи позволяют отнести данную могилу к заключительной фазе периода D2 или к начальной фазе периода D2/D3, т.е. к 430–450 гг. (Tejral, 2005. S. 117, 120. Abb. 2: 6–9; 2007, S. 78; Мастыкова, 2018, с. 122, рис. 2: 1, 2, 9).

В следующий период, D2/D3: 430/440 – 460/470 гг. (горизонт Смолин или Смолин-Косино) такие золотые бусы в дунайском регионе отмечены на ряде памятников. В погребении 1/24 некрополя Новый Шалдорф (Nový Šaldorf; Южная Моравия) зафиксированы две эллипсоидной формы бусины без декора (Tejral, 1982, S. 206–208, obr. 85: 8); в захоронении 25 некрополя Тесарски Млинани (Tesarske Mlynany; Западная Словакия) – две гладкие бусины эллипсоидно-веретеновидной формы (Ruttkaý, 2003, obr. 73: 10)<sup>2</sup> (рис. 1: 2); в погребении Шлетц (Schletz; Нижняя Австрия) – одна бусина в форме веретена без декора (Lippert, 1968; Tejral, 1988, Abb. 40: 6); в Северном Иллирикуме в погребении 1582 некрополя Виминациум (*Viminacium*) – семь гладких бусин веретеновидной и эллипсоидной формы (тип 111 *Viminacium-Sigidunum*) (Ivanišević et alii, 2006, p. 100, fig. 56: 14–20; 70: 202–208) (рис. 2: 1). Также к этому периоду, D2/D3, относится могила 1885 г. Перьямош (Perjámos/Periam; Западная Румыния), где было обнаружено шесть золотых бусин эллипсоидной и веретеновидной формы, как с поперечным линейным декором, так и без него (Prohászka, 2003, Abb. 2: 6–11; 4: 2).

К периоду D3, что соответствует 450 – 470/480 гг., (горизонт Апахида-Блущина или Каравуково-Гава) относится остготская женская могила Земун (Zemun) 1883 г. (сейчас территория г. Белград, Сербия) с шестью золотыми веретеновидной формы бусами с поперечными рельефными линиями по центру тулова (Bierbrauer, 1975, Tav. LXXVI: 4, 5; Tejral, 1988, S. 286; Prohászka, 2008, p. 91–102, kép. 1). Такой же формы бусина и с таким же декором была обнаружена в погребении 1 участка 3 некрополя Сирмий, о котором уже упоминалось выше (Kazanski, Mastykova, 2017, p. 196, pl. 12: 2; Мастыкова, 2019, с. 95, рис. 2: 4). Золотые бусы, 4 экз., эллипсоидно-веретеновидной формы с аналогичным декором по тулову, известны и в гепидской могиле Берегово (Beregşzász) в Закарпатье, по сопровождающему инвентарю она также датируется второй половиной V в. (Csallány, 1961, Taf. CCIV: 4–7; Kazanski, Mastykova, 2017, p. 158).

В Карпатском бассейне подобные золотые бусы известны и в других германских женских могилах второй половины V в.: Гава (Gáva;

<sup>2</sup> Пользуясь случаем, искренне благодарю Матея Рутткаи (Институт археологии Словацкой академии наук, Нитра, Словакия) за возможность работать с этой коллекцией и предоставленную мне фотодокументацию.



Верхнее Потисье, Северо-Восточная Венгрия) – в форме веретена без декора, 1 экз. (Hampel, 1911; *Das Gold von Nyíregyháza*, 1997, Abb. 51: 4, Taf. IV); Сексард-Паланк (Szekszárd-Palánk, Центральная Венгрия), погребение 217 – эллипсоидно-веретенной формы с поперечным линейным декором, 10 экз. (Kiss, 1996, Abb. 7: 2–10); Репцелак (Répcelak; Западная Венгрия) – эллипсоидно-веретенной формы с тремя линиями по центру, 9 экз. (Kiss, 2001, S. 119, Abb. 5: 4; 9: 4); Жибот-Домолошпуста (Zsibót-Domolospusztá; Юго-Западная Венгрия) – эллипсоидно-веретенной формы с линейным декором, 1 экз. (Dombay, 1956, Tábla XVII: 5; Annibaldi, Werner, 1963, Taf. 45: 7); Ладендорф (Ladendorf; Нижняя Австрия) – эллипсоидной формы с таким же декором, 1 экз. (Windl, 1997, Taf. 3: 1); Шопонья (Soronya; Западная Венгрия) – эллипсоидно-веретенной формы с многократным поперечным линейным декором по всему тулову, 2 экз. (Marosi, 1937a, Taff. VI; 1937b, p. 67); Эстергом (Esztergom; Северная Венгрия, излучина Дуная) – кольцо из золотых бус (Hampel, 1876, p. 57, vitrine 9, carton 2); Сентеш-Кёкензуг, погребение 29 (Szentés-Kökényzug; Южная Венгрия) – эллипсоидной формы с рельефным линейным декором, 1 экз. (Csallány, 1961, S. 272, Taf. XIV: 2); Абадсалок-железнодорожная станция (Abádszalók-Bahnstation; Восточная Венгрия) – эллипсоидной формы с рельефными линиями по тулову, 3 экз. (Trogmayer, 1993, S. 14, Abb. 7)<sup>3</sup>, и др.<sup>4</sup>.

Пожалуй, самая поздняя находка в Карпатском бассейне – это пять эллипсоидно-веретенных золотых бусин с пятью поперечными линиями из богатого гепидского женского погребения 84 могильника Сентеш-Надьхедь (Szentés-Nagyhegy; Южная Венгрия) (Csallány, 1961, Taf. XL: 1; Bóna, 1976, p. 41–43, pl. 10; Germanen, 1987, S. 245, Taf. 29) (рис. 2: 2), которое по наличию скандинавской симметричной фибулы относится ко времени около 500 г. или к самому началу VI в. (о фибуле см.: Magnus, 2007).

Бусы из золотого тонкого листа, подобные дунайским, встречаются и в могилах на территории поздней Римской империи, в Северной Галлии.

<sup>3</sup> Приношу искреннюю благодарность Валерии Кульчар (Сегедский университет, Сегед, Венгрия) за консультации и помощь с литературой.

<sup>4</sup> Приведенный здесь список находок золотых бус не является исчерпывающим, дополнительно см.: Kiss, 1995, S. 314–316, Abb. 4.

Так, золотые гладкие бусы в форме веретена обнаружены в могиле 6 некрополя Кортра (Cortrat, Луаре, Франция), 9 экз., а также семь бусин в погребении 24 некрополя Верман III (Vermand, Пикардия, Франция), комплексы датированы 380–420 гг. (Böhme, 1974, S. 155–157, Taf. 117: 7; 138: 9). В погребении 74/31, второй половины IV в., некрополя Мартевиль (Marteville, Пикардия) найдены гладкие эллипсоидной формы бусы, 8 экз. (A l'aube de la France, 1981, p. 172, fig. 123). В коллекции Музея Национальной Археологии (Saint-Germain-en-Laye; № 32, № инв. 84954) хранится кольцо из тринадцати золотых бус веретенной формы без декора, обнаруженных в погребении 83, конца IV – начала V вв., некрополя Аббевиль-Омблиер (Abbeville-Homblières; Пикардия) (Trésors archéologiques, 1997, p. 100, 101, cat. № 131). Также в Пикардии известны еще несколько таких находок: в могиле 127, третьей четверти V в., некрополя Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue) – 3 экз. эллипсоидной формы с поперечными линиями (Vallet, 1993, p. 112, 113, fig. 6: 3–5); в Сен-Кантен (Saint-Quentin) – 23 экз. золотых бус; в Сисси (Sissy) – 5 экз. (Trésors archéologiques, 1997, p. 100).

Таким образом, приведенная выборка красноречиво свидетельствует, что бусы из золотого листа веретенной и эллипсоидной формы действительно концентрируются на Среднем Дунае. Анализируя золотые бусы рассматриваемого типа, А. Киш предположил, что мастерские по их производству, вероятней всего, были расположены в Карпатском бассейне, поскольку эти изделия типичны именно для этого региона (Kiss, 1995, S. 314–316). Интересно отметить, что находки золотых бус в Западной Европе концентрируются в основном в Пикардии, т.е. в римской Северной Галлии. Подобные бусы, отмеченные в позднеримских и раннемеровингских древностях Западной Европы, несомненно, являются дунайским импортом и отражают контакты дунайских варваров с римско-германским Западом. Стоит отметить, что находки золотых бус рассматриваемого типа к Востоку от дунайского региона отсутствуют, по крайней мере, они мне неизвестны.

Как можно было убедиться, в эпоху переселения народов золотые бусы рассматриваемого типа чаще всего встречаются в богатых женских погребениях в составе кольца по несколько экземпляров вместе со стеклянными, каменными, янтарными бусами. Но даже в тех случаях, когда таких золотых бус совсем немного в наборе, тем



не менее, они вносят нотку роскоши в довольно простые ожерелья.

### Золотые бусы полиэдрической формы

Второй интересный тип бус из золота – это бусы полиэдрической формы или в форме многогранника. Такая форма бус из разных материалов (стеклянные, каменные) была популярна и широко распространена и в Империи, и у варваров. Но золотые бусы в форме многогранника, литые или сделанные из тонкого листа золота, встречаются редко. Мне известно лишь несколько таких находок.

В кладе Нэкс (Naix), обнаруженном в Восточной Галлии (Франция) и датированном по нумизматическому материалу 260–270 гг. (Böhme-Schönberger, 1997, S. 74, 108, Abb. 61), находилось восемь ожерелий, среди которых два были с золотыми полиэдрическими бусами (Avisseau-Broustet, 2009, p. 2–9). Одно кольцо, длиной 30 см, состояло из 23 золотых полых граненых бус (Catalogue en ligne. Cabinet des médailles, № 56.119) (рис. 3: 1); второе, длиной 38 см, – из трех рядов гранатowych (стеклянных?) бус, перемежаемых тремя золотыми многогранниками (Catalogue en ligne. Cabinet des médailles, № 56.121) (рис. 3: 2).

Известно еще одно ожерелье, длиной 44,5 см, состоящее из 38 золотых полиэдрических бус. Оно было обнаружено в деревянном гробу M2 в кирпичном склепе C1 римского города Карсиум (*Carsium*) на территории современной румынской Добруджи (Румыния) и датировано временем около 330/335 гг. (Goldhelm, 1994, S. 220, cat. 89. 2) (рис. 4: 2).

Эпохе Великого переселения народов, точнее, неоднократно упоминавшемуся периоду D2 (380/400 – 440/450 гг.), принадлежит находка трех серебряных полиэдрических бус в женском погребении горизонта Унтерзибенбрунн в Рабапордань (Rábarordány; Северо-Западная Венгрия) (Alföldi, 1932, Taf. X; Tejral, 2011, S. 412) (рис. 5). Несомненно, в данном контексте серебряные бусы должны заменять более дорогие, из золота.

В составе ранневизантийского клада из Кесарии/Цезарии (*Caesarea*; совр. Израиль), VI–VII вв., среди прочих украшений, имеется кольцо, составленное из чередующихся золотых многогранных бус и бус из ляпис-лазури такой же формы (Marina de Marchi, 2008, p. 574, 575) (рис. 6).

Интересно отметить находку золотых литых бус полиэдрической формы на Северном Кавказе. Они найдены по одному экземпляру в по-

гребениях, ограбленных в древности, курганов 1 и 2 могильника Левоподкумский 1 близ Кисловодска (рис. 4: 1). По сохранившимся предметам (фибулы, пряжки) захоронения отнесены к первой половине IV в. По мнению авторов публикации, эти золотые бусы – напускные и могли относиться к серьгам (Коробов и др., 2014, с. 126, 131, 133, рис. 5: 4, 5, рис. XII: 3, 4). Конечно, нельзя исключать и такую интерпретацию этих находок, хотя серьги с подвижным литым многогранником для этого времени пока неизвестны, впрочем, как неизвестны и серьги с литыми неподвижными многогранниками, последние по надежным закрытым комплексам датируются не ранее конца IV в. или рубежом IV–V вв. (о серьгах см.: Salamon, Barkóczy, 1971; Bierbrauer, 1975; Horedt, 1979; Хайрединова, 2015 и др.)<sup>5</sup>. Более вероятно, что кисловодские золотые бусы входили в состав ожерелий.

Собственно, полиэдрические золотые бусы Северного Кавказа, найденные в Барбарикуме, являются исключением, поскольку такие бусы распространяются, как можно было убедиться, в основном на территории Империи, хотя и здесь они порой попадают в варварский контекст, как показывает находка в Рабапордань на территории римской Паннонии, но в типичном восточногерманском «княжеском» уборе горизонта Унтерзибенбрунн.

\* \* \*

Итак, и эллипсоидные/веретенovidные, и полиэдрические золотые, реже серебряные, бусы входят в состав женского престижного костюма эпохи Великого переселения народов, прежде всего в варварской среде, об этом свидетельствуют находки в погребениях, однако они известны и в составе позднеимперского/ранневизантийского костюма. Важно отметить, что такие бусы крайне редко попадают в Восточную Европу, что, видимо, отражает особенности формирования «княжеского» убора восточноевропейского Барбарикума.

<sup>5</sup> Но надо отметить существование другого типа полиэдрических серег, у которых имеется подвижный крупный инкрустированный многогранник, причем встречаются такие же многогранные инкрустированные золотые бусы, входившие в состав кольца (см. примеры: L'Or des princes barbares, 2001, cat. 21.1; 29. 35–37; 32.5; Garam, Kiss, 1992, cat. 10; 28). В Юго-Западном Крыму лишь в середине VII в., помимо уже существующих серег с литым неподвижным полиэдрическим окончанием, появляются серьги, у которых литой подвижный многогранник надет на кольцо (Хайрединова, 2015, с. 107).

## Литература

- Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2018.** О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Ред. В.А. Саника, Р.А. Рабинович. Кишинев-Тирасполь: Приднестровский Гос. Университет им. Т.Г. Шевченко; Высшая Антропологическая школа. С. 333–354.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. 2014.** Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. № 232. С. 120–135.
- Мастыкова А.В. 2018.** Убор из восточногерманского женского погребения гуннского времени Вранья (провинция *Raannonia II*) как социальный маркер / *Stratum plus*. № 4. С. 119–150.
- Мастыкова А.В. 2019.** Костюм населения Сирмия в эпоху Великого переселения народов // МАИЭТ. Вып. XXIV. С. 94–108.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М. 2005.** О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (Горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения / Ред. И.В. Белозерковская. (Труды ГИМ; Вып. 145). М.: ГИМ. С. 253–267.
- Хайрединова Э.А. 2015.** Серьги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. XX. С. 95–132.
- A l'aube de la France. La Caule de Constantin à Childéric. 1981.** Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 256 p.
- Alföldi A. 1932.** Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 S.
- Alföldi A. 1957.** Schmucksachen // *Intercisa II*. (Dunapentele). Geschichte der Stadt in der Römerzeit. (*Archaeologia Hungarica*. 36). S. 399–475.
- Annibaldi G., Werner J. 1963.** Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta Prov. Ascoli Piceno (Marche) // *Germania*. 41. 2. Halbband. S. 356–373.
- Avisseau-Broustet M. 2009.** Trouvailles fortuites, fouilles programmées: l'exemple de Naix-aux Forges // *Histoires d'archéologie. De l'objet à l'étude*. Paris: Institut national d'histoire de l'art (Les Collections électroniques de l'INHA. Catalogues d'exposition de l'INHA). URL: <http://inha.revues.org/2785>. P. 2–9. Дата обращения: consulté le 25 mars 2016.
- Bierbrauer V. 1975.** Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'alto Medioevo. 380 S.
- Böhme H.-W. 1974.** Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 384 S.
- Böhme-Schönberger A. 1997.** Kleidung und Schmuck in Rom und den Provinzen. Stuttgart: Limesmuseum, Aalen Zweigmuseum des Württembergischen Landesmuseums. 120 S.
- Bóna I. 1976.** A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombardes dans le bassin de Carpathes. Budapest: Corvina. 121 p.
- Catalogue en ligne des Médailles et Antiques de la Bibliothèque nationale de France.** "Trésor de Naix: collier de perles de verre". Inv. 56.121. "Trésor de Naix: collier de perles dodécagonales". Inv. 56.119. URL: <http://medaillesetantiques.bnf.fr/ws/catalogue/app/collection/record/ark:/12148/c33gbhgp>. Дата обращения: 23.03.2016 г.
- Csallány D. 1961.** Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u. Z.) // *Archaeologia Hungarica*, XXXVIII. Budapest: Verlag der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 406 S.
- Dautova-Ruševljan V. 1981.** Ein germanische Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrien // *Archaeologia Jugoslavica*. 20–21. S. 146–153.
- Das Gold von Nyíregyháza. 1997.** Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jóna-András-Museums Nyíregyháza. Nyíregyháza: Jóna-András-Museums. 183 p.
- Dombay J. 1956.** Der gotische Grabfund von Domolospusztá // *A Janus Pannonius Múzeum Évkönyve*. S. 104–131.
- Garam É., Kiss A. 1992.** Goldfunde aus der Völkerwanderungszeit im Ungarischen Nationalmuseum. Milano, Budapest: Electa, Helikon. 63 S.
- Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. 1987.** Ausstellungskatalog des Germanischen Nationalmuseums / Eds. W. Menghin, T. Springer, E. Wamers. Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseums. 632 S.
- Goldhelm, Schwert und Silberschätze. 1994.** Frankfurt am Main: Dezernat Kultur und Freizeit; Muzeum für Vor- und Frühgeschichte; Archäologisches Muzeum. 260 S.
- Hampel J. 1876.** Catalogue de l'exposition préhistorique des Musées de Province et des collections particuliers de la Hogrie. Budapest: Typographie Franklin-Társulat. 160 p.
- Hampel J. 1911.** Der Grabfund von Gáva, Kom. Szabolcs // *Archaeologiai Értesítő*. 31. S. 135–147.

**Horedt K. 1979.** Die Polyederohrringe des 5. – 6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // Zeitschrift für Archäologie. 13. S. 241–250.

**Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. 2006.** Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. (Monographies 22). Paris: Association des Amis du Centre d' Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p.

**Kazanski M., Mastykova A. 2017.** La culture matérielle. VI. Objets en métal. VII. Objets en os. VIII. Objets en verre et perles. IX. Reconstitution possible du costume // Sirmium à l'époque des Grandes Migrations (Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 53) / Eds. I. Popović et alii. Leuven-Paris-Bristol: Peeters. P. 157–214.

**Kiss A. 1995.** Die Werkstätten der Gräberfunde des Gepidenkönigs Omharus von Apahida (Siebenbürgen) // ActaAH. 47. S. 305–318.

**Kiss A. 1996.** Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien // Zalai Múzeum. 6. S. 53–86.

**Kiss A. 2001.** Das germanische Frauengrab von Répcelak (Westungarn) aus der zweiten Hälfte des 5. Jahrhunderts // ActaAH. 52. S. 115–144.

**Lippert A. 1968.** Völkerwanderungszeitliche Grabfunde aus Schletz und Sigmundsherberg in Niederösterreich // Germania. 46. S. 325–333.

**L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. 2001.** / Eds. P. Perin et alii. Paris: Réunion des musées nationaux; Musée des Antiquités nationales. 224 p.

**Luca A.S., Opreanu C.H. 2006.** Mormintele din epoca migrațiilor de la Miercurea Sibiului (jud. Sibiu) // Fontes Historiae. Studia in honorem Demetrii Protase / Eds. C. Gaiu, C. Găzduc. Bistrița–Cluj-Napoca: Complexul Muzeal Bistrița-Năsăud. P. 939–946.

**Magnus B. 2007.** Die Frau aus Grab 84 von Szentes-Nagyhegy und die Gleicharmigen Relief-fibeln der Völkerwanderungszeit // Communicatioes Archaeologicae Hungariae / Ed. Fodor István. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum S. 175–193.

**Marina de Marchi P. 2008.** Le trésor de Césarée (Izrél) // Rome et les Barbares. Naissance d'un nouveau monde / Ed. J.-J. Aillagon. Roma: Skira. P. 574, 575.

**Marosi A. 1937a.** A csákvári római sírok tanulságai // Székesfehérvári Szemle. 7. kötet. P. 62–65.

**Marosi A. 1937b.** A soponyai germán sírlelet // Székesfehérvári Szemle. 7. kötet. P. 66–67.

**Pàrducz M. 1938.** Der gotische Fund in Csongrád // Dolgozatok. 14. S. 124–140.

**Prohászka P. 2003.** Das Grab von Perjámos (1885) und seine Stellung innerhalb der Frauenbestattungen mit Blechfibeln aus dem 5. Jahrhundert // Archaeologiai Értesítő. 128. S. 71–93.

**Prohászka P. 2008.** Kincsek a levéltárból II. Tanulmányok Európa kora népvándorlás kori régészetéhez. Budapest: Martin Opitz Kiadó. 138 p.

**Ruttkay M. 2003.** Pohrebisko z doby sťahovania národov v Tesárskych Mlyňanoch // Archeologické Výskumy a Nálezy na Slovensku v roku 2002. Nitra: Archeologický Ústav Slovenskej Akadémie vied v Nitre. P. 112, 113.

**Salamon A., Barkóczi L. 1971.** Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // Alba Regia. XI/1970. S. 35–80.

**Tejral J. 1982.** Morava na sklonku antiku. Praha: Academia. 256 s.

**Tejral J. 1988.** Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaunraum // Archaeologia Austriaca. 72. S. 223–304.

**Tejral J. 2005.** Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-lanogbardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Eds. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften. S. 103–200.

**Tejral J. 2007.** Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen "gentes" im Mitteldonaunraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Ed. J. Tejral. Brno: AÚ AV ČR Brno. S. 55–119.

**Tejral J. 2011.** Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: AÚ AV ČR Brno. 466 S.

**Trésors archéologiques du Nord de la France. 1997.** Valenciennes: Musée des Beaux-Arts de Valenciennes. 158 p.

**Trogmayer O. 1993.** Auf Attilas Spuren. Schätze der Völkerwanderung aus dem mittleren Theißgebiet (Ungarn). Traismauer: Museum für Frühgeschichte des Landes Niederösterreich Schloß Traismauer. 28 S.

**Vallet F. 1993.** Parures féminines étrangères du début de l'époque mérovingienne trouvées dans le Soissonnais // Studien zur Sachenforschung. 8. P. 109–121.

**Windl H. 1997.** Ein frühmerowingerzeitliches Frauengrab aus Ladendorf, VB Mistelbach, NÖ // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum / Eds. J. Tejral et alii. Brno: AÚ AV ČR Brno. S. 67–76.

---

**Summary****Some types of gold beads of the late Roman period  
and the epoch of the Great migration of peoples****A.V. Mastykova**

Ellipsoid or spindle-shaped gold foil beads from the late Roman period and the epoch of the Great migration of peoples are known in burials of the Middle Danube and Northern Gaul area and are most likely of Danube origin. Polyhedral gold beads, less often silver, are distributed in the late Roman period and during the era of the Great migration of peoples over the wide area from Gaul to Palestine. Ellipsoid and polyhedral beads are part of the women's prestigious costume of the peoples migration era, first of all among the barbarians, as evidenced by findings in a number of burials. But they are also known as part of the late Roman – early Byzantine costume. These beads are extremely rare in Eastern Europe, which probably reflects the peculiarities of the formation of the “princely” attire of the East European Barbaricum.

*Keywords:* the middle Danube, the Carpathian basin, Gaul, ellipsoid spindle-shaped gold beads, gold beads in the form of a polyhedron.



# Стекланный шар из собрания Государственного Эрмитажа (раскопки С.С. Гамченко 1913 г.)

О.С. Румянцева (Москва), С.В. Воронятов (Санкт-Петербург),  
А.А. Трифонов (Москва)

В коллекции Государственного Эрмитажа хранится массивный стеклянный шар, происходящий из Подольской губернии Украины (раскопки С.С. Гамченко 1913 г.). Данная находка не имеет даты на основании археологического контекста, однако присутствие в той же коллекции предметов, очевидно, связанных с черняховской культурой, ранее позволили М.Б. Щукину предположить, что шар является формой полуфабриката стекла, которое могло использоваться «бродячими» ремесленниками для производства кубков со шлифованным декором в ареале черняховской культуры. Изучение химического состава стекла шара, проведенное методом SEM-EDS, показало, однако, что сырьем для его изготовления служила древесная зола. Это исключает возможность его производства в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов. Наиболее вероятно, что шар является продукцией местных гутных мастерских Нового времени; его назначение, однако, остается неизвестным.

*Ключевые слова:* Западная Украина, химический состав стекла, SEM-EDS, черняховская культура, Новое время, гутное стекло.

На постоянной экспозиции «Европа в эпоху Великого переселения народов и в раннем средневековье» Государственного Эрмитажа, в витрине, посвященной черняховской культуре, экспонируется необычный предмет – массивный стеклянный шар темно-зеленого цвета (рис. 1 на с. 290). Его форма близка к правильной, диаметр – 7,5–8 см, вес – 716,3 г. Шар относится к небольшой коллекции из 15 предметов (№ 2018), происходящих из раскопок С.С. Гамченко 1913 г. в Подольской губернии (ныне – Винницкая, Хмельницкая и частично – Одесская области на западе Украины), переданной из ГАИМК в Эрмитаж в 1931 г. Химико-технологический анализ изделия, результатам которого посвящена

данная публикация, позволяет пересмотреть его культурно-хронологическую атрибуцию.

В монографии «Готский путь» М.Б. Щукин, рассуждая о мастерских по производству «черняховских» кубков со шлифованным декором, допустил, что шар (Инв. № 2018/3) может быть формой полуфабрикатов, из которых бродячие ремесленники изготавливали подобные сосуды (Щукин, 2005, с. 180–181, рис. 64: 3). Это предположение исследователь сделал, опираясь на информацию о составе коллекции. Среди ее предметов есть несомненно относящиеся к черняховской культуре: стеклянный конический кубок (рис. 2: 1; 3) типа Гавриловка-35 по Г. Рау (Rau, 1972), или 47f по Л. Баркоци (Barkócsi,

1988, S. 85), целый и фрагментированные круговые и лепные (рис. 2: 2–5, 10) черняховские сосуды (Щукин, 2005, с. 121, 181, рис. 37, 64). К контексту культуры также могут относиться фрагменты красноглиняных амфор (рис. 2: 6–9).

Часть предметов из коллекции не связана с горизонтом черняховской культуры и относится, вероятнее всего, к эпохе Средневековья или Новому времени. Среди них – фрагмент керамического сосуда (рис. 4: 4) и два костяных изделия, имеющих форму усеченного конуса со сквозным отверстием (рис. 4: 1, 2). Бронзовое колечко (рис. 4: 3) может относиться к разным культурам и эпохам.

М.Б. Щукин писал, что документация об условиях находки шара не сохранилась (Щукин, 2005, с. 182). Наша попытка обратиться к архивным материалам подтвердила эту информацию. В деле о раскопках полковника С.С. Гамченко в 1913 г. содержится предельно сжатая информация о районах проведенных работ с упоминанием неких раскопанных могил. Автор пишет, что вместо установленного археологического отчёта подготавливаются две рукописи: «Археологические раскопки 1913 г. на Воьлини (Здолбуцкий район)» и «Археологические раскопки 1913 г. в Подолье (Соврянский район, Данилов-Балкский район и Завялье-Могиланский район)» (О раскопках..., 1913). Конкретных находок и их контекста С.С. Гамченко в тексте не упоминает. Были ли подготовлены упомянутые рукописи, и какова их судьба, неизвестно. Таким образом, мы лишены возможности соотнести предметы коллекции друг с другом и с каким-либо памятником.

По морфологии шар отличается от привычной товарной формы стекла-сырца римского, византийского и раннеисламского периодов. Полуфабрикаты этого времени представляют собой бесформенные куски с острыми гранями и углами – фрагменты стеклянных плит весом от 8 до 25–30 тонн, получавшихся в результате варки в ваннах печах прямоугольной формы. Для удобства транспортировки он разбивались на части, представлявшие собой бесформенные куски произвольного размера и веса. Такие полуфабрикаты хорошо известны по находкам из стекловаренных центров и с затонувших кораблей, перевозивших стекло-сырец; вес их может достигать 700 г (Brill, 1967; Gorin-Rosen, 1995; Foy, Jézégou, 1998; Foy, Nenna, 2001; Freestone, 2006; Nenna, 2007; обзор на русском яз. см.: Румянцева, 2011). Небольшие куски стекла размером до 6–7 сантиметров – частая находка в стеклообрабатывающих, или «неполного цикла», ма-

стерских европейской части Римской империи (см., например, Amrein, 2001). Найдены они и на поселении черняховской культуры Комаров, где были обнаружены остатки стекольной мастерской этого времени (Румянцева, 2014; Румянцева, Щербаков, 2016). Аналогии шару среди готовых стеклянных изделий из ареала черняховской культуры нам также неизвестны.

В отсутствие информации о контексте находки шара и выраженных типологических признаков, позволяющих достоверно определить его датировку, для уточнения его хронологии наиболее информативен анализ химического состава стекла, из которого он изготовлен.

*Химический состав* стекла шара изучался на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10, оснащённом энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором (Aztec X-Max Oxford Instruments) (метод СЭМ-ЭДС) в лаборатории НИИ ГБ им. Гельмгольца (табл. 1). Методика анализа подробно описана в более ранних публикациях (Румянцева и др., 2018б).

Стекло шара близко химическим типам Si-K-Ca и Si-K-Ca(Mg) по системе В.А. Галибина (2001, с. 69, 70). Это означает, что оно изготовлено на основе древесной золы. Данный рецепт варки стекла получает распространение в Западной и Центральной Европе с IX (возможно, с конца VIII) по XIX в. В более ранний период стекло подобного состава неизвестно, для его производства использовались другие материалы: природная сода и зола солончаковых растений аридной зоны Востока (Галибин, 2001, с. 69, 86–87; Wedepohl, 2000). Стекло сосудов из ареала черняховской культуры – содовое, что характерно и для подавляющего большинства средиземноморских и европейских находок первой половины – середины I тыс. н.э. (Лихтер, 1998, с. 47; Румянцева, Щербаков, 2016; Румянцева и др., 2018а; Rummyantseva, Belikov, 2017). Зольное стекло, которое варилось в этот период на территории к востоку от Евфрата, преимущественно в Парфии и сасанидском Иране, также отличается по составу от стекла шара – сырьем для него служили растения-галофиты (Smith, 1963; Галибин, 2001, с. 83). Данные о составе стекла полностью исключают, таким образом, возможность датировки шара римским временем или началом эпохи Великого переселения народов.

Шар мог попасть на территорию Подольской губернии либо как импорт из Центральной или Западной Европы, либо, что более вероятно, был продукцией т.н. гутных мануфактур – центров

кустарного производства стекла, географически наиболее близких к месту находки шара. В Восточной Европе их ареал совпадает с зоной распространения широколиственных лесов (источников сырья и топлива для стеклоделательного производства), охватывая северные области Украины (в современном территориальном делении – Волынскую, Ровненскую, Житомирскую, Киевскую, Черниговскую и Сумскую), Белоруссию, западные и юго-западные области России. Первые гуты на территории современных Украины и Белоруссии появляются в середине XVI в.; их деятельность постепенно прекращается во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (Чубур и др., 2017; Курлович, Чубур, 2018).

Химический состав стекла, из которого изготовлен шар, отличает высокое содержание кальция (18,9%) и калия (12,3%) при крайне низком – натрия (0,22%). Считается, что для продукции гутных мастерских характерно стекло с более низким содержанием калия (до 5–7%  $K_2O$ ) (Галибин, 2001, с. 84). Стекло шара, казалось бы, ближе к продукции Западной, Центральной и Северной Европы. На территории Германии, в частности, стекло близкого состава, с соотношением кальция и калия от 1 до 1,5 и низким (< 1%) содержанием натрия, характерно для XI–XV вв.; сырьем для него служила, вероятно, зола бука (Wedepohl, 2000, р. 254–256). К XVI в. в Европе распространяется новый тип стекла – также с высоким содержанием кальция, но при этом более низким, порядка 5–7%, – калия<sup>1</sup>, который и принято считать типичным для продукции гутных мастерских Нового времени (Галибин, 2001, с. 84; Henderson, 2013, р. 106–107). Однако, наряду с ним, продолжается производство и стекла более раннего типа – на основе золы, богатой калием. В частности, на территории Северной Европы стекло с содержаниями кальция и калия, сопоставимыми с концентрациями этих элементов в шаре, доживает до XVII в. (Henderson, 2006, р. 300–302; 2013, р. 106).

Стекло состава, близкого шару, встречается и в ареале восточноевропейских гутных мануфактур. В ходе многолетних исследований Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН его образцы были зафиксированы на памятниках XV/XVI–XVIII вв., расположенных на территории Белоруссии, Литвы и в западной части России (Галибин, 2001, каталог, ан. №№ 2476, 2488,

2490, 2492, 2528, 2533, 2552, 2554, 2569, 2573, 2578, 2581, 2590, 2591, 2599, 2600, 2603, 2607, 2630, 2635, 2658, 2663, 2664, 2702, 2718, 2720, 2726, 2729, 2730). В Восточной Украине наиболее близкие примеры схожего по составу стекла, также с высоким содержанием калия, происходят из Харьковской области, из Войтенков: здесь изучается комплекс памятников черняховской культуры, однако в слое присутствуют и более поздние материалы. Обнаруженные в Войтенках фрагменты сосудов из стекла подобного состава являются, скорее, продукцией локального производства, а не предметами далекого импорта (Румянцев и др., 2018а, с. 189, 201–202, табл. 2: 36, 37; рис. 7). Таким образом, точка зрения о связи гутного производства исключительно со стеклом, характеризующимся низким содержанием калия, может быть обусловлена недостаточной изученностью материалов этого времени.

Соотношение основных стеклообразующих элементов в образце шара сопоставимо с их концентрациями в стекле, которое, как считается, варилось на золе бука (Галибин, 2001, с. 84; Wedepohl, 2000, р. 254–256; Jackson et al., 2005, р. 789, tabl. 2). Однако зола близкого состава может получаться из разных растений, в частности – бука и дуба (Henderson, 2013, р. 48–50, там же см. ссылки на литературу). В целом же сырьё, которое могло использоваться при производстве шара, а также в гутных мастерских изучаемого региона, – тема для специального исследования; его определение не входит в число задач нашей публикации.

*Назначение шара* остается дискуссионным, а аналогичные по форме изделия, известные в Новое время (см. ниже), очевидно, отличаются от него технологией изготовления. Шар из коллекции Эрмитажа имеет матовую, шероховатую поверхность с мелкими поверхностными дефектами, которая могла образоваться при соприкосновении горячего стекла с формой. Его вес 716,3 г при диаметре до 8 см предполагает, что он – литой<sup>2</sup>. При этом технологические следы в виде швов в месте стыковки частей литейной формы (как и признаки их подшлифовки и по-

<sup>1</sup> В пересчете на  $K_2O$ .

<sup>2</sup> Объем шара диаметром 8 см составляет 268 куб. см. При весе 716,3 г плотность материала, из которого он изготовлен, составляет 2,67 г/куб. см, что примерно соответствует плотности силикатного стекла (2,5–2,6 г/куб. см). Выражаем благодарность заместителю заведующего отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С.В. Хаврину за любезно предоставленные им расчет и информацию.

лировки) на его поверхности не видны. С одной стороны на шаре читается кольцевидное углубление диаметром 0,6-0,7 см, напоминающее след понтии (рис. 5: 1, 2). С противоположной от него стороны различимы следы деформации в виде небольшой, слегка вогнутой площадки и двух продольных углублений, возникших, вероятно, при соприкосновении неостывшего изделия с поверхностью (рис. 5: 3). На шаре выделяется также зона диаметром около 2 см, с повышенной концентрацией газовых пузырьков, преломляющая свет иначе, чем основная поверхность шара (что отчетливо читается при сильном освещении); ее наличие не поддается однозначной интерпретации (рис. 5: 4-6).

Литые изделия, по форме и размерам близкие изучаемому предмету, нам неизвестны. Большой вес наводит на мысль о том, что он мог, как и предполагал М.Б. Щукин, выполнять функцию полуфабриката. В этом случае, однако, непонятен смысл придавать ему форму практически идеального шара. Считается, что товарной формой полуфабрикатов стекла в эпоху Средневековья были так называемые гладилки, хорошо известные с эпохи Викингов – литые слитки полусферической формы диаметром 5-9 см и весом 250-450 г, одна сторона у которых имеет вогнутую форму с остатками стеклянного стержня в центральной части. Основным их назначением было одновременно размягчение и глажение тканей (Лесман, 2011, с. 38). Начиная с XVI в. появляются также гладилки, снабженные ручкой в виде стеклянного стержня (Столярова, 2014, с. 421). Данными о товарной форме стекла-сырца Нового времени мы не располагаем.

Среди изделий, изготовленных в технике выдувания (свободного или в форму), шару из коллекции Эрмитажа морфологически близки предметы, недавно определенные в археологической литературе как поплавки для рыболовных сетей на основании своих современных параллелей (Antonaras, 2017). Считается, что они были изобретены в XIX в., предположительно, в Норвегии; их до сих пор используют для ловли рыбы сетями в Японии и Китае. После отделения от стеклодувной трубки отверстия на них запечатывали при помощи небольшой порции горячего стекла, после чего помещали в отжиговую камеру. Наличие воздуха внутри шаров делало их плавучими, позволяя использовать в качестве поплавков. Размеры подобных поплавков могут варьировать от 5 до 50 см, при этом некоторые из них имеют массивные стенки, толщина которых

может превышать 1 см. Экземпляры с территории Греции, публикуемые А. Антонарасом, имеют диаметр около 12-14 см, а их вес достигает 450 г (Antonaras, 2017, р. 597-600) – то есть они крупнее, но при этом существенно легче эрмитажного экспоната.

Стеклянные шары, близкие по форме, но меньшего диаметра, чем эрмитажный, происходят из поздних слоев российских городов: Москвы, Дмитрова, Липецка, а также с русского поселения на территории Омской области. Опубликованные находки из Москвы и Липецка происходят из слоев XVIII в. Отверстие в месте крепления стеклодувной трубки у них запаковано. Они имеют небольшой диаметр – 4,3-4,5 см. Ю.А. Лихтер отмечает, что их назначение неизвестно, предполагая при этом, что подобные шары могли использоваться в качестве ядер для метательных орудий (пращи) (Лихтер, 2010, с. 358-359, рис. 6, 7; Векслер, Лихтер, 2011, с. 430, рис. 2, 1, 2); однако о реальном существовании стеклянных ядер, насколько нам известно, данные отсутствуют. Сомнения в том, что подобные изделия могли использоваться в качестве ядер, высказывали и П.С. Курлович и А.В. Зыль. Обращая внимание на находки подобных шаров при исследовании стеклоделательных мастерских XVII-XVIII на территории Белоруссии, они предполагали их возможную связь со стеклоделательным производством (Курлович, Зыль, 2018, с. 149).

*Подводя итоги*, можно заключить, что стеклянный шар из раскопок С.С. Гамченко, хранящийся в Государственном Эрмитаже, не может быть связан с горизонтом позднеримского времени – начала эпохи Великого переселения народов, не имея, таким образом, отношения к производству толстостенных стеклянных кубков со шлифованным декором, распространенных на территории Европейского Барбарикума. В то же время, предположение М.Б. Щукина, что подобные сосуды производились из импортного стекла-сырца, подтверждается современными данными об организации стеклоделательного производства римского времени и эпохи раннего Средневековья. Согласно им, стекло варилось в ограниченном числе крупных стекловаренных центров, преимущественно – левантийских и североафриканских, откуда в качестве полуфабрикатов – стекла-сырца – распространялось по широкой сети мастерских в римских провинциях, производивших из них готовые изделия и не варивших стекло самостоятельно (Nenna et al.,



1997; Foy, Jézégou, 1998; Foy et al, 2000a; 2000b; Freestone et al., 2000; Foy, Nenna, 2001 и многие другие).

На привозном стекле из Восточного и Юго-Восточного Средиземноморья работали и мастерская, раскопанная на территории поселения черняховской культуры Комаров на Среднем Днестре (Румянцева, Щербаков, 2016), время существования которой, согласно последним данным (Румянцева, 2017а, 2017б), приходится на период распространения «варварских» шлифованных кубков в ареале черняховской культуры. Сегодня Комаровское поселение открывается нам как крупный поселок, расположенный вблизи водной артерии – Дне-

стра, с развитым и разнообразным ремесленным комплексом, включая виды производства, не характерные для местного населения, большим количеством античных импортов и признаками присутствия аллохтонного населения – выходцев из античного мира; оно считается позднеантичной ремесленной факторией (Петраускас, 2014). Весьма вероятно, что именно на таких поселениях и работали «бродячие мастера», делавшие стеклянные сосуды для варварской элиты. Современные данные подтверждают, таким образом, гипотезу М.Б. Щукина о системе организации и возможном ареале производства «черняховского стекла» (Щукин, 2005, с. 180–181).

**Таблица 1.** Химический состав стекла шара, изученный методом СЭМ-ЭДС (SEM-EDS).

Na <sub>2</sub> O	MgO	Al <sub>2</sub> O <sub>3</sub>	SiO <sub>2</sub>	P <sub>2</sub> O <sub>5</sub>	SO <sub>2</sub>	Cl	K <sub>2</sub> O	CaO	TiO <sub>2</sub>	MnO	Fe <sub>2</sub> O <sub>3</sub>	CoO	CuO	SnO <sub>2</sub>	Sb <sub>2</sub> O <sub>5</sub>	BaO	PbO
0,22	2,25	1,49	61,13	1,47	0,25	н/о	12,32	18,91	0,10	0,44	0,58	<0,1	<0,1	<0,3	<0,4	0,21	<0,1

Результаты в массовых % окислов, для хлора – в массовых %  
н/о – ниже предела обнаружения

## Литература

**Векслер А.Г., Лихтер Ю.А. 2011.** Стеклянные изделия неизвестного назначения, найденные при археологических исследованиях в Москве // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 429–432.

**Галибин В.А. 2001.** Состав стекла как археологический источник. СПб: «Петербургское Востоковедение». 216 с.

**Курлович П.С., Зыль А.В. 2018.** Гутняы шыкляныя вырабы з Копысі (па матэрыялах раскопак Э.М. Загарульскага у 1972 г.) // Этнокультурныя процессы на тэрыторыі Беларусі в I – пачале II тысячагоддзя нашай эры. Мат-лы міжнарод. науч. конф., псвятч. 90-летию прафэсара Э.М. Загарульскага / Ред. А.А. Егорейченко и др. Мінск: Изд-во Беларускага гос. ун-та. С. 142–150.

**Курлович П.С., Чубур А.А. 2018.** Распространение производства гутного стекла в XVII–XIX веках по результатам анализа ойконимов Верхнего Поднепровья и сопредельных земель // История: факты и символы. № 1 (14). С. 27–43.

**Лесман Ю.М. 2011.** Стеклянные гладилки: сырье в стеклоделии или инструменты обработки тканей // Стекло Восточной Европы в древ-

ности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. Тез. докл. междунар. науч. конф. 23–25 марта 2011 г. / Ред. П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН. С. 37–38.

**Лихтер Ю.А. 1998.** Стекло черняховской культуры // РА. № 2. С. 41–53.

**Лихтер Ю.А. 2010.** Позднесредневековые стеклянные изделия (по материалам раскопок в Липецке) // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 6 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 350–360.

**О раскопках ... 1913.** О раскопках полковника С.С. Гамченко в Санкт-Петербургской, Волынской и Подольской губерниях в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Дело № 224. Ф. 1. 1913 г.

**Петраускас О.В. 2014.** Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток піздоримського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова / Отв. ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко (ОІУМ. Вып. 4). Київ: ІА НАН України, Ін-т істор. освіти Нац. пед. ун-та ім. М.П. Драгоманова. С. 165–183.

**Румянцева О.С. 2011.** Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего

средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. № 3. С. 86–97.

**Румянцева О.С. 2017а.** Рифленые формы и находки рифленого стекла с поселения черняховской культуры Комаров: к вопросу о хронологии и видах продукции стекольной мастерской // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир. Вып. 19) / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 193–204.

**Румянцева О.С. 2017б.** Стеклоделие за лимесом: новые данные об организации производства и хронологии мастерской в Комарове // *Stratum plus*. № 4. С. 141–164.

**Румянцева О.С. 2014.** Стекольная мастерская в Комарове: характер и особенности производственного комплекса // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В.П. Петрова / Отв. ред. О.В. Петраускас, С.А. Горбаненко (ОІУМ. Вып. 4). Київ: ІА НАН України, Ін-т історичної освіти Нац. пед. ун-та ім. М.П. Драгоманова. С. 184–196.

**Румянцева О.С., Щербаков И.Б. 2016.** Стекло-сырец с поселения Комаров на Среднем Днепре: химический состав и данные о характере и хронологии стеклоделательного комплекса позднееримского времени // *Stratum plus*. № 4. С. 299–315.

**Румянцева О.С., Любичев М.В., Трифонов А.А. 2018а.** Химический состав стекла археологического комплекса Войтенки 1 и происхождение сосудов черняховской культуры (предварительные итоги исследований) // Хронология и монетные находки позднееримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе (материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15–17 сентября 2016 г.) (*Ostrogothica-Serie (Hefte)*, вып. 3). / Ред. М.В. Любичев, К.В. Мызгин. Харьков: «Водный спектр Джи-Эм-Пи». С. 182–208.

**Румянцева О.С., Трифонов А.А., Ханин Д.А. 2018б.** Химический состав стекла эмалевых вставок и бус // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 18) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, Вологда: Древности Севера. С. 189–200.

**Столярова Е.К. 2014.** Стеклоделие за лимесом: новые данные об организации производства и хронологии мастерской в Комарове // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура / Ред. Н.А. Макаров, А.Е. Ле-

онтьев. М.: ИА РАН, Вологда: Древности Севера. С. 421–428.

**Чубур А.А., Гурьянов В.Н., Курлович-Белявская П.С. 2017.** Ландшафтная приуроченность и динамика распространения гутного промысла в Верхнем Поднепровье // Успехи современного естествознания. № 12. С. 273–277.

**Щукин М.Б. 2005.** Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб: Филологический факультет СПбГУ. 576 с.

**Amrein H. 2001.** L' atelier de verriers d'Avenches: l'artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. Cahiers d'archéologie romande. 87 (Aventicum XI). Lausanne. 174 с.

**Antonaras A. 2017.** Glass fishing floats from Greek sites // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre / Eds. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 597–601.

**Barkóczy L. 1988.** Pannonische Glasfunde in Ungarn. Budapest: Aedes Akademiae Scientiarum Hungaricae (Studia archaeologica IX). 223 S.

**Brill R.H. 1967.** A great glass slab from ancient Galilee // *Archaeology*. V. 20. № 2. P. 89–95.

**Foy D., Jézégou M.-P. 1998.** Commerce et technologie du verre antique: Le témoignage de l'épave Ouest Embiez 1 // Méditerranée antique: Pêche, Navigation, Commerce / Ed. É. Rieth. Paris : Éditions du CTHS. P.122–126.

**Foy D., Vichy M., Picon M. 2000a.** Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age // Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (21–23 octobre 1999). Antibes : ed. APDCA. P. 419–433.

**Foy D., Vichy M., Picon M. 2000b.** Lingots de verre en Méditerranée (IIIe s. avant J.-C. – VIIe s. après), approvisionnement et mise en oeuvre ; données archéologiques et données de laboratoire // Annales du 13e Congrès de l'AIHV. Venise-Milan, octobre 1998. Lochem: AIHV. P. 51–57.

**Foy D, Nenna M.-D. 2001.** Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Édisud. 256 p.

**Freestone I.C. 2006.** Glass production in Late Antiquity and the Early Islamic period: a geochemical perspective // *Geomaterials in Cultural Heritage*. Vol. 257. / Eds. M. Maggetti, M. Messiga. London: Geological Society. P. 201–216.

**Freestone I. C., Gorin-Rosen Y. and Hughes M. J. 2000.** Composition of primary glass from Israel // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au

Moyen-Age (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen. 33) /Ed. M.-D. Nenna. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux. 2000. (Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen). P. 65–84.

**Gorin-Rosen J. 1995.** Hadera, Bet Eli'ezer // Excavations and surveys in Izrael. V. 13. P. 42–43.

**Henderson J. 2006.** Medieval and Post-Medieval Glass Finewares from Lincoln: an Investigation of the Relationships between technology, chemical compositions, typology and value // The Archaeological Journal. V. 162. P. 256–322.

**Henderson J. 2013.** Ancient glass: An Interdisciplinary Exploration. Cambridge: Cambridge University Press. 433 p.

**Jackson C.M., Booth C.A., Smedley J.W. 2005.** Glass by design? Raw materials, recipes and compositional data // Archaeometry. V. 47 (4). P. 781–795.

**Nenna M.-D. 2007.** Production et commerce du verre à l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques // Facta. A Journal of Roman Material Culture Studies. 1. P. 125–148.

**Nenna M.-D., Picon M., Vichy M. 1997.** L'atelier de verrier de Lyon et l'origine des verres "romains" // Revue d'archéométrie. 21. P. 81–87.

**Rau G. 1972.** Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. // Acta praehistorica et archaeologica. № 3. P. 109–214.

**Rumyantseva O., Belikov C. 2017.** A Late Roman Glass Workshop at Komarov (Middle Dniester) and the Problem of the Origin of 'Barbarian' Facet Cut Beakers // Annales du 20<sup>e</sup> Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre / Eds. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 257–264.

**Smith R.W. 1963.** Archaeological evaluation of analyses of ancient glass // Advances in glass technology. V. 2 / Eds. F.R. Matson, G.E. Rindone. New-York: Plenum Press. P. 283–290.

**Wedepohl K.H. 2000.** The change in composition of medieval glass types occurring in excavated fragments from Germany // Proceedings of the 14th Congress of the International Association for the History of Glass, Venice and Milan. Lochem: AIHV. P. 253–257.

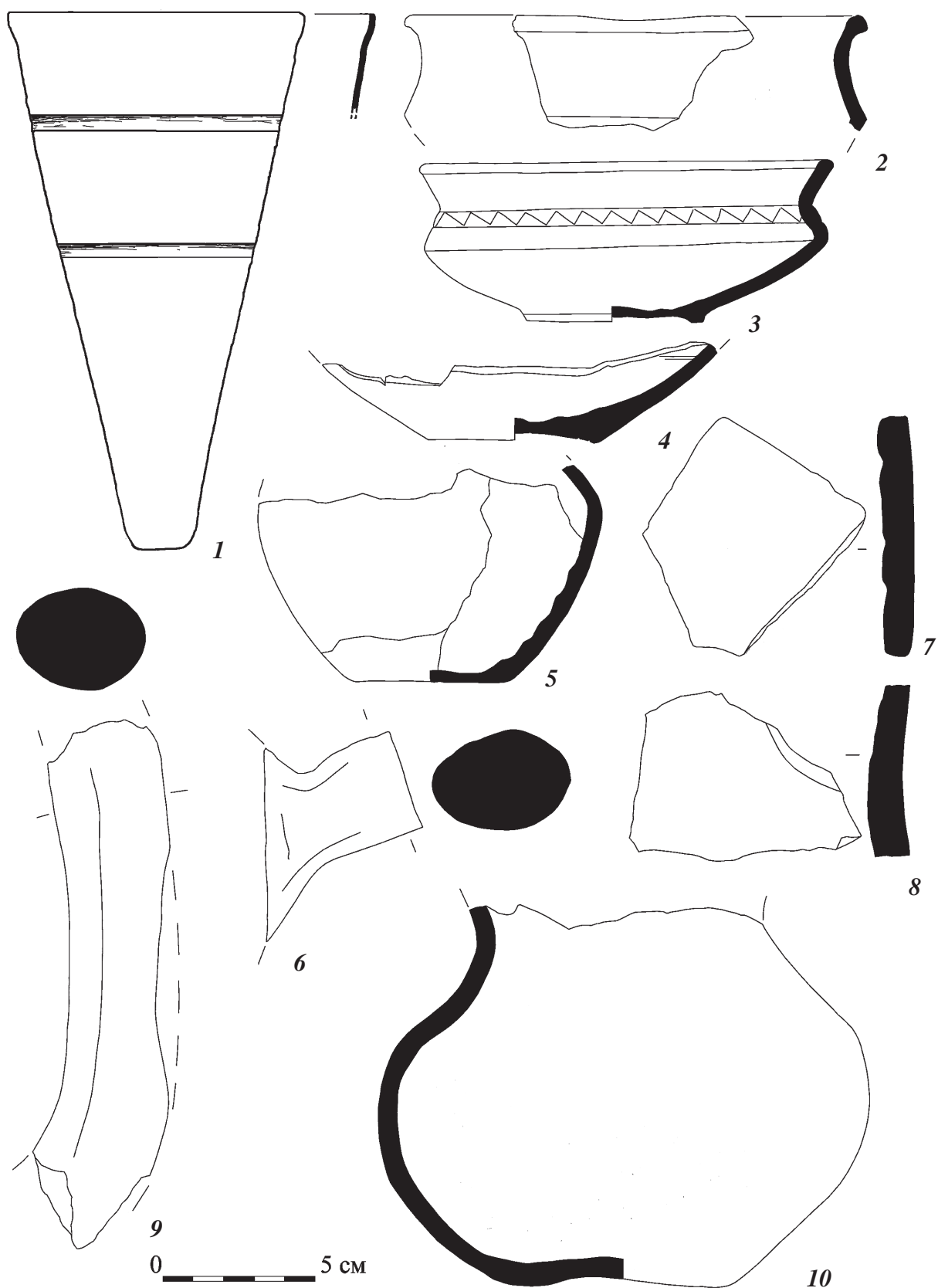
### Summary

#### Glass ball from the State Hermitage collection (excavations by S. S. Gamchenko in 1913).

O.S. Rumyantseva, S.V. Voroniatov, A.A. Trifonov

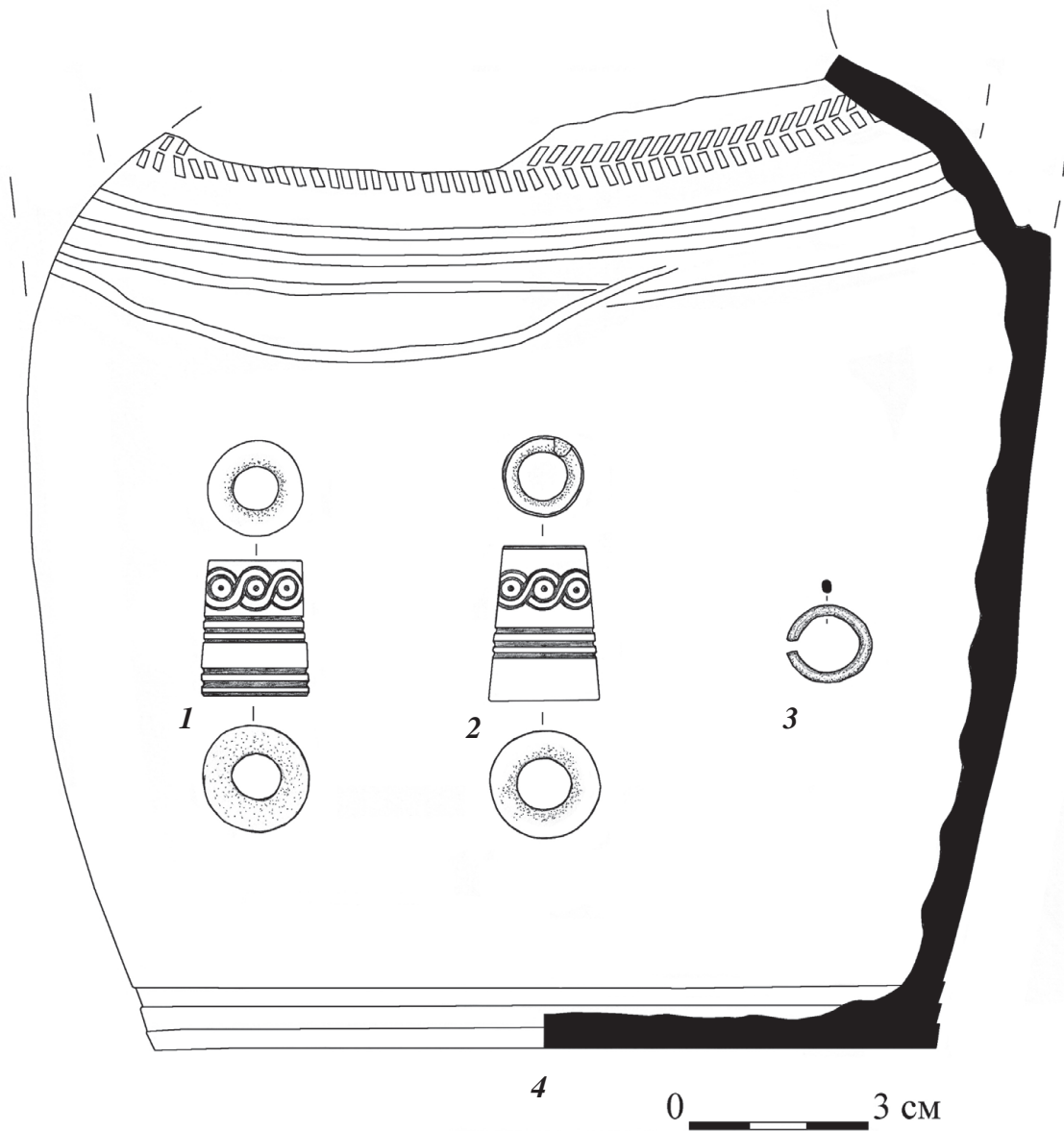
In the collection of the State Hermitage, there is a massive glass ball originating from the Podolsk province of Ukraine (excavations by S. S. Gamchenko in 1913). This finding has no date based on archaeological context, but the presence in the same collection of items obviously related to the Chernyakhov culture, previously allowed M.B. Shchukin to assume that the ball is a form of semi-finished product that could be used by itinerant artisans to produce facet cut beakers in the area of the Chernyakhov culture. Study of chemical composition of the glass by the SEM-EDS method, showed, however, that the glass was produced using wood ash as raw material. It implies that the glass can be dated to neither the Roman time nor the Migration period. It is most likely that the ball is the product of a local workshops of Early modern period. Its function, however, remains unknown.

*Keywords:* West Ukraine, chemical composition of glass, SEM-EDS, the Chernyakhov culture, Early modern period, forest glass.



**Рис. 2.** Находки горизонта черняховской культуры из раскопок С.С. Гамченко.  
 1 – Инв. № 2018/6; 2 – Инв. № 2018/13; 3 – Инв. № 2018/4; 4 – Инв. № 2018/5; 5 – Инв. № 2018/14;  
 6 – Инв. № 2018/10; 7 – Инв. № 2018/11; 8 – Инв. № 2018/12; 9 – Инв. № 2018/9; 10 – Инв. № 2018/8.  
 Рисунки С.В. Воронятова.





**Рис. 4.** Находки эпохи Средневековья и/или Нового времени из раскопок С.С. Гамченко.  
1 – Инв. № 2018/1; 2 – Инв. № 2018/2; 3 – Инв. № 2018/7. Рисунки С.В. Воронятова.

# Шумящее украшение из Тюнино

А.М. Обломский, И.А. Сапрыкина (Москва)

В статье опубликован обрубок шумящего украшения с бутылковидными подвесками, происходящий с поселения Тюнино Задонского р-на Липецкой обл. Изделие представляет собой уникальный стилистически гибридный экземпляр. В его основе лежит фибула или звено нагрудной цепи круга восточноевропейских выемчатых эмалей, но вещь снабжена бутылковидными подвесками, характерными для комбинированных украшений финнов. Специальное исследование показало, что изделие выплавлено по восковой модели. Она сделана на основе оттиска украшения круга эмалей с дополнительными деталями. Для литья украшения была использована свинцовая латунь CuZnPb. Сплав по своим характеристикам схож с цинкосодержащими сплавами, датированными по московским материалам в пределах II–III/IV вв. н.э. В выемках на корпусе вещи эмали никогда не было. Ориентировочная дата прототипа украшения из Тюнино – конец II – III вв.

Находка из Тюнино дает возможность поставить вопрос о контактах населения Верхнего Подонья и более северного финского в первой половине – середине III в. Свидетельством этих контактов являются три сюльгамы (характерные украшения финского круга), которые найдены на поселении Паниковец недалеко от Тюнино.

*Ключевые слова:* изделия стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, Верхнее Подонье, шумящие украшения финнов.

И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская в ряде своих последних работ отметили глубокое влияние стиля украшений с выемчатыми эмальями на искусство волго-окских финнов, как в период формирования рязано-окской культуры, так и позже, т.е. в первой половине III – начале V вв. Характер этого влияния разнообразен: от использования населением волго-окского региона отдельных вещей днепровского и прибалтийского круга, а также возникновения собственных типов изделий с эмальями (например, сюльгам), до подражаний вещам круга эмалей (сюльгамы и Т-образные фибулы стадии деградации стиля с плоским прямоугольным окончанием ножки) (Ахмедов, 2018, с. 150–157). Кроме того, некоторые типы изделий с эмальями лежали в основе этнографических категорий украшений рязано-окской культуры (кольцевые застёжки с лопастями, пластинчатые про-

резные броши) (Ахмедов, Белоцерковская, 2019, с. 133–137). Известны также гибридные образцы вещей (правда, довольно редкие), основой которых были украшения с эмальями или их дериваты, но оформленные в финском вкусе (сюльгамы из Кораблино, Большого Давыдовского) (Ахмедов, 2018, рис. 113: 9; 117: 16; Ахмедов, Белоцерковская, 2019, рис. 2: 1, 2). Сюда же, вероятно, можно отнести и фибулу из Плеса с остатками эмали, выполненную в стиле шумящего украшения (Корзухина, 1978, с. 76, табл. 22: 3). В качестве источника этих влияний И.Р. Ахмедов называет не только соседские контакты, но и возможное проникновение отдельных групп населения киевской культуры, на ранней стадии которой эмали употреблялись чрезвычайно активно, вглубь лесной зоны Восточной Европы к востоку от днепровского региона (Ахмедов, 2018, с. 150).

В статье, предлагаемой вниманию читателя, опубликовано одно из таких гибридных украшений, происходящее из Верхнего Подонья (рис. 1 на с. 293). Оно было найдено на поселении Тюнино Задонского р-на Липецкой обл. чуть севернее Острой Луки Дона (рис. 2; 3) и передано в Институт археологии краеведом из г. Задонска А.Д. Швырёвым, которому мы приносим глубокую благодарность.

Вещь из Тюнино изготовлена из цветного металла и представляет собой ажурное «шумящее» украшение с бутылковидными подвесками, характерными для широкого круга финских изделий Восточной Европы. Сохранилась только нижняя часть предмета, верхняя обрублена, причем довольно грубо. Место слома – неровное, на нем заметна трещина (рис. 1). Общие размеры вещи без учета привески (ниже – везде в см) –  $3,8 \times 3,7$  (верхняя часть) –  $4,9$  (низ). В верхней части предмета находится подтреугольное с вогнутыми внутрь боками поле с двумя выемками, которые, вероятно, в оригинале предназначались для заполнения эмалью, разделенное бордюром в виде «змейки». Глубина этих лунок – по  $0,25$  каждой, дно обеих – плоское.

О.С. Румянцева, осмотревшая украшение из Тюнино при помощи портативного цифрового микроскопа Микмед 5.0, следов эмали ни в этих гнездах, ни в расположенных ниже на корпусе предмета круглых выемках не обнаружила.

Справа и слева по бокам вещи вверх выступают два округлых поля с выемками внутри. Размеры круглых лунок в верхней части: левой –  $0,4 \times 0,4$ , глубина –  $0,2$ ; правой –  $0,5 \times 0,5$ , глубина –  $0,25$ . Дно каждой из них – вогнутое. В лунках верхней части изделия с оборотной стороны видны маленькие выступ (справа) и выемка (слева).

Эти детали имеют параллели на треугольной фибуле и шарнирном браслете из Брянского клада (Белоцерковская, 2018, рис. 12; 42) и на подковообразной фибуле из Варапнишкес (Varapniškės) в Литве (Michelbertas, 2016, с. 86). Бугорок и выемка представляют собой рудименты крепежа дополнительных мелких вставок с эмалью, помещенных в гнезда и закрепленных заклепками на обороте. Эти детали на украшении из Тюнино свидетельствуют, что отливка его осуществлялась с вещи, где эмаль имела. На изначальном образце такая заклепка с одной стороны, видимо, сохранилась, а с другой выпала, как на треугольной фибуле из Брянского клада.

Ниже подтреугольной части корпуса на украшении из Тюнино помещен ажурный прямоугольный пояс из четырех прорезных полей, чередующихся перемычками. Крайнее правое поле при этом – частично сплошное (с правой стороны). С оборотной стороны предмета в месте этого поля сделана подпрямоугольная выемка, довольно грубая. Назначение ее непонятно. На украшениях круга восточноевропейских эмалей такие выемки не известны. Не исключено, что по замыслу ювелира, изготовившего украшение из Тюнино, она предназначалась для размещения пружины, которая не должна была выступать за плоскость изделия. Общие размеры среднего ажурного пояса –  $3 \times 0,45$ ; глубина прямоугольной выемки с оборотной стороны вещи –  $0,2-0,25$ .

Еще ниже находится горизонтальный пояс из трех круглых сплошных полей и двух трапециевидных прорезных. На круглых полях имеются внутренние лунки. Размеры их составляют: левой –  $0,4 \times 0,4$ , глубина –  $0,25$ , средней –  $0,4 \times 0,4$ , глубина –  $0,3$ ; правой –  $0,5 \times 0,5$ , глубина –  $0,2$ . На оборотной стороне изделия на каждом из круглых полей заметны выступающие вверх до  $0,1-0,15$  бугорки, очевидно, остатки литников.

Нижний пояс, завершающий изделие, представляет собой шесть соединенных друг с другом колец. Их размеры внутри –  $0,5 \times 0,4$  (левое левое),  $0,4 \times 0,45$  (правое левое);  $0,4 \times 0,4$  (среднее левое),  $0,45 \times 0,45$  (среднее правое);  $0,5 \times 0,4$  (левое правое),  $0,45 \times 0,45$  (правое правое). Ширина обода каждого из них – около  $0,15$ .

Кольца предназначались для крепления бутылковидных подвесок, которых первоначально было, по всей видимости, тоже шесть. Полностью (если не считать выщербленного края) сохранилась лишь одна из них, еще две – частично. В верхней части каждой подвески находилось сплошное петлевидное ушко, внутри (судя по сохранившейся) они были полыми. Размеры целой бутылковидной подвески (от верха кольца до низа вещи) –  $2,3 \times 0,3-0,8$ .

В целом украшение из Тюнино выполнено очень небрежно. Края изделия после отливки не обработаны, остатки литников не убраны, на нижнем поясе из колец и на прямоугольном ажурном видны наплывы металла. Прямоугольная выемка с оборотной стороны изделия – неровная.

Эти характерные наплывы металла, которые хорошо читаются на изделии, особенно, на его оборотной стороне, вместе со сложной литни-

ковой системой свидетельствуют, прежде всего, в пользу использования техники литья по выплавляемой модели. Следует сказать, что реконструируется несколько шагов изготовления собственно выплавляемой модели. Прежде всего, отдельным шагом является изготовление модели верхней части украшения подтреугольной формы с гнездами для вставок эмали и нижним поясом из трех круглых выемок для эмалей: скорее всего, модель была получена литьем выплавляемой массы в литейную форму, изготовленную по оттиску готового изделия. Вторым шагом является создание нижнего ряда крепления из ряда колец, выполненных путем сворачивания тонкой восковой «колбаски» или «провоженной веревочки»; таким образом формировалась развита литниковая система, следы которой сохранились на рассматриваемом изделии. В пользу этого говорят и характерные наплывы выплавляемой массы в месте крепления колец к круглым выемкам для эмалей. Третьим шагом являлось крепление к кольцам бутылковидных подвесок (также в виде выплавляемой модели) и формирование единой литниковой системы; последним шагом являлось заформовывание полученной модели. Такая техника изготовления шумящих украшений является доминирующей в ювелирном деле волго-окских финнов (Сарачева, 2005. С. 105–109; Сапрыкина, 2005. С. 525–526 и др.).

Химический состав цветного металла шумящего украшения исследовался методом РФА на спектрометре M1 Mistral (Bruker). Стандартное время измерения составило 30 сек, напряжение 50 кV; данный тип спектрометра позволяет проводить измерения поверхности на глубину до 10 микрон, а также выполнять анализ на наличие покрытий (Сапрыкина, Гунчина, 2017. С. 273–274). Статистическая обработка данных выполнена в соответствии с принципами геохимического разделения металлов и сплавов с порогом легирования в 1,00% (Енисова и др., 2008. С. 125–132). Всего с поверхности украшения было получено 12 проб.

Судя по результатам, для литья украшения была использована свинцовая латунь CuZnPb (Рис. 5). Как видно из представленной гистограммы, содержание олова в латуни варьирует в пределах от 0,78 до 1,47%, помимо олова, в металле зафиксированы также примеси сурьмы и серебра; на поверхности зафиксировано большое содержание железа – его высокие концентрации (1,29–19,28%, среднее значение 3–6%) не могут быть объяснены стандартным загрязне-

нием из почвы, но условия находки украшения нам не известны, поэтому этот факт остается без объяснений.

Можно отметить колебания в содержании цинка, зафиксированные в сплаве, в частности, на точках 6 и 7, взятых с нижнего пояса с тремя круглыми выемками для эмалей; в целом, вариации содержания цинка в сплаве довольно стандартны для украшения, на поверхности которого идут активные коррозионные процессы (фиксируются в пределах от 2,15 до 17,16%; среднее значение в пределах от 3 до 6%). Сам сплав по своим характеристикам схож с цинко-содержащими сплавами, датированными по москворецким материалам в пределах II–III/IV вв. н.э.; латунь Тюнинского украшения характеризуется, также, как и серия сплавов из Троицкого городища, в среднем невысоким процентным содержанием свинца (в среднем 4–8%) (Сапрыкина, 2018. С. 279).

Указать точные аналогии первоначальному образцу украшения из Тюнино среди изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей очень сложно. В основе лежала или Т-образная фибула, или (что более вероятно) звено цепи, поскольку на фибулах имеются либо стойки для крепления пружины, либо отверстие для иглы в верхней части головки. Эти элементы на украшении из Тюнино отсутствуют, зато ниже колец помещен пояс из трех круглых гнезд для эмалей, как на звене цепи из Лиллпудери, где еще ниже на корпусе, как и на украшении из Тюнино, использован орнамент змейкой (Корзухина, 1978, табл. 27: 3). Мотив из двух круглых выступов с лунками по бокам под головкой довольно обычен для Т-образных фибул разных форм (Корзухина, 1978, табл. 2: 1; 4: 2, 5, 8; 15: 3; 23: 6; Обломский, Терпиловский, 2007, рис. 140: 1; Обломский, Березуцкий, 2019, рис. 4: 3). На двух перекладчатых фибулах из Брянского клада на головке имеются такие же выступы, а ниже находится подтреугольное с вогнутыми сторонами поле с двумя гнездами с эмалью и «змейкой» посередине, как в Тюнино (Белоцерковская, 2018, рис. 10, 11).

Отметим, что звенья цепей иногда по форме и орнаментации подражают фибулам (Брянский и Мощинскийклады) (Белоцерковская, 2018, рис. 16; Корзухина, 1978, табл. 19).

Важнейшим вопросом при анализе украшения из Тюнино является определение даты этой вещи.

Тюнинское селище, откуда она происходит, известно очень давно, первые раскопки его



проводил Л.Б. Вейнберг в 1888 г. Истории исследования памятника посвящена монография А.Н. Бессуднова и Е. Ю. Захаровой, но в этом издании он отнесен к эпохе бронзы (Бессуднов, Захарова, 2012).

Сведения о более поздних находках появились уже после выхода этой книги. Коллекция керамики и металлических предметов поступила в музей Воронежского Государственного университета, что вызвало необходимость осмотра и шурфовки памятника. Первое предварительное сообщение о коллекции и об этих работах было опубликовано в 2015 г. (Бирюков, Акимов, 2015, с. 22).

Поселение расположено к северо-востоку от с. Тюнино между долиной р. Дон, впадающей в него ручьем Проходня и балкой Пескович (Песчаная). Полностью занято лесом (кроме небольших участков). Селище середины I тыс. н.э. вытянуто вдоль балки на более, чем 200 м и распространяется в глубину водораздела на 150-200 м, хотя эти размеры и приблизительные (Акимов и др. 2017, с. 56). Большая часть находок была собрана в месте, где шоссе Задонск-Липецк наиболее близко подходит к просеке в лесу, сделанной под ЛЭП, примерно в 300 м к югу от поворота к Преображенскому Тихоновскому монастырю (рис. 2). Здесь же по информации А.Д. Швырёва было найдено и шумящее украшение. В этом месте была проведена шурфовка, которая показала наличие на памятнике материалов разных периодов железного века, собрана выразительная лепная керамика гуннского времени, найдены глиняные пряслица, набор бытовых предметов и инструментов из железа (довольно маленьких по размерам, скорее всего, ювелирных), а также серия украшений из бронзы, золотая пряжка со стеклянной вставкой. Находки гуннского периода опубликованы (Акимов и др. 2017). Часть вещей из бронзы этого времени представлена обломками и явно предназначалась для переплавки (Акимов и др., 2017, рис. 7: 3, 4; 8: 1, 2, 4, 5). Тем не менее, не исключено, что на памятнике были и напластования римского периода. Керамика из шурфов допускает такую трактовку.

Таким образом, материалы памятника непосредственно уточнить дату шумящего украшения не могут, по крайней мере, до проведения раскопок на месте находок вещей римского и гуннского времени.

Как показали приведенные выше наблюдения, первоначальным образцом изделия из Тюнино была фибула или звено цепи средней

стадии эволюции стиля восточноевропейских украшений с эмалью (ажурные со вставками и выступами разной формы), причем эмаль на прототипе предмета из Тюнино явно была, о чем свидетельствуют рудименты крепления маленьких вставок. На территории Поднепровья такие вещи датируются концом II – III вв. (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 122–123). Изделие этого периода и было отгиснуто в форме для отливки шумящего украшения.

Тем не менее, само украшение сохранилось в виде обрубка, т.е. куска металла, предназначенного для переплавки. На поселении Тюнино, как было отмечено выше, в виде лома найдены бронзовые вещи гуннского времени, т.е. литейщики бронзы работали здесь в середине I тыс. Не исключено по этой причине, что шумящее украшение собиравались переплавить в этот период, т.е. оно находилось во вторичном употреблении, как многие вещи с эмалью в лесостепной и лесной зоне, где некоторые из них известны вплоть до развитого средневековья (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 122–123; Ахмедов, 2018, с. 156). В этом случае вещь могла быть изготовлена в конце II – III вв. (по дате прототипа), но использовалась позже.

Вероятно и другое. Вещь из Тюнино, скорее всего, была бракованной и предназначалась для переплавки вскоре после изготовления. Для лесостепного Подонья область повышенной концентрации находок украшений с эмалью отмечена именно на Острой Луке Дона, где они происходят из 14 пунктов, включая Тюнино (рис. 3) (Обломский, Березуцкий, 2019, с. 71–76). Недалеко от Тюнино найдены три клада мастеров-литейщиков бронзы, которые в качестве сырья использовали вещи с эмалью (Замятино-Юрьево, Паниковец, Нижнее Казачье-10), а также исследовано место работы ювелиров (Паниковец-1) (Обломский, Сапрыкина, 2019). Горизонт украшений с эмалью на Верхнем Дону датируется ориентировочно первой половиной – серединой III в. (Обломский, 2018, с. 249–253; Обломский, Березуцкий, 2019, с. 69, 70). В этот период на Острой Луке Дона вещи с эмалью если не изготавливали, то, по крайней мере, перерабатывали, и изделие из Тюнино, образцом для которого послужило украшение с эмалью, могло быть отлито именно тогда.

Украшение из Тюнино было гибридным. Оно явно было сделано в зоне контактов населения, использовавшего вещи с эмалью, с финнами, о чем свидетельствует переосмысление изделия

круга эмалей в виде шумящего украшения с бутылковидными привесками.

По имеющимся данным интенсивное проникновение населения Оки в Верхнее Подонье отмечено в гуннское время – в период функционирования торгового пути из Причерноморья на Оку. Население из окского региона (с территории мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культур) в массе продвигается в регион в последней четверти IV в. или несколько позднее, о чем свидетельствуют находки характерной керамики и украшений (Обломский, 2004, с. 150–156; 2015, с. 297–299). Вещь из Тюнино позволяет поставить вопрос, не было ли в Подонье следов более ранних контактов населения окского круга и киевской культуры, появившегося в регионе не позднее начала III в. и с которым связывается широкое распространение в донской лесостепи украшений с эмальями (Обломский, Сапрыкина, 2019, с. 81)?

Свидетельством этих более ранних контактов могут быть две категории вещей – т.н. ранние окские фибулы и сюльгамы, изготовленные из дрота.

«Окские» фибулы с кнопкой на ножке (рис. 4: 1) по недавней публикации А.М. Воронцова появились в фазах В2/С1–С1а центральноевропейской системы относительной хронологии, т.е. в конце II – начале III в. В каталоге, приложенном к его разделу в коллективной монографии о Брянском кладе, фигурирует 13 экземпляров, еще два упомянуты в тексте (Воронцов, 2018, с. 100–104). К этому списку можно добавить фибулу из клада, найденного в устье Красивой Мечи (Обломский, Березуцкий, 2019, с. 73). Большинство из фибул с кнопкой происходят из бассейна Оки, два экземпляра – из Подесенья, один – из лесного Поднепровья, еще один найден на Волыни, два – в Верхнем Подонье. Казалось бы, распространение этих фибул демонстрирует контакты обитателей Поочья и других территорий, в т.ч. и лесостепного Подонья. Тем не менее, ситуация не столь однозначна. «Окские» фибулы с кнопкой неоднократно встречены в кладах украшений с эмальями (Брянский, Мощинский, из устья Красивой Мечи). В Паниковце такая застежка входит в набор бронзового лома для переплавки вместе с вещами с эмалью (Обломский, Березуцкий, 2019, с. 75). Следовательно, на Дон «окские» фибулы могли попасть не в результате прямого проникновения населения из Поочья, а другим путем – вместе с изделиями эмалевого комплекса.

Две сюльгамы из дрота без эмали также найдены в Паниковце-1 вне клада (фрагмент и целое миниатюрное изделие с обмоткой по ободу). Целая такая застежка, но больших размеров и без обмотки входит в состав клада украшений с эмалью из того же пункта. Все эти вещи имеют завернутые в спираль перпендикулярно плоскости изделия узкие завитки на концах (рис. 4: 2–4) (Обломский, Березуцкий, 2019, с. 57).

Предметы подобного типа совершенно не характерны для Верхнего Подонья. Единственная застежка с очень похожим оформлением концов, но меньшая по размерам (диаметр – около 2 см), происходит из кургана 46 Ново-Никольского могильника сарматского времени (Медведев, 1990, рис. 32: 21). А.П. Медведев датирует его серединой – второй половиной II в. (Медведев, 1990, с. 166).

Большие бронзовые сюльгамы из круглого дрота с завернутыми в спираль узкими завитками перпендикулярно плоскости изделия имеют аналогии в позднедьяковской культуре, где подобные вещи относятся к ее среднему этапу, т.е. к I(II)–IV вв. н.э. (Кренке, 2016, с. 270, 271, рис. 6: 5, 7, 11).

Крупные застежки, аналогичные найденным в Паниковце, на территории культуры рязано-окских могильников по И.В. Белоцерковской относятся к сериям ДА3 и ДА4, которые датируются III – началом IV (Белоцерковская, 2015, с. 115–116, рис. 3: 18, 19), хотя в целом в восточнофинском мире сюльгамы из гладкого дрота использовались на протяжении всего раннего средневековья (Вихляев и др., 2008, с. 43). Малая обвитая проволокой сюльгама из Паниковца прямых аналогий не имеет, хотя на ободке некоторых экземпляров из рязано-окских могильников нанесены насечки, имитирующие витые (Белоцерковская, 2015, рис. 3: 21–23). По общим размерам и форме концов малая сюльгама из Паниковца относится к серии ДБ1е, которая датируется по рязано-окской хронологии второй половиной III – не позднее третьей четверти IV в. (Белоцерковская, 2015, с. 117).

В Паниковце все три сюльгамы со специфическими окончаниями обода – характерные изделия убора волго-окских финнов – жестко связаны с комплексом украшений с эмальями. Таким образом, эти находки могут свидетельствовать о возможности проникновения населения лесной зоны (по крайней мере, из Поочья) в Верхнее Подонье уже в III в. Гибридное украшение из Тюнино, следовательно, вполне могло быть изготовлено на Дону.

## Литература

- Акимов Д.В., Бирюков И.Е., Земцов Г.Л., Яблоков А.Г. 2017.** Тюнинское поселение под Задонском на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 54–64.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. 2019.** Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА, 254, с. 128–152.
- Ахмедов И.Р. 2018.** Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). (Раннеславянский мир. Вып. 18) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 146–158.
- Белоцерковская И.В. 2015.** Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 107–131.
- Белоцерковская И.В. 2018.** Украшения из металла // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). (Раннеславянский мир. Вып. 18) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 14–50.
- Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю. 2012.** В поисках древностей забытого урочища: о находках и легендах окрестностей г. Задонска. Тула: Гриф и Ко. 257 с.
- Бирюков И.Е., Акимов Д.В. 2015.** Тюнинское селище. Открытие забытого памятника. // Археологические открытия 2014 г. в Липецкой обл. / Ред. А.А. Найденов, А.А. Клюкойть. Липецк: Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 22.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 2008.** Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. 350 с.
- Воронцов А.М. 2018.** Окская фибула из Брянского клада и ее культурно-хронологический контекст // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). (Раннеславянский мир. Вып. 18) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 95–104.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. 2008.** Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–162.
- Корзухина Г.Ф. 1978.** Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье (САИ. Вып. E1-43). Л.: Наука. 124 с.
- Кренке Н.А. 2016.** Позднелесовая культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 17) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 261–332.
- Медведев А.П. 1990.** Сарматы и лесостепь. Воронеж: ВГУ. 217 с.
- Обломский А.М. 2004.** Замятинский археологический комплекс – «перекресток этнокультурных традиций» // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. (Раннеславянский мир. Вып. 6) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 148–163.
- Обломский А.М. 2015.** Этнические и социальные компоненты населения Острой Луки Дона в гуннское время (вместо заключения) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 296–308.
- Обломский А.М. 2018.** Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). (Раннеславянский мир. Вып. 18) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 237–253.
- Обломский А.М., Березуцкий В.Д. 2019.** Горизонт украшений с выемчатыми эмальями на территории лесостепного Подонья // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н.е.: до 90-річчя В. Д. Барана. (Oium, 6). / Ред. О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України, С. 50–79.

**Обломский А.М., Сапрыкина И.А. 2019.** О культурно-хронологическом горизонте украшений с эмалью в Верхнем Подонье // РА, 4. С. 66–85.

**Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2007.** Предметы убора с выемчатыми эмалью на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России. (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141.

**Сапрыкина И.А. 2005.** Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 204–211.

**Сапрыкина И.А., Гунчина О.Л. 2017.** Химический состав металла боспорских статоров Фанагорийского клада 2011 г. // Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. Клад позднебоспорских ста-

торов из Фанагории. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 5) / Ред. В.Д. Кузнецов. Т. 5. М.: Институт археологии РАН. С. 272–483.

**Сапрыкина И.А. 2018.** Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: «индекс романизации» // Земли родной минувшая судьба... Сборник статей к юбилею А.Е. Леонтьева / Ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 277–287.

**Сарачева Т.Г. 2005.** Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов из раскопок 1977–1978 гг. (Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Т. 3). М.: ИА РАН. С. 103–122.

**Michelbertas M. 2016.** Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas. 110 s.

## Summary

### Rustling adornment from Tunino

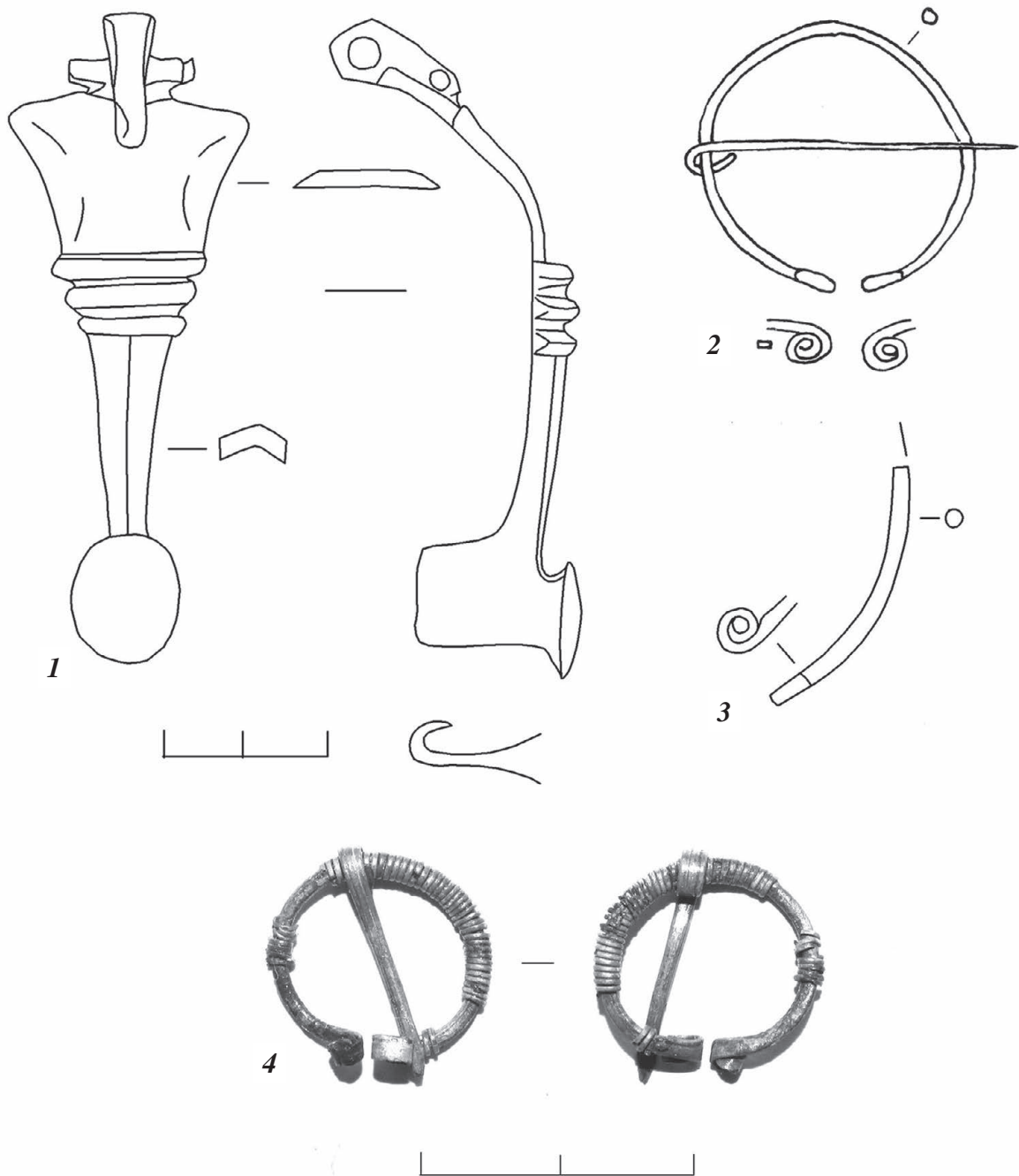
A.M. Oblomsky, I.A. Saprykina

A stump of a rustling adornment with bottle-shaped pendants, originating from the settlement of Tunino in the Zadonsk district of the Lipetsk region was published in the article. The artifact is a stylistically unique hybrid instance. It is based on the fibula or a link of a breast chain of Eastern European notched enamels range. But the artifact is provided with bottle-shaped pendants, typical of combined Finns' jewelry. A special study showed that the product was smelted with usage of a wax model. It is made on the base of the impression of enamel range decoration with additional details. Lead brass CuZnPb was used for casting the adornment. In its characteristics the alloy is similar to zinc-containing alloys by Moskva-river materials dated within the II-III/IV centuries AD. There was never any enamel in the recesses on the artifact body. The approximate date of the prototype of the decoration from Tunino is the end of the II-III century.

The finding from Tunino makes it possible to raise the question of contacts between the population of the Upper Don river area and the more northern Finns in the first half – middle of the third century. There are three syulgams (typical ornaments of the Finnish range) found at the settlement of Panikovets near Tunino which are also indicative of these contacts.

*Keywords:* artifacts of the East European champleve enamels style, the Upper Don region, rustling adornments of the Finns.





**Рис. 4.** «Окская» фибула и сюльгамы из бронзы поселения Паниковец-1.  
1, 3, 4 – вне клада; 2 – клад (рисунки и фото А.М. Обломского).

# Необычная пряжка типа «Сиракузы» из могильника Узень-Баш в Юго-Западном Крыму

Э.А. Хайрединова (Симферополь)

В могильнике Узень-Баш (Склея), в склепе 1/1926 г. найдена пряжка, относящаяся к поздней разновидности застежек типа «Сиракузы», бытовавшей в начале VIII в. Изготовлена пряжка небрежно: рамка и прилегающая к ней часть щитка деформированы. Скорее всего, сделана она была местным мастером, который взял за образец пряжку типа «Сиракузы» варианта 1 и переработал ее на манер застежек VIII в.: удлинил щиток, добавил два круглых отверстия для декора, либо для дополнительного крепления на ремне при помощи шнура. Существование подобного изделия, сделанного в литейной форме и, следовательно, являющегося предметом серийного производства, позволяет говорить о том, что в начале VIII в. в Юго-Западном Крыму продолжали бытовать вариации пряжек типа «Сиракузы».

*Ключевые слова:* Юго-Западный Крым, могильник Узень-Баш, византийские пряжки, пряжки типа «Сиракузы».

Особое место среди византийских аксессуаров одежды, бытовавших в VII в., занимают бронзовые цельнолитые пряжки, выделенные исследователями в тип «Сиракузы». Эти небольшие застежки с декором в виде листьев аканта на щитке служат ярким примером своеобразной «глобализации» в эпоху раннего средневековья, когда на широком пространстве представители разных народов использовали в одежде стандартные однотипные изделия.

Необычайной популярностью названные пряжки пользовались в Крыму – у жителей городов Боспор и Херсон, а также у гото-аланского населения юго-западного региона. В настоящее время в Крыму известно более двухсот пряжек типа «Сиракузы» (Гавритухин, 2019, с. 316–321). К списку крымских находок, составленному И.О. Гавритухиным, следует добавить пряжку с территории некрополя пещерного города Качи-Кальон (Лавров, 2015, с. 357, рис. 3: Б) и случай-

ную находку из Судакской крепости (Захаров, 2018, с. 101, № 47). Последняя особо интересна, т.к. в сочетании с находками византийских печатей коммеркариев конца VII – первой половины VIII в. и печати VIII – рубежа VIII–IX вв. с именем Феофана халкопрата – лица, связанного с торговлей медью или изделий из меди – позволяет говорить о прямых поставках в Сугдею византийских медных и бронзовых изделий из империи (Шандровская, 1995, с. 120–121, 122; 2000, с. 253–254).

В статье, посвященной найденным в Керчи пряжкам типа «Сиракузы», в качестве примера долгого – вплоть до начала VIII в., существования названных застежек в регионе, мной был приведен нестандартный экземпляр этого изделия, происходящий из могильника Узень-Баш (Склея), из раскопанного в 1926 г. Н.Л. Эрнстом склепа 1 (Хайрединова, 2016, с. 245). Однако Игорь Олегович Гавритухин в исследовании о

пряжках типа «Сиракузы», ссылаясь на опубликованный в 1993 г. рисунок указанной пряжки, посчитал мою атрибуцию спорной: «... у обсуждаемой пряжки на щитке имеются два овальных отверстия, основная часть щитка вытянута по горизонтали (имеет вид овала), задний выступ – рельефный. Все это для пряжек типа Сиракузы необычно; невнятен и орнамент этой пряжки» (Гавритухин, 2019, с. 302, 319, прим. 89). Отмечу, что определение названной пряжки сделано мной не по рисунку, а непосредственно по самой вещи, хранящейся в фондах Центрального музея Тавриды<sup>1</sup>. Поскольку изображение пряжки в публикации 1993 г. выполнено не совсем удачно (рис. 1 на с. 297: 1в) (Айбабина, 1993, с. 118–119, рис. II, 7), считаю необходимым вновь опубликовать находку, важную как для обоснования верхней даты, так и для истории бытования названного типа византийских застежек.

Пряжка отлита из бронзы с овальной, граничной рамкой и овальным, вытянутым в длину щитком с небольшим прямоугольным выступом на завершении. На щитке видны следы стилизованного растительного декора: на прилегающей к рамке части – завитки и изогнутые стебли, соединяющиеся в центральном поле щитка; по краям намечены контуры крупных листьев аканта (рис. 1: 1а, б). Несмотря на плохую сохранность декора, в нем отчетливо прослеживается типичное для варианта 1 пряжек типа «Сиракузы» изображение листьев аканта, расположенных зеркально друг другу относительно двух центральных стилизованных стеблей (рис. 2: 2–5) (Хайрединова, 2016, с. 243–245, рис. 1; 2). На обратной стороне щитка напаяны две прямоугольные пластины с круглыми отверстиями для крепления на ремне. Рамка пряжки фрагментирована, язычок сделан из овальной в сечении проволоки. Проволочные язычки не характерны для пряжек названного типа, но они встречаются на многих экземплярах (рис. 2: 2). Бронзовой или железной проволокой, как правило, заменялись поломанные «родные» литые язычки (Хайрединова 2016, с. 243, рис. 1: 2; 3: 1).

От классических пряжек типа «Сиракузы» публикуемый экземпляр отличается чуть большими размерами: длина – 5,2 см (по язычку); длина щитка – 3,5 см при ширине 2,4 см. Различаются и пропорции щитка: заметно уве-

личена его часть с круглым отверстием для язычка, примыкающая к рамке (рис. 2: 1). Обычно на этот участок щитка с заостренными или полукруглыми выступами на боковых сторонах приходится лишь пятая часть всей длины щитка (рис. 2: 2–4), тогда как у пряжки из Узень-Баша он занимает почти треть щитка (рис. 2: 1). Иначе сделано и место крепления язычка: на стандартных пряжках типа Сиракузы оно имеет вид своеобразной перекладки – узкого стержня с двумя заостренными выступами по бокам, тогда как у застежки из Узень-Баша внутренняя часть рамки – гладкая.

В центре щитка пряжки сделано два круглых отверстия диаметром 0,4 см. Такие же отверстия, расположенные в местах верхнего завитка листьев аканта, есть на пряжке типа «Сиракузы» из Селевень (Венгрия) (рис. 2: 5) (Чаллань, 1954, табл. III: 5; Garam, 2001, S. 311, Taf. 60: 4), которая, как убедительно показал И.О. Гавритухин, найдена вместе с инвентарем второй половины VII – начала VIII в. (Гавритухин, 2019, с. 305, 346, рис. 18: 29–32). По рисунку и фотографии названной пряжки, представленных в публикациях Е. Гарам и Д. Чалланы (Чаллань, 1954, табл. III: 5; Garam, 2001, S. 311, Taf. 60: 4), трудно определить, как сделаны отверстия – при отливки или пробиты уже на готовом изделии. Пряжка из Узень-Баша была отлита с этими отверстиями – в одном из них виден натек металла, возникший при отливке изделия (рис. 1: 1б). Такие производственные дефекты встречаются и на других одновременных цельнолитых византийских застежках. Так, внутри ажурного щитка пряжки с овальным кольцом варианта II-5<sup>2</sup> с прорезным трилистником конца VII – первой половины VIII в. из склепа 54 могильника у с. Лучистое сохранился довольно большой участок с натечным металлом (рис. 2: 6).

Два круглых отверстия, расположенных попеременно щитка – характерный элемент декора ряда византийских литых или шарнирных застежек. В качестве примера можно назвать пряжки VIII в. с овальным кольцом и щитком в виде двух маленьких и одного большого диска варианта II-12 (рис. 2: 8) (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 63, № 6, рис. 30: 15), а также застежки типа «Коринф», бытовавшие в Крыму с конца VII по начало IX в. (рис. 1: 4, 5; 2: 7) (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 62, рис. 30: 1,

<sup>1</sup> Инвентарный № 4739осн. На бирке также указан старый инвентарный № 6261, место и год находки: «Склея, склеп № 1, раскопки Н.Л. Эрнста, 1926 г.».

<sup>2</sup> Типы найденных в Крыму византийских пряжек даны по классификации А.И. Айбабина (Айбабин, 1990).

17). Возможно, отверстия делались не только для украшения, но имели еще и функциональное назначение. В могильнике у с. Лучистое найдено несколько пряжек с сохранившимся в декоративных отверстиях кожаным шнурком, при помощи которого щиток пришивался к поясному ремню (Chajredinova, 2010, S. 63, Abb. 3, 3a).

Пряжки типа «Сиракузы» варианта 1 бытовали в Крыму на протяжении всего VII в. В Лучистом, в склепах 38, 223, 228, 232 и 238 самые поздние погребения с этим типом застежек перекрывали захоронения с орлиноголовыми пряжками 5-го варианта второй половины VII в. (Айбабин, Хайрединова, 2008, рис. 13: 3; 19: 3; 23: 2–5), а в склепе 122А – захоронение с подвеской из потертого фоллиса Юстиниана II, выпущенного в 686 г. и долго находившегося в обращении. Напомним, что на Афинской Агоре находка однотипной пряжки зафиксирована в слое с монетами 711/713 гг. (Pallas, 1981, p. 298, Anm. 18).

В могильнике Узень-Баш в склепе 1/1926 г. публикуемая пряжка найдена вместе с другими византийскими застежками: цельнолитой варианта II-5 с овальным кольцом и с прорезным трилистником на щитке конца VII – первой половины VIII в. (рис. 1: 2) (Айбабин, Хайрединова,

2008, с. 61–62, № 5, рис. 30: 6); шарнирными с ажурным щитком с растительным декором второй половины VIII в. (рис. 1: 3) (Айбабин, 1993, с. 123, 366, 368, рис. 2: 24; 3: 8, 11), типа «Коринф», варианта 9-2 второй половины VIII – начала IX в. (рис. 1: 4, 5) (Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 62, 63, 65, № 8, рис. 30: 1, 17) и типа «Эски-Кемрен» варианта 6-4 конца VIII – первой половины IX в. (рис. 1: 6) (Айбабин, 1990, с. 48, рис. 45: 4, 5).

Пряжку из могильника Узень-Баш можно отнести к поздней разновидности застежек типа «Сиракузы», бытовавшей в начале VIII в. Изготовлена пряжка небрежно: рамка и прилегающая к ней часть щитка деформированы. Скорее всего, сделана она была местным мастером, который взял за образец пряжку типа «Сиракузы» варианта 1 и переработал ее на манер застежек VIII в.: удлинил щиток, добавил два круглых отверстия для декора, либо для дополнительного крепления на ремне при помощи шнурка. Существование подобного изделия, сделанного в литейной форме и, следовательно, являющегося предметом серийного производства, позволяет говорить о том, что в начале VIII в. в Юго-Западном Крыму продолжали бытовать вариации пряжек типа «Сиракузы».

## Литература

**Айбабин А.И. 1990.** Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. С. 3–86.

**Айбабин А.И. 1993.** Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. С. 121–133, 365–383.

**Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 2008.** Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982–1984 гг.) (Боспорские исследования. Supplementum 4). Симферополь – Керчь: Адеф-Украина. 336 с.

**Айбабина Е.А. 1993.** Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. Вып. III. С. 118–121, 360–364.

**Гавритухин И.О. 2019.** Пряжки типа Сиракузы и северо-восточная зона их распространения // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов.

Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 295–353.

**Захаров В.А. 2018.** Археологические разведки в 2016–2017 годах на территории объекта культурного наследия федерального значения Комплекс сооружений Судакской крепости VI–XVIII вв. (XIV–XV вв.). Симферополь: «Н. Орианда». 112 с.

**Лавров В.В. 2015.** Археологические исследования Качи-Кальона в 1954 г. (по материалам архива Е.В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике) // История и археология Крыма. Вып. II. С. 349–363.

**Хайрединова Э.А. 2016.** Пряжки типа «Сиракузы» из Керчи // БИ. Вып. XXXIII. С. 242–265.

**Чаллань Д. 1954.** Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I // Acta Antiqua Hungarica. Budapest. II, 3–4. С. 311–338.

**Шандровская В.С. 1995.** Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // Античная древность и



средние века: Византия и средневековый Крым. Симферополь: Таврия. С. 119–123.

**Шандровская В.С. 2000.** О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Вып. VII. С. 247–255.

**Garam Ę. 2001.** Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts (Monumenta Avarorum Archaeologica. 5). Budapest. 432 S.

**Pallas D. 1981.** Données nouvelles sur quelques boucles et fibules considérées comme avars et slaves sur Corinthe entre le VIe et le IXe s. // Byzantinobulgarica 1981. 7. P. 295–318.

**Chajredinova E. 2010.** Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. (Monographien Römisch-Germanisches Zentralmuseum. 84,3). Eds. F. Daim, J. Drauschke, Mainz. S. 59–94.

### Summary

#### Unusual buckle of “Syracuse” type from the burial ground of Uzen-Bash in the Southen-West Crimea

**E.A. Khayredinova**

In the burial ground of Uzen-Bash (Skelya) in crypt 1/1926, a buckle belonging to the late variety of fasteners of “Syracuse” type which existed at the beginning of the VIII century was found. The buckle is made carelessly: the frame and the adjacent part of the shield are deformed. Most likely, it was made by local craftsman who took a buckle of “Syracuse” type, option 1 as a sample and modified it in the manner of clasps of VIII c. He extended the flap, added two round holes for decoration or for additional fastening with a cord. The existence of such a product made in a foundry form and therefore is the subject of mass production, suggests presence of variations of “Syracuse” type buckles at the beginning of the VIII century in the South-Western Crimea.

*Keywords:* Southen-West Crimea, the burial ground of Uzen-Bash, Byzantine buckles, buckle of “Syracuse” type.

# Двучленные подвязные фибулы типа «большие арбалетовидные» Юго-Восточной Прибалтики по данным женского убора самбийско-натангийской культуры

О.А. Хомякова (Москва)

Рассматривается категория двучленных прогнутых подвязных фибул поздне римского времени, характерная для культур Юго-Восточной Прибалтики – так называемые большие арбалетовидные (*Große Armbrustfibeln*). Фибулы представляют собой совокупность разных вариантов с разнообразным кольцевым декором и имеют несколько источников в центрально- и северо-европейских древностях, а также демонстрируют процесс, связанный с началом производства собственных линий украшений и деталей убора в культурах Балтии.

*Ключевые слова:* Прогнутые подвязные фибулы, «большие арбалетовидные» фибулы, *Große Armbrustfibeln*, Юго-Восточная Прибалтика, поздне римское время, самбийско-натангийская культура, хронология, типология, комплекс.

Типология и хронология варварских фибул поздне римского времени и эпохи Великого переселения народов занимают одно из ведущих направлений в исследованиях И.О. Гавритухина. В статье рассматриваются фибулы из могильников Калининградского п-ва (или самбийско-натангийской культуры) так называемые *большие арбалетовидные*, представляющие собой часть массива восточноевропейских экземпляров второй подгруппы двучленных прогнутых подвязных серии III А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 67), характерные для Юго-Восточной Прибалтики.

Свое название рассматриваемые фибулы (от нем. *Die Große Armbrustfibeln*, употребляется также буквенное сокращение – *GABF*) получили в довоенной литературе (напр. Tischler, Kemke, 1902) благодаря своим размерам, отличающим их от остальных застежек группы VI

по О. Альмгрену (Almgren, 1923. Taf. VII). Исследователи древностей самбийско-натангийской культуры традиционно придерживаются данного термина (Nowakowski, 1996, S. 19, 58; Кулаков, 2003б, с. 102). Типологические признаки этих застежек впервые были выделены Нильсом Обергом. Он относил их к типу Å3 (сокр. от *Åberg*) – переходной форме от ранних типов фибул с кольцевым декором Å1 и Å2 к более позднему, характеризующемуся рядом упрощений в схеме. Основываясь на картировании фибул типа Å3, Н. Оберг отметил, что такие застежки распространены исключительно в Юго-Восточной Балтии (Åberg, 1919. S. 14, Abb. 3, Karte I). Эта удачная схема, демонстрирующая основные векторы развития двучленных подвязных фибул с декоративными кнопками и кольцевым декором в культурах Калининградского п-ва и Северной Польши практически

без изменений используется до сегодняшнего дня (Nowakowski, 1996, S. 58; Кулаков, 2003б, с. 102–107; 2004, с. 35–36).

Тем не менее, вопросы типологии, генезиса фибул типа *GABF*, довольно разнообразных по морфологии и декору, не решены до конца (см. напр. Кулаков, 2004, с. 102). Генезис «больших арбалетовидных» фибул связывается с формой 167 по типологии О. Альмгрена, далее – А. (Almgren, 1923. Taf. VII: 167; Кулаков, 2003а, с. 276, 277), а их появление в материалах культуры – с начальным этапом Великого переселения народов С2/Д (Godłowski, 1974, tabl. VII: 1), или 3-й фазой культуры по В. Новаковскому (Nowakowski, 1996, S. 58).

Остановимся на характеристике фибул материалов женского убора<sup>1</sup>, хотя такие фибулы были принадлежностью как погребений с набором украшений, так и комплексов с вооружением (напр. Коврово-255, 260, Большое Исаково-23, 29 по: Кулаков, 2007, рис. 13: 5; 24: 4; Skvorzov, 2007, Taf. 28: 5, 8; 36: 3). В женских погребениях, однако, находится основной массив фибул типа *GABF* – их содержало около 11% погребений от общего числа комплексов I–V вв. Мною учтено около 50 погребений, более 70 экземпляров, многие из которых анализируются впервые.

\* \* \*

В соответствии с имеющимися на сегодня данными, появление наиболее ранних экземпляров фибул типа *GABF*, можно связывать с концом фазы С1 (С1b) и началом фазы С2<sup>2</sup>. Действительно, среди фибул А.167 (или типа А2 по Н. Обергу) выделяется группа<sup>3</sup>, изделия которой отличает коленчатый изгиб спинки, подграненное сечение корпуса, подпрямоугольная или изогнутая нижняя тетива и кольцевой декор, представляющий собой сочетание проволочных рифленых колец и литых сегментов типа I.1<sup>4</sup> (рис. 1 на с. 299: 2–4). Именно таким экземпляром из Синявино/*Kampischkehmen* Гусевско-

го р-на Калининградской представлен формой А.167 в таблице О. Альмгрена (рис. 1: 1). В погребениях самбийско-натангийской культуры эти фибулы найдены вместе с характерными для фазы С1 и ее наиболее поздней ступени С1b подвязными А.161–162 с тремя кнопками и плоскими наконечниками ремней (группы J II – см. Raddatz, 1957. S. 88. Abb. 2).

Однако, помимо влияния, которое на генезис данной группы фибул типа *GABF* оказали фибулы А.167, угадываются и другие воздействия – подражания стилистике «престижных» фибул А.216/217 («монструозо») (Almgren, 1923. S. 96, 97, Tabl. IX: 216–217), и фибул серий 8–11 группы V (Almgren, 1923. Taf. V). Наиболее ранние фибулы типа *GABF* с кольцевым декором находятся в комплексах с более богатым инвентарем, в их изготовлении используется не традиционная бронза, а белый металл (серебро), пружины могут быть дополнительно надставлены, и иметь накладки (рис. 2: 2–3). Речь, вероятно, идет о влиянии стилистики североευропейских и вельбаркских фибул, происходящих из варварских мастерских в центральной части Балтийского региона. Форме А.167 с признаками *GABF* близки фибулы из материалов могильников Мазурского Поозерья и Северной Польши фазы С1, погребений, указывающих на контакты с населением Калининградского п-ва: Бабита/*Babienten-A*, Грунайки/*Greneiken-D5* (рис. 1: 5, 7), Нетта/*Netta-15/15A, 138B, 150* (рис. 1: 6, 8). В комплексах они находятся вместе с подвязными фасетированными фибулами А.161–162 с тремя кнопками.

Близкие по морфологии и хронологии предметы из ареалов соседних культур могут иметь единые источники происхождения и демонстрировать процесс, связанный с началом производства собственных линий украшений и деталей убора в Юго-Восточной Прибалтике.

Вероятно, среди фибул, непосредственно относящихся к типу *GABF*, можно выделить наиболее ранние – с корпусом, украшенным декоративной кнопкой (приложение 2: группа 1; рис. 1: 1, 4–5). Их отличают «ранние» признаки: дуговидные спинка и тетива, не имеющий граней иглоприемник, а также особый кольцевой декор (типа II.1), представляющий одиночные кольца и напаянные тордированные, либо проволочки с насечками (рис. 2: 5–5а). По совокупности признаков такие фибулы более близки экземплярам формы А.168, происходящим с территории Готланд (Almgren, 1923, S. 78. Taf. VII: 168). Декор

<sup>1</sup> Статья является частью готовящейся публикации, посвященной самбийско-натангийскому женскому убору I–V вв.

<sup>2</sup> Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры приводится по: Хомякова, 2012, с. 255–280. Абсолютные даты периодов (около): С1 – 200/225–250 гг., С2 – 250/250–310/320 гг., С3 – 310/320–375 гг., Д1 – 350/360 – 375/400 гг.

<sup>3</sup> Признаки фибул *GABF* см. в приложении 1.

<sup>4</sup> Типология кольцевого декора по: Khomiakova, 2012, p. 147–166.

типа II.1 также находит аналогии на территории Скандинавии. В материалах северной Ютландии и Норвегии он существует с раннеримского времени вплоть до конца III – первой половины IV в. н.э. (Anderson, 1995, S. 127. Fig. 95). В изготовлении самбийско-натангийского кольцевого декора использовался «престижный» белый металл (серебро). К данной группе принадлежат и фибулы типа *GABF* с кнопками и иглоприемником, украшенным накладками из фольги (рис. 2: 3). Ранее отмечалось, что это сближает их с декором фибул «монструозо» (Кулаков, 2014, с. 37, рис. 42). Самбийские фибулы, подобно своим северо-европейским аналогиям, связанных с горизонтом Лейна–Хасслебен и Химлингой, найдены в комплексах фаз C1b, C2. Показательна встречаемость такой фибулы с формой A.216 («монструозо») в комплексе Окунево/Grebieten-177 (рис. 2: 3).

Вариантом данного типа по совокупности морфологических признаков, вероятно, являются фибулы типа *GABF*, корпус которых изготовлен из железа, а в декоре используется белый металл (серебро) (см. приложение 2: группа 1). Возможно, это сближает их с «престижными» варварскими фибулами, целиком изготовленными из драгоценных металлов. Застежки этого варианта могут иметь более мелкие относительно остального массива *GABF* размеры (рис. 2: 1–1а). Помимо накладок типа II.1, корпус этих фибул украшен многочисленными одиночными кольцами типа II. Прототипы такого декора, возможно, прежде всего следует искать в вельбаркских древностях III в. н.э. Подобным образом украшались застежки, близкие формам A.161–162 с территории Эльблонгской возвышенности (Okulicz-Kozaryn, Natuniewicz-Sekuła, 2005, s. 13–15). Железные фибулы *GABF* с кольцевым декором представлены и в комплексах с вооружением: Коврово-306 (Кулаков, 2007, с. 27, рис. 104: 10), Доброе-Летное/Tenkieten-23 (см. Bitner-Wróblewska et al., 2011, p. 565); а также на памятниках пограничной с вельбаркской территорией, напр. Пригоркино/Carben, погр. 6; и в западной части Мазурского Поозерья (см. Старая Бочвинка/Alt Bodschwinken-19a по: Bitner-Wróblewska et al., 2011, p. 75), но, в отличие от Калининградского п-ва уже в комплексах IV века.

Наиболее ранние железные фибулы *GABF* с серебряной кольцевой гарнитурой относятся к фазе C1a, основное количество принадлежит фазам C1b и C2.

Вероятно, продолжение данной линии развития и упрощение демонстрируют фибулы типа *GABF* с овальным иглоприемником (рис. 2: 6), принадлежащие уже к следующей группе, представляющей основное количество экземпляров рассматриваемого типа (собственно тип A3 по Н. Обергу).

Их отличает достаточно устойчивый набор признаков (приложение 2: группа 2; рис. 3): колленчато изогнутая спинка, в сечении, как правило, пятигранная (отдельные экземпляры имели трехгранное сечение). Застежки отличает нижняя одинарная тетива подпрямоугольной формы, состоящая из одного дрота с пружиной. Пружина простая, длинная, достигающая в среднем по 12–15 оборотов с каждой стороны. Основным признаком являются размеры фибул, которые составляют 9–11 см в длину, что примерно наполовину больше подвязных фибул других типов.

Фибулы с овальным иглоприемником не имеют декоративной кнопки на головке. При этом окончание корпуса у части из них представляет узкую пластину (рис. 3: 5), у других – прямоугольную площадку с пробитым для оси отверстием, часто украшаемую прорезным орнаментом в виде косоугольного креста (рис. 3: 2, 4). По совокупности признаков, типологически и конструктивно они наиболее близки к экземплярам формы A.161–162 с нефасетированной спинкой и фибулам серии 2 группы VI (фибулы с площадкой у основания), производными которых они, вероятно, и являлись. С фибулами A.167 часть этих застежек сближает наличие проволочной гарнитуры на корпусе. Некоторые фибулы, однако, кольцевого декора не имеют (рис. 3: 4). Элементы проволочной гарнитуры преимущественно изготавливались из бронзы, но встречаются и фибулы с серебряным декором. Характеризуются кольцевым декором типа II с одиночными кольцами, расположенными на корпусе фибул.

В погребениях наиболее ранние экземпляры встречаются с фибулами A.161–162 с нефасетированной спинкой (фаза C1b), наибольшее количество принадлежит фазам C2 и C2–D. Встречаются и в погребениях конца IV – начала V в. Наиболее поздние содержатся в погребениях с фибулами со звёздчатой ножкой фазы D (см. Коврово/Dollkeim-364 по: Кулаков, 2007, с. 64–65). Поздние фибулы по своим конструктивным особенностям близки экземплярам серии 2 группы VI.

Разновидностью этой группы можно считать экземпляры *GABF* с кольцевым декором типа III, представляющим сочетание напаянной на



корпус тисненной фольги с «вафельным» орнаментом и одиночных колец, придерживавших ее по краям (приложение 2: группа 3; рис. 4), который встречается только у данного типа фибул. Такой декор находит прототипы в «престижных» вельбаркских и северо-европейских украшениях фазы C1b, (напр. Ethelberg, 2000, S. 62–64, Abb. 56; Okulicz-Kozaryn, Natuniewicz-Sekuła, 2011, pl. LVIII:1). В самбийско-натангийских древностях он, вероятно, появляется в аналогичный период как элемент украшения «престижных» предметов (рис. 4: 2, 4), и далее продолжает использоваться на протяжении длительного периода. В частности, такой декор встречается на фибулах типов Å4–6 в древностях прусской культуры (Åberg, 1919, S. 14. Abb. 4–6). В основном, встречается на фибулах в комплексах фаз IIIc (C2) и IV, V (C2-D, C3/D1).

\* \* \*

Итак, фибулы типа GABF представляют собой совокупность разных вариантов двучленных прогнутых подвязных фибул с разнообразными вариантами кольцевого декора и имеют несколько источников в центрально- и северо-европейских древностях, на основе которых и могли возникнуть. Среди них – как «массовые» формы прогнутых подвязных фибул формы A.161–162, так и «престижные» форм A.216 и A.167–168 (рис. 1), подражание декору которых представляет собой отличительную черту наиболее ранних фибул GABF с тремя кнопками (рис. 2). В дискуссии о том, что фибулы типа «монструозо» являются продуктом древних мастеров Калининградского п-ва (см. Кулаков, 2014, с. 37–39; 2016, с. 49), ответу – что, локальными формами, возможно, были именно эти подражания (фибулы GABF с тремя кнопками и различными вариантами проволочного декора) (рис. 2), а вот их прототип – фибулы формы A.216, все же – продукт «восточно-германской» (вельбаркской, северо-европейской) традиции, и в самбийско-натангийских древностях они являются импортами.

Через генезис фибул A.167 с признаками GABF и наиболее ранних версий самого типа «больших арбалетовидных» застежек возможно проследить, как происходит формирование линий развития собственных элементов убора и стиля проволочного декора в Юго-Восточной Балтии, первые образцы которого сложились на границе с восточно-германским ареалом. В наиболее ранних формах фибул GABF

угадывается влияние форм A. 167–168. Тем не менее, эволюция фибул типа GABF происходило параллельно с прогнутыми подвязными A. 161–162, они показывают те же тенденции в развитии: основной массив более ранних фибул имеет нефасетированную спинку; наиболее поздние – более близки подвязным фибулам серии 2 группы VI (рис. 3).

Линии развития фибул типа GABF в других культурах Балтии характеризуют те же тенденции, что и самбийско-натангийские образцы. Морфологически они ближе к прогнутым подвязным фибулам без декоративных кнопок, их характеризует кольцевой декор с одиночными кольцами типа I (напр. Michelbertas, 1986, pav. 40: 1–2). Наиболее ранние застежки конца IV – начала V в. из западно-литовских могильников генетически связаны с фибулами из Юго-Восточной Прибалтики (см. напр. Bliujienė, Bračiuliene, 2018, P. 66, 408, III. 100). Фибулы из материалов могильника Плинкайгалис центральной Литвы в первой половине – середине V в. (Kazakevičius, 1993, S. 180), украшены декором типа III и сохраняют «самбийскую» схему расположения сегментов на корпусе. Тем не менее, многочисленные экземпляры «больших арбалетовидных» фибул из культур Литвы и Латвии (Mooga, 1929, S. 132–142; Tautavičius, 1978, Tab. IV: 26), как и многие другие категории украшений и деталей одежды с этих территорий, принадлежат к уже следующей стадии развития данного стиля (типы Å4–6 по : Åberg, 1919, S. 14. Abb. 4–6).

Таким образом, производство и использование в уборе фибул, которые возникли под влиянием традиций конца III – начала IV вв., продолжалось в регионе достаточно долго. Расположение сегментов декора типа III, характерное для фибул GABF из могильников Калининградского п-ва, сохраняется на фибулах из древностей Ольштынской группы в VI–VII вв.: на застежках с псевдотетивой (Åberg, 1919, Abb. 7; Nowakowski, 1998, S. 53. Abb. 16: 638) и на так называемых пластинчатых фибулах. Одиночными рифлеными кольцами здесь украшались кнопки на окончаниях пружины (Nowakowski, 1998, S. 56, Abb. 18: 186). В древностях куршей застежки, восходящие к типам Å4–6, продолжают бытовать в VII–VIII вв. н.э. (Bliujienė, 1999, p. 81, pav. 11–15). Застежки, украшенные рифлеными проволочками, представлены и в прусских древностях (см. Кулаков, 1990, рис. 12: 6), где встречаются в погребениях до VIII в.

**Приложение 1.** Признаки двучленных подвязных фибул типа *GABF*  
самбийско-натангийской культуры.

I. Спинка	1. Сечение	а. Треугольное
		б. Многогранное
	2. Изгиб	а. Полукруглый б. Коленчатый
	3. Фасетирование	
II. Кнопка на головке		
III. Тетива	1. Форма	а. Дуга
		б. Подпрямоугольная
IV. Иглоприемник	1. Форма	а. Округлая в сечении, простая
		б. Граненая, сложная
V. Кольцевой декор		тип II
		тип II.1
		тип III

**Приложение 2.** Сериация фибул типа GABF самбийско-натангийской культуры.

Погребение*	Материал	Дата	Сериация															
			I.2.а (спинка, изгиб)**	III.1.а (тетива)	II. (конпка на головке)	V. тип II.1 (декор)	I.1.а(спинка)	IV.1.а (приемник)	I.1.б (спинка)	V. тип II (декор)	I.2.б (спинка, изгиб)	III.1.б (тетива)	I.1.в (спинка)	IV.1.б (приемник)	V. тип III (декор)			
Greibau-127	Br	C1b, C2	x	x	x	x	x	x										
Grebieten (1907)-108	Br+Ag?	C-2	x	x			x	x										
Lauth-44	Fe+Ag	C1	x	x	x			x			x							
Dollkeim-85	Br	C1b-C2		x	x		x	x					x					
Grebieten Nörd-177	Fe+Ag	C1						x										
Wackern-31	Br+Ag	C1b, C2				x	x	x					x	x				
Grebieten Nörd-101	Br	C2		x	x							x			x			
Grebieten Nörd-180	Br	C2-D								x		x						
Warnikam-106	Br	C2						x			x	x	x					
Grebieten-70	Br+Ag	C2					x			x		x	x	x				
Grebieten-45	Br	C2-D							x				x					x
Dollkeim-364	Br	D1								x		x	x	x	x			
Grebieten-140	Br	C2								x		x	x	x	x			
Grebieten-70	Br+Ag	C2								x	x	x	x	x	x			
Логвино-1	Ag+Au	C1								x								x
Доброе-204	Br	C2-D									x	x			x	x		
Grebieten (1907)-27	Br	C2									x	x	x	x	x			
Grebieten-26	Br	C2									x	x	x	x	x			
Lauth-158	Br	C2-D									x	x	x	x	x			
Dollkeim-41	Br+Ag	C2-D									x	x	x	x	x			
Grebieten (1907)-B	Br	C2-D									x	x	x	x				
Grebieten-51	Br	C2-D									x	x	x	x	x			
Grebieten (1907)-47a	Br	C2-D									x	x	x	x	x			
Dollkeim-258	Br	C2-D									x	x	x	x	x			
Grebieten-13	Br	C1b									x	x	x	x	x			
Grebieten-70	Br+Ag	C2										x	x	x				x
Dollkeim-299	Br	C2-D										x	x	x	x			x
Greibau-203a	Br	C1b, C2										x	x	x	x			x
Grebieten Nörd-185	Br	C2-D										x	x	x	x			x
Grebieten-136	Br+Ag	C2										x	x	x	x			x

\* – в сериации не представлены фрагментированные экземпляры. \*\* – см. приложение 1

## Литература

- Амброз А.К. 1966.** Фибулы юга европейской части СССР (САИ. Вып. Д1-30). М: Наука. 142 с.
- Кулаков В.И. 1990.** Древности пруссов VI–XIII вв. (САИ. Вып. Г1-9). М: Наука. 168 с.
- Кулаков В.И. 2003а.** История Пруссии до 1283 г. (Prussia Antiqua. Т. 1). М.: Индрик, 402 с.
- Кулаков В.И. 2003б.** Хронология подвезных фибул Пруссии фаз В1–С1 // *Archaeologia Lithuana*. № 4. С. 96–111.
- Кулаков В.И. 2004.** Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Институт истории НАН Беларуси. 135 с.
- Кулаков В.И. 2005.** Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н.э. // «Между певкинами и фенами» / *Stratum plus*. № 4. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест [2003–2004]. С. 278–382.
- Кулаков В.И. 2007.** Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт истории НАН Беларуси. 335 с.
- Кулаков В.И. 2014.** Провинциально-римские и германские фибулы I–IV вв. в материальной культуре населения Янтарного берега. Калининград: Калининградский институт туризма – филиал РМАТ. 132 с.
- Кулаков В.И. 2016.** Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга. 360 с.
- Хомякова О.А. 2012.** Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавриутхин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 255–280.
- Åberg N. 1919.** Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-D. 175 S.
- Almgren O. 1923.** Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung derprovinzialrömischen und südrussischen Formen (Mannus-Bibliothek. 32). Leipzig: Habelt. 254 S.
- Anderson K. 1995.** Romartida guldsmede i Norden. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper (Roman period gold jewellery in the Nordic countries. Other objects, technical analysis and workshop groups). Uppsala: Uppsala University. 243 S.
- Bitner-Wróblewska A. 2007.** Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland (MAB; Т. XII). Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 325 p.
- Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Līga Virse I., Bitner-Wróblewska D. 2011.** Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona: Das archäologische Vermächtnis Ostpreußens im Archiv des Felix Jakobson (Aestiorum hereditas. 2). Ed. T. Nowakiewicz. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego. 640 s.
- Bliujienė A. 1999.** Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius: Diemedžio. 229 p.
- Bliujienė A., Bračiulienė R. 2018.** Užpelkių kapinynas Lietuvos pajūrio ir baltijos jūros regiono kultūrinuose kontekstuose. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla. 494 p.
- Ethelberg P. 2000.** Skovgårde. Ein Bestattungsort mit reichen Frauengräbern des S. Jhs. n. Chr. auf Seeland (Nordiske fortidsminder. Serie B, 19). København: Det Kongelige Nordiske oldskriftselskab. 448 S.
- Godłowski K. 1974.** Chronologia okresu późnorzymskiego I wczesnego okresu wędrówek ludów w polsce północno-wschodniej // *Rocznik Białostocki*. Т. XII. S. 9–109.
- Günther C., Voss A. 1880.** Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin. Bd. I. Berlin: Druck von C. Berg & v. Holten.
- Kazakevičius V. 1993.** Plinkaigalio kapinynas (Lietuvos archeologija; Т. 10). Vilnius. 218 P.
- Khomiakova O. 2012.** Sambian-Natangian Culture Ring Decoration style as an Example of Communication between Local Elites In Baltic Region in Late Roman Period // *Archaeologia Baltica*, Vol. 18 (II). Klaipėda. P. 147–166.
- Tautavičius A. 1978.** Lietuvos TSR archeologijos atlasas. I–XIII a. radiniai. Т. IV. Vilnius: Mokslas. 166 p.
- Michelbertas M. 1986.** Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius: Mokslas. 270 p.
- Moora H. 1929.** Das Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I Teil: Die Funde. (Opetatud Eesti Seltsi Toimetised. Т. XXV). Tartu: Opetatud Eesti Selts. 208 S.
- Nowakowski W. 1996.** Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen



Seminars Marburg. Bd. 10). Marburg–Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 S.

**Nowakowski W. 1998.** Die Funde Der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge. Bd. 6). Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte. 186 S.

**Okulicz-Kozaryn J., Natuniewicz-Sekula M. 2005.** Księżniczka gocka // Księżniczka gocka z Weklic, wyposażenie grobu z II–III w. n.e. Katalog wystawy. / Ed. J. Trupinda. Malbork. S. 13–15.

**Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J. 2011.** Weklice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004) (MAB, T. XVII). Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 2011. 431 p.

**Raddatz K. 1957.** Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck (Offa; Bd. 13). 158 p.

**Skvorzov K. 2007.** Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 (Offa. Bd. 61/62 (2004/2005)). S. 111–219.

**Skvortzov K. 2014.** Zniszczony pochówek z zawieszka lunulowatą z Półwyspu Sambijskiego/A Destroyed Burial Containing a Lunula Pendant from Sambian Peninsula // Wiadomości Archeologiczne, T. LXV. P. 277–281

**Tischler O., Kemke H. 1902.** Ostpreiſische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg i. Pr. Gräfe und Unzer Verlag, 46 S.

### Summary

#### Large crossbow tendril brooches (*Große Armbrustfibeln*) of the Southeast Baltic region according to the female dress of the Sambian-Natangian culture

O.A. Khomyakova

The article deals with the category of large crossbow tendril brooches of the late Roman period, characteristic for the South-Eastern Baltic region cultures – the so-called *Große Armbrustfibeln*. The brooches represent an assemblage of items of few variants with various decorations with wire-coil ornament. They have several sources of origin in Central and North European antiquities, and also demonstrate the process associated with the beginning of the local production of jewelry and dress accessories in the Baltic cultures.

*Key words:* Large crossbow tendril brooches, *Große Armbrustfibeln*, South-Eastern Baltic, Late Roman period, Sambian-Natangian culture, chronology, typology, complex.

# Zapomniana forma odlewnicza z Lachmirowic na Kujawach. Przyczynek do poznania odlewnictwa wczesnosłowiańskiego

B.Sz. Szmoniewski (Kraków, Tokio)

**Уникальная литейная форма из Лахмировиц на Куявах. К вопросу о раннеславянском литье**

**Б. Ш. Шмонеvский**

Предметом статьи является литейная форма, обнаруженная на поселении, датирующемся эпохой латена и римским временем в Лахмировице на озере Гопло, район Иновроцлав. Выемки для отливки вещей («негативы»), выгравированные на его поверхности, показывают большое сходство с аналогами на литейных формах, относящихся к раннеславянскому периоду из Польши, Украины и Румынии. Исходя из анализа «негативов» и готовых вещей, обсуждаемая категория памятников должна быть датирована после середины VI века до 2-й половины / конца VII века. Приведенные аналогии форм литейного производства должны относиться к раннеславянской культуре в ее северном суковском варианте. Они ясно указывают на принадлежность поселения Лахмировицы к раннеславянской культуре. Эта интерпретация также подтверждается тем фактом, что в районах, где распространена пшеворская культура, почти нет форм для литья. Таким образом, представленный памятник является еще одним свидетельством использования малых литейных форм в раннеславянский период.

*Ключевые слова:* раннеславянский период, литейная форма, Польша

## Wstęp

Przedmiotem artykułu<sup>1</sup> jest forma odlewnicza (ryc. 1: 2) odkryta na terenie osady z „okresu lateńsko-rzymskiego” w Lachmirowicach nad jezio-

rem Gopło, pow. Inowrocław (ryc. 1: 1). Wryte na jej powierzchni negatywy wykazują duże podobieństwo formalne do analogicznych na formach odlewniczych datowanych na okres wczesnosłowiański. W literaturze zespół przedmiotów łączonych z odlewnictwem odkryty w Lachmirowicach, w tym omawiany zabytek, funkcjonuje jako „niezwykle rzadkie w kulturze przeworskiej znalezisko form odlewniczych” (Bochnak, 2000, s. 89). O ile w przypadku tygla o trójkątnym dnie i analizowanego narzędzia odlewniczego funkcja wydaje się bezdyskusyjna, to pozostałe trzy publikowane przedmioty gliniane są raczej pozostałościami odciśków elementów konstrukcji jam lub ziemianki (Zielonka, 1957, s. 263, ryc. 1–3). Warunki odkrycia formy odlewniczej są niejasne. Została zna-

<sup>1</sup> Chciałbym w tym miejscu podziękować Pani dr Halinie Dobrzańskiej (Kraków) za zwrócenie mojej uwagi na formę z Lachmirowic, Panu dr. Gergely Szenthe (Budapeszt) za możliwość wymiany obserwacji na temat cementarzyska w Vác oraz Pani prof. Oldze Szczegłowej (Sankt Petersburg) za cenne informacje o wczesnośredniowiecznych formach odlewniczych. Wdzięczny jestem Panu prof. Zbigniewowi Kobylińskiemu (Warszawa) za udostępnienie mi materiałów z Haciek. Specjalne podziękowania kieruje do Pani mgr Anny Tyniec za doping.

leziona wraz fragmentami ceramiki, ciężarkami tkackimi w sąsiedztwie jam i chaty na obszarze 60 m<sup>2</sup>. W pobliżu stwierdzono także pozostałości dymarek z okresu przedrzymskiego (?) i wczesnego średniowiecza (Zielonka, 1957, s. 263–264, ryc. 5; 1969 (1970), s. 196).

### Opis formy odlewniczej

Formę odlewniczą (ryc. 1: 2) można zaliczyć do typu form trójstronnych, dwubiegunowych (negatywy zostały wycięte na trzech powierzchniach, a kanały wlewcze znajdują się na dwóch przeciwstawnych krawędziach). Jest to jedna z połówek formy dwuczęściowej lub wieloczęściowej.

Materiał, z którego wykonano przedmiot, zdaniem Bonifacego Zielonki jest „glinką fajansową” (Zielonka, 1957, s. 263). Bardziej prawdopodobne wydaje się jednak, że surowcem był margiel, który jest także barwy białej, a poddany działaniu ognia może przypominać popękaną glinę barwy szarobiałej. Formy odlewnicze wykonane z margla odkryto na kilku stanowiskach z okresu wczesnosłowiańskiego w Polsce: Haćki (Kobyliński, Szymański, 2005, s. 57) i na Ukrainie: Zimno (Зимне) (Ауліх, 1972, c. 74) oraz Bernaszówka (Бернашівка) (Винокур, 1997, c. 52).

Na stronie A (ryc. 1: 2A) znajdują się dwa prostokątne negatywy zdobione poziomymi nacięciami o szerokości do 70 mm. Od krawędzi jednego z nich odchodzi lejkowaty kanał wlewczy. Podobnie mogło być przy drugim negatywie, jednak ze względu na jego uszkodzenie nie można tego stwierdzić jednoznacznie. Na stronie B (ryc. 1: 2B) – w górnej części wyryto biegnący poziomo rowek, do którego w dochodzi kanał wlewczy o kształcie zbliżonym do prostokąta. W dolnej części znajdują się dwie pary negatywów składające się ze zdwojonych zagłębień w kształcie pierścieni z lejkowato ukształtowanymi kanałami wlewczymi. Dodatkowo w części środkowej są trzy koliste zagłębienia. Na stronie D (ryc. 1: 2D) został wyryty jeden negatyw o formie stożka.

Długość formy odlewniczej wynosi 6 cm, szerokość 3,1 cm a grubość 1,7 cm (Zielonka, 1957, s. 263–264, ryc. 5).

### Analiza negatywów

Na powierzchniach formy odlewniczej z Lachmirowic znajdują się trzy rodzaje negatywów: a) prostokątne z poziomymi nacięciami; b) pierścieniowate; c) zagłębienie w formie stożka.

### Negatywy w kształcie prostokąta z poziomymi nacięciami

Formy odlewnicze z negatywami w postaci wydłużonych prostokątów, wypełnione pionowymi nacięciami, odkryto na sześciu stanowiskach z obszaru Słowiańszczyzny z fazy wczesnosłowiańskiej (ryc. 6 na s. 303). Ich długość waha się od 20 mm do 72 mm. Najwięcej takich zagłębień, bo aż osiem, zostało wyciętych na trzech formach odlewniczych z Haciek (Szmoniewski, 2010, tabl. 186: 1, 187: 3, 189: 1) z fazy datowanej na koniec VI–VII wiek (Szymański, 1987, s. 369, Kobyliński, Szymański, 2005, s. 56) (ryc. 2: 1, 2). Dwa kolejne znajdują się na formie z Zimnego (VI – 1. poł. VII w.) (Ауліх, 1972) (ryc. 2: 5) oraz częściowo uszkodzonej na formie z ob. 17 ze stanowiska Czernówka 1 (Чорнівка-1)<sup>2</sup> na ukraińskiej Bukowinie (Войнаровський, 2007, c. 66, рис 48: 7, фото 21) (ryc. 2: 7). Natomiast formy odlewnicze z Budureasca, st. 5 (VI – VII w.) (Măgureanu, Ciupercă, 2007, p. 301, fig. 8: no. cat. 3, 9: no. cat. 3) (ryc. 2: 4), Bernaszówki (2. poł. VI – pocz. VII w.), (Винокур, 1997, c. 84, рис. 36; datowanie wg Гавритухин, 1997, c. 47–48, Гавритухин, 2005, c. 415) (ryc. 2: 6) i Pleśnik-Podhorców (Підгірці-Пліснеськ) mają po jednym negatywie (Филипчук, 2010, фото 7: 1) (ryc. 2: 3).

Dwa, analogiczne do opisanych powyżej, zagłębienia wycięto na formie odlewniczej z awarskiego cmentarzyska w Vác<sup>3</sup>. Odkryto ją w szkieletowym grobie kobiecym nr 140, datowanym na 2. połowę VII wieku. Negatywy wydłużonych prostokątów różniły się wymiarami – od 26 mm mniejszy, do 50 mm większy (Tettamanti, 1977, p. 79, 81, 84–85, 4. kép. A1, 5.kép. A1; Tettamanti, 2000, S. 32, Abb. 9; Taf. 5: 140. 39) (ryc. 7: 9).

<sup>2</sup> Віктор Войнаровський в монографії stanowiska z 2007 roku datował ob. 17 na wczesne średniowiecze "споруда 17, безумовно, відноситься до ранньосередньовічного шару поселення" (Войнаровський, 2007, c. 65), jednak w pracy z 2008 roku formę odlewniczą z tego obiektu datuje na koniec IV – początek V wieku " знайдена в шарі черняхівської культури кінця IV – першої половини V ст. (Войнаровський, 2008, c. 105).

<sup>3</sup> Zbliżony stylistycznie prostokątny negatyw jednak o nieco innych proporcjach, ze skośnymi nacięciami znajduje się na kamiennej formie odlewniczej ze stanowiska Podol III (Подол III) nad jeziorem Wołgo (Озеро Воłго) w obwodzie twerskim w Rosji (Синицына, 1996, c. 15, рис. 11: 11, Фурасев 1996, c. 49–50). Olga Szczegłowa zalicza ten zabytek do horyzontu znalezisk form odlewniczych datowanych od VI do VIII wieku (Щеглова, 2009, c. 56).

Interpretacja zagłębień o kształcie wydłużonych prostokątów, zdobionych serią poziomych nacięć, jest niezwykle trudna. Pewne podobieństwo stylistyczne wykazują ozdoby w kształcie rurek (paciorów) z poziomymi nacięciami (Szmoniewski, 2010, s. 165, Володарець-Урбанович, 2014, s. 44, рис. 6: 5, 6). Tego rodzaju przedmioty wchodziły w skład skarbów ze strefy środkowego Naddnieprza, zaliczonych do 1. grupy według Olgi Szczegłowej (Щеглова, 1990), deponowanych w trzeciej ćwierci VII wieku (por. Rodinkova, 2018, s. 670–671). Ozdoby takie wykonane były w procesie wytłaczania z cienkiej blachy srebrnej (Гапонowo (Гапоново) (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 22: 1–6) lub brązowej (Kozivka/Nowa Odesa) (Козіівка/ Нова Одеса) (Корзухина, 1996, табл. 56: 12–16) (rys. 4: 1–10). Możliwe zatem jest, że w formach odlewniczych wytwarzano tańsze zamienniki ze stopów na bazie ołowiu i cyny, na co wskazują znaleziska podobnych ozdób odkrytych w grobie nr 494 na awarskim cmentarzysku w Vác, datowanym na 2. połowę VII wieku (Tettamanti, 2000, S. 109–111, Taf. 28: 494) (rys. 4: 11–14).

### Negatywy pierścieni

Zagłębia o formie pierścieni są bardzo liczne na formach znalezionych na terenie środkowej i wschodniej Europy w okresie wczesnosłowiańskim (Szmoniewski, 2010, s. 153, Szmoniewski, 2017, s. 284–285, Fig. 6). Negatywy z powierzchni formy odlewniczej z Lachmirowic należą do typu 2 negatywów pierścieni podwójnych (Szmoniewski, 2010, s. 153). Podobne, koliste wklęsłości znajdują się na formach z Beranaszówki na Podolu (Винокур, 1997, рис. 26, 29, 33, 39, 40) (np. rys. 3: 6), a także na okazach odkrytych w rumuńskiej Mołdawii w Ștefan cel Mare (Mitreă, 1980, p. 188, pl. XLVI: 3) (rys. 3: 13) i Coroteni (Bobi, 1981, p. 107, fig. 25: 6) (rys. 3: 15), datowanych na VI–VII wiek (Tănase, 2010, p. 255, 290–291). Niezdobione pierścienie są mało charakterystycznym elementem chronologicznym i kulturowym. Będąc formą uniwersalną wykluczają identyfikację kulturową. Na ziemiach zajętych przez osadnictwo plemion bałtyjskich w okresie wczesnego średniowiecza trzy zespolone pierścienie z uszkiem wykorzystywano jako rozdzielacz paciorków spiralnych w naszyjniku (por. Vaitkunsienė, 1992, p. 144, 151, rys. 5).

### Negatyw w kształcie stożka

Na terenie Słowiańszczyzny odkryto kilkanaście form odlewniczych, zarówno z negatywami w

kształcie stożków ze ściętym wierzchołkiem, jak i wypukłych stożków datowanych na w starsze fazy wczesnego średniowiecza (rys. 6). Najliczniej negatywowe i pozytywowe elementy do odlewania stożków odkryto w zespole form odlewniczych z Bernaszówki na Podolu (Винокур, 1997, рис. 18, 21, 39, 40, 41) (rys. 3: 1–8) oraz na stanowisku Tsyrkuny-13 (Циркуни 13) na Ukrainie Słobodzkiej (Буйнов, Сергеев, 2012, с. 12, рис. 4: 2, 3) (rys. 3: 10, 11). Pojedyncze zagłębienia o zbliżonym kształcie wycięto także na narzędziach odlewniczych z Szelig (przełom VI i VII – 1. poł. VII w.) (Szymański, 1967, s. 20, rys. 5:10; 1987, 369) (Rys. 3: 14) i Dulceanca st. 1 (połowa VI w.) (Dolinescu-Ferche, 1974, p. 96, fig. 106: 4; Dolinescu-Ferche, 1992, p. 172–177) (rys. 3: 12), a w Budureasca, st. 4 stożek jest wypukły (VI–VII w.) (Măgureanu, Ciupercă, 2007, p. 303–304, fig. 8: no. cat. 5, 9: no. cat. 5) (Rys. 3: 9).

Gotowe wyroby w formie stożków ze ściętym wierzchołkiem wchodziły w skład depozytów ze środkowego Naddnieprza zaliczanych do 1. grupy skarbów wg Olgi Szczegłowej (Щеглова, 1990). Najliczniejszy ich zbiór liczący 166 egzemplarzy odkryto w skarbie z Гапонowa (Гавритухин Обломский, 1996, с. 52–53, рис. 33: 2, 3 7–65, 34: 2–99) (np. rys. 4: 25–26). Mniej licznie były reprezentowane w depozytach z Kozivki/Nowej Odesy (Козіівка/ Нова Одеса) (Корзухина, 1996, с. 396, 399, табл. 46: 11–18, 19, 54: 15–30) (rys. 4: 15–22) i Nyżniej Syrowatki (Нижня Сироватка) (Корзухина, 1996, с. 403, табл. 61: 4). Cztery okazy znaleziono w pochówku (?) ze Smorodino (Смородино) w Rosji (Корзухина, 1996, с. 402, табл. 60: 8–11).

### Osadnictwo z początków wczesnego średniowiecza nad Gopłem

Wokół jeziora Gopło stwierdzono, zwłaszcza w pobliżu północno-zachodniego krańca, intensywne pozostałości osadnictwa z okresu wczesnego średniowiecza (Dzieduszycka, 1985; Dzieduszycki, Kupczyk, 1993, s. 87, rys. 4) (rys. 5). W trakcie systematycznych badań archeologicznych oraz prospekcji powierzchniowej odkryto liczne fragmenty naczyń zarówno ręcznie lepionych, obtaczanych w górnej części, jak i całkowicie obtaczanych (Dzieduszycka 1975(1977)). Do najstarszego horyzontu – faza A (500–600 n.e) – zaliczono sześć osad, a w fazie B (700–800 n.e.)<sup>4</sup> ich liczba zwią-

<sup>4</sup> korekta datowania początków fazy A wg Wojciecha Dzieduszyckiego (Dzieduszycki, 1992).



szyla się do piętnastu (Dzieduszycka, 1985, p. 74; Dulnicz, 2001, s. 188–198, ryc. 201). Najstarsze chronologicznie, biorąc pod uwagę podobieństwo do wysmukłych naczyń ceramicznych z obszaru zajętego przez osadnictwo kultury praskiej (typ 2.1 wg M. Parczewskiego) (Parczewski, 1988, s. 178–179, LXXVIII: 3) odkryto na stan. 3 w Polkowicach (ryc. 5: 1). Formy naczyń o cechach bardziej „przysadzistych” nawiązują do nieco późniejszego, północnego wariantu kultury wczesnosłowiańskiej – kultury Sukowskiej (ryc. 5: 2 b, c). Początki zasiedlenia tego obszaru Marek Dulnicz datował na VII wiek (Dulnicz, 2001, s. 198, ryc. 201).

### Podsumowanie

Znaleziska form odlewniczych z obszarów zajętych przez osadnictwo ludności kultury wczesnosłowiańskiej są stosunkowo rzadkie, zwłaszcza na ziemiach polskich (Szmoniewski, 2016, p. 41, fig. 9 i 1) (ryc. 6). Kształt, wymiary, rodzaj negatywów wyciętych na powierzchni okazu z Lachmirowic odpowiadają zagłębieniom na znaleziskach form odlewniczym z terenu tzw. praskiej prowincji kulturowej.

Na podstawie analizy negatywów i pozytywów omawianą kategorię zabytków należy datować po połowie VI wieku do 2. połowy/końca VII wieku. Analogiczne znaleziska form odlewniczych odkryto w odległych od Lachmirowic Szeligach (około 105 km) i Haćkach (330 km). Te dwa „grodziska” są obecnie określane jako „miejsca specjalne” i były użytkowane od końca VI – początków VII wieku. Zwłaszcza drugiemu z wymienionych obiektów przypisuje się funkcję kultową i obrzędową (zob. Szymański, 1983, s. 98; Dulnicz, 2000, s. 95; Szmoniewski, 2016, 53–54). Zdaniem Wojciecha Szymańskiego i Zbigniewa Kobylińskiego „grodzisko” w Haćkach było „raczej miejscem odbywania rozmaitych obrzędów pogrzebowych i/lub miejscem wykonywania pewnych specyficznych, być może wiążących się z magią czy wierzeniami religijnymi, czynności” (Kobyliński, Szymański, 2005, s. 63). Biorąc pod uwagę magiczno-sakralny charakter działań związanych z ogniem i metalurgią, nie można wykluczyć, że to stanowisko w ramach swej funkcji obrzędowej było miejscem ceremonii pogrzebowych osób o specjalnej pozycji w danej społeczności, co tłumaczyłoby znaleziska przepalonych kości ludzkich, ozdób czy też narzędzi i przyrządów metalurgicznych. Formy odlewnicze z negatywami wydłużonych prostokątów odkryto także na grodzisku w Zimmem i, wyróżnia-

jącym się ze względu na pozostałości praktyk obrzędowych, Pleśniku-Podhorcach na zachodniej Ukrainie.

Obecność dwóch form odlewniczych ze śladami intensywnego użytkowania w pochówku nr 140 z Vác może wskazywać na pewną wartość tego przedmiotu dla jego właścicielki (mimo późniejszego ich wykorzystania jako osełki wg G. Szenthe) (ryc. 7: 9 i 10). Swoistą wymowę ma fakt, że na wzmiankowanym cmentarzysku grzebano umarłych reprezentujących różne tradycje kulturowe (Szenthe, 2014). Wśród znalezisk odbiegających od typowych elementów wyposażenia grobów awarskich z północnych Węgier należy wymienić, oprócz ceramiki ręcznie lepionej, określanej jako naczynia „praskopodobne” (Szenthe, 2014, p. 113–115, 9. kep: 7, 12. kep), zawieszkę trapezową dekorowaną podwójnym rzędem kolistych wytłoczeń w dolnej części oraz wokół otworu u wierzchołka, rurek (paciurów) zdobionych poziomymi nacięciami na całej powierzchni lub w dwóch pasmach oraz zapinkę palczastą typu ID – Plenița-Tumiany (Tettamaniti, 2000; Szenthe, 2014, p. 6. kep: 12, 13, 8. kep). Obecność tych przedmiotów jest łączona z ludnością przybyłą najprawdopodobniej ze wschodniej części Kraju Zadunajskiego (Szenthe, 2014, p. 120). Podobnie dekorowane zawieszki trapezowate odkryto w „skarbie” z Krakowa Nowej Huty, stan. 62 (Parczewski, 1988, s. 82–84, ryc. 19: 1–4) oraz na terenie osadnictwa ludności grupy olsztyńskiej (Rudnicki, 2010). Fragment zapinki palczastej typu ID znaleziono w Krakowie Nowej Hucie, stan. 1 (Dąbrowska, 1984; Parczewski, 1988, s. 76–79, ryc. 9), a kilka kolejnych odkryto w pochówkach ludności grupy olsztyńskiej (Rudnicki, 2009; Curta, 2012, p. 12, fig. 5, 8).

Lachmirowice, Szeligi, a w mniejszym stopniu Haćki, znajdują się na trasie naturalnych szlaków komunikacyjnych łączących Północ z Południem. Pod względem bogactwa i różnorodności przedmiotów z metali nieżelaznych Szeligi i Haćki wyróżniają się na tle ubogich osad ludności kultury wczesnosłowiańskiej. Niewątpliwie jest to świadectwo kontaktów dalekosiężnych z terenami środko- i dolnodunajskimi, jak również z obszarami położonymi na wschód, północ i północny-wschód od tych dwóch stanowisk (Szymański 1968, Kobyliński, Szymański, 2005, s. 60). Możliwe zatem jest, że tą drogą wędrowali z południa (środkowy Dunaj?) na północ rzemieślnicy, którzy odlewali tańsze, nieskomplikowane ozdoby z niskotopliwych stopów na bazie ołowiu i cyny. Ze względu na ich niewielkie rozmiary oraz surowiec mogły nie być zauważane w

trakcie eksploracji wypełnisk obiektów lub ulegały zniszczeniu w procesie korozji.

Прзяточе аналогіе форм одлевничзых, як потвердзене осаднїцтво, кторе належы лязчыц з културэ вчезнословяньскэ в ее пўлночным варянце суковскім в околїках Лэхміровїц єднознэчнє wskazyjэ нэ похочденїе тего зыбытку з крєгу

культуры вчезнословяньскє. На корзысь тєй интерпретэцї прзємэвля тэжє фэкт прэвїє зупелного брэку форм одлевничзых нэ терєнэх зэятых прзєз осаднїцтво лудносьї культуры прзєворскє. Зэтєм прэзєнтэвэны зыбытєк єст кєлєжнєм швїдэцтвєм стосовэня нєвїєлкїх форм в одлевнїцтвє в фэзїє вчезнословяньскє.

## Лїтерэтурэ

**Аулїх В.В. 1972.** Зїмнївськє городїще – слов'яньскэ пам'яткэ VI–VII ст. н.е. в Зэхїднїй Вольнї. Кїїв: Науковэ думкэ. 124 с.

**Буйнов Ю.В., Сергєєв М.А. 2012.** Матерїалї добї брэнзї тэ рэньнєго сєрєднєвїччэ з посєлєннэ Цїркунї-13 нэ Харкївщїнї // Віснїк Харкївського ун-ту ім. В.Н. Карэзїна. Вїп. 45. С. 8–17.

**Вїнокур І.С. 1997.** Слов'яньскї ювєлїрї Поднїстрєв'я (зэ матерїалэмї дослїдженнэ Бернэшївського кєплєксу I тїс. н. е.). Кам'янець-Подїльськїй: Оїм. 200 с.

**Войнэровськїй В.М. 2007.** Чорнївкэ-І. Посєлєннэ IV–IX ст. нэ Буковїнї. Чернївцї: Зелєнэ Буковїнэ. 166 с.

**Войнэровськїй В.М. 2008.** Малєвїдомї артефэктї – хронологїчнї індїкэторї I тїс. н.е. із Буковїнї тэ Гэлічїнї // Археологїчнї студїї. Вїп. 3. Чернївцї–Кїїв. С. 98–117.

**Володэрец-Урбэновїч Я.В. 2014.** Пронїзкї єпохї рэньнєго сєрєднєвїччэ зї слов'яньскїх пам'яток пївднэ Схїднїй Європї // Археологїя і давнэ історїя Українї. Вїп. 2 (13). С. 37–49.

**Гэврїтухїн І.О. 1997.** Малєнькїє трэпєцїєвїднє подвєскї с полєскєй із прєссєвэнных тєчєк по нїжнєму крэю // Гїстарычнэ-археологїчнї зборнїк. Вїп. 12. С. 43–58.

**Гэврїтухїн І.О. 2005.** Кєплєксї прэжскєй културє с дэтуїрующїмї вєщэмї, Archeologia o początkach Słowian, Materiały z konferencji, Kraków, 19-21 listopada 2001 / Eds. Piotr Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: Instytut Archeologii, Uniwersytet Jagielloński, S. 403–461.

**Гэврїтухїн І.О., Обломскїй А.М. 1996.** Гэпоновскїй клэд і єго културнє-їсторїєчскїй кєнтєкт (Рэньнєслэвянскїй мїр. Вїп. 3). М.: ИА РАН. 296 с.

**Корзухїнэ Г.Ф. 1996.** Клэды і случэйнє нэходкї вєщєй крєгу «Дрєвностєй энтєв» в Срєднєм Поднєпрєв'є. Катэлог пэмэнтнїков. // Матерїалє по архєологїї, історїї і этнографїї Тэврїї. Вїп. V. С. 352–425; 526–705.

**Сїнїцїнэ Г.В. 1996.** Исслєдовэніє фїнэльнопэолєолїтєчскїх пэмэнтнїков в Тэврскєй і Смєлєнскєй облэстэх. СПб: Tourussell. 52 с.

**Фїлїпчук М.А. 2010.** Попєрєднї рєзултьтэ дослїдженнэ култьового мїсцэ слов'яньского чэсу нэ терїторїї Плісєнєського архєологїчного кєплєксу в 2009 р. // Віснїк Інстїтуту архєологїї. Вїп. 5. С. 135–169.

**Фурэсьєв А.Г. 1996.** Лїтєйнє формє із посєлєннэ Подєл ІП в Тэврскєй облэстї // Сїнїцїнэ Г.В. Исслєдовэніє фїнэльнопэолєолїтєчскїх пэмэнтнїков в Тэврскєй і Смєлєнскєй облэстэх. СПб.: Tourussell. С. 49–52.

**Щєгловэ О.А. 1990.** О двух грєппэх «дрєвностєй энтєв» в Срєднєм Поднєпрєв'є // Матерїалє і исслєдовэніэ по архєологїї Днєпрєвского Лєвєбєрєж'я. / Рєд. Р.В. Тєрпїловскїй. Курск, С. 162–204.

**Щєгловэ О.А. 2009.** Волнє рэспрєстрэненнэ вєщєй із Подунав'я нэ Сєвєро-Востєк в VI–VIII вв. кэк отрэжєннє мїгрэцїї ілї културнєх влїяньї // Слєжєннє русскєй госудэрстєвнєстї в кєнтєктє рэньнєсрєднєвєковєй історїї Старого Свєтэ: Матерїалє Мєждунэр. кєнф. (14–18 мэя 2007 г., Госудэрстєвнїй Эрмїтэж). / Рєд. Б.С. Корєткєвїч і др. СПб: Госудэрстєвнїй Эрмїтэж. С. 39–65.

**Вєбї V. 1981.** Contribuții la repertoriul arheologic al județului Vrancea (dovezi ale continuității de locuire, din secolele II–VII e.n.) // Vrancea, Studii și Comunicări. IV. p. 97–110.

**Вєчнэк Т. 2000.** Tygle odlewnicze znalezione nэ терєнє осэды в Якусзєвїчэх, gm. Kazimierza Wielka, woj, швїєтокрзыскє. Uwэгі нэ тємэт мєталургїї мєтэлі нєжєлэзнєх // Superiores Barbari, Księga ku czci Profesora Kazimierza Godłowskiego, / Eds. R. Madyda-Legutko, T. Bochnak. Kraków: Instytut Archeologii, Uniwersytet Jagielloński, S. 81–100.

**Сєфтэ-Брєнїєвскэ А. 1962.** Przeszłość Kruzwїcy w швїєтлє бэдэнь з 1959 r. // Sprawozdania Archeologiczne. 14. S. 227–243.

- Cofta-Broniewska A., Springer E., Tymieniecka K. 1962.** Wyniki prac terenowych w 1960 r. W Kruszwicy, pow. Inowrocław // Sprawozdania Archeologiczne. 14. S. 244–254.
- Curta F. 2012.** Slavic Bow Fibulae: Twenty Years of Research // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 93. P. 235–342.
- Dąbrowska E. 1984.** Skarb ozdób brązowych z VI–VII w. na stanowisku 62A w Nowej Hucie-Mogile // Archeologia Polski. XXIX/2. S. 351–369.
- Dolinescu-Ferche S. 1974.** Așezări din secolele III și VI e.n. în sud-vestul Munteniei. Cercetările de la Dulceanca (Bibliotheca de Arheologie XXIV). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 157 p.
- Dolinescu-Ferche S. 1992.** Habitats des VI<sup>e</sup> et VII<sup>e</sup> siècles de notre ère à Dulceanca IV // Dacia. N.S. XXXVI. P. 125–177.
- Dulinicz M. 2000.** Miejsca, które rodzą władzę. Najstarsze grody słowiańskie na wschód od Wisły // Człowiek, sacrum, środowisko. Miejsca kultu wczesnym średniowieczu / Ed. S. Moździoch. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. S. 85–96.
- Dulinicz M. 2001.** Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne, Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 333 s.
- Dzieduszycka B. 1975 (1977).** Rejestr stanowisk archeologicznych w rejonie Jez. Gopła (woj. Bydgosz) // Fontes Archaeologici Posnanienses. Annales Musei Archaeologici Posnaniensis. XXVI. S. 150–158.
- Dzieduszycka B. 1985.** Demographic and economic transformations in the area surrounding the Early Medieval Kruszwica // Archaeologia Polona. XXIV. P. 73–103.
- Dzieduszycki W. 1992.** Podstawy periodyzacji okresu wczesnośredniowiecznego w Wielkopolsce // Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce / Ed. Z. Kurnatowska. Poznań–Wrocław–Warszawa: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Komisja Archeologiczna. S. 155–159.
- Dzieduszycki W., Kupczyk M. 1993.** Gopło. Przyroda i człowiek. Poznań: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 323 s.
- Kobyliński Z., Szymański W. 2005.** Pradziejowe i wczesnośredniowieczne osadnictwo w zespole kemów w Haćkach // Haćki. Zespół przyrodniczo-archeologiczny na Równinie Bielskiej / Eds. J.B. Faliński et alii, Białowieża; Warszawa: Białowieńska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego. S. 43–74.
- Măgureanu A., Ciupercă B. 2007 (2004–2005).** The 6<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries metallurgical activity from Budreasca Valley. The Moulds // Acta Musei Napocensis. 41–42(1). P. 291–318.
- Mitrea I. 1980.** Regiunea centrală a Moldovei dintre Carpați și Siret în secolele VI–IX e.n. // Carpica, XII. P. 55–191.
- Parczewski M. 1988.** Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. (Prace Komisji Archeologicznej PAN O/Kraków, 27), Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 300 s.
- Rodinkova V.E. 2018.** Early Savic Hoards of the Dnieper Region // Studia Barbarica: Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. T. II. / Eds. B. Niezabitowska-Wiśniewska et alii. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu im. M. Curie-Skłodowskiej. S. 670–679.
- Rudnicki M. 2009.** Nowe odkrycie zapinki typu Plenita-Tumiany z Piecek, na tle znalezisk z Polski północno-wschodniej // Archeologia Barbarzyńców 2008: powiązania i kontakty w świecie barbarzyńskim. Materiały z IV Protohistorycznej Konferencji. Sanok, 13–17 października 2008. / Eds. M. Karkowski, E. Droberjar. Rzeszów: Instytut Archeologii UR. S. 601–604.
- Rudnicki M. 2010.** Zawieszki trapezowate z terenu grupy olsztyńskiej - świadectwo kontaktów ze Słowianami? // Archeológia barbarov 2009. / J. Blejak, G. Březinová, V. Varsik, Archaeologica Slovaca Monographiae. Communicationes, Tomus X. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej Akadémie Vied, Nitra. S. 669–686.
- Szenthe G. 2014.** Kulturális összeolvadás a "középvár korban". A Vác-kavicsbányai temető // Archaeologiai Értesítő. 139 (1). P. 99–125.
- Szmoniewski B.S. 2010.** Wytwórczość przedmiotów z metali nieżelaznych na Słowiańszczyźnie od V do VII wieku, Kraków. Maszynopis doktoratu // Archiwum Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk.
- Szmoniewski B.S. 2016.** Early Slavic culture // Polish Lands From The First Evidence of Human Presence too the Early Middle Ages. Vol. 5. 500–1000 AD / Ed. M. Trzeciński. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences. P. 21–73.
- Szmoniewski B.S. 2017.** Un moule d'orfèvre de la période romano-byzantine découvert à la cité de Tropaeum Traiani (dép. Constanta). // Pontica. L. P. 279–305.
- Szymański W. 1967.** Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Zespół osad-

nicy z VI–VII w., Wrocław; Zakład Wydawniczy Ossolińskich. 397 s.

**Szymański W. 1968.** Niektóre aspekty kontaktów słowiańsko-bałtyjskich w świetle wyników badań w Szeligach, pow. Płock // *Archeologia Polski*. 23(1). S. 188–210.

**Szymański W. 1983.** Beiträge zum Problem der Entstehung von Burgen bei den Slawen, *Archeologia Polona*, XXI. S. 89–104.

**Szymański W. 1987.** Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego średniowiecza w Szeligach, woj. Płockie // *Archeologia Polski*, 32, S. 349–376.

**Tănase D. 2010.** Prelucrarea metalelor în lumea barbară la Dunărea Mijlocie și Inferioară în secolele VI–VII. *Timișoara: Exceslior art.* 431 p.

**Tettamanti S. 1977.** Avar kori öntőminta Vácról // *Archeológia Értesítő*. 104. P. 79–85.

**Tettamanti S. 2000.** Das awarenzeitliche Gräberfeld in Vác-Kavicsbánya (*Monumenta Avarrorum Archaeologica* 4), Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 175 S.

**Vaitkunskienė L. 1992.** Dėl žemaičių aprangos regioninių Skirtumų // *Lietuvos Archeologija*. 9. P. 144–151.

**Zielonka B. 1957.** Gliniane narzędzia do odlewnictwa z miejscowości Lachmirowice, pow. Inowrocław, *Wiadomości Archeologiczne*, XXIV. S. 263–264.

**Zielonka B., 1969 (1970).** Rejon Gopło w okresie późnolateńskim i rzymskim, *Fontes Archaeologici Posnanienses. Annales Musei Archaeologici Posnaniensis*, XX. S. 47–217.

### Summary

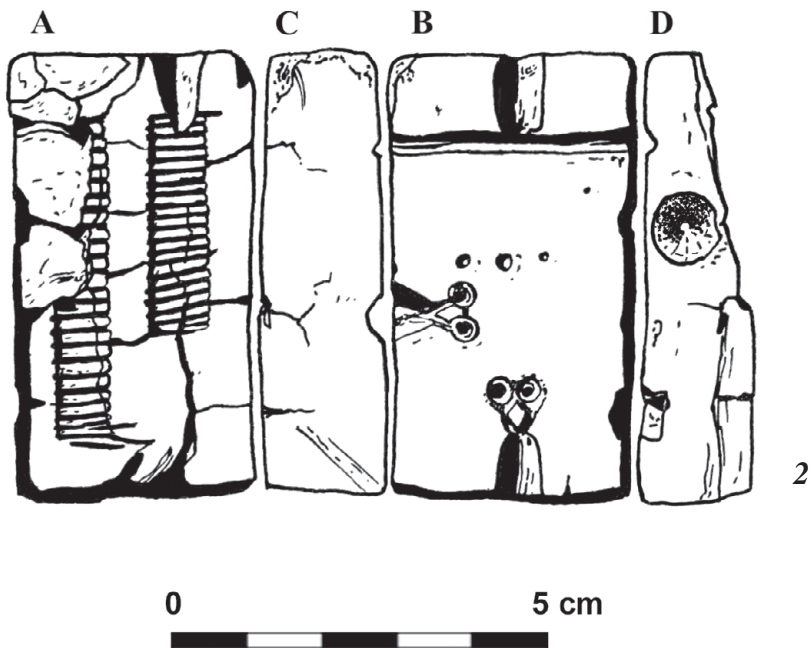
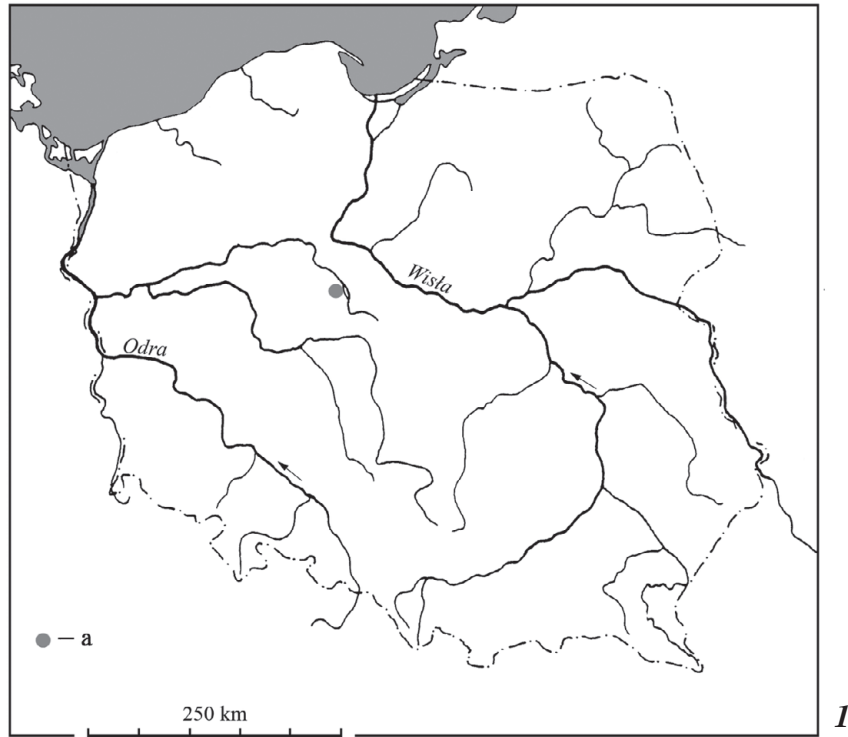
#### **Forgotten mould from Lachmirowice in Kujawy. Contributions to the knowledge of early Slavic Castings**

**B.Sz. Szmoniewski**

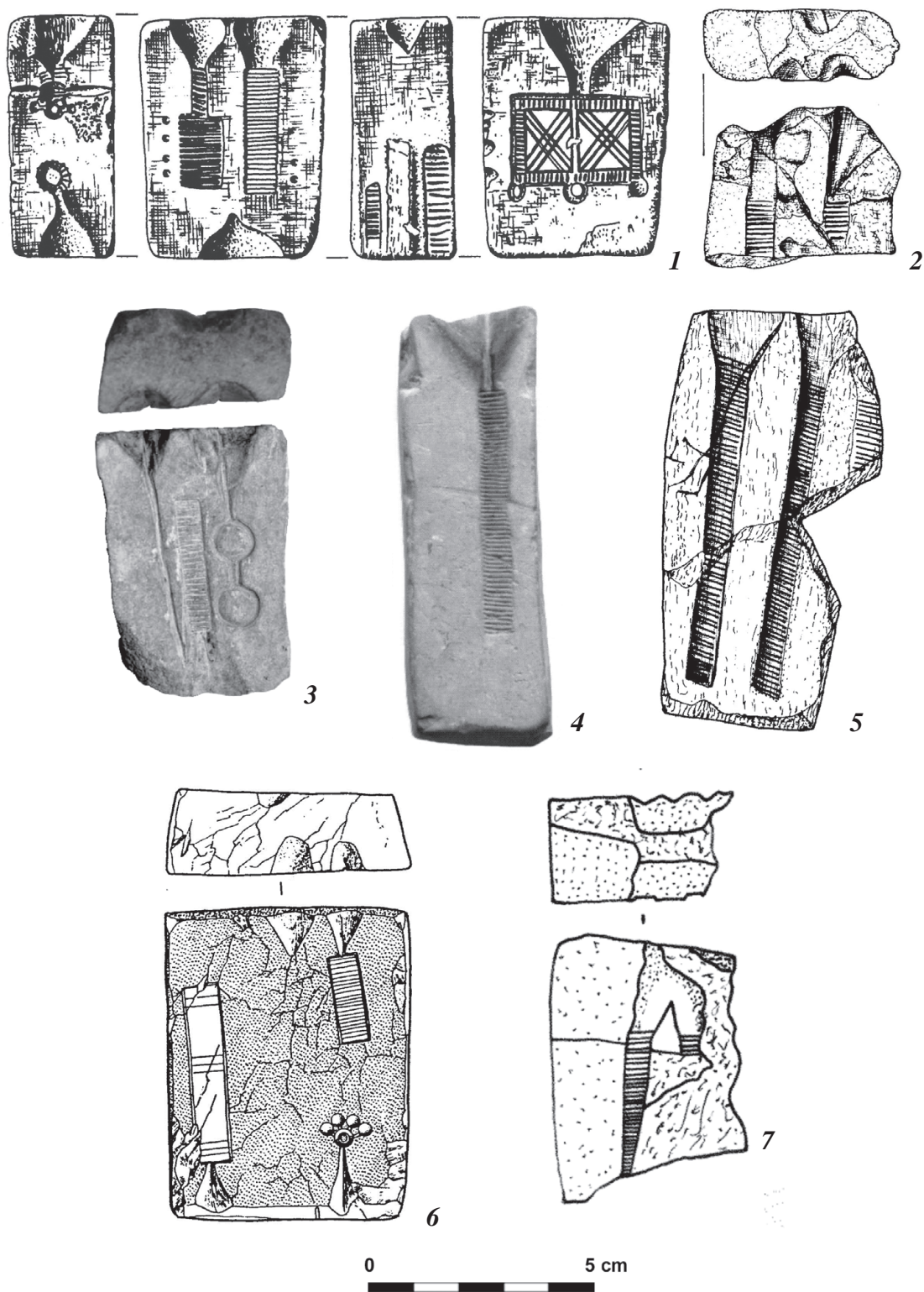
The subject of the article is a casting mould found in the settlement of La Tène and Roman period in Lachmirowice on the lake Gopło, Inowrocław district. The recesses for casting of artifacts (“cavities”) engraved on its surface show a great similarity to the analogs on moulds related to the early Slavic period from Poland, Ukraine, and Romania. Based on the analysis of “cavities” and finished items, the category of the artifacts under discussion should be dated back from the middle of the 6<sup>th</sup> century to the 2<sup>nd</sup> half / the end of the 7<sup>th</sup> century. These analogies of foundry production forms should be related to the early Slavic culture in its Northern Sukow variant. They clearly show that the settlement of Lachmirowice belonged to the early Slavic culture. This interpretation is also supported by the fact that in areas where the Przeworsk culture is widespread there are almost no molds for casting. Thus, the presented artifact is another evidence of the use of small foundries in the early Slavic period.

*Keywords:* Early Slavs, casting mould, Poland.





**Рис. 1.** Lokalizacja stanowiska w Lachmirowicach, pow. Inowrocław (1).  
2 – Forma odlewnicza z Lachmirowic, pow. Inowrocław, wg Zielonka, 1957, ryc. 5.



**Рис. 2.** Формы отливочные с негативами tzw. „wydłużonych” prostokątów.

1, 2 – Haćki, Polska, wg Szymański, 1983, rys. 7 i Szmoniewski, 2010, tabl. 189: 1; 3 – Pleśnisk-Podhorce (Підгірці-Пліснеськ), Ukraina, wg Филипчук, 2010, фото 7: 1; 4 – Budureasca, stan. 5, Rumunia, wg Măgureanu Ciupercă, 2007, fig. 9. no. cat. 3; 5 – Zimno (Зимне), Ukraina, wg Ауліх, 1972, рис. XV:1; 6 – Bernaszówka (Бернашівка), Ukraina, wg Винокур, 1997, рис. 36; 7 – Czernówka 1 (Чорнівка-I), Ukraina, wg Войнаровський, 2007, рис. 48: 7.

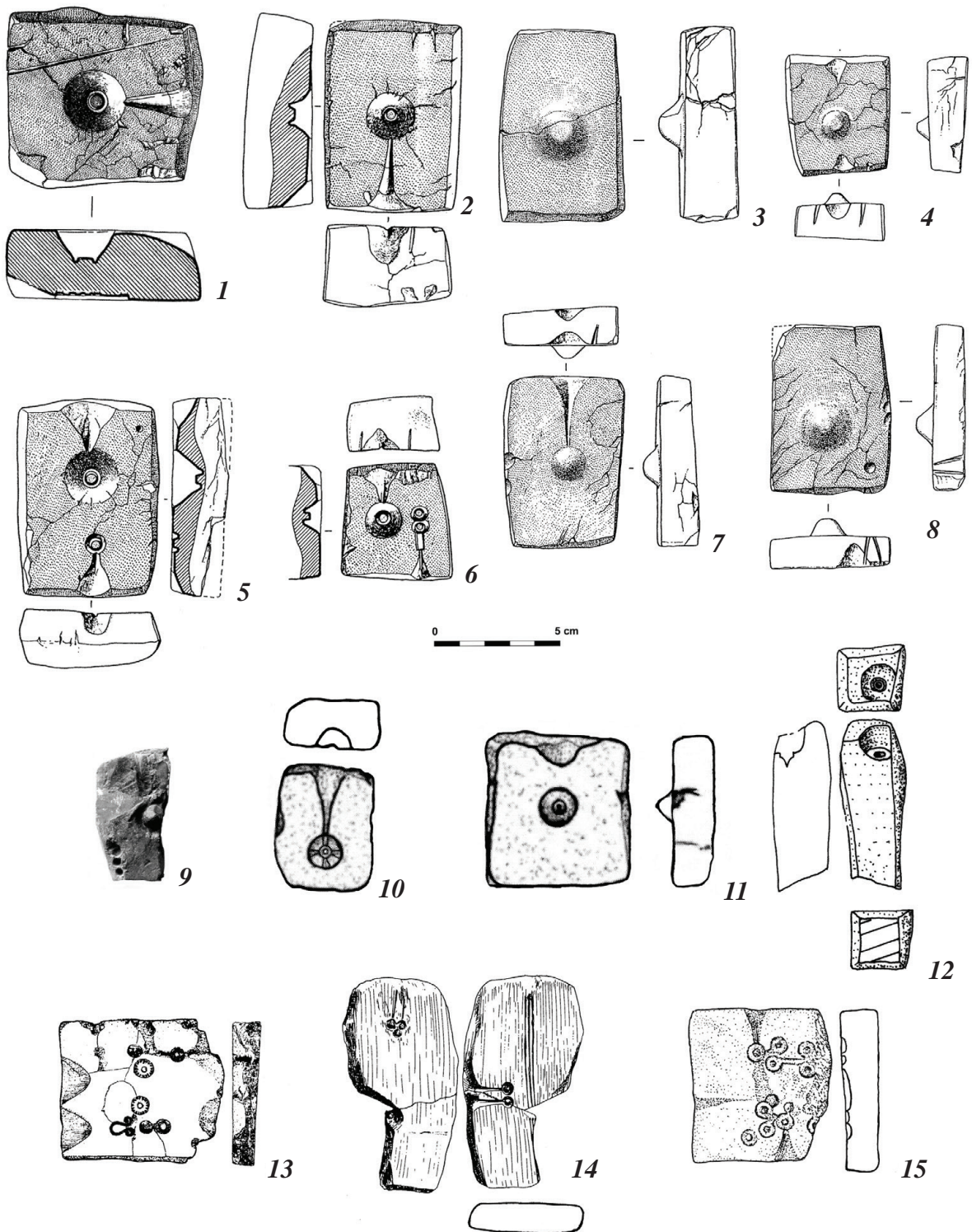
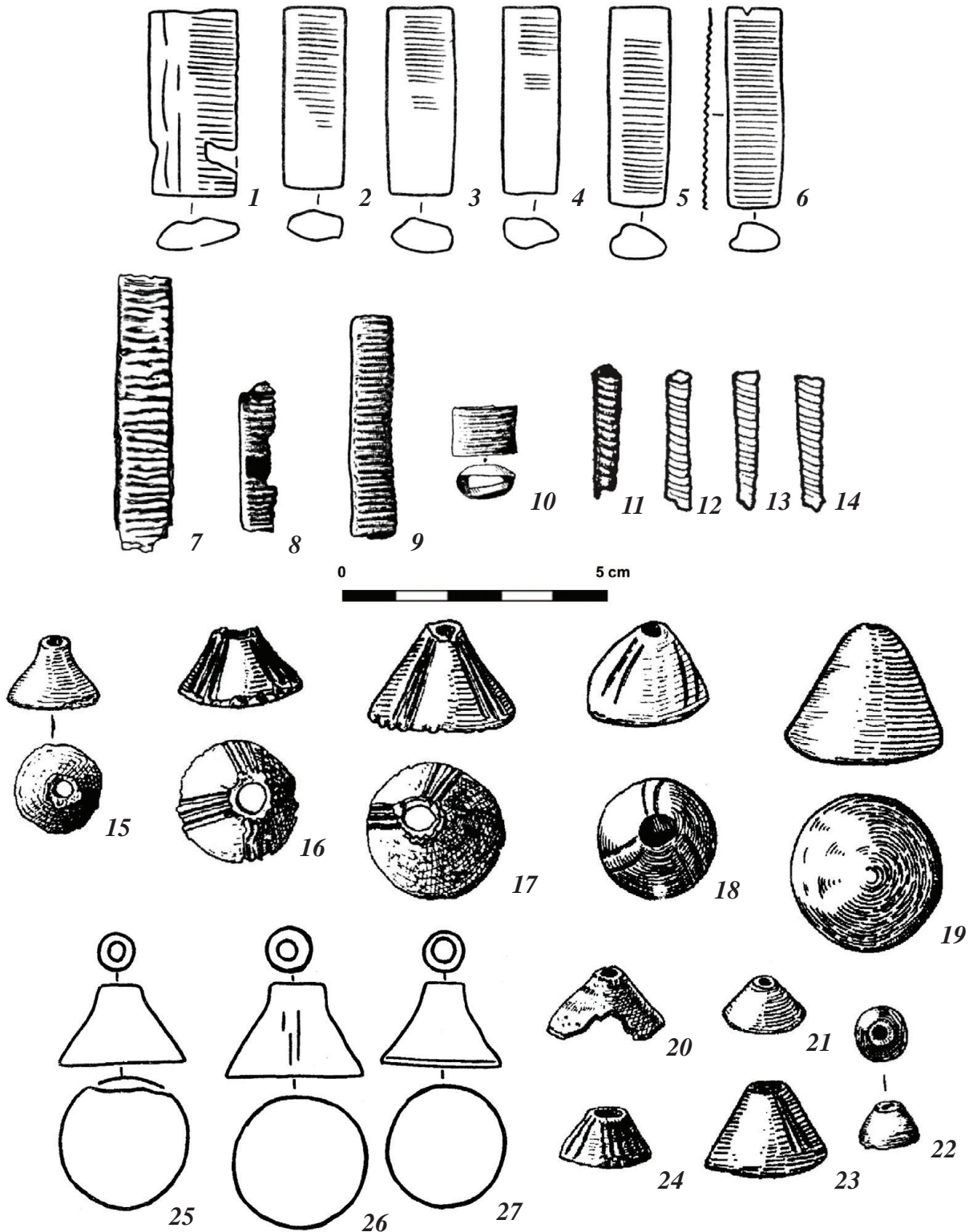


Рис. 3. Формы отливочные с негативами двойных колец (6, 13, 15) и для отливки стержней (1–5, 7–12, 14).

1–8 – Bernaszówka (Бернашівка), Україна, wg Винокур, 1997, рис. 18, 40, 41, 9 – Budureasca, стан. 5; 10, 11 – Tsyркuny-13 (Циркуни 13), Україна, wg Буйнов, Сергеев, 2012, рис. 4: 2–3; 12 – Dulceanca, стан. 1, wg Dolinescu-Ferche, 1974, fig. 106: 4; 13 – Ștefan cel Mare, Rumunia, wg Mitrea, 1980, pl. XLVI: 3; 14 – Szeligi, Polska, wg Szymański, 1967, ryc. 5: 10; 15 – Coroteni, Rumunia, wg Bobi, 1981, fig. 25: 6.





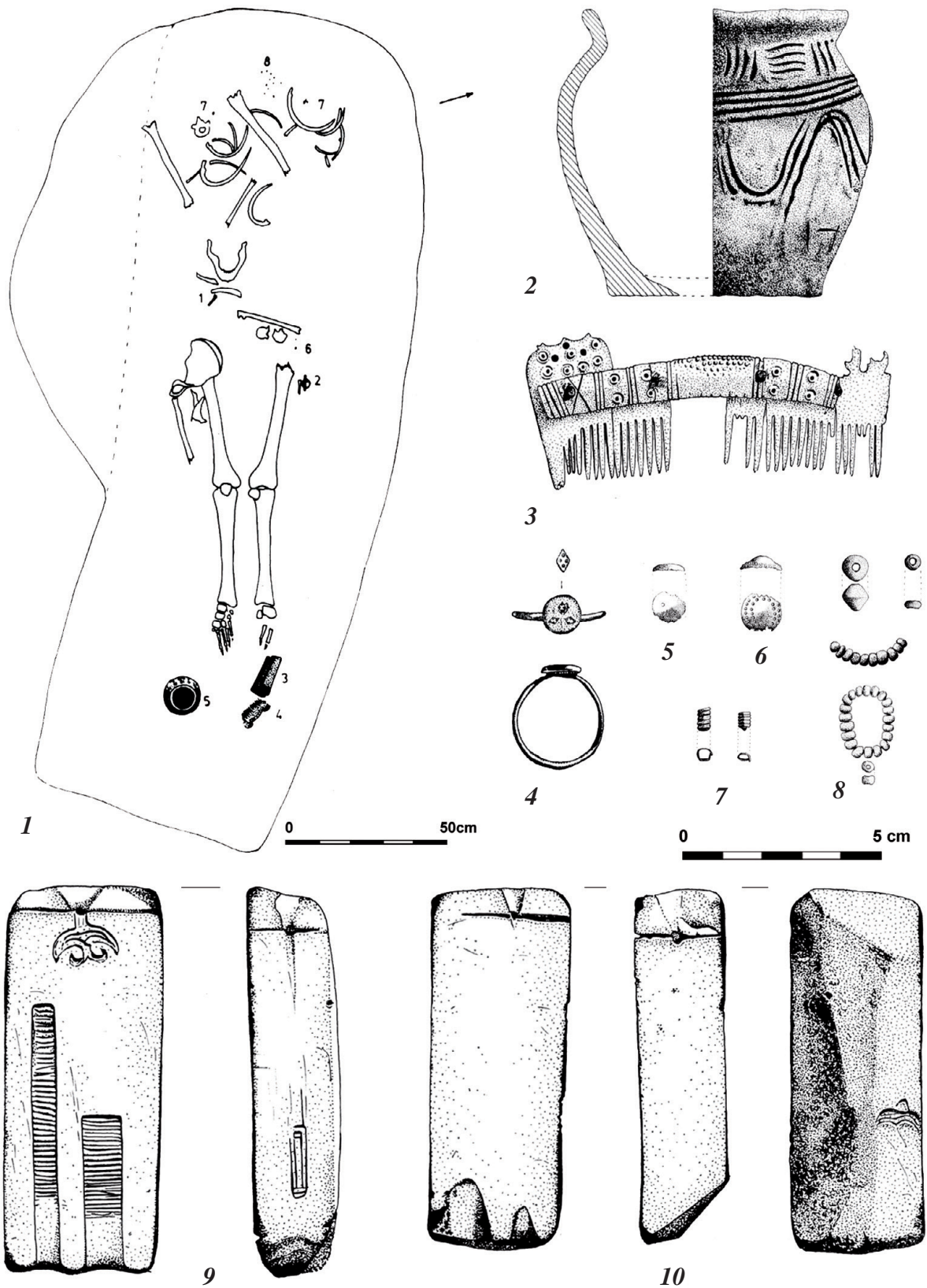
**Ryc. 4.** Przedmioty nawiązujące do kształtów negatywów omawianych w tekście form odlewniczych.  
 1 – 6, 25–27 – Гапонowo (Гапоново), Rosja, wg Гавритухин Обломский, 1996, рис. 22: 1–6; 33: 7–9;  
 7–10, 15–24 – Козіївка/Нова Одеса (Козіівка/ Нова Одеса), Ukraina, wg Корзухина, 1996, табл; 46: 26,  
 54: 15, 17, 19, 24–26, 29, 30, 56: 13–15 11–14 – Vác-Kavicsbánya, Węgry, wg Tettamanti, 2000, Taf. 28: 8.





**Рис. 5.** 1. Mapa osadnictwa z fazy A–B (500–800 r.) wokół jeziora Gopła, Polska: a – stanowiska archeologiczne, wg Dzeduszycka 1985, fig. 2 i Dzeduszycki, Kupczyk 1993, рис. 4); – b miejsce znalezienia formy odlewniczej.

- 1 – Polanowcie, stan. 3, wg Cofta-Broniewska, Springer, Tymieniecka, 1962, ryc. 9;  
 2 – Kruszwica, stan. 9, wg Cofta-Broniewska, 1962, ryc. 5: a, b, d.  
 3 – Lachmirowice, forma odlewnicza, wg Zielonka, 1957, ryc. 5.



Ryc. 7. Pochówek kobiety z cmentarzyska z czasów awarskich z Vác-Kavicsbánya, Węgry, wg Tettamanti, 1977, 1-4. kép.

# Silver fittings of a vessel from a Late Roman burial of the Chernyakhov culture in Voitenki

E. Schultze (Berlin), M.V. Liubichev (Kharkiv)

Серебряные обкладки сосуда из поздне римского погребения Черняховской культуры в Войтенках

Э. Шультце, М.В. Любичев

Из «княжеских» погребений поздне римского времени Барбарикума (Hassleben, Gommern, Zakrzów, Osztrópataka/Ostrovany), происходят серебряные обкладки деревянных сосудов. Серебряная обкладка сосуда находилась в урне – трехручной вазе погребения – кремации 144 могильника черняховской культуры Войтенки. Вероятно, погребение принадлежит члену общины с особым социальным статусом.

*Ключевые слова:* Поздне римское время, кремация, черняховская культура, серебряные обкладки, деревянный сосуд.

When seeking a solution to the essential question in prehistoric archaeology, as expressed by H.-J. Eggers – “How to answer historical questions based on material remains”, the (an) archaeologist attempts to move from an archaeological situation, or a selection of, the “rediscovered culture” or “dead culture”, to historical reality (“living culture”) (Eggers, 2006, S. 10). Depending upon the selection, a successful solution to this problem is often impossible or only partially possible. In the “dead culture” itself some aspects of the “living culture” have already disappeared or only relics of them remain. In the case of the “rediscovered culture”, one can only guess about the existence of such things or find only some of their component parts. These parts do not provide a complete picture of the shape of the object in question, which often leads to a hypothetical reconstruction.

This problem applies completely to wooden vessels in the Barbaricum of the Roman Period and, to its related member, the Chernyakhov/Șântana de Mureș Culture. In view of the accumulation of animal bones (the remains of meat as food) found in the graves or grains of plants still present in objects in settlements, it is realistic to assume that these remains were originally deposited in wooden vessels.

The discovery of the silver fittings for wooden vessels primarily in the “princely” graves of Central Europe has contributed substantially to the reconstruction of these forms. The study of wooden vessels and their parts is of great interest with reference to typology, as well as to their significance, from the viewpoint of the reconstruction of society at that time. Therefore, the publication and introduction into scientific circles of the metal parts of wooden vessels is quite important. This underlines

the necessity to present in the following the silver fittings of a vessel found in the cemetery in Voitenki (Fig. 1)<sup>1</sup>.

#### *Description of the grave and its inventory*

Grave 144 is urn cremation and is located in the south-western section of the excavated part of the cemetery (sector XXVIII, quarter I/5–6). Calcined bones lay in an urn, which was a wheel-made, three-handled vase set upside down. Found among the calcined bones in the grave pit were fragments of silver fittings for a vessel. The size of the grave pit: 0.43 × 0.43 m. Two levels were discerned from the surface: an upper level –0.22 m and a lower level –0.43 m (Любичев и др. 2013, с. 53, рис. 192–193) (Fig. 2).

#### *Inventory of grave 144*

1. Three-handled vase (683M/2012). The upper part is fragmented, the lower part is missing, and the surface is black and polished. The body is round with a wide flat rim. The rim is horizontal and t-shaped in profile (Fig. 2, 2). There are three wide handles with a cordon and arc-shaped profile; they are attached to the rim edge and the shoulder. The vessel displays an ornamented zone on the shoulder between the handles, which is bordered horizontally by two ridges and is divided into three parts. One third is not decorated, the second third is decorated with a smoothed zig-zag band, while the third has two polished zig-zag bands separated by a smoothed groove. Parameters (cm) of the vessel: height of the preserved part – 20.5 cm; diameter of rim – 33.6 cm; greatest diameter of the body – 38.3 cm; handle: width – 5.1–5.5 cm, thickness – 0.6–0.7 cm.

2. Four fittings and a ring with a suspension loop, made of silver<sup>2</sup> (Inv. No. 40инд/м) (Fig. 3). The fittings are made of strips of silver sheet; the strips are bent lengthwise to form a U-shaped cross-section. On one side the edges of the sheets are decorated with a punched line. The dimensions of the three pieces of fittings: length 5.9 cm; 6.4 cm; 11.4 cm; 12 cm; the width of the bent sheets: 0.6 cm; the space between the edges: 3.1 mm. The fittings are slightly curved, and together they form a circle of about 12.2 cm in diameter. Obviously, the fittings were originally wrapped over the rim of a vessel. They were adfixed by six straight metal strips, each strip 0.5 cm in width. The straight strips overlap the narrower width of the tube-like fittings by 0.7–1.2 cm, and their extended ends are connected by a rivet for attaching the fittings to the vessel. A silver ring of tetragonal cross-section was probably also part of the construction. Its dimensions: 1.2 cm in diameter; size of the profile 0.3 cm. A loop in the form of an omega is suspended from the ring. Dimensions: size of the loop, 1.1 cm; size of the profile, 0.1 cm.

#### *Urn in the grave*

The urn in grave 144 is a three-handled vase that was not secondarily burned (Fig. 2), since it was not placed in the funeral pyre. The calcined bones gathered from the funeral pyre were deposited in the urn, and the fragmented silver fittings were placed there as well. The use of a three-handled vase as an urn has been found in cemeteries of the Chernyakhov Culture, but in general this is not a prevalent phenomenon. Pots were commonly used as cremation urns.

Vases with three handles are often the most representative vessels within the tableware of the Chernyakhov Culture. These vessels can be decorated with elaborated ornaments, especially on the flat rim, and it has been postulated that some of the decorations are connected with imagery (Сымонович, 1964). In some inhumation graves a cup or a bowl was found inside the vase; therefore, one can assume that these vases were used as a container for beverages. In Voitenki, vases with three handles are part of the context in 18 of the 232 graves found until 2018. Thereof 11 burials are inhumations, 7

<sup>1</sup> The cemetery in Voitenki is part of the archaeological complex of the Late Roman Period, beginning with the Great Migration Period. It is located near the village of Voitenki (Valky District, Kharkiv Region, Ukraine) on the territory of Dnieper-Donets watershed on a small river. The cemetery belongs to a settlement, whose sections and complexes are assigned to the chronological stage C1b-C2 and C3-D1. In joint research from 2005 onwards, the German-Slavonic archaeological expedition of the National V. N. Karazin University in Kharkiv and the Eurasia Department of the German Archaeological Institute investigated a total of 241 graves: 119 inhumation, 121 cremation, one cenotaph, assigned to the stage C3–D1 according to J. Tejral (Tejral, 1992, S. 234–246) or to phase “B”–“E” of the horizon of “classical” Chernyakhov Culture in the Dnieper–Donets foreststeppe (Любичев, 2019, часть 2, с. 32–36). The excavation of the cemetery is still ongoing; some of its complexes have been published (for example: Любичев, 2009; Lyubichev, 2013; Schultze, Lyubichev, 2017).

<sup>2</sup> PIXE-analysis of the ring with loop indicated that the material consists of nearly 90 % silver. We are grateful O. Buhay (Institute of Applied Physics, National Academy of Sciences, Sumy, Ukraine) for the analysis and the data. For details see (Любичев et al. in print).



cremations, but only in grave 144 did a vase with three handles serve as an urn. In the other cremation graves only fragments of vases were preserved, the form mostly determined basing on parts of the flat rim or the handles.

Comparison with other cemeteries of the Chernyakhov, culture indicates that vases with three handles played a very different role in the contexts of graves. For example, in the cemetery of Boromlya, region Sumy, such vases are absent on the whole (Некрасова, 2006). In Nagornoe, region Odessa, they were found only in inhumation graves (Gudkova, Schultze, 2017, S. 41–43). In Cherneliv Ruskiy, region Ternopil, fragments of vases have been observed in only one cremation and in two inhumation graves among all together 246 burials (Герета, 2016). In Uspenka, region Sumy, such vessels were discovered in 3 inhumation graves (Некрасова, 2006). In the cemetery in Velika Bugaivka, region Kiyv, with 165 burials, vases with three handles are known almost only from cremation graves (Петраускас, Шишкин, 2013). There they were part of the ceramic furnishings in 10 cremations. In grave 20, for example, fragments of a vase together with other ceramics covered the cremated bones (Петраускас, Шишкин, 2013, с. 23, рис. 84–85). In Kompaniytsy, region Poltava, where 116 graves have been counted, at least 10 cremation graves were equipped with a vase with three handles (Некрасова, 2006). There such a vase served as an urn in three cremation graves. In grave 17 solely the cremated bones lay in the urn, whereas in grave 31 additionally a cup, a small bowl and a jug were found inside (Некрасова, 2006, рис 60: 1–4; 62: 7–11). Deposited in the vase in grave 45 were the cremated bones and a cup. This urn was covered with a bowl-like vase and surrounded by fragments of two bowls (Некрасова, 2006, рис. 64: 9–14). Unfortunately, in the publication of A.N. Nekrasova mention is not made of the extent to which the ceramic vessels of these graves were secondarily burned.

#### *The metal fittings*

Corresponding to their form, all metal items in grave 144 can certainly be considered as fittings for a vessel (Fig. 3). They were wrapped over the rim of the vessel and served as part of the handle or for another suspension. No remains of the vessel itself were preserved. One can assume that it was made of wood; perhaps, it was a cup with suspension or another drinking vessel, in view of the small size of the reconstructed diameter. Due to the small size of merely 3.1 mm between the two edges of the fittings,

the rim of the vessel was indeed very thin. Therefore, other materials like leather or horn could also be taken into account as a possible vessel. The fittings were found inside the urn in nearly circular position. This seems to indicate that the vessel was more or less undisturbed, when it was placed in the grave, and that it could be considered as a gift after the incineration.

Within the area of the Chernyakhov Culture, only one analogy of such silver fittings is known to the authors of this contribution. In the cemetery in Cherneliv Ruskiy, region Ternopol, three silver fittings with strips were discovered in grave 298 (Герета, 2016, с. 89–90, рис. 150: 11–12, 15–16). This inhumation grave was disturbed. The preserved fittings are short, so one can only assume that they derived from a vessel, the diameter of which is not determinable. However, some wooden remains with a thickness of 0.7 cm are preserved between the rivets of the strips. Furthermore, this grave contained other parts of silver fittings, a silver fibula of the type Ambroz group 17, subgroup 1 (Амброз, 1966, с. 70–71) and a silver pendant in form of a bucket. From the ceramic inventory remained handmade vessels (pot, bowl) and wheel-thrown pottery (bowl, vase, 2 jugs).

Further wooden vessels with silver fittings are known in Central Europe. The widespread wooden buckets are mostly constructed with fittings of bronze or iron. Silver fittings were rarely used. A. Becker mentioned buckets with silver fittings from inhumation grave 2 in Barup (Denmark) and in inhumation grave 8 in Hassleben (Germany), both dated to phase C2 according to other components of the inventory (Becker, 2006, S. 356, 398, 421). In both graves further items of precious metal have been found (Further items of precious metal have been found in both graves). Due to the very rich equipment with golden Roman coins, golden fibulae and Roman metal vessels, the grave from Hassleben was even eponymous for a specific group of burials, called the ‘Leuna-Hassleben group’. This group has been associated with a Germanic elite and dated to the second half and end of the 3<sup>rd</sup> century AD (Gebühr, 1998, S. 191–193 with former literature).

The inhumation grave in Gommern near Magdeburg (Germany) belongs to the same chronological horizon (Becker, 2010) There a man with elaborate clothes, dress ornaments and weapons, was buried in a wooden chamber. Further equipment of the burial includes many objects of Roman provenance, among them a number of silver, bronze and glass vessels. Several fittings of precious metal lay close

together, some pieces connected with wooden remains. They derived from vessels of local provenance. M. Becker reconstructed 3 wooden vessels with silver fittings: a pot, a bowl and a cup. The bowl had silver U-shaped fittings on the rim, adfixed with 4 strips as in Voitenki, and a wheel-shaped fitting with 10 rosettes adfixed to the outside of the base (Fig. 4, 2–3). The completely preserved fittings of the rim included a vessel of 19 cm in diameter. The thickness of the rim was 0.45–0.6 cm. M. Becker dated the grave to the second half of the 3<sup>rd</sup> century and considered the buried person as member of the upper class with close contacts to the Roman Empire (Becker, 2010, S. 393–395).

Another analogy for the silver fittings from Voitenki has been found in grave 3 in Zakrzów (Poland). This well-known burial was investigated several times (Kramarkowa, 1990; Leiber, 2004; Quast, 2014, each with former literature). Here, the fittings were part of the inventory of a grave in a stone chamber. Remains of two wooden vessels and one wooden box were recovered. At least four strips of the fittings with U-shaped cross-section were adfixed around the rim of a vessel with a diameter of 20.5 cm (Fig. 4, 1). Further, a handle attachment with a suspension ring was found; hence, this vessel could also have been a bucket. The rest of the grave goods consisted of precious metal items of local origin and imported Roman vessels. The equipment was outstanding in a similar way as that of the graves mentioned above. The burial from Zakrzów was dated to the second half of the 3<sup>rd</sup> century AD as well.

Finally, the find II from Osztrópataka (Ostrovany, Slovakia) should be taken into account as an analogy. This complex included a number of silver fittings with rivets (Prohászka, 2006, S. 79–81, Abb. 73–74, Taf. 6). According to the reconstruction, they were adfixed as strips or mounts to the rims of several wooden bowls. These vessels likewise belonged to an inhumation grave with extraordinary equipment, including further items of precious metal dated to the second half of the 3<sup>rd</sup> century AD. Concerning the vessels with silver fittings, P. Prohászka pointed to similar wooden bowls with tongue-shaped mounts found in Sarmatian assemblages in the Carpathian Basin. He emphasized the appearance of such silver-decorated vessels in rich burials of the Migration Period (Prohászka 2006, S. 80–81, Abb. 77–79).

The cited analogies indicate that wooden vessels with silver fittings were usually components of graves, which included further items of precious metal. Often, the rich grave goods of these graves

are evidence for associating the buried person with a social elite. In contrast to these ‘princely graves’, the burial 144 in Voitenki looks rather ‘poor’. Yet, it seems to be an exceptional case in another way. Perhaps, it can be described as grave with ‘reduced’ equipment, but nevertheless extraordinary through the presence of a special ceramic vessel and another vessel with silver fittings.

Until now, silver artifacts are known from five graves in Voitenki, including inhumation as well as cremation graves (Fig. 1, 2). Besides, grave 144 only grave 190 can be mentioned as a cremation; it contained a silver mount, remains of a glass object and ceramic fragments, but no urn. The three inhumation graves (grave 41, 86/1, 102) were equipped with silver fibulae, belt buckles and pendants respectively. Moreover, they included other dress ornaments, small tools and ceramics. The inventory of the cremation graves consisted of fewer finds and would seem to be ‘poor’. Nonetheless, this difference is to great extent the result of the burial rite, because many pieces were destroyed during the incineration of the deceased, his/her belongings and gifts. For example, only a small fragment of a glass object remained in grave 190.

#### *Place of the grave in the cemetery*

The grave is located inside an open area of the cemetery, which is delimited by different graves (Fig. 1, 2). Brief information about these graves is provided below (enumerated starting from the West):

Gr. 157 – cremation with the fragment of a comb;

Gr. 153 – inhumation in the fertile soil layer, along the North–South axis, inventory – two wheel-made vessels;

Gr. 138 – inhumation in the fertile soil layer, along the North–South axis, inventory – 5 wheel-made vessels;

Gr. 139 – inhumation in the loess layer, along the North–South axis, without inventory;

Gr. 137 – inhumation in the fertile soil layer, along the North–South axis, inventory – 4 wheel-made vessels;

Gr. 151 – inhumation in a grave pit in the loess layer. The pit is of an unusual oval shape, and lies along the West–East axis, without any inventory;

Gr. 150 – urn cremation, a vase, covered by fragments of other vessels, including a three-handled vase;

Gr. 152 – cremation with the fragments of wheel-made vessels;

Gr. 154 – inhumation in the pre-loess layer, partly destroyed in antiquity, along the North–South axis, inventory – two wheel-made vessels and fragments of such vessels;

Gr. 156 – cremation with two iron arrowheads and the fragment of a comb;

Gr. 188, 185, 189 – cremations without any grave goods;

Gr. 179 – inhumation of a child in the pre-loess layer, along the North-South axis, inventory – a hand-made pot and a wheel-made bowl;

Gr. 158 – cremation with the fragment of a glass object (Любичев и др. 2013, с. 47–50, 57, 58, рис. 166–170, 178, 179, 215–220, 221–223; Любичев и др. 2014, с. 37–40, 48–50, 52, 57, 61, рис. 154–157, 161–166, 170–177, 230–233, 262, 285–287).

Grave 145 was located near grave 144. Marked in the northern part of its surroundings is a grave group, comprising graves 140, 146 and 142. Situated in the eastern part of this group is grave 155 (Fig. 1, 2). Information about these graves is provided below:

Gr. 145 – cremation any grave goods;

Gr. 140 – inhumation in the fertile soil layer, along the axis North-South, inventory – one hand-made pot;

Gr. 146 – Inhumation in the fertile soil layer, along the North-South axis, inventory – wheel-made pot;

Gr. 142 – urn cremation with the pot as the urn and a bronze brooch with a closed catch-plate;

Gr. 155 – cremation with fragments of wheel-made vessels (Любичев и др. 2013, с. 50, 51–54, рис. 180–183, 188, 189, 198, 199, 214:4; Любичев и др. 2014, с. 39, рис. 167–169).

Apparently there is a rather “poor”/sparse level concerning the inventory of inhumation and cremation graves in this part of the cemetery (unfortunately grave 154 were destroyed in antiquity and cannot be taken into account here).

Almost all inhumation graves were dug exclusively into the layer of fertile soil or pre-loess layer.

Grave 151, characterized by its orientation along the West-East axis, was deposited in a pit of quite unusual shape in the loess, but contained no inventory. The inventory in the graves is represented foremost by ceramic vessels. Metal details of the costume were observed only in grave 142 (brooch), and toiletry articles (fragments of a comb) in graves 156 and 157. Two iron arrowheads were discovered in grave 156.

In accordance with the indications for archaeological-sociological types of graves after N.M. Kravchenko, all the graves mentioned above can be attributed exclusively to the first type (Кравченко, 1987, с. 219). In the middle of the square was situated grave 144 with silver fittings of a vessel, which could be a social marker of a certain “nobility”.

### Conclusions

Consideration of all circumstances concerning grave 144 and its characteristics led to the following results:

- Grave 144 includes some peculiarities: The usage of a bowl with three handles as an urn is uncommon in this cemetery. Until now, only one analogy for the wooden vessel with silver fittings has been established within the Chernyakhov Culture.

- The silver fittings indicate that cremation graves should not be equated with ‘poor’ graves. Often, many items primarily gathered together for the deceased person were destroyed during the incineration, and only few remains were collected and deposited in the grave. This may be applicable for grave 144 as well, because it is unusual that a vessel with silver fittings was not accompanied by other grave goods.

- Within the Barbaricum of Central and East Europe, wooden vessels with silver fittings always occurred in burials together with other objects of silver or precious metal. These analogies for the find from Voitenki were predominantly part of ‘princely graves’. Therefore, the assumption is legitimated that the person buried in grave 144 also held a special social position within the community.

### Литература

**Амброс А.К. 1966.** Фибулы юга Европейской части СССР (САИ Д1-30). М.: Наука, 112 с.

**Герета І.П. 2016.** Чернелево-Руський могильник (Оіум 3). Київ, Тернопіль: ТЗОВ «Тернограф», 284 с.

**Кравченко Н.М. 1987.** О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования со-

циально-экономических проблем в археологии / Ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, с. 209–227.

**Любичев М.В. 2009.** Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и Эпохи Великого

переселения народов / Ред. К. Мызгин. Харьков: А.Н. Тимченко, с. 72–90.

**Любичев М.В.** 2019. Ранняя история днепродонецкой лесостепи I–V веков (Ostrogothica-Serie: Bände, том 2). Часть 1, 2. Харьков: «Естет Принт», 634 с.

**Любичев М.В., Бугай А.Н., Шульцце Э. В печати.** Естественно-научные анализы металлических изделий позднеримского времени: первые результаты анализа находок из Войтенков (Восточная Украина).

**Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г.** 2013. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2012 г. Харьков // НА ИА НАНУ. 2012/100.

**Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г., Шульцце Э.** 2014. Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2013 г. Харьков // НА ИА НАНУ. 2013/74.

**Некрасова А.Н.** 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим / Ред. Р.В. Терпиловский. Киев: ИД «Стилос». С. 87–200.

**Петраускас О.В., Шишкин Р.Г.** 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка (археологический источник) (Oium 2). Киев: ФО-П Поліщук О.В. 410 с.

**Сымонович Э.А.** 1964. Орнаментация черняховской керамики // Материалы и исследования по археологии СССР, 116. М.: Изд-во АН СССР, с. 270–361.

**Becker A.**, 2006. Die metallbeschlagenen germanischen Holzeimer der römischen Kaiserzeit // Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz, 53, S. 345–520.

**Becker M.** 2010. Das Fürstengrab von Gommern (Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie 63). Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt, Landesmuseum für Vorgeschichte, 823 S.

**Eggers H.J.** 2006. Einführung in die Vorgeschichte. Berlin: Scripvaz – Verlag Christof Krauskopf, 352 S.

**Gebühr M.** 1998. Fürstengräber §4. Römische Kaiserzeit // Reallexikon der Germanischen Alter-

tumskunde 10. Beril, New York: Walter de Gruyter, S. 185–195.

**Grempler W.** 1887. Der Fund von Sackrau. Brandenburg a. d. H.: Lunitz, 32 S.

**Gudkova A.V., Schultze E.** 2017. Gräberfeld und Siedlung Nagornoe 2. Ein Fundplatz des Sântana de Mureș–Černjachov-Kultur an der Unteren Donau (Archäologie in Eurasien, 35). Bonn: Habelt-Verlag, 330 S.

**Kramarkowa I.** 1990. Grobyksiazece z III / IV w. n.e. we Wrocławiu-Zakrzowie w stulecieodkryć // Silesia Antiqua, 32, s. 61–174.

**Leiber Ch.** 2004. Grobyksiazece z Wrocławia-Zakrzowa // Wandalowie, Strasznicu bursztynowego szlaku. Katalog wystawy. Lublin, Warszawa 2004, s. 120–126.

**Lyubichev M.** 2013. The secondarily used artifact in grave 41 of the Chernyakhov cemetery of Voytenki // Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand-Simferopol: „DOLYA“ Publishing House, p. 236–248.

**Prohászka P.** 2006. Das vandalische Königsgrab von Osztrópataka (Ostrovany, Sk.). (Monumenta Germanorum Archaeologica Hungariae, 3). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 123 S.

**Quast D.** 2014. Die Steinkammergräber aus Wrocław-Zakrzów // Kammergräber im Barbaricum / Eds. A. Abegg-Wigg, N. Lau. Neumünster: Wachholtz Verlag, S. 323–342.

**Schultze E., Lyubichev M.V.** 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knobbed Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison // The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013 (Swiatowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia, vol. 1) / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szcypiorski. Warsaw: Instytut Archeologii UW, p. 277–294.

**Tejral J.** 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab der Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Eds. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Wydawnictwo i Drukarnia „Secesja“, S. 227–248.

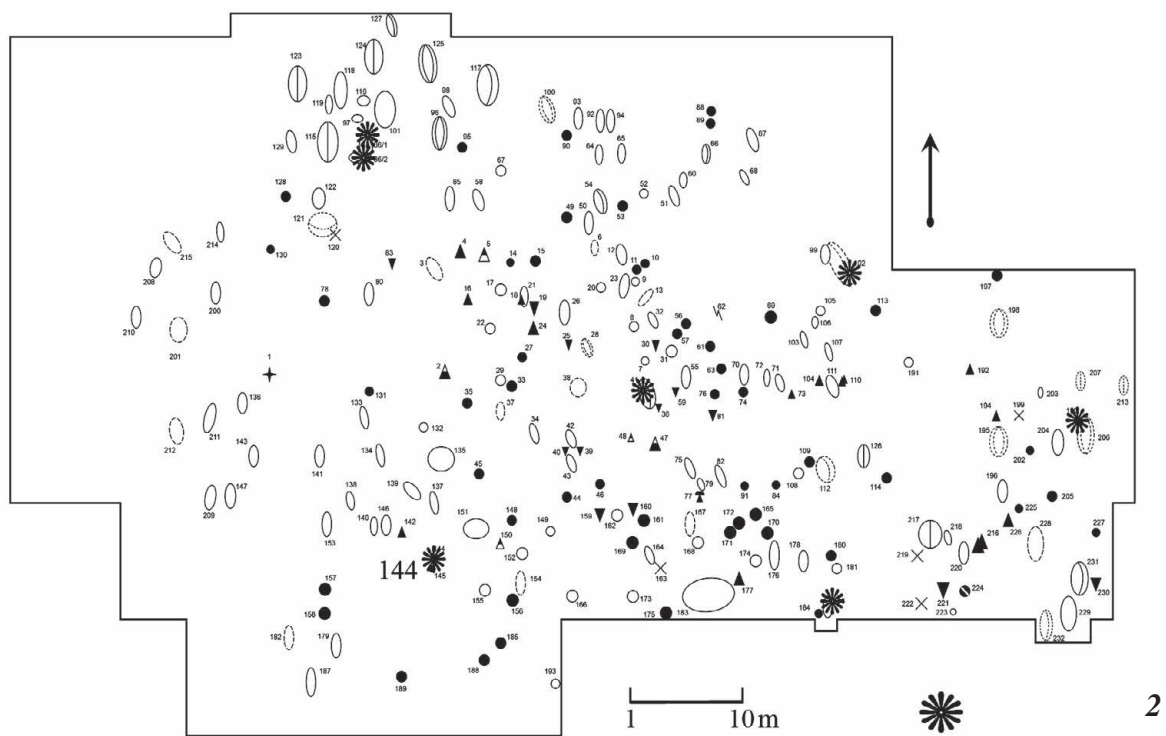
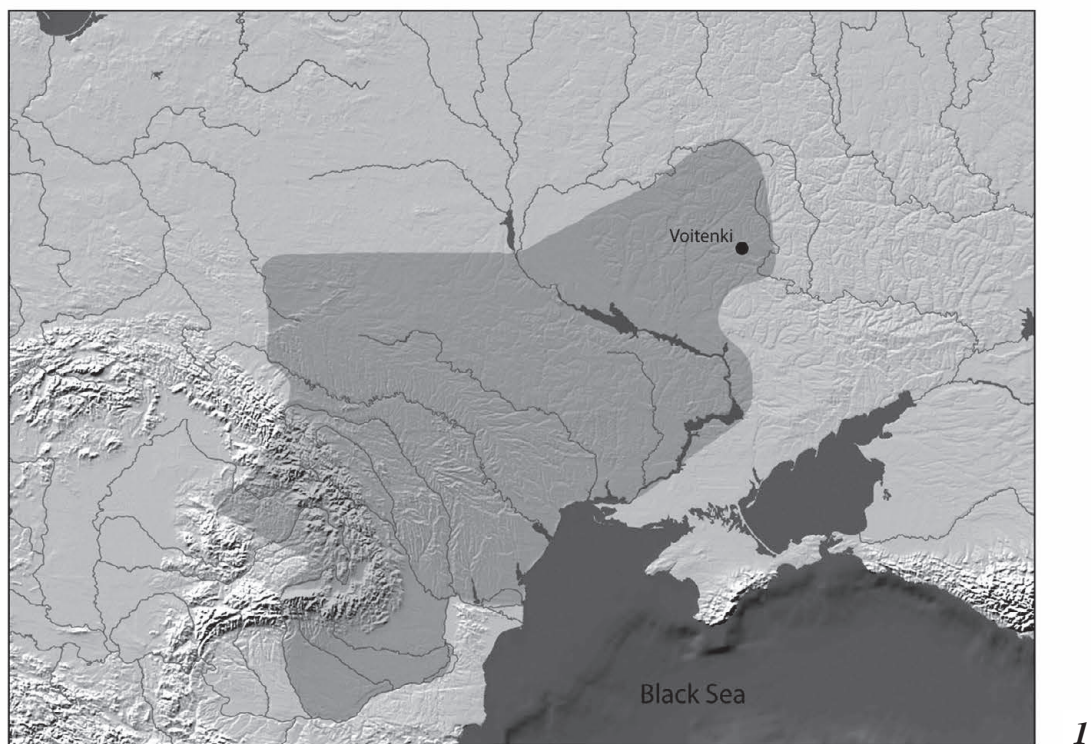


---

**Summary****Silver fittings of a vessel from a Late Roman burial of the Chernyakhov culture in Voitenki****E. Schultze, M.V. Lyubichev**

Silver linings of wooden vessels come from the "princely" burials of the late Roman time of Barbaricum (Hassleben, Gommern, Zakrzów, Osztropataka/Ostrovany). The silver lining of the vessel was located in an urn in the form of a three-handed vase of burial – cremation 144 of burial ground of the Chernyakhovsky culture in Voitenka. The burial probably belonged to a member of the community with a special social status.

*Keywords:* late Roman period, cremation grave, the Chernyakhov culture, silver fittings, wooden vessel.



**Fig. 1.** The cemetery of Voitenki. 1 the site within the area of the Chernyakhov Culture; 2 map of the cemetery with grave 144. The star-like symbols mark graves with silver objects.

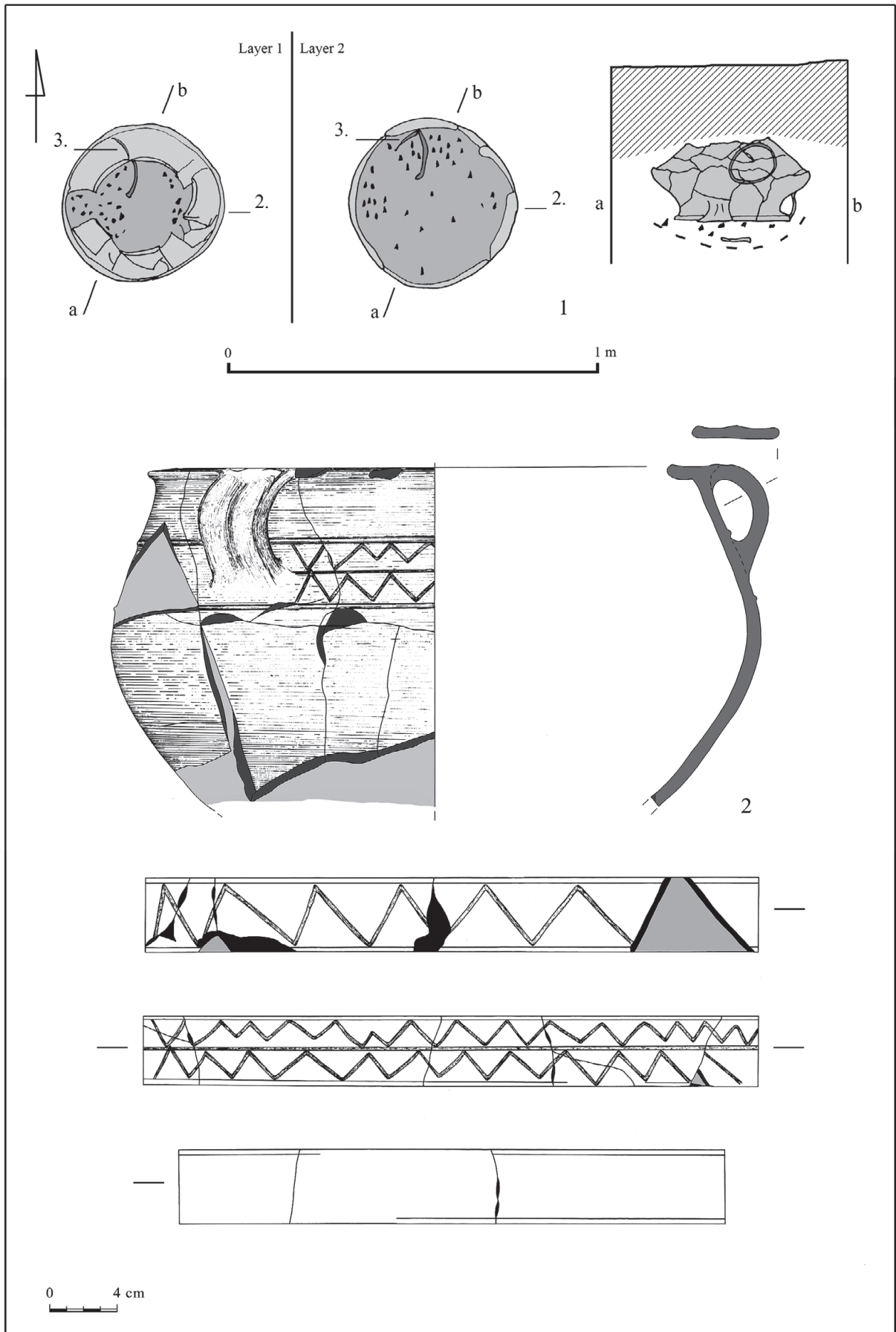


Fig. 2. Voitenki. grave 144. 1 plan and section; 2 vase.

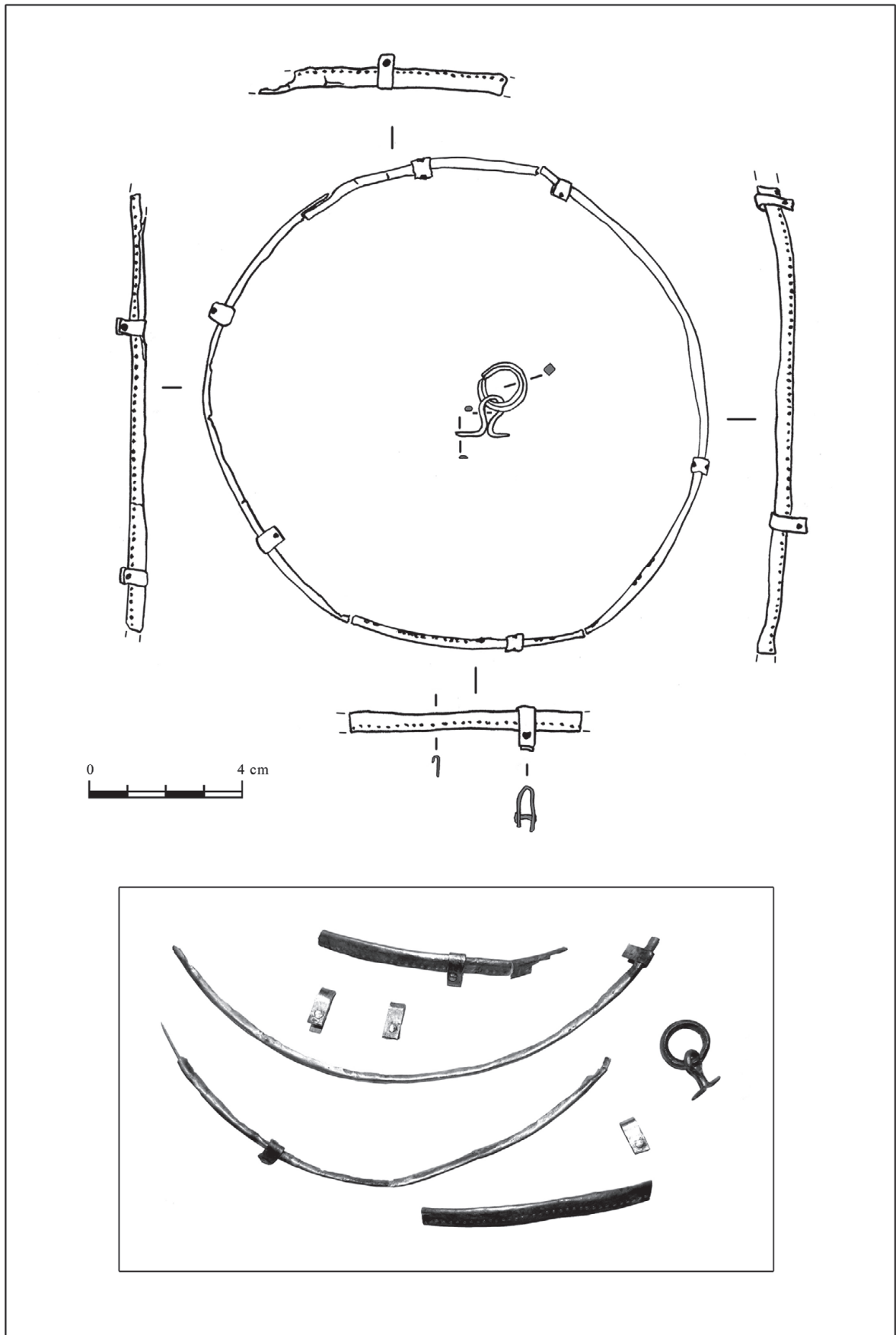
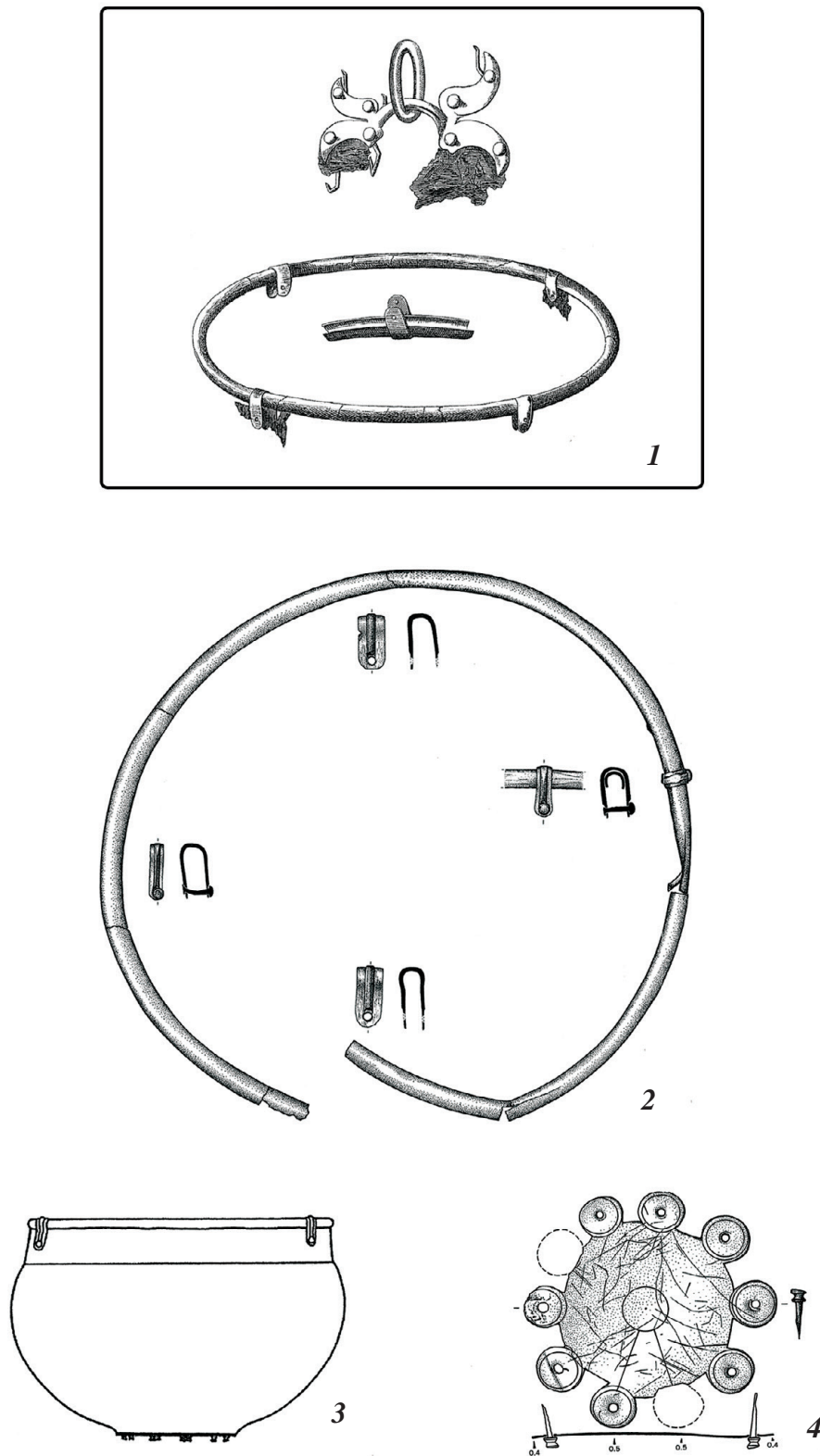


Fig. 3. Voitenki. grave 144, silver fittings of a vessel.





**Fig. 4.** Analogies for silver fittings on vessels (without scale). 1 fittings from Zakrzów (Poland); 2, 4 fittings from Gommern (Germany); 3 proposal for the reconstruction of the wooden vessel with fittings, from Gommern (1 after Grempler, 1887; 2–4 after Becker, 2010, Taf. 21: 4; 22: 2; 36: 1–5).

## Часть 2

# Археологические памятники, культуры и исторические процессы

## К вопросу об организации властных институтов у населения Верхнего Подонья в гуннское время

Д.В. Акимов (Воронеж)

Статья посвящена обоснованию существования в конце IV – V вв. н.э. в регионе Верхнего Дона предгосударственного (потестарного) образования – вождества. Для доказательства используются признаки вождества, выведенные в статье Н.Н. Крадина (Крадин, 1995). Показаны наличие пяти из семи признаков. Приводятся археологические данные о существовании контроля над определенной территорией и ее границами, центра пребывания вождя, о выделении слоя воинской элиты, об имущественной дифференциации, об общих культах. Для вождеств, аналогичных верхнедонскому гуннскому времени, предлагается утвердить уже существующий термин «малое варварское королевство».

*Ключевые слова:* гуннское время, Верхнее Подонье, вождество, «малое варварское королевство», готы, аланы, городище, селище, погребение.

Памятники гуннского времени (конца IV – V вв.) в бассейне верхнего течения реки Дон изучаются уже около трех десятков лет. И, тем не менее, вопросов, связанных с ними, остается еще довольно много. В настоящей статье делается попытка оценить уровень и характер институтов власти у населения, оставившего комплекс древностей гуннского времени круга Чертовицкое-Замятино, опираясь на схему и набор специфических признаков, составленных признанным в данной области специалистом (Крадин, 1995).

Как известно, переход от эпохи Древности к Средневековью на большей части европейского континента происходит в результате событий эпохи Великого переселения народов. Массовые миграции разноязыких племен приводят к размыванию этнической картины, разрушению родоплеменных структур и формированию структур территориальных. Непосредственный эволюционный переход от родоплеменной организации к раннегосударственной при таких условиях вряд ли возможен. Должны были возникнуть сначала промежуточные потестарные структуры, имев-

шие вполне и узко определенные региональные границы. В научной литературе их принято называть *вождество* (Крадин, 1995, с. 11). На мой взгляд, механизм функционирования подобного локального объединения демонстрирует история населения бассейна Верхнего Дона в конце IV – V вв. н.э.

Эпоха Великого переселения народов в регионе сменяет эпоху Древности, связанную здесь с памятниками позднесарматского облика. Последняя в основном завершается до середины III в. н.э. после ухода отсюда кочевников. В результате место практически запустело, жизнь сконцентрировалась преимущественно на крупных городищах на реке Воронеж.

Спустя какое-то время на Верхний Дон направилась мощная волна мигрантов из Днепровско-Левобережья, которые оставили памятники черняховско-киевского круга типа Каширки – Седелок (Обломский, 2001). Это были рядовые сельские общины смешанного состава, среди которых преобладали ранние славяне. Около середины IV в., предав огню свои поселки, они покидают регион. Не исключено, что некоторые из их поселений могли бытовать и несколько позже. Новая волна заселения происходит в конце IV в. и связана с событиями гуннских завоеваний в Европе (Акимов, 2012, с. 164–167). В результате сложных этнокультурных пертурбаций на Верхнем Дону складывается потестарное полиэтничное объединение, вполне соответствующее понятию «вождество».

Согласно Н.Н. Крадину, этим термином обозначается «особый тип социально-политической организации, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редиистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культурную деятельность общества». Термином сейчас нередко пользуются для обозначения позднепервобытного, предклассового общества в целом (Крадин, 1995, с. 11). Основными признаками вождества, по мнению ученого, являются: 1) наличие надлокальной централизации; 2) существование иерархической системы принятия решений при отсутствии узаконенной власти, имеющей монополию на применение силы; 3) социальная стратификация, появление признаков выделения элиты в замкнутое сословие; 4) редиистрибуция – перераспределение прибавочного продукта по

вертикали; 5) общая идеологическая система и/или общие культы и ритуалы; 6) ограниченные полномочия правителя, не способные противостоять распаду сообщества; 7) сакрализованный характер верховной власти (Крадин, 1995, с. 16). Пять из семи признаков, кроме 2-го и 7-го, можно зафиксировать при помощи археологических методов.

Признаку 1 из перечисленного списка – наличию надлокальной централизации – в верхнедонских древностях гуннского времени соответствуют становление *военно-административной страты*, подчинившей себе обширную территорию, а также функционирование *надобщинных центров большой окружности* производственного, оборонительного или культового назначения.

Карта распространения соответствующих археологических памятников отвечает этому условию (рис. 1). Резиденция правителя, административный и торгово-ремесленный центр находился на Острой Луке Дона близ современного города Задонска Липецкой области. Это крупнейший по площади и наиболее плотно заселенный анклав гуннской эпохи в донском бассейне – поселения у сел Замятино и Ксизово (не менее 10 памятников в окрестностях каждого населенного пункта), села Каменка (не менее четырех селищ), села Мухино (три селища и небольшое городище) (Острая Лука Дона в древности, 2004, с. 8–13), а также городище у с. Верхнее Казачье. Недавно на противоположном, левом берегу Дона разведкой было выявлено селище Тюнино, на котором зафиксированы находки пряжек из золота и железа, последняя со вставками в стиле клуазоне, типичного наконечника стрелы из железа, набора инструментов ювелира и других вещей, которые позволяют считать памятник нерядовым (Акимов и др., 2017). Группы поселений размещаются на расстоянии 5–10 км друг от друга. Поселки в таких «гнездах» функционировали в разное время в пределах общего исторического периода.

Близ Задонска выявлены усадьбы профессиональных ремесленников: косторезов – на Замятино 5 и 8, ювелиров-литейщиков – на Замятино 8 и в Тюнино, кольчужника – на Замятино-5, гончара – в Ксизово (Острая Лука Дона в древности, 2004, главы 2, 4–6, 9; Акимов и др., 2017, с. 60–61). Мастерские обслуживали не только нужды собственной знати, их изделия расходились в широкой округе и их находят даже в относительно отдаленных регионах Восточной Европы. Так, изделие замятинского костореза

обнаружено на городище мощинской культуры Щепилово в Поочье (Острая Лука Дона в древности, 2004, с. 164).

Здесь же зафиксированы крупные некрополи, в том числе и могилы представителей социальной верхушки, о которых речь пойдет ниже.

На Верхнем Дону известны и периферийные *центры округи*. Один из них располагался на городище Крутогорье (Акимов, Мулкиджанян, 2015). Здесь раскопан большой ткацкий производственный комплекс (рис. 2: А), а также зафиксированы следы культовой деятельности и пребывания воинов-всадников. Здесь же был найден развал чернолощеного тарного сосуда (Акимов, 2012, рис. 8: 11), произведенный, вероятнее всего, ксизовским гончаром, горн которого обнаружен в 80 км к западу от Крутогорья.

Восточные рубежи подконтрольной территории охранялись крепостями (Крутогорье, Животинное, Чертовицкое III и др.) (рис. 1). Ведь левобережное Поворонежье имеет иной ландшафт, чем доно-воронежское междуречье и правобережье Дона – там раскинулись степные пространства, привлекательные для кочевников. Фортификации на них либо были выстроены заново (Крутогорье), либо обновлены (III Чертовицкое, Подгоренское), либо не использовались, но следы поселков фиксируются в пределах более древнего городища. Северным форпостом на границе с лесом могло служить городище Перехваль I.

Косвенным свидетельством наличия надлокальной централизации может быть и еще один археологический факт. Речь идет об элементах культур лесной зоны Восточной Европы – мощинской, дяковской и рязано-окских могильников. Из их разнообразного культурного комплекса на Дон попали лишь элементы преимущественно женского набора: украшения (рис. 2: 1–5), посуда, орудия труда (рис. 2: 6). Ни в домостроительстве, ни в хозяйстве, ни в находках мужского инвентаря влияния «лесных» соседей не просматривается. Имеющиеся артефакты северного происхождения распределяются по территории неравномерно, тяготея, прежде всего, к Острой Луке. Наличие в среде местных древностей инкультурного элемента, отличимого по гендерному признаку, может указывать на межплеменные, условно говоря, «династические» браки, а также на обменные отношения. Тем более, что в бассейне рязанского течения Оки исследователи выявляют подобное верхнедонскому «вождество» (Казанский, Мастыкова, 2009, с. 247).

Еще двум признакам по Н.Н. Крадину – появление социальной стратификации, выделение элиты в относительно замкнутое сословие (признак 3); редистрибуция (признак 4) – соответствует корпус археологических источников, указывающий на становление «*дружинной знати*», а также появление черт ранней *имущественной дифференциации*.

Представителям верхнедонской воинской элиты и членам их семей принадлежат характерные погребения с оружием и престижным инвентарем (рис. 3). С ними же следует соотносить находки, относящиеся к тому же набору, но происходящие с поселений (Акимов, 2013, с. 149–150) (рис. 4: 1–10, 12–14, 16–19). Примечательно, что захоронения «*дружинного круга*» отличаются от безынвентарных или «*бедных*» захоронений и по некоторым обрядовым признакам (Обломский, 2007, с. 77–78). Данный факт может свидетельствовать об осознанном отделении воинской знати от ремесленно-сельской общины. Впрочем, возможны и другие объяснения.

*Имущественная дифференциация* отражается не только в наличии богатых захоронений, но и в «выпадении» монетных кладов. Отдельные находки римских денариев были зафиксированы к северу от современного г. Воронежа, а у с. Хвошеватка было найдено семь монет, которые явно маркируют собой разрушенный клад (Акимов, Ененко, 2012, с. 127–137).

Признак 5 по Н.Н. Крадину – общая идеологическая система и/или общиe культуры и ритуалы – отображается, прежде всего, в погребальной обрядности. Об общности религиозных представлений свидетельствуют, во-первых, единая локализация могильников, во-вторых, ритуал погребения.

В Подонье середины I тыс. н.э. известны как одиночные ингумации, так и некрополи. Последние расположены близ с. Ксизово (Ксизово-16 – шесть погребений, Ксизово-17 – 63 в общей сложности, Ксизово-19 – 48 погребений, при этом большинство из них разрушены), а также на городище Животинное (пять погребений, указывающие, вероятнее всего, на разрушенный поздними объектами могильник). Единичные захоронения найдены на поселениях Мухино-2, Каменка, Стрельбище-IV, Шилово, Ямное. Все материалы опубликованы (Острая Лука Дона, 2015, гл. 2,4,6,13; Медведев, 1990, с. 73–77; Земцов, 2003, с. 111–113; 2012, 155–164). По подсчетам А.М. Обломского, погребений насчитывается уже 130.



Обращают на себя внимание некоторые детали. Первая из них – расположение захоронений. Все они локализуются в пределах поселений или на непосредственно примыкающих к ним территориях. Вторая деталь – это погребальная обрядность. Различаясь в ориентировке групп погребенных и имея иногда индивидуальные отличия, которые могут отражать принадлежность разным этническим группировкам (Обломский, 2007, с. 90–92), констатируется принципиальная общность погребального ритуала: ингумация в прямоугольной яме вытянуто, чаще на спине, в сопровождении погребального инвентаря разного состава, а иногда и заупокойной пищи (рис. 3). Вызывает интерес и еще один часто повторяющийся момент – неполный скелет, наличие которого было результатом вскрытия могил (рис. 3: А). А.М. Обломский считает, что при этом проводились разнообразные ритуальные действия (Острая Лука Дона в древности, 2015, гл. 8). То есть верхнедонское население имело одинаковое или схожее представление о загробном мире.

Для полноты картины, правда, надо добавить, что из ряда приведенных погребений выбивается одно, представляющее собой пока исключение по ряду признаков – у с. Ямное близ современного города Воронежа (Акимов, Разуваев, Сурков, 2008). Однако принципиальные детали ритуала повторяются и здесь.

Помимо погребальных, в освещении пятого признака по Н.Н. Крадину может иметь значение археологический комплекс, открытый при раскопках городища Крутогорье (Акимов, Мулкиджанян, 2015, с. 133–135). Он представляет собой остатки наземного сооружения (или сооружений) общественного назначения. Чуть в стороне от наземных строений, в южной части, на стрелке мыса были зафиксированы отдельно от остальных 9 столбовых и две хозяйственные ямы, образовывавших подобие круга. В его черте наблюдалась концентрация обломков намеренно разбитых глиняных грузил для вертикального ткацкого станка, а также отдельных находок. Концентрация артефактов указывала на то, что столбы не были опорой сплошных плетневых стен (рис. 5). Кроме прочего среди находок на этом комплексе встречались и необычные артефакты из глины: фрагменты антропоморфных и зооморфных миниатюр, лепешки, бусины, шарики и т.п. (рис. 5: 8–19). Наиболее выразительные из них (рис. 5: 9, 10) найдены как раз внутри образованного ямами круга на стрелке мыса. В на-

учной литературе подобные предметы нередко рассматриваются как принадлежности магических ритуалов, религиозного культа (Рыбаков, 1994, с. 334). Вероятно, рассматриваемый комплекс мог служить местом для отправления ритуалов, возможно, связанных с ткачеством и/или солярным культом. Более наглядный и подробный ряд аргументов в пользу высказанной версии приводится в публикации комплекса (Акимов, Мулкиджанян, 2015).

Признак 6 формулируется как «ограниченные полномочия правителя, не способные противостоять распаду сообщества», а косвенно иллюстрируется тем фактом, что верхнедонской конгломерат просуществовал недолго – от конца IV или рубежа IV-V вв. до рубежа V-VI вв. (Обломский, 2007, с. 77–79; Акимов, 2007, с. 49–50).

Остальные признаки методами археологии, как утверждалось выше, не фиксируются. Однако и приведенных, как видится, достаточно для того, чтобы констатировать наличие потестарной организации типа вождества у верхнедонских племен гуннского времени.

Его история мною неоднократно излагалась. Наиболее полно – в публикации доклада, прочитанного на Тульской конференции (Акимов, 2012), одним из бессменных организаторов которой много лет является нынешний юбиляр И.О. Гавритухин. С началом гуннского нашествия в Восточную Европу готская держава Германариха приходит в упадок, население покидает свои поселки. Часть их, влившись в миграцию славян Днепровского Левобережья, переселяется в Подонье и образует этнокультурную основу нового типа донских древностей: круга Чертовецкого-Замятино (рис. 1). Пришельцы были сельскими общинниками, которые, очевидно, ассимилировали немногочисленное аборигенное население. Однако на рубеже IV-V вв. в регион с юга стали проникать выходцы из Нижнего Подонья. Возможно, тогда же образуется ставка на Острой Луке Дона.

В середине V в. этнополитическая ситуация на юге Европы вновь меняется. Поражения гуннов в Европе и распад державы Атиллы привели к тому, что их орды стали возвращаться в южнорусские степи и привели в движение ранее занявшие эти земли племена. Как раз в это время на Верхнем Дону и укрепляется дружинная группировка, следы пребывания которой были описаны выше. А возникшая угроза стала причиной обновления старых позднесарматских городищ и строительства новых. На Острой Луке

Дона устраиваются ставка «князя», усадьбы ремесленников и племенные кладбища. Судя по некоторым признакам, в регионе господствовала алано-германская дружина, связанная своим происхождением с городом Танаисом и его округой.

Появление самого феномена таких потестарных образований в эпоху Великого переселения в европейском Барбарикуме, который органично включал в себя и Восточную Европу, очевидно, требует и корректировки терминологии. В сложившейся ситуации термин «вождество» представляется слишком общим и охватывает очень широкий круг всевозможных предгосударственных объединений. Его нынешняя стратификация на «простые», «сложные» и «суперсложные»

учитывает лишь степень иерархизированности внутренней структуры, но никак не отражает ее социокультурной специфики. В частности, игнорируется разница между кочевыми и оседлыми народами. Структуры, подобные верхнедонской гуннского времени, уже принято именовать «малыми варварскими королевствами» (Ахмедов, Казанский, 2004, с. 170; Обломский, 2007, с. 92). Это понятие закреплено пока преимущественно за европейскими державами, возникшими на осколках Римской империи. «Малое варварское королевство» вполне уместно противопоставить любому термину, который бы обозначил соответствующий уровень развития племенного конгломерата номадов, например, «ханство».

### Литература

**Акимов Д.В. 2007.** Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. № 3. С. 41–51.

**Акимов Д.В. 2012.** Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 163–179.

**Акимов Д.В. 2013.** «Варварское королевство» гуннского времени на Верхнем Дону // *Stratum plus*. № 4. С. 147–158.

**Акимов Д.В., Бирюков И.Е., Земцов Г.Л., Яблоков А.Г. 2017.** Тюнинское селище под Задонском на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: ЛГПУ. С. 54–64.

**Акимов Д.В., Ененко Е.А. 2012.** Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *Stratum plus*. № 4. С. 127–138.

**Акимов Д.В., Мулкиджанян Я.П. 2015.** Производственный комплекс городища Крутогорье: варианты реконструкции и интерпретации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 132–141.

**Акимов Д.В., Разуваев Ю.Д., Сурков А.В. 2008.** Погребение эпохи Великого переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону // *Культуры*

степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тезисы докладов IV Международной археологической конференции / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 3–6.

**Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004.** После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб: «Петербургское востоковедение». С. 168–202.

**Земцов Г.Л. 2003.** Миграционные потоки III–V вв. н.э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Материалы археологической экспедиции СОИКМ им. П.В. Алабина и Международной конференции / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 108–116.

**Земцов Г.Л. 2012.** Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К. 200 с.

**Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009.** Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Т. 1. Археология / Ред. А.З. Винников, М.И. Лылова. Воронеж: Издательство Воронежского гос. университета. С. 225–251.

**Крадин Н.Н. 1995.** Вождество: Современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература. С. 11–61.

**Медведев А.П. 1990.** Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Издательство Воронежского университета. 220 с.

**Обломский А.М. 2001.** О памятниках лесостепного Подонья позднеимского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: ЛГПУ, Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области. С. 122–140.

**Обломский А.М. 2007.** Лесостепное Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 71–132.

**Острая Лука Дона в древности, 2004.** Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 330 с.

**Острая Лука Дона в древности, 2015.** Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) (Раннеславянский мир. Вып. 16) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 660 с.

**Рыбаков Б.А. 1994.** Язычество древних славян. М.: «Наука». 608 с.

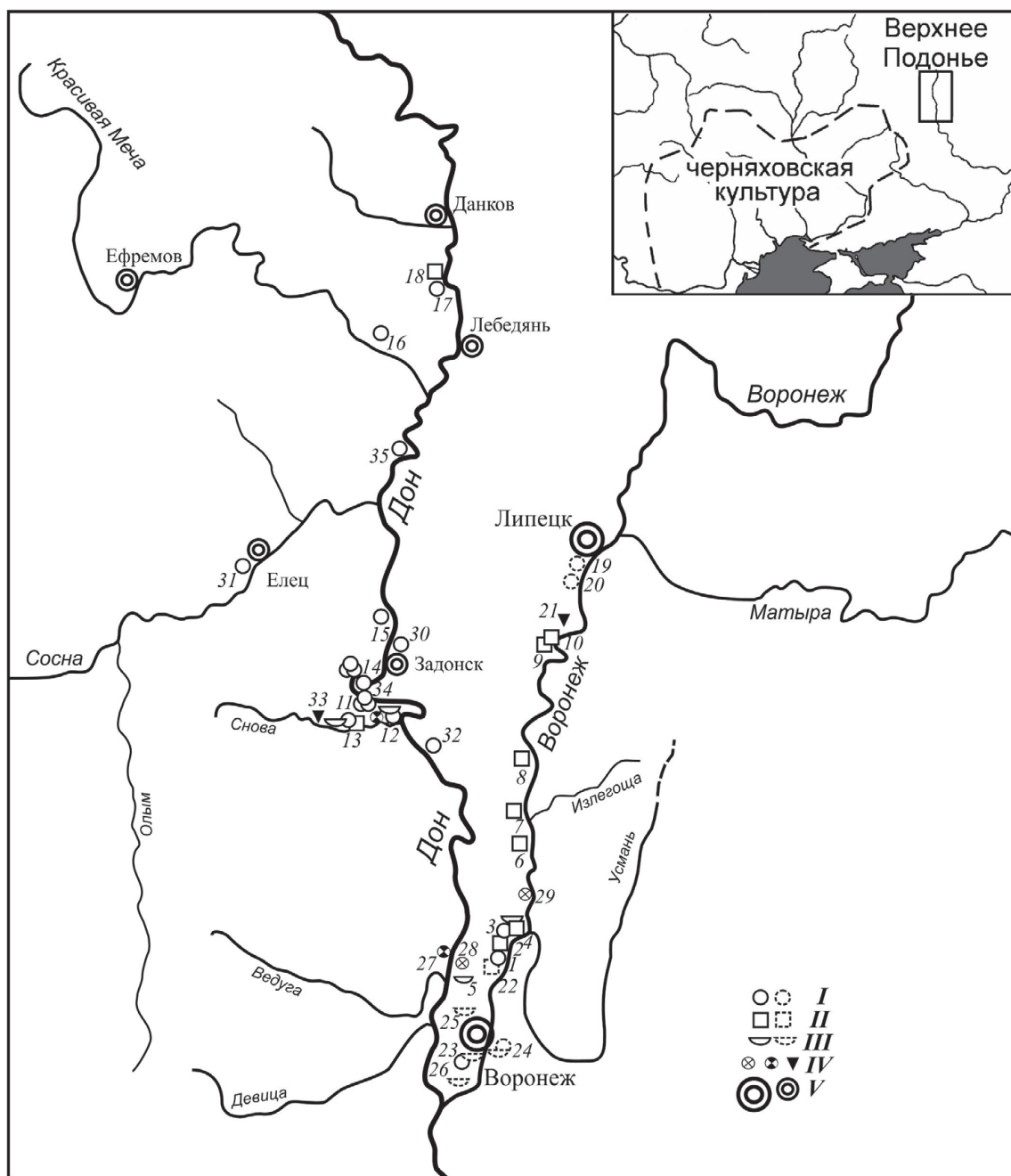
### Summary

#### To the issue of the Upper Don region population power-holding structures at the Huns time

D.V. Akimov

The article is devoted to the substantiation of the existence of a pre-state (potestar) formation – chiefdom – in the Upper Don region at the end of the IV – V centuries AD. To prove this, we use the signs of chiefdom pointed in the article by N.N. Kradin (Kradin, 1995). It shows the presence of five of the seven signs. The article presents archaeological data on the existence of control over a certain territory and its borders, the center of the leader's stay, stratum of the military elite separation, property differentiation, and common cults. For chiefdoms similar to the Upper Don of the Huns time, it is proposed to approve the existing term “small barbarian Kingdom”.

*Keywords:* the Hun period, the Upper Don region, chiefdom, “small barbaric Kingdom”, the Goths, the Alans, hillfort, settlement, burial.



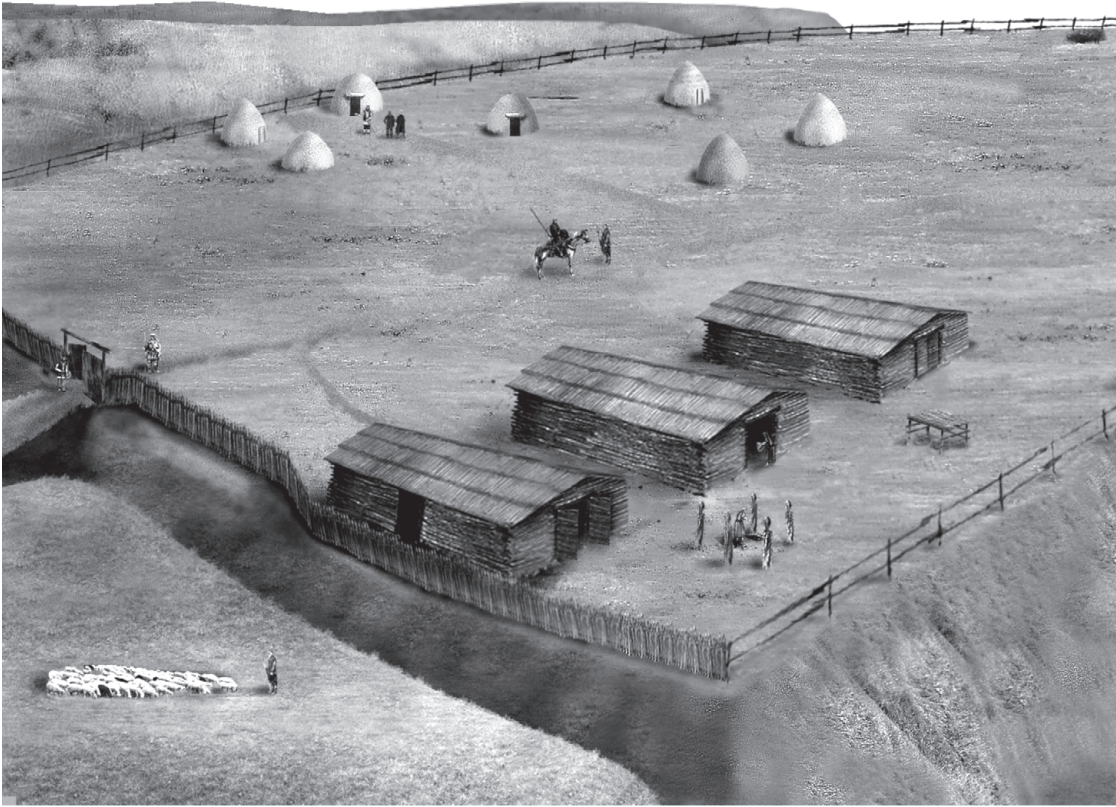
**Рис. 1.** Карта памятников гуннского времени Верхнего Подонья (по А.М. Обломскому и Д.В. Акимову).

I – поселения; II – городища; III – могильники; IV – находки монетных кладов (слева), отдельных монет (в центре), других вещей (справа); V – современные населенные пункты. Пунктиром даны памятники, предположительно относящиеся к эпохе.

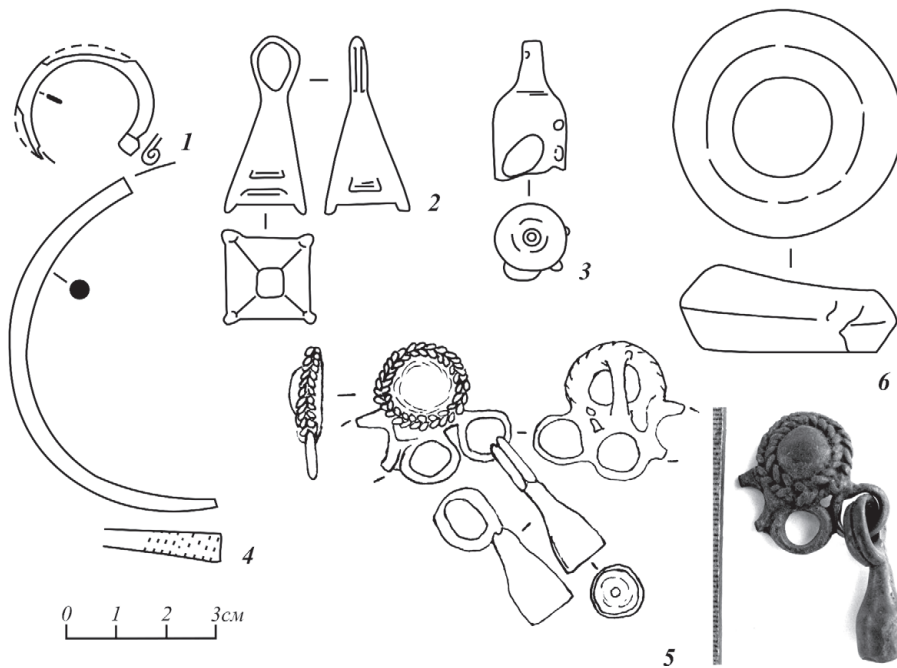
1 – Чертовицкое VI, п.; 2 – Чертовицкое III, г.; 3 – Староживотинное 3, п.; 4 – Животинное, г., м.; 5 – Ямное, м.; 6 – Пекшево, г.; 7 – Сенное, г.; 8 – Подгорное, г.; 9 – Крутогорье, г.; 10 – Малый Липяг, г.; 11 – Замятино 1, 2, 4, 5, 7–10, 12, 13, п.; 12 – Ксизово 5, 6, 8, 16–19, 19А, п., м., Ксизово южное, п., Острая Лука-4, п.; 13 – Мухино 2, 9, 10, п., м., Мухино, г.; 14 – Каменка 1, 4, 5, 8 п.; 15 – Нежежеколодезное, п.; 16 – Коллектив, п.; 17 – Лес Озерки, п; 18 – Перехваль I, г.; 19 – южная окраина г. Липецка, п.; 20 – Хрущевка, п.; 21 – Первое Мая, о.н.; 22 – Чертовицкое II, г.; 23 – Шилово, п., м.; 24 – Таврово, п., м.; 25 – Подгорное, м.; 26 – Стрельбище IV, м.; 27 – Хвощеватовка, о.н.; 28 – Медовка, о.н.; 29 – Карачун, о.н.; 30 – Тюнино, п.; 31 – Лавы, п.; 32 – Елец-Маланино 1, п.; 33 – Ольшанец, о.н.; 34 – Нижнее Казачье-10, п; 35 – Яблоново 4, п.

Примечание: м. – могильник, п. – поселение, г. – городище, о.н. – отдельная находка.





А



Б

**Рис. 2.** Надобщинные центры и свидетельства внешних связей населения Верхнего Дона гуннской эпохи.

А – городище Крутогорье. Вид с юго-востока. Реконструкция Я.П. Мулкиджаняна;

Б – предметы в традициях культур лесной зоны Восточной Европы в составе древностей типа Чертовицкого-Замятино (по Д.В. Акимову, И.Е. Бирюкову, А.М. Обломскому).

1, 3 – Крутогорье; 2 – Замятино 5; 4, 6 – Замятино 8; 5 – Первое Мая (случайная находка). 1–5 – бронза, 6 – глина.

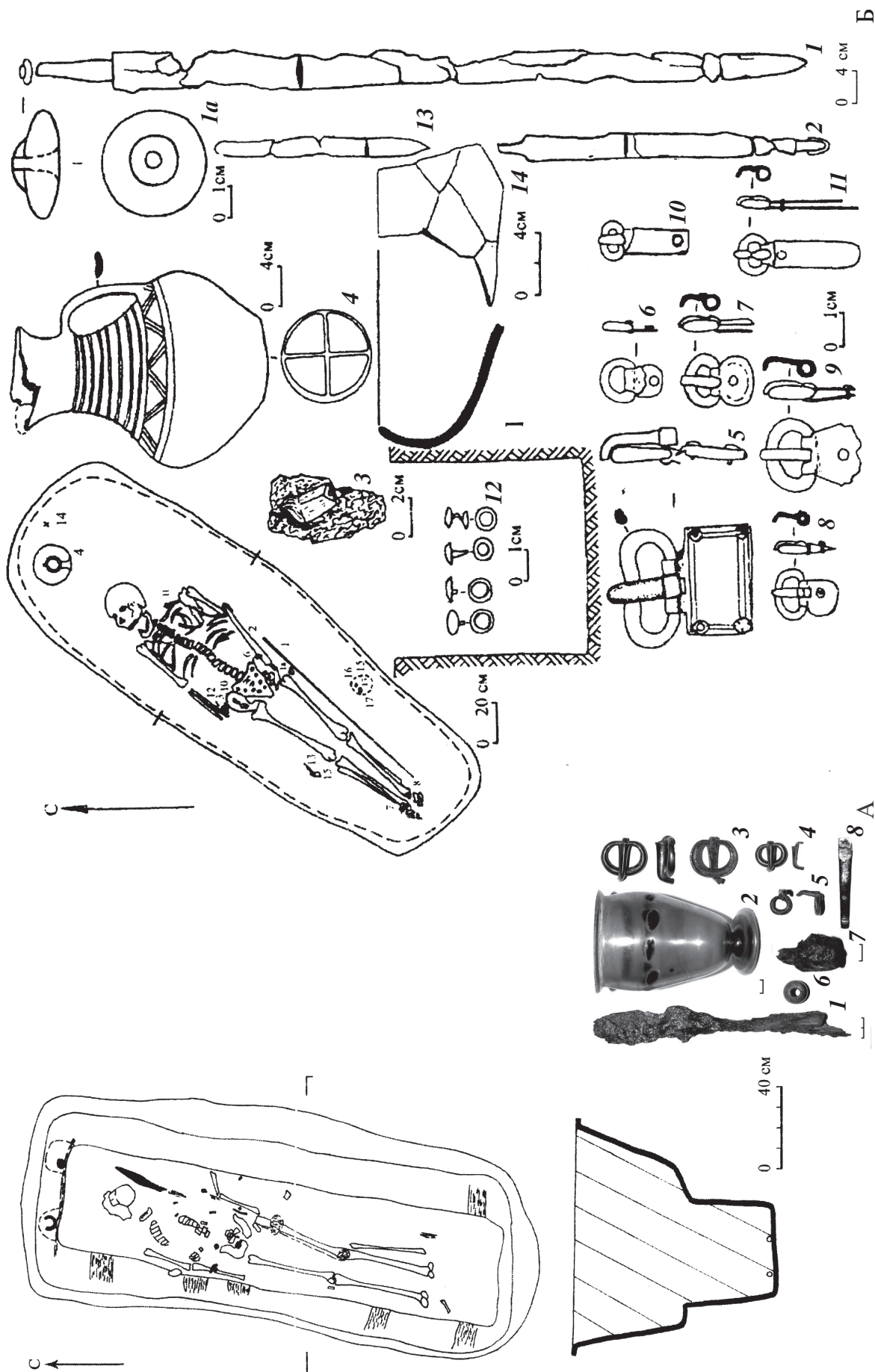
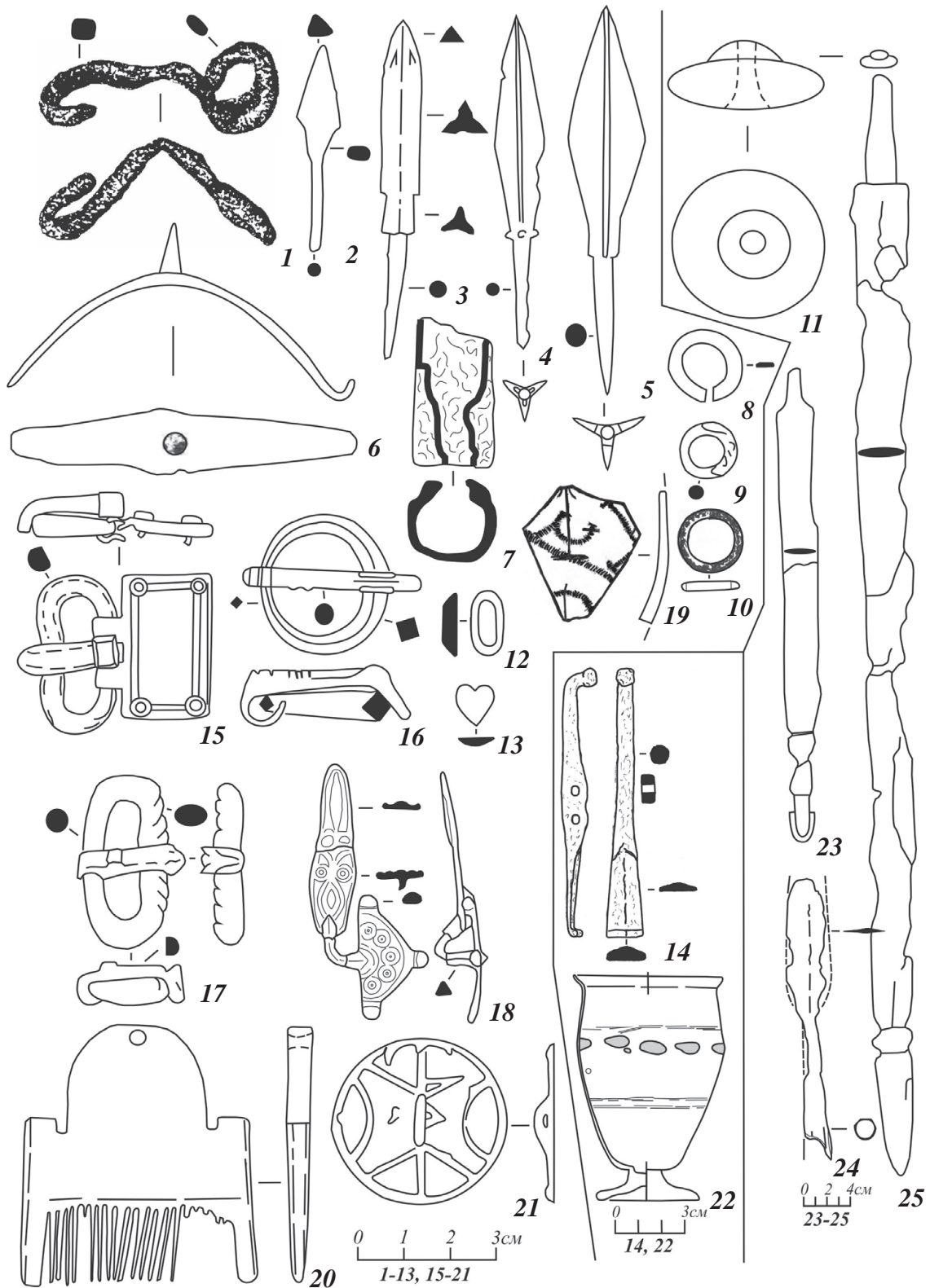


Рис. 3. Военские погребения гуннского времени на Верхнем Дону (по А.М. Обломскому, А.П. Медведеву).  
 А – погребение 19 могильника Ксизово-17А; Б – погребение 4 с Животинного городища.

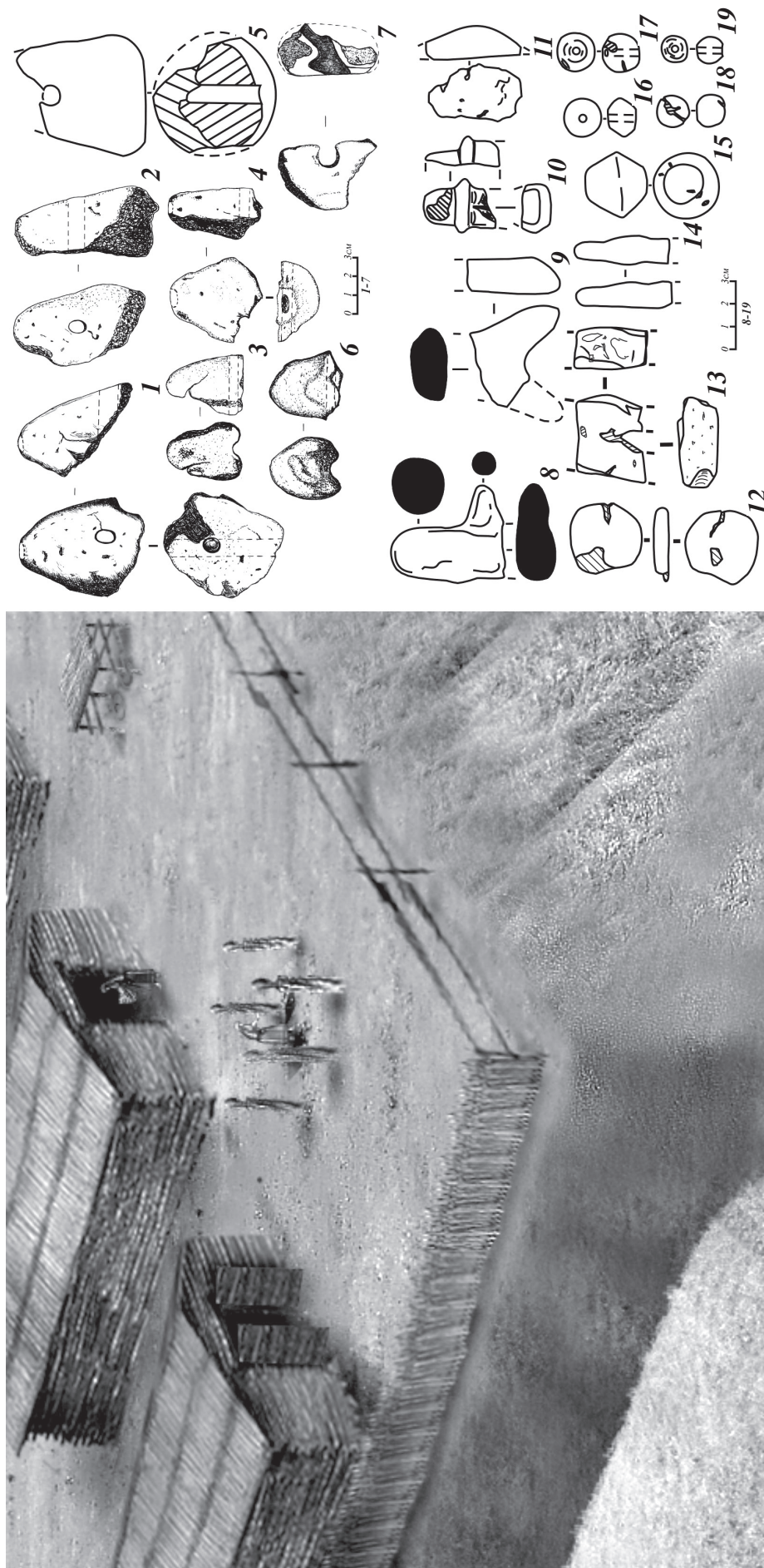


**Рис. 4.** Некоторые категории вещевых находок на памятниках гуннского времени Верхнего Подонья (по А.П. Медведеву, А.М. Обломскому, И.Е. Бирюкову, Д.В. Акимову).

1, 4, 7 – Староживотинное 3; 2, 12, 17 – Замятино 8; 3 – Замятино 7; 5, 13 – III Чертовицкое; 6 – Шилово; 8–10, 14, 19 – Крутогорье; 11, 15, 23, 25 – Животинный могильник; 16, 20, 21 – Ксизово 17Б; 18 – Замятино 5; 22, 24 – Ксизово 17А. 1–10, 14, 16, 17, 24, 25 – железо; 11 – янтарь, бронза; 12 – алмадин; 13, 19, 22 – стекло; 15 – серебро; 18, 21 – бронза; 20 – рог; 23 – железо, бронза.

Рисунки А.М. Обломского, И.О. Гавритухина, А.П. Медведева, Л.Ю. Гончаровой, Д.В. Акимова.





**Рис. 5.** Свидетельства ритуальной деятельности на городище Крутогорье.

А – реконструкция места святилища (автор – Я.П. Мулкиджанян);

Б – обломки глиняных грузил для ткацкого станка, найденные вблизи предполагаемого места святилища;

В – находки глиняных votивных предметов с территории городища.



## Матэрыялы жалезнага веку з селішча Петрыкаў-2

В.Г. Белявец, В.С. Вяргей (Мінск, Беларусь)

В статье рассматриваются материалы железного века, полученные в ходе раскопок 1999–2004 гг. на селище Петриков-2, расположенном в центре Припятского Полесья (карта 1: 1). Памятник относится к числу наиболее ранних селищ пражской культуры, нижняя хронологическая граница которых устанавливается около середины IV в. В его материалах присутствуют фрагменты посуды раннего железного века милоградской и зарубинецкой культур (рис. 2, 3), а также постзарубинецкого горизонта и круга киевской культуры (рис. 4–6). Выделение на селище Петриков-2 горизонта римского времени является аргументом в пользу теории о формировании пражской культуры на местной основе.

*Ключевые слова:* железный век, римский период, Беларусь, Полесье, проблема формирования пражской культуры.

Паселішчы, якія вывучаліся ў розны час каля г. Петрыкаў (Петрыкаўскі р-н Гомельскай вобл.) у цэнтры Прыпяцкага Палесся (карта 1: 1), адыгралі важную ролю ў фарміраванні сучасных уяўленняў аб генезісе пражскай культуры, якая атаясамліваецца з раннегістарычным народам *славян* V–VII стст. Вядучую ролю ў распрацоўцы тыпалогіі і храналогіі пражскага керамічнага комплексу адыгралі працы шаноўнага Юбіляра.

Упершыню раннеславянскія селішчы каля г. Петрыкаў сталі аб'ектам вывучэння ў 1932 г., калі экспедыцыяй ІГ АН Беларусі пад кіраўніцтвам А.Д. Кавалені і А.М. Ляўданскага тут было адкрыта і даследавалася селішча Петрыкаў-1 (Ляўданскі, 1932, с. 81–88; 1933, с. 24). Кіраўнікі раскопак загінулі ў 1937 г. падчас масавых палітычных рэпрэсій. Палявая дакументацыя не захавалася, а сам помнік быў практычна цалкам знішчаны да пачатку 1950-х гг. (Кухаренка, 1961, с. 29). Аднак яго матэрыялы былі выкарыстаны Ю.У. Кухарэнкам і І.П. Ру-

санавай для вылучэння, а пазней і параўнаўчага аналізу помнікаў тыпу Прага-Карчак ва Усходняй Еўропе (Кухаренка, 1961; Русанова, 1973; 1976). Напачатку 1990-х гг. І.А. Гаўрытухін прааналізаваў і апублікаваў калекцыю ляпной керамікі селішча Петрыкаў-1 са збораў ІГ НАН Беларусі (Gavrituchin, 1991, s. 95–103). Матэрыялы гэтага помніка, разам з вынікамі раскопак А.А. Егарэйчанкі ў Востраве (Егорейченко, 1991), леглі ў аснову вылучэння ў Цэнтральным Палессі гарызонту найбольш ранняй, фазы “0”, пражскай культуры, якая адлічвае пачатак фарміравання гэтай гісторыка-культурнай супольнасці са схілу познерымскага часу (Гавритухін, 1997, с. 42; 2000; 2003, с. 134–136; 2005, с. 439, 443).

Палявыя даследаванні ў Петрыкаве былі ўзноўленыя на рубяжы XX і XXI стст. экспедыцыяй Інстытута гісторыі НАН Беларусі пад кіраўніцтвам В.С. Вяргей. Аналіз матэрыялаў, атрыманых на селішчы Петрыкаў-2, дазволіў вы-

разна апісаць керамічны комплекс ініцыяцыйнай фазы пражскай культуры ў Цэнтральным Палессі (Вяргей, Трымер, 2003; Гавритухін, 2003). Новыя дадзеныя па храналогіі раннеславянскіх помнікаў дазваляюць выказаць меркаванне, што Беларускае Палессе ўваходзіла ў арэал фарміравання пражскай гісторыка-культурнай агульнасці, якое адбывалася ў познерымскі перыяд на аснове мясцовых старажытнасцяў, блізкіх па абліччу да помнікаў кіеўскага культурнага кола (гл.: Гавритухін, 1997, с. 42, 49–50; Вяргей, Трымер, 2003, с. 158; Гавритухін, 2003, с. 135–136; 2005, с. 499; 2009, с. 20–21; Гавритухін, Лопатін, Обломскі, 2004, с. 44–45; Терпиловскі, 2004а, с. 175; Терпиловскі, 2004б, с. 67–69; Вергей, 2005, с. 53–55; Обломскі, 2005, с. 151; Бяліцкая, 2011, с. 54–55; 2016, с. 498; 2019, с. 572; Вяргей, 2011, с. 42; 2016, с. 52–55; Белявец, 2019). На пачатку 2000-х гг. адным са штуршкоў да фармуліроўкі гэтай тэорыі сталі выяўленыя на селішчы Петрыкаў-2 керамічныя матэрыялы, блізкія да посуду кіеўскай культурнай традыцыі (Гавритухін, 2003, с. 134–135; Вяргей, Трымер, 2003, с. 151; Гавритухін, Лопатін, Обломскі, 2004, с. 44–45). Часткова яны былі прыведзеныя В.С. Вяргей і В. Трымерам у публікацыі, прысвечанай жытлам пражскай культуры з Петрыкава-2 (Вяргей, Трымер, 2003). Аднак посуд жалезнага веку з культурнага пласта і іншых аб’ектаў гэтага помніка не публікаваўся. Ён і стаў прадметам нашага разгляду.

Паселішча Петрыкаў-2 было адкрытае ў 1999 г. падчас разведак у басейне Прыпяці, якія праводзіліся Цэнтральнапалескім атрадам ІІ НАН Беларусі пад кіраўніцтвам В.С. Вяргей. Яно знаходзіцца на левым беразе Прыпяці, над яе старычнай затокай, на паўднёва-заходнім ускрайку г. Петрыкава паміж цагельным і малочным заводамі (мал. 1: А). Месціцца на краі высокай, 12–13 м над узроўнем вады, тэрасы і займае плошчу прыкладна 0,5 гектара. З поўначы тэрыторыя селішча абмежавана ровам, па якім сплывае да Прыпяці безназоўны ручай, паўднёвая частка знішчана кар’ерам, а з паўночна-заходняга боку пралягае шаша Петрыкаў – Жыткавічы. Пляцоўка, якую займае помнік, плаўна паніжаецца да ракі: перапад вышынь з поўначы да поўдня і ўсходу складае 0,2–0,9 м. Даследавалася паўднёва-ўсходняя, прыбярэжная частка селішча. Цягам пяці сезонаў (1999–2004 гг.) тут вывучана плошча звыш 750 м<sup>2</sup>, на якой даследавана 5 жытлаў пражскай культуры (мал. 1/Б: Ж1–5), і звыш 120 іншых аб’ектаў:

звязаных з жытламі і больш ранніх, а таксама шматлікіх аб’ектаў часоў ІІ Сусветнай вайны і пасляваеннага перыяду. На непарушаных участках стратыграфія культурнага пласта аднастайная: зверху на 0,20–0,25 м залягае ворны слой, утвораны шэра-карычняватым супескам; ніжэй да 0,50–0,60 м цягнецца не парушаны воркай культуры пласт – карычняваты супесак, які падцілаецца шэра-жоўтым перадмацерыковым пяском. Мацярык складаецца з пяску жаўтаватага колеру з артзандамі і выхадамі гліны, залягае на глыбіні 0,50–0,80 м ад дзённай паверхні. Культурны пласт нестратыфікаваны, і культурна-храналагічныя гарызонты стратыграфічна ў ім не прасочваюцца. Рэчавы матэрыял складаецца з фрагментаў ляпной, раннеганчарнай і познеганчарнай керамікі, жалезных шлакаў, невялікай колькасці апрацаванага крэменю, костак жывёл, асобных металічных, шклянных і каменных вырабаў.

Усяго на вывучанай плошчы знойдзена каля 11 000 фрагментаў ляпнога, звыш 100 раннеганчарнага і 400 – познеганчарнага посуду. Ляпны посуд канцэнтраваны пераважна ў жытлах пражскай культуры, дзе адкрыта звыш 1800 яго абломкаў. Каля 350 знойдзена ў іншых аб’ектах – як старажытных, так і Найноўшага часу. З культурнага пласта паходзіць каля 8850 фрагментаў ляпнога посуду. Гэтыя знаходкі падзяляюцца на некалькі храналагічных гарызонтаў. Сярод іх выразна вылучаюцца фрагменты пасудзін эпох неаліту і бронзы – каля 50 абломкаў характэрнай прафіліроўкі і арнаментальнай. Гледзячы па дыягнастычных частках і характэрным складзе фармовачнай масы, у керамічным матэрыяле пераважаюць фрагменты посуду пражскай культуры. Яны прадстаўлены абломкамі гаршкоў, а таксама асобнымі фрагментамі місак ды патэльняў з нізкімі борцікамі. Гэты посуд аналагічны па характарыстыках да знойдзенага ў жытлах (гл.: Вяргей, Трымер, 2003).

Пасля “адсячэння” матэрыялаў неаліту-бронзы і пражскай культуры застаецца каля 2000–2500 фрагментаў ляпнога посуду, які сумарна можа быць аднесены да жалезнага веку. Сярод іх абсалютна пераважаюць абломкі гладкасценных пасудзін. Другое месца па распаўсюджанасці займаюць фрагменты глянцаванага (199 адз.) і падглянцаванага (161 адз.) посуду. Адзінкавымі фрагментамі прадстаўлены посуд з храпаватай паверхняй (11), а таксама фрагменты грубаляпных пасудзін, апрацаваных па вонкавым баку штрыхоўкай (9) і расчэсамі (6). Пры далейшым

аналізе гэты посуд павінен быць аднесены да некалькіх культурных гарызонтаў.

Асобнымі фрагментамі ў калекцыі прадстаўлены посуд мілаградскай культуры ранняга жалезнага веку (VIII–III стст. да н.э.). Гэта абломкі прамых і слаба нахіленых вонкі шыек вялікіх гаршкоў, пераважна пясочна-жоўтага колеру, падглянцаваных, з перлінкавым арнамантам пад зрэзам венца (мал. 2: 1,2), ці, радзей, гладкасценныя, з характэрным выгінам раструбападобных шыек (мал. 2: 3). Фармовачная маса добра адмучаная, акрамя дробнай жарствы (і пяску?) утрымлівае дамешкі шамоту. У цэлым, гэта посуд, характэрны для палескіх селішчаў мілаградскай культуры (гл.: Лашанкоў, 1999, с. 46–48, мал. 21, 22).

Нешматлікай, але выразнай па кантрасту з асноўнай масай посуду жалезнага веку групай, прадстаўленыя фрагменты, суадносныя з традыцыямі паморска-падклёшавай культуры VI–III стст да н.э. Іх могуць ілюстраваць: шыйка гаршка з шахматнымі пальцавымі ямкамі па зрэзу венца і праціркай, выкананай вехцем з раслінных валокнаў па плечуку (мал. 2: 4); абломак верхняй часткі вялікага гаршка з прамоў, высокай, нахіленай унутр шыйкай (мал. 2: 8); сценка храпаватага гаршка з высокім наляпным, аздобленым пальцавымі ямкамі, валікам, а таксама абломак гладкасценнага гаршка, арнамантаванага глыбокімі гарызантальнымі баразёнкамі ў максімальным пашырэнні (мал. 2: 7, 10); характэрныя абломкі місак – глянцаванай, з уступам у асаванні шыйкі, і гладкасценнай, упрыгожанай вышэй донца глыбокімі вертыкальнымі баразёнкамі (мал. 2: 6, 12). Форма і арнамантацыя знаходзіць адпаведнікі ў посудзе помнікаў паморска-падклёшавай культуры Заходняга Палесся (Вяргей, 1999, с. 80–81, мал. 34, 35). У Беларусі гэта найбольш аддаленае на ўсход з вядомых на сёння месцазнаходжанняў паморска-падклёшавых матэрыялаў: найбліжэйшы помнік гэтай культуры – пашкоджаны могільнік Аздамічы (Столінскі р-н) – вядомы на правабярэжжы Прыпяці прыкладна ў 60 км на захад (Вяргей, 1999, мал. 36: 8). Таму падаецца верагодным, што апісаныя фрагменты посуду з селішча Петрыкаў-2 належаць не да ўласна паморскай культуры, а да гарызонту зарубінецкіх помнікаў, матэрыялы якога таксама прадстаўлены на селішчы. Найбольш ранні яе гарызонт ілюструюць знаходкі 6–7-мі фрагментаў чорнаглянцаваных пасудзін з акруглым рабром і характэрнымі грабёнкавымі разводамі (мал. 2: 13). Посуд з гэтай арнамен-

тацыяй выступае ў раннім гарызонце палескіх могільнікаў зарубінецкай культуры (Каспарова, 1992, рис. 1: 13). У цэлым жа асноўная маса прафіляваных абломкаў глянцаванага посуду з культурнага пласту селішча Петрыкаў-2 больш альбо менш упэўнена можа быць аднесена да зарубінецкай культуры. Гэта перадусім фрагменты чорнаглянцаваных, часам плямістых місак – з часткамі чорнага, карычняватага і пясочнага колераў, рабрыстай формы (мал. 2: 14–20), тыпаў 1Б, 2А, 2Б па Ю.У. Кухарэнка<sup>1</sup>. Асобныя абломкі зарубінецкага посуду адзначаны таксама ў жытлах пражскай культуры (Вяргей, Трымер, 2003, с. 153, мал. 19: 7). З гэтым гарызонтам могуць звязвацца таксама іншыя фрагменты чорнаглянцаваных пасудзін, адкрытых у культурным плаце: гаршка з грушкавата патоўшчаным венцам (мал. 2: 5), акруглабокага гаршка (Мал. 2: 21), магчыма таксама – місачкі на паддоне (мал. 2: 23). У рэгіёне, які разглядаецца намі, тэрытарыяльна найбольш блізкія пахаванні зарубінецкай культуры адкрытыя ў Снядзіне-3 (Петрыкаўскі р-н) – на супрацьлеглым беразе Прыпяці (карта 1: 2) (Вяргей, 2011, с. 35–36, мал. 3).

Да гарызонту апошніх стагоддзяў да н.э. – пачатку I ст. н.э. у Петрыкаве-2 можа быць аднесены аб’ект № 32, адкрыты ў паўднёва-ўсходняй частцы раскопа (гл. мал. 1/Б: 32).

**Аб’ект 32.** Верагодна, зрубная пабудова гаспадарчага прызначэння. Даследавана ў раскопах 2000 і 2004 гг. (мал. 3/32). Мае падпрамавугольную форму з закругленымі кутамі, выцягнуты па лініі паўднёвы захад – паўночны ўсход. Памеры складалі прыкладна 3,6 × 2 м, глыбіня да 1 м ад дзённай паверхні. Сценкі няроўныя, катлаван звужаецца да долу. Дно таксама няроўнае, у ім бліжэй да ўсходняй сценкі выяўлена 5 акруглых слупавых ям розных памераў і глыбіні. Катлаван запоўнены карычнева-шэрым супескам з рэдкімі ўключэннямі вугольчыкаў, а ямачкі на дне – чорнай зямлёю з попелам і вугаллем. Сляды ацяпляльнага прыстасавання адсутнічалі.

У запаўненні знойдзена 22 фрагменты гладкасценнай і 4 – глянцаванай керамікі. 6–7 абломкаў гладкасценнага посуду паходзіць ад буйнога гаршка з нахіленай вонкі, выгнутаў шыйкай, венца якога ўпрыгожана шахматнымі ўцісканнямі (мал. 3/32: 1). Сярод фрагментаў глянцаванага посуду вылучаецца вялікі абломак

<sup>1</sup> Тут і ніжэй тыпы посуду зарубінецкай культуры дадзеныя паводле: Кухаренка, 1964, с. 27–28, таб. VII; гл. таксама: Пилипцевич, 2002, с. 115–116, рис. 3.

доннай часткі прыземістай шырокай міскі альбо вазы, чорнага колеру з унутранага боку, жоўтай звонку, знешняя паверхня якой упрыгожаная вертыкальнымі ланцужкамі пазногцевых ямак (мал. 3/32: 2). Характарыстыкі керамічнай масы і спосаб іх аздаблення аналагічныя апісаным вышэй абломкам “паморскага” посуду (пар. мал. 2: 4). З шырока зразумелай зарубінецкай традыцыяй можа быць суаднесены фрагмент шыйкі масіўнага другасна абпаленага гаршка з плаўна нахіленай вонкі шыйкай, знешняя паверхня якога выраўненая вертыкальным загладжваннем пальцамі (мал. 3/32: 3), і невялікія фрагменты шыек яшчэ двух пасудзін (мал. 3/32: 5,6). Тры абломкі грубаляпных пасудзін, верагодна, звязаныя з іншай культурнай традыцыяй. Гэта фрагмент тонкасценнага рабрыстага гаршка значнага дыяметру (мал. 3/32: 7) і 2 фрагменты сценак таксама рабрыстых пасудзін, вонкавая паверхня якіх пакрытая рознакіраванай косай (Мал. 3/32: 8) і гарызантальнай штрыхоўкай ніжэй рабра (мал. 3/32: 9). Фармовачная маса шорсткая, з вялікай доляй дамешкі дробнай жарствы (і пяску?). Гэтыя абломкі рабрыстых пасудзін знаходзяць аналогіі ў керамічным комплексе культуры позняй штрыхаванай керамікі (Егорейченко, 2006, с. 73–79, рис. 20: 2а, 2б, таб. 42–44), паўднёвая мяжа арэалу якой з III/II стст. да н.э. праходзіла прыкладна ў 60–80 км на поўнач ад Прыпяці (карта 1: Ж). Асобныя абломкі посуду, якія суадносяцца з гэтай культурай, выступаюць таксама ў культурным пласце селішча (мал. 4: 15). Нельга выключыць, што керамічны матэрыял з аб’екта 32 належыць да розных адрэзкаў функцыянавання селішча. Калі ж мы паспрабуем успрымаць яго як комплекс адносна кароткага перыяду накаплення, ён можа адлюстроўваць рэаліі апошніх стагоддзяў да н.э., калі ў парэччы сярэдняй Прыпяці групы насельніцтва зарубінецкай культуры ўваходзілі ў кантакт са сваімі паўночнымі суседзямі – насельніцтвам паўднёвай перыферыі і ўласна культуры позняй штрыхаванай керамікі.

Не паддаецца дакладнаму вызначэнню храналагічная пазіцыя размешчанага побач **аб’екта 104** (мал. 1/Б: 104; 3/104). Магчыма, гэта малое жытла альбо гаспадарчая пабудова са зрубнай канструкцыяй сценаў і ацяпляльным прыстасаваннем ці вогнішчам, якое забяспечвала вытворча-тэхнічныя патрэбы. Катлаван прасочаны ў перадмацерыковым пласце. Меў форму, набліжаную да трапецыі, памерамі 2,2 × 2,1–2,8 м, быў арыентаваны сценамкамі па баках све-

ту з адхіленнем каля 10° да паўночнага ўсходу. Дно няроўнае, глыбіня каля сценак 0,35 м, у цэнтры 0,20 м У паўднёва-заходнім кутку прасочаны сляды слупавай ямы дыяметрам 0,35 м і глыбінёй ад мацерыка да 0,48 м. Каля паўднёвай сценак, прыкладна ў метры ад яе – яшчэ тры выцягнутыя ў лінію слупавыя ямы меншага дыяметру (0,2–0,25 м) і глыбінёй да 0,5 м. У паўночна-ўсходнім куце размешчана амаль круглая ў плане яма дыяметрам каля 1,2 м, глыбінёй да 0,45 м ад узроўню мацерыка. Каля яе заходняй сценак на дне назіралася невялікае скапленне камянёў 2–8 см у папярочніку. Запаўненне ўтворанае шэрым супескам з уключэннем попелу і дробных вугольчыкаў і адрознівалася ад запаўнення катлавана пабудовы. Асноўны аб’ём ямы 104 запоўнены слаістым шэра-карычневым супескам і шэра-жоўтым супескам. У аб’екце знойдзена 22 фрагменты ляпной гладкасценнай керамікі, 2 глянцаванай, 1 храпаватай, 1 крамянёвы адшчэп і 6 кавалкаў пячыны. Сярод наяўных абломкаў посуду адсутнічаюць яркія дыягнастычныя фрагменты. Па асаблівасцях керамічнай масы гэты посуд можа быць толькі ў агульным аднесены да жалезнага веку.

Наступны храналагічны гарызонт, які можа быць звязаны з эпохай крызісу і распаду зарубінецкай культуры (прыблізна каля рубяжу эр), а таксама больш позняга, рымскага, часу вылучаецца ў керамічным матэрыяле селішча Петрыкаў-2 на падставе абломкаў з характэрнай прафіліроўкай і арнаментацыяй.

Стылістычна найбольш раннімі сярод іх трэба лічыць фрагменты танкасценных гаршкоў з S-падобна выгнутымі, нахіленымі вонкі шыйкамі, краі венцаў якіх упрыгожаны палецавымі ямкамі і, радзей, насечкамі (мал. 4: 1–4). Абломкі такіх гаршкоў знойдзены таксама ў запаўненні катлаванаў пражскіх жытлаў, вывучаных у Петрыкаве-2 (Вяргей, Трымер, 2003, мал. 6: 6, 19; 21: 1; 23: 13). Гэты посуд вядомы на поўначы Цэнтральнага Палесся, дзе найбольш поўна прадстаўлены матэрыяламі з селішчаў Любань і Старыя Юрковічы (карта 1: 3, 4) (Бяліцкая, 2011, с. 127–128; Белевец, 2012, с. 290–291; Белявец, 2016а, с. 364–370). Дадзеныя аб помніках гэтага кола пакуль вельмі абмежаваныя. Іх керамічны комплекс характарызуюць перадусім гаршкі з максімальным пашырэннем у верхняй трэці альбо чвэрці, часта з рабрыстым плечуком, і пакрытыя штрыхоўкай (гл.: мал. 4: 16, 19, 20, 22, 23, 24), а таксама рэдкія грубаляпныя міскі, якія імітуюць зарубінецкія формы, і глян-



цаваныя міскі, якія верагодна імпартаваліся з гэтай культуры. Выразныя датуючыя матэрыялы адсутнічаюць. Папярэднія дадзеныя аб храналагіі дае параўнаўчы аналіз керамічных форм. Адзіны на сёння комплекс з такімі матэрыяламі – агмень, адкрыты на селішчы Ст. Юрковічы, у якім штрыхаваны гаршчок спалучаецца з глянцаванай зарубінецкай міскай, – дазваляе меркаваць, што такія помнікі ў той ці іншай ступені сінхронныя помнікам палескага варыянту зарубінецкай культуры. Такім чынам, помнікі тыпу Ст. Юрковічы з поўначы Цэнтральнага Палесся могуць мець прыблізна тую ж храналагію і падобны, “пераходны”, характар паміж зарубінецкай культурай і колам культур усходнеўрапейскай лясной зоны, што і старажытнасці тыпу Кісцяні-Чачэрска ды рагачоўскай групы ў Верхнім Падняпроўі (гл.: Дробушевский, 2012; 2016).

На прыкладзе матэрыялаў селішча Петрыкаў-2, папярэднія высновы аб храналагічнай пазіцыі такіх старажытнасцяў дазваляе падмацаваць аб’ект, адкрыты ў паўднёвай частцы раскопа (мал. 1/Б: А). На глыбіні ад 0,25 да 0,43 м у культурным пласце тут было выяўленае згрувашчанне камянёў ад 22 да 7 см у папярочніку, сярод якіх шчыльна ляжалі фрагменты посуду. Попел, вугольчыкі і косткі адсутнічалі. Абломкі керамікі даволі буйныя, што дало магчымасць рэканструяваць высокую міску (мал. 5/А: 1), блізкую тыпу ІГ паводле Ю.У. Кухарэнкі. Паверхня добра загладжана, верхняя частка мае амаль чорны колер, прыдонная – жоўтакарычневы. З фрагментаў грубаляпнага посуду часткова рэканструяваны гаршчэчак адкрытай формы з выгнутай, нахіленай вонкі шыйкай, які можа суадносіцца з традыцыямі помнікаў тыпу Ст. Юрковічаў (мал. 5/А: 2).

У паўночнай частцы раскопу былі адкрытыя яшчэ 4 падобныя, нерэгулярнай формы выбрукоўкі з палявых камянёў, якія месціліся на гліняных лінзах у мацерыку. Як правіла, знаходкі ў іх адсутнічалі. Выключэннем стаў брук, расчышчаны ў паўночна-заходнім куце раскопа, на поўнач ад жытла 5 (мал. 1/Б: Б). Камяні тут былі пакладзеныя на лінзу шчыльнай шэрай гліны (мал. 5/Б). Брук арыентаваны з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад. Два камяні на паўднёва-заходнім краі мелі ад 15 да 19 см у папярочніку, астатнія больш дробныя. Сярод іх знойдзена некалькі фрагментаў сасудаў чорнага і чорна-бежаватага колеру з адагнутымі вонкі шыйкамі (мал. 5/Б: 1). Адзін фрагмент верхняй часткі гладкасценнага гаршка, упрыгожанага

па венцу пальцавымі ўцісканнямі (мал. 5/Б: 2). Верагодна, аб’ект трэба звязваць з наступным храналагічным гарызонтам гэтага селішча.

Вопыт вывучэння палескіх помнікаў постзарубінецкага гарызонту і кола кіеўскай культуры (сяр. I – сяр. IV стст.), назапашаны з пачатку 2000-х гг.<sup>2</sup>, дазваляе вылучыць у матэрыялах з культурнага пласта селішча Петрыкаў-2 посуд рымскага часу – постзарубінецкага гарызонту і кола кіеўскай культуры.

Перадусім з ім павінны звязвацца фрагменты больш таўстасценных, масіўных гаршкоў, упрыгожаных насечкамі па рабры і вонкавым краі венцаў (мал. 4: 9, 12, 13), а таксама абломкі сценка грубаляпных гаршкоў ды дыскаў з расчэсамі і штрыхоўкай (мал. 4: 23, 24, 26, 29–31, 33). Азначаюцца адзінкавыя выпадкі арнаментавання тулава – парнымі зашчыпамі па рабры, якія спалучаюцца са штрыхоўкай (мал. 4: 16). Вонкавая паверхня часам выроўнівалася пацягненнямі пальцаў (мал. 4: 25, 32), з дапамогай нейкіх прылад з няроўным працоўным краем (трэсак?) (мал. 4: 7, 11, 27, 35), прычым абодва гэтыя спосабы мадэлявання паверхні часам спалучаюцца з расчэсамі (мал. 4: 27, 28). З гэтай традыцыяй таксама суадносіцца асобныя фрагменты посуду з характэрным спосабам нанясення храпаватасці: дробная жарства і пясок уціраліся ў вільготную знешнюю паверхню пасудзіны (мал. 4: 14). Ён вылеплены са шчыльнай, жарсткаватай фармовачнай масы, з большым, чым у апісанага вышэй зарубінецкага, удзелам мінеральных дамешак, перадусім – жарствы ад 2 да 4–5 мм у папярочніку. У керамічным комплексе дадзенага гарызонту адзінкава прадстаўлены фрагменты мініяцюрных пасудзін (мал. 4: 34). Абсалютная большасць абломкаў паходзіць ад гаршкоў з адносна кароткімі, выгнутымі, плаўна прафіляванымі (мал. 4: 6–8), радзей – прамымі, пахіленымі вонкі шыйкамі (мал. 4: 5, 10). Пераважаюць акруглабокія формы (гл. мал. 4: 18).

Цяжэй храналагічна і культурна ўпарадкаваць фрагменты неарнаментаванага гладкасценнага посуду (мал. 6).

На падставе асаблівасцяў фармовачнай масы можна меркаваць, што ў культурным пласце селішча прысутнічаюць абломкі грубаляпных гаршкоў зарубінецкай культуры, у глінянай масе якіх, у тэндэнцыі, шырэй выкарыстоўваўся шамат. Больш ці менш упэўнена да іх могуць

<sup>2</sup> гл.: Белявец, 2016а; 2019; Бяліцкая, 2016; 2019; там больш ранняя літаратура.

залічацца пераважна фрагменты гаршкоў з плаўна выгнутымі шыйкамі, якія часам маюць грушкавата патоўшчаныя венцы (мал. 6: 1–7). На падставе характарыстыкі фармовачнай масы, да зарубінецкай культуры можа быць аднесены часткова рэканструяваны гаршчок з высокай, выгнутай, плаўна акрэсленай шыйкай і максімальным пашырэннем тулава каля паловы вышыні, альбо ніжэй, блізкі да варыянту 4В па Ю.У. Кухарэнка (мал. 6: 9).

Як адзначалася вышэй на прыкладзе арнаментаванага посуду, кераміка наступнага, постзарубінецка-кіеўскага культурна-храналагічнага гарызонту, характарызуецца больш шорсткай паверхняй з-за павялічанага ўтрымання ў цесце мінеральных дамешак. У большасці абломкаў гладкасценнага посуду без арнаментаванай вонкавай паверхня адносна роўная, а ўнутраны бок апрацоўваўся менш якасна: часта бугрысты, шурпаты з-за выступаючых зярнят жарсты. Найбольш поўна тут рэканструюецца верхняя частка гаршка з выразна абзначаным рабром, размешчаным каля  $\frac{3}{4}$  альбо вышэй яго агульнай вышыні (мал. 6: 14). Адзінкавымі фрагментамі прадстаўленыя слоікападобныя гаршкі без вылучанай шыйкі (мал. 6: 11). Рэдкія таксама абломкі гаршкоў раскрытых (мал. 6: 12, 13?) і закрытых, без вылучанай шыйкі, форм (мал. 6: 15, 16). Шырэй сустракаюцца фрагменты гаршкоў з кароткімі, нахіленымі вонкі ці вертыкальнымі шыйкамі (мал. 6: 17, 18, 20–24) і плаўна аформленымі верхнімі часткамі з больш альбо менш выразна выгнутымі шыйкамі (мал. 6: 26–28). Сярод абломкаў гладкасценнага неарнаментаванага посуду мы можам назіраць практычна ўсе варыяцыі прафіліроўкі, якія характарызуюць прадстаўленыя вышэй посуд з упрыгожанымі венцамі. У неарнаментаваных пасудзін, у тэндэнцыі, шырэй прадстаўлены формы з кароткай, альбо не вылучанай шыйкай, частка венцаў якіх афармляліся зрэзамі: з унутранага боку (мал. 6: 19) ці зверху (мал. 6: 23, 24, 27). Шэраг такіх фрагментаў вельмі блізкія да посуду пражскай культуры, ад якога адрозніваюцца толькі на падставе асаблівасцяў керамічнай масы і дробных нюансаў прафіліроўкі (гл. мал. 6: 19, 23, 24).

Выразныя датуючыя рэчы рымскага перыяду на селішчы Петрыкаў-2 не знойдзеныя. Але нашыя высновы аб наяўнасці ў яго матэрыялах гарызонту познерымскага часу дазваляюць падмацаваць выяўленыя тут фрагменты посуду вельбарскага і чарняхоўскага, адрозныя ад апісанай вышэй традыцыі. Гэта вельмі малалікая група,

да якой могуць быць аднесеныя ўсяго каля 10-ці фрагментаў. Посуд, суадносны з вельбарскім, мае іншую рэцэптуру цеста, якая робіць кераміку мяккай у дотыку. Гэта: абломкі адной альбо двух розных пасудзін, місак ці ваз, з выразна абзначаным рабром, выпуклай прыдоннай і прамой верхняй часткай тулава, якая упрыгожаная вышэй рабра пракрэсленым у сырой гліне арнаментам у выглядзе гарызантальнага, аконтурнага дзвюма паралельнымі баразёнкамі паяску, запоўненага косымі лініямі, уверх ад якога адыходзяць вертыкальныя баразёнкі (мал. 5/В: 2, 3)<sup>3</sup>; ніжняя частка глянцаванай, шырока расхіленай пасудзіны з увагнутым дном (мал. 5/В: 5); і фрагмент ручкі ад падглянцаванай пасудзіны, верагодна, збанка (мал. 5/В: 1). З чарняхоўскай культурай трэба звязваць фрагмент другасна абпаленай пасудзіны шэрага колеру, магчыма, вырабленай на коле, рабро якой аформленае шасцівугольнікамі ці аваламі (мал. 5/В: 4). Гэты абломак павінен суадносіцца са стылем т.зв. “посуду з авальнымі фасеткамі”, які распаўсюдзіўся на развітай і позніх фазах чарняхоўскай культуры (каля 340 – 420/430 гг.), часткова сінхронных агульнаеўрапейскім фазам C<sub>3</sub> – D<sub>1</sub>/D<sub>2</sub> (Szultze, Strocen', 2008).

Тэрытарыяльна найбольш блізкім да Петрыкава помнікам вельбарскай культуры, вядомым сёння, з'яўляецца могільнік у Мікашэвічах, аддалены на 35–40 км на захад (карта 1: 5). Вельбарскае насельніцтва з'яўляецца на заходнім ускрайку Цэнтральнага Палесся, у раёне Пінска, не пазней рубяжу II/III стст., і працягвае жыць у сярэднім цячэнні Прыпяці да пачатку V ст. (гл. Карта 1: В). На працягу IV ст., як і культурна роднаснае насельніцтва на ўкраінскай Валыні, у беларускім Прыпяцкім Палессі носьбіты вельбарскай культуры паступова засвойваюць рысы культуры чарняхоўскай (гл.: Беявец, 2008; 2016б, с. 413–415). На поўдні і захадзе Беларусі кантакты вельбарцаў з насельніцтвам кола культур усходнееўрапейскай лясной зоны засведчаныя для ўсяго познерымскага часу і пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў (Беявец, 2016б, с. 415–438; гл. таксама: Белевец, 2016; Беявец, 2018). Такім чынам, абломкі посуду вельбарскай і чарняхоўскай традыцыі, адкрытыя ў культурным пласце селішча Петрыкаў-2, павінны ўспрымацца як арганічная частка “перадпражскага” керамічнага комплексу і, магчыма, фазы “0” пражскай культуры.

<sup>3</sup> Параўнай: Wołagiewicz, 1993, tab. 44, 47, mapa 48.

Прадстаўленыя вышэй керамічны матэрыял з культурнага пласта, суадносна з рымскім часам, дастаткова сціплы, у ім адсутнічаюць поўныя формы. Такі посуд адзначаны таксама ў катлаванах жылляў пражскай культуры, даследаваных у Петрыкаве-2 (Вяргей, Трымер, 2003, мал. 4: 4; 5: 3, 4?; 6: 16–18; 8: 1, 11; 11: 4; 20: 1; 22: 10; 22: 3). Разам з тым цягам апошніх год матэрыялы дадзенага гарызонту былі таксама вылучаны на шэрагу іншых помнікаў пражскай культуры. Рэканструяваны на іх у агульных рысах “дапражскі” керамічны набор знаходзіць блізкія адпаведнікі ў матэрыялах постзарубінецкага гарызонту (сяр. I – II стст.) (Белявец, 2016а; Бяліцкая 2016) і познерымскага часу, які ўсё больш выразна праяўляецца на помніках беларускага Палесся. Так, матэрыялы, якія

абмяркоўваюцца намі на прыкладзе калекцыі з Петрыкава-2, знаходзяць практычна поўную адпаведнасць у керамічным комплексе селішча Яскавічы, якое знаходзіцца прыкладна ў 40 км на паўночны захад ад Петрыкава (карта 1: 6). Каштоўнасць гэтага помніка заключаецца ў тым, што ён актыўна выкарыстоўваўся ў познерымскі час і, такім чынам, можа служыць эталонам для вылучэння старажытнасцяў кола кіеўскай культуры ў беларускім Палессі (гл.: Белявец, 2019; Бяліцкая, 2019). Храналагічна гэты гарызонт непасрэдна папярэднічае распаўсюджанню тут раннеславянскіх помнікаў. Далейшыя працы па вывучэнню “перадпражскіх” старажытнасцяў на помніках Прыпяцкага Палесся дазваляць адказаць на пытанне аб магчымасці фарміравання пражскай культуры на мясцовай аснове.

### Літаратура

**Белевец В.Г. 2012.** Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавриутхин. Тула: ГМЗ «КП». С. 281–305.

**Белевец В.Г. 2016.** О находках топоровидных подвесок позднеримского времени на территории Беларуси // Черняхівська культура. До 85-річчя від дня народження І.С. Винокура. (ОІУМ. № 5). / Ред. О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України. С. 59–67.

**Белявец В.Г. 2008.** Помнікі вельбарскай культуры ў Турава-Пінскім Палессі: праблемы вывучэння // ГАЗ. № 22. С. 124–143.

**Белявец В.Г. 2016а.** Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускай Палессі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 334–383.

**Белявец В.Г. 2016б.** Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжу II/III – пачатку V ст. н.э. // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 384–450.

**Белявец В.Г. 2018.** Новыя знаходкі фібул тыпу Грудэк-47: да пытання аб фінале помнікаў вельбарскай культуры на тэрыторыі Беларусі // Этнокультурные процессы на территории Беларуси

в I – начале II тыс. н.э. Материалы межд. конф., посвящённой 90-летию Э.М. Загорюльского / Ред. А.А. Егорейченко и др. Минск: БГУ. С. 48–59.

**Белявец В.Г. 2019.** Даследаванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вывучэння помнікаў “перадпражскага” гарызонту на Беларускай Палессі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. № 3, 2019. С. 110–145.

**Бяліцкая Г.М. 2011.** Аб зарубінецкім кампаненце ў левабярэжжы Прыпяці // МАБ. Вып. 20. С. 126–142.

**Бяліцкая Г.М. 2016.** Праблемы вылучэння пазназарубінецкіх комплексаў ў Прыпяцкім Палессі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 451–503.

**Бяліцкая Г.М. 2019.** Адкрыццё паселішча каля в. Яскавічы Салігорскага раёна Мінскай вобласці. Даследаванні 2017 г. // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период. Выданне 2. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 561–573.

**Вяргей В.С. 2005.** Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach Słowian: materiały z konf., Kraków, 19–21 listopada 2001 / Ed. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: IAUJ. S. 487–502.

**Вяргей В.С. 1999.** Помнікі паморскай культуры на Беларусі // Археалогія Беларусі. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча / Ред. П.Ф. Лысенка (і др.). Мінск: Беларус. навука. С. 75–85.



**Вяргей В.С.** 2011. Гарызонт жалезнага веку на паселішчы Снядзін-3 на рацэ Прыпяць // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. VII. С. 34–50.

**Вяргей В.С., Трымер В.** 2003. Раннеславянскае паселішча Петрыкаў-2 на р. Прыпяць // *ГАЗ*. № 18. С. 151–187.

**Вяргей, В.С.** 2016. Сучасны стан і праблемы даследавання помнікаў пражскай культуры ў Беларусі. // *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период*. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 14–61.

**Гавритухин И.О.** 1997. Хронология пражской культуры // *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии (Новгород, 26-31 авг.). Т. 3) / Ред. В.В. Седов. М.: ИА АН СССР. С. 39–52.

**Гавритухин И.О.** 2000. Начало великого расселения славян на юг и запад // *Археологічні студіі*. Т.1. С. 72–90.

**Гавритухин И.О.** 2003. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // *ГАЗ*. № 18. С. 123–138.

**Гавритухин И.О.** 2005. Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // *Archeologia o początkach Słowian* / Ed. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: IAUJ. S. 403–461.

**Гавритухин И.О.** 2009. Понятие пражской культуры // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света* (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49). СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 7–25.

**Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М.** 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья: (тезисы к концепции славянского этногенеза) // *Славянский мир Полесья в древности и средневековье* / Ред. О.А. Макушников. Гомель: ГДУ. С. 39–50.

**Дробушевский А.И.** 2012. Памятники чечерской группы (типа Кистени–Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конф. 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «КП». С. 306–329.

**Дробушевский А.И.** 2016. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья // *Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период*. Кн. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 38–136.

**Егорейченко А.А.** 1991. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области // *Archaeoslavica*. № 1. С. 61–82.

**Егорейченко А.А.** 2006. Культуры штрихованной керамики. Минск: БГУ. 207 с.

**Каспарова К.В.** 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры // *Ziemie Polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami* / Ed. S. Czopek. Rzeszów: Muzeum Okręgowe w Rzeszowie. S. 289–302.

**Кухаренко Ю.В.** 1961. Памятники железного века на территории Полесья (САИ. Вып. Д1-29). М.: Изд-во АН СССР. 70 с.

**Кухаренко Ю.В.** 1964. Зарубинецкая культура (САИ. Вып. Д1-19). М.: Наука. 66 с.

**Лашанкоў М.І.** 1999. Мілаградская і паморская культуры. Матэрыяльная культура і заняткі насельніцтва // *Жалезны век і раньне сярэднявечча* (Археалогія Беларусі. Т. 2) / Ред. П.Ф. Лысенка и др. Мінск: Беларус. навука. С. 46–70.

**Ляўданскі А.** 1932. Папярэднія вынікі работы археолёгічнай брыгады Палескай экспедыцыі // *Савецкая краіна*. № 9. С. 80–88.

**Ляўданскі А.** 1933. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі: Рудні і месцазнаходжанні руды // *Працы Палескай экспедыцыі*. Вып. 2. Мінск: ІГ БАН. 39 с.

**Обломский А.М.** 2005. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья // *Archeologia o początkach Słowian* / Ред. P. Kaczanowski, M. Parczewski. Kraków: IAUJ. С. 137–156.

**Пилипцевич В.В.** 2002. К вопросу о типологии керамического комплекса могильников полесского варианта зарубинецкой культуры (по материалам могильников Велемичи-I, II и Воронино) // *МАБ*. № 5. С. 113–123.

**Русанова И.П.** 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом (САИ, Вып. Е1-25). М.: Наука. 100 с.

**Русанова И.П.** 1976. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.: Наука. 216 с.

**Терпиловский Р.В.** 2004б. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. (*Monumenta Studia Gothica*. Т. III). Lublin: UMCS. 232 с.

**Терпиловский Р.В.** 2004а. Славяне Поднепровья в I–V веках н.э. // *Славянский мир Полесья в древности и средневековье* / Ред. О.А. Макушников. Гомель: ГДУ. С. 170–176.

**Gavrituchin I.O.** 1991. Die Funde der Prager Kultur in Gebiet der Stadt Petrikov (Weissrussland) // *Archaeoslavica*. Vol. 1. S. 95–103.

**Szultze E., Strocen'В.** 2008. Eine untersuchung zur Chronogie der Černjachov-Kultur // *Eurasia antiqua*. Bd. 14. S. 267–332.

**Wolągiewicz R.** 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin: Muzeum Narodowe. 202 s.

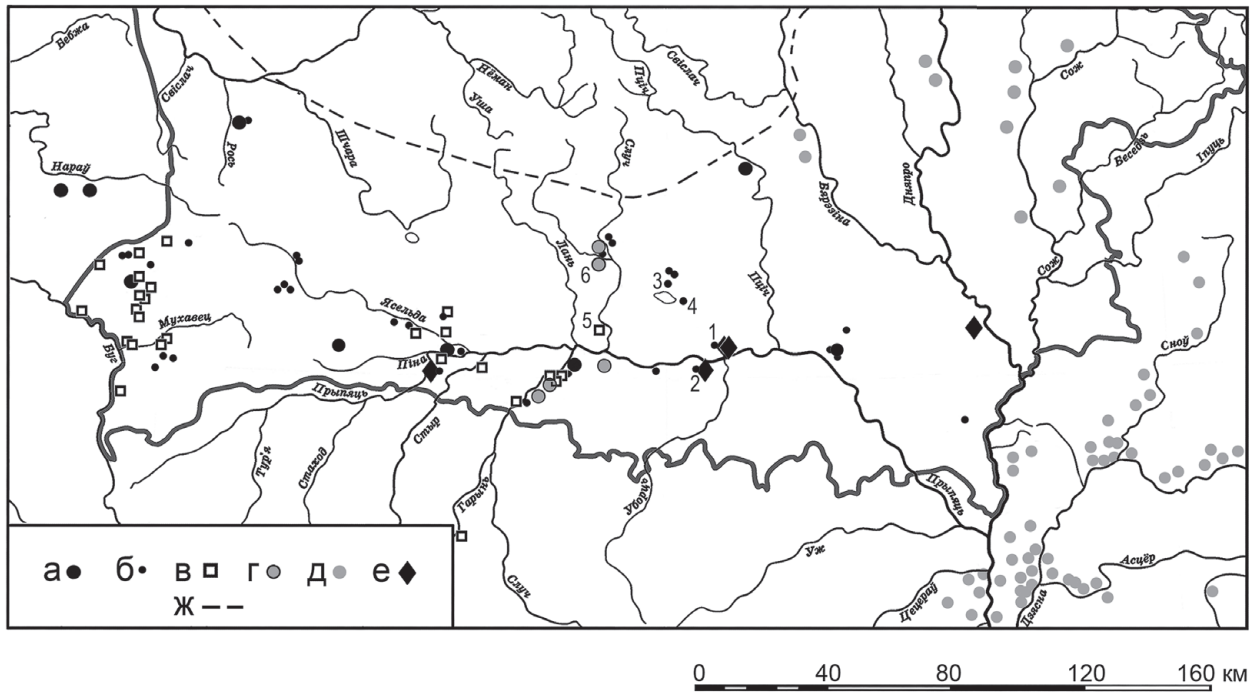


---

**Summary****Iron Age materials from the settlement of Petrikov-2****V.G. Beliavets, V.S. Viarhej**

The article deals with the Iron Age materials obtained during the excavations of 1999-2004 years at the settlement of Petrikov-2, located in the center of the Pripjat river Polesye (map 1: 1). The archaeological site is one of the earliest settlements of the Prague culture, the lower chronological border of which is established around the middle of the IV century AD. Its materials contain fragments of early Iron Age tableware from the Milograd and Zarubnets cultures (Fig. 2, 3), as well as the post-zarubnets horizon and the Kiev culture range (Fig. 4-6). Presence of the Roman time horizon at the village of Petrikov-2 is the argument in favor of the theory of the Prague culture formation on the local basis.

*Keywords:* Iron Age, Roman period, Belarus, Polesye, the problem of formation of the Prague culture.



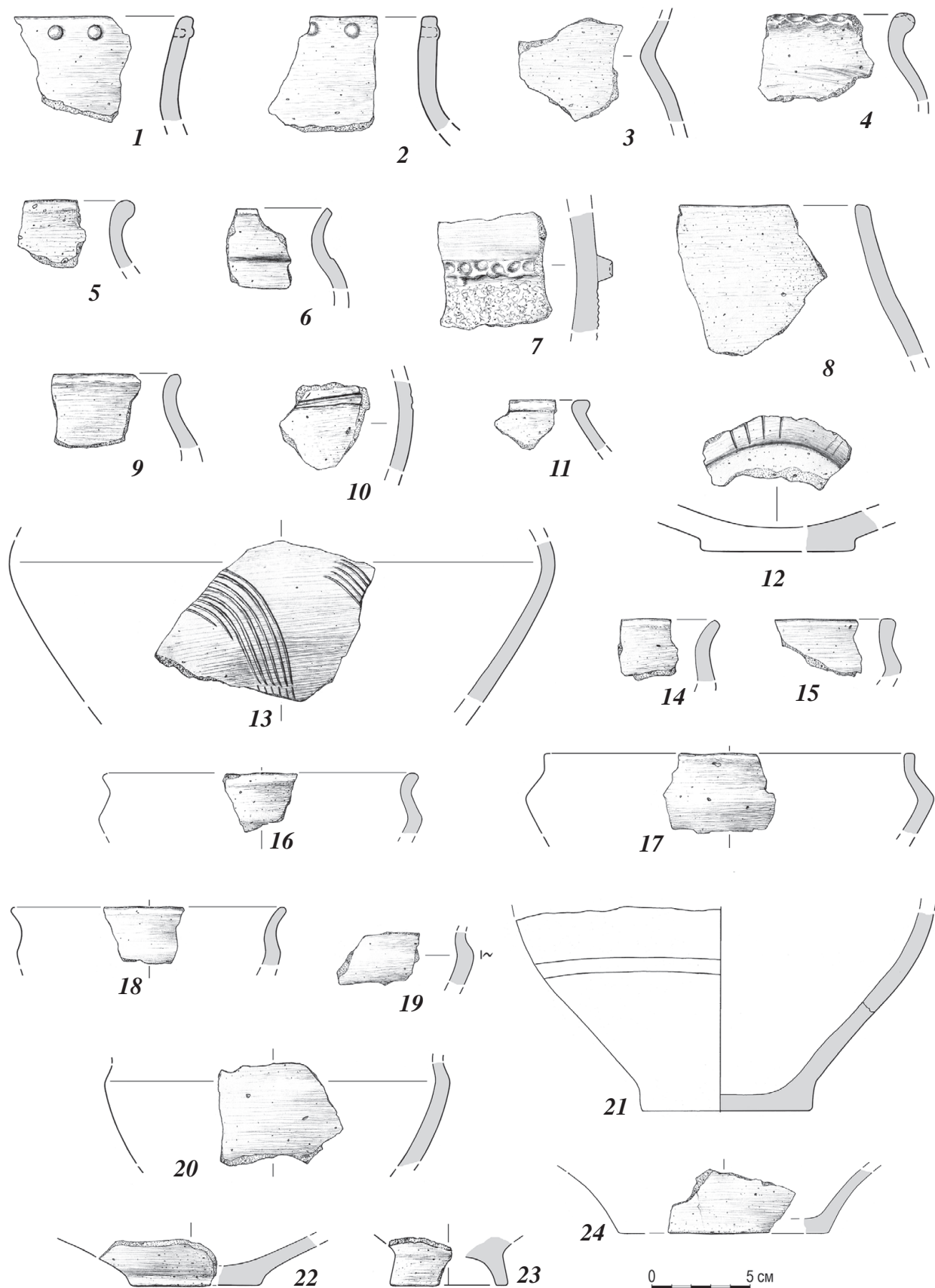
**Карта 1.** Гісторыка-культурная сітуацыя на Беларускай Палесі ў рымскі перыяд і на пачатку эпохі Вялікага перасялення народаў.

Умоўныя абазначэнні: а – помнікі постзарубінецкага гарызонту (сяр. I – рубяж II/III стст.), якія вывучаліся раскопкамi, б – вядомыя па выніках разведак і выпадковых адкрыццях; в – помнікі вельбарскай культуры (канец II – пачатак V ст.); г – помнікі кіеўскага культурнага кола (III–IV стст.) на тэрыторыі Цэнтральнага Палесся; д – помнікі кіеўскай культуры ў суседніх рэгіёнах; е – селішчы фазы “0” пражскай культуры (другая палова IV – V ст.); ж – паўднёвая мяжа гарадзішч культуры позняй штрыхаванай керамікі.

Нумарамі абазначаны селішчы: 1 – Петрыкаў-1, -2; 2 – Снядзін-2, -3; 3 – Ст. Юрковічы; 4 – Азярное; 6 – Яскавічы. 5 – могільнік Мікашэвічы.

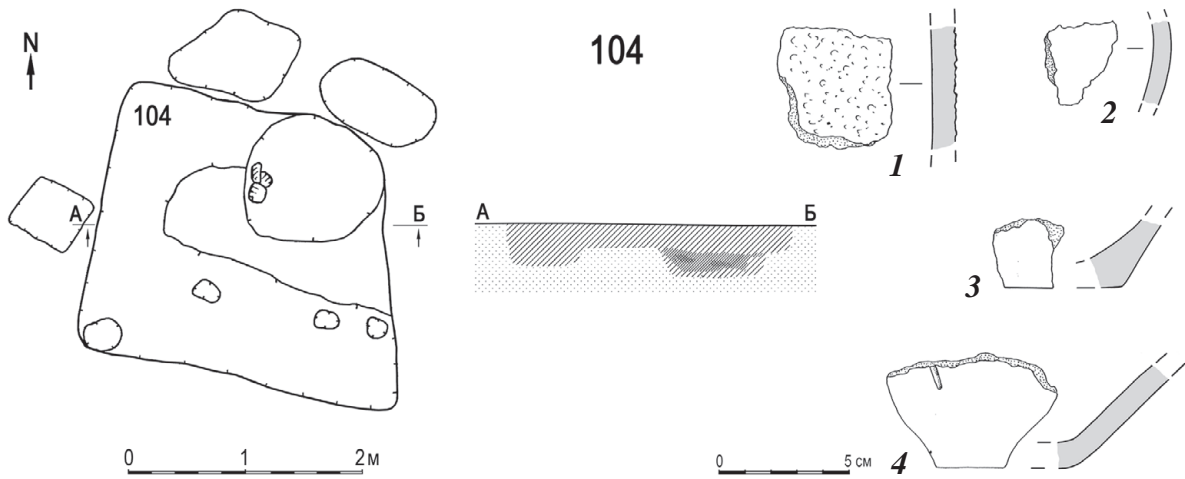
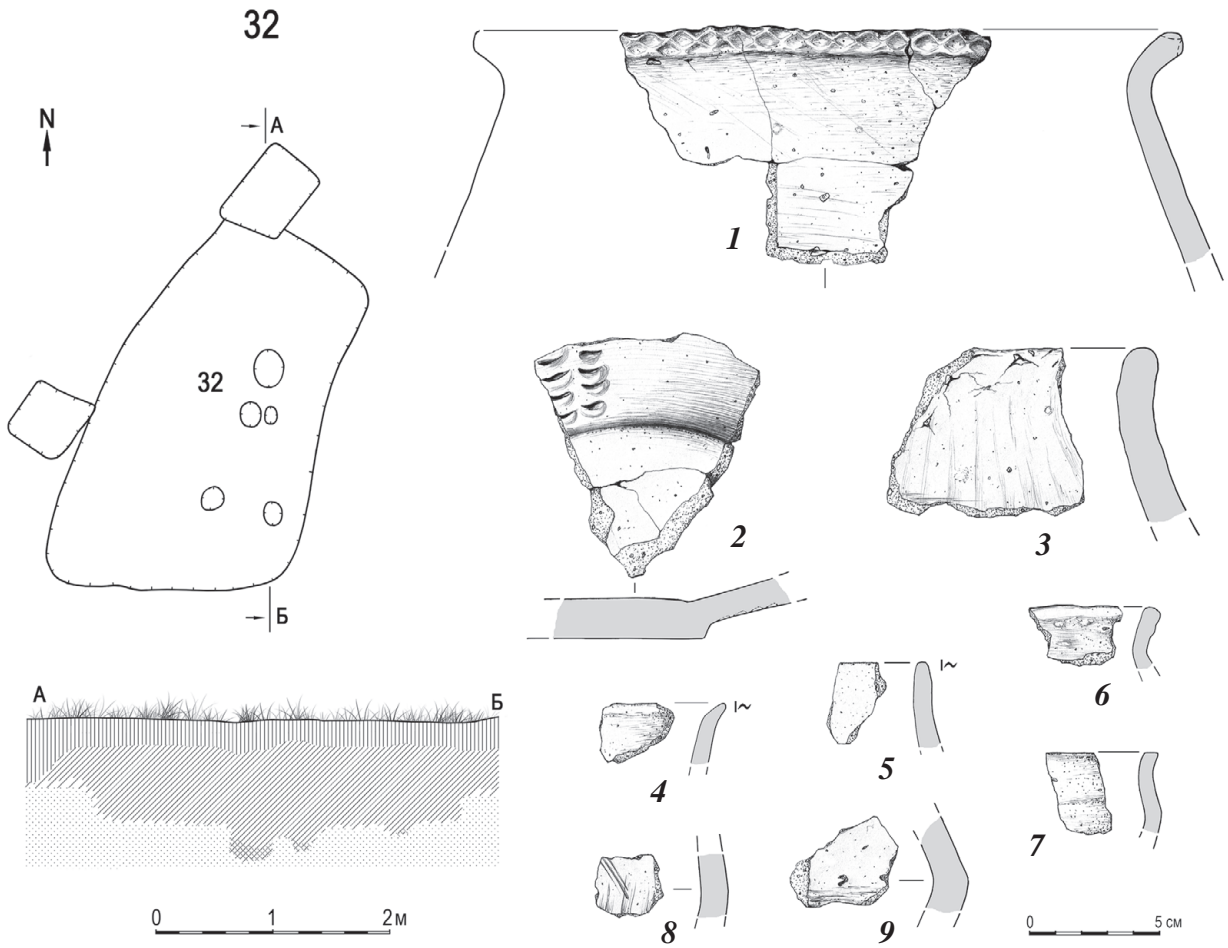


Мал. 1. Сітуацыйны план (А) і план раскопаў 1999–2004 гг. на селішчы Петрыкаў-2.



Мал. 2. Фрагменты лепного глінянага посуду з культурнага пласта селішча Петрыкаў-2.

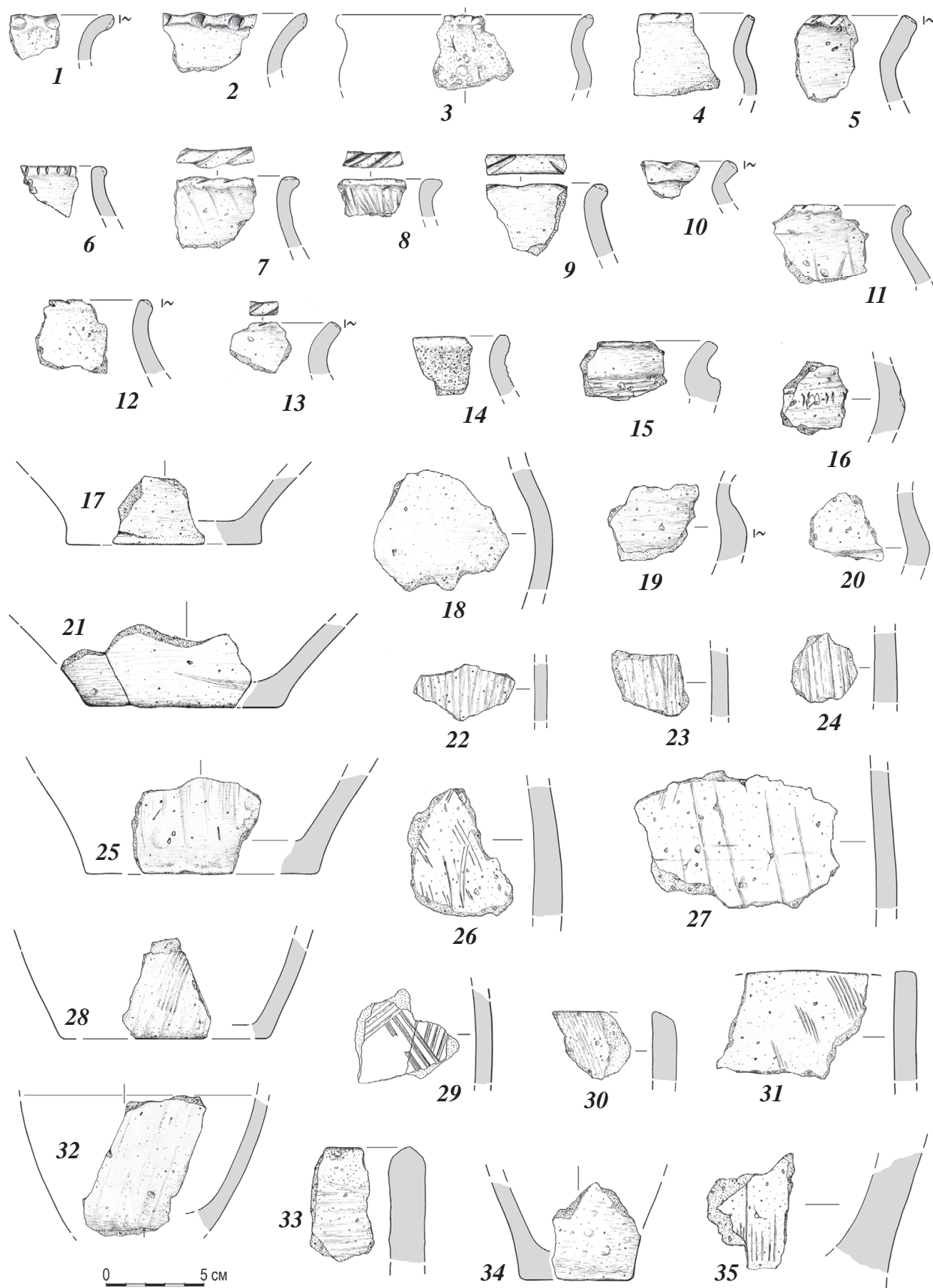




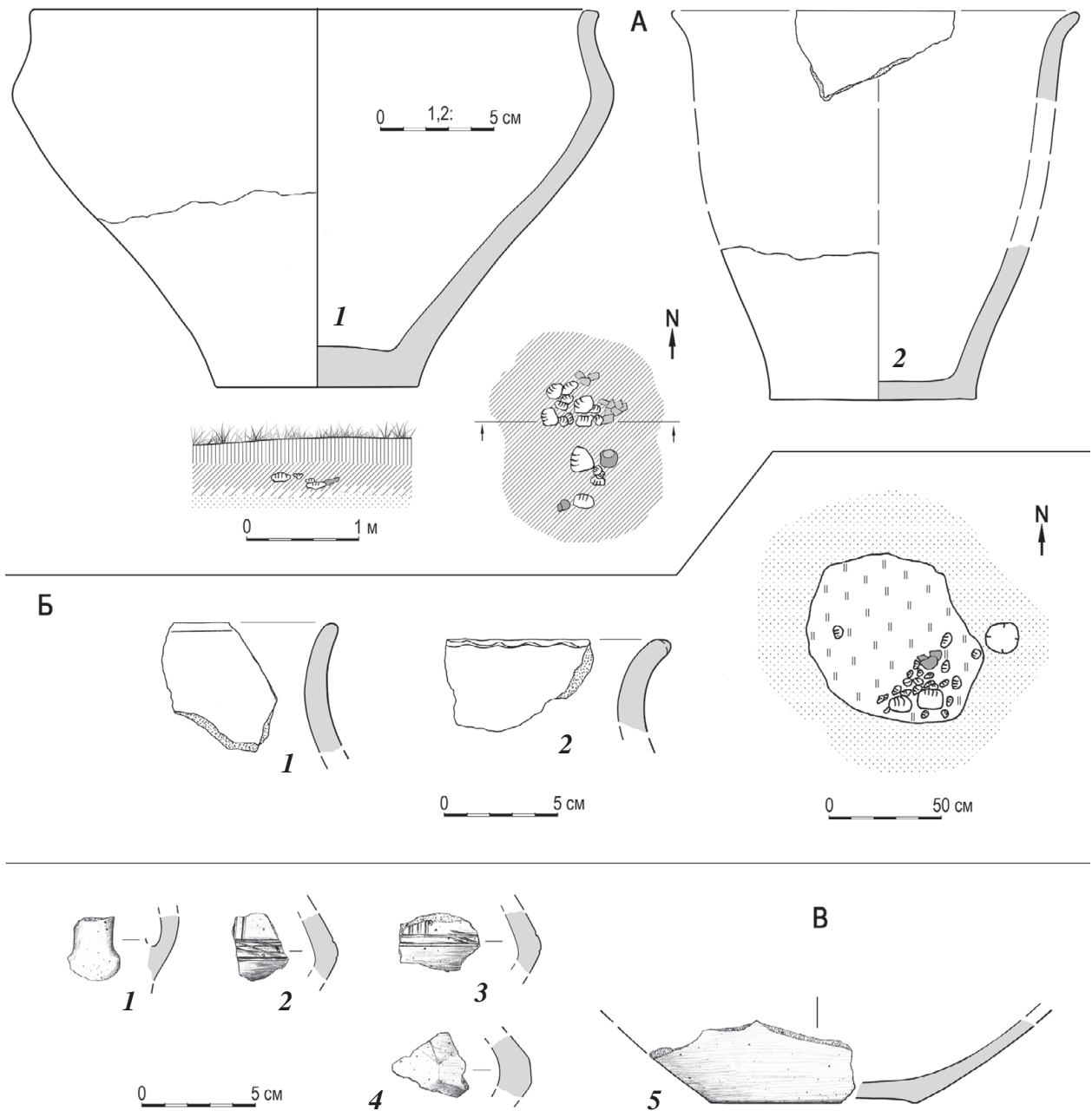
умоўныя абзначэнні:



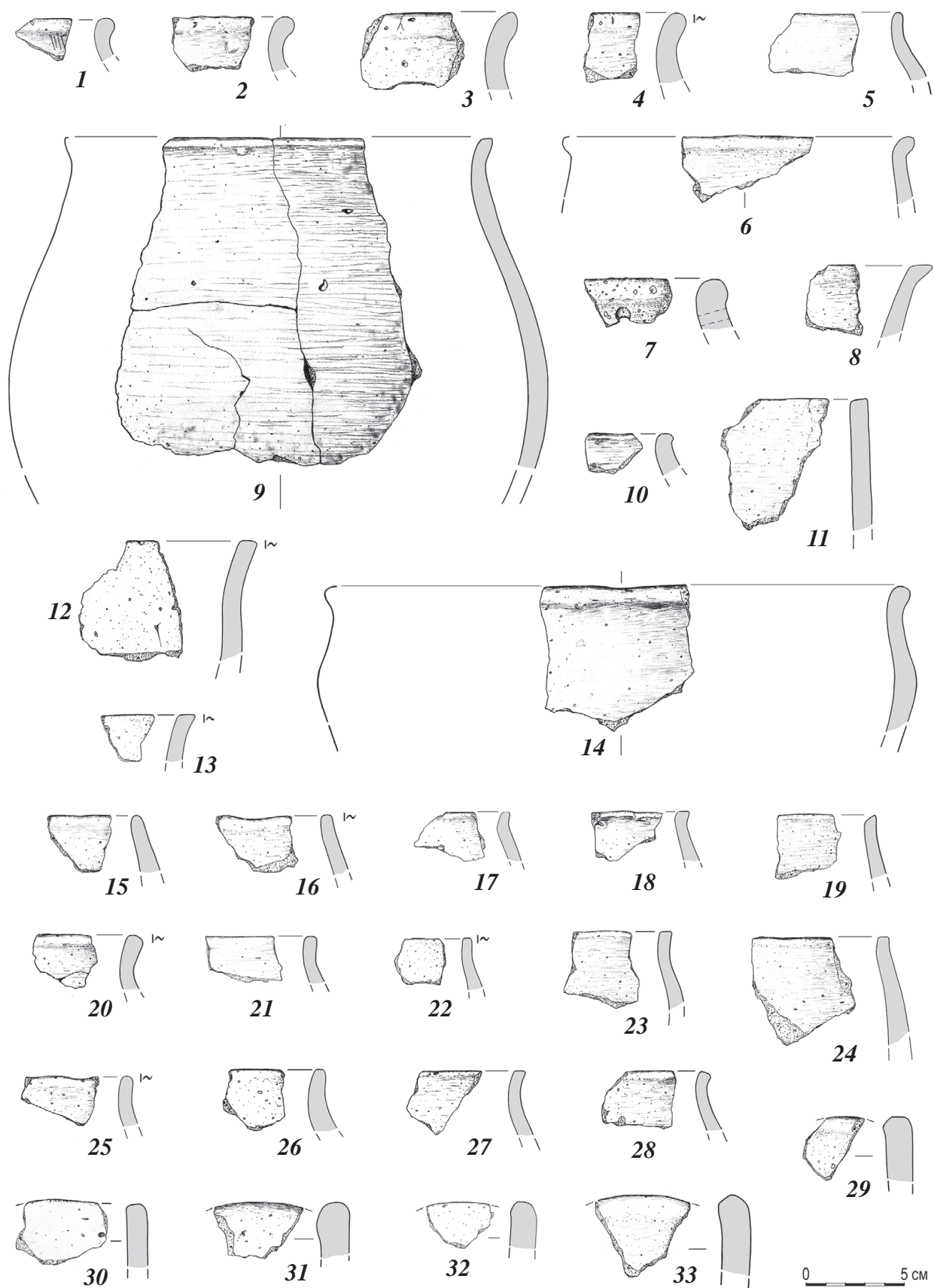
**Мал. 3.** Планы, профілі і фрагменты ляпнога глінянага посуду з аб'ектаў 32 і 104 селішча Петрыкаў-2. Умоўныя абзначэнні: а – дзённая паверхня; б – ворны пласт; в – культурны пласт; г – попелна-вугальны слой; д – мацерыковы слой; е – гліна; ж – камяні; з – фрагменты керамікі.



Мал. 4. Фрагменты льянога глінянага посуду з культурнага пласта селішча Петрыкаў-2.



**Мал. 5.** А: план, профіль і фрагменти ляпного гліняного посуду з вибрукоўкі А; Б – план і фрагменты ляпного гліняного посуду з вибрукоўкі Б; В – фрагменты ляпного гліняного посуду з культурнага пласта селішча Петрыкаў-2.



Мал. 6. Фрагменты ляпного глінянага посуду з культурнага пласта селішча Петрыкаў-2.



# Новые памятники раннего средневековья V–VII вв. в Тамбовской области

И.Е. Бирюков (Липецк), А.Н. Голотвин (Аргамач-Пальна)

В статье представлены результаты работ на двух памятниках эпохи раннего средневековья V–VII вв. в Тамбовской области. Они относятся к недавно выявленному в Верхнем Подонье верхневоронежскому типу памятников, исследования которых только разворачиваются. Основные находки – керамика, в своем наборе представлена разными традициями: пост-киевская (термин А.М. Обломского), колочинская, пеньковская, рязано-окская, а также предшествующего гуннского времени (тип Чертовицкое-Замятино).

*Ключевые слова:* Верхневоронежский тип, пеньковская культура, колочинская культура, раннее средневековье V–VII вв., р. Воронеж, р. Цна.

В данной работе мы вводим в научный оборот материалы двух поселений, изученных группой компаний «Черноземье».

*Поселение Красный Городок 4 в Мичуринском районе* (рис. 1, пункт 4). Памятник располагается на левом берегу р. Польной Воронеж, в 0,5 км к северу – северо-западу от урочища Красный Городок (остатки хутора). Занимает первую надпойменную террасу высотой 3–5 м над уровнем поймы. С востока и севера памятник ограничен рекой и заболоченным понижением, с западной – заболоченным понижением (протокой), северо-восточная и южная граница установлены по результатам шурфовки (рис. 2).

Памятник открыт в 2014 г. Е.А. Макеевой, в названии продолжается нумерация С.И. Андреева (Андреев, 1999). В ходе работ 2014 г. было заложено два шурфа, собран подъемный материал. Установлены границы территории неправильной многоугольной формы (приблизительно 220/190 × 50/180 м). В результате спасательных археологических исследований 2015 г. (экспедиция ГК «Черноземье») (Захарова, 2016; Голот-

вин, 2017) и 2016 г. (экспедиция ИА РАН) (Радюш, Никитина, 2017) изучены землеотводы под проектируемые трубопроводы, выявлены участки, где культурные напластования отсутствуют либо уничтожены. В 2018 г. под руководством И.Н. Масликовой уточнена граница в юго-восточной части памятника (шурфы 4–7) (Масликова, 2018). Общая площадь поселка эпохи раннего средневековья (участок 2 и 3) с учетом исследованной площади, составляет 10 592 кв. м. Имеется краткая информация о проведенных исследованиях (Бирюков и др., 2016).

Мощность слоя (чернозем и темно-коричневый гумусированный суглинок) варьирует от 1 до 2 м. Большая часть поверхности памятника распаивается, задернованы только склоны террасы и часть технологического коридора магистральных трубопроводов.

В результате на памятнике вскрыта площадь 11 146 кв. м. Из культурного слоя поселения происходят материалы различных исторических периодов: изделия из кремня и кварцита эпохи мезолита; лепная керамика эпохи бронзы; леп-

ная керамика и находки эпохи раннего средневековья; гончарная керамика эпохи средневековья-нового времени.

*Керамика раннего средневековья* (конец V – VII вв.). В целом, серия керамики – небольшая. Преобладает лепная посуда, представленная сосудами следующих видов: горшки со слабо отгнутой шейкой (короткой и прямой) (рис. 4: 11; 5: 3); сильно профилированные округлобокие горшки (рис. 4: 2, 3, 6, 10; 5: 4), к этой группе относится венчик сосуда, украшенный по горлу оттянутым валиком (рис. 4: 7); горшки с резким внутренним перегибом по шейке (рис. 5: 5); горшки с биконическим туловом и ребром в средней части (рис. 4: 1, возможно рис. 4: 4); миски-плоски конической формы (рис. 4: 8, 9); сковородки с небольшим бортиком (рис. 5: 6); диски плоской формы (рис. 4: 12). Днища, как правило, массивные, чаще без закраин (рис. 4: 5). Поверхности лепных сосудов грубо заглажены, в глиняном тесте в качестве примесей содержатся примеси шамота, реже песка и дресвы. Лощеная (столовая) посуда единична, отметим крупный фрагмент чернолощеной миски с высокой прямой шейкой и ярко выраженным переходом от шейки в тулово (рис. 5: 1) и стенку острорезберного сосуда с высоким венчиком (рис. 5: 2). Данная керамика характерна для населения бассейна Оки. В наборе керамики представлена пост-киевская (термин А.М. Обломского), рязано-окская традиции (составные части комплекса типа Чертовицкое-Замятино) и пеньковская традиции (Обломский, 2018, с. 380).

Из других предметов отметим находки костей животных, а также кусков обожженной глиняной обмазки различной формы и размеров. На некоторых из них сохранились отпечатки деревянных прутьев и кольев.

Индивидуальные находки немногочисленны. Представлены предметами из глины, железа, кости, камня, бронзы. Глиняные пряслица (4 экз.): биконические средней высоты с прямым и воронковидным отверстием (рис. 6: 3, 4, 7), колесовидное, сжатое по бокам (рис. 6: 2). Находка из рога – фрагмент концевого отростка рога (олень?), грубо подтесанного со всех сторон. Скорее всего это заготовка рукоятки ножа (рис. 6: 1). Находки из металлов: железное изделие типа плоской в сечении подвески с несомкнутыми концами (рис. 6: 6); бронзовая свернутая пластина с отверстием (возможно оковка от деревянного сосуда?) (рис. 6: 5). Из рыхлого камня светло-коричневого цвета изготовлен обломок крупного

жернова с широким округлым отверстием. Одна сторона его обработана, другая грубо обтесана (рис. 6: 8). Несмотря на отсутствие хронологических индикаторов, данные предметы относятся к раннему средневековью.

В раскопанной площади обнаружено несколько объектов: объект № 3 (каменный жернов и скопление костей животных), две зоны скопления керамики.

*Объект № 3* представляет собой остатки каменного круглого жернова, к которому примыкает скопление костей животных (рис. 3). Объект зафиксирован в предматериковом слое (уровень 0,8–1,0 м от поверхности). Кости животных разложены мелкими кучками по кругу. В состав костей входят челюсти, лопатки, части таза крупного рогатого скота. Предназначение данного объекта не понятно. Вокруг этого скопления в слое других находок не зафиксировано. Жернов – целый из твердого камня красно-коричневого цвета, округлый в диаметре, с круглым отверстием посередине. Одна сторона (рабочая) тщательно отшлифована, другая сторона необработана, или грубо обтесана (рис. 6: 9). Подобные жернова на территории региона встречаются, начиная с позднеримского времени (III–IV вв.), известны в эпоху Великого переселения народов (IV–V вв.), например, Ксизово 17 в районе Острой Луки Дона (Обломский, Козмирчук, 2015 рис. 34: 2; 42). Сам объект относится к эпохе раннего средневековья.

*Участок скопления керамики.* Представляет собой пять небольших зон концентрации обломков сосудов на протяжении 8–12 м (центральная часть поселения). В этой зоне встречены отдельные крупные фрагменты глиняной обожженной обмазки, небольшие скопления 2–4 куска, но ни завалов, ни шлейфов обмазки не зафиксировано. Отсутствуют следы отопительного устройства и какие-либо углубленные в материк объекты. Все скопления зафиксированы на уровне 0,7–0,8 м от поверхности. Обнаружены несколько днищ лепных сосудов, а также развал горшка с загнутым внутрь краем венчика и биконическим туловом в середине высоты (рис. 4: 1). Керамика аналогична происходящей из слоя. Возможно это остатки наземного сооружения.

Материалы раннего средневековья V–VII века концентрируются в восточной части памятника, значительная часть уходит на территорию уже проложенных трубопроводов. По полученным свидетельствам можно сделать следующие выводы. Изученный поселок представлял собой

остатки небольшого хутора или усадьбы. Обнаруженная керамика близка посуде с раскопанных ранее памятников этого периода. В ближайшей округе известно несколько поселков этого времени, в том числе широко раскопанные Стаево 4 и 5. Возможно это население проживало в бассейне реки Польной Воронеж небольшими общинами. Судя по обнаруженным жерновом и костям крупного рогатого скота, жители занимались сельским хозяйством (земледелие и скотоводством), следов ремесленной деятельности не зафиксировано.

В верховьях реки Воронеж, включая Польной Воронеж в пределах Мичуринского района Тамбовской области известно свыше 10 памятников этого периода, из них на 5-ти проводились археологические раскопки. А.М. Обломский выделяет эти памятники в особый культурный тип (верхневоронежский), который в основе связан с раннеславянским населением пеньковской и колочинской культур с включением остатков населения предшествующего гуннского времени (типа Чертовицкое-Замятино) (Обломский 2012; 2016; 2018). Фиксируются культурные связи этой группы с древнемордовскими племенами, а также с населением бассейна Оки (территория современной Рязанской области). Намечаются попытки определить истоки этого населения, а также его историческую судьбу, хронологические рамки бытования этой культурной группы укладываются в рамки конца V – VII вв.

*Поселение Тихий Угол 6 в Тамбовском районе.* Располагается на правом берегу р. Цна, в 1,0 км к северу от д. Тихий Угол (рис. 1, пункт 18). Занимает северную часть большого берегового останца высотой 2,5 м над уровнем поймы. С западной стороны поселение ограничено берегом реки. Большая часть поверхности памятника задернована, имеются многочисленные антропогенные нарушения поверхности, через памятник проходит технологический коридор магистральных трубопроводов. Размеры памятника – 510 × 150–200 м (площадь – 71 326 кв. м) (рис. 7). Мощность культурного слоя 0,5–1,2 м.

Памятник открыт в 2014 г. Е.А. Логачевым, в том же году обследовался Е.А. Макеевой, исследователями заложено 4 шурфа (Макеева, 2015). В 2015–2016 годах были проведены спасательные археологические работы на участке реконструкции нефтепровода (Уваркин, 2015; Макеева, 2016). В результате на памятнике вскрыта площадь 5474 кв. м. Из культурного слоя поселения происходят материалы различных исторических периодов: изделия из кремня и лепная керамика эпохи бронзы; лепная керамика и находки эпохи раннего средневековья; гончарная керамика эпохи средневековья – Нового времени.

Материалы раннего средневековья представлены лепной керамикой, небольшое количество обнаружено на ограниченной площади, в основном, в 2016 г. В слое найдено небольшое количество мелких фрагментов, основная коллекция происходит из 1–2 хозяйственных ям. Это – небольшая серия посуды, по своим технологическим характеристикам относящаяся к эпохе раннего средневековья (V–VII века). Обнаружена только лепная керамика, представленная сосудами следующих видов: горшки со слабо отогнутой короткой шейкой (рис. 8: 1, 2, 6); горшки с со слабо отогнутой высокой шейкой (рис. 8: 5, 8), горшки с биконическим туловом в средней части (рис. 8: 4). Днища как правило массивные, чаще без закраин (рис. 8: 7, 9). Поверхности лепных сосудов грубо заглажены, в глиняном тесте в качестве примесей содержатся примеси мелкого шамота, песка, дресвы, охристой крошки (кровавик). В целом стенки сосудов тонкостенные.

Небольшой набор керамики достаточно однороден. Полностью отсутствует лощеная посуда, некоторые типы сосудов: горшки с внутренним ребром, сковороды, диски. Этот набор отличается от керамики района Верхнего Воронежа и может объясняться его отдаленностью от основного ареала и близостью к древнемордовским памятникам. Поселок – явно небольшой и кратковременный, по технологическим характеристикам лепной посуды относится к эпохе раннего средневековья (V–VII вв.).

## Литература

- Андреев С.И. 1999.** Отчет о разведке по р. Воронеж в пределах Липецкого и Добровского районов Липецкой области и Мичуринского района Тамбовской области (1999 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23213.
- Бирюков И.Е., Голотвин А.Н., Захарова Е.Ю., Чендев Ю.Г. 2016.** Раскопки поселения Красный Городок 4 на р. Польной Воронеж (предварительная информация) // Тамбовская старина. Вып. 5 / Ред. Н.Б. Моисеев. Тамбов: ООО «ТПС». С. 43–49.
- Голотвин А.Н. 2017.** Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Красный городок 4» в зоне реконструкции подводного перехода через р. Польной Воронеж МНПП «Куйбышев-Брянск» в Мичуринском районе Тамбовской области. Липецк. // Архив ГК «Черноземье».
- Захарова Е.Ю. 2016.** Отчет о проведении археологических раскопок на территории объекта археологического наследия «Поселение “Красный Городок 4”» в Мичуринском районе Тамбовской области в 2015 году. Воронеж. // Архив ГК «Черноземье».
- Макеева Е.А. 2015.** Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ на территории Тамбовской области в 2014 г. В двух т. Липецк, 2015 // Архив ИА РАН. Р.1. №№ 45194, 45195.
- Макеева Е.А. 2016.** Отчет о выполнении охранных археологических работ (раскопки) на поселении Тихий Угол 6 в Тамбовском районе Тамбовской области на участке реконструкции МН «Куйбышев-Унеча-Мозырь-1» 616–658 км в 2016 году в трех томах. Липецк. // Архив ГК «Черноземье».
- Масликова И.Н. 2018.** Технический отчет о проведении археологического обследования земельного участка под строительство объекта: «Реконструкция участка МН Куйбышев – Унеча-2, р. П. Воронеж, 759 км, основная, DN1200». Липецк // Архив ГК «Черноземье».
- Обломский А.М. 2012.** Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины. Вып. 3 / Ред. С.И. Андреев. Тамбов: Тамбовский государственный университет. С. 172–229.
- Обломский А.М., Козмирчук И.А. 2015.** Материалы гуннского времени поселения Ксизово-17 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.). Раннеславянский мир. Выпуск 16 / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 30–36.
- Обломский А.М. 2016.** Исследование раннесредневекового поселения Стаево-4 в Мичуринском районе Тамбовской области // Тамбовская старина Вып. 5 / Ред. Н.Б. Моисеев. Тамбов: ООО «ТПС». С. 11–25.
- Обломский А.М. 2018.** Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Тельнова. / Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинев-Тирасполь. С. 355–388.
- Уваркин С.В. 2015.** Отчет о проведении охранных археологических работ на поселении Тихий Угол 6 (участок реконструкции подводного перехода через р. Цна на 626 км МНПП «Куйбышев-Брянск») в Тамбовском районе Тамбовской области в 2015 году // Архив ГК «Черноземье».
- Радюш О.А., Никитина А.В. 2017.** Поселение Красный городок 4 (Мичуринский район Тамбовской области) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. М.: ИА РАН.

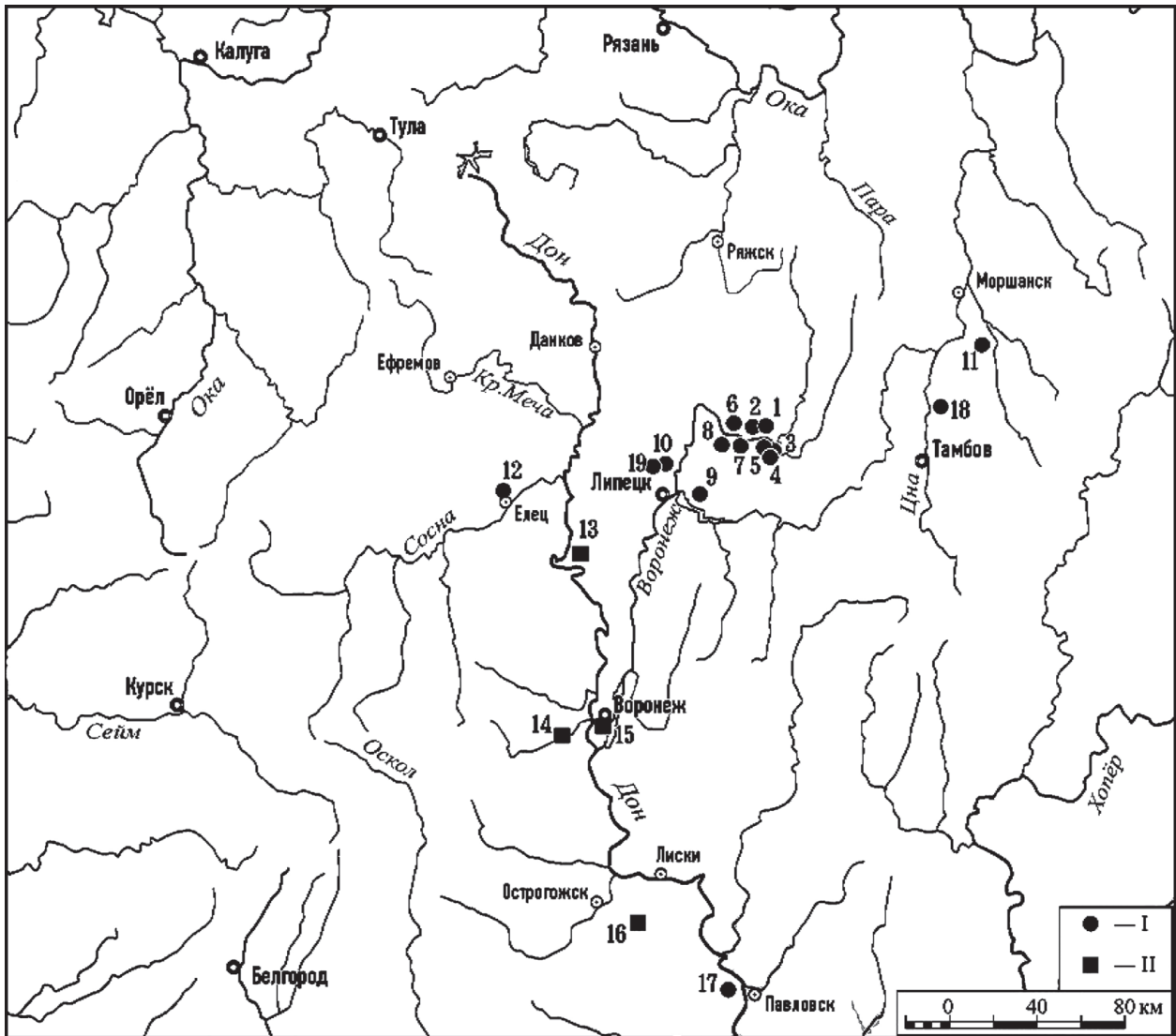


---

**Summary****New archaeological sites of the early Middle Ages of the V-VII centuries in Tambov region****I.E. Biryukov, A.N. Golotvin**

The article presents the results of work on two archaeological sites dated back to the early middle ages (V-VII centuries) in the Tambov region. They belong to the the Verkhnevoronezhky type of monuments recently identified in the Upper Don region the study of which is only beginning. The main findings are ceramics, which is represented by different traditions: the Post-Kiev (the term of A.M. Oblomsky), Kolochin, Penkov, Ryazan-Oka, as well as traditions of the previous Huns time (the Chertovitskoe-Zamyatino type).

*Keywords:* the Verkhnevoronezhky type, the Penkov culture, the Kolochin culture, the early Middle Ages of the V-VII centuries, the Voronezh river, the Tzna river.



**Рис. 1.** Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья (основа: А.М. Обломский 2018 год с дополнениями И.Е. Бирюкова).

1 – Стаево-4; 2 – Стаево-5; 3 – Красный Городок 2; 4 – Красный Городок 4; 5 – Новоникольское-8; 6 – Ярок-5; 7 – Ярок-9; 8 – Кривец-4; 9 – Ярлуково; 10 – Большая Кузьминка-4А; 11 – Коровий Брод; 12 – Елец, Лавский комплекс; 13 – Уткино-7; 14 – р. Ведуга; 15 – г. Воронеж; 16 – Острогожский клад; 17 – Терешковский Вал; 18 – Тихий Угол 6; 19 – Большая Кузьминка 10.

Условные обозначения: I – археологические памятники; II – случайные находки.

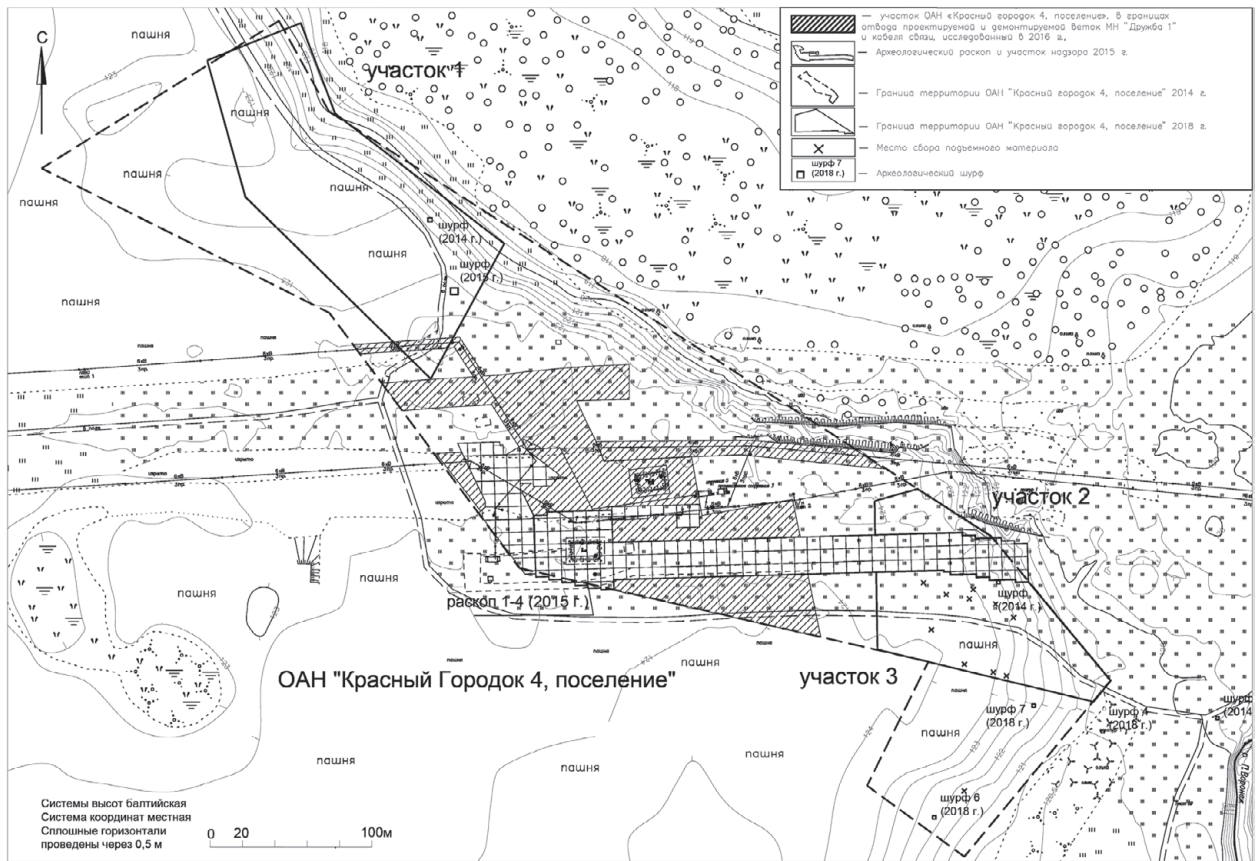


Рис. 2. Поселение Красный Городок 4. План памятника.

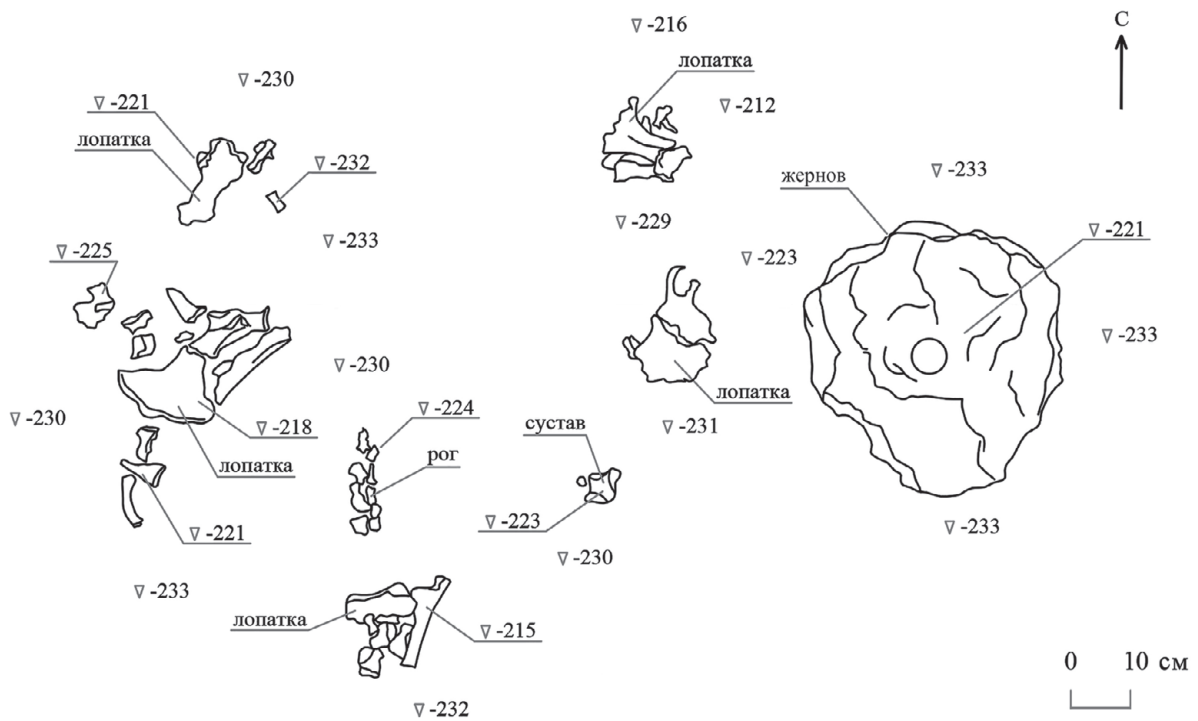


Рис. 3. Поселение Красный Городок 4. Объект № 3 – жернов и скопление костей.

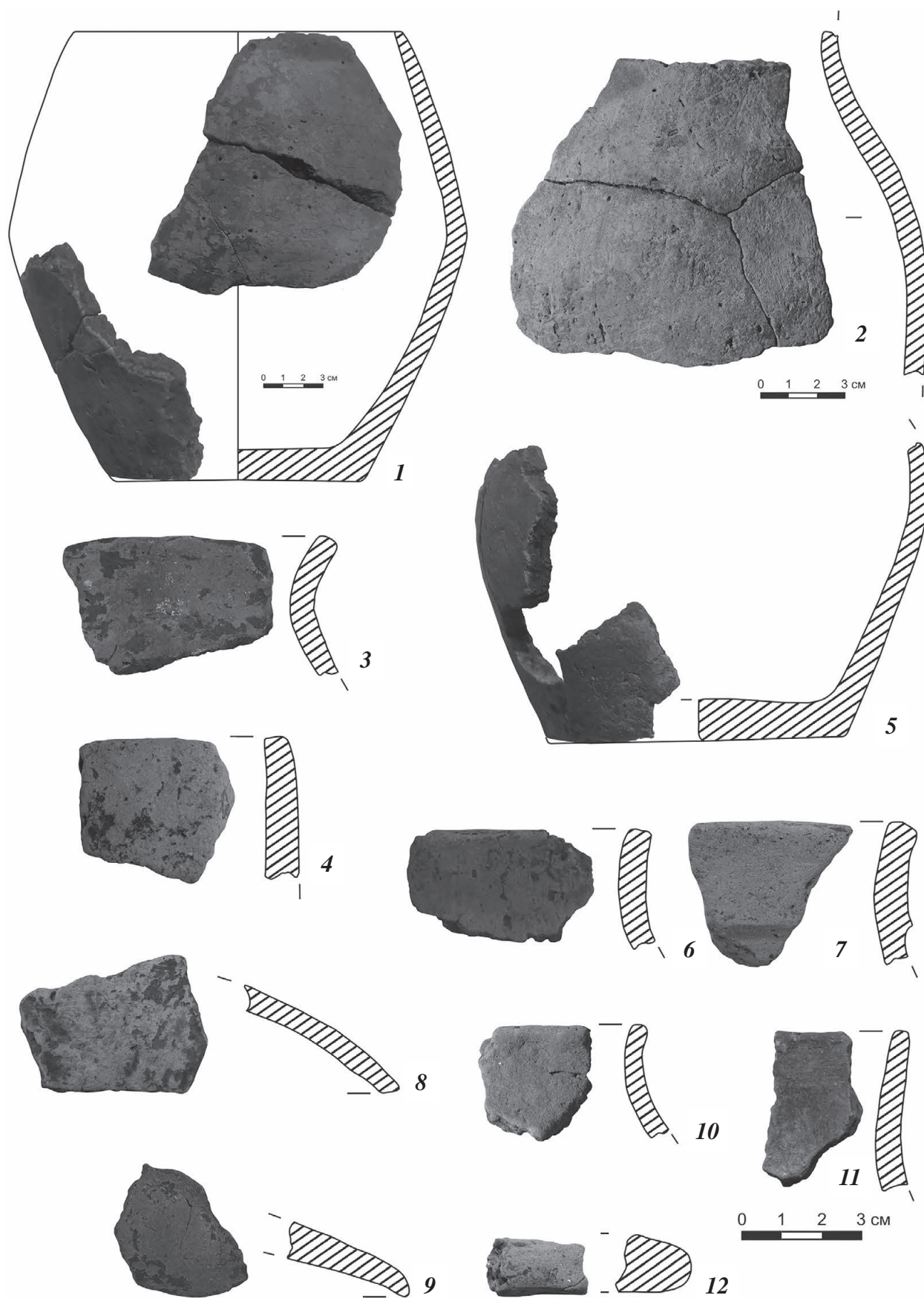


Рис. 4. Поселение Красный Городок 4. Лепная керамика раннего средневековья.



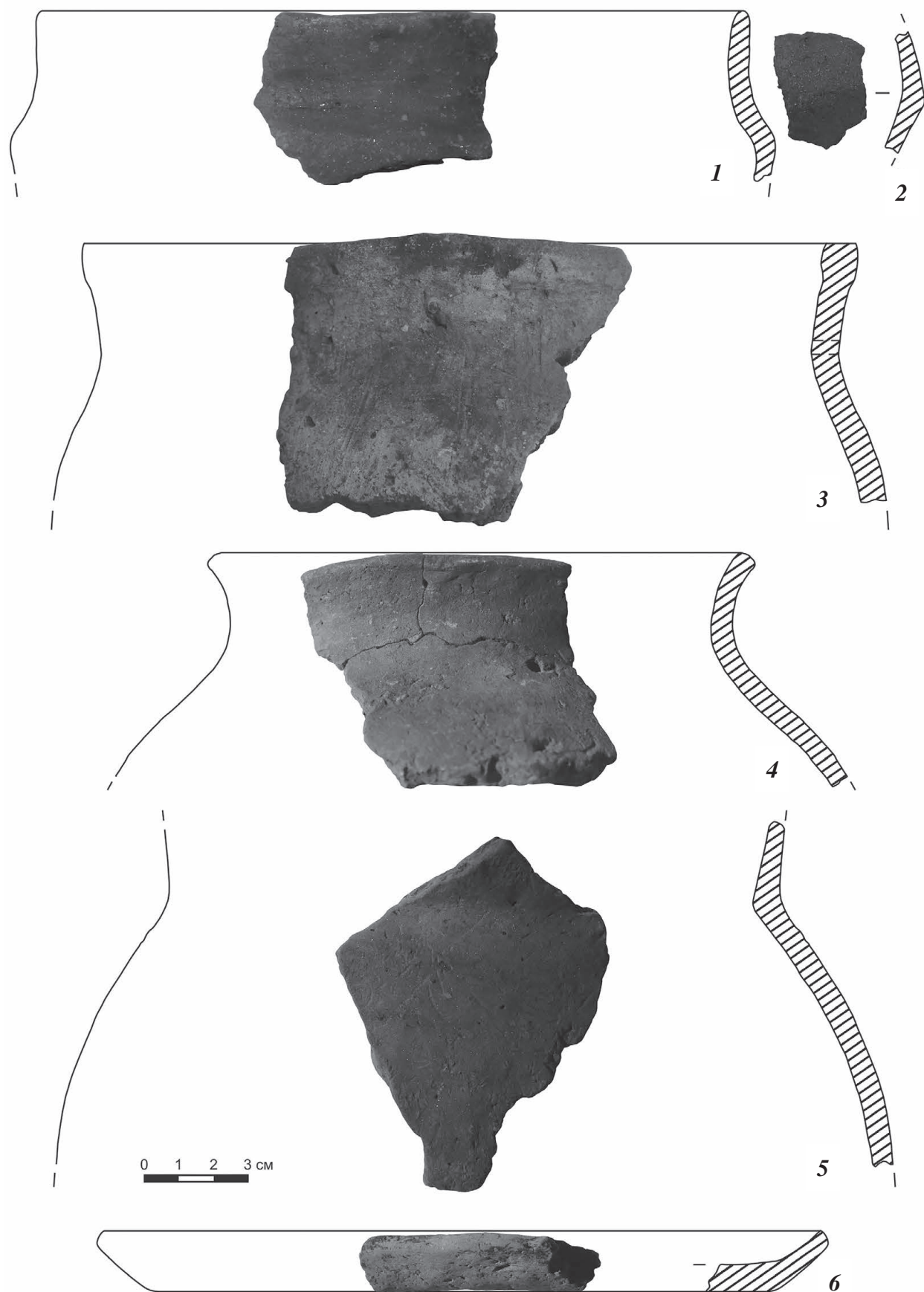
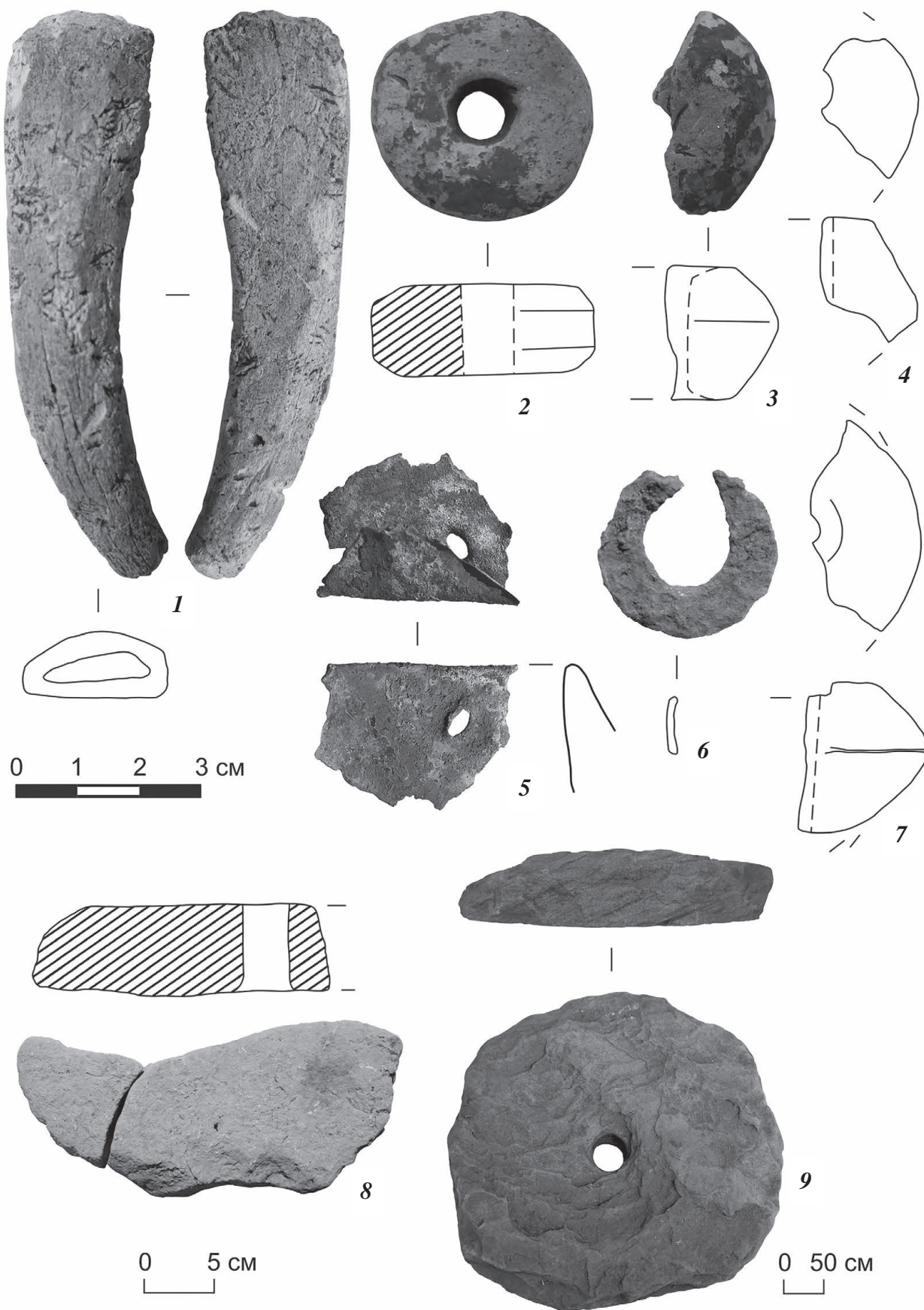


Рис. 5. Поселение Красный Городок 4. Керамика раннего средневековья: лепная (3–6), лощеная (1, 2).



**Рис. 6.** Поселение Красный Городок 4. Находки раннего средневековья: заготовка рукоять рог (1), глиняные прясла (2–4, 7), бронзовая пластина (5), железная подвеска (6), каменные жернова (8, 9).

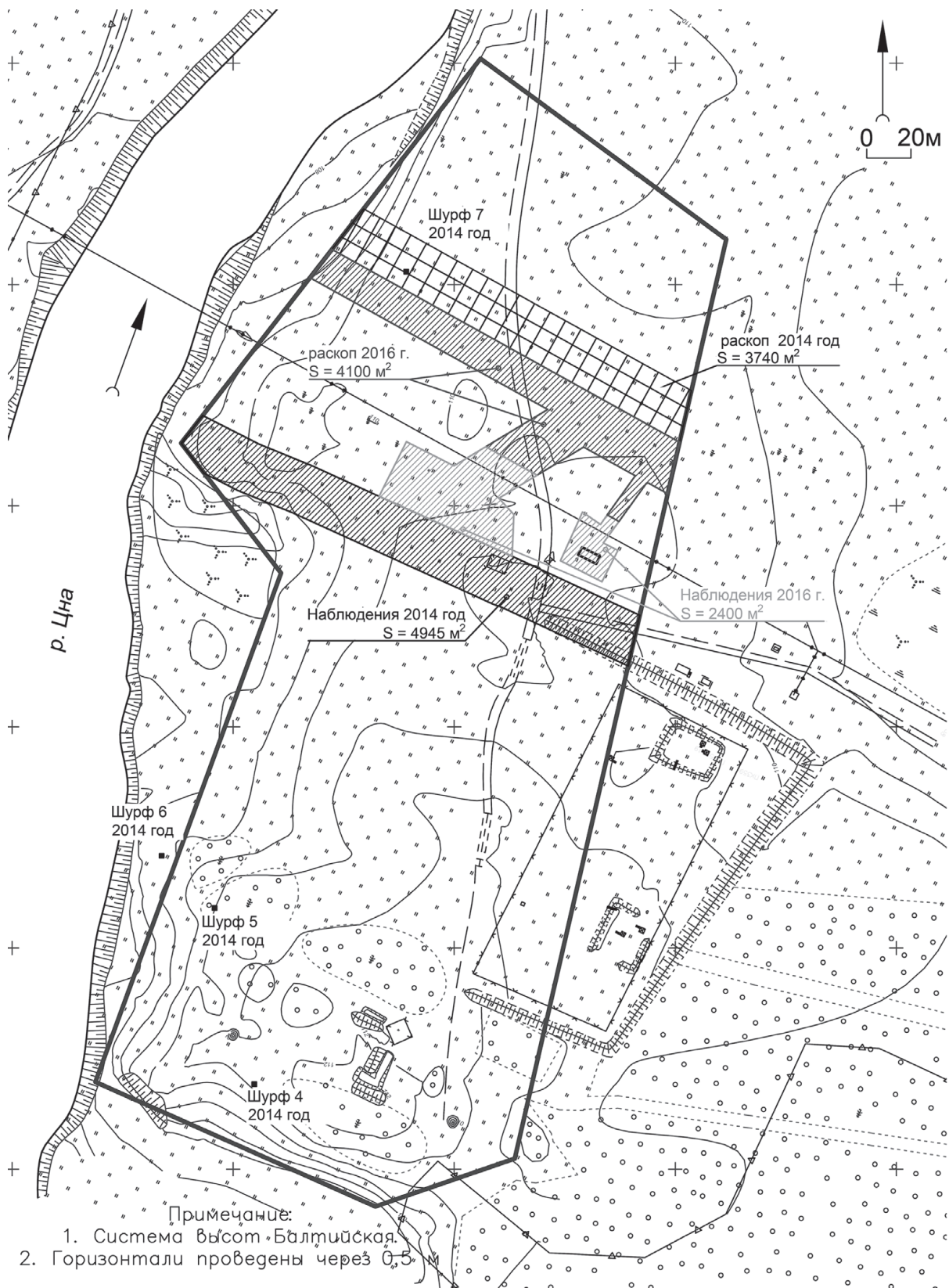


Рис. 7. Поселение Тихий Угол 6. План памятника.



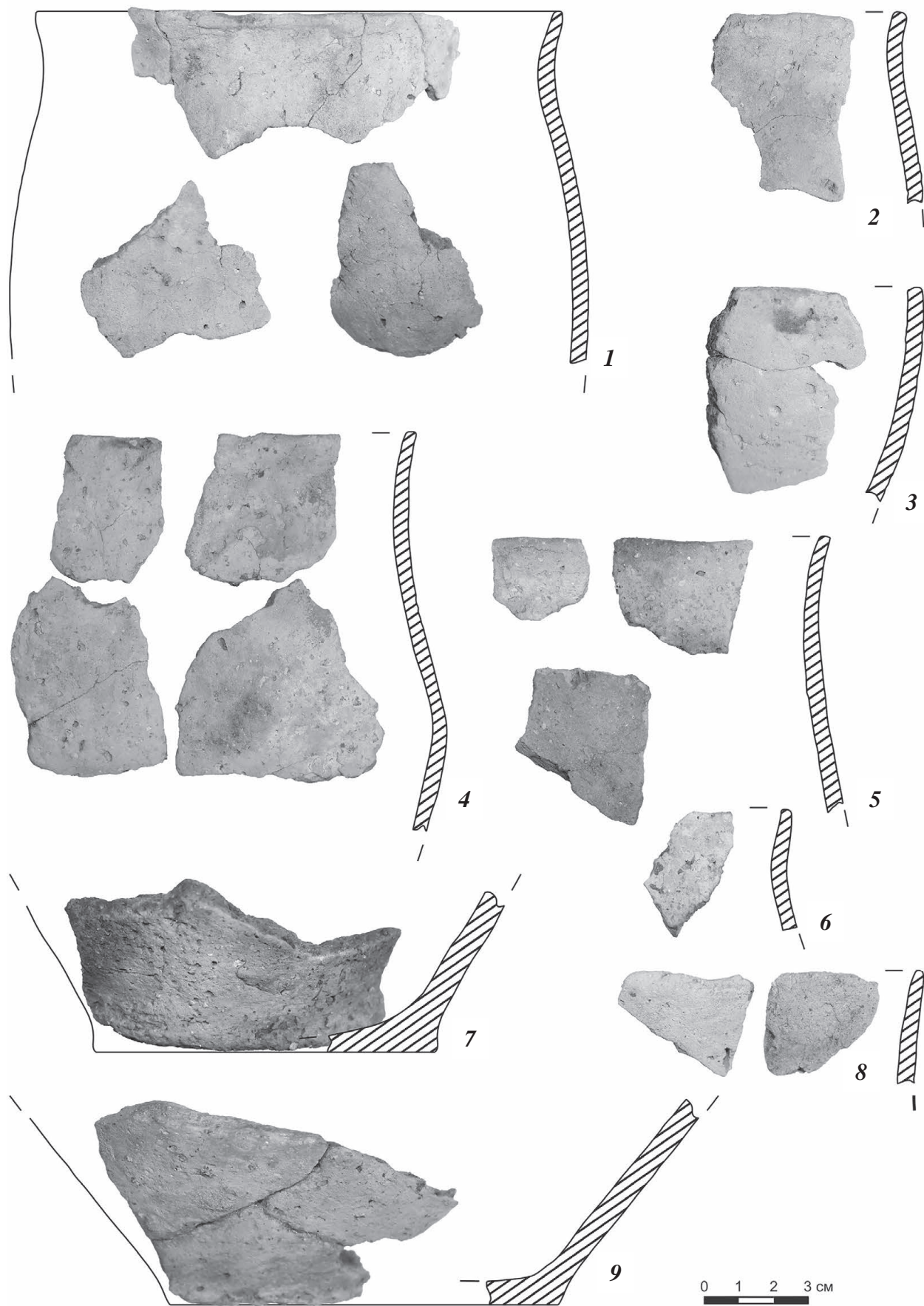


Рис. 8. Поселение Тихий Угол 6. Лепная керамика раннего средневековья.



# Давні слов'яни: домобудування і закладна жертва

С.А. Горбаненко (Київ)

Зафіксовано декілька видів «закладної жертви»: зерно, рештки тваринних, конструкції опалювального пристрою та деякі предмети (астралаги, ключ, прикраси – маючі матеріальну або сакральну цінність). Всі ці випадки достатньо зрозумілі та легко можуть бути пояснені з позицій екстраполяції їх значення на благополуччя та захист житла та його господаря. Очевидно, кожен господар вибирав «закладну жертву» виходячи з власних уподобань та в відповідності до своєї «сфери діяльності».

При будівництві майбутнього господаря закладали речі, які можна прямо або опосередковано екстраполувати на благополуччя, на їх повернення «сторичей». «Закладна жертва» була більш різноманітною, ніж приклади, описані в етнографічній літературі. Хоча дані частково або повністю порівнювані. Жертви можна умовно розділити на два варіанти:

1) опосередкованої екстраполяції значення на символ (зерно та горшки – їжа, рештки диких тваринних, прикраси);

2) двохступенчастої екстраполяції: символіка предмету – його символ для житла (астралаги, ключі).

Турби рога слід зарахувати до обох варіантів.

Випадок «захоронення» старих печей в ході перебудови жител вважаємо виключенням, хоча, однак, за змістом також достатньо подібно до наведених «класических закладних жертв». Різниця ж заключається в тому, що відрізняються не тільки жертви, а й момент їх закладання: в початку будівництва житла, коли воно ще не має власного «характера», або в ході перебудови існуючого спорудження, вже придбаного власного сакрального значення.

*Ключові слова:* слов'яни, житло, закладна жертва, сакральне значення, археологія, етнографія.

**Передмова.** Стаття підготовлена в рамках проекту «Побутова магія східних слов'ян за археологічними даними. Нариси» як одна з частин. Більше того, вона стала першим нарисом, оскільки стосується наймасштабнішого з розглянутих у «Нарисах» питань – житла загалом. За іронією долі, саме до цього нарису увійшли матеріали ювіляра, І.О. Гавритухіна, із досліджень поселення Зимне 4. Це трапилось після консультацій

з дослідником щодо окресленого у назві питання. Тож, можна сказати, що саме І.О. Гавритухін вдихнув життя у весь проект.

**Вступ.** За даними, упорядкованими А.К. Байбурином, закладна жертва під час зведення дому, як етнографічна універсалія, зафіксована по всьому світу (Байбурин, 1983, с. 55). У просторі й часі вона суттєво відрізняється залежно від значної кількості чинників. Першою закладною жерт-

вою, яку приносять ще до початку будівництва, у слов'ян зазвичай виступає яке-небудь молоде деревце (Зеленін, 1937; Байбуурин, 1983, с. 59–60). Оскільки археологічно зафіксувати це неможливо, для нас найважливішими є дані про закладі жертви безпосередньо під час будівництва.

За етнографічними даними, для закладання нового житла слов'яни гадали на хлібі, збіжжі, вовні. Як найпоширеніші предмети для закладної жертви при зведенні нового житла, Д.К. Зеленин вказав срібні й мідні монети, шматки вовни, зерно і шматки хліба, щоб саме на це і було багатим майбутнє житло (та його господарі). Утім, основними місцями для закладання в тіло споруди вказані наземні частини: кути стін, поміж колод зрубу (у випадку будівництва дерев'яного житла) тощо. Також Д.К. Зеленин зауважував, що господарі могли розмішувати там монети як певний варіант розрахунку з будівельниками (Зеленин, 1991, с. 314–316). Зауважимо, що останнє дещо суперечить ідеї закладної жертви.

Автор словника української етнокультурної символіки В.В. Жайворонок засвідчує, що «*як символ життя жито* (виділено нами – С.Г.) *клали під хату, коли її будували*» (Жайворонок, 2006, с. 221).

Етнографи також фіксують як закладну жертву при домобудівництві і тваринні приношення. Д.К. Зеленин зауважував, що «*в язичницькі часи закладання нового дому явно супроводжувалося принесенням курки в жертву домовику, який мав стати покровителем цього дому... Південно-руські Курської губернії і білоруси Мінської губернії при закладанні фундаменту нового дому закопують під кутом дому курячу голову*»<sup>1</sup> (Зеленин, 1991, с. 315).

А.К. Байбуурин, опрацюючи етнографічний матеріал, приділяв увагу більше його семантиці. Щодо речових жертв, дослідник дійшов очевидних висновків, що вовну, зерно і гроші – закладали на добробут (Байбуурин, 1983, с. 66). Більше викликає зацікавленість спостереження А.В. Байбуріна щодо тваринних закладних жертв. За спостереженнями дослідника, «*на слов'янському матеріалі коло реальних свідчень про тваринні жертви обмежується конем і півнем*» (Байбуурин, 1983, с. 63).

Цікава також обережно висловлена думка дослідника, що жертву тваринну згодом замінили предметами. А.К. Байбуурин вважає, що цей тип замін принаймні у східних слов'ян найпізніший

(Байбуурин, 1983, с. 62, 65). Залишається лише здогадуватися, що саме під цим слід розуміти, і на якому матеріалі це можна простежити.

Нині такі обрядові дії, як закладання жертви під час зведення житла суттєво знівельовані «промисловими» масштабами будівництва. Тим не менше, певні відголоски цих обрядів можна спостерігати навіть зараз. Звісно, що йдеться про приватне домобудівництво, де, незважаючи на нищення традицій і їхнє викорінення «матеріальним світом», у господаря, який зводить будинок власноруч або бере в цьому процесі активну участь, «вкладає душу» у цю справу – зведення житла для себе і своєї сім'ї. Так, досі подекуди при зведенні кута, після «вигання» стін до рівня даху, будівництво на деякий час припиняють, а кут прикрашають букетом квітів. При цьому, на питання, навіщо це робиться, можна почути просту відповідь «бо так завжди робили».

Чи можна таку традицію розглядати як відгосок закладної жертви, чи ні – ми не знаємо. Цілком можливо, що це її певна модифікація. Можливо й те, що ця традиція має інше коріння, а також існувала паралельно із закладною жертвою. Що на археологічних матеріалах простежити неможливо. Але незмінним залишається той факт, що там, де до будівництва ставляться як до певного «таїнства», його супроводжують якимись обрядовими діями. І вже точно можна сказати, що ці дії не мають стосунку до дій обов'язкових, необхідних для зведення житла.

**Матеріали.** Метою цього нарису є огляд даних, доступних нині за археологічними джерелами, з домобудівної практики східних слов'ян у давнину. Нині нам відомі кілька прикладів, які цілком можуть слугувати ілюстрацією до закладання певної жертви на благополуччя їхніх майбутніх господарів (рис. 1; таблиця)<sup>2</sup>, до детального розгляду яких ми й переходимо.

**1–3. Зимне 4**, поселення багаточислове (Володимир-Волинський р-н, Волинська обл., Україна). Знаходиться на лівому березі безіменного струмка – лівого допливу р. Луга, неподалік від городища Зимне (Ауліх, 1972) – в 300 м на південний захід. Поселення досліджував Волинський загін Прикарпатської експедиції Інституту археології Академії наук СРСР (далі ІА АН СРСР; начальник – І.П. Русанова) у 1988–1989 рр., а в 1991–1992 рр. – спільна експедиція ІА Російської академії наук та Волинського краєзнавчого музею під керівництвом І.О. Гавритухіна. До-

<sup>1</sup> Тут і далі: переклад цитат наш – С.Г.

<sup>2</sup> Нумерація у тексті, на карті (рис. 1) і в таблиці наскрізна.

сліджена площа склала 550 м<sup>2</sup>, на якій повністю відкрито 47, і частково 4 об'єкти. Із них у восьми об'єктах знайдено матеріали празької культури; чотири з яких становлять житла-напівземлянки. Три напівземлянки (№ 4а, 21, 23) мали подібну цікаву специфіку, що особливо привернула увагу дослідника: у межах жител знаходились ями, в яких були «поховані» рештки попереднього опалювального пристрою (Гавритухин, 1993; 1998; Гавритухин, Федотова, 1993).

1. *Об'єкт 4а*, напівземлянка, орієнтована стінами майже за сторонами світу, близька до квадратної форми розмірами 3,6 × 3,4 м. Житло мало два рівні підлоги; з верхнім рівнем співвідноситься черинь опалювальної споруди в центральній частині. На нижньому рівні підлоги у центрі північної частини зафіксовано яму до 0,4 м завглибшки. Її нижня частина була забита однорідною пропеченою глиною і фрагментами вальків (можливо, й «хлібців»), виявлено й кілька стінок ліпних посудин. Місця опалювального пристрою на рівні цього горизонту не знайдено: на думку дослідника, разом з демонтажем пристрою, місце його знаходження підчистили (рис. 2: 1; Гавритухин, 1993, с. 100–101, 104).

2. *Об'єкт 21*, напівземлянка, також орієнтована стінами майже за сторонами світу, близька до квадратної форми з довжиною стін 3,4–3,5 м. Піч знаходилася в північно-західному куті житла, на відстані від стін. Виготовлена була з принесеної глини, материкового останця не мала. Поміж піччю і північною стінкою житла знаходилась яма близько 45 см в діаметрі, 15 см завглибшки і частково була перекрита піччю. Яма забита чорною вуглистою землею з перепаленою глиною і фрагментами вальків, також знайдено денце празької посудини. Як і в першому випадку, слідів цього опалювального пристрою не виявлено (рис. 2: 2; Гавритухин, 1998, с. 176–177, табл. II).

3. *Об'єкт 23*, напівземлянка, з відхиленням орієнтована стінами за сторонами світу, близька до квадратної форми з довжиною стін 3,6–3,8 м. Піч також знаходилась у північно-західному куті житла, на відстані від стін. На відміну від попередніх двох випадків, її було влаштовано на материковому останці, що займав увесь кут житла. Поблизу печі й північної стіни знаходилась яма діаметром 35 см, заглиблена в материк на 5 см. Там, як і в попередніх випадках, зафіксовано багато фрагментів печини й вальків. Овальна яма з подібним заповненням, а також із фрагментами празької кераміки, знаходилася поблизу південно-західного кута вздовж південної стінки.

Дослідник вважає, що принаймні яма поблизу печі пов'язана зі слідами одного з численних ремонтів опалювального пристрою. За описом видається, що і «південна» яма використана аналогічно (рис. 2: 3; Гавритухин, 1998, с. 177–178, табл. III).

У всіх трьох описаних випадках з точки зору сучасної людини видається нелогічним залишати рештки від перебудови / ремонту всередині житла, витратити час і зайві зусилля на те, щоб «захоронити» їх у межах житла. Очевидно, що такі дії не могли бути обумовлені найпростішим вирішенням «задачі» з утилізації відходів. Утім, не можна сказати і протилежне: що такі дії потребували надзвичайних зусиль і навичок.

4. **Битиця 1**, городище волинцевського часу (Сумський р-н, обл., Україна). Знаходиться на правому корінному березі р. Псел. У 1953 р. розкопки на пам'ятці проводила археологічна експедиція Інституту історії матеріальної культури АН СРСР (далі ІМК АН СРСР) під керівництвом І.І. Ляпушкіна (Ляпушкин 1958б). Дослідження було поновлено, коли у 1984 р. В.В. Приймак провів невеликі розкопки на городищі, що знову підтвердили його унікальність і насиченість рештками матеріальної культури (Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989). Відтоді на Битицькому городищі у 1985–1991 рр. постійно працювала Слов'яно-руська археологічна експедиція Інституту археології АН УРСР під керівництвом О.В. Сухобокова та С.П. Юренко. Досліджено понад 5000 м<sup>2</sup>, що загалом становить незначний відсоток площі городища. Матеріал введений до наукового обігу частково. Найбільше уваги результатам досліджень приділено в монографії О.В. Сухобокова (Сухобоков, 1992).

У 1989 р. з-поміж інших об'єктів було досліджено *напівземлянку 30*. З неї на ідентифікаційний аналіз передано до Інституту археології Г.О. Пашкевич 11 мл обвугленого збіжжя. У зразку виявилось: 657 зернівок пшениці двозернянки (*Triticum dicoccon*), 81 – пшениць м'яких голозерних (*Triticum aestivum* s. l.<sup>3</sup>), 9 – вівса посівного (*Avena sativa*). Крім культурних рослин, до складу зразка також входили й бур'яни: 18 зернівок стоколосу житнього (*Bromus secalinus*) і

<sup>3</sup> S. l. – sensu lato – у широкому розумінні. Види пшениць м'яких голозерних за обгорілими макрорештками (та й за відбитками зернівок на кераміці) доволі складно відрізнити. Тому їх прийнято давати спільно з умовним позначенням «у широкому розумінні».

9 – стоколосу польового (*Bromus arvensis*) (Пашкевич, 1991, с. 14–15, 44). За даними Г.О. Пашкевич, вперше висловленими у 2010 р., – це було закладання частини врожаю (очевидно, на добробут) у стовпову ямку (Свистун, Пашкевич, Горбаненко, 2010)<sup>4</sup>.

**5. Литвиновичі 3**, поселення волинцевського етапу (Кролевецький р-н, Сумська обл., Україна). Знаходиться на мису першої надзаплавної тераси правого берега р. Клевень. У 1992 р. на пам'ятці проводила розкопки Лівобережна ранньослов'янська експедиція ІА АН СРСР під керівництвом А.М. Обломського. З-поміж інших об'єктів досліджено споруду 1 – житло підпрямокутної форми розмірами 4,4 × 4,4–4,6 м, орієнтоване стінами за сторонами світу. *«Під південно-західним кутом споруди була простежена підпрямокутна яма, яка, ймовірно, мала безпосередній стосунок до житла. Вона орієнтована так само, як і останнє, себто за сторонами світу... її розміри становлять 1,2 × 0,8 м по верхньому краю і 0,7 × 0,8 м в нижній частині, глибина – 0,3 м. На дні споруди лежав в анатомічному порядку скелет передньої частини туші бобра (до таза включно). У місці, де у тварини знаходилась шия, вертикально стирчав залізний пробійник. Яма, найімовірніше, представляє ритуальний комплекс, бобер, напевно, був будівельною жертвою, вчиненою при зведенні споруди 1»* (рис. 3; Обломский, 2000, с. 142–145).

**6. Новотроїцьке**, городище роменської культури (Лебединський р-н, Сумська обл., Україна). Знаходиться на правому корінному березі р. Псел в уроч. Городище. У 1948 р. пам'ятку обстежила Дніпровська лівобережна археологічна експедиція, а у 1952–1954 рр. провів розкопки Дніпровський загін слов'янської археологічної експедиції ПМК АН СРСР під керівництвом І.І. Ляпушкіна. У результаті відкрито всю площу городища – 3600 м<sup>2</sup>, а також частину поселення – близько 300 м<sup>2</sup>. Досліджено 47 жител на городищі та три – на поселенні (Ляпушкин, 1958а).

З-поміж досліджених жител привертає увагу напівземлянка 21. Орієнтована кутами за сторонами світу, близька до прямокутної форми з довжиною стін близько 5 × 4 м. У стовповій ямці біля північно-західної стіни виявлено п'ять скроневих кілець та близько сотні скляних і пастових намистин жовтого й зеленого кольору, а також у вигляді

«перлин» (дво- й тричастинних). Із житла походить також «скарб», виявлений біля південно-західної стінки у глинистому шарі в гумусованій лінзі, що складався із шести срібних скроневих кілець та однієї сережки салтівського типу (рис. 4; Ляпушкин, 1958а, с. 87–90; рис. 57; 58; табл. 27). На городищі загалом виявлено декілька «скарбів» та скупчень ювелірних прикрас, однак, лише у цій напівземлянці виявлено два таких скупчення, які впевнено можна характеризувати як спеціально утворені депозитарії в межах житла.

Щодо цієї знахідки, складно з упевненістю стверджувати, що цілий набір коштовних речей став «закладною жертвою». Питання можна було б вирішити однозначно, якби у стовповій ямці над депозитарієм було виявлено рештки стовпа – обгоріле дерево, що для реалій Новотроїцького було звичайною справою. Однак, оскільки такого «перекриття» не було, велика ймовірність того, що депозитарій потрапив туди пізніше, після зведення житла. Речі туди міг згодом якимось чином помістити сам господар. Отже, ми ставимо під сумнів цей приклад, адже для «закладної жертви» важливішою є символізм, а не кількість. Тому ми все ж схилиємося до думки, що описана знахідка є скарбом, який господар приховав «до кращих часів», «від недоброзичливців».

**7–11. Животинне**, городище боршевської культури, VIII–XI ст. (с. Староживотинне, Рамонський р-н, Воронежська обл., РФ). Розташоване на мису правого берега р. Воронеж 30–45 м заввишки. Матеріал репрезентує переважно боршевську культуру (також широко представлений давньоруський період) і датований в цілому VIII–XI ст. Городище відкрито слов'янським загоном археологічної експедиції Воронежського університету в 1974 р.; того самого року, а також у 1977, 1982–1986 рр. досліджуване під керівництвом А.З. Віннікова (Винников, 1995), а також у 1996–1999, 2001 рр. під керівництвом В.М. Ковалевського (Ковалевский, 2002а; 2002б). Ранньослов'янський період існування репрезентований 48 житлами (Винников, 2014).

Серед жител, з точки зору можливої «закладної жертви» привертають увагу п'ять напівземлянок: будівлі 27, 29, 32, 44, 63<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> У звітній документації (Сухобоков и др., 1987) будь-які згадки відсутні.

<sup>5</sup> Городище знаходиться на супіщаних ґрунтах, тому переважна більшість різних дрібних об'єктів (напр., стовпових ямок) доволі аморфна. Це, вочевидь, також призвело до частих ремонтів, перебудов, встановлення нових стовпів, що відобразилося у збільшеній кількості стовпових ямок і нечіткості.



7. *Будівля 27*, напівземлянка, з відхиленням орієнтована кутами за сторонами світу, близької до прямокутної форми з довжиною стін до 4 м. Мала стовпові ямки у трьох кутах: північному, західному й східному. Посередині стін стовпові ямки такі: біля північно-східної і південно-західної – для здвоєних стовпів; на протилежних – для одиничних. У південно-західній ямці виявлено срібну підвіску (рис. 5: I; Винников, 2014, с. 50–53; фото 8; рис. 19; 51). Додамо також, що в житлі знайдено доволі багато (порівняно з іншими житлами, дослідженими на Животинному городищі) решток різноманітних ювелірних прикрас і «біжутерії».

8. *Будівля 29*, напівземлянка, з відхиленням орієнтована кутами за сторонами світу, близької до квадратної форми з довжиною стін близько 4 м. У материковій долівці котловану розчищено ряд ямок різного призначення. Майже в центрі житла знаходилась яма значних розмірів 1,26 × 1,16, завглибшки 0,7–0,8 м, що нерівними приступками звужувалась донизу. За зауваженнями дослідника, яма не мала господарського призначення, а більше нагадує стовпову центральну яму від центрального стовпа для даху із сильно зруйнованими стінами. Заповнення дуже щільне, з великою домішкою глини, на відміну від центральної частини, де воно складалося з гумуваного ґрунту. У ямі знайдено ріг козулі зі слідами підрізки. За висловлюванням дослідника, «не можна відкидати також і призначення цієї ями для закладної жертви у вигляді рогів козулі» (рис. 5: II; Винников, 2014, с. 55–58; рис. 21; 65: 2). До цього додамо лише, що ці дві інтерпретації (центральна опорна стовпова яма, яма для закладної жертви) цілком поєднані між собою: яма могла мати функціональне призначення опорної, водночас при закладанні житла виконавши роль закладної. За спостереженнями, підсумованими М.С. Сергєєвою, цей ріг з тварини було зрізано (рис. 5: II: 2; див.: Сергєєва, 2011, рис. 7: б), себто – він був результатом мисливства, а не збиральництва.

Як можна було б припустити, житло могло належати мисливцю. Тим не менше, у ньому не виявлено стріл, у цілому добре відомих із матеріалів Животинного городища. Археозоологічні дані свого часу були введені до наукового обігу сукупно (Журавлев, 1998), тому за ними неможливо встановити специфіку саме цього житла. Можливе лише загальне зауваження, що з-поміж слов'янських культур Східної Європи наприкінці I тис. н.е., для боршевських пам'яток (у тому чис-

лі й Животинного) встановлено найвищий відсоток кількості особин диких тварин, їхнє переважання над свійськими (Винников, 1995, табл. 1; пор.: Колода, Горбаненко, 2018, с. 139–143). Тим не менше, якщо розглядати привласнювальну галузь у комплексі мисливство і рибальство, важливим буде зауваження, що з цього житла походить сім риболовецьких гачків (рис. 5: II: 3) із 13, загалом виявлених на городищі.

9. *Будівля 32*, напівземлянка, орієнтована кутами за сторонами світу, квадратної форми з довжиною стін 3,5 м. У материковій долівці котловану розчищено ряд стовпових ямок, у тому числі здвоєних. У західному куті на місце ямки потрапила пізніша господарська яма 80; у південному куті – будівля 33. У ямці поблизу північно-східної стіни знайдено чотири астрагали: два з наскрізними отворами, один не повністю просвердлений, і ще один – без отвору, але прикрашений прокресленими лініями на бічній стороні (рис. 5: III; Винников, 2014, с. 61–64; рис. 23; 66: 3).

10. *Будівля 44*, напівземлянка, з відхиленням орієнтована стінами за сторонами світу, близької до квадратної форми з довжиною стін понад 4 м. Західна стінка відсутня у зв'язку з перекриттям двома пізнішими об'єктами (№ 42 і 47); північно-східний кут пошкоджений господарськими ямами. У материковій долівці котловану розчищено ряд стовпових ямок. У ямці посередині східної стінки знайдено фрагмент залізного ключа (рис. 5: IV; Винников, 2014, с. 73–75; рис. 25; 45: 6).

11. *Будівля 63*, напівземлянка, з відхиленням орієнтована кутами за сторонами світу, близької до квадратної форми з довжиною стін понад 4 м. У материковій долівці котловану по кутах і вздовж стін розчищено ряд стовпових ямок; біля кожної стіни було по дві здвоєні ямки. У ямках біля північно-східної й протилежної південно-західної стінок знайдено по одній невеликій посудині. На думку дослідника, це були дитячі іграшки (рис. V; Винников, 2014, с. 102–105; рис. 37; 82: 4, 18).

12. *Титчиха*, городище боршевської культури, VIII–XI ст. (Лискинський р-н, Воронежська обл., РФ). Знаходиться на третій терасі правого берега р. Дон. Пам'ятку досліджувала спільна археологічна експедиція Воронежського державного університету і Обласного музею краєзнавства у 1954–1963 рр. під керівництвом А.М. Москаленко (Москаленко, 1965). Досліджено 46 жител-напівземлянок. З-поміж них, у *напівземлянці 22* в стовповій ямці виявлено обгоріле збіжжя.

Житло орієнтоване кутами за сторонами світу. У ньому досліджено сім стовпових ямок, з яких три знаходились по кутах житла, а чотири – по центру стін. За типом влаштування стін, дослідниця зарахувала житло до стовпового з горизонтальним облицюванням. Загальна площа напівземлянки становить близько 16 м<sup>2</sup>. Незначне скупчення збіжжя було виявлене у стовповій ямці біля північно-західної стіни (рис. 6).

Оскільки в монографії, присвяченій введеному до наукового обігу результатам досліджень городища Титчиха, матеріал дано сукупно, як такий, що походить з напівземлянки 22 (крім того, частину збіжжя зібрано з долівки, а також з горщика), нині неможливо чітко встановити, які саме зернівки були у стовповій ямці. У цілому для напівземлянки перелічено такі знахідки обгорілих матеріалів: зерна ячменю (до виду не вказано), жита і одна зернівка проса (Москаленко, 1965, с. 65, 192; визначення Є.А. Федосєєвої).

**13, 14. Київ, Поділ** давньоруського часу. Історія досліджень Київського Подолу нараховує майже два століття. Роботи поживалися наприкінці 1970-х рр. під час прокладання там метро відкритим способом. Дослідження тривають дотепер; ступінь наукового опрацювання отриманих матеріалів надзвичайно різний. Детальніше про стан дослідженості й публікації матеріалів можна дізнатися з узагальнюючих і тематичних монографічних видань (Толочко, Гупало, Харламов, 1976; Новое..., 1981; Сагайдак, 1991; Сергєєва, 2011; Паньков, 2012; Тараненко, 2016 та ін.).

**13.** У монографії Я.Є. Боровського вміщено свідчення, що під північно-східним кутом зрубу 983 р. (1972 р. досліджень) було покладено два турячих роги. Таке їхнє положення дозволило досліднику інтерпретувати їх як закладну жертву (Боровський, 1992, с. 73)<sup>6</sup>. Це – зруб 4: орієнтований кутами за сторонами світу, з довжиною стін 5,5 × 5,6 м (рис. 7: I).

**14.** Також екземпляр рогу тура (рис. 7: II) було виявлено у ході робіт Подільської експедиції у 2001 р. за адресою пер. Ярославський, 4, під нижнім вінцем зрубу споруди кінця XII – початку XIII ст. (Сергєєва, 2010, табл. 11: 1; Sergeeva, 2012, р. 565)<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> Обставини знахідки поновлено за допомогою зіставлення даних з монографій Я.Є. Боровського (Боровський, 1992, с. 73), М.С. Сагайдака (Сагайдак, 1991, с. 83) і початкової публікації (Гупало, Толочко, 1975).

<sup>7</sup> За польовими матеріалами.

**Дискусія.** Підсумуємо викладене (див. таблицю). Зафіксовано декілька видів «закладної жертви»: збіжжя, рештки тварин, конструкцій опалювального пристрою і певні предмети (астрагали, ключ, прикраси – що мали матеріальну або сакральну цінність). Усі ці випадки достатньо зрозумілі та легко можуть бути пояснені з позицій екстраполяції їхнього значення на добробут і захист житла та його господаря. Вочевидь, кожен господар добирав «закладну жертву» за власним вподобанням і відповідно до своєї «сфери діяльності»<sup>8</sup>.

Дані щодо закладання частини збіжжя в основу будівлі – в одну зі стовпових ямок, нині обмежені лише двома прикладами з двох пам'яток. Із цього приводу постає питання рівня фіксації матеріалів. Адже зернівки культурних рослин мають надзвичайно малі розміри у порівнянні з іншими археологічними матеріалами, а також чорний колір, через що їх доволі складно виявити у ґрунті. Додамо також і те, що в природних умовах помірно континентального клімату ботанічні матеріали зберігаються переважно в обгорілому вигляді; себто – такий матеріал може залишитися лише у «законсервованому» вигляді після взаємодії з вогнем / високими температурами. В інших випадках (приготовлена їжа: каші, хліб тощо) така «закладна жертва» зітліє і не буде виявлена археологічними дослідженнями. Отже, вважаємо, що закладання збіжжя та їжі з нього могло мати набагато більшу поширеність, ніж це можливо зафіксувати. Найімовірніше, знахідки посудин у стовпових ямках мають те саме значення та / або містили їжу. Зважаючи ж на те, що дослідники не засвідчили у горщиках зоологічних решток (які на відміну від ботанічних мали б зберегтися), доходимо висновку, що їжа могла бути представлена саме результа-

<sup>8</sup> Цікавий випадок, що не увійшов до основного переліку, походить із поселення Зам'ятіно 7 середини I тис. н.е. (Задонський р-н, Липецька обл., РФ; Обломський, 2004). На поселенні досліджено наземну споруду (№ 2), яку вдалось приблизно оконтурити за допомогою насиченості ґрунту фрагментами обмазки і стовпових ямок. На межі споруди нижче виявлено «скарб» побутових речей, що складався з трьох риболовецьких гачків, ботала, оселка, двох пробійників, ножа та гачка поліваріантного призначення. Встановити чіткий взаємозв'язок зі спорудою неможливо; отже, і беззаперечно зарахувати цей випадок до закладних жертв не можна. Не виключаємо, що це міг бути звичайний господарський депозитарій предметів, що мають цінність для їх власника. Але у будь-якому разі «скарб» засвідчує пріоритети людини, що його залишила.

тами хліборобства. А.З. Вінніков, інтерпретує ці знахідки також як дитячі іграшки. Лише у звіті В.М. Ковалевського зазначено, що *«Можливо, це якісь закладні жертви, оскільки мініпосудини зустрічаються саме в стовпових ямках жител»* (Ковалевский, 1997, с. 6); ми схилиємося саме до цієї думки. Очевидний і сенс таких приношень – на добробут у житлах / сім'ях, які мають яскраво виражений сільськогосподарський – хліборобський характер. Етнографічні паралелі у цьому випадку також цілком однозначні.

Іншу частину біологічних «закладних жертв» – рештки тварин – умовно можна поєднати у групу, характерну для мешканців, які жили з привласнювального господарства. Особливо яскравий приклад зафіксований на Животинному городищі, де у житлі 29 виявлено не лише зрізаний ріг козулі (що означає, що тварину було вбито), але й суттєвий набір риболовецьких гачків (див. рис. 5: II). Рештки бобра з поселення Литвиновичі 3 також, на нашу думку, висвітлюють мисливський характер мешканця, хоча цей випадок може мати і якісь альтернативні пояснення. Знахідки з давньокиївського Подолу можуть мати дві інтерпретації, що загалом не суперечать одна одній. За Я.Є. Боровським, виявлені турячі роги, разом з іншими даними, свідчать про культове значення образу Тура (Боровський, 1992, с. 73–74). Аналіз цієї тези виходить за межі нашого дослідження. Однак, якщо приєднатися до думки Я.Є. Боровського, це мало б означати певні культові дії для вшанування Тура. Нам видається, що пояснення може бути і дещо «прозаїчнішим»: обидва наведені приклади знахідок турячих рогів на давньокиївському Подолі є свідченнями «закладної жертви», яку міг принести мисливець, щоб у житлі не переводилася дичина. Не виключено, що турячі роги поєднували обидві ці «функції» – і закладна жертва від мисливця, і культ образу Тура. Етнографічні паралелі таких жертвоприношень нам не відомі.

Щодо астрагалів (які зазвичай виготовляли з кісток свійських тварин), незважаючи на те, що за матеріалом вони формально належать до зоологічних решток, однак фактично є речовим матеріалом. Тому вважаємо, що їх слід зарахувати до іншої групи.

Умовна третя група поєднує речі сакрального характеру і побутового призначення, що у разі їхнього «жертвоприношення» набули сакрального значення. До цієї групи зараховуємо знахідку ключа, а також – астрагалів.

Що стосується астрагалів, думки про їхнє призначення у дослідників різняться. Найпростішим можна вважати погляд, що ці вироби є амулетами або кістками для ворожіння. Інші вказують на сакральний зміст самих астрагалів та ігор з ними у різних культурах. Їх пов'язують з магією родючості й достатку, з одного боку, а також з уявленнями про долю – з іншого (див.: Сергеева, 2002; 2010; історіографію див. там само). Доволі подібну символіку мають і ключі: це символ мудрості, збереження домашнього майна та багатства. У цьому випадку сакральне значення таких «закладних жертв» також очевидний і не потребує додаткових коментарів. Етнографічні паралелі таких жертвоприношень нам не відомі.

Речові приклади, що залишились (коштовні прикраси – єдиний достовірний випадок, а також один сумнівний приклад), також цілком очевидні: такі жертвоприношення закладали на багатство. За етнографічними матеріалами, найближчими аналогіями вважаємо закладання монет.

Для нас також цікавим є спостереження, що під підлогою (під кутом будинку або під порогом) міг жити домовик (Зеленин, 1991, с. 412; див. також Пуголовок, 2009; Пуголовок, Горбаненко, 2014; Горбаненко, Пуголовок, 2016). У такому випадку «закладну жертву» могли залишати саме міфічному господарю житла, щоб задобрити останнього.

Із нашої точки зору, дещо окремо слід розглядати «захоронення» решток печей безпосередньо в житлах у ході ремонту споруд, зафіксовані на поселенні празької культури Зимне 4. Такі випадки не можна характеризувати як «класичне жертвоприношення», однак і ритуальність цих дій очевидна. Оскільки піч мала беззаперечне сакральне значення (див. Пуголовок, 2009; Свистун, Пашкевич, Горбаненко, 2010; Пуголовок, Горбаненко, 2014; Горбаненко, Пуголовок, 2016), її «поховання» всередині житла, де вона раніше функціонувала, має символізувати прагнення господарів до певної спадковості житлового простору. Такі дії умовно можна назвати принесенням в жертву попередньої печі житлу / її міфічному господарю для подальшого добробуту у межах перебудованого житла.

**Прикінцеві положення.** Розглянемо деякі етнографічні приклади, що не знайшли відображення в археологічній літературі. У своїй фундаментальній монографії, присвяченій дослідженню значення житла у житті східних слов'ян А.К. Байбурін стверджував, що закладною жертвою часто виступають кінь і пі-

вень. Автор додає: «Щодо питань, пов'язаних із походженням жертви, її еволюції, ритуалом жертвоприношення накопичений велетенський археологічний (виділено нами – С.Г.), етнографічний і мовний матеріал. Вище ми спробували описати деякі... найсуттєвіші аспекти будівельної жертви у східних слов'ян» (Байбурин, 1983, с. 67). Автор в принципі не суперечить сам собі. Але звернемо увагу на те, що з археологічного матеріалу наведено... один приклад – Новгород, де в основі ряду зрубів Х–XIV ст. було виявлено кінські черепи (Седов, 1957, с. 20–28; Миронова, 1967).

Щодо знахідок кінських черепів у Новгороді, дослідниця, яка займалась цією темою, В.Г. Миронова, зазначила: «особливо характерний звичай кінського жертвоприношення для народів фіно-угорської групи мов, хоча він нерідкісний і в інших областях. Приклад кереметі, поширений у мордві і чувашів» (Миронова, 1967, с. 222–223). Таким чином, археологічні дані не підтверджують поширеність закладання голів коней в ареалі східних слов'ян, а єдиний приклад з Новгороду має неслов'янське коріння.

Згадки про знахідки курячих голів нам досі не відомі.

**Висновки.** Отже, при домобудівництві майбутні господарі закладали речі, що можна було прямо або опосередковано екстраполювати на

добробут, на їхнє повернення «сторицею». «Закладна жертва» була різноманітною, ніж приклади, описані в етнографії. Хоча дані частково цілком зіставні. Жертви можна умовно поділити на два варіанти:

1) безпосередньої екстраполяції значення на символ (зерно і горщики – їжа, рештки диких тварин, прикраси);

2) двоступеневої екстраполяції: символіка предмета – його символ для житла (астрагали, ключі).

Турячі роги слід зарахувати до обох варіантів.

Випадки «поховання» старих печей у ході перебудови жител вважаємо винятком, який, однак, за змістом також доволі подібний до наведених «класичних закладних жертв». Різниця ж полягає у тому, що відрізняються не лише жертви, але і момент їхнього закладання: на початку будівництва житла, коли воно ще не має власного «характеру», чи у ході перебудови існуючої споруди, яка вже набула власного сакрального значення.

**Подяки.** Автор щиро вдячний Ю.Ю. Башкатову, І.О. Гавритухіну, П.Г. Гайдукову, В.В. Єнукову, В.М. Ковалевському, С.П. Маярчаку, А.М. Обломському, А.В. Панікарському, О.В. Петраускасу, Я.В. Погоральському, В.В. Приймаку, М.С. Сергєєвій, Ю.М. Ситому, С.П. Тараненку, Р.В. Терпиловському.

### Знахідки «закладних жертв» у стовпових ямках (див. рис. 1)

Каталог, №	Пам'ятка, № житла	Біологічні		Артефакти			Рисунок
		Ботанічні	Зоологічні	Речі «сакрального» характеру	Прикраси	Рештки конструкцій	
1	Зимне 4, 4а	–	–	–	–	Опаловальний пристрій	2: 1
2	Там само, 21	–	–	–	–	Те саме	2: 2
3	Там само, 23	–	–	–	–	Те саме	2: 3
4	Битиця 1, 30	Збіжжя	–	–	–	–	–
5	Литвиновичі 3, 1	–	Рештки бобра	–	–	–	3
6	Новотроїцьке, 21	–	–	–	Скроневі кільця, намисто	–	4
7	Животинне, 27	–	–	–	Срібна підвіска	–	5: I
8	Там само, 29	–	Зрізаний ріг козулі	–	–	–	5: II
9	Там само, 32	–	4 астрагали, 1 – з отвором, 1 – з прокресленими лініями *	–	–	–	5: III
10	Там само, 44	–	–	Залізний ключ	–	–	5: IV



Каталог, №	Пам'ятка, № житла	Біологічні		Артефакти			Рисунок
		Ботанічні	Зоологічні	Речі «сакраль-ного» характеру	Прикраси	Рештки конструкцій	
12	Титчиха, 12	Збіжжя	–	–	–	–	6
13	Київ Поділ, «зруб 983 р.»	–	2 роги тура	–	–	–	7: I
14	Там само, розкопки 2001 р.	–	Ріг тура	–	–	–	7: II
Разом, випадків		2	5	3	2?	3	–

\* У категорію зоологічних решток враховано формально.

## Література

**Ауліх В.В. 1972.** Зимнівське городище – слов'янська пам'ятка VI–VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка. 124 с.

**Байбурин А.К. 1983.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. 188 с.

**Боровський Я.Є. 1992.** Світогляд давніх киян. Київ: Наукова думка. 176 с.

**Винников А.З. 1995.** Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: ВГУ. 168 с.

**Винников А.З. 2014.** Юго-Восточная окраина славянского мира в VII – начале XIII вв. (Животинное городище на р. Воронеж). Воронеж: Кварта. 396 с.

**Гавритухин И.О. 1993.** Раннеславянские памятники в районе Зимневского городища // *Archaeoslavica*. № 2. С. 99–112.

**Гавритухин И.О. 1998.** Горизонт пражской культуры поселения Зимно 4 // *Archaeoslavica*. № 3. С. 171–207.

**Гавритухин И.О., Федотова Е.Н. 1993.** Раскопки на поселении Зимне 4 в 1991–1992 гг. // Археологічні дослідження в Україні 1992 р. С. 40–43.

**Горбаненко С.А., Пуголовок Ю.О. 2016.** Про один маловідомий культ у сіверян // *In Sclavenia terra*. № 1. С. 207–228.

**Гупало К.М., Толочко П.П. 1975.** Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень // Стародавній Київ / Ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка. С. 40–79.

**Жайворонок В.В. 2006.** Знаки української етнокультурної символіки. Київ: Довіра. 704 с.

**Журавлев О.П. 1998.** Животноводство у славянского населения восточноевропейской лесостепи во второй половине I тыс. нашей эры // Вопросы истории славян. № 12. С. 34–43.

**Зеленин Д.К. 1937.** Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. (Труды Института антропологии, археологии, этнографии. Т. XV, вып. 2). М.; Л.: АН СССР. 78 с.

**Зеленин Д.К. 1991.** Восточнославянская этнография. М.: Наука. 512 с.

**Ковалевский В.Н. 1997.** Отчет о раскопках Староживотинного славянского городища в 1997 году // Архив Археол. музея ВГУ, № 135.

**Ковалевский В.Н. 2002а.** Планировка восточнославянского жилища VIII – начала XI вв. // Археологические памятники Восточной Европы. 9 / Ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 176–183.

**Ковалевский В.Н. 2002б.** Славянские жилища VIII – первой половины XI вв. в Днепро-Донском лесостепном междуречье. Диссертация канд. истор. наук. Воронеж. 271 с. // Архив ВГУ.

**Колода В.В., Горбаненко С.А. 2018.** Сільське господарство населення Хозарського каганату в лісостеповій зоні. Київ: Академперіодика. 170 с.

**Ляпушкин И.И. 1958а.** Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 74). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 328 с.

**Ляпушкин И.И. 1958б.** К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. № 29. С. 58–83.

**Миронова В.Г. 1967.** Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. № 1. С. 215–227.

**Москаленко А.Н. 1965.** Городище Титчиха. Из истории древнерусского поселения на Дону. Воронеж: ВГУ. 310 с.

**Новое в археологии Киева. 1981.** / Ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка.

**Обломский А.М. 2000.** Новые комплексы волынцевского этапа на территории Среднего Посеймья // Археологічні студії. № 1. С. 142–151.

- Обломский А.М. 2004.** Глава 3. Поселение Замятино-7 // Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М.: ИА РАН. С. 37–56, 186–187, 240–273.
- Паньков С.В. 2012.** Залізвидобувне і ковальське виробництво давньоруського Києва та його околиць. Дослід історико-технічної реконструкції і порівняльної характеристики. Київ: ІА НАН України. 240 с.
- Пашкевич Г.А. 1991.** Палеоэтноботанические находки на территории Украины: Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.: Каталог I. Київ: Препринт. 48 с.
- Пуголовок Ю.О. 2009.** Про один із фактів поклоніння домашнім духам у середовищі літописних сіверян (за матеріалами розкопок у Полтаві в 2007 р.) // Магістеріум. Археологічні студії. Вип. 36. С. 56–58.
- Пуголовок Ю.О., Горбаненко С.А. 2014.** Печь как культовое место в жилище Северян: археологические данные // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. T. XXXV. С. 141–150.
- Сагайдак М.А. 1991.** Давньокиївський Поділ: Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ: Наукова думка. 168 с.
- Свистун Г.Є., Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А. 2010.** Пічка XVII ст. з відбитками зернівок з Чугуївського городища // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 19. С. 148–156.
- Седов В.В. 1957.** К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИА. Вып. 68. С. 20–30.
- Сергеева М.С. 2002.** До історії гри в бабки в Київській Русі // Археологія. № 4. С. 50–58.
- Сергеева М.С. 2010.** Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг // Древности 2010. Харків. С. 198–215.
- Сергеева М.С. 2011.** Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ: ІА НАН України. 256 с.
- Сухобоков О.В. 1992.** Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ: Наукова думка. 210 с.
- Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. 1989.** Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь / Ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка. С. 92–105.
- Сухобоков О.В., Юренко С.П., Белинская Л.И., Пархоменко О.В., Покас П.Н. 1987.** Левобережная славяно-русская экспедиция. Отчет о полевых исследованиях 1987 г. // НА ІА НАН України. Ф. 64. № 1987/13.
- Тараненко С.П. 2016.** Планувальна структура давньоруського Подолу Києва: формування та розвиток. Варшава: Stowarzyszenie Współpracy Polska – Wschód, Muzeum Okręgowe w Koninie. 164 с.
- Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. 1976.** Розкопки Києвоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва / Ред. П.П. Толочко. Київ: Наукова думка. С. 19–46.
- Sergeeva M. 2012.** Early Rus' sacred objects in antler and bone from the Middle Dnieper area // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence / Eds. M. Salamon et alii, Kraków; Leipzig; Rzeszow; Warszawa: Inspektorat Towarzystwa Salezjańskiego. T. II. P. 563–571.

---

**Summary****Early Slavs: Housebuilding and foundation sacrifice****S.A. Gorbanenko**

Several types of foundation sacrifice were recorded. They are corn, remains of animals, remnants of structures, heating device and certain items (astragals, key, jewelry, which were objects of material or sacral value). All these cases are quite understandable and can easily be explained from the perspective of extrapolating their values to the welfare and protection of housing and its owner. Obviously, each owner chose a foundation sacrifice according to his own preferences and in accordance with his «field of activity».

During the construction of the house, the future owners put things that they could extrapolate directly or indirectly to welfare and on their hundredfold return. A foundation sacrifice was more diverse than the examples described in ethnography. Although partially data are quite comparable. Conditionally we can divide all the sacrifices into two options:

- 1) direct extrapolation of values to a symbol (grain, pots and food, wildlife remains, ornaments);
- 2) two-stage extrapolation: symbolism of the object – its symbolism for housing (astragals, keys). Aurochs horns should be counted in both options.

The cases of «burial» of old furnaces during the reconstruction of dwellings we consider as an exception, which, however, is also quite similar in content to the «classic» foundation sacrifices. The difference is that not only the sacrifices but also the moment of their laying are not the same: at the beginning of construction of dwelling, when it does not yet have its own «character», or during the reconstruction of existing structure that has already acquired its own sacred value.

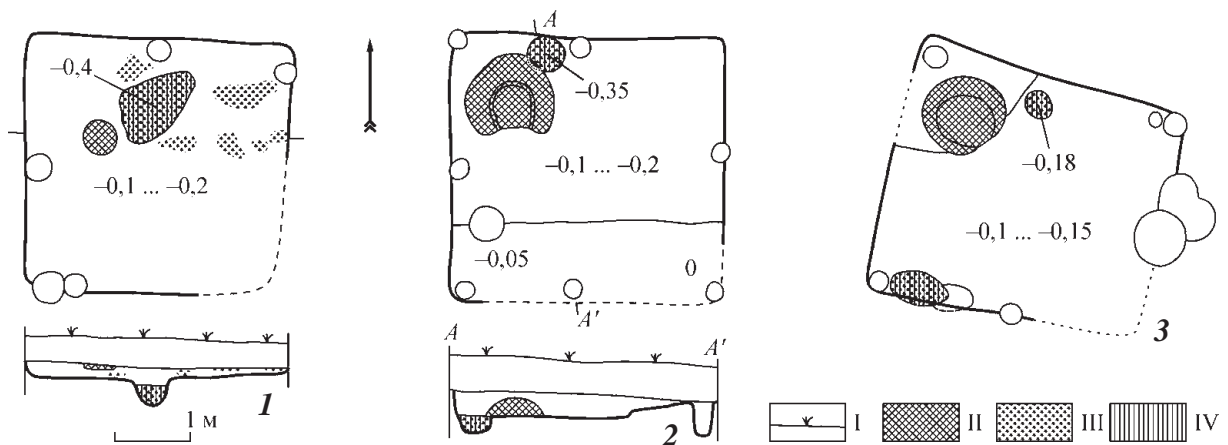
*Translated by M. Sergeeva*

*Keywords:* Slavs, housing, mortgage sacrifice, sacred content, archeology, Ethnography.



**Рис. 1.** Карта знахідок решток «закладної жертви».

1–3 – Зимне 4; 4 – Битиця 1; 5 – Литвиновичі 3; 6 – Новотроїцьке; 7–11 – Животинне; 12 – Титчиха; 13, 14 – Київ, Поділ (див. таблицю).

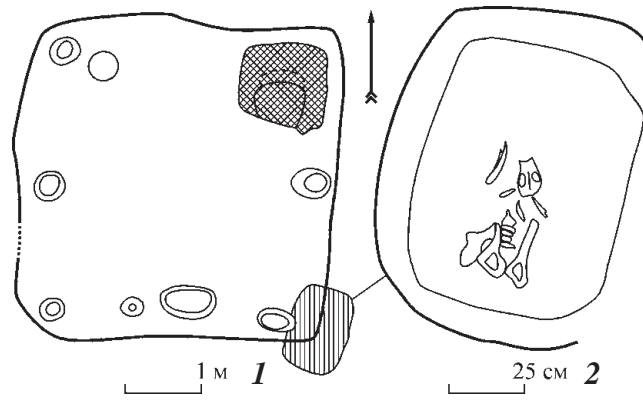


**Рис. 2.** Зимне 4, напівземлянки-житла з «похованими» рештками попередніх опалювальних пристроїв.

1 – № 4а; 2 – № 21; 3 – № 23.

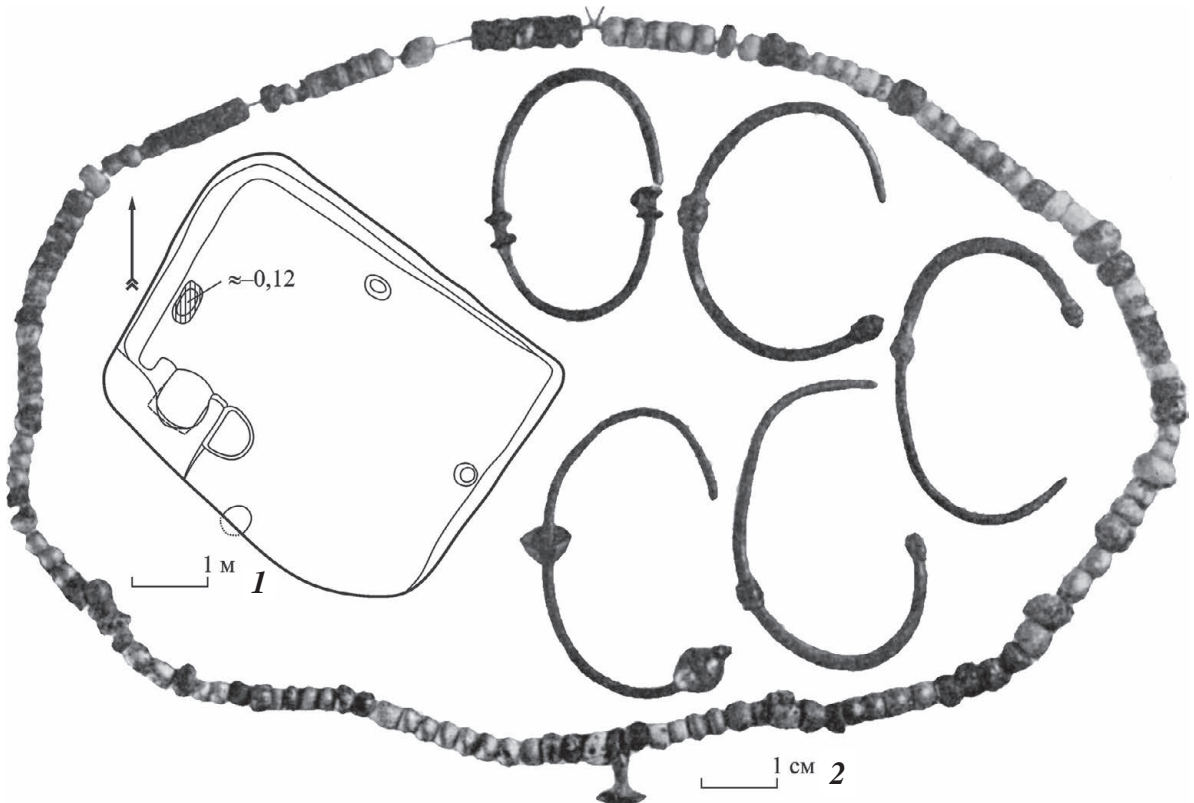
Умовні позначки: I – сучасна денна поверхня; II – черинь печі, масив перепаленої глини; III – шматки перепаленої глини, фрагменти вальків, «хлібців»; IV – місце виявлення решток демонтованої опалювальної споруди / слідів її ремонту.





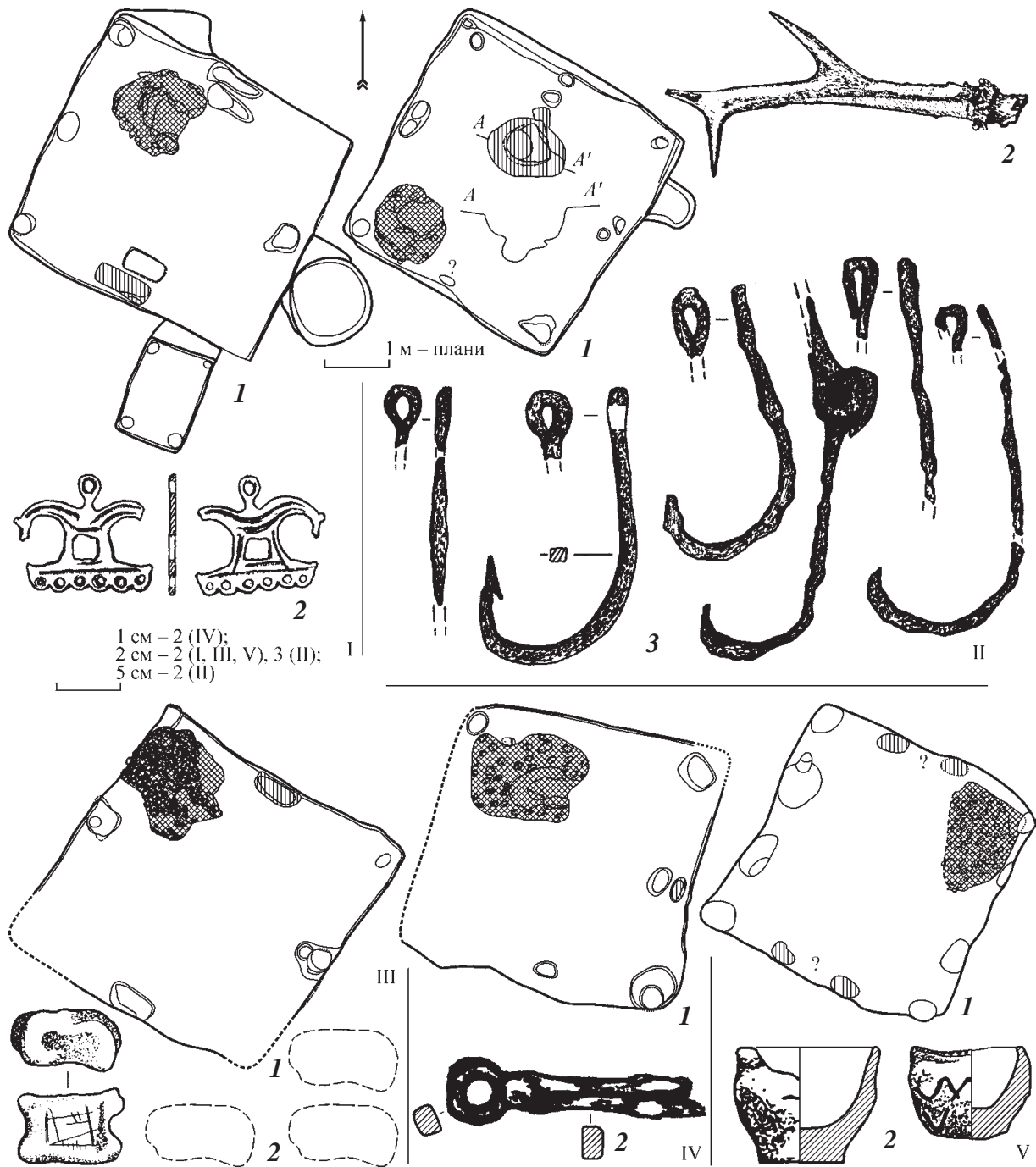
**Рис. 3.** Литвиновичі, споруда 1.

Плани: 1 – споруда з позначенням місця знахідки; 2 – ямка з рештками бобра.



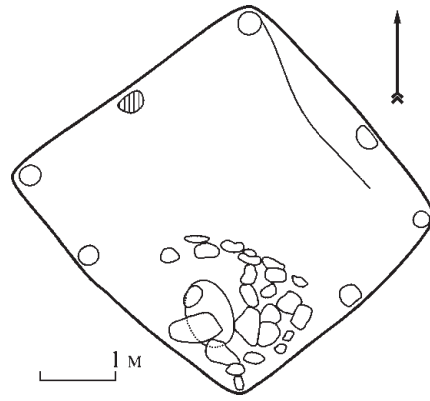
**Рис. 4.** Новотроїцьке, напівземлянка 21.

1 – план з позначенням місця знахідки депозитарію; 2 – знахідки зі стовпової ямки, скроневі кільця.

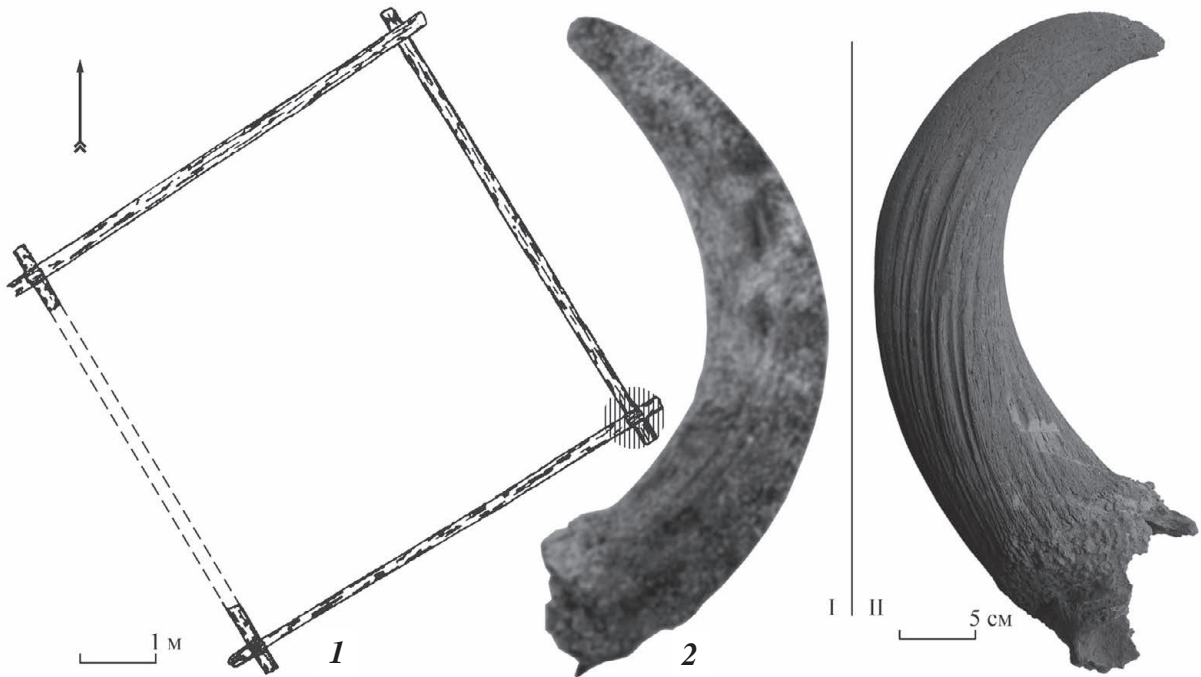


**Рис. 5.** Животинне, напівземлянки (1) і знахідки з них (2 і 3).

Плани з позначенням місця знахідки: I – напівземлянка 27 (2 – знахідка зі стовпової ямки, срібна підвіска); II – напівземлянка 29 (2 – знахідка з центральної стовпової (?) ямки, ріг з убитої козулі; 3 – риболовецькі гачки з житла); III – напівземлянка 32 (2 – знахідки зі стовпової ямки (зображення штриховою лінією умовні), астрагали); IV – напівземлянка 44 (2 – знахідка зі стовпової ямки, ключ); V – напівземлянка 63 (2 – знахідки зі стовпової ямки, мініатюрні горщики).



**Рис. 6.** Титчиха, напівземлянка 22.  
План з позначенням місця знахідки збіжжя.



**Рис. 7.** Київ, Поділ.  
I – Контрактова Площа, зруб 4/1972 (1 – план з позначенням місця знахідки; 2 – знахідка з-під кута, турячий ріг); II – пер. Ярославський, 4, дослідження 2001 р., турячий ріг.

# Карта памятников позднееримского времени типа Каширки-Седелок

Г.Л. Земцов (Липецк), Д.В. Сарычев (Воронеж)

В статье публикуется карта памятников поселений позднееримского времени типа Каширки-Седелок. Рассматривается структура заселения региона, включающая усадьбы, поселения, фратрии и группы поселений. Делается вывод об освоении региона через бассейн р. Быстрая Сосна.

*Ключевые слова:* Позднееримское время, Верхнее Подонье, поселение, картография.

Изучение поселений позднееримского времени Верхнего Подонья началось в 1960-е гг., когда исследователи впервые обнаружили толстостенную керамику, имевшую примесь крупного шамота. Такие памятники чаще всего относили к боршевской археологической культуре VIII–X вв. В 1980-е годы в археологических отчетах впервые прозвучало мнение о датировке подобных находок серединой I тыс. н.э. (А.В. Куза, В.И. Матвеева) (Земцов, 2018а). В научной литературе впервые об этом высказались А.Н. Бессуднов и А.И. Козлов, датировавшие памятники с груболепной посудой третьей четвертью I тыс. н.э. (Бессуднов, Козлов, 1991). Важной вехой открытия нового пласта древностей стали раскопки поселения Каширка-2, осуществленные А.Н. Бессудновым и А.М. Обломским. В 1999 г. А.М. Обломский выделяет группу древностей позднееримского времени, которая получила название «памятники типа Каширки-Седелок» и была датирована в пределах середины III – начала IV в. н.э. (Обломский, 1999).

Активное изучение данного пласта древностей в 1990-е годы сменилось своеобразной рецессией в новом тысячелетии. Главной причиной этому послужил слабонасыщенный культурный слой памятников. В тоже время, в связи

с их большим количеством, поселения типа Каширки-Седелок стали изучаться в рамках охранно-спасательной деятельности.

К настоящему моменту нами учтено 176 памятников типа Каширки-Седелок<sup>1</sup> (рис. 1 на с. 304). Все они представлены открытыми селищами, погребальными комплексами не обнаружено. Разными площадями стационарно изучено более 20 пунктов. Чаще всего культурный слой поселений располагается неглубоко и затрагивается распашкой. В отличие от памятников других эпох и культур, он содержит значительное количество глиняной обожженной обмазки, которая образует скопления. Эта особенность позволяет достаточно четко выделять поселения позднееримского времени среди прочих и фиксировать границы памятников. При учете кратковременности существования поселений, данные картографирования приобретают значительную ценность (Земцов, Сарычев, Фабрициус, Гончаров, 2019).

Материальная культура поселений хорошо изучена (Обломский, 2001). В ней прослежено

---

<sup>1</sup> Авторы выражают искреннюю благодарность А.М. Обломскому, И.Е. Бирюкову и А.Н. Голотвину за помощь в создании списка памятников.



два элемента. Основная категория находок – лепная керамика киевской культуры (около 85-90% керамических форм). Второй элемент представлен материалами и традициями черняховской культуры. К ним относятся: месторасположение поселений на черноземных склонах надпойменных террас, гончарная посуда (около 10-15%), традиция возведения крупных наземных домов каркасно-плетневой конструкции, предметы быта и украшения. Стоит выделить находки «позднескифской традиции в черняхове» – сосуды-зернохранилища, на поселении Каширка-2 прослежены следы каменного фундамента у наземного сооружения. Ярким примером синкретичной материальной культуры населения являются материалы поселения Лощина, где в небольшой яме обнаружено 15 перевернутых вверх дном сосудов всех культурных типов (Земцов, 2002, с. 142–145).

Цель данной статьи – представить наиболее полную карту памятников типа Каширки-Седелок. Поселения занимают территорию лесостепного Подонья, с севера на юг охватывая юг Тульской области, Липецкую область и север Воронежской области. С востока на запад памятники прослежены от р. Воронеж до восточных районов Орловской области (которая недостаточно изучена) (рис. 1).

При рассмотрении структуры расселения выделяется несколько уровней, которые связаны с социальной организацией древнего общества.

1. «Усадьбы». Поселения поздне римского времени разделяются на отдельные участки, которые по подъемному материалу имеют размеры около 30 × 80 м. Усадьбы располагались на расстоянии 40-120 м друг от друга и чаще всего отделялись незначительными естественными преградами – ложбинами или оврагами. Эти участки хорошо фиксируются при сборе подъемного материала в виде скоплений кусков глиняной обожженной обмазки и отдельных фрагментов керамики.

На наш взгляд, термин «усадьба» не совсем точен. Он предполагает наличие жилого сооружения и хозяйственных построек, которыми пользовалась отдельная семья. Не исключено, что некоторые «усадьбы» имели хозяйственную направленность и не содержали в своем составе жилой дом. Так, на поселениях Новокрасивое и Благодать не обнаружены четкие следы жилого домостроительства (Кренке и др., 2010). На поселении Коллектив изучено сооружение для хранения зерна и хозяйственные ямы без признаков жилого домостроительства. Для более точного

соотнесения участка поселения с усадебным комплексом необходимы масштабные раскопки нескольких поселений.

2. *Поселения*. Видимо, в пределы поселений входило от 3 до 7 участков. Общая длина поселений около 0,5-1 км. Среди однообразных памятников следует выделить два пункта, на которых обнаружены следы металлургического производства – поселение Писарево и Стрелец-1.

3. *Фратрии*. Интересно, что некоторые поселения (разбитые на усадьбы) располагаются парами, на расстоянии 0,5-0,8 км друг от друга (например, поселения Каширка-1-2 и Коллектив-1; Кузьминки-3 и Малинки), либо располагаются на разных берегах крупных рек (поселения у с. Мочилки на р. Красивая Меча; поселения Ленинка-1 и Кашары-2 на р. Дон и другие). Не исключено, что подобное парное расположение памятников связано с наличием фратрий у древних поселенцев (Земцов, 2018б, с. 9).

4. *Группы поселений*. Традиционное для многих культур объединение поселков в сгустки – «гнезда», для памятников типа Каширки-Седелок не характерно. Анализируя распространение поселений, можно сделать вывод о равноудаленном расположении пунктов. Они находятся друг от друга на расстоянии 5-7 км. Особенно хорошо данная традиция заметна на территории микрорегионов, обследованных сплошными разведками (Земцов, Сарычев, Фабрициус, Гончаров, 2019, с. 259).

В то же время, в бассейне р. Б. Сосна прослежено более плотное заселение (Земцов, Сарычев, Фабрициус, 2019). Можно предположить, что здесь происходило отделение малых семей, появлялось второе поколение мигрантов, которое и привело к большому количеству пунктов. Таким образом, следует выделить данный район в качестве наиболее долго существовавшего. Другие крупные регионы поселений выделить затруднительно.

В этом смысле интересно рассмотреть картографию типов памятников, выделенных в результате кластерного анализа. Фиксируется четкое деление на две группы. Первая – поселения, расположенные в долинах достаточно крупных рек, вторая – памятники на мелких реках, ручьях и оврагах (рис. 2).

Интересно, что памятники первой группы располагаются на равноудаленном расстоянии друг от друга. Это около 10-13 км (либо около 25 км, что предполагает ненайденные пункты). В расположении поселений второй группы отсутствует какая-либо логика. Видимо, в поздне римское время первоначально осваивались доли-

ны крупных рек, появлялись памятники первой группы. От них пошло расселение в стороны, по мелким рекам, с 5 километровым интервалом.

Д.В. Акимов выдвинул предположение о расселении позднеримского населения по берегам

р. Быстрая Сосна, так как ее истоки наиболее близко подходят к сейминскому бассейну (Акимов, 2012, с. 164). Материалы картографирования поселений типа Каширки-Седелок подтверждают данный вывод.

### Литература

**Акимов Д.В. 2012.** Заселение территории Верхнего Подонья в эпоху Великого переселения народов: истоки, пути и ритмы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 163–179.

**Бессуднов А.Н., Козлов А.И. 1991.** О памятниках третьей четверти I тыс. н.э. в лесостепном Подонье // Археология и история Юго-востока Руси. Курск: Курский гос. пед. ин-т; Курский музей археологии. С. 21–24.

**Земцов Г.Л. 2002.** Поселение позднеримского времени Лощина-1 на Верхнем Дону // Археология та етнологія східноєвропи: матеріали і дослідження. Т. 3. / Ред. В.Н. Станко. Одеса: Друк. С. 142–145.

**Земцов Г.Л. 2018а.** История полевого изучения памятников позднеримского времени на территории Липецкой области // Манускрипт. № 11 (97). Часть 2. Тамбов: Грамота. С. 201–205.

**Земцов Г.Л. 2018б.** Археологическая картография поселений позднеримского времени на территории Верхнего Подонья // VIII Бартевские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения выдающихся деятелей России: Александра П., Н.А. Милютина, С.М. Соловьева, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова / Ред. А.Н. Долгих, В.В. Фомин.

Липецк: Изд-во ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. С. 8–10.

**Земцов Г.Л., Сарычев Д.В., Фабрициус Е.В. 2019.** Картография поселений позднеримского времени в бассейне реки Быстрая Сосна // Гуманитарные исследования Центральной России. №4 (13). Липецк. Изд-во ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. С. 7–10.

**Земцов Г.Л., Сарычев Д.В., Фабрициус Е.В., Гончаров В.О. 2019.** Население Верхнего Подонья в позднеримское время: жертва или агрессор? // Stratum plus. № 4. Кишинев. С. 257–264.

**Кренке Н.А., Ершов И.Н., Зайдов О.Н., Козмирчук И.А. 2010.** Раскопки селищ второй четверти I тыс. н.э. Благодать и Ново-Красивое на р. Красивая Меча // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1. / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 131–145.

**Обломский А.М. 1999.** О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. / Ред. А.Н. Бессуднов; Липецк: ЛГПУ. С. 127–133.

**Обломский А.М. 2001.** О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: Успех-Инфо. С. 122–140.

### Summary

#### The map of archaeological sites of the late Roman time of the Kashirki-Sedelki type

G.L. Zemtsov, D.V. Sarychev

A map of archaeological sites of the late Roman time settlements of the Kashirka-Sedelok type is published in the article. The structure of the region settlement is considered, including estates, settlements, phratries, and groups of settlements. The conclusion about the development of the region through the Bystraya Sosna river basin is made.

*Keywords:* late Roman period, the Upper Don area, settlement, cartography.

# Поселение Дубок 1 на озере Селигер

И.В. Исланова (Москва)

Для второй четверти – середины I тыс. н.э. берега оз. Селигер остаются слабо изученными. Помимо выявленных памятников типа Варварина Гора, основанные населением появившемся, видимо, из Верхнего Поднепровья, здесь находились также поселения, оставленные местными жителями. Подобное селище Дубок 1 исследовалось в 2012 и 2013 гг. (рис. 1–4). Верхняя дата этого поселения – вторая четверть IV – середина V в. н.э. (рис. 5). Найденные артефакты немногочисленны и представлены преимущественно фрагментами лепных слабопрофилированных сосудов (рис. 6 на с. 307).

*Ключевые слова:* лесная зона Восточной Европы, селище, керамика, культурные группы.

Озеро Селигер (точнее, система ледниковых озер) – крупнейшее на Волго-Балтийском водоразделе. Поблизости находятся истоки и Волги, и Западной Двины. На картах этот озерный регион входит в зону территориального смешения не только финских и балтских гидронимов, но и артефактов, относящихся к разным культурным группам (Васильев, 2007; Седов, 1999, рис. 23).

Несмотря на хорошую первичную исследованность берегов Селигера, стационарные работы на объектах I тыс. н.э. единичны и существенно уступают работам на стоянках эпохи камня (АКР, 2012, с. 60–185). Выявленные поселения представлены весьма невыразительными фрагментами лепной неорнаментированной керамики, не поддающейся определенной датировке и культурной принадлежности.

Наибольшую сложность представляет выяснение культурной ситуации для второй четверти – середины I тыс. н.э. В микрорегионе известно не менее 24 поселений этого времени (рис. 1). Из них четыре объекта можно отнести к памятникам типа Варварина Гора: городище

Никола-Рожок, селища Ронское 3, Залесье 1 и Пески 1. Судя по массовому материалу и некоторым вещевым находкам, эти древности были оставлены, видимо, новым населением, появившимся из Верхнего Поднепровья (Исланова, 2017, с. 126). Для других поселений культурная принадлежность остается неясной. Одним из таких населенных пунктов является селище Дубок 1, которое исследовалось в 2012–2013 гг.

Памятник расположен на восточном берегу Осташковского плёса оз. Селигер и занимает слабо выраженный мыс, ограниченный заболоченными участками (рис. 2). Селище экспонировано на юг; его размеры – 130 × 50-90 м; высота над водой – 1-2 м. В северной возвышенной части был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 12 кв. м, а в западной части – шурф 1,4 кв. м.

Культурный слой состоял из серо-коричневой супеси с пятнами серой и темно-серой супеси, а в нижней части – с примесью материкового желтого песка. Общая мощность слоя – от 0,28 до 0,45 м. Материк представлен желтым и светло-

желтым песком с ожелезнением. Он поврежден корнями и кротовинами. В дерне и верхней части культурного слоя были найдены артефакты, относящиеся к «следам» посещения рыбаками прибрежного участка. Это 25 фрагментов позднекруговой керамики XVIII–XX вв., обломок фаянсовой посуды, битое стекло, железная скоба. В слое и в материковых ямах обнаружены также артефакты, связанные, видимо, с периферийной зоной поселения эпохи бронзы: несколько кремневых изделий, две стенки лепных сосудов (с гребенчатым штампом и с текстильными отпечатками).

В площадь раскопа попали участки двух крупных ям, назначение которых осталось неясным. Яма 1 имела подпрямоугольную форму; ее ширина – около 1,8 м, длина – более 3 м (рис. 3), глубина в материке достигала 0,52 м. Яма была самой поздней на раскопе. Сверху она была заполнена материковым песком с редкими примесями серо-коричневой супеси, угольков; в нижних 0,05–0,16 м и вдоль северо-восточной стенки зафиксированы линзы коричневой супеси, в том числе, и с примесью темно-серой супеси и с пятнами углей (рис. 4).

Угли, взятые из двух скоплений на дне ямы, дали следующие радиоуглеродные даты:  $1590 \pm 25$  BP (SPb – 1070);  $1515 \pm 30$  BP (SPb – 1071) (табл. 1.) (рис. 5). В яме 1 был найден только один фрагмент стенки лепного сосуда.

Форма другой ямы 4, прорезанной предыдущей, осталась неясной. Ее глубина в материке достигала 0,5 м. Верхнее заполнение из коричневой супеси было перекрыто прослойкой (толщиной 0,04–0,08 м) из желтого песка с серо-коричневой супесью. Основная масса фрагментов

лепной керамики, обнаруженных на раскопе, находилась в коричневой супеси этой ямы. Это – мелкие фрагменты слабопрофилированных сосудов. Нижнее заполнение ямы – это темно-серая супесь с линзами и пятнами белого подзолистого песка. Находки керамики здесь единичны.

В овальной яме 3, уходящей за пределы раскопа, был найден фрагмент тигля (рис. 6: 12). Небольшие ямы, встреченные также в раскопе, относились преимущественно к следам столбов. Помимо этого изделия, вторая индивидуальная находка представлена фрагментом грузика дьякова типа – подъемный материал (рис. 6: 13). Грузик относится к типу 1, по К.А. Смирнову, датируемому им II–V вв. н.э. (Смирнов, 1971, рис. 1; 1974, с. 65).

Мелкие фрагменты лепной керамики имеют шероховатую или слабо шероховатую внешнюю поверхность; глиняное тесто – с мелкой или крупной дресвой. Один фрагмент стенки сосуда был с орнаментом в виде нарезок, другой фрагмент – с бороздкой (рис. 6: 10, 11). Судя по небольшим обломкам венчиков и стенок, можно говорить, что здесь бытовала посуда слабопрофилированной формы с длинной или небольшой отогнутой шейкой (рис. 6: 1–9). Нижняя дата поселения не ясна, верхняя – находится в интервале: вторая четверть IV – середина V в. н.э.

Полученные небольшие материалы позволяют предполагать, что на берегах озер Волговерховья во второй четверти – середине I тыс. н.э., помимо памятников типа Варварина Гора, продолжали существовать поселения, оставленные местным населением, изготавливавшим слабопрофилированную неорнаментированную лепную керамику.

## Литература

**АКР. 2012.** – Археологическая карта России. Тверская область. Часть 4. Бологовский, Осташковский, Пенковский, Удомельский, Фировский районы / Ред. Г.Г. Король. М.: ИА РАН. 2012. 481 с.

**Васильев В.Л. 2007.** Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород. С. 271–285.

**Исланова И.В. 2017.** Позднедьяковские памятники типа Варварина Гора // Российская археология. № 2. С. 118–129.

**Седов В.В. 1999.** Древнерусская культура: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.

**Смирнов К.А. 1971.** К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскovie (Материалы и исследования по археологии СССР, № 184) / Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 80–98.

**Смирнов К.А. 1974.** Дьяковская культура // Дьяковская культура. / Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.



---

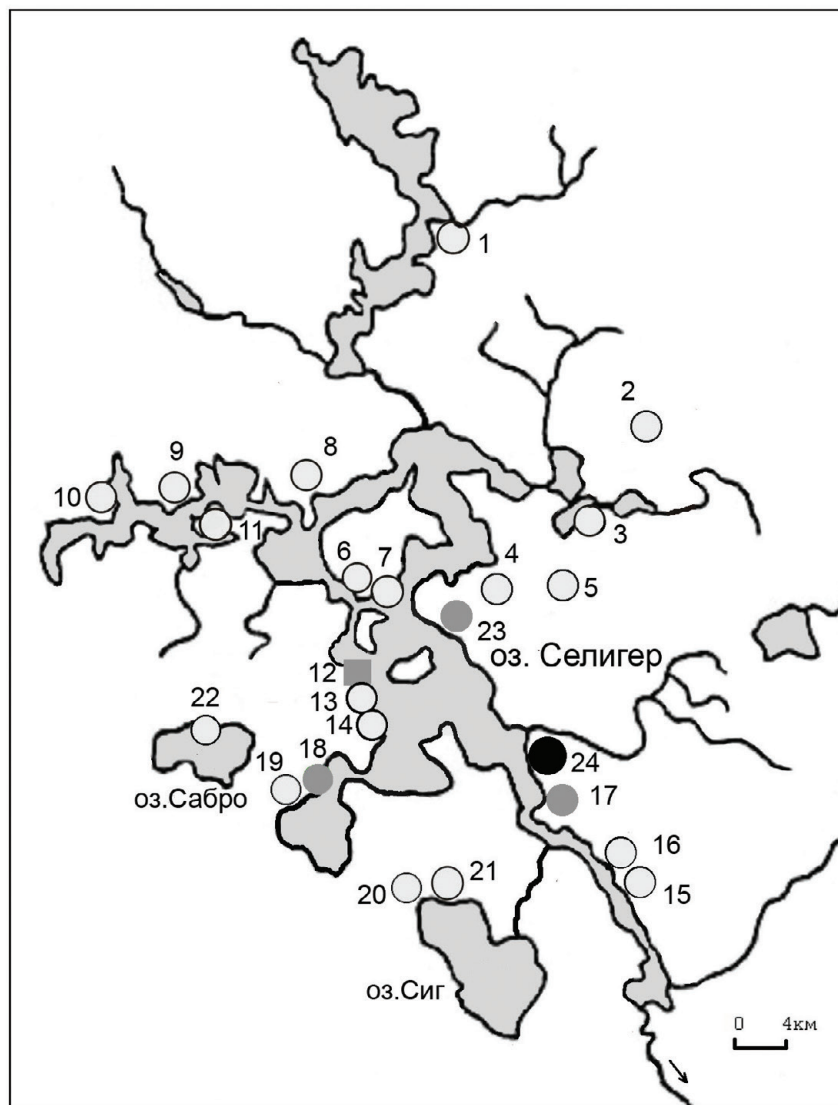
## Summary

### Settlement of Dubok 1 on Seliger lake

I.V. Islanova

From archaeological point of view, the second quarter – the middle of the I Millenniu AD of the Seliger shore remain poorly explored. In addition to the identified archaeological sites, such as Varvarina Gora, founded by a people that apparently appeared from the Upper Dnieper area, there were also settlements left by native residents. The similar settlement Dubok 1 was studied in 2012 and 2013 (Fig. 1-4). The upper date of that settlement is the second quarter of the IV – middle of the V century AD (Fig. 5). The found artifacts are not numerous and are mainly represented by fragments of modelled poorly profiled vessels (Fig. 6).

*Keywords:* forest zone of Eastern Europe, settlement, ceramics, cultural groups.



**Рис. 1.** Поселения второй четверти – середины I тыс. н.э.

1 – селище Городец, 2 – селище Лом 3, 3 – селище Берёзово 1, 4 – селище Зальцо, 5 – селище Острицы, 6 – селище Хретень 1, 7 – селище Хретень 2, 8 – селище Климова Гора, 9 – селище Картунь, 10 – селище Жалыбня, 11 – селище Шиловка 1, 12 – городище Никола-Рожок, 13 – селище Ветла 1, 14 – селище Ветла 2, 15 – селище Осцы 1, 16 – селище Осцы 2, 17 – селище Залесье 1, 18 – селище Ронское 3, 19 – селище Ронское 1, 20 – селище Алкатово, 21 – селище Семёново Село, 22 – селище Дроздово 2, 23 – селище Пески 1, 24 – селище Дубок 1.

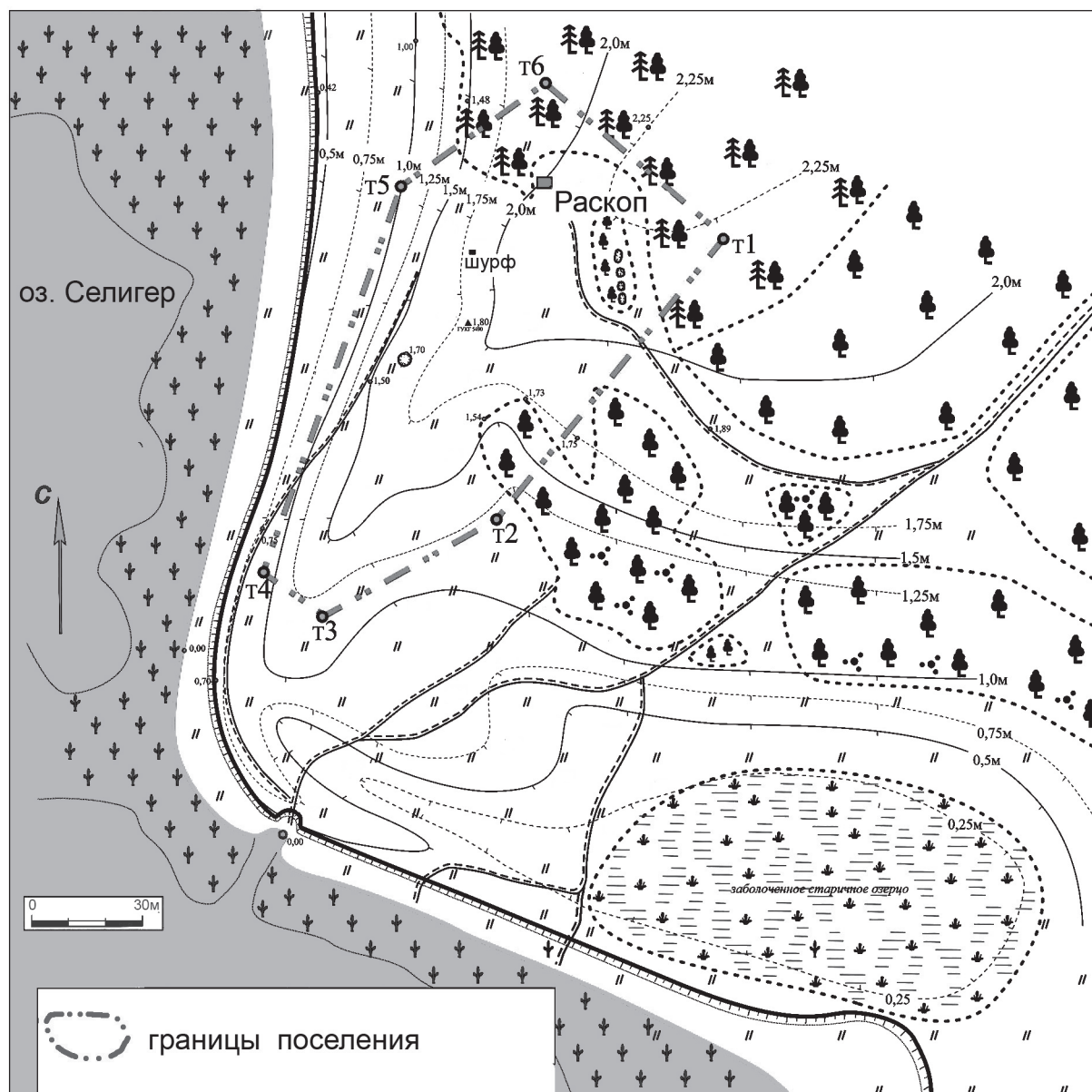


Рис. 2. Селище Дубок 1. Инструментальная топоъемка В.А. Шестакова.

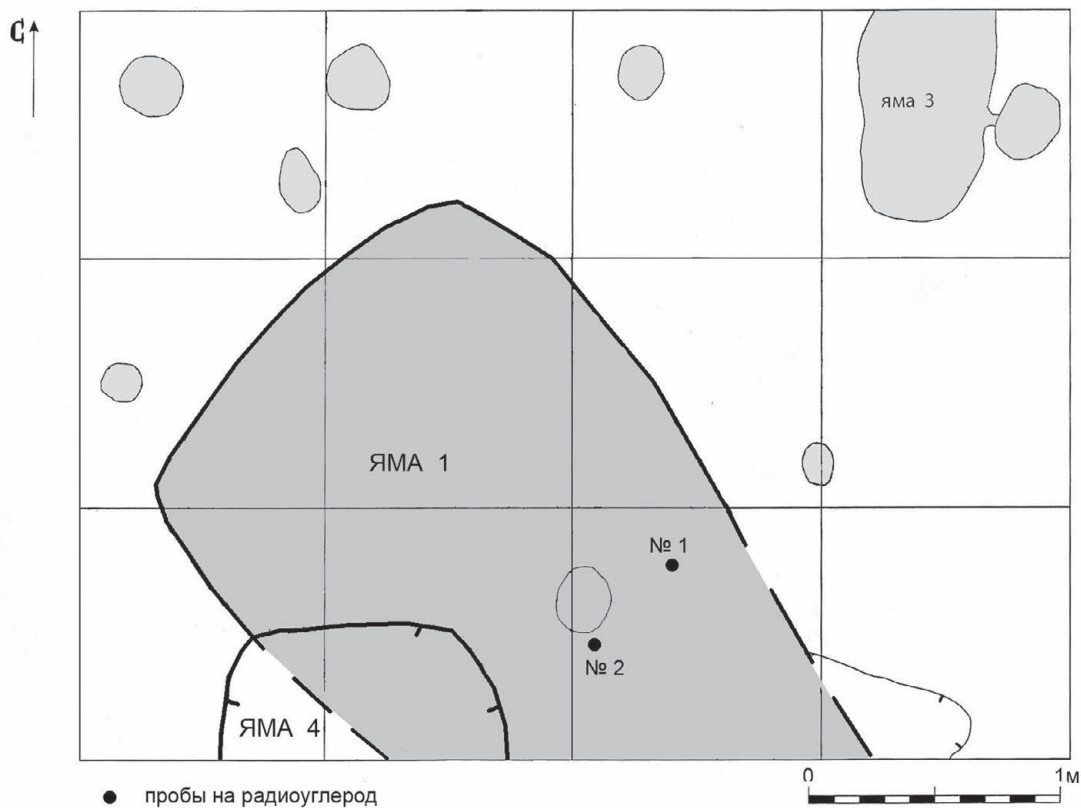


Рис. 3. Схема размещения материковых ям на раскопе.

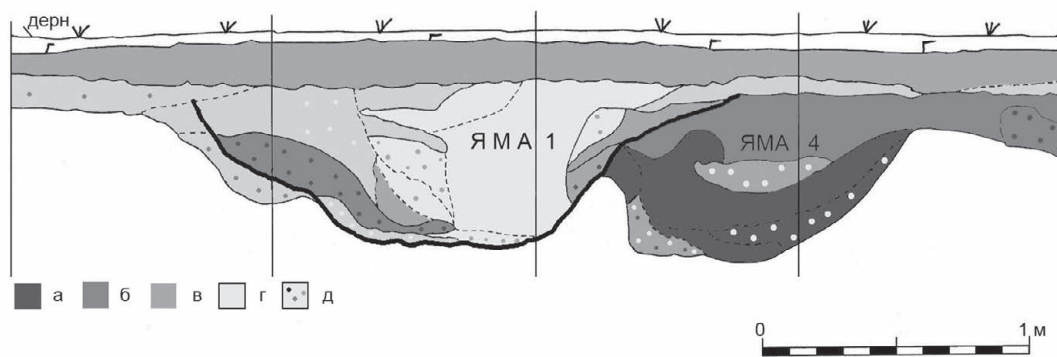
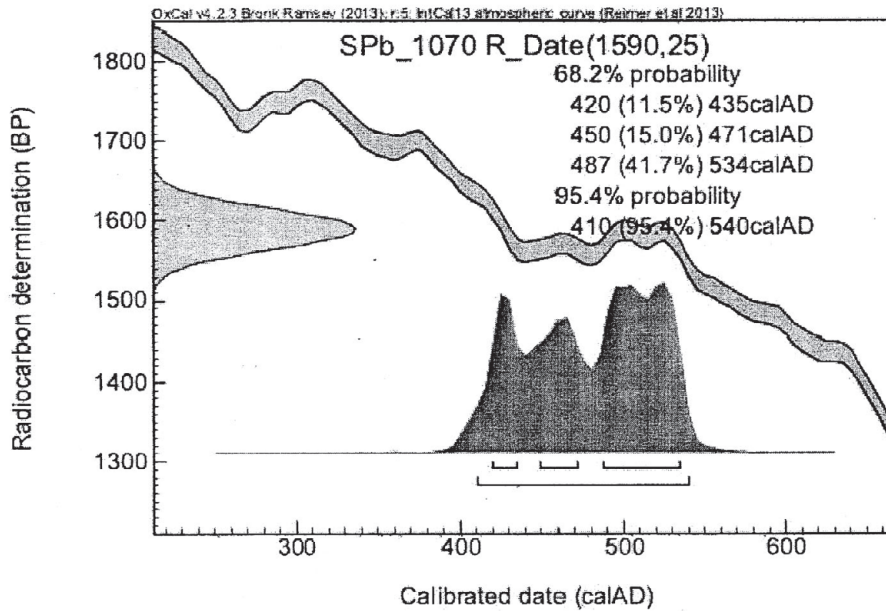


Рис. 4. Схема стратиграфии южной стенки раскопа.

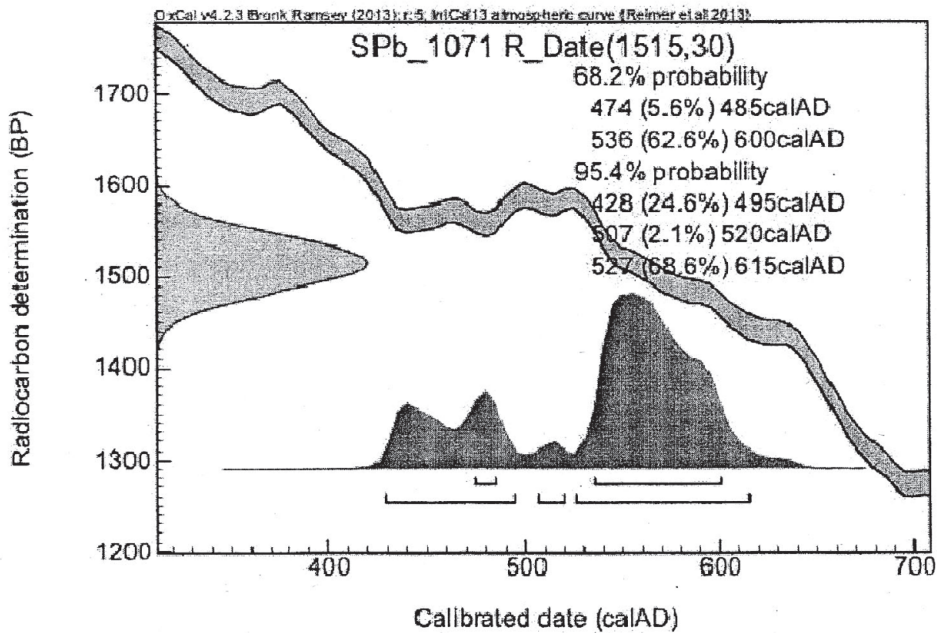
а – темно-серая супесь с углями, б – коричневая супесь с примесью и темно-серой, в – серо-коричневая супесь, г – желтый и светло-желтый песок, д – включения разных слоев.



**SPb-1070** Дубок 1, яма 1, проба № 1 (61 см) (уголь)  
**1590±25 BP**



**SPb-1071** Дубок 1, яма 1, проба № 2 (90 см) (уголь)  
**1515±30 BP**



**Рис. 5.** Радиоуглеродные пробы из раскопа на селище Дубок 1.

# Поселение Долгое-1 на р. Случь в римский период и эпоху Великого переселения народов

Е.Ф. Касюк (Минск)

В статье представлены результаты археологических исследований, проведенных в 2017 и 2018 годах на поселении Долгое-1 на р. Случь (Солигорский район, Минская область, Беларусь). В 2017 г. Н.Н. Кривальцевичем были зафиксированы следы разрушенного объекта с керамикой пражской культуры фазы III (VII в. н.э.). Таким образом, на настоящий момент Долгое-1 – самый северный памятник пражской культуры на территории Беларуси, исследованный раскопками. В 2018 г. на поселении автором исследованы остатки жилой постройки подквадратной формы, размерами 3,5 × 3,5 м с отопительным сооружением в северо-восточном углу, сложенным из камней. Этот объект связан с населением постзарубинецкого горизонта – киевского культурного круга. По характерным пряслицам фиксируются контакты с германскими племенами. Поселение с похожими материалами расположено в 4-4,5 км на юго-запад от Долгого-1, исследовалось А.Н. Белицкой в 2017 г. и В.Г.Белевцом в 2018 и 2019 гг. На Яськовичах-1 обнаружено височное кольцо, которое следует связывать с представителями Лука-Райковецкой культуры (VIII–X вв.).

*Ключевые слова:* Припятское Полесье, римский период, эпоха Великого переселения народов, постзарубинецкий горизонт, киевская культура, вельбарская культура, пражская культура, жилище, пряслице, лепная керамика, височное кольцо.

В римский период в Припятском Полесье были распространены памятники постзарубинецкого горизонта (середина I – рубеж II–III вв.), позже – киевского культурного круга (III–IV вв.). Постепенное заполнение «полесского белого пятна» происходит благодаря планомерным исследованиям, которые проводятся на этой территории с 2000-х годов (Белявец, 2019б). В бассейне Западного Буга и в Центральном Полесье исследованы памятники вельбарской культуры (конец II – начало V вв.). По мере накопления материалов, степень участия этого населения в историко-культурных процессах, происходивших в регионе, выглядит все более значительной (Белявец, 2019а; 2019в).

Древности эпохи Великого переселения народов на юге современной Беларуси представлены памятниками пражской культуры (конец IV – VII вв.). В основном они сконцентрированы по берегам Припяти и Западного Буга. К наиболее северным поселениям относятся (с запада на восток): Спорово на р. Ясельда, Камень-6 на р. Бобрик и Старые Юрковичи-1 на р. Оресса. Как видим, эти памятники единичны, и археологическая карта территории левобережных притоков Припяти выглядит практически пустой (Вергей, 2005, с. 488, рис. 1). Такая ситуация сложилась из-за того, что целенаправленное изучение древностей I тыс. н.э. в регионе не проводилось. Однако даже планомерный поиск па-

мятников не всегда дает ожидаемые результаты. Так, например, в 2016 и 2018 гг. автором были проведены сплошные археологические разведки в верховьях и среднем течении реки Лань. В ходе этих работ были осмотрены 65 памятников и объектов археологии, из них 58 – впервые. Около 10 пунктов содержали материалы железного века и лишь в двух была отмечена лепная керамика, вероятно, 2-й половины I тыс. н.э. (Касюк, Гаршкоў, 2019). Таким образом, любые исследования в регионе имеют очень важное значение.

Существенно пополняют наши знания о населении левобережных притоков Припяти в римское время – эпоху Великого переселения народов материалы, полученные в результате раскопок на поселении Долгое-1. Оно расположено на юго-западной окраине агрогородка Долгое Солигорского района Минской области, на левом берегу р. Случь (левый приток Припяти) (рис. 1, 2 на с. 308, 309). Высота над поймой составляет около 3 м. Приблизительные размеры селища  $70 \times 160$  м, находится около фермы и сегодня практически полностью уничтожено карьером по добыче песка. Сохранился небольшой западный участок поселения на краю террасы.

Поселение Долгое-1 впервые обследовал в 2015 г. Н.Н. Кривальцевич (Кривальцэвіч, 2016). В 2017 г. на обнажениях культурного слоя им были собраны кремневые артефакты, а также фрагменты лепных сосудов эпохи неолита, бронзового и железного веков. На склоне карьера были зафиксированы следы разрушенного объекта в виде скопления обожженных камней величиной 10-20 см и фрагментов лепных сосудов 2-й половины I тыс. н.э. (рис. 11) (Кривальцэвіч, 2018).

В 2018 г. на поселении Долгое-1 исследования были проведены автором. Раскоп 1 площадью  $66 \text{ м}^2$  был разбит на западном участке селища, в непосредственной близости от объекта, выявленного Н.Н. Кривальцевичем (рис. 3). Поверхность раскопа в западной части задернована, в восточной – оголена, примыкала к песчаному карьере. На исследованном участке культурный слой представлен песком серого и серо-коричневого цвета, прослойки которого чередуются. Местами попадались мелкие угли и обожженные камни. Мощность культурного слоя достигала 0,5-0,55 м. Материк – песок желтого цвета. Судя по стратиграфии и расположению находок, культурный слой перемешан до материка.

На площади раскопа 1 выявлены 9 объектов (рис. 4). **Объект 1** – жилая постройка. Контуры были прослежены на глубине 0,25-0,3 м от современной поверхности. Жилище имело подквадратную в плане форму, размеры  $3,5 \times 3,5$  м, ориентировано по сторонам света, углублено на 0,2 м (рис. 5)<sup>2</sup>. Относительно его сооружения сказать что-то определенное сложно, в границах котлована выявлены следы нескольких столбов, которые могли входить в конструкцию жилища. В северо-восточном углу постройки расчищены остатки отопительного сооружения, сложенного из камней. Самые крупные камни имели размеры 10–20 см, сильно растресканы в результате термического воздействия. Плохая сохранность отопительного сооружения не дает возможностей для проведения реконструкции.

Заполнение котлована постройки состояло из песка темно-серого, почти черного цвета, насыщенного мелким древесным углем. В жилище были обнаружены 232 кремневых артефакта, 4 кальцинированные кости, 8 кусков обожженной глины, зуб животного, 54 фрагмента сосудов эпохи неолита, 255 фрагментов лепных сосудов I тыс. н.э. (24 венчика, 227 стенок, 4 донца), 45 фрагментов раннегончарных сосудов (2 венчика, 40 стенок, 3 донца); 39 фрагментов гончарных сосудов (8 венчиков, 31 стенка). Индивидуальные находки представлены изделиями из железа и глины.

**Объект 2** – яма. Располагалась в юго-восточной части раскопа, возле восточной стенки (рис. 4). Вскрыта частично, продолжается на восток. Длина исследованной части – 2,7 м, максимальная ширина – 1,15 м. Глубина – 0,75-0,8 м от современной дневной поверхности. Слой заполнения представлен песком светло-серого цвета.

**Объект 3** – яма. Располагалась в северо-восточной части раскопа, возле восточной стенки (рис. 4). Исследована частично, имеет продолжение в северной стенке. Длина 2,5 м, максимальная ширина 0,9 м. Стенки ямы покатые, максимальная глубина – 1 м. Заполнение состояло из песка светло-серого цвета. Находки представлены кремневыми артефактами, фрагментами лепных (рис. 8: 1) и круговых сосудов. Однако также практически на дне ямы был обнаружен крупный фрагмент кирпича, что говорит о современном характере объекта.

<sup>1</sup> Выражаю благодарность В.Г. Белевцу и В.М. Сидоровичу за помощь в проведении раскопок.

<sup>2</sup> Глубина представлена относительно древней дневной поверхности – времени функционирования постройки. Котлован в материк не заглублен.

**Объект 4** – углубление. Форма аморфная, подовальная (рис. 4). Размеры  $1,4 \times 2$  м. Заполнение состояло из песка светло-серого цвета. Глубина до 0,18 м. Находки представлены кремневыми артефактами, фрагментами лепных и круговых сосудов.

**Объект 5** – углубление. Подокруглой формы, размеры  $1,2 \times 1,6$  м (рис. 4). Расчищено частично, продолжается на север. Заполнение – песок светло-серого цвета, было выбрано при зачистке материка.

**Объект 6** – углубление. Подпрямоугольной формы, размерами  $1,1 \times 1,8$  м, имело продолжение на северо-запад (рис. 4). Заполнение – песок светло-серого цвета, было выбрано при зачистке материка.

**Объект 7** – яма. Исследована частично, имела продолжение в южной стенке раскопа (рис. 4). Размеры исследованной части – длина 0,9 м, максимальная ширина 0,28 м. Углублена в материк на 0,34 м. Заполнение состояло из песка серого цвета.

**Объекты 8 и 9.** Столбовые ямки округлой в плане формы (рис. 4). Размеры объекта 8 – диаметр 28 см, глубина 0,4 м; объекта 9 – диаметр 32 см, глубина 0,12 м.

Вдоль северной стенки раскопа между объектами 6, 4, 5, 3 были расчищены несколько участков спрессованной слабообожженной глины – своеобразной вымостки (рис. 4).

Археологические материалы из раскопа представлены 1076 кремневыми артефактами, 1576 фрагментами лепных сосудов, 283 фрагментами раннекруговых и 363 круговых сосудов, 28 фрагментами обожженной глины, 28 кальцинированными костями, 2 металлургическими шлаками, 2 фрагментами зубов животных. Стратиграфическое распределение массовых находок в культурном слое раскопа 1 представлено в Таблице 1.

Кремневые изделия и отходы производства датируются эпохой мезолита – неолитом. Лепная керамика с растительными примесями в тесте, часто, орнаментированная, относится к эпохе неолита, еще несколько фрагментов сосудов, вероятно, связаны с бронзовым веком<sup>3</sup>.

В раскопе 1 было обнаружено 13 каменных изделий, которые предназначались для растирания и заглаживания. Такие предметы имеют широкий диапазон бытования и использовались от каменного века до эпохи Средневековья.

Индивидуальных находок обнаружено 12 единиц. Из заполнения котлована жилища (объекта 1) происходят:

- железное лезвие ножа (фрагмент) (рис. 6: 1). Длина 6 см, наибольшая ширина 0,8 см;

- пряслице биконическое, с многократно вдавленными боковыми поверхностями (половина) (рис. 6: 8). Шершавая поверхность, коричневого цвета. Высота 2,5 см. Диаметр 3,7 см. Площадки вогнутые, их диаметр 2,2 см. Диаметр канала 0,85-0,9 см. В глиняном тесте содержатся примеси песка и дресвы;

- пряслице биконическое (рис. 6: 6). Подлощенная поверхность. Черный цвет. Высота 1,65-1,7 см. Диаметр 2,4 см. Одна площадка слегка вогнута, вторая плоская, их диаметр 1,45-1,5 см. Ребро четкое. Диаметр канала 0,9 см. На боковых поверхностях имеется орнамент из рядов полосок и треугольников, нанесенных мелкими наколами подтреугольной формы.

В непосредственной близости от жилища, с восточной стороны, были найдены:

- пряслице биконическое (рис. 6: 7). Шершавая поверхность. Коричневый цвет. Высота 1,5 см, диаметр 2,4 см. Ребро четкое. Площадки плоские, диаметр 1,7 см. Диаметр канала 1,2-1,3 см;

- пряслице дисковидное (фрагмент) (рис. 6: 4). Сделано из стенки чернолощеного сосуда. Высота 0,6-0,7 см;

- пряслице биконическое (фрагмент) (рис. 6: 5). Площадки вогнутые. Лощеная поверхность. Черный цвет. На боковой поверхности имеется орнамент в виде подтреугольных зигзагов, нанесенных мелкими наколами округлой формы.

В культурном слое были обнаружены:

- изделие железное (фрагмент) в виде пластинки с обломанным краем. Длина 2,8 см, ширина 1 см. Сильно коррозировано;

- шило железное (фрагмент) (рис. 6: 3). Длина фрагмента 4 см. Сечение округлое, диаметр 0,4 см;

- изделие железное (фрагмент) (рис. 6: 2). По форме напоминает фрагмент лезвия ножа, но сечение более широкое, прямоугольное. Длина фрагмента 5,6 см, наибольшая ширина 1,9 см;

- пряслице биконическое (рис. 6: 9). Лощеная поверхность, черный цвет. Высота 2,4 см, диаметр 3,7 см. Одна площадка слегка вогнута, вторая – плоская, диаметр 2,8 и 2,5 см. Ребро четкое. Канал прямой, вокруг него, снаружи, имеется небольшой наплыв. Диаметр канала 0,9 см. Изделие очень массивное, сделано из хорошо отмученной глины;

<sup>3</sup> Материалы каменного века – эпохи бронзы в статье не рассматриваются.



- пряслице биконическое (фрагмент). Шершавая поверхность, коричневый цвет. Возможно, является обломком пряслица с вдавленными боковыми поверхностями, обнаруженного в заполнении жилища (объекта 1);

- пряслице биконическое (фрагмент). Шершавая поверхность. Коричневый цвет. Высота 1,8 см. Площадка вогнутая.

Самыми выразительными находками из раскопок на Долгом-1 являются пряслица. Всего было обнаружено 3 целых экземпляра и 5 фрагментов. Все они сделаны из глины. По способу обработки поверхности подразделяются на изделия с шершавой (3 экз.), подлощенной (1 экз.) и лощеной (2 экз.) поверхностью. Одно пряслице выточено из стенки чернолощеного сосуда. 7 изделий имеют биконическую форму, одно дисковидное. У трех пряслиц площадки плоские (либо одна из площадок слегка вогнута), у трех – вогнутые. Орнаментированы два экземпляра.

Дисковидные пряслица, изготовленные из стенок сосудов, характерны для позднезарубинецкого круга древностей Среднего и Левобережного Поднепровья, Припятского Полесья, встречаются в материалах раннего этапа киевской культуры (Обломский, Терпиловский, 1991; Белявец, Вяргей, 2002; Обломский, 2007, с. 31). Остальные пряслица с Долгого-1 имеют биконическую форму. Для киевской культуры характерны уплощенно-биконические пряслица с широким каналом (Терпиловский, 1984, с. 33; Обломский, 2007). Целые пряслица с Долгого-1 также биконической формы, но более высокие, а каналы, кроме одного изделия (рис. 6: 7), у них неширокие. Они очень качественно изготовлены, по параметрам, способу обработки поверхности и по орнаментации, наибольшее сходство имеют с пряслицами черняховской культуры (II–IV в.). По типологии Б.В. Магомедова массивное пряслице с лощеной поверхностью (рис. 6: 9) и пряслице с орнаментом (рис. 6: 6) относятся к типу А121а (Магомедов, 2015, с. 18–19, с. 121, рис. 2). Пряслица такой формы часто встречаются на памятниках вельбарской и пшеворской культур (Магомедов, 2015, с. 69). Пряслице с многократно вдавленными боковыми поверхностями (рис. 6: 8) близко к типу А22 (Магомедов, 2015, с. 18–19, 123, рис. 3). Пряслица с пластичным декором, который заключался в изменении формы с помощью срезания глины с поверхности или с помощью глубоких вдавлений, были характерны для вельбарской культуры (Магомедов, 2015, с. 20, 31, рис. 15: 1–14). От вельбарского насе-

ления такие изделия распространяются в ареале черняховской культуры. Подобные пряслица были обнаружены на погребальных памятниках в Среднем Поднепровье: погребение 85, могильник Маслово (Сымонович, Кравченко, 1983, таблица 18: 1), Северном Причерноморье: погребение 17, могильник Коблево (Сымонович, 1967, с. 220, рис. 9: 14). Пряслице со срезанными гранями было найдено в жилище 36 на поселении Бернашовка в Среднем Поднестровье. Постройка принадлежала носителям пражской культуры, однако в заполнении содержала материалы черняховской культуры как механическую примесь из слоя более раннего, существовавшего здесь поселения (Гавритухин, 2005, с. 444, рис. 30: 5; с. 450). Как продолжение черняховской традиции такие пряслица бытовали на поселениях культурной группы Чертовицкое-Замятино конца IV–V вв. в Верхнем Подонье (Обломский, 2004, с. 250, рис. 65: 8; с. 322, рис. 82: 9).

Одним из видов декора черняховских и вельбарских пряслиц является штампованный орнамент (Магомедов, 2015, с. 30–31, 143, рис. 13; Белявец, 2019а, с. 412, мал. 4: 7). Таким способом декорированы два пряслица с Долгого-1. Судя по форме наколов, при нанесении орнамента на одно из пряслиц, был использован предмет с острым окончанием подтреугольной формы (рис. 6: 6; 13: 4), на второе – с окончанием овальной формы (рис. 6: 5; 13: 1). Пряслице с похожим геометрическим, но прочерченным орнаментом, было обнаружено на поселении Бережцы-4 на р. Ствига в заполнении жилища 2, датированного концом III/ первой половиной IV – первой половиной V в. н.э. (Бялицкая, Байкоўская, Харытановіч 2019, с. 533, мал. 14: 4, фото 26: 1).

Керамика с поселения Долгое-1 в целом сильно фрагментирована. В заполнении жилища (объекта 1) были обнаружены 255 обломков лепных сосудов I тыс. н.э. Среди них – около 10 обломков венчиков происходят от сосудов первой половины I тыс. н.э. (4 из них имеют по срезу орнамент в виде насечек и зашипов (рис. 7: 1–4) 3 фрагмента венчиков, скорее всего, принадлежали горшкам середины – второй половины I тыс. н.э. (рис. 7: 17). Они темно-коричневого – черного цвета, в тесте содержатся примеси мелкой дресвы и песка. В основном фрагменты сосудов из заполнения жилища имеют шершавую поверхность, также были найдены две стенки с очень гладкой поверхностью; одна – с крупной штриховкой (рис. 7: 10); две – с регулярной штриховкой или расчесами; две – чернолощен-

ных (рис. 7: 9), на одной из которых имеется орнамент в виде косых насечек (рис. 7: 6).

Большая часть фрагментов сосудов I тыс. н.э. имеет шершавую поверхность. В глиняном тесте содержатся примеси дресвы и песка, всего в одном случае зафиксирован шамот. Цвет черепков желтоватый, красноватый, серый, коричневый. Количество фрагментов с другими способами обработки поверхности от общего числа составляет всего 1% (Таблица 2). Из раскопа 1, кроме материалов из жилища, происходят еще один обломок стенки чернолощеного сосуда, два – с подлощенной поверхностью черного и коричневого цвета. Венчик и стенка лепных сосудов из сборов на поверхности поселения в 2017 г. имеют подштрихованную внешнюю поверхность (рис. 8: 2, 3).

Сильная фрагментированность сосудов не позволяет провести реконструкцию их форм. Венчики чаще всего отогнуты, а значит происходят от «раскрытых» горшков. Края венчиков оформлены по-разному: закругленные и утолщенные, утонченные, срезанные ровно. Венчики часто орнаментированы по срезу тонкими насечками (рис. 7: 2–3; 8: 4–11, 17), а также вдавлениями (рис. 8: 12–13) и защипами (рис. 7: 1, 4; 8: 14–16). Донца горшков снизу имеют следы подсыпки песка, некоторые оформлены небольшим уступом (рис. 19: 22; 10: 13).

Также были найдены два фрагмента глиняных дисков-крышек (рис. 8: 20–21; 9: 5), нижняя часть небольшого сосуда (рис. 10: 7).

Описанный массив керамики относится к постзарубинецкому горизонту – киевскому культурному кругу (подробно о керамике и о проблеме в целом см.: Белявец, 2019б; 2019в).

Значительная часть лепной керамики из раскопа 1 не поддается культурно-хронологической идентификации и датирована в общем I тыс. н.э. Среди этих фрагментов с большой долей вероятности выделены венчики первой половины I тыс. н.э. (рис. 9: 1–4, 6–8). Неорнаментированные венчики, стенки и донца с шершавой поверхностью, дресвой и песком в тесте, темно-коричневого и черного цветов датируются второй половиной I тыс. н.э. (рис. 10: 1–5). Этот хронологический этап жизни на поселении хорошо представлен материалами из разрушенного объекта, зафиксированного Н.Н. Кривальцевичем в 2017 г. Удалось реконструировать две верхние части лепных сосудов.

Верхняя часть лепного горшка, состоит из 16 фрагментов (рис. 11: 1). Наиболее расширение приходится на верхнюю треть высоты сосуда.

Длинная шейка переходит в прямостоящий венчик. Диаметр по венчику 15 см. Срез ровный, скошен внутрь. Горшок округлобокий, плечики высокие, поверхность шершавая. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, внутренняя – темно-коричневого. На обеих поверхностях имеются следы заглаживания, выгоревших зерен. Примеси – дресва мелкого размера, песок. Обжиг хороший.

Верхняя часть лепного горшка состоит из 12 фрагментов (рис. 11: 2). Диаметр по венчику 24 см. Шейка короткая, венчик отогнут наружу, его край немного закруглен, срез ровный. Горшок имеет более покатые бока по сравнению с сосудом, рассмотренным выше. Поверхность шершавая, светло-коричневого цвета, имеются следы заглаживания, выгоревших зерен. Примеси – немного мелкой дресвы, песок. Черепки очень плотные, что говорит о хорошем обжиге.

Придонная часть и донце лепного горшка (рис. 11: 3). Горшок имеет плавный, без уступов, переход от донца к стенкам. Цвет – светло-коричневый, поверхность – шершавая, немного неровная. В керамическом тесте – примеси крупной и мелкой дресвы (немного), следы выгоревших зерен. На нижней поверхности донца зафиксирована подсыпка песка. На придонной части снизу имеются два участка с отпечатками ткани по сырой поверхности (рис. 11: 3; 14).

Обнаруженные сосуды относятся к пражской культуре. По типологии И.П. Русановой верхние части горшков соответствуют типу I, вариантам 4 (рис. 11: 1) и 5 (рис. 11: 2) (Русанова, 1973, с. 10–11, рис. 2). По разработкам В.С. Вергей они относятся к типу Б, варианту в (рис. 11: 1) и типу Г, варианту в (рис. 11: 2). На поселениях Белорусского Полесья сосуды типа Б являются самой распространенной формой, типа Г – находятся на третьей позиции (Вяргей, 1997). По типологии И.О. Гавритухина горшок меньшего диаметра (рис. 11: 1) соответствует типу II варианту Га, большего (рис. 11: 2) – типу Дд. Сосуды таких форм наиболее часто встречаются на памятниках фазы III пражской культуры, датирующиеся VII в. (Гавритухин, 1997).

В культурном слое поселения Долгое-1 содержится лепная и раннекруговая керамика конца I – начала II тыс. н.э. (рис. 7: 24, 26; 10: 16–26), фрагменты круговых горшков X–XI в. с линейным и линейно-волнистым орнаментом (рис. 7: 25)<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Подробно круговая керамика X–XI вв. в статье не рассматривается.

Жилище (объект 1), исследованное в 2018 г. на поселении Долгое-1 содержало материалы от каменного века до X–XI в. В заполнении постройки преобладала лепная керамика I тыс. н.э., однако обломки круговых горшков с линейным и волнистым орнаментом были обнаружены и в нижних слоях котлована. Таким образом, чисто технически, объект следовало бы отнести к древнерусскому времени. В то же время, дробность керамики и нахождение обломков круговых сосудов в предматериковом пласте и на других участках раскопа (вне объектов), говорит о значительной перемешанности культурного слоя, представленного легкими песками. Мощностность заполнения самого жилища небольшая, и круговая керамика могла попасть в него из верхних слоев. Таким образом, на взгляд автора, нельзя исключать и более раннюю датировку исследованного объекта.

Обращает на себя внимание ориентация стен жилища по сторонам света, и расположение отопительного сооружения в одном из северных углов, в данном случае – в северо-восточном. Такое устройство жилищ характерно для раннеславянских поселений Белорусского Полесья и Украины во второй половине I тыс. н.э. (Вергей, 2005; Русанова, 1973).

Основная масса лепной керамики и, главным образом, характерные глиняные пряслица, которые были выявлены в заполнении котлована жилища (объекта 1) и рядом с ним, представляют позднеримский период жизни на поселении и связаны с населением киевского культурного круга, имевшего контакты с представителями вельбарской культуры. Большое количество обнаруженных пряслиц говорит об активном занятии жителей поселения прядением и ткачеством. Пряслица – предметы женской субкультуры, имеющие в данном случае ярко выраженные этнокультурные признаки, свидетельствуют о тесных контактах групп местного и иноэтнического населения.

Похожие материалы были получены при исследованиях на поселении Яськовичи-1, расположенном всего в 4–4,5 км на юго-запад от Долгого-1 (рис. 1). В 2018 и 2019 гг. раскопки на этом памятнике проводились экспедицией исторического факультета Белорусского Государственного университета (г. Минск) под руководством В.Г. Белевца и В.Г. Сидоровича. Были исследованы два жилища срубной и столбовой конструкции, хозяйственная постройка и ряд других объектов. Памятник относится к киев-

скому культурному кругу. Наличие в материалах импортов из вельбарской культуры свидетельствует о непосредственных контактах местного населения с историческими готами. Селище Яськовичи-1 активно использовалось лишь в позднеримское время (III – середина IV в.) (Белявец, 2019в).

В коллекции лепной керамики с поселения Яськовичи-1 за 2018 и 2019 гг. содержится несколько верхних частей сосудов с короткими прямыми или немного отогнутыми венчиками, край которых срезан ровно либо косо (рис. 12: 2–6) (Белявец, 2019в, с. 124, мал. 9: 16, 17)<sup>5</sup>. По морфологическим признакам эти фрагменты можно отнести к керамике пражской культуры. Поверхность одного из горшков очень гладкая (рис. 12: 6). Вопрос о степени присутствия носителей пражской культуры на поселении Яськовичи-1 может быть раскрыт в будущем при выявлении связанных с ней объектов.

В ходе проведения исследований с использованием металлодетектора в 2018 г. на поселении Яськовичи-1 был обнаружен фрагмент бронзового височного кольца (рис. 12: 1) (Таблица 3). Дужка утрачена. Ширина изделия – 2 см, высота с ушком – 1,8 см. Вес фрагмента – 2 г. Лунницеподобная основа по контуру и дужки украшены псевдозернью. Основа оканчивается тремя лучами с крупной псевдозернью. Тыльная сторона плоская. Такие ювелирные изделия изготавливались путем литья по восковой модели.

Подобные височные кольца появляются в VI в. н.э. На протяжении VII–XI вв. меняется их форма, орнаментация и техника изготовления. Известны поднепровские (пастырские), византийские и придунайские типы таких украшений. Они были широко распространены на памятниках VIII–X вв. в Карпатско-Дунайском регионе (Льків и др., 2017). Особенностью височного кольца из Яськовичей-1 является отсутствие подвески, а лучи, которые обычно ее украшают, размещены на самой лунницеподобной основе. Похожие кольца, только с лучами из настоящей зерни, были обнаружены в погребении 21 могильника Гарлица на территории современной Болгарии. Украшения датированы второй половиной VIII в. н.э. (Рашев, 2008, с. 165, табл. LXXXI: 7, 8; CXXI). Подобные изделия хранятся в коллекции Исторического музея в

<sup>5</sup> Автор выражает благодарность В.Г. Белевцу за возможность ознакомиться с материалами из раскопок на поселении Яськовичи-1 и рассмотреть их в данной статье.

г. Белград (Сербия), датированы IX–XI вв., происходят из Византии (Бајаловић – Хаџи-Пешић, 1984, с. 31–32, табл. III: 7, 8; XXIII: 3, 4).

Таким образом, находка из Яськовичей-1 по видимому датируется VIII–X вв. Рассматривая ее, нужно учитывать отсутствие точных аналогий и уникальность данного украшения для изучаемого региона. В слое поселения Яськовичи-1 встречена раннекруговая керамика с волнистым орнаментом (рис. 12: 7), которая относится к Лука-Райковецкой культуре, и, вероятно, сопутствует височному кольцу.

Таким образом, в результате небольших исследований, проведенных на поселении Долгое-1 были получены достаточно выразительные

материалы. В позднеримское время тут проживало население киевского культурного круга, имевшее непосредственные контакты с германскими племенами. Вероятно, оно было связано с общиной, которой принадлежало поселение Яськовичи-1.

На настоящий момент Долгое-1 – самый северный исследованный раскопками памятник пражской культуры на территории Беларуси. Керамика из объекта, зафиксированного на поселении в 2017 г., датируется VII в. н.э. О присутствии в регионе в конце I тыс. н.э. славянского населения, возможно, выходцев из Подунавья, свидетельствует находка трехлучевого височного кольца с поселения Яськовичи-1.

**Таблица 1.** Долгое-1 2018 г. Распространение массовых находок в культурном слое раскопа 1.

Слой, глубина в м	Кремневые артефакты	Лепная керамика эпохи неолита – бронзового века	Лепная керамика I тыс. н.э.	Ранне-круговая керамика	Круговая керамика	Обожженная глина	Шлак металлургический	Кости кальцинированные	Зубы животных
1 (0-0,2)	131	12	154	72	93	3	1	1	-
2 (0,2-0,3)	230	59	508	94	138	9	-	16	1
3 (0,3-0,4)	239	71	310	69	79	7	1	-	1
4 (0,4-0,55)	476	154	308	48	53	9	-	5	-
<b>Всего</b>	<b>1076</b>	<b>296</b>	<b>1280</b>	<b>283</b>	<b>363</b>	<b>28</b>	<b>2</b>	<b>22</b>	<b>2</b>

**Таблица 2.** Долгое-1 2018 г. Распределение лепных сосудов I тыс. н.э. из раскопа 1 по способу обработки поверхности.

Слой, глубина в м	Керамика по способу обработки поверхности				
	Шершавые	Гладкие	Подлощенные	Лощеные	Со штриховкой
1 (0-0,2)	153	1	0	0	0
2 (0,2-0,3)	504	0	2	2	0
3 (0,3-0,4)	305	1	0	1	3 (2 – расчесы?)
4 (0,4-0,55)	305	2	0	1	0
<b>Всего</b>	<b>1267</b>	<b>4</b>	<b>2</b>	<b>4</b>	<b>3</b>



**Таблица 3.** Результат исследования химического состава металла височного кольца с поселения Яськовичи 1 (рис. 12: 1).

	Класс Alloy_LE_FP	Дата 24/03/2020	Время 17:36:53	Продолжительность воздействия 60 с								
Элемент, %	Медь (Cu)	Олово (Sn)	Кремний (Si)	Алюминий (Al)	Фосфор (P)	Свинец (Pb)	Серебро (Ag)	Железо (Fe)	Цинк (Zn)	Вольфрам (W)	Мышьяк (As)	Кобальт (Co)
	47.66	24.11	8.08	6.15	4.77	3.98	3.17	1.50	0.43	0.08	0.08	0.01
±	0.077	0.080	0.067	0.128	0.029	0.022	0.021	0.021	0.007	0.008	0.004	0.005

Анализ выполнен с помощью портативного рентгенофлуоресцентного анализатора металлов ХМЕТ 8000.

### Литература

- Бажаловић – Хаџи-Пешић М. 1984.** Накит VIII–XVIII века у Музеју града Београда. Београд. 151 с.
- Белявец В., Вяргей В. 2002.** Курадава-1 – шматслайнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 5. / Рэд. А.М. Мядзведзеў. Мінск: Беларуская навука. С. 5–24.
- Белявец В.Г. 2019а.** Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці тэрыторыі Беларусі рубяжа II/III – пачатку V ст. н.э. // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л. Д. Поболя. 2-е изд., испр., перераб. и доп. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 394–461.
- Белявец В.Г. 2019б.** Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускай Палесі // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя. 2-е изд., испр., перераб. и доп. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 345–394.
- Белявец В.Г. 2019в.** Даследаванні на селішчы Яскавічы-1 у 2018 г.: да вывучэння помнікаў “перадпражскага” гарызонту на Беларускай Палесі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. 3. С. 110–145.
- Бяліцкая Г.М., Байкоўская А.А., Харытановіч В.М. 2019.** Паселішча каля вёскі Бярэжцы Жыткавіцкага раёна Гомельскай вобласці // Славяне на тэрыторыі Беларусі в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Л.Д. Поболя. 2-е изд., испр., перераб. и доп. 1. / Ред. О.Н. Левко, В.Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 514–555.
- Вергей В.С. 2005.** Пражская культура в Беларуси // Archeologia o początkach Słowian: materyjaly міжнароднай канферэнцыі, Кракаў 19–21 лістапада 2001 г. / IAUJ; рэдкал.: Р. Kaczanowski, М. Parczewski. Kraków: IAUJ, 2005. S. 487–502.
- Вяргей В.С. 1997.** Керамічны комплекс з помнікаў тыпу Прага-Карчак на Беларусі // Заслаўскія чытанні. 1995. Заславье. С. 20–26.
- Гавритухин И.О. 1997.** Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян / Редкол.: В.Л. Янин [и др.]. – М.: Наука. С. 39–52.
- Гавритухин И.О. 2005.** Комплексы пражской культуры с датирующими вещами // Archeologia o początkach Słowian: materyjaly міжнароднай канферэнцыі, Кракаў 19–21 лістапада 2001 г. / IAUJ; рэдкал.: Р. Kaczanowski, М. Parczewski. Kraków: IAUJ, 2005. S. 403–461.
- Ільків М.В., Калінічэнко В.А., Михайлина Л.П., Пивоваров С.В. 2017.** Лунніці та скроневі кільця з паселення VIII–X ст. в Рідківцях // Эўропейська археологія I тисячоліття н.э.: Збірник наукових праць на честь Ліани Василівни Вакулєнко / Ред. А.В. Скиба, С.А. Горбаненко. ІА НАН України. Київ. С. 249–265.
- Касюк А.Ф., Гаршкоў А.Д. 2019.** Археалагічныя разведкі ў вярхоўях ракі Лань у 2016 і 2018 годзе // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Даследаванне беларускіх старажытнасцей / Навук. рэд.: В.М. Ляўко. Вып. 30. Мінск: Беларуская навука. С. 241–260.

**Кривальцэвіч М.М. 2016.** Справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак і разведак на тэрыторыі Беларускага Палесся ў 2015 годзе // Центральный науч. архив НАН Беларуси. Фонд археол. науч. документации. Воп. 1. – Арх. № 3334.

**Кривальцэвіч М.М. 2018.** Навуковая справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак і разведак на тэрыторыі Беларускага Палесся ў 2017 г. // Центральный науч. архив НАН Беларуси. Фонд археол. науч. документации. Воп. 1. – Арх. № 3476.

**Магомедов Б.В. 2015.** Керамические пряслица черняховской культуры / ИА НАН Украины. Киев. 170 с.

**Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991.** Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука. 176 с.

**Обломский А.М. 2004.** Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. (Раннеславянский мир. Вып. 6) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 330 с.

**Обломский А.М. 2007.** Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 320 с.

**Рашев Р. 2008.** Българска езическа култура VII–IX век. София: Наследство, Класика и Стил. 598 с.

**Русанова И.П. 1973.** Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом (САИ. Вып. Е1-25). М.: Наука. 100 с.

**Сымонович Э.А. 1963.** Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // История и археология Юго-Западных областей СССР начала нашей эры (Материалы и исследования по археологии СССР. № 139) / Ред.: Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука. С. 205-237.

**Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983.** Погребальные обряды племен черняховской культуры (САИ. Вып. Д 1-22). М.: Наука. 152 с.

**Терпиловский Р.В. 1984.** Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев: Наукова думка. 124 с.

### Summary

#### Settlement Dolgoe-1 on the river Sluch in the Roman and Migration periods

E.F. Kasiuk

In the article presents the results of archaeological research in 2017 and 2018 on the settlement Dolgoe-1 on the river Sluch (Soligorsk district, Minsk region, Belarus). In 2017 N.N. Krivaltsevich recorded traces of the destroyed object with ceramics of the Prague culture of phase III (7<sup>th</sup> century AD). Dolgoe-1 is the northernmost settlement of Prague culture in Belarus, on were which excavations carried out. In 2018 the remains of a sub-square-shaped dwelling measuring 3.5 × 3.5 m was investigated. In the northeast corner was a heating structure made of stones. This dwelling belonged to the population Post-Zarubintsy horizon – Kiev culture. Contacts with Germanic tribes are by the characteristic spindle whorl observed. The settlement with similar materials is 4-4.5 km southwest of Dolgoe-1 near the village Yaskovichi located. Yaskovichi-1 was by A.N. Belitskaya in 2017 and V.G. Belevets in 2018 and 2019 investigated. Here was a temporal ring discovered, which should be associated with the population of the Luka-Raykovetskaya culture (8<sup>th</sup> – 10<sup>th</sup> century AD).

*Keywords:* Pripyat Polesie, Late Roman Period, Migration period, Post-Zarubintsy horizon, Kiev culture, Wielbark culture, Prague culture, dwelling, spindle whorl, hand-made pottery, temporal ring.

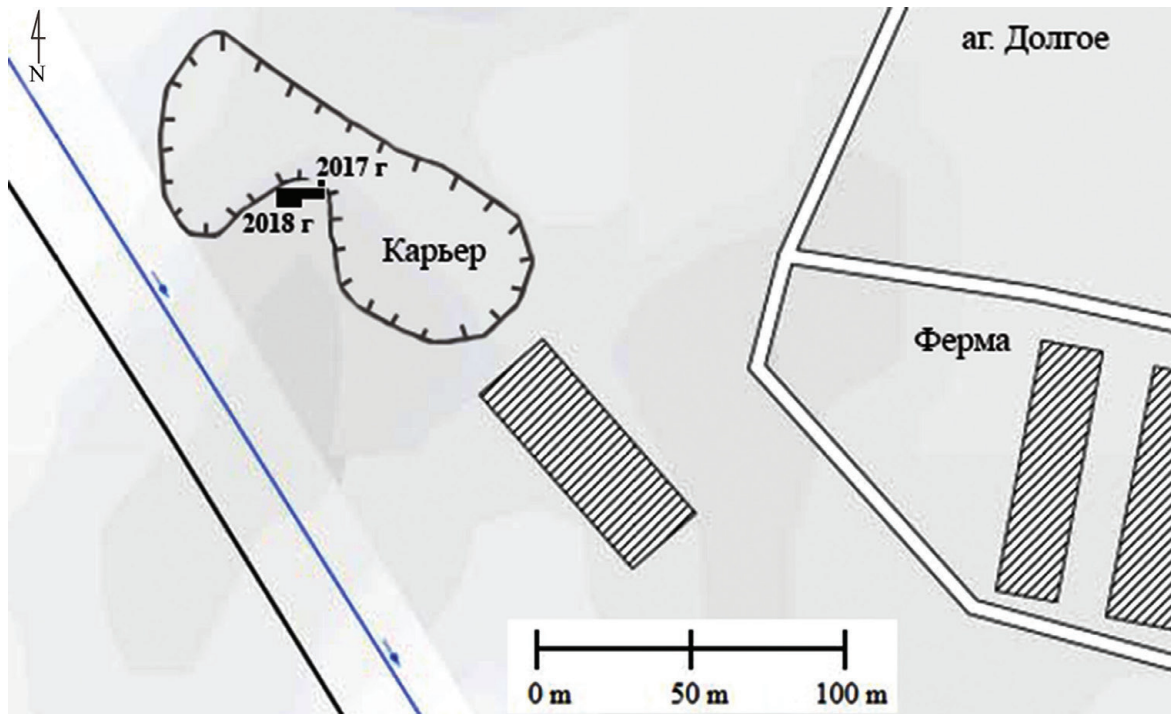


Рис. 3. Поселение Долгое-1. План локализации объекта пражской культуры, зафиксированного в 2017 г. и расположения раскопа 1 2018 г.

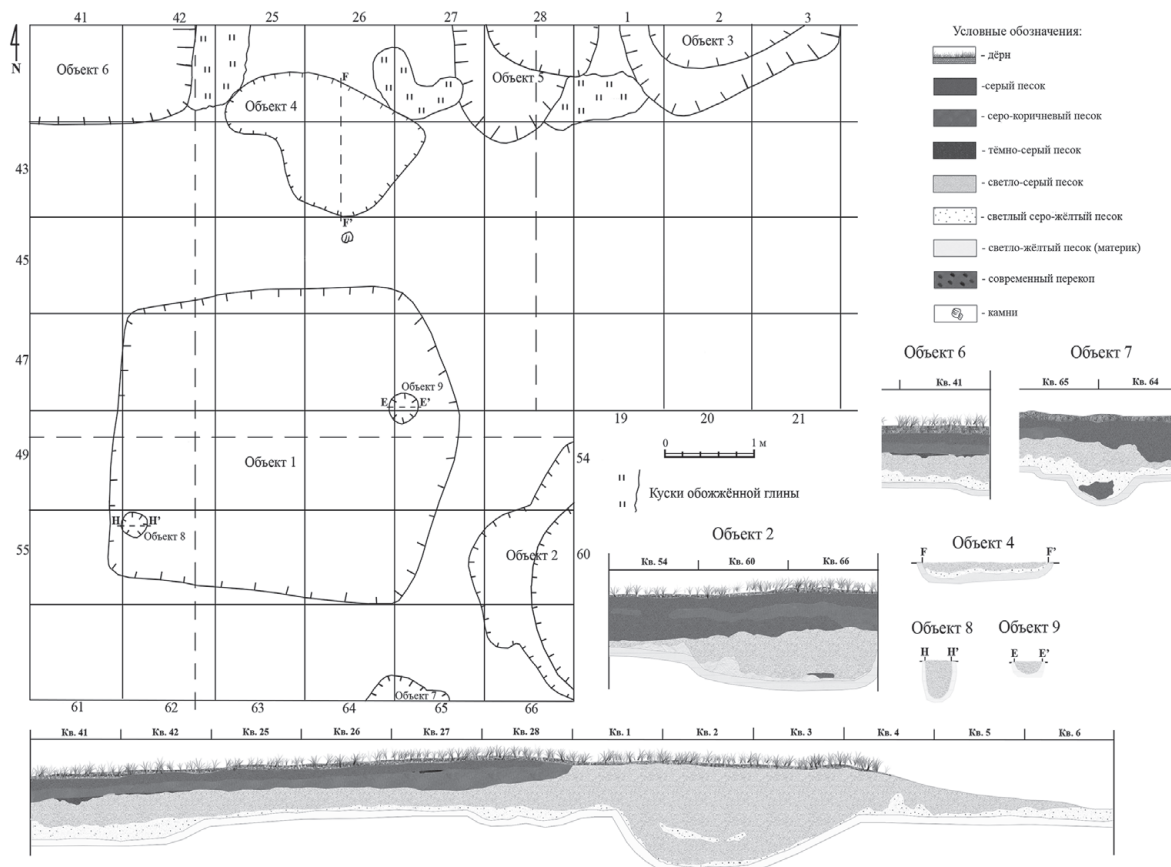


Рис. 4. Долгое-1. 2018 г. План раскопа 1.

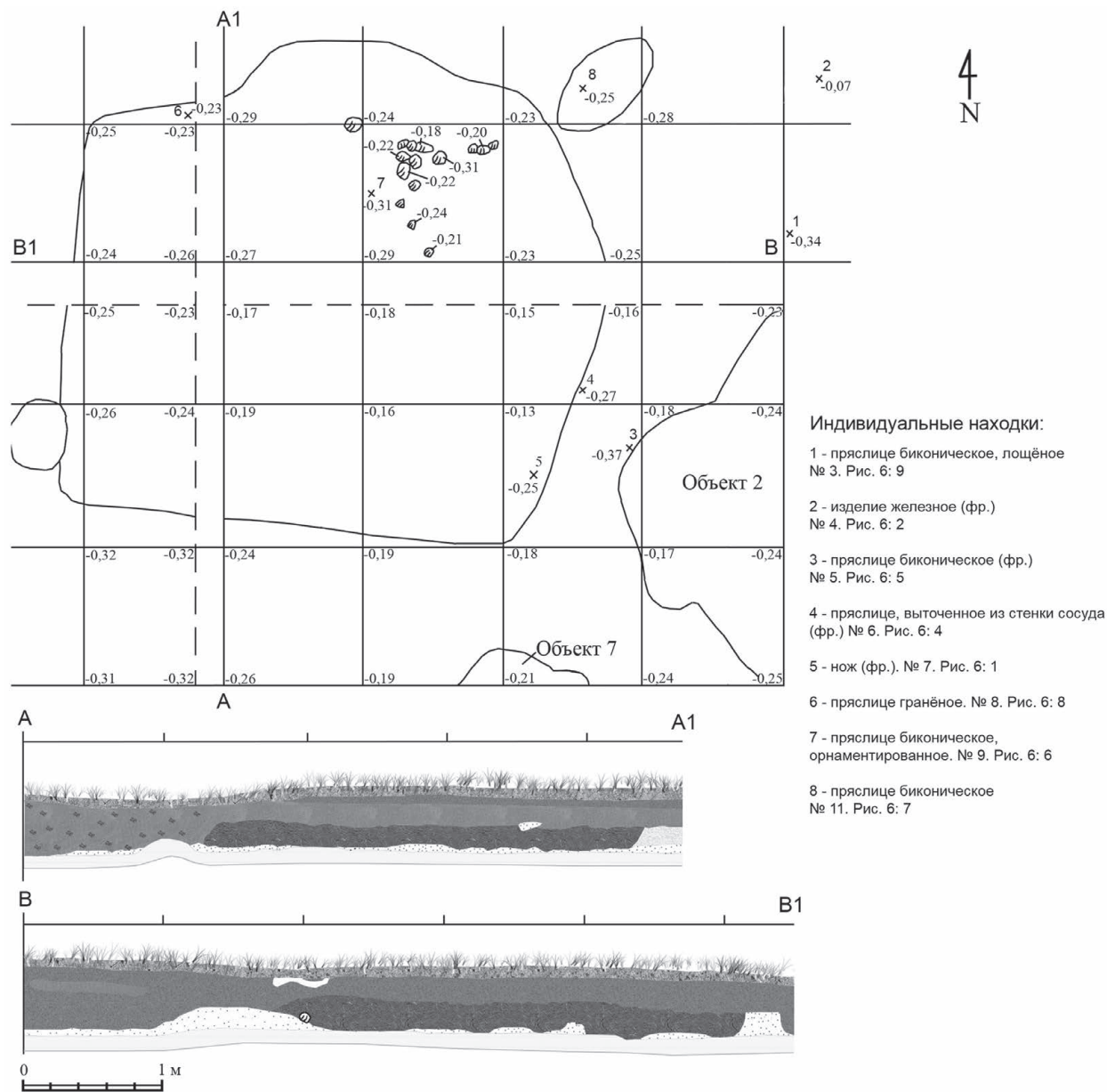
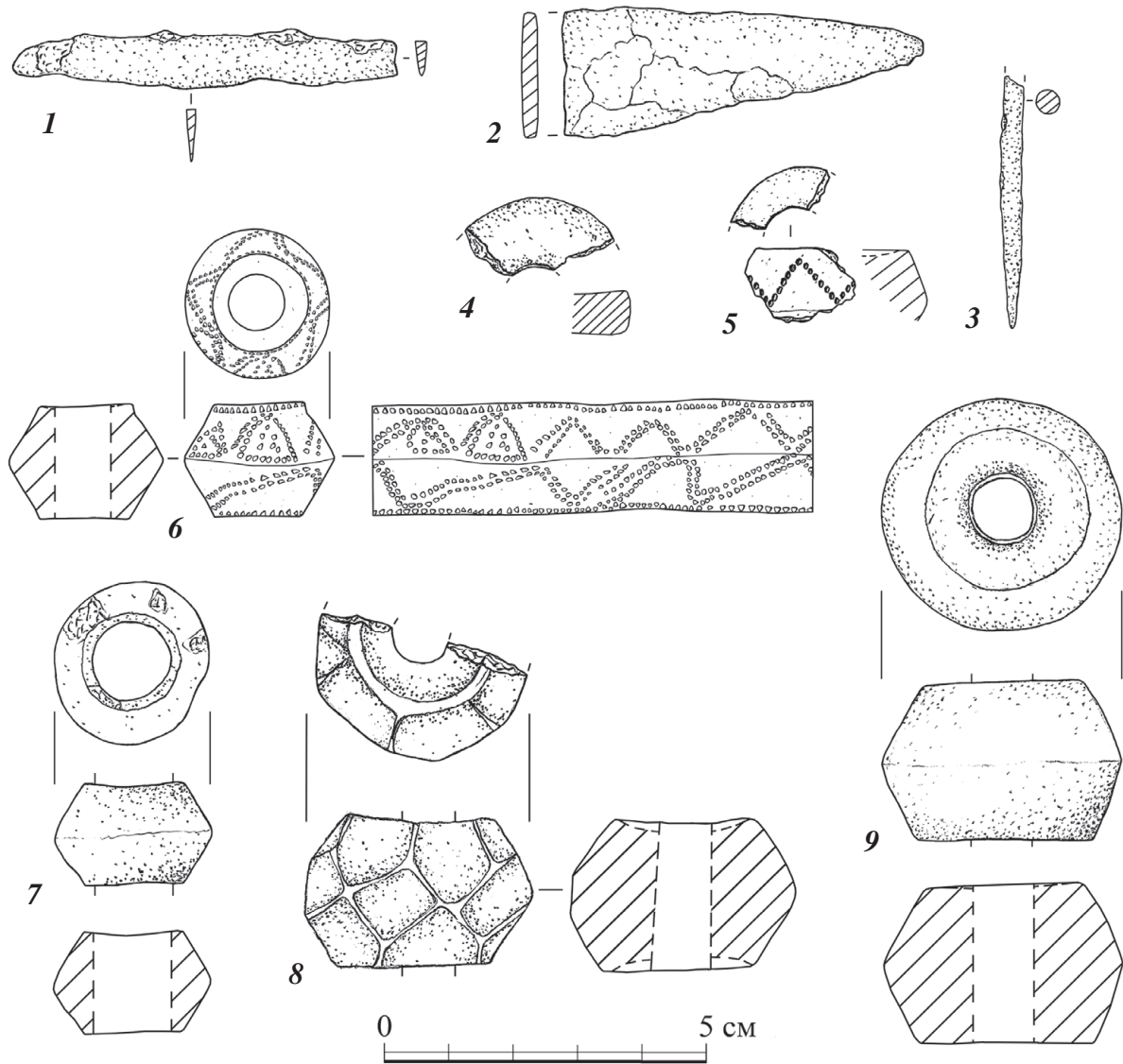


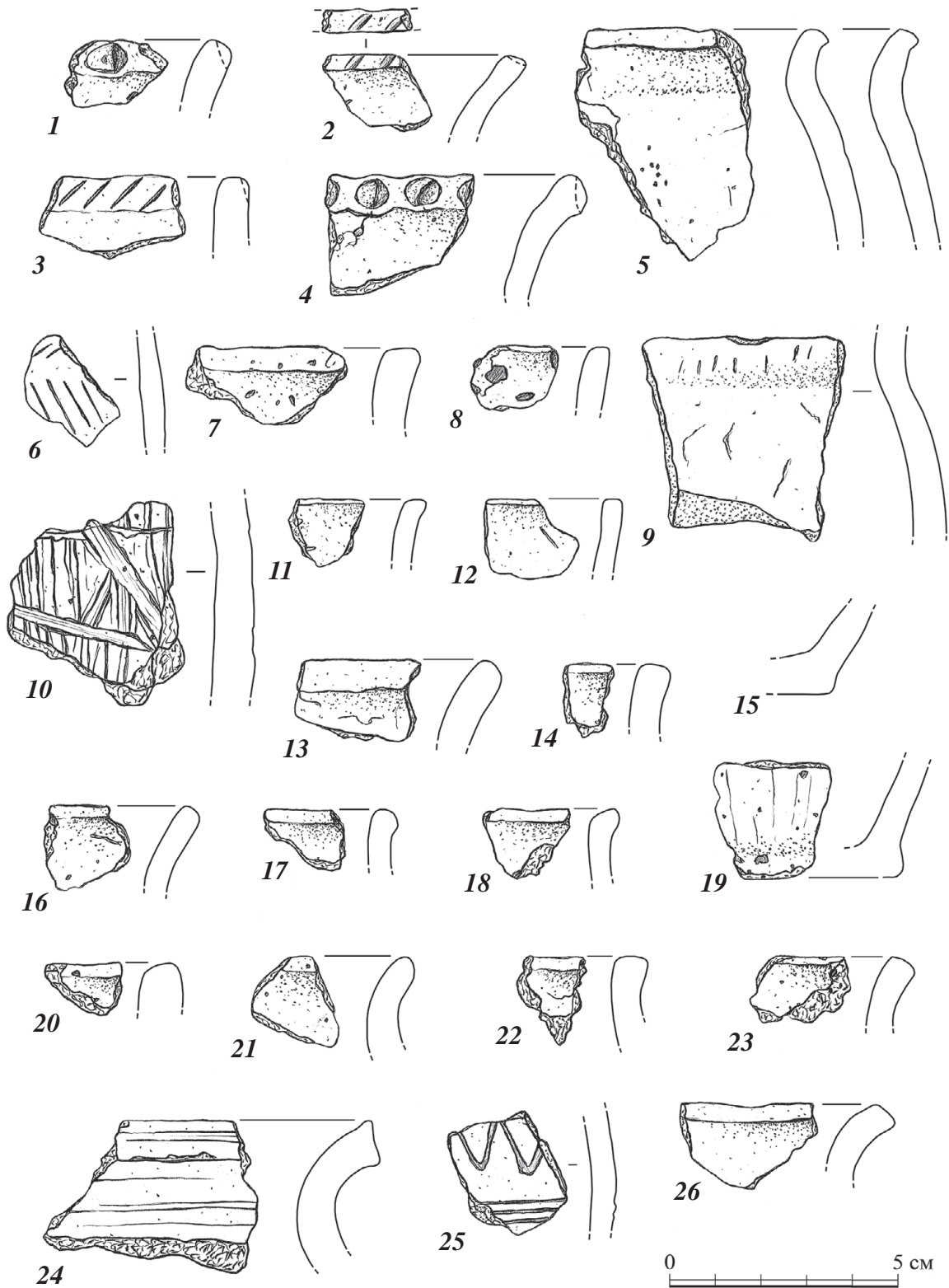
Рис. 5. Долгое-1. 2018 г. План жилища.





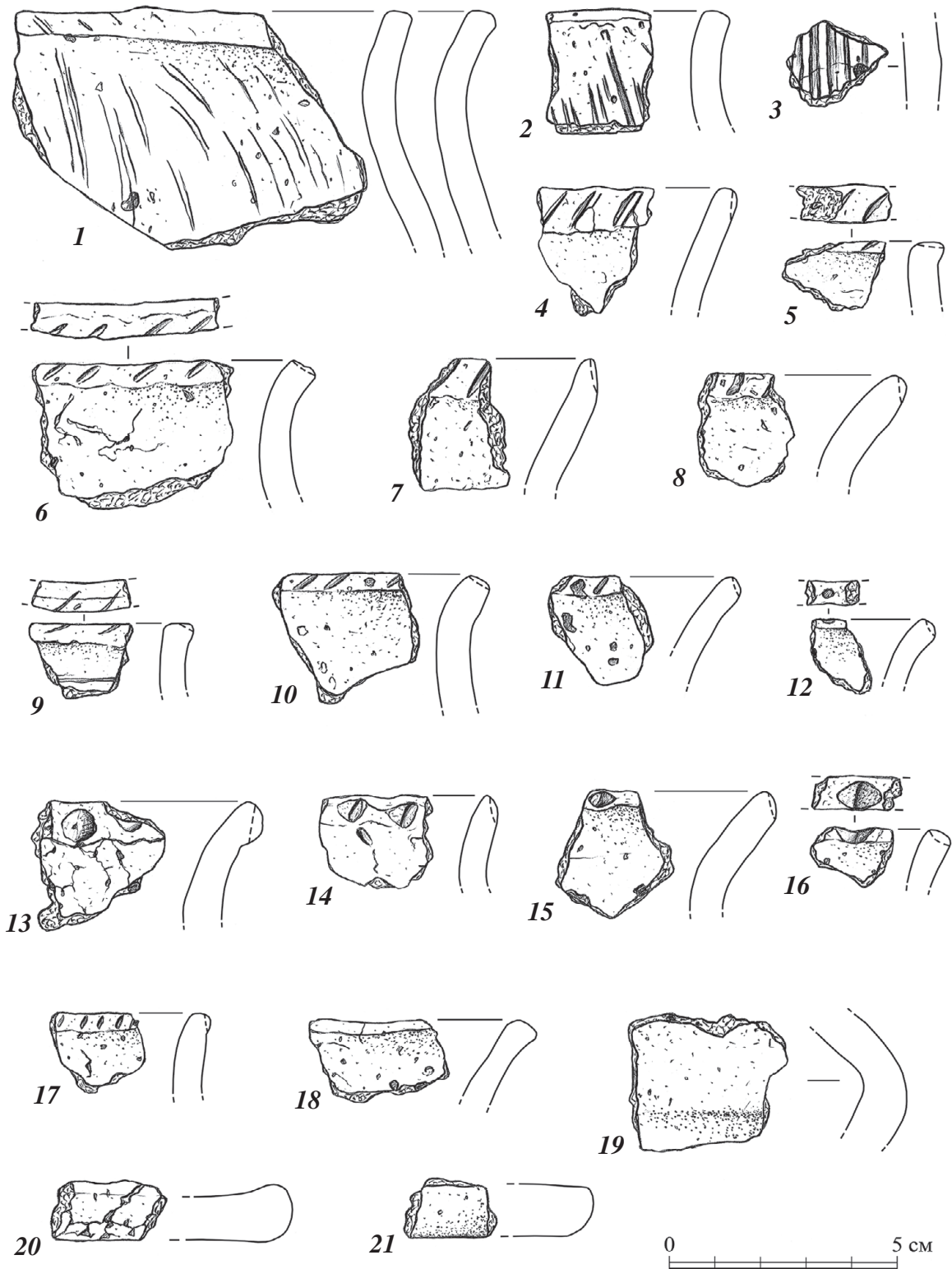
**Рис. 6.** Индивидуальные находки.

Жилище (1, 6, 8), в непосредственной близости от жилища (4, 5, 7), культурный слой (2, 3, 9). 1–3 – железо, 4–9 – глина. Полевые шифры и коллекционные номера: 1 – № 7. Кв. 59, глубина –0,25 м; 2 – № 4. Кв. 13, глубина –0,07 м; 3 – № 2. Кв. 3, глубина –0,11 м; 4 – № 6. Кв. 53, глубина –0,27 м; 5 – № 5. Кв. 59, глубина –0,37 м; 6 – № 9. Кв. 38, глубина –0,31 м; 7 – № 11. Кв. 35, глубина –0,25 м. 8 – № 8. Кв. 46, глубина –0,23 м; 9 – № 3. Кв. 19, глубина –0,34 м.



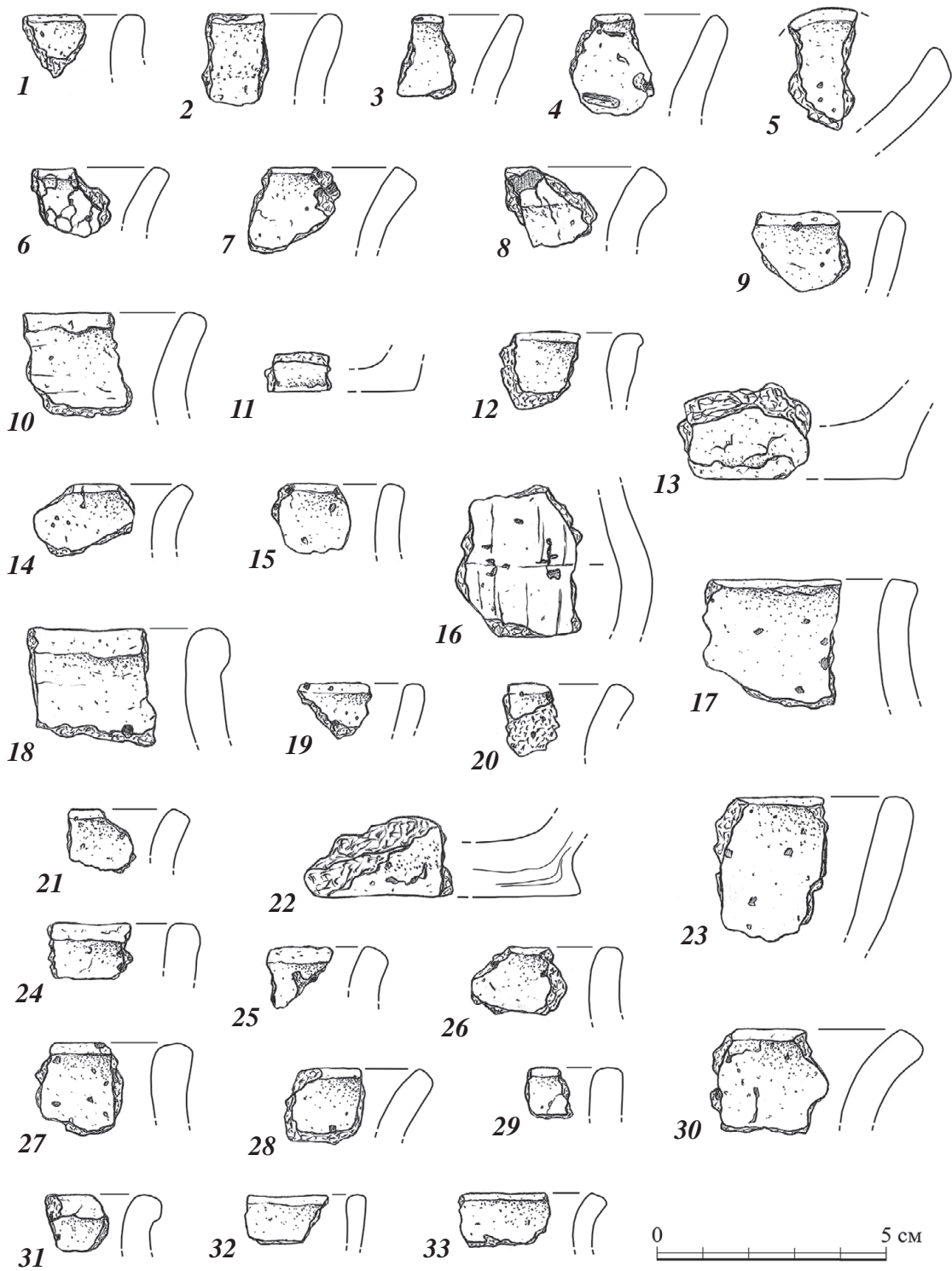
**Рис. 7.** Объект 1 (жилая постройка). Фрагменты лепных сосудов.

Полевые шифры и коллекционные номера: 1 – № 2009. 53/3; 2 – № 1971. 52/3; 3 – № 3094. 59/4; 4 – № 2859. 51/4; 5 – № 1902. 48/3; 6 – № 2683. 39/4; 7 – № 1970. 52/3; 8 – № 2169. 59/3; 9 – № 2165. 59/3; 10 – № 2012. 53/3; 11 – № 3014. 56/4; 12 – № 3112. 59/4; 13 – № 2088. 55/3; 14 – № 2010. 53/3; 15 – № 2090. 55/3; 16 – № 2092. 56/3; 17 – № 2641. 38/4; 18 – № 2681. 39/4; 19 – № 2144. 58/3; 20 – № 2935. 57/4; 21 – № 3074. 58/4; 22 – № 2987. 55/4; 23 – № 2811. 48/4; 24 – № 2633. 37/4; 25 – № 1754. 35/3; 26 – № 1746. 35/3.



**Рис. 8.** Долгое-1. Фрагменты лепных сосудов.

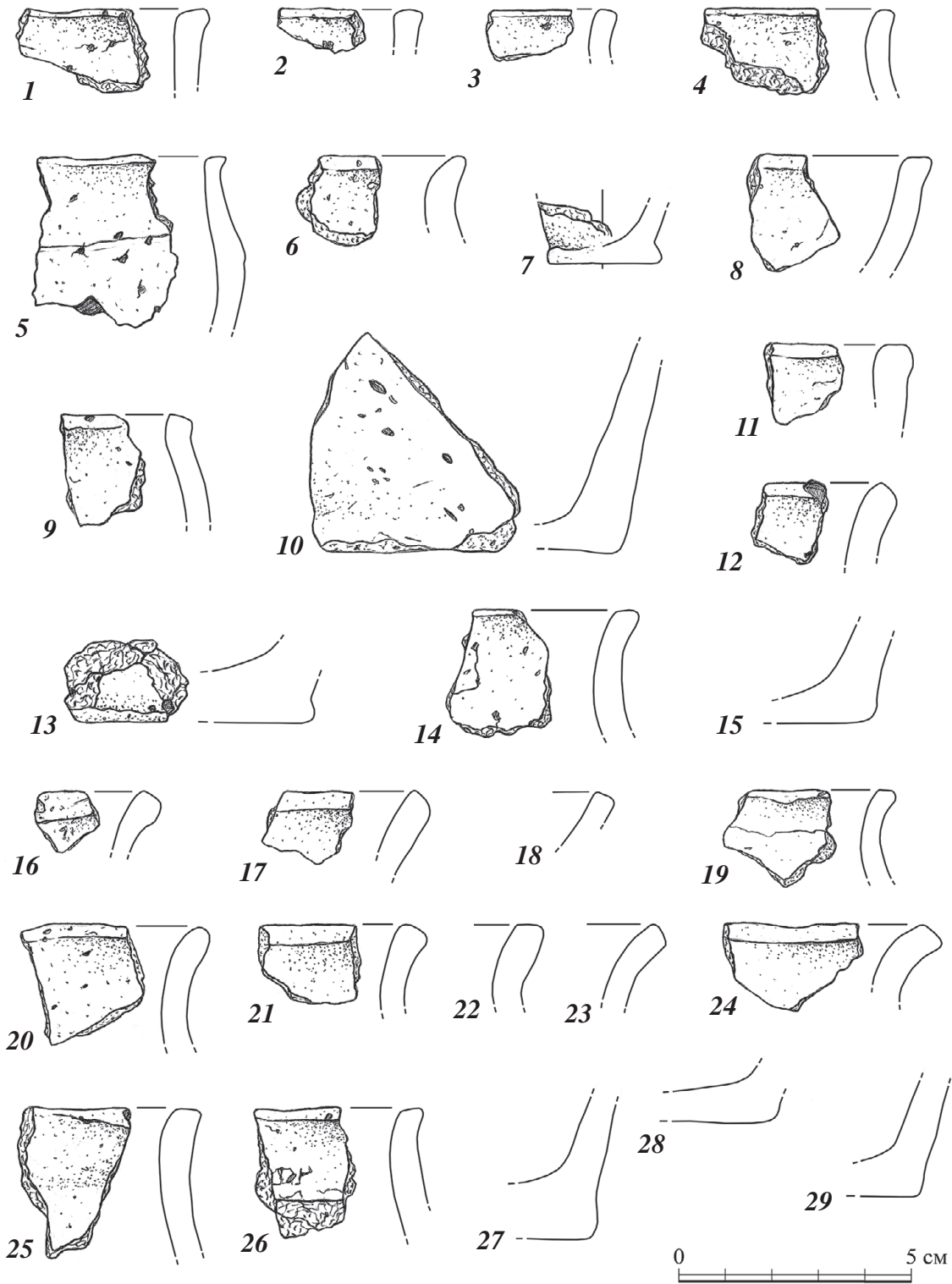
1 – Объект 3. 2–3 – Сборы на поверхности 2017 г. 4 – Сборы на поверхности. 2018 г. 5–21 – Раскоп 1. Культурный слой. Полевые шифры и коллекционные номера: 5 – № 684. 10/2; 6 – № 228. 25/1; 7 – № 20. 2/1; 8 – № 1672. 27/3; 9 – № 1383. 52/2; 10 – № 1673. 27/3; 11 – № 1713. 29/3; 12 – № 1804. 41/3; 13 – № 1616. 19/3; 14 – № 1397. 53/2; 15 – № 1826. 42/3; 16 – № 1910. 50/3; 17 – № 2569. 34/4; 18 – № 1825. 42/3; 19 – № 2212. 61/3; 20 – № 1730. 32/3; 21 – № 1690. 28/3.



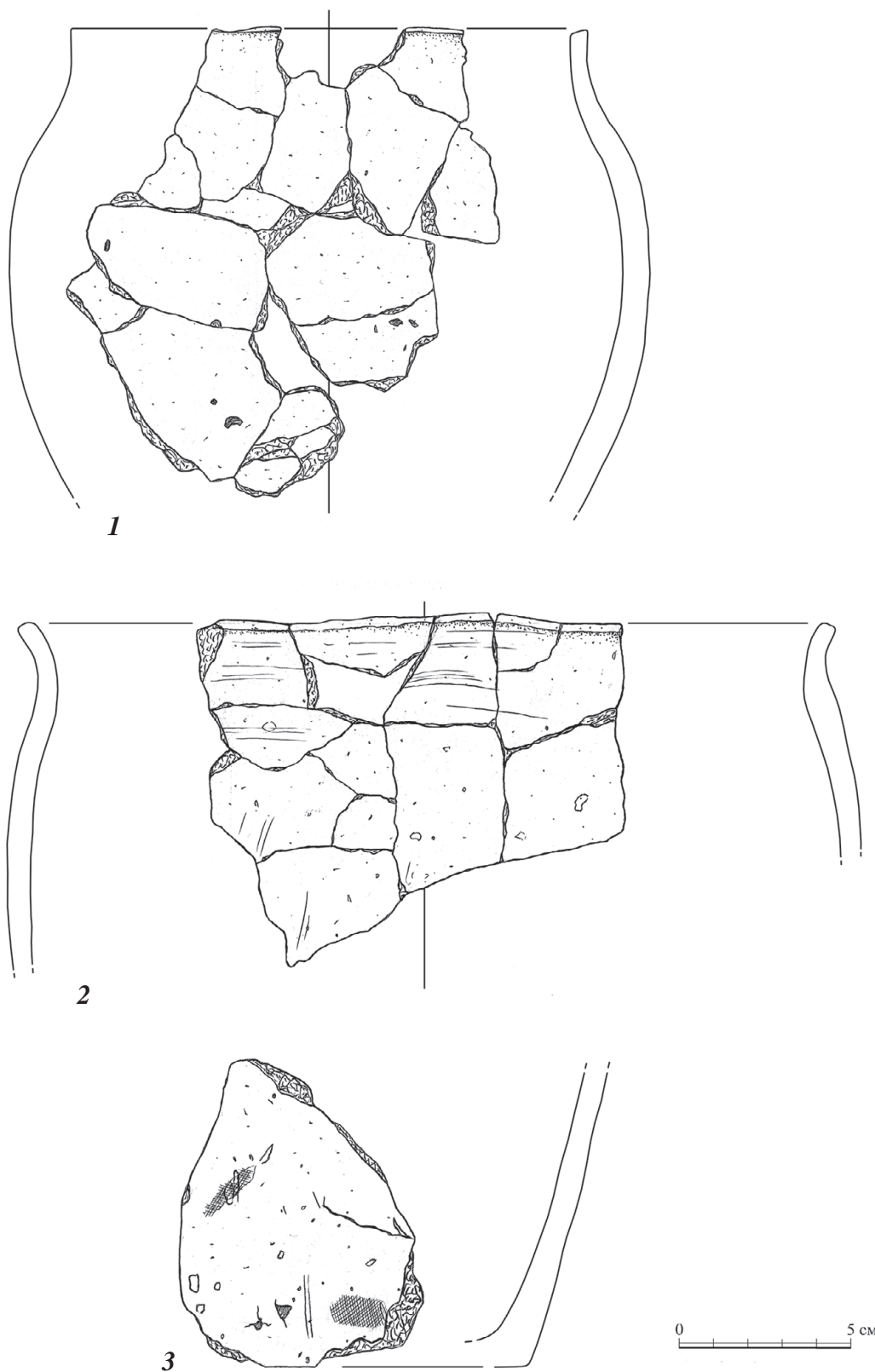
**Рис. 9.** Долгое-1. Раскоп 1. 2018 г. Фрагменты лепных сосудов I тыс. н.э. из культурного слоя. 1–8 – первая половина I тыс. н.э.

Полевые шифры и коллекционные номера: 1 – № 906. 23/2; 2 – № 2289. 65/3; 3 – № 2437. 22/4; 4 – № 2241. 63/3; 5 – № 264. 32/1; 6 – № 2542. 32/4; 7 – № 2391. 10/4; 8 – № 2546. 32/4; 9 – № 1459. 60/2; 10 – № 1337 45/2; 11 – № 468. 1/2; 12 – № 565. 9/2; 13 – № 1800. 41/3; 14 – № 937. 24/2; 15 – № 1147. 33/2; 16 – № 2371. 7/4; 17 – № 1246. 37/2; 18 – № 1351. 48/2; 19 – № 98. 14/1; 20 – № 63. 9/1; 21 – № 115. 14/1; 22 – № 1981. 52/3; 23 – № 514. 4/2; 24 – № 2466. 28/4; 25 – № 220. 24/1; 26 – № 911. 23/2; 27 – № 1443. 57/2; 28 – № 1400. 53/2; 29 – № 1617. 19/3; 30 – № 1827. 42/3; 31 – № 1803. 41/3; 32 – № 791. 24/1; 33 – № 114. 14/1.

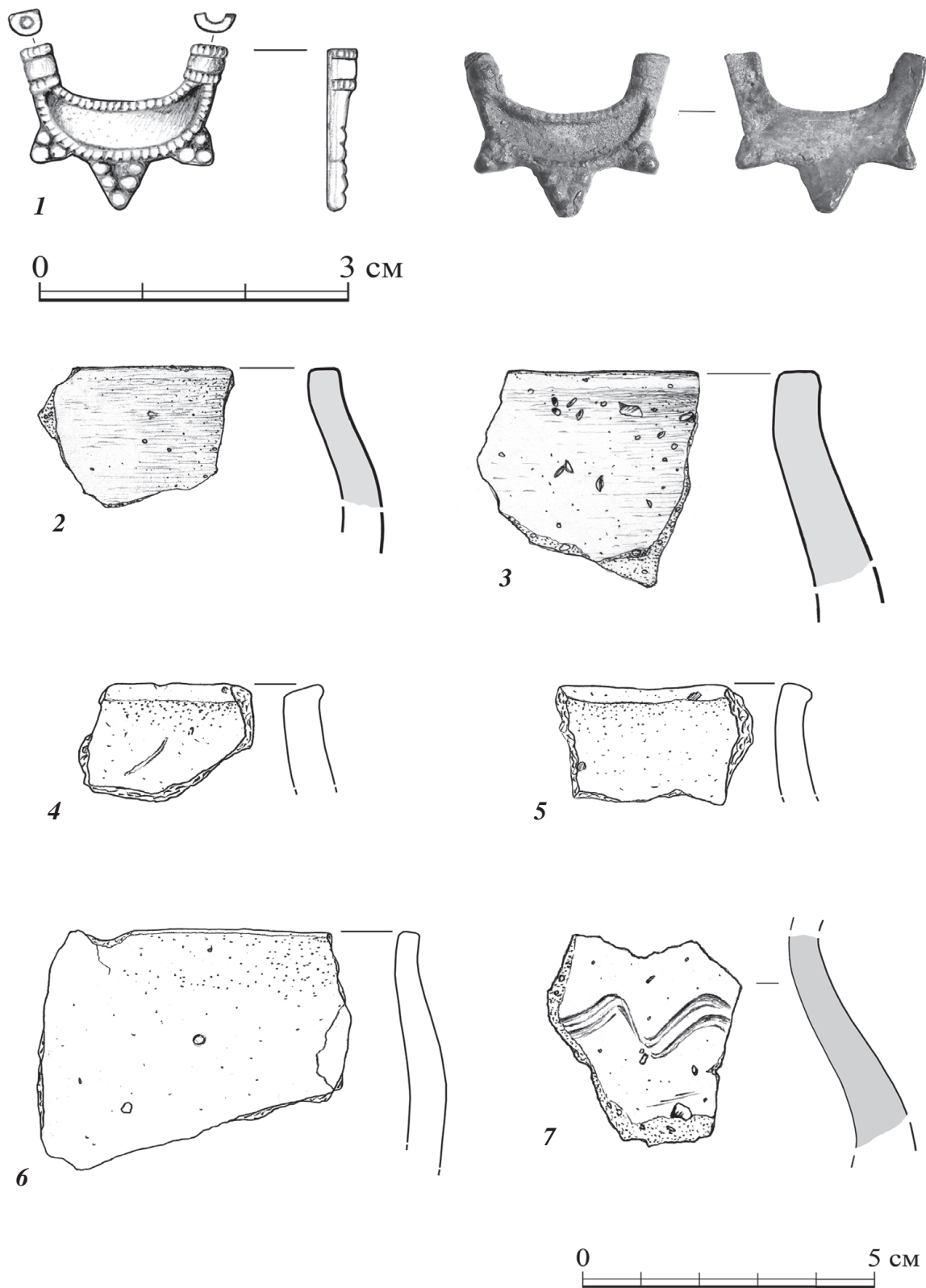




**Рис. 10.** Долгое-1. Раскоп 1. 2018 г. Фрагменты лепных сосудов второй половины I тыс. н.э. из культурного слоя. 1–5 – третья четверть I тыс. н.э., 16–26 – последняя четверть I тыс. н.э.  
 Полевые шифры и коллекционные номера: 1 – № 2640. 38/4; 2 – № 1828. 42/3; 3 – № 1084. 31/2; 4 – № 543. 7/2; 5 – № 683. 15/2; 6 – № 344. 40/1; 7 – № 836. 21/2; 8 – № 709. 15/2; 9 – № 1061. 29/2; 10 – № 1235. 36/2; 11 – № 495. 3/2; 12 – № 219. 24/1; 13 – № 2250. 63/3; 14 – № 218. 24/1; 15 – № 2489. 28/4; 16 – № 452. 58/1; 17 – № 138. 19/1; 18 – № 1375. 52/2; 19 – № 1206. 35/2; 20 – № 367. 42/1; 21 – № 211. 23/1; 22 – № 2378. 8/4; 23 – № 2377. 8/4; 24 – № 1746. 35/3; 25 – № 840. 21/2; 26 – № 1512. Пласт 2, зачистка; 27 – № 1169. 33/2; 28 – № 768. 16/2; 29 – № 901. 21/2.



**Рис. 11.** Долгое-1. 2017 г. Фрагменты лепных сосудов пражской культуры из сборов на поверхности (из разрушенного объекта).



**Рис. 12.** Яськовичи-1. Исследования В.Г. Белевца в 2018 г. (1–3) и 2019 г. (4–7).

1 – бронзовое височное кольцо; 2-6 – венчики лепных сосудов; 7 – стенка раннекругового сосуда. 1-3, 7 – рисунки В.Г. Белевца (1-3 – опубликовано в: Белявец, 2019, с. 124, мал. 9: 16, 17), 4-6 – рисунки Е.Ф. Касюк.

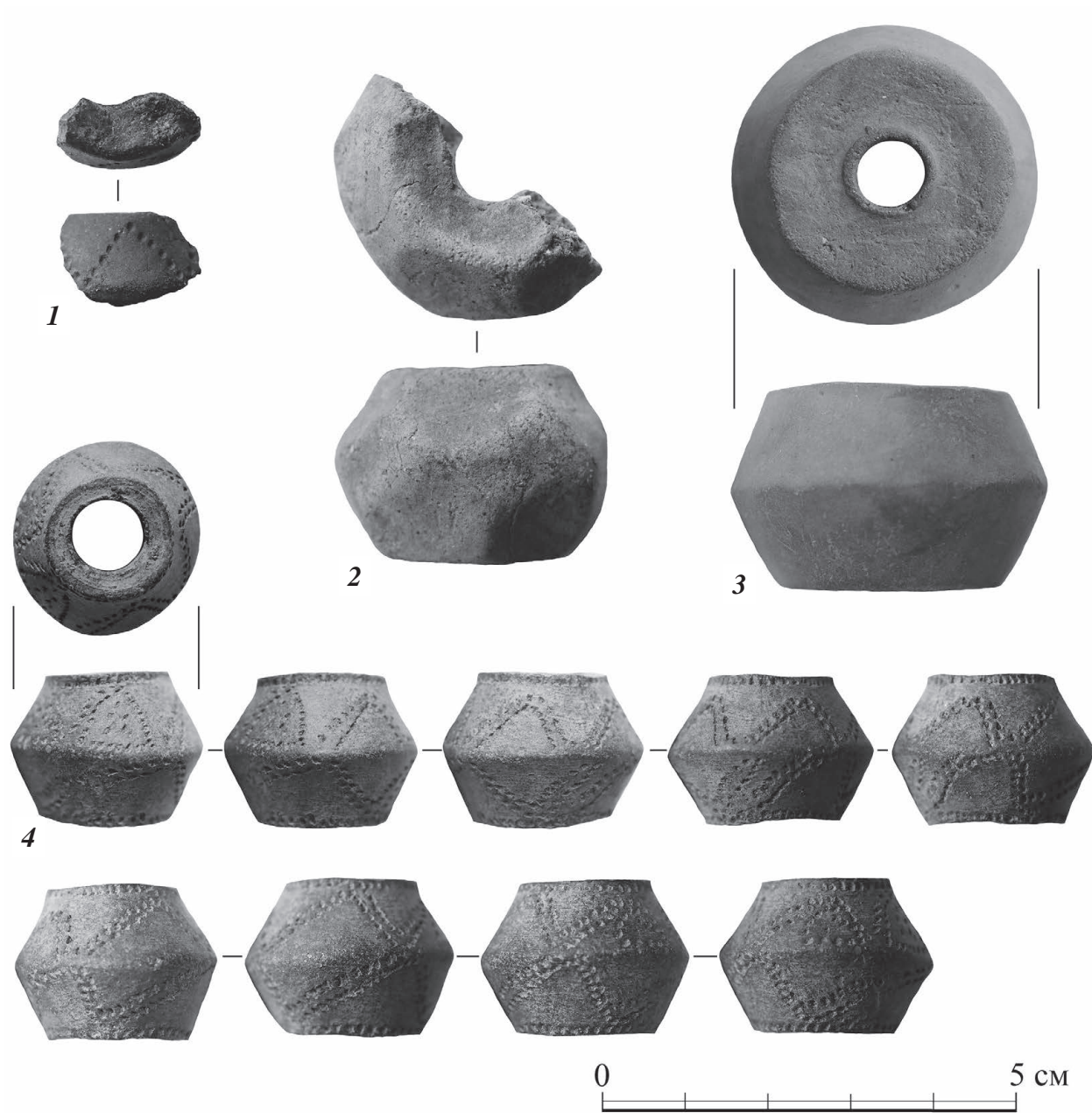
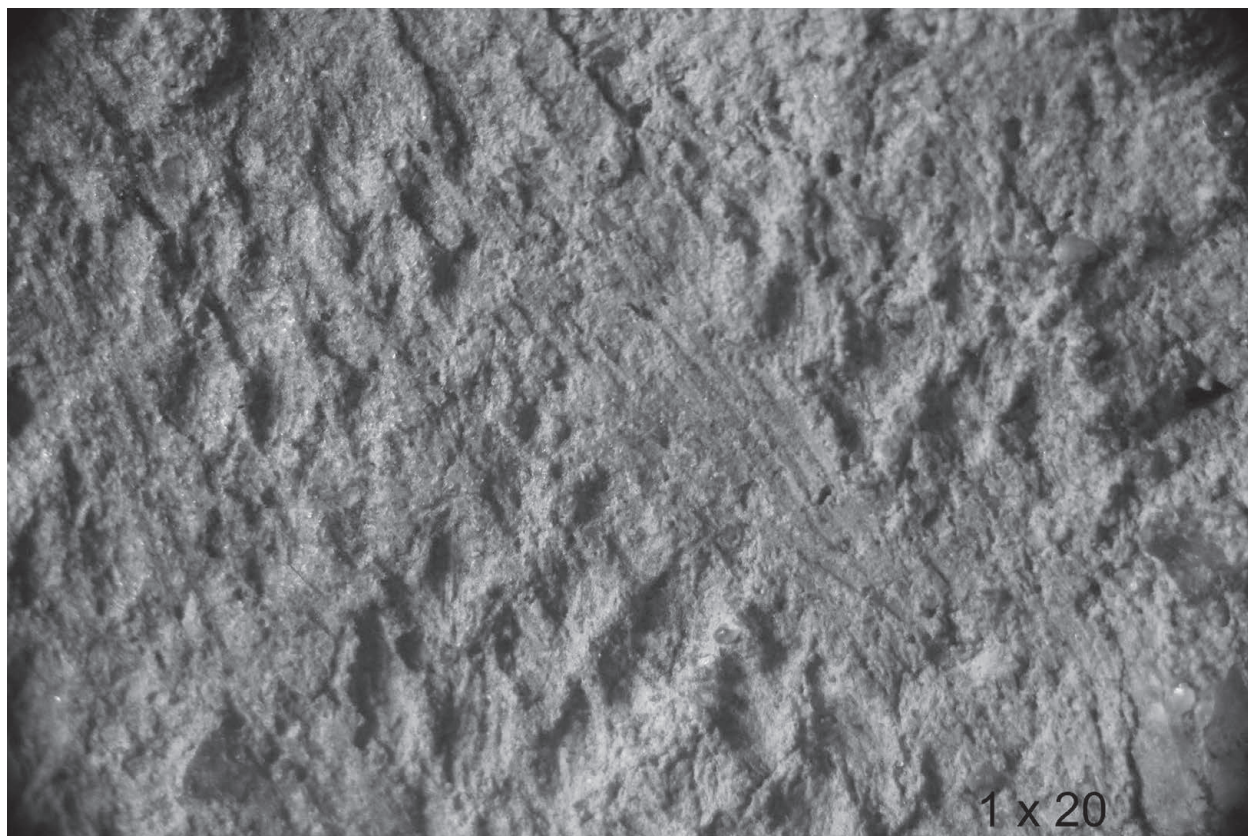


Рис. 13. Долгое-1. Раскоп 1. 2018 г. Глиняные пряслица. Фотоснимок.





**Рис. 14.** Долгое-1. 2017 г. Отпечаток ткани на стенке лепного сосуда пражской культуры.  
Снимок сделан с помощью микроскопа. Увеличение  $1 \times 20$ .

# Сосуд из кургана III Тураевского могильника

А.А. Красноперов (Ижевск)

При полном пересмотре коллекции Тураевского курганного могильника в фондах Музея археологии Казанского (Приволжского) федерального университета удалось, наконец, найти остатки керамического сосуда из кургана III, имевшего в литературе самые фантазийные интерпретации, который и публикуется в небольшой заметке.

*Ключевые слова:* Тураевские курганы, керамика.

Для каждой территории и для каждого периода есть знаковые памятники, материалы которых становятся ключевыми в обсуждении проблем. Очень многое здесь зависит от качества публикации, представляющей памятник сообществу. Для времени Великого переселения народов в Прикамье таким памятником является Тураевский курганный могильник. Какой только неадекватной ерунды не накручено на этом материале. И больше всех досталось керамическому сосуду из Тураево, к.Ш/п.1. Оба раза (Генинг, 1962, рис. 30: 1; 1976, рис. 10) издана одна и та же фотография из отчета (Генинг, 1960, рис. 4), для дальнейшего изложения важно, что в основной статье без масштабной линейки, цифры приведены только в тексте (Генинг, 1976, с. 65).

Тураевские курганы входят в поле интересов Игоря Олеговича, в частности по вопросу событий предгуннского времени. В связи с этим он предложил разыскать коллекцию и сверить ее с публикациями<sup>1</sup>, что и было сделано<sup>2</sup> осенью 2016 г.

Национальность (лингвистика) сосуда<sup>3</sup> определялась так: тюрки, гунно-тюрки, гунно-угры, угро-самодийцы, сарматы, готы, гото-славяне, черняхово-вельбаркцы, именьковцы. Для полноты набора не хватает только папуасов и марсиан.

Но, видимо, наибольшим спросом пользуется именьковская атрибуция, основанная на не характерной для местной керамики плоскодонности.

Еще раз – сам сосуд, кроме фотографии, никто не видел, в руках не держал.

Он был опознан только при полном пересмотре коллекции в 2016 г. (рис. 1 на с. 310: 1). Особенности сохранившихся фрагментов достаточно соответствуют фотографии, чтобы быть уверенными в тождественности. Фотография верна, обязательное уточнение – размеры сосуда. Высота общая – 11,5, высота расширения – 6,3, высота шейки – 10,2, диаметр венчика – 8,6, диаметр шейки – 8,0, диаметр тулова – 10,6, диаметр дна – 7,15.

Сразу после обнаружения в коллекции было очевидно, что никакого отношения к именьковской керамике этот сосуд не имеет. На всякий случай фрагменты были показаны Л.А. Вязову, ко-

<sup>1</sup> Не вдаваясь в длинные подробности, совпадений не обнаружено.

<sup>2</sup> При поддержке хранителя коллекции Алсу Ренатовны Нуретдиновой.

<sup>3</sup> Несколько огрубляя, я знаю один сосуд, умеющий разговаривать – знаменитая корчага с надписью «гороушна», да и та, как показал Р. Якобсон (Медынцева, 1998, с. 187; 2000, № 1, с. 28), «говорит» не то и не о том.

торый подтвердил, что это – не именьково, и ни одна из связанных или схожих (часто путаемых при поверхностных знаниях) с нею групп.

В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что сосуд из Тураево, к.Ш/п.1:

1) никак не соотносится с именьковскими группами<sup>4</sup>,

2) равно как и с иными другими,

3) определить его культурную принадлежность (векторы связей) не представляется возможным,

4) историография, особенно этническая, не стоит траты времени и может игнорироваться.

### Литература

**Генинг В.Ф. 1960.** Отчет об археологических исследованиях экспедиции Казанского гос. ун-та в 1960 г. (Больше-Тарханский и Тураевский могильник) // Архив Музея археологии Казанского федерального ун-та. Ф. 3. Д.1 2; Архив ИА РАН. Р-1. № 2121.

**Генинг В.Ф. 1962.** Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск: б/и. С. 72–80.

**Генинг В.Ф. 1976.** Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из ар-

хеологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: б/и. С. 55–108.

**Медынцева А.А. 1998.** Надписи на амфорной керамике X – начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. Сост. Т.Б. Князевская. М.: Наука. С. 176–193.

**Медынцева А.А. 2000.** Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X – 1-й пол. XIII в. М.: Наука, 291 с.

### Summary

#### The vessel from Kurgan III of the Turaev burial ground

A.A. Krasnoperov

During complete revision of the collection of the Turaevo burial mound, in the Museum of archaeology of Kazan (Volga region) Federal University funds we finally managed to find the remains of the ceramic vessel from mound III. In literature, it had the most fantasy interpretations, which are published in a small article.

*Keywords:* Turayev mounds, ceramics.

<sup>4</sup> Вообще, как и любой другой сосуд, не обладает языковой принадлежностью.

## Селище Жуковка на Москве-реке

Н.А. Кренке, И.Л. Максименко, Е.Ю. Тавлинцева (Москва)

В статье предлагается новая хронологическая интерпретация находок с селища Жуковка на Москве-реке, раскопанного в 1965–1967 гг. А.Г. Векслером. Выделено 4 хронологических комплекса находок: 1) раннедьяковский IV–III вв. до н.э.; 2) позднедьяковский рубежа эр – III в. н.э.; 3) раннеславянский IX–XI вв.; 4) «постдревнерусский» (раннемосковский) XIII–XIV вв. Основной акцент сделан на рассмотрение вопроса о наличии или отсутствии на памятнике дьяковских материалов второй половины I тыс. н.э. Приводятся аргументы в пользу того, что находки, ранее датированные автором раскопок второй половиной I тыс. н.э., следует отнести к первой половине этого тысячелетия (скорее всего, к I – III вв. н.э.), исходя из аналогий с европейскими материалами и сопоставлений с вещевыми находками и керамическими комплексами стратифицированного слоя Дьякова городища.

*Ключевые слова:* хронология, римское время, поясные наконечники ремня, позднедьяковская культура, лепная керамика.

Селище Жуковка на Москве реке было открыто в начале 1960-х гг. А.К. Станюковичем (1948–2015), тогда ещё школьником, и затем исследовалось раскопками в 1965–1967 гг. экспедицией Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством А.Г. Векслера (1930–2016). В 1986 г. работы были продолжены Н.А. Кренке при участии И.О. Гавритухина и Н.В. Лопатина, а также студентов МГУ под руководством Т.А. Пушкиной. За три года раскопок общая вскрытая площадь на памятнике составила 960 кв. м.

Материалы селища были чрезвычайно важны, в первую очередь, тем, что, казалось бы, проливали свет на два самых интригующих вопроса дьяковской археологии. По мнению А.Г. Векслера, на селище был представлен материал второй половины I тыс. н.э., который «закрывал» лакуну между позднедьяковскими древностями и славянскими памятниками московского региона. Именно этой теме была посвящена статья Александра Григорьевича (Векслер, 1978). Спустя

много лет была опубликована еще одна статья А.Г. Векслера в соавторстве с М.Г. Гусаковым, где повторены выводы предыдущей, но имеется важное дополнение – опубликован план памятника (Векслер, Гусаков, 2017).

Нужно сказать, что во второй половине 1970-х гг. проблема лакуны между дьяковской культурой и славянскими памятниками активно обсуждалась. И.Г. Розенфельдт принадлежала лидирующая роль в разработке нового подхода к хронологии дьяковской культуры, суть которого заключалась в том, что верхняя граница дьяковских древностей омолаживалась на 400 лет, по сравнению с традиционными датировками, которых придерживались А.Ф. Дубынин, К.А. Смирнов и ряд других исследователей. Нужно отметить, что состояние археологических источников в 1970-х гг. было таково, что подход И.Г. Розенфельдт имел право на существование. Однако десятилетие спустя ошибочность этих «молодых» датировок стала совершенно очевидна. Кросс-культурные исследования 1980–1990-х гг.



показали со всей очевидностью, что типы вещей, которые И.Г. Розенфельдт помещала во вторую половину I тыс. н.э., на самом деле датируются римским временем или началом эпохи переселения народов, то есть первой половиной I тыс. н.э. Попытка с помощью апелляции к древностям бассейна Оки с достаточно «лабильными» хроноиндикаторами перевернуть всю хронологию европейского Барбарикума была методически некорректной. Серийное радиоуглеродное датирование и стратиграфия слоев Дьякова городища также стали аргументом для отрицания точки зрения И.Г. Розенфельдт (Кренке, 2011; 2019).

Вторая интрига заключалась в том, что в небольшом шурфе (8 кв. м.), заложенном на селище Жуковка в стороне от основного раскопа, был обнаружен уникальный объект – два целых позднедьяковских горшка, один из которых накрывал другой. Эти горшки напоминали так называемые «подклошевые» погребения. Однако человеческих костей в этом объекте не было обнаружено, а лишь челюсти лошади (определение В.И. Цалкина). По непонятным обстоятельствам шурф 1967 г. не был расширен. Попытка разобраться в ситуации, предпринятая нами в 1986 г., оказалась неудачной (Кренке, 1986). Культурный слой селища к тому времени был вывезен или нарушен при строительстве дачи художника И.С. Глазунова.

Таким образом, задача настоящей статьи – это разобраться с «первой интригой» – определить, как же датируются находки поздних культурных горизонтов Жуковского селища.

Селище Жуковка расположено на территории дачного поселка Жуковка на правом берегу Москвы-реки на мысу высокой террасы (12 м над уровнем реки), с запада оно было ограничено небольшим овражком. В настоящее время селище полностью разрушено возведенными на берегу в начале 2000-х гг. постройками дворцового типа.

В музее Москвы сохранилась с некоторыми изъянами (отсутствует большинство бронзовых вещей и все предметы из стекла) коллекция раскопок 1965–1967 гг., а в архиве ИА РАН имеются отчеты А.Г. Векслера, выполненные на высоком для того времени научном уровне, с отрисовкой большинства вещевых находок и фрагментов керамики. Это позволяет вновь вернуться к этим материалам.

На сегодняшний день коллекция основного фонда из раскопок селища Жуковка насчитывает 129 единиц хранения, среди них – всего один предмет из цветного металла: круглая плоская

бронзовая бляха с петельками на оборотной стороне (рис. 1 на с. 311: 3). Диаметр украшения – 39–40 мм, четыре петельки расположены парами друг напротив друга. Подобные украшения были распространены на дьяковских памятниках Москворечья в первые века нашей эры. Они найдены на городищах Щербинском, Луковне, Боровский курган, Троицком. Общий же их ареал в это время гораздо шире: подобные украшения известны на памятниках Поочья, в андреевско-писеральских и позднепьяноборских древностях. Верхняя граница подобных украшений – III в. – достаточно надежно устанавливается по их находкам в составе кладов с Алтуховского и Троицкого городищ. Материалы Алтуховского клада показывают, что они могли использоваться как части сложных составных шумящих украшений (Тавлинцева, Кренке, 2017, с. 189; Ахмедов, 2003, рис. 1: 3). Работа с отчетами А.Г. Векслера позволила установить, что изначально таких блях было две. Та, что сейчас хранится в музее, была найдена в 1966 г. в раскопе III.

Среди утраченных находок имеется одно умбоновидное украшение, известное по рисунку в отчете 1967 г. (рис. 1: 4). Эта подвеска уплощенной формы сопоставима с находками из кладов на городищах Дютюково и Щербинское, и, вероятно, датируется I–II вв. н.э. (Кренке и др., 2011; Дубынин, 1974, табл. XXVII). В этом случае ее следует относить к типу 4, т.е. к классическому и наиболее распространенному варианту дьяковских умбоновидных украшений (Кренке, Тавлинцева, 2011, с. 80, рис. 160).

Также по отчетам и публикации А.Г. Векслера можно «опознать» еще несколько бронзовых предметов, найденных на Жуковском селище. Это – трапециевидная подвеска, украшенная по основанию тремя парами шариков ложной зерни (рис. 1: 6), бронзовый наконечник ремня (рис. 1: 2), небольшая бронзовая ременная прямоугольная накладка (рис. 1: 5), две бронзовые колоколовидные подвески, еще одна небольшая бронзовая круглая бляшка с петелькой на оборотной стороне и спиральная пронизка.

Трапециевидная привеска была частью сложного составного шумящего украшения, возможно, серьги. Украшения этого типа приходят на смену умбоновидным подвескам. Наиболее ранний датированный экземпляр подобной шумящей серьги, правда, не с трапециевидными, а колоколовидными подвесками, происходит из заполнения постройки Е-7 на Дьяковом городище, в этом же комплексе были найдены лунницы

с эмальями. В рязано-окских могильниках (Кораблино Заречье) экземпляры шумящих украшений с трапециевидными подвесками относятся к стадии 2а (III в.) (Кренке, 2011, с. 141, рис. 159; Белоцерковская, 2007, с. 193, рис. 8–13). Наконечнику ремня пока не удалось найти близких аналогий. Ссылка А.Г. Векслера (Векслер, 1978, с. 156) на украшение с городища Щербинка не вполне корректна, там была найдена поясная подвеска иной формы. Можно отметить, что стилистически наконечник с Жуковки близок к фибуле из городища Синьково, датированной А.К. Амброзом II в. н.э. (Амброз, 1964). Эти предметы сближает общий контур спинки фибулы и наконечника ремня. Они имеют полукруглое окончание, а в середине высоты орнаментированы двумя параллельными желобками, ориентированными поперек оси вещи. По продольной оси идет слабо выраженное (сглаженное) ребро. Близкие, но не тождественные поясные украшения имеются в сарматских и европейских (польских, вельбарских) древностях. Они датируются финалом II – III вв. н.э. (Малашев, 2000; Madyda-Legutko, 1983, гус. 10: 5).

Бронзовая накладка на ремень (рис. 1: 5) – характерная деталь поясов второй четверти I тыс. н.э. Колоколовидные беспетельчатые подвески и спиральные пронизки довольно часто встречаются в позднедьяковских древностях, относящихся к этому же времени, но продолжают бытовать и позже. Небольшая круглая бляшка с одной петелькой по центру на обороте, вероятнее всего, относится к тому же хронологическому периоду, что и бронзовые плоские круглые бляхи с парами петелек на тыльной стороне.

Железных предметов насчитывается 61 единица хранения: 27 ножей и их обломков, 4 наконечника стрел (3 двушипных и 1 четырехгранный), 2 шила, а также две булавки (?) с закрученным концом и два заостренных прямоугольных в сечении инструмента, детали замков (2 шт.) и 4 ключа, одна целая и одна фрагментированная прямоугольные пряжки, а также язычок пряжки, шпора, фитильная трубочка, два пробоя и гвоздь, и, кроме того, 10 предметов неясного назначения. Отметим, что нож со скошенным завершением лезвия, который опубликован А.Г. Векслером (Векслер, 1978, рис. 1: 8), скорее всего не древний, а субсовременный. На это указывают форма, уровень сохранности металла, особенности заточки, характерные для современных изделий (снята фаска). В коллекции имеются разнообразные ножи железного века – с горбатой спинкой

(рис. 1: 13), серповидный (рис. 1: 14), с условно прямой спинкой (рис. 1: 15).

Характерной находкой является фрагмент железного кольца (рис. 1: 24), типичного для слоев москворецких городищ рубежа эр и начала новой эры. Интересен предмет, напоминающий бритву (рис. 1: 25). На дьяковских памятниках бритвы чрезвычайно редки, они чаще встречаются в более южных регионах, ближе к границам Римского лимеса.

Железные двушипные наконечники стрел датируются так же, как и бронзовые украшения, первыми веками н.э., и, по-видимому, составляют с ними один хронологический комплекс. Один из этих наконечников был найден в остатках обугленной стены от погибшей в пожаре постройки, которую А.Г. Векслер датировал второй половиной I тыс. н.э. (Векслер, 1978, с. 154). Характерным признаком наконечников является удлиненный черешок – это ранняя деталь. Более поздние наконечники имеют короткий черешок и развитые шипы. В пользу ранней датировки этого сооружения говорит и тот факт, что в его заполнении в предматериковом слое была найдена двоякая золотостеклянная бусина (рис. 1: 7). В Москворечье подобные находки типичны также для первых веков нашей эры (Кренке, 2011, стр. 136). Более редкой является многочастная бусина-пронизка (рис. 1: 8). На Дьяковом городище была найдена сходная в самом верхнем горизонте IV-V вв. н.э.

Керамические изделия насчитывают 29 единиц хранения – это грузики дьякова типа (12 ед.), шарик, фрагмент рогатого кирпича, льячки-тигли (2 ед.) и фрагменты тиглей (3 ед.), миниатюрные сосудики (3 ед.), биконические лощеные пряслица (6 ед.) и шаровидная погремушка с конусовидным окончанием – тип, не характерный для дьяковских древностей.

В группе глиняных находок интересны биконические пряслица (рис. 1: 18–20). Все они имеют сходные характеристики: достаточно широкий внутренний канал, ширина которого составляет около половины от общего диаметра пряслиц, в среднем 12–15 мм. Высота пряслиц немного меньше их диаметра, у пяти экземпляров – немного вогнутые боковые грани. Поверхность пряслиц ровная, хорошо заглаженная, у трех пряслиц она чуть подлощена. На Дьяковом городище битрапециевидные глиняные пряслица, у которых высота лишь немного уступает диаметру, появляются в среднем горизонте верхнего слоя (глубина –210–160 см). Для этого же слоя

характерны пряслица с широким каналом, для веретен с диаметром более 1 см. Они продолжают бытовать и позже. (Кренке, 2011, с. 62, 66). Аналогичные «высокие» пряслица встречаются в киевской культуре III–V вв., особенно характерны для сменившей ее колочинской культуры (Терпиловский, 2004, рис. 92).

Грузики дьякова типа относятся к наиболее распространенным типам. Два экземпляра имеют выпуклое дно (рис. 1: 9, 10). На Дьяковом городище подобный признак появляется у грузиков в среднем горизонте верхнего слоя – тип 16 (Кренке, 2011, с. 62). Один грузик, сохранившийся только наполовину, относится к типу трехплощадочных. Крупные трехплощадочные грузики датируются не позднее первых веков н.э., судя по материалам Троицкого городища. Из 12 грузиков ровно половина, 6 экземпляров, орнаментированы в основном точечными вдавлениями, образующими различные геометрические композиции. В одном случае на основании грузика отчетливо читались две параллельные линии, идущие от центра к краю, которые могли быть частью орнаментальной композиции.

Редким следует считать крохотный грузик, от которого сохранился только фрагмент его верхней части. Диаметр верхней площадки составлял всего 8 мм, а высота, скорее всего, не превышала 15 мм, а диаметр основания был менее 30 мм. Диаметр канала – 3 мм. Грузик был орнаментирован точечными вдавлениями. Его маленькие размеры заставляют сомневаться в том, что он использовался по назначению. Возможно, перед нами миниатюрная модель, изготовление которых было характерно для жителей дьяковских городищ (Кренке, 2011, с. 52). В целом можно сказать, что грузики с Жуковки соответствуют всем горизонтам верхнего слоя Дьякова городища, то есть датируются первой половиной I тыс. н.э. Наличие на памятнике миниатюрных сосудов (рис. 1: 17), видимо, указывает на присутствие здесь специфического «культурного комплекса», характерного для обширного пространства лесной зоны Восточной Европы. Хроноиндикаторами такие сосудики не являются.

Отдельную группу составляют находки, связанные с меднолитейным производством. Это тигли/лячки и их фрагменты. В двух случаях они сохранились почти целиком. Это массивные ложковидные тигли с длинными ручками. На ковшах и рукоятях отчетливо видны следы воздействия высоких температур, вплоть до остекловывания поверхности. В одном случае почти

полностью сохранился ковш тигля. Диаметр его составлял 90 мм, внутренний диаметр – 57 мм, при высоте 80 мм. Общая длина тигля вместе с рукоятью превышала 21 см. Второй тигель был чуть меньше: диаметр ковша составлял около 55 миллиметров (ковш почти не сохранился). В обоих случаях длина рукояти составляла более 120 мм. В их верхних частях приблизительно на половине длины были сделаны желоба для дополнительных деревянных рукоятей, крепившихся, видимо, обмоткой. Подобные находки характерны для дьяковских древностей, но, следует отметить, что тигли с желобчатыми рукоятями встречаются не часто. Жуковские тигли – одни из самых крупных, предназначались, видимо, для отливки серии вещей или массивных предметов. Как следует из публикации А.Г. Векслера, они были найдены в яме с отходами металлургического производства на северном участке селища вместе с лощеными сосудами (Векслер, 1978, рис. 2: 1, 2). Льячки с длинной глиняной ручкой типичны для начального и среднего этапов позднедьяковской культуры, то есть для рубежа эр и первых веков н.э. Во второй четверти I тыс. н.э. преимущественно встречаются льячки с втулкой для деревянной рукояти (Кренке, 2011).

В основной фонд вошли несколько сосудов и их фрагментов (12 единиц хранения): три донца с клеймом, две ручки сковородок, три миниатюрных сосуда, два полных профиля круговых горшков и два неполных профиля лепных сосудов.

Предметов из кости, почти необработанных, при раскопках было найдено всего три: проколка и две заготовки, в том числе из клыка животного. Кроме того, нужно отметить три утюжка в форме бруска вытянутой формы с закругляющимися концами, два точильных камня и один шлифовальный. Каменный «утюжок» (рис. 1: 16) не является датирующим предметом, эти вещи бытовали в течение почти тысячи лет. Еще два куса кремня с естественным отверстием, возможно, использовались жителями селища, например, в качестве грузил, но в какое время это могло происходить, неизвестно.

Нужно отметить, что среди находок на селище, безусловно, есть раннедьяковские. В отчете А.Г. Векслера за 1966 г. представлены несколько фрагментов венчиков текстильной (крупчатой) керамики с рядом круглых ямок под венчиком (рис. 2). Дата этой керамики по аналогиям с других москворецких городищ (Дьяково, Боршева) – IV–III вв. до н.э. То есть немногочисленные

костяные изделия могут быть увязаны с этим керамическим комплексом.

Среди лепной дьяковской керамики на селище доминирует гладкостенная с дугообразно отогнутым венчиком, характерная для первых веков н.э. Сравнительно в небольшом количестве встречается подлощенная керамика. Орнаменты – защипы и отпечатки палочки с веревочкой (рис. 2: 7, 8). Горшки вытянутых пропорций, с прямыми как воротнички венчиками, уступом в основании венчика на Жуковке не встречены. То есть здесь нет материалов, синхронных верхнему горизонту верхнего слоя Дьякова городища, датируемого IV–V вв. н.э.

Таким образом, наш вывод заключается в том, что дьяковские материалы селища Жуковка датируются в интервале IV(III) вв. до н.э. – III в. н.э. Наличие материалов IV–V вв. сомнительно, хотя полностью отвергать этого нельзя. В целом комплекс селища Жуковка, совсем не похож на материалы других дьяковских селищ. Он, с одной стороны, существенно богаче и разнообразней наборов находок с селищ. Комплекс напоминает отнюдь не селище, а городище. Это вполне вероятно, учитывая особенности рельефа, валы и рвы могли быть сnivelированы. С другой стороны, комплекс городища – бедный (редуцированный), украшений мало. Это может объясняться сильной нарушенностью памятника при многократном обживании площадки в средневековье.

Важно подчеркнуть, что в раскопе был найден кремневый перфоратор, спинка которого покрыта ретушью (рис. 1: 1). Он может быть сопоставлен с находками III тыс. до н.э. фатьяновской культуры на Москве-реке (Кренке, 2019).

На вопрос, есть ли на памятнике материалы конца первого тысячелетия, нужно ответить у-

вердительно! Однако эти находки не имеют отношения к позднедьяковской культуре. На селище в ходе раскопок 1965–1967 и 1986 гг. была собрана довольно представительная коллекция славянской лепной керамики (рис. 2: 9–12). Эти фрагменты сильно отличаются от дьяковской керамики по профилировке, толщине стенок, орнаментации. Венчик короткий, плечико резко отогнуто. Орнаментация выполнена вдавлениями пальца или палочки по торцу венчика. Имеются примеры округлых вдавлений в ряд по верхней части плечика. Аналогии данной керамике встречены на селищах звенигородского течения Москвы-реки – Хотяжи, Саввинская слобода 2, Поречье (Кренке, 2019). Датировка этой керамики пока определяется в широких пределах IX – начала XI вв. н.э. С этим комплексом керамики можно связать несколько вещевых находок – поясную нашивку, спиралеконечную подковообразную фибулу (Векслер, 1978, рис. 1: 1, 6). При этом следует оговориться, что аналогия поясной нашивке из Саркела, приведенная в статье А.Г. Векслера, очень гипотетична. Нашивки из саркельского клада существенно отличаются по степени детализации от находки с Жуковки.

Не менее половины находок на селище относятся к «раннемосковскому» или «постдревнерусскому» времени. Тут и керамика (рис. 2: 13, 14), и большая серия ножей, ключи, цилиндрический замок и т.д. То есть на площадке существовало поселение в XIII–XV вв.

Таким образом, селище Жуковка, хоть и не дало материалов для закрытия лакуны между памятниками дьяковской культуры и раннеславянскими, но, тем не менее, являлось чрезвычайно информативным и многослойным. Можно лишь горько сожалеть, что «варвары с Рублевки» стерли его остатки с лица земли.

## Литература

**Амброз А.К. 1964.** К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н.э. // Советская археология, № 1. С. 56–71.

**Ахмедов И.Р. 2003.** Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Ред. В.П. Челябинов. Рязань: Изд-во «Проверенный», С. 128–138.

**Белоцерковская И.В. 2007.** Культура рязанско-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Ред. И.О. Гаври-тухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–213.

**Векслер А.Г. 1978.** Позднедьяковские находки на Жуковском селище под Москвой // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. / Ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука. С. 153–158.

**Векслер А.Г., Гусаков М.Г. 2017.** К вопросу о поздней стадии дьяковской культуры // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний



железный век. 4. / Ред. А. Г. Ситдииков. Казань: Академия наук Республики Татарстан, Институт археологии им. А.Х. Халикова. С. 257–286.

**Дубынин А.Ф. 1974.** Щербинское городище // Дьяковская культура. / Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, С. 198–281.

**Кренке Н.А. 1986.** Отчет об археологических работах в заповеднике Коломенское и селище Жуковка Одинцовского района Московской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН, Р-1 № 11952.

**Кренке Н.А. 2011.** Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 546 с.

**Кренке Н.А. 2019.** Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья. М.-Смоленск: ИА РАН, 392 с.

**Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлинцева Е.Ю. 2011.** Клад украшений с городища Дютково // Российская археология, № 1. С. 134–148.

**Кренке Н.А., Тавлинцева Е.Ю.** Типология и хронология умбоновидных подвесок // Крен-

ке Н.А. 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. С. 79–81.

**Малашев В.Ю. 2000.** Периодизация ремесленных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Издательство «Терра». С. 194–233.

**Тавлинцева Е.Ю., Кренке Н.А. 2017.** Клад с городища Алтухово // Европа от латена до Средневековья (Раннеславянский мир., 19). / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 184–191.

**Терпиловский Р.В. 2004.** Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 232 с.

**Madyda-Legutko R. 1983.** Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu Wędrówek ludów // Przegląd Archeologiczny, 31, S. 91–133

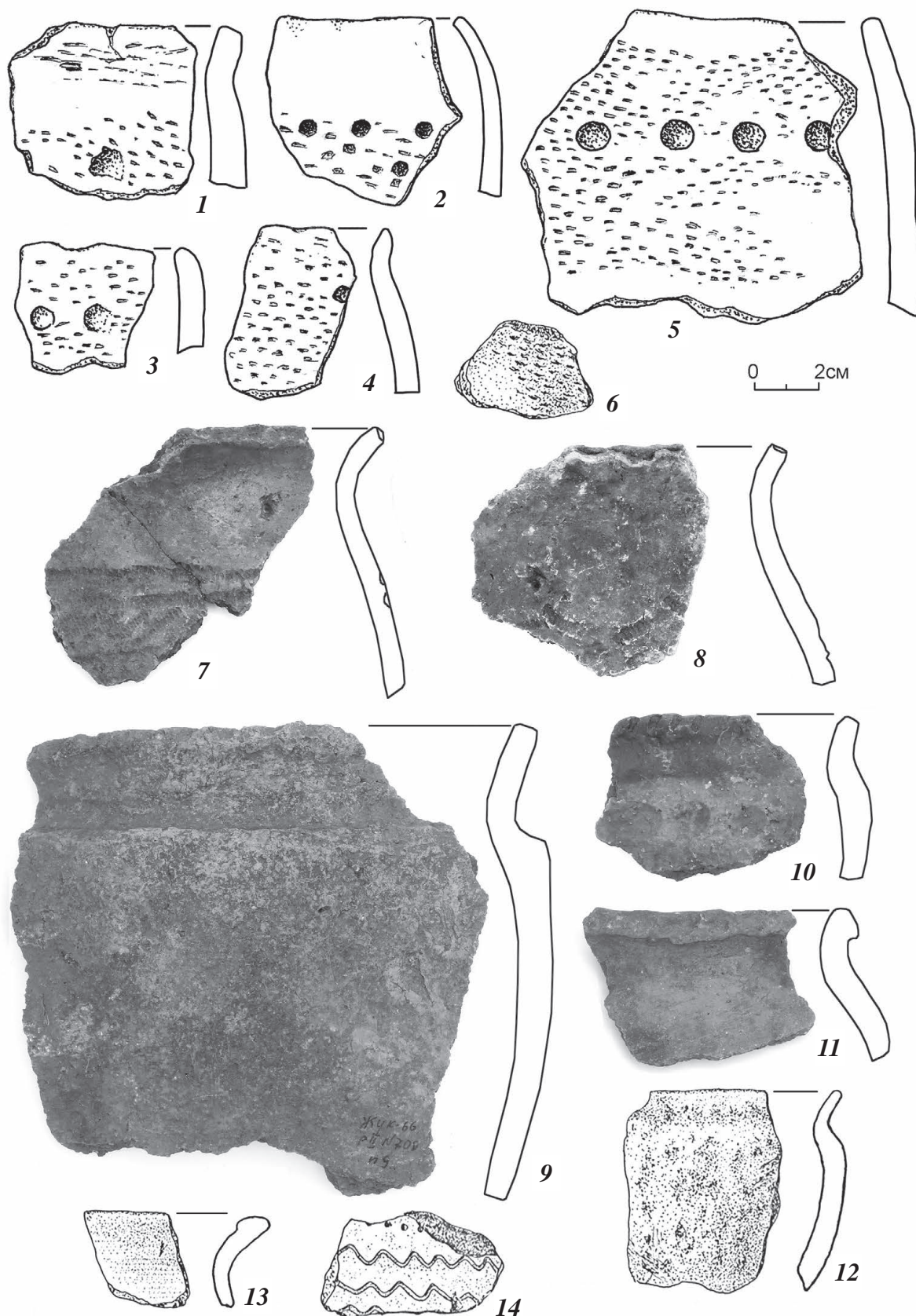
### Summary

#### The settlement of Zhukovka on the Moscow river

N.A. Krenke, I.L. Maksimenko, E.Y. Tavlintseva

The article offers a new chronological interpretation of the findings from the settlement of Zhukovka on the Moscow river, excavated in 1965–1967 by A.G. Veksler. There were 4 chronological complexes of findings: 1) Early Dyakovo – IV–III centuries BC; 2) Late Dyakovo: boundary of the eras – III centuries AD; 3) Early Slavic – IX–XI centuries; 4) “Post-ancient Russian” (early Moscow) – XIII–XIV centuries. The article mainly focuses on the issue of presence or absence of Dyakovo materials of the second half of the first Millennium AD. There are arguments in favor of the fact that, basing on analogies with European materials and comparisons with findings and ceramic complexes of the stratified layer Dyakovo hillfort, the findings previously dated by the author of the excavations to the second half of the first Millennium AD, should be attributed to the first half of the first Millennium (probably I–III cc. AD).

*Keywords:* chronology, Roman period, belt tips, the late Dyakovo culture, handmade pottery.



**Рис. 2.** Керамика селища Жуковка.

1–6 – текстильная крапчатая IV–III вв. до н.э. (по отчету А.Г. Векслера); 7, 8 – гладкостенная с оттисками «палочки с веревочкой», первые века н.э.; 9–12 – славянская лепная IX – начала XI в.; 13–14 – «постдревнерусская» XIII–XIV вв.

# Азиатские начала Великого переселения народов

И.Л. Кызласов (Москва)

Ханьские династийные хроники Китая дают уничижительные характеристики общества и государственного устройства гуннов Центральной Азии (сюнну). Этим оценкам следуют современные историки. Археологические материалы рисуют другую картину. Она раскрывает истинное значение ряда кратких упоминаний письменных источников. Гунны создали первую в Центральной Азии мировую державу, с успехом управляли как оседлыми, так и кочевыми народами. Захваты новых земель в Южной Сибири имели целью получение металлов и хлеба. Местное население, опытное в производстве того и другого, не истреблялось, а использовалось и стимулировалось гуннской властью. Переселенные гуннами, впервые на арену истории вышли доподлинные тюркоязычные народы. Бесконфликтно и гармонично пришельцы смешивались с аборигенами, изменяя национальный и языковой состав населения. Археология видит такое смешение первоначально разных по культуре местных динлинов и древних кыргызов на Среднем Енисее. Сложилась новая таштыкская культура, сформировавшийся новый народ назывался хакас.

*Ключевые слова.* центральноазиатские гунны, Южная Сибирь, динлины, древние кыргызы, археология, тагарская и таштыкская культура.

## *Игорю Олеговичу Гавритухину – археологу-энциклопедисту*

Воспринимаемое как сугубо европейское явление Великое переселение народов оказывается рубежом между древней и средневековой историей. Однако российские пределы вынуждают превосходить географические познания обеих позднеримских империй. Занимаясь историей Сибири, приходится помнить, что Великое переселение народов, вызванное гуннским нашествием, возникло не в Европе и не в IV в. Значимые для истории материка передвижения произошли в Центральной Азии<sup>1</sup> уже во II в. до н.э.

<sup>1</sup> Это понятие употребляется мною в соответствии с русской географической, а не с европейской историко-культур-

Всматриваясь в это движение, не столь сложно увидеть среди известных по письменным источникам сюжетов не всегда замечаемые исследователями особенности культуры центральноазиатских гуннов. Особенно, дополняя исторический очерк археологическими данными.

Итак, «уже в самом начале средних веков мы видим проявление общности истории народов

ной традицией. В отечественной науке границами регионов служат водоразделы – признак постоянный. Иное членение рисует изменчивые во времени пределы. Центральная Азия включает пустынные и полупустынные земли, реки которых не имеют выхода в океан: большую часть Монголии, Северного и Западного Китая (Восточный Туркестан). См. водотоки на рис. 1.

Востока и Запада: это история гуннов. Вспомним ее» (Конрад, 1972, с. 95).

### Начала шаньюева царства

В истории вряд ли найдется народ известнее гуннов. Столетиями они были могущественными противниками как поднимавшегося Китая (III в. до н.э. – V в. н.э.), так и зарождавшейся Европы (IV–VI вв. н.э.). И Восток, и Запад сделали их имя символом чужеродной дикости. Но ни та, ни другая сторона света веками не могла противостоять действительности государственного устройства гуннов, обитавших и крепших в суровых землях, в которых ни Китай, ни Европа существовать не мыслили.

В истории вряд ли найдется народ загадочнее гуннов, как азиатских, так и европейских. Наука, увлеченная событиями их бурной истории, поныне не знает наверняка ни о происхождении гуннов, ни об их языке, ни о прямых потомках. Гипотез гораздо больше, чем добротного материала, пригодного для изучения.

Русская историческая наука, следуя греческому и латинскому именованию пришедшего с востока народа, звала его гуннами. Так же называла она и азиатских гуннов, поскольку востоковеды использовали для них взятое у китайцев созвучное имя *хунну*. Теперь в Китае его произносят *сюнну*, поэтому в нашей литературе встречаются обе формы слова. При изучении центральноазиатских и южносибирских пределов европейские гунны нас не интересуют, дальше речь пойдет о гуннах азиатских.

Веками земледельческий Китай боролся с непохожим на него миром скотоводов. Этот трудный опыт и принижающие соседей оценки перенесли и на гуннов.

С объединением Китая в III в. до н.э. были снесены разделявшие разрозненные царства крепостные стены, но их северные участки не только оставили, но усилили и удлинили, возведя к 212 г. до н.э. знаменитую Великую стену, протянувшуюся на 4000 км. Оттуда, с севера, новой могущественной стране Востока с регулярной многосоттысячной армией угрожали столь же быстро набиравшие силы гунны. Эта стена две тысячи лет служила северной границей Китая.

Стоит задуматься над этим показателем истории. Надо ли говорить о преимуществах цивилизации (связывая с нею лишь освоенные земледельцами равнины), если *к одной эпохе равного могущества достигли и китайцы, и гун-*

*ны?* В последней четверти III в. до н.э. и те, и другие создали огромные многоплеменные государства, подчиненные единой воле абсолютной личной власти – будь то императора-ди или самодержца-шаньюя.

Однако, следуя оценкам китайских хроник (Кроль, 2005а, с. 129), историки поныне нередко считают китайское царство военно-бюрократической монархией, а владения гуннов – лишь союзом племен. Сегодня правителя гуннов, шаньюя, все еще аттестуют «военным вождем» (Кляшторный, 2002, с. 127; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 20), предназначенным «организовывать военные походы и перераспределять “подарки”, доходы от торговли и набегов», и потому получавшего от подданных «право на монопольное осуществление внешнеполитической деятельности». Соответственно и причины сложения гуннской державы сводят к необходимости противодействовать влиянию Китая и стремлению получать от него да от торговцев на караванных путях продукты и товары (Крадин, Данилов, Коновалов, 2005, с. 183, 184).

Не так думали сами гунны. Равенство с ханьским Китаем, а то и превосходство над ним не вызывало у них сомнений. Они не только совершали опустошительные набеги на теснивших их из Ордоса китайцев, но и со 198 г. до н.э. получали дань, возроставшую со временем, из их столицы, брали в жены китайских принцесс, заключая династийные браки, оговоренные «договорами о мире, основанном на родстве» (*хэ цинь*). До гуннов такие формы супружества существовали только меж китайскими царствами равного статуса (Кроль, 2005а, с. 154, 164–167).

Несмотря на неизбежность древней сакрализации мироустроительной роли Срединного государства в обитаемом пространстве, равной признавали державу гуннов и императоры Западной Хань. По крайней мере, дважды такое признание указано в летописях: во II в. до н.э. на протяжении 3 поколений (примерно с 200 по 135 гг. до н.э.) и не менее двух – в I в. до н.э. (с 51 г. до н.э. по 8 г. н.э.). Так, император Вэньди (180–157 гг. до н.э.) именовал шаньюя братом и в 162 г. до н.э. писал ему: «Хань и сюнну – равные по силе соседние государства». Век спустя Сюань-ди (74–49 гг. до н.э.) вручил шаньюю Хуханье золотую печать, «такую же, как у Сына Неба». В 9 г. следующего века замена печати знаком низшего разряда узурпатором Ван Маном вызвала возмущение и гуннские набеги. И первый же император восстановленной династии



Хань в 24 г. вернул шаньюю печать прежнего достоинства (Кроль, 2005а, с. 172, 207, 208, 282, 283, 296–298).

Сыма Цянь (145 или 135 – около 86 гг. до н.э.) и Бань Гу (32–92 гг. н.э.), китайские историографы I в. до н.э. и I в. н.э., равно отмечают строгость гуннского государства в ведении международных дел. Шаньюю неизменно считал свои посольства во всем равными посланникам китайского императора (Кроль, 2005а, с. 347, прим. 95).

Долгие войны Китая с гуннами ничего не изменяли в мировосприятии последних: в 89 г. до н.э. письмо шаньюя Хулагу императору У-ди начиналось словами: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хусцы (т.е. гунны – И.К.); хусцы – это любимые Сыны Неба, поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия». Происхождение титула *шаньюю* неизвестно, известно его значение – «обширный, то есть владетель всего мира». Выходит, у гуннов, была своя Поднебесная империя. Их правитель, как и император Китая, именовал себя Сыном Неба. Официально он титуловался так: «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный Великий шаньюю сюнну».

Земли единого Китая были огромны, но и гунны подчинили обширные пространства. Второй шаньюю гуннов Маодунь (Модэ) (у власти с 209 по 174 гг. до н.э.) на западе завоевал Восточный Туркестан до пустыни Такла-Макан, на востоке – достиг полуострова Ляодун (на котором Корея), на севере – Байкала (рис. 1). Эти границы были устойчивы. Через два с лишним столетия все те же пределы гуннской державы очерчивали в Китае в 12 г. н.э. (Кроль, 2005а, с. 286).

Страна гуннов изначально была многонациональной, разноязыкой и включала не только степи. По словам ханьского историографа Сыма Цяня, гунны «образовали государство, равное по силе Срединному государству». Иными словами, *гунны создали в степях первую мировую державу*.

Число жителей, участвовавших в формировании армии Маодуня, составляло 1,5 миллиона человек (Таскин, 1973, с. 5, 6; 1989, с. 16–18). Сменивший его сын, шаньюю Лаошан, в 166 г. до н.э. двинул в Китай корпус в 140 000 всадников (за которыми по статистическим нормам эпохи должно было стоять население в 700 000 человек). Для защиты столицы император Вэньди собрал армию в 102 000: 1000 колесниц и 100 000 конников (Таскин, 1968, с. 26, 47; Сыма Цянь, 2002, с. 337).

Государствообразующая роль Маодунь-шаньюя вполне сравнима с деятельностью создателя единого Китая – Цинь Шихуанди.

Гуннские шаньюи не уступали свои земли Китаю даже в трудные для себя годы, когда утрачивались иные признаки независимости. Так было, например, в 8 г. н.э. при шаньюе Чжи, изменившем в угоду китайцам свое личное имя, но не границы своих владений. В 46 г. Би (будущий шаньюю южных гуннов) преподнес ханьскому двору карту гуннских земель – подобный знак подчинения отмечен в культуре Китая с III в. до н.э. Однако покоряясь, южные гунны селились на землях династии Хань, по китайскую сторону Великой стены, т.е. пределы степного государства не нарушались (Кроль, 2005а, с. 221, 241, 270, 282, 283; 2005б, с. 11).

Еще из притчи о начале правления Маодунь-шаньюя зная, что гунны считали землю основой государства<sup>2</sup>, сравним не только размеры владений, но и природу государственной мощи Китая и гуннов.

Одну из причин усиления царства Цинь, объединившего весь Китай, историки видят в первоочередном захвате в 316 г. до н.э. в центральной части Сычуани «щедрых ресурсов областей Шу и Ба», дававших хлеб и руду (Фань Вэнь-лань, 1958, с. 239; Васильев, 2004, карта 3; Кроль, 2005б, с. 10). Широкое внедрение железа называют основой мощи китайской династии Хань. Археологи выявляют ту же государственную мудрость шаньюя Маодуня<sup>3</sup>.

Около 201 г. до н.э. он уже подчинил богатейшие земли Саяно-Алтая – одного из древнейших в Евразии южносибирского центра земледелия и металлургии. Централизованную государственность, а не кочевую стихию, выявляют разрабатываемые гуннами железные рудники в Туве (они открыты археологами), а также – введенные ими на захваченных землях Забайкалья и Хакасии художественные стандарты: судя по составу сплавов, местные бронзолитейные центры переведены были на производство изделий

<sup>2</sup> По требованию испытывавших его силу дунху, Маодунь безропотно отдал им лучшего коня, затем любимую жену, но начал большую войну за заброшенную неудоблицу. Заявив: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?», он ударил по соседям и завоевал их (Бичурин, 1950, с. 47, 48; Таскин, 1968, с. 38, 39; Сыма Цянь, 2002, с. 328, 329).

<sup>3</sup> Тема поставлена и лаконично раскрыта на письменных и археологических данных в работах Л.Р. Кызласова (Кызласов Л.Р., 1998; 1999; 2006, с. 142–145).

сугубо гуннских форм (Дэвлет, 1980, с. 18–20, рис. 8) (рис. 2). Высокоразвитая цветная металлургия у гуннов развивалась самобытно, не испытывая сколько-нибудь значительного влияния китайской традиции. Центры бронзового производства, ныне изученные только в Бурятии, имели ремесленный характер, поскольку широко распространяли свою продукцию (Миняев, 1980; 1983).

Под властью гуннов в развитии всех захваченных ими земель произошел качественный скачок производительных сил. Именно гунны в правление шаньюя Лаошана (174–160 гг. до н.э.) вынудили Китай создать систему приграничных рынков (Кроль, 2005а, с. 147). По всей территории гуннской страны, включая долины Среднего Енисея, ходила бронзовая монета, получаемая в Китае в виде дани и добычи, а также другие средства платежа. Завоевание Восточного Туркестана среди прочего велось ради обладания международной торговлей, проводившейся по Великому Шелковому пути.

В сферу единого государственного управления гуннами были втянуты новые племена и народы. На то прямо (в Бурятии) или косвенно (на Горном Алтае) указывают открытые археологами специализированные поселения гуннских поселенцев – пахарей (рис. 3) и плавильщиков железа (Давыдова, 1985, с. 77–79; 1995, с. 51–53).

В Туве в урочище Кара-Суг открыт разрабатывавшийся гуннами рудник рубежа III–II вв. до н.э. (Кызласов Л.Р. 1969а, с. 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979, с. 82–83). В Бурятии на Большом Иволгинском городище II–I вв. до н.э. зафиксирован сыродутный горн для выплавки железа, определена бывшая там специализация многих усадеб на бронзолитейном производстве (Миняев, 1983, с. 65, рис. 10; Давыдова, 1995, с. 51–54). Хозяйственную направленность поселения Дурены I – другого гуннского поселения на землях Бурятии – выявляет своеобразие сделанных археологами находок: если при раскопках 52 жилищ Большого Иволгинского городища встречено 2 железных сошника, то при обследовании местности и проведении раскопок в Дуренах (где вскрыто только 6 жилищ и множество хозяйственных ям) был обнаружен 21 сошник от плугов (Окладников, 1962; Кызласов Л.Р., 2006, с. 157). Их форма отличалась от ханьских, они не ковались, а отливались из чугуна (рис. 4). На поселении также встречено много металлургических шлаков, кусков железной руды, производственных ям (Давыдова, Миняев, 2003, с. 41).

У самой границы с Монголией на горноалтайской речке Юстыд В.Д. Кубаревым были в 1978–1979 гг. обнаружены и частично распаны гуннские гончарные печи для обжига и огромных сосудов-зернохранилищ, и столовой посуды (Кубарев, Журавлева, 1986). Археологи недооценивают это открытие – никто поныне не отыскал в тех местах неукрепленного поселения гуннских колонистов, пришедших туда по хлеб и руду (соседнюю гору геологи не зря зовут «Печи Чингизхана»).

Было ли создание специализированных поселений воспринято гуннской властью из китайского опыта? Насколько известно, идея заселения пустующих земель связана в Китае еще с реформами VII в. до н.э. Однако их строительство тогда велось в царстве Ци на берегах Желтого моря, вдалеке от гуннских земель. Принудительное заселение китайцами захваченных у гуннов земель в излучине Хуанхэ (в Ордосе) шло уже в 214 г. до н.э., но доподлинно неизвестно, было ли это связано с сооружением крепостей, как мы видим у гуннов в Бурятии. Строительство военных поселений вдоль границы последовательно проводилось династией Хань лишь с середины II в. до н.э. Не приходится забывать, что именно политика гуннов вынудила Китай прибегнуть к такой системе защиты (Сыма Цянь, 1975, с. 75; Таскин, 1973, с. 117, 162, 163, прим. 2; Торчинов, 2005а, с. 383, 385, 388–393, 401–409).

Большое Иволгинское городище на р. Селенге, населенное гуннскими поселенцами, существовало во II–I вв. до н.э., т.е. возникло одновременно с ханьскими пограничными поселениями. Укрепления этого городища не соответствуют оборонительной схеме, разработанной в Китае. И китайских поселенцев на Селенге не было (Киселев, 1957, с. 92; Davydova, 1968, р. 241, 242).

Гуннские поселения, раскопанные в Бурятии, оказались застроены не китайскими столбовыми домами, и тем более не кочевыми войлочными юртами, а стационарными квадратными полуземлянками со стенами из кирпича-сырца. Отличием гуннского дома была крупная печь, направлявшая дым в особые каналы и тем обогревавшая земляные лежанки-каны (рис. 5). Не только применению конницы, как известно, но и этому самобытному отоплению научились северные китайцы у степняков-соседей.

Иволгинское городище гуннов создавалось по проекту, с правильным направлением прямых улиц и расположением усадеб по общим нор-

мам (Давыдова, 1985, с. 11–22, рис. II, III; 1995, с. 10–19, рис. 1–9, табл. I–III). Тот же вид планирования открыт при раскопках Ташебинского городка в Хакасии, в центре которого возвели глинобитный дворец наместника гуннов, а окраину заселили местными жителями. Ориентировка и планировка китайских городов и усадеб того времени была иной, что показано сопоставлением градостроительства двух культур (Кызласов Л.Р. 2006, с. 166–170, рис. 21).

Вопреки китайским летописям, мимоходом упоминавшим города у кочевников-гуннов, археологи открыли в нынешней Монголии и Западном Забайкалье десятки гуннских городов, правильно распланированных и защищенных глинобитными стенами. Даже жертвы духам предков, неба и земли шаньюю ежегодно приносил не в горах и долах, как ожидалось бы от степняка, а в некоем городе, известном по китайскому названию Лунчэн («Драконова крепость», «Драконов город»). Ханьцы неоднократно его атаковали, а император У-ди стремился сжечь (Таскин, 1968, с. 40, 79, 81; Сыма Цянь, 2002, с. 310, 330, 445, прим. 52; Торчинов, 2005б, с. 431).

Исторические и археологические данные показывают, что именно гунны стали первыми населять в Центральной Азии и Южной Сибири городскую культуру.

Как и в ханьском Китае, у гуннов был один правящий род – Люаньди. Однако современники отмечали в степных правилах большую устойчивость в наследовании власти, чем в Китае. Так, Сыма Цянь приводит спор о гуннском обычае левирата, состоявшийся между ханьским послом и перебежавшим к гуннам китайским чиновником, заявившим: «Сюнну берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род. Поэтому, хотя среди сюнну происходили смуты, на престол всегда ставились люди из одного и того же рода. А в Срединном государстве, хотя открыто не берут за себя жен отцов и братьев, родственники, все более отдаляясь, убивают друг друга, и дело доходило до смены [правлящих] фамилий, что во всех случаях объясняется именно этим» (Таскин, 1968, с. 46; 1990, с. 25).

К замеченной здесь системе правления не подходит привычное для нас понятие *династии*. В степных государствах роль не правящей фамилии, а именно *всего властвующего рода* и позднее была чрезвычайно велика. В средневековье, например, такую роль у народа тюрков играл

весь род Ашина, а у древних и средневековых хакасов – люди рода Хыргыс/Кыргыз. Только из представителей единственного правящего рода из века в век могла формироваться и верховная, и местная власть в стране. Это обстоятельство государственной жизни, отличающееся от законов наследования власти как Европы, так и Китая, не осознавалось древними учеными и все еще недостаточно осознается современной отечественной исторической наукой.

После правящего рода, три (позднее – четыре) других гуннских фамилии считались наиболее знатными (известно, что они ведали судами). Государственная власть передавалась по прямой линии – от отца к старшему сыну. Страна, считавшаяся главным направлением света юг, разделялась на три части: центр, левые (восточные) и правые (западные) земли. Шаньюю представлял всю страну, а его многочисленные военные и гражданские управители делились на две половины. Высочайшие должности занимали младшие родственники шаньюя, получавшие собственные наделы. Описания конкретных судеб, имеющиеся в китайских летописях, показывают, однако, что уже в I в. до н.э. в ряде случаев государственная система предпочтения деловых качеств побеждала принцип родovitости (это замечено Л.Р. Кызласовым: 2001, с. 138). Так, наместником всей Южной Сибири, *юсяньваном*<sup>4</sup>, шаньюю назначил не своего родственника, а плененного в 98 г. до н.э. китайского полководца Ли Лина, а правителем прибайкальских динлинов, *динлинваном* – перебежчика Вэй Люя, человека степного происхождения, получившего ханьское воспитание (Таскин, 1973, с. 116, 156, прим. 9; Кызласов Л.Р., 2001, с. 128, 129, 136–140).

О регулярности гуннской армии говорит введение Маодунь-шаньюем тяжеловооруженной конницы и закрепление за каждым подразделением лошадей одной масти. Упорядоченность гуннского войска послужила образцом для реорганизации армии ханьского Китая.

Согласно археологическим находкам, в гуннском государстве существовала письменность

<sup>4</sup> Это *правый (западный) достойный государь*, вместе с *левым (восточным) цзосяньваном* – один из двух высших титулов гуннской знати. Номенклатура связана с делением государства на центр и два крыла (Сыма Цянь, 2002, с. 132, 329, 385, прим. 20, 504). Ср. другое чтение титула в сочинении Бань Гу: *юсяо-ван* (Таскин, 1973, с. 116, 135, прим. 1), Западный Чжуки-князь, где *чжуки* – китайское *сянь* мудрый (*Чжуки-князь – сянь-ван*) (Бичурин, 1953, с. 300). Левым, восточным сяньваном был наследник престола.

(ею была китайская иероглифика), обращалась бронзовая монета (также китайская), хроники говорят о взимаемых с населения податях и защите частной собственности – воровство сурово каралось. Долгая борьба гуннов за Восточный Туркестан была борьбой за торговый Шелковый путь на запад, открывшийся в I в. до н.э.

Вопреки мнению ряда историков и лингвистов, управлявшие разноязычными народами азиатские гунны *не были тюркоязычными*. Судя по записям отдельных слов, их язык вообще не принадлежал к какому-то известному ныне типу. На родственном языке, возможно, говорят сегодня только кеты – малый таежный народ, уцелевший на Енисее. Гунны не принадлежали к тюркскому миру ни по типу жилищ, ни по облику захоронений (Кызласов И.Л., 2011, с. 8–31, 77–116, 147–170). Но именно они *впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы*, сдвинув их из неведомых первобытных мест на север – на Саяно-Алтайское нагорье. Таковы древние кыргызы-гэгуни (от смешения которых с динлинами произошли древние хакасы), а также чики Тувы и безымянные пока тюркоязычные горноалтайцы того времени.

Важно, что предки многих азиатских народов получили первый опыт государственной жизни в условиях гуннской державы. Прямое наследие устройства управления (разделение страны на центр и два крыла) твердо выдерживалось наследниками гуннских земель – как средневековыми тюрками, так и монголами, однако оно не привилось на некоренных гуннских землях: ни среди тюркоязычных древних хакасов, ни среди монголоязычных киданей. Тюркские народы не передавали власть от отца к сыну и не практиковали многоженства даже у своих верховных правителей. Культурных различий гуннов с тюркскими народами можно привести много, сходства же находим лишь с обитателями Дальнего Востока, ставшими субстратом для пришлых туда народов: тунгусо-маньчжурских и монгольских по языку (Кызласов И.Л., 2011, с. 202–209).

Шаньюю Хуханье (58–31 гг. до н.э.) изменил порядок престолонаследия. Внутренние распри и упорная освободительная борьба саяно-алтайцев привели к развалу гуннского государства на северные и южные владения с двумя шаньюями. К середине I в. н.э. северные гунны частично переселились на запад, в Восточный Туркестан, где в 91 г. н.э. были совершенно разбиты (и, по словам летописи, «удалились неизвестно куда»),

частично слились с новыми владыками азиатских степей сяньбийцами. Южные гунны ушли в Китай и, после падения династии Хань, уже в IV–V вв. не раз захватывали там власть, вновь выстроив систему управления как оседлым, так и кочевым населением. Этим гунны участвовали в качественной трансформации древнекитайского народа, ознаменовав начало китайского средневековья. Титул *шаньюю* просуществовал до начала V в., когда был заменен в степях на *кагана*. Но в исторической и поэтической речи Китая он бытовал еще и в XI в. (Таскин, 1973, с. 7).

Во II в. н.э. загадочные *унны* упоминаются греками меж Аральским и Каспийским морями. Именно их считают остатками центральноазиатских гуннов, ушедших в Среднюю Азию (Кызласов Л.Р., 1992, с. 25). В середине IV в. так называемые белые гунны (хиониты) появляются в Средней Азии и участвуют в нападениях на сасанидский Иран. Однако вышли они, вероятно, с низовьев Сырдарьи. Многочисленные гунны (в латинском *хунны*), появившиеся в середине IV в. на Северном Кавказе, а затем и в южнорусских степях, также несли сходно звучащее имя, но по порядку властвования, обрядовой и материальной культуре, как и по языку, отличались от центральноазиатских гуннов. Распространившиеся в Европе традиционные символы власти – характерного облика бронзовые котлы, которые многие исследователи считали и именовали гуннскими, не служат аргументом преемственной связи (Демиденко, 2008, с. 8–11, 42–43, 64).

Как нередко бывает в истории, пришельцы, вероятно, где-то в Азии переняли имя гуннов как символ древнего могущества и связали с ним свои требования власти и управления новыми землями. Европейские гунны стремились создать мировую державу, брали дань с Восточной и Западной Римской империи, их власть распространялась на разные народы: ираноязычные и германоязычные, славянские и другие, что отразили и их личные имена (например, Атила – имя германское) (Дёрфер, 1986, с. 96–110). Ряд слов и имен, попавших в хроники, относятся к неведомому языку. *Тюркоязычными европейские гунны не были*. И относить к ним средневековые тюркские народы не следует.

Иная ситуация была прослежена для гунно-сарматского времени. В тот период между двумя народами, давшими имя эпохе, связи все же существовали. Иначе не появились бы в Северном Прикаспии в I в. до н.э. – I в. н.э. явные подражания гуннским поясным ажурным пластинам



и пряжкам (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 174, 175, рис. 20, 1; Дворниченко, Демиденко С.В., Демиденко Ю.В., 2008). Распространение таких изделий мы уже видели в Южной Сибири в пору подчинения власти шаньюев. Именно в это время (археологически говоря, на тесинском переходном этапе, со II в. до н.э.) распространены на Среднем Енисее встреченный и в низовьях Волги обычай имитировать богатые погребальные облачения, обтягивая тонкой золотой фольгой деревянные или глиняные поделки (Кузьмин, 2011, с. 194, 195, 240, рис. 38, 39, 45).

Дело здесь не в вытеснении северных гуннов на запад. Так в период расцвета проявляла себя на Шелковом пути мировая держава центральноазиатских гуннов. Благодаря Дж. Клосону, были прочитаны принятые археологами за тамги китайские иероглифы («Двое верхом»), нанесенные близ Бахчисарая на сарматскую стелу с изображением пары всадников, относимым ко II–III вв. Л.Р. Кызласов, показавший использование гуннами китайской иероглифики (Кызласов Л.Р. 1992, с. 56–58; 2001, с. 107–109), полагал, что пояснительную надпись не обязательно связывать с далеко зашедшим ханьцем. До Крыма вполне мог добраться гунн (Кызласов Л.Р. 2006, с. 215, прим. 152).

И азиатские, и европейские гунны сошли с арены истории не потому, что изначально уступали противникам в экономической, военной или политической организации и мощи. Степное общество уступило земледельческому в важнейшей государственной сфере – *в уровне сохранения, осмысления и использования собственного исторического опыта.*

В других регионах, как известно, такое нередко происходило и происходит с оседлыми народами. Видно, и здесь дело не в хозяйственном типе общества.

### Начала Великого переселения

После завоевательного похода, совершенного около 201 года до н.э., «все знатные люди и сановники сюнну подчинились [ему] и стали считать шаньюя Маодуня мудрым» (Таскин, 1968, с. 41). Китайское слово *мудрый* заключает в себе значения «способнейший, образованнейший и добродетельнейший» (Бичурин, 1950, с. 50, прим. 6). Археологические исследования позволили понять, ради чего проливалась кровь гуннских воинов и в чем заключалась мудрость степного правителя первой огромной державы Центральной

Азии. Она была в том, что он покорил народы севера (Кызласов Л.Р., 1984, с. 10–15). Для борьбы с китайским югом и другими врагами гуннам не только нужны были спокойные северные тылы. Необходимо было постоянно действующее горнорудное, металлургическое и ремесленное производство и производство хлеба.

Поискам и пониманию исторической роли археологических памятников того времени помогает приведенный ханьским историографом перечень северных племен, покоренных гуннами: хуньюй, цюйше, динлин, гэкунь и синьли (Сыма Цянь, 2002, с. 331). В этом списке значатся только два народа, знакомые китаистам: динлины и по-разному читаемые гяньгуни (Н.Я. Бичурин) ~ гэкуни (Р.В. Вяткин) ~ гэгуни (или современное цзяньгуни – В.С. Таскин) (Бичурин, 1950, с. 50, прим. 5; Таскин, 1968, с. 136, прим. 111; Сыма Цянь, 2002, с. 445, прим. 56).

Расположение гуннских археологических памятников, появившихся к северу от своих первоначальных пределов, показывает, что все пять народов, покоренных близ 201 г. до н.э., обитали на современных землях Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Западного Забайкалья.

Потому, следуя за географическим распределением именного списка, владения этих народов можно с определенной вероятностью связать с пятью крупными историко-археологическими общностями, прекратившими свое существование в гуннское время: древнесамодийской пазырыкской культурой Горного Алтая (хуньюй), возглавлявшейся сакской аристократией уюкской (в Монголии называемой чандманьской) культурой Тувы и котловины Больших озер (цюйше); самодийско-угорской тагарской культурой Среднего Енисея и Прибайкалья (динлин) и культурой плиточных могил Восточной Монголии и Забайкалья (синьли). Быть может, под именем гэгунь скрываются пока археологически неизвестные тогдашние обитатели юго-восточной части Северо-Западной Монголии – южнее оз. Хирхиз-Нур (Кызласов Л.Р., 1979, с. 79, 80; 1984, с. 10, 15; 2006, с. 143).

Итак, мудрость Маодуня-шаньюя и его советников состояла в том, что они, в последние годы III в. до н.э. *присоединив земли Южной Сибири, обеспечили коренные государственные интересы своей молодой набиравшей силы державы.*

Будем помнить, что государственная политика освоения новых земель никогда не велась наощупь. Подобно гуннам, через 15 веков также

поступили при Чингисхане монголы. Затеяв покорение мира, они, прежде всего, бросили свои войска в долины Енисея. Захлебываясь в крови весь XIII в., эти земли даже в XIV в. смогли поставлять зерно заготовителям хлеба (Кызласов Л.Р., 1963, с. 208, 209; 1969а, с. 170; 2002, с. 76, 79). Не испытала упадка и здешняя металлургия (Кызласов И.Л., 1983, с. 67, 68; 2010, с. 149, 150, 158). Много позднее планово продвигалось в Сибирь и Московское царство: в XVI–XVII вв. казаки шли по тайге, собирая пушнину (мировую валюту того времени), в XVIII в. движение шло уже по южным горным районам – родившейся Российской империи нужны были руды и металлы.

Великое переселение народов, начавшееся на рубеже III и II вв. до н.э. на севере Центральной Азии и в Южной Сибири, по-новому проявляет характер гуннского государства. Поняв экономическую направляющую того движения, взгляды в условия этого важного исторического процесса.

Именно тогда в Южной Сибири и Забайкалье было создано большинство городков, в которых впервые были поселены новые для тех мест жители-иностранцы. Это были сами гунны, в приказном порядке направленные из центра страны на освоение новых земель. Всюду они пользовались своей утварью, убранством и посудой, строили для себя привычные дома-полуполуземлянки с дымовым отоплением внутри каменных лежанок вдоль стен (рис. 5). Нигде в Южной Сибири жилища местных жителей никогда так не обогривались.

На собственно гуннских землях в Монголии их городищ известно много. Но в сибирских владениях картина иная. Лишь одно из названных поселений, Большое Иволгинское, было окружено крепостными стенами и рвами. Хорошо был укреплен гуннский замок Баян-Ундэр на р. Джиде, имевший внешнюю и внутреннюю стену со рвом. Видимо, в нем находился центр гуннского управления обширными землями современной Бурятии. Несмотря на то, что пришельцы обживались уверенно и надежно, то есть селились надолго, остальные гуннские поселения были открытыми – укреплений не имели. Не было оборонительных сооружений ни в Забайкалье, ни в Туве (Кызласов Л.Р., 1969б; 1979, с. 81–84; 2006, с. 142–157), ни на Горном Алтае (см. выше ситуацию на р. Юстыд). В Хакасии не были выстроены стены и вокруг Ташебинского городка, где в I в. до н.э. красовалось удивительное дворцовое здание основного гуннского наместника

в южносибирских владениях гуннов (Кызласов Л.Р., 2001; 2006, с. 171, 173).

Выходит, будучи захватчиками, окруженными покоренными ими народами, гунны не нуждались в защитных сооружениях своих поселков. Это свидетельствует о многом. Можно думать, что власть в государстве была настолько сильной, что местные жители не смели ей сопротивляться. Однако, скорее всего, дело было в другом. Условия существования в гуннском государстве не вызывали у коренного населения присоединенных земель активного сопротивления.

Придя с войною, гунны *не истребляли и не сгоняли с обжитых земель местных жителей*. Это предположение порождено археологическими данными. На горных выработках в Туве рядом найдены обломки двух глиняных сосудов. Один из них был гуннский, другой местного изготовления – в карьере гуннские рудокопы работали вместе с тамошними рудознатцами (Сунчугашев, 1969, с. 107–109, рис. 51; Кызласов Л.Р., 1969б, с. 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979, с. 82, 83). Та же картина встречена и на поселенческом комплексе Дурены, вытянутом вдоль реки Чикоя на 5 км (Бурятия): одновременные археологические находки принадлежали там к гуннской и местной культуре. Новоселы и старожилы оказались соседями (Кызласов Л.Р., 2006, с. 157). Так было и в Хакасии того времени. Центр гуннской власти в Южной Сибири – городок гуннского наместника на р. Ташебе (бывший там, где окраина современного Абакана) состоял из обычных для этих земель избушек, которые стояли, однако, по уличному плану гуннской застройки и окружали дворец чужеземного вида. Сделанные там при раскопках находки также принадлежали местной тагарской и иноземной гуннской культуре. Даже скульптурные дверные ручки парадного дворцового зала были отлиты динлинами и отражали местный антропологический тип (Кызласов Л.Р., 2001; 2006, с. 171–174, 201, 202, рис. 19, 21, 22, 36, 37).

Гуннское нашествие не было лихим набегом. Многотысячные войска пришли не грабить южносибирские страны, не захватывать добычу. Гуннское царство присоединяло к себе эти края со всем природным богатством, которым они обладали. Новым властителям не были нужны опустошенные земли. Им нужны были подданные, знающие, как добывать руды и плавить металлы, способные отливать бронзу и ковать сталь, умеющие растить и убирать хлеба, опытные в орошении пашен и покосов.

*Завоевание гуннов не прервало хозяйственного развития горностепного края.* На Саяно-Алтае продолжалось привычное бытование прежних его обитателей, но их ремесленная и земледельческая деятельность контролировалась и поощрялась верховной гуннской властью. Показателен пример Хакасии, где, как говорилось, найдено довольно много крупных бронзовых прорезных пряжек, отличавших пояса в одежде самих гуннов. По внешнему виду пластины не отличались от изделий коренных гуннских земель. Но состав сплавов показал, что эти украшения изготовлены на Енисее – местные бронзолитейщики в Хакасско-Минусинской котловине изготавливали бляхи по гуннским образцам. По таким стандартам пришлось тогда трудиться и мастерам Забайкалья (Миняев, 1980; 1983). Работа литейщиков на захваченных землях динлинов была переведена на производство изделий для гуннов.

То же самое происходило в завоеванных гуннами других богатых районах Азии. Под надзором гуннской власти продолжало, например, развиваться городское ремесленное и сельское хозяйство Восточного Туркестана.

Письменные свидетельства и археологические материалы свидетельствуют об одном: 23 века назад, в конце III в. до н.э., *гунны впервые в Азии создали государство с единым управлением как оседлым, так и кочевым населением.* Его цельность определялась не только единством политической власти, но и, в очень большой степени, взаимным соответствием в хозяйстве огромной страны разных по укладу многоязыких и разноплеменных ее частей.

Помимо того, нашествие не только прервало естественный ход самобытного государственного развития названных южносибирских земель, оно изменило их национальный и языковой состав.

Чрезвычайно интересен и показателен для нашей темы ход этого процесса. Для среднеенисейских долин его характер лаконично и недвусмысленно обозначен письменными и многократно подтвержден археологическими источниками.

В определении имен тюркоязычных народов той эпохи исторические данные помогают мало. Со всей определенностью с ними связано только одно имя: *гэгунь* или *цзяньгунь* (*гяньгунь* нашего старого востоковедения) – китайская передача самоназвания древних *кыргызов*. До их появления жители этих мест, судя по топонимике, гово-

рили на южносамодийских, кетских и угорских языках.

По имеющимся данным, кыргызы-гэгунь пришли на Средний Енисей несколькими волнами. Первоначальное продвижение, начавшись в начале II в. до н.э., вероятно, не было особенно многочисленным. Последующее, относимое к середине I в. до н.э., было значительно большим (Киселев, 1949, с. 315, 316; 1951, с. 561; Кызласов Л.Р., 1960, с. 165; 1984, с. 19; 1992, с. 38; 2001, с. 127). Уже при гуннах и благодаря их воле, но далеко не сразу (Кызласов Л.Р., 2001, с. 145), гэгунь заняли на новых землях господствующие позиции. Письменные и археологические материалы позволяют отнести формирование их властной роли к 50-60-м гг. I в. до н.э. Она объясняется не только приливом гэгуней и окончанием гуннского могущества в 40 г. до н.э., но и их уверенностью в своем праве наследовать власть последних. Тысячелетие спустя, в средневековье, кыргызы все еще прямо возводили свое правление к гуннскому наместнику в Южной Сибири князю Ли Лину (Бичурин, 1950, с. 334, 356, 357; Кызласов Л.Р., 2001, с. 130–135). Столь рано сложившаяся династийная традиция пронизывает всю местную историю – вплоть до XVIII в. (Кызласов Л.Р., 2006, с. 218). Однако здесь нас интересует иное.

Китайские летописи, соотнося средневековые данные с древними, говорят, что *кыргызы-гэгунь смешались с местными динлинами*, тем самым создав предпосылки для образования нового народа, который стал называть себя хакас. От того в китайских источниках отмечается: «Хягас есть древнее государство Гяньгунь» (Бичурин, 1950, с. 350, 351; Кюннер, 1951, с. 4, 5; ср. Joki, 1952. S. 107; Кызласов Л.Р., 2001, с. 131).

Археологи видят это смешение двух народов, первоначально различавшихся по культуре. Оно происходило на тесинском переходном этапе, сохранявшем многие черты предшествующей местной тагарской, но содержавшем и пришлые особенности материальной и духовной культуры, связанные с Центральной Азией. Древности этого тагарско-таштыкского переходного этапа, выделенного почти 70 лет назад (Кызласов Л.Р., 1953, с. 3, 4, 7, 9, 11), подробно изучены и хорошо представлены в археологической литературе, как и соответствующая историо- и библиография (Кызласов Л.Р., 1960; Пшеницына, 1992; Кузьмин, 2011). Развитие завершилось сложением на Енисее новой и еди-

ной таштыкской археологической культуры, следовательно, и связанного с нею нового народа (древних хакасов).

Начавшись и происходя в условиях гуннского господства, это сложение первоначально разнородных составляющих происходило мирно и гармонично. Переселившиеся на Енисей на правах управителей гэгүни-кыргызы породнились и слились с покоренными динлинами. Произошло объединение даже погребальных обычаев. Общеизвестно: берегаемые в каждой, даже уже непонятной никому детали, такие обряды обычно веками не принимают привнесений и изменений. Но два народа сумели во взаимном единении создать новую духовную целостность.

На переходном этапе и в таштыкской культуре от динлинов сохранилась традиция хоронить мумии с гипсовыми портретными ликами, от кыргызов-гэгүней – погребать мелкие косточки сожженных на кострах умерших. Казалось бы, несовместимо.

Со временем став одним народом, потомки тех и других уже укладывали мешочки с трупосождением в грудь кукол в полный рост – в шитую и набитую травой одежду умершего. На заменявший голову кожаный шар накладывали гипсовую портретную маску ушедшего. В поминальных склепах до погребения рядом с мумиями устанавливали и затем на кладбище несли внешние подобия мумий, а внутренне – пепел сожженных. Позднее трупосождения стали главенствовать, и манекены заменили портретными бюстами, содержащими кальцинированные косточки.

Все изложенное, при опоре на конкретные археологические данные, позволяет выделить две важные особенности Великого переселения народов, охватившего Центральную Азию и Южную Сибирь. На протяжении 160 лет, с 201 по 40 г. до н.э., этот процесс осуществлялся осознанной деятельностью гуннского государства.

- Покоряя земли, необходимые для хозяйства страны, гунны не истребляли и не изгоняли местного населения. Напротив, целенаправленно используя присущие ему знания и навыки (прежде всего в области рудознания, металлургии, ремесел, скотоводства и хлеборобства), они не разрушали экономических основ, стимулируя развитие производства.

- Как и в любом ином государстве, консолидация разнородного населения, происходившая в пределах гуннской державы, не носила форму открытого противостояния власти и подданных. Гуннам не было необходимости создавать для своих колонистов укрепленных поселений – даже в Забайкалье, где число собственно гуннов было куда больше, чем в Туве, Хакасии или на Алтае. Пришельцы и автохтоны нередко обитали в общих или близлежащих поселениях и трудились совместно. Сами ли гунны, как в Забайкалье, или переселенные ими народы, как гэгүни-кыргызы на Енисее, без конфронтации объединяясь и сливаясь с местными жителями, изменяли национальную и языковую картину Южной Сибири.

Разумеется, эти идиллические построения не в состоянии отразить противоречивость былой исторической реальности. Но они способны очистить научный поиск от шаблонов, заранее заданных чуждыми для гуннов письменными источниками.

Вполне очевидно, что переселение народов, случившееся в Южной Сибири при гуннском владычестве, было действительно великим. Оно кардинально изменило ход местной истории. Думается, во многом потому, что содержало те начала, выявлению которых посвящены эти страницы.

## Литература

**Бичурин Н.Я. 1950.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 380 с.

**Бичурин Н.Я. 1953.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 326 с.

**Васильев К.В. 2004.** Древнейший и древний Китай // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древ-

них империй. М.: Восточная литература РАН. С. 153–312.

**Гумилев Л.Н. 1960.** Хунну. М.: Изд-во восточной литературы. 291 с.

**Давыдова А.В. 1956.** Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА, XXV. М.: Изд-во АН СССР. С. 261–300.

**Давыдова А.В. 1985.** Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ. 111 с.



- Давыдова А.В. 1995.** Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд АзиатИКА. 287 с.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. 2003.** Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб.: Фонд АзиатИКА. 164 с.
- Дворниченко В.В., Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. 2008.** Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / Ред. М.Г. Машкова. М.: Таус. С. 239–242.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993.** Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // Вестник древней истории., № 3. С. 141–179.
- Демиденко С.В. 2008.** Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ, 328 с.
- Дёрфер Г. 1986.** О языке гуннов // Западная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы / Ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. С. 71–134.
- Дэвлет М.А. 1980.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. (САИ, вып. Д4-7). М.: Наука. 66 с.
- Киселев С.В. 1949.** Древняя история Южной Сибири (МИА, № 9). М.-Л.: Изд-во АН СССР. 364 с.
- Киселев С.В. 1951.** Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 643 с.
- Киселев С.В. 1957.** Древние города Монголии // СА, № 2. С. 91–101.
- Кляшторный С.Г. 2002.** Гунны на Востоке // История татар с древнейших времен. В 7 томах. Т. I. / Ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият. С. 122–140.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. 2005.** Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический ф-т СПб. гос. ун-та. 346 с.
- Конрад Н.И. 1972.** Запад и Восток. Статьи. 2-е изд. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 496 с.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. 2005.** Хуннская культура Забайкалья // Социальная структура ранних кочевников Евразии. / Ред. Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та. С. 183–199.
- Кроль Ю.Л. 2005а.** Отношение империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. XXXII. М.: Восточная литература РАН. С. 126–361.
- Кроль Ю.Л. 2005б.** Географический трактат «Истории Хань». Исследование // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Восточная литература РАН. С. 7–54.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. 1986.** Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. / Ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 111–118.
- Кузьмин Н.Ю. 2011.** Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг. 456 с.
- Кызласов И.Л. 1983.** Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. (САИ, вып. Е3-18). М.: Наука. 128 с.
- Кызласов И.Л. 2010.** Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. / Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука. С. 139–162.
- Кызласов И.Л. 2011.** Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии. 256 с.
- Кызласов Л.Р. 1953.** Таштыкская эпоха (I в. до н. э. – V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины: Автореф. дис. канд. истор. наук. М. 16 с.
- Кызласов Л.Р. 1960.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Изд-во Московского ун-та. 197 с.
- Кызласов Л.Р. 1963.** Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА, № 2. С. 203–210.
- Кызласов Л.Р. 1969а.** История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ. 212 с.
- Кызласов Л.Р. 1969б.** О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова (Материалы и исследования по археологии СССР, № 169), № 169. М.: Наука, С. 115–124.
- Кызласов Л.Р. 1979.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та. 207 с.
- Кызласов Л.Р. 1984.** История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа. 167 с.
- Кызласов Л.Р. 1992.** Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та. 222 с.
- Кызласов Л.Р. 1998.** Города гуннов // Татарская археология, № 2 (3). С. 47–64.
- Кызласов Л.Р. 1999.** Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: ар-

живные материалы, публикации, статьи. / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов. М.: Институт археологии РАН. С. 195–205.

**Кызласов Л.Р. 2001.** Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература РАН. 176 с.

**Кызласов Л.Р. 2002.** Клад земледельческих орудий с надписями XIII в. на Верхнем Енисее // Древности Алтая. (Известия Лаборатории археологии, 8) / Ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та. С. 73–88.

**Кызласов Л.Р. 2006.** Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература РАН. 360 с.

**Кюнер Н.В. 1951.** Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. II. Абакан. С. 3–16.

**Миняев С.С. 1980.** Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. (САИ, вып. Д4-7). М.: Наука. С. 29–34.

**Миняев С.С. 1983.** Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / Ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. С. 47–84.

**Окладников А.П. 1962.** О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир / Ред. Н.В. Пигулевская и др. М.: Изд-во восточной литературы. С. 418–431.

**Пшеницына М.Н. 1992.** Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М.: Наука. С. 224–235, 347, 442–444.

**Сунчугашев Я.И. 1969.** Горное дело и выплавка металлов в древней Туве (Материалы и исследования по археологии СССР, № 149). М.: Наука. 140 с.

**Сыма Цянь. 1975.** Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского, комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 579 с.

**Сыма Цянь. 2002.** Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII. Перевод с китайского Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, комментарий Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, вступительная статья Р.В. Вяткина. М.: Восточная литература РАН. 510 с.

**Таскин В.С. 1968.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 177 с.

**Таскин В.С. 1973.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 171 с.

**Таскин В.С. 1989.** Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1. Сюнну. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 285 с.

**Таскин В.С. 1990.** Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2. Цзе. М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы. 255 с.

**Торчинов Е.А. 2005а.** Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Восточная литература РАН, С. 383–414.

**Торчинов Е.А. 2005б.** Проблема «Китай и соседии» в жизнеописаниях Фэн Тана и Янь Аня // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М.: Восточная литература РАН. С. 415–437.

**Фань Вэнь-лань. 1958.** Древняя история Китая. М.: Изд-во АН СССР. 294 с.

**Davydova A.V. 1968.** The Ivolga gorodishche // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 20. Budapest. P. 209–245.

**Joki A.J. 1952.** Die Lehnwörter des Sajansamojedischen (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 103). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 395 S.

## Summary

### Asian start of the Great migration of peoples

I.L. Kyzlasov

The Han dynasty Chronicles of China give pejorative characteristics of the society and state structure of the Central Asian Huns [Hunns (Xiongnu) of Central Asia; Hunnic]. Modern historians follow this appraisal. Archaeological materials paint a different picture. It reveals the true meaning of a number of brief references of written sources. The Huns created the first world power in Central Asia and successfully ruled both settled and nomadic peoples. The conquest of new lands in southern Siberia was aimed at obtaining metals and bread. Local population, experienced in the production of both, was not exterminated, but used and stimulated by the Huns power. Resettled by the Huns, authentic Turkic-speaking peoples entered the arena of history for the first time. The natives mixed with newcomers, conflict-free and harmonious, changing the national and linguistic composition of the population. Archaeology sees such a mix of originally different cultures of the local Dinlin and ancient Kyrgyz on the Middle Yenisey area. A new Tashtyk culture was formed, and the new people were called Khakas.

*Keywords:* the Central Asian Huns, Southern Siberia, dinlins, the ancient Kyrgyz, archeology, the Tagar and Tashtyk cultures.



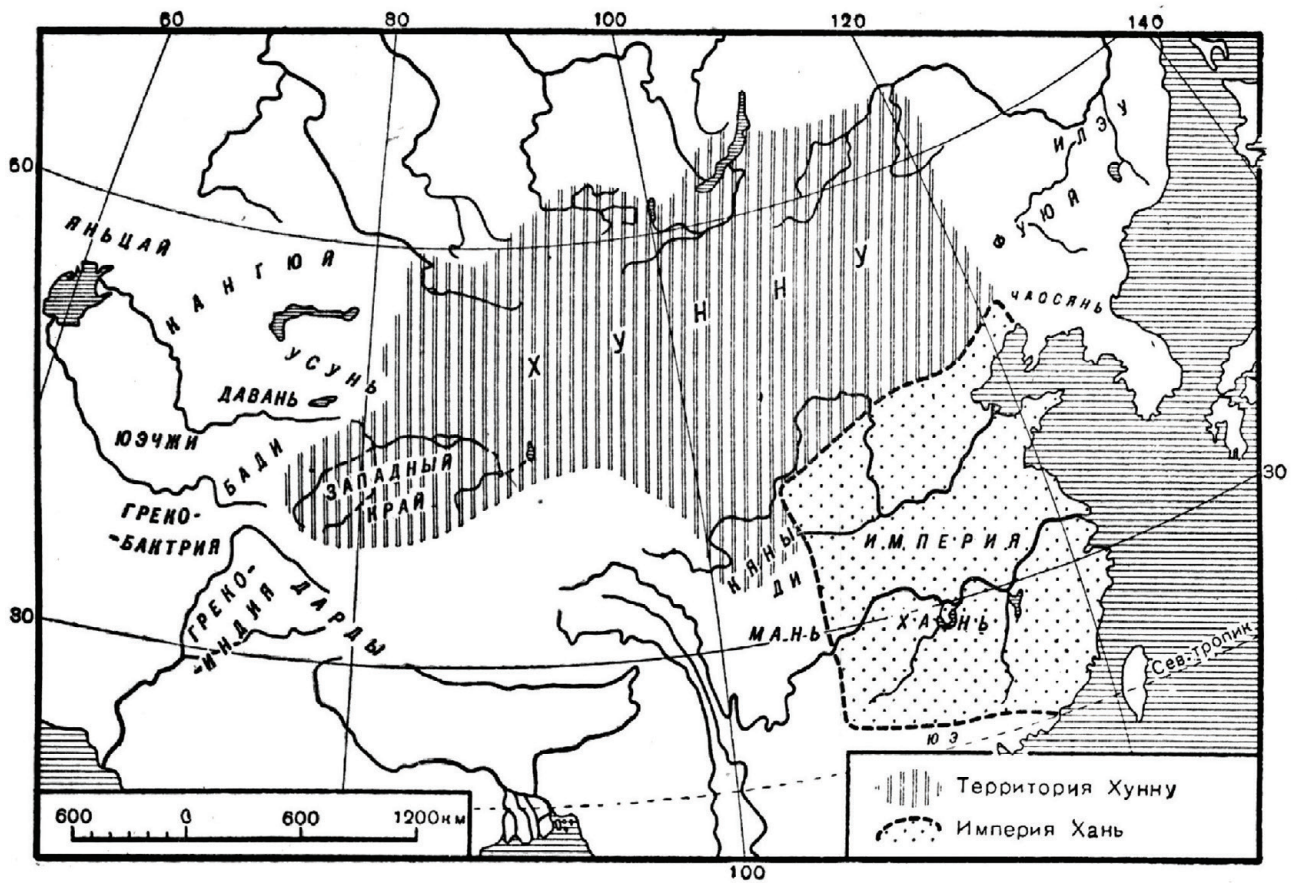


Рис. 1. Государство гуннов и империя Хань около 135 г. до н.э.  
(по данным путешественника Чжан Цяна) (Гумилев, 1960. С. 104).



Рис. 2. Пластина поясной пряжки. Минусинский округ, случайная находка.  
Коллекция И.А. Лопатина, ГИМ, инв. № 38110, оп. XXXI/1361 (Дэвлет, 1980. Табл. 5, 12).





**Рис. 3.** Гуннский сосуд для хранения зерна.  
Большое Иволгинское городище, жилище 9 (Давыдова, 1956. Рис. 9).

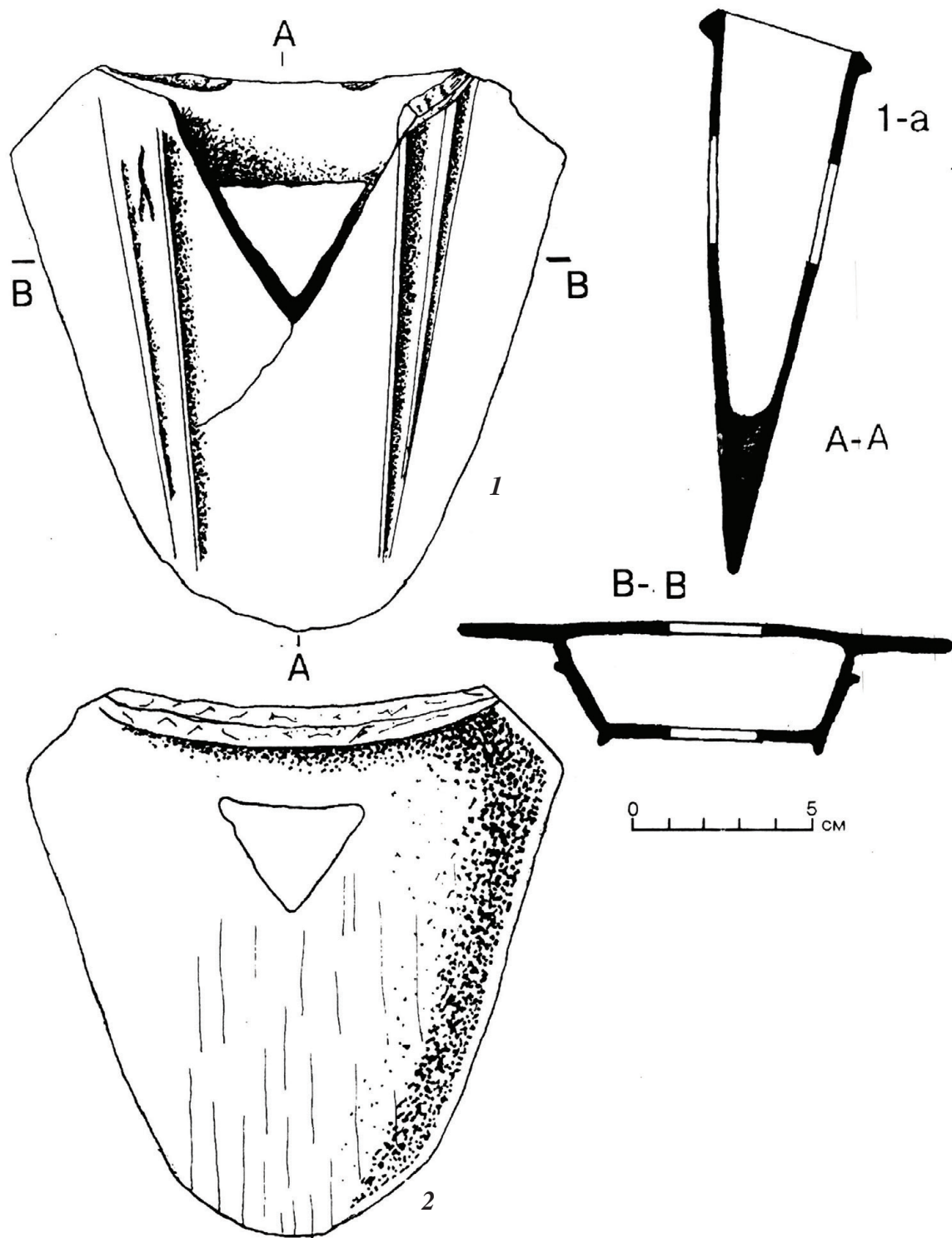
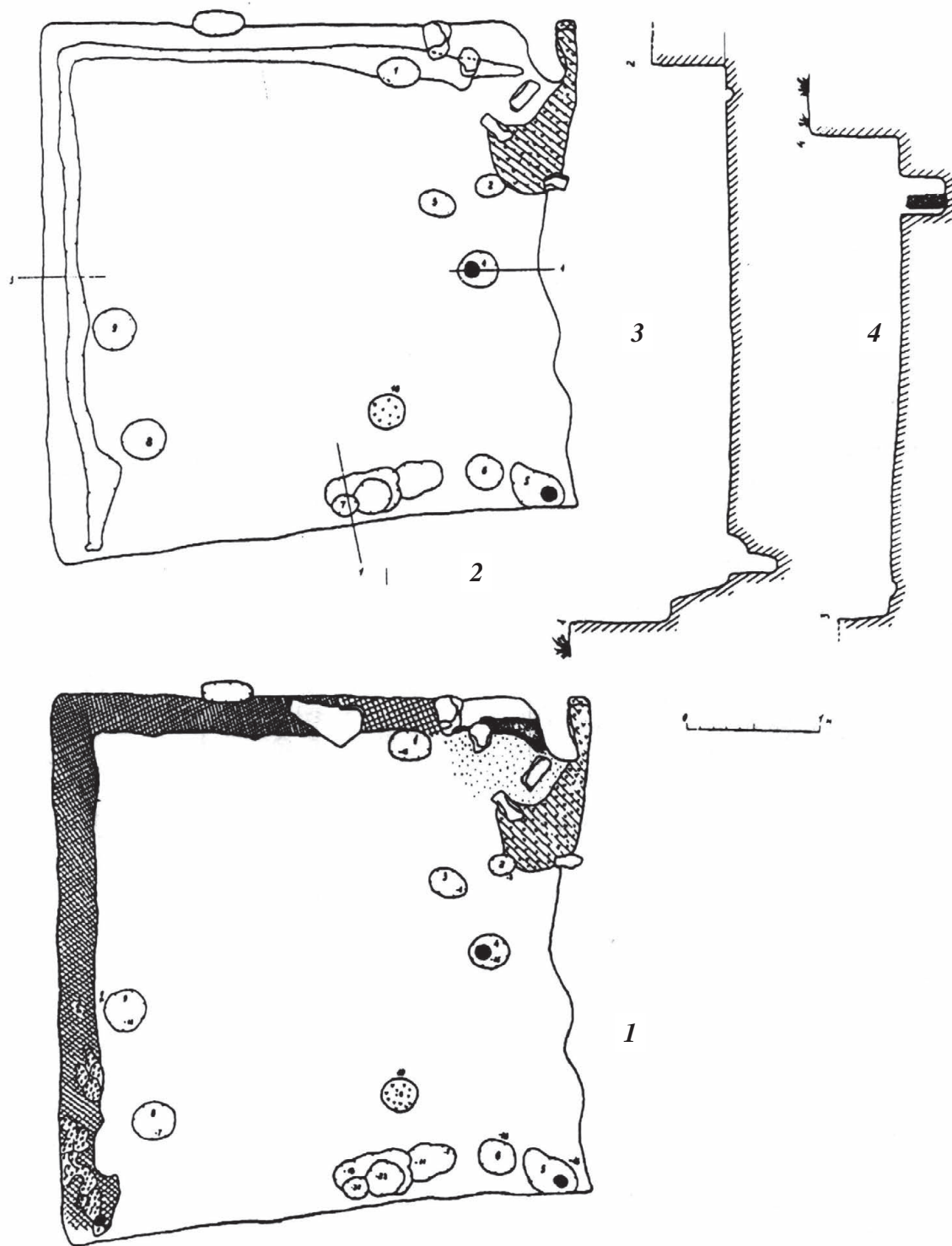


Рис. 4. Гуннский чугу́нный сошник. Лицевая и оборотная сторона, разрезы.  
Поселение Дурёны I (Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 51).



**Рис. 5.** Поселение Средние Дурёны. План (1, 2) и разрезы (3, 4) гуннского жилища с Г-образным каном.

1 – с обозначением золы, 2 – с очищенным каналом дымохода (Давыдова, Миняев, 2003. Табл. 89).

# Кочевническое погребение первой половины VII в. из степного Закубанья

В.Н. Чхаидзе (Москва)

В публикации представлено раннесредневековое женское кочевническое погребение из курганного могильника Бугундырь V, исследованное в 1987 г. близ г. Абинск (Краснодарский край). На основании рассмотрения отдельных элементов погребального обряда, а также инвентаря (прежде всего – геральдических пряжек), находящихся аналогии среди других известных погребальных комплексов, памятник может быть датирован в пределах первой половины VII в.

*Ключевые слова:* Восточное Приазовье, Закубанье, раннее средневековье, кочевники, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Раннесредневековые кочевнические погребения, суммарно датируемые VI–VIII вв., были открыты в Восточном Приазовье в 70–80-е гг. XX в. в ходе археологических работ, связанных со строительством оросительных систем. Всего, за период 1978–1989 гг., а также в последние годы, выявлено 28 погребальных комплексов, большая часть которых введена в научный оборот (Атавин, 2008, с. 28–42, рис. 1–27; Чхаидзе, 2010, с. 51–54, рис. 1–2; 2011, с. 115–124, рис. 1–9; Лимберис, Марченко, 2011, с. 417–439, рис. 1–13; Скрабовенко, Лифанов, 2012, с. 22–33, рис. 1–12).

Различные исследователи неоднократно обращались как к этим, так и к еще не опубликованным комплексам. Наиболее ранние из них, содержащие богатый инвентарь (в том числе поясные геральдические наборы), на основании рассмотрения отдельных элементов погребального обряда и инвентаря были соотнесены А.И. Семеновым с тюрками-протоболгарами, входившими в состав Великой Болгарии хана Кубрата, располагавшейся именно на обозначенной территории (Семенов, 1982, с. 89–90; 1988, рис. 4а).

Еще одно погребение этого круга, выявленное на значительном расстоянии от Восточного Приазовья, происходит из курганного могильника Бугундырь V, располагавшегося на правом берегу р. Бугундырь, в 8 км к северо-востоку от ст. Абинская и в 2 км к юго-западу от хут. Корбкин (Абинский район Краснодарского края). Работы на могильнике производились в 1987 г. Абинским отрядом Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР (Бестужев, 1987, л. 1–2, 38–39, 41).

Курган 1 могильника Бугундырь V имел диаметр по линии запад-восток – 66 м, север-юг – около 43 м, при высоте до 0,6 м, распахан. В кургане открыто пять разновременных погребений – 4 эпохи бронзы (1–4), одно (5) – раннесредневековое. Под курганом выявлено неолитическое (?) местонахождение.

Погребение 5 (рис. 1) впускное, располагалось в центре кургана, в 1,2 м к западу от репера. Могильная яма не прослежена, но, вероятно, могла являться подбоем. С глубины –1,12 до –1,41 м от репера прослежены кости скелета лошади, чрезвычайно плохой сохранности, лежавшие на почти отвесной поверхности – возможно, костяк сполз из входной ямы к уступу, ведущему



в подбой. Лошадь была уложена головой на северо-восток.

Рядом с лошадиным костяком, к востоку, на глубине –1,43 м находился скелет молодой женщины, уложенной вытянуто на спине, головой на северо-восток. Берцовые кости и кости стоп не сохранились.

Возле левой височной кости погребенной находилась золотая серьга (рис. 1: 1) в виде разомкнутого кольца диаметром 1,5 см с четырьмя напаянными шариками в форме виноградной грозди.

Под нижней челюстью найдена янтарная бусина (рис. 1: 2) в виде шайбы диаметром 2,4 мм и толщиной 0,8 см. Сквозное круглое отверстие несколько смещено относительно ее центра.

На бедренных костях лежали две бронзовые пряжки (рис. 1: 3–4) с подпрямоугольными вырезами. Пряжки – фигурные, штампованные, одна из них посеребренная. Длина пряжек – 2,8 см.

У бедра левой ноги располагался железный нож (рис. 1: 5), однолезвийный, черешковый. Нож сильно окислился и распался на части. Его реконструируемая длина – 10,7 см, ширина лезвия – 2 см.

Выше ножа, у кисти левой руки, а также между бедрами лежали сильно окислившиеся железные предметы (пряжки?) (рис. 1: 6–7), которые раскрошились.

По погребальному обряду представленный комплекс находит аналогии среди многочисленных погребений с восточной (северо-восточной) ориентировкой в сопровождении туши (или чучела) лошади, относимых к памятникам Сивашовского типа, которые датируются первой половиной – серединой VII в. (Комар, 2013, с. 696–699, 710–715, 726, табл. 12, карта 43). А.И. Семенов относил рассматриваемое погребение к памятникам болгарского круга (Семенов, 1988, рис. 4а: 127).

Основным хронологическим индикатором комплекса являются В-образные пряжки византийского круга с геральдическим щитком с вырезами на боковых сторонах щитовидной обоймы. Обычно подобные пряжки связаны с конструкцией обуви, однако в нашем случае они выполняли функцию крепления к поясу погребенной каких-то аксессуаров.

Этот особый тип маленьких В-образных пряжек был подробно рассмотрен И.О. Гавритухиным. Наши пряжки относятся к варианту 3 – со щитком, имеющим выступ в задней части, плавно переходящий в бока рамки. Семь

прямых аналогий происходят из Скалистинского могильника (Крым), Херсонеса, Владикавказ, Навседани (Грузия) и погребения Дымовка (см. далее). В целом тип датирован от начала до середины VII в. (Гавритухин, 1999, с. 185–189, рис. 3В: 1–17; 4).

Три такие пряжки из кочевнических погребений были рассмотрены А.В. Комаром; все погребения – подкурганые ингумации и относятся к памятникам горизонта Сивашовки, которые автор датирует второй-третьей четвертью VII в. (Комар, 2006, с. 103, 108 рис. 45: 30, 38, 39, 50: 7, 22, 30, 55: 6, 7, 20). Иные даты предлагались при публикации комплексов: разрушенное погребение Виноградное – 35/1 датировано первой половиной VII в. (Орлов, Рассемакин, 1996, с. 115, рис. 8: 5); погребение Дымовка – XIV/2 отнесено к началу VII в. (Айбабин, 1985, с. 197–198, рис. 8: 10), а скорее, ко второй-третьей четверти VII в. (Гавритухин, 1999, с. 187, рис. 3В: 4); погребение Христофоровка – 7/12 датировано первой половиной VII в. (Рутковская, 1979, с. 342, рис. 23: 11; Prihodnyuk, Fomenko, 2003, p. 112, fig. 2: 18; пряжка, возможно, относилась к деталям обуви: Комар, 2010, с. 104, рис. 14: 43).

По материалам Скалистинского могильника (катакомба 422) такая пряжка относится к типу II варианту 4-3 и датируется первой половиной (третьей?) VII в. (Айбабин, 1990, с. 39, рис. 39: 26; 1997, с. 276, табл. XXX: 12; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101, 171, рис. 75: 3; Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 68; Гавритухин, 1999, с. 187, рис. 3В: 5).

По материалам Болгарии В-образные пряжки (6 экземпляров) отнесены к типу VI, варианту 4 и датированы последними десятилетиями VI – началом VII вв. (Даскалов, 2012, с. 36, 63, обр. 55: 17–21, карта 3: 26–31, табл. 2).

Серьга с тремя зернинками, припаянными к кольцу, относится к варианту 6 серег Скалистинского могильника. Их общая датировка: VII–IX вв. (Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183–184, рис. 8: 23, 18: 19, 24: 23, 26: 12, и др.).

Янтарные бусы подобной формы датируются широко, однако одна подобная бусина известна в погребении 81 могильника Бжид, датированного первой половиной VII в. (Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77: 63), а также в погребении этого же времени Лебеди I–5/19 в Восточном Приазовье (Чхаидзе, 2010, с. 54, рис. 2: 2).

Нож с прямой спинкой отдела 1 типа 2 (Атавин, 2008. С. 29), не является хронологическим индикатором.

Таким образом, датировка рассмотренного погребения может быть установлена в пределах первой половины VII в., возможно, сужение до второй четверти этого столетия.

Представленный комплекс дополняет наши представления о кочевниках эпохи раннего средневековья в Восточном Приазовье, а также их инфильтрации в степное Закуба-

нье. Данная кочевая группа на раннем своем этапе входила в состав Великой Болгарии, а впоследствии – Хазарского каганата. Остается надеяться, что ряд еще не опубликованных комплексов в ближайшее время будет введен в научный оборот, а также будет продолжено изучение и уточнение хронологии уже опубликованных погребений.

### Литература

- Айбабин А.И. 1985.** Погребение хазарского воина // СА. № 1. С. 191–205.
- Айбабин А.И. 1990.** Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
- Айбабин А.И. 1997.** Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР. 352 с.
- Атавин А.Г. 2008.** Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Таус. С. 28–70.
- Бестужев Г.Н. 1987.** Отчет о работе Абинского отряда Кубанской экспедиции в Абинском районе Краснодарского края в 1987 году. Л., 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 12481.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993.** Скалинский могильник. Киев: Наукова думка. 204 с.
- Гавритухин И.О. 1999.** В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье (Archaeologia Permica. Вып. I) / Ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УРО РАН. С. 160–209.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (Раннеславянский мир. Вып. 3). М.: ИА РАН. 296 с.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003.** Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. (Археология) / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 186–200, 239–245.
- Даскалов М. 2012.** Колани и коланни украси от VI–VII век (от днешна България и съседните земли). София: Craft House Bulgaria. 288 с.
- Комар А.В. 2006.** Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в.
- (Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время) / Ред. А.В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 7–244.
- Комар А.В. 2010.** Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / Ред. А.А. Пескова и др. СПб.: Нестор-История. С. 94–115.
- Комар А.В. 2013.** Кочевники восточноевропейских степей второй половины VI – первой половины VIII в. // Атлас Западного Тюркского каганата / Руководители проекта: А. Досымбаева, М. Жолдасбеков. Астана: Service Press. С. 671–737.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2011.** Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая школа антропологии. С. 417–441.
- Орлов Р.С., Рассемакин Ю.Я. 1996.** Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Ред. И. Эрдели, О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка. С. 102–116.
- Рутковская Л.М. 1979.** Археологические памятники IV–VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина) // Slovenská Archeológia. XXVII. № 2. С. 317–361.
- Семенов А.И. 1982.** Раннесредневековая серебряная пряжка из Чебургольского могильника на Кубани // Сообщения Гос. Эрмитажа. XLVII. С. 89–90.
- Семенов А.И. 1988.** К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 29. С. 97–111.
- Скрабовенко В.А., Лифанов Н.А. 2012.** Погребально-поминальные комплексы раннесред-

невековых кочевников из Восточного Приазовья (по материалам раскопок могильников Лебеди IV и Лебеди VIII в 1980 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. IV / Ред. М.М. Чореф. Севастополь; Тюмень. С. 22–46.

**Чхаидзе В.Н. 2010.** Раннесредневековые кочевнические погребения из курганного могильника Лебеди I в Восточном Приазовье // Археологический журнал. № III-IV. Армавир: Центр археол. исследований Армавирского гос. пед. ун-та. С. 51–54.

**Чхаидзе В.Н. 2011.** Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12. Армавир: Центр археол. исследований Армавирского гос. пед. ун-та. С. 115–140.

**Prihodnyuk O., Fomenko V. 2003.** Early Medieval Nomad's Burials from the Vicinity of the Village of Hristoforovka, the District of Nikolaevo, Ukraine // *Archaeologia Bulgarica*. VII. P. 107–116

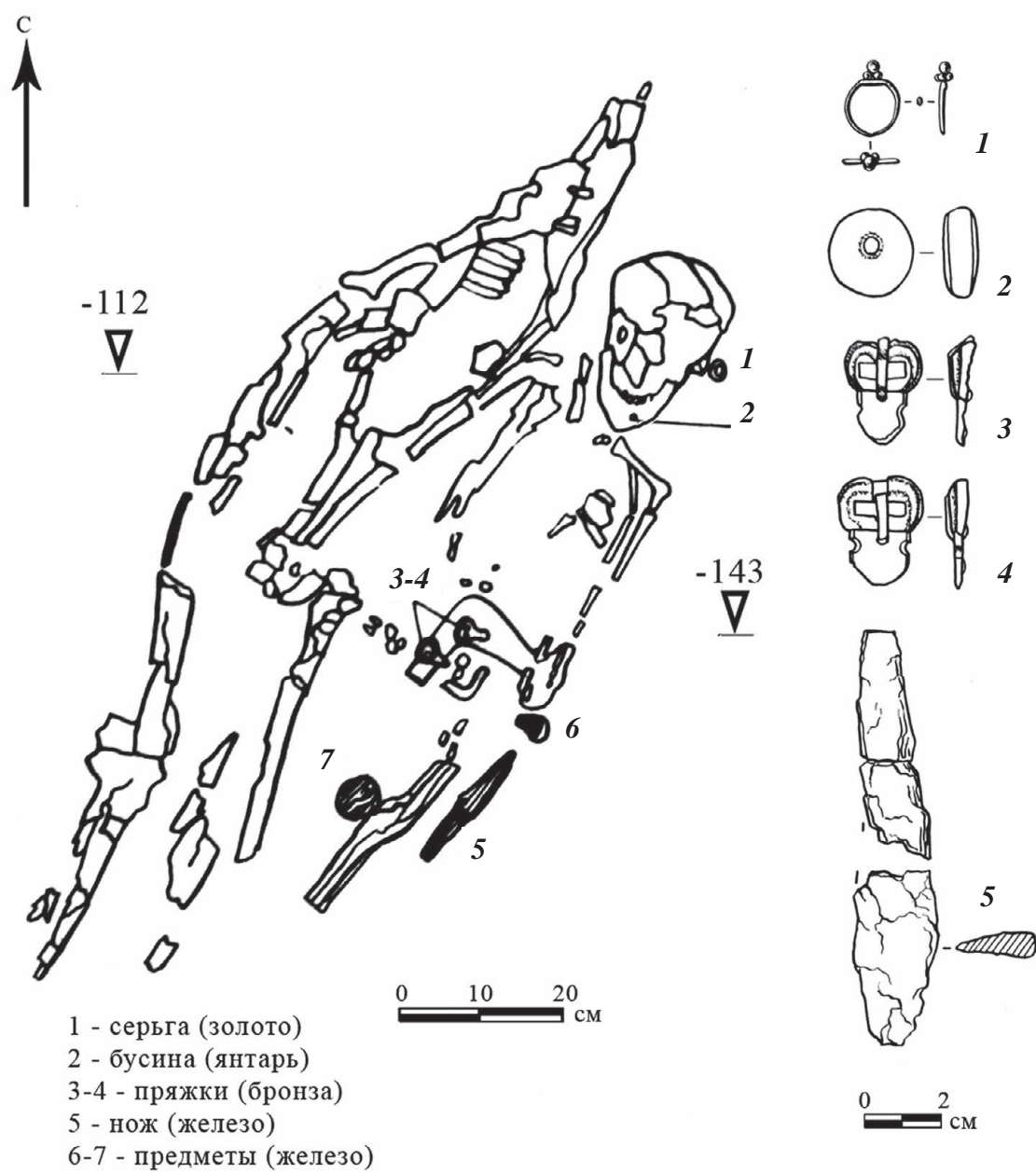
### Summary

#### Nomadic burial of the first half of the seventh century from the steppe Zakubanye (the left bank of Kuban river area)

V.N. Chkhaidze

The publication presents an early medieval female nomadic burial from the mound burial Bugundyr Vnear near the city of Abinsk (Krasnodar krai) studied in 1987. Individual elements of the funeral rite, as well as grave stock (first of all – heraldic buckles), were considered. On the grounds of the analogies which were found among the other known burial complexes, the complex can be dated within the first half of the seventh century.

*Keywords:* Eastern region of the Azov sea, the Kuban, the early Middle Ages, the nomads, burial rite, grave stock.



**Рис. 1.** Погребение Бугундырь V – 1/5 (1987 г.). План.  
 Инвентарь: 1 – серьга; 2 – бусина; 3-4 – пряжки; 5 – нож.





## **Цветные иллюстрации**

К статье А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой



Рис. 5. Могильник у с. Лучистое, склеп 305, находки из погребений № 1 (1) и № 2 (2, 3).  
1 – бронзовая пряжка типа «Сиракузы»; 2 – серебряная орлиноголовая пряжка; 3 – гончарная кружка.

## К статье Н.А. Биркиной

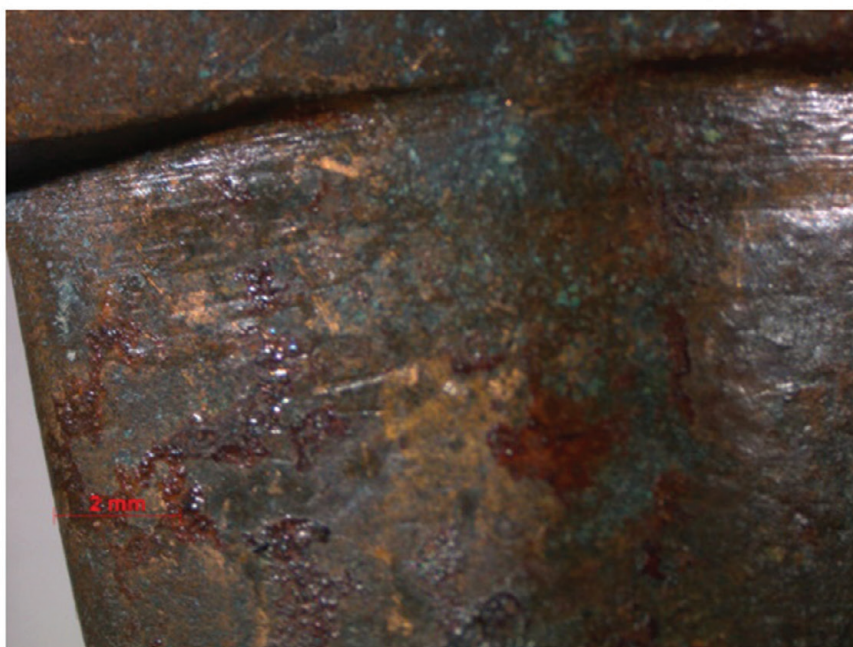


Рис. 1. След от края наковальни на налобном венчике.



Рис. 2. Брак при нанесении тисненого орнамента.





**Рис. 3.** Следы от работы напильником на литых изделиях.

## К статье И. Бугарского

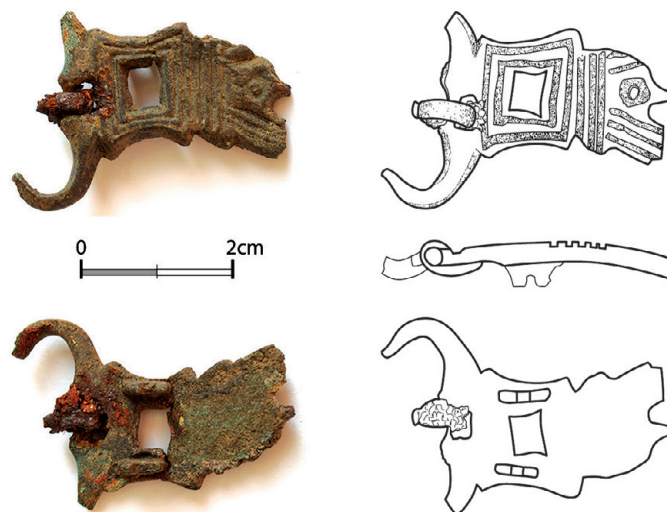


Рис. 1. Пряжка из Врченовацкогo городища (рисунок П. Милоевич, А. Суботич, фотография П. Милоевич).

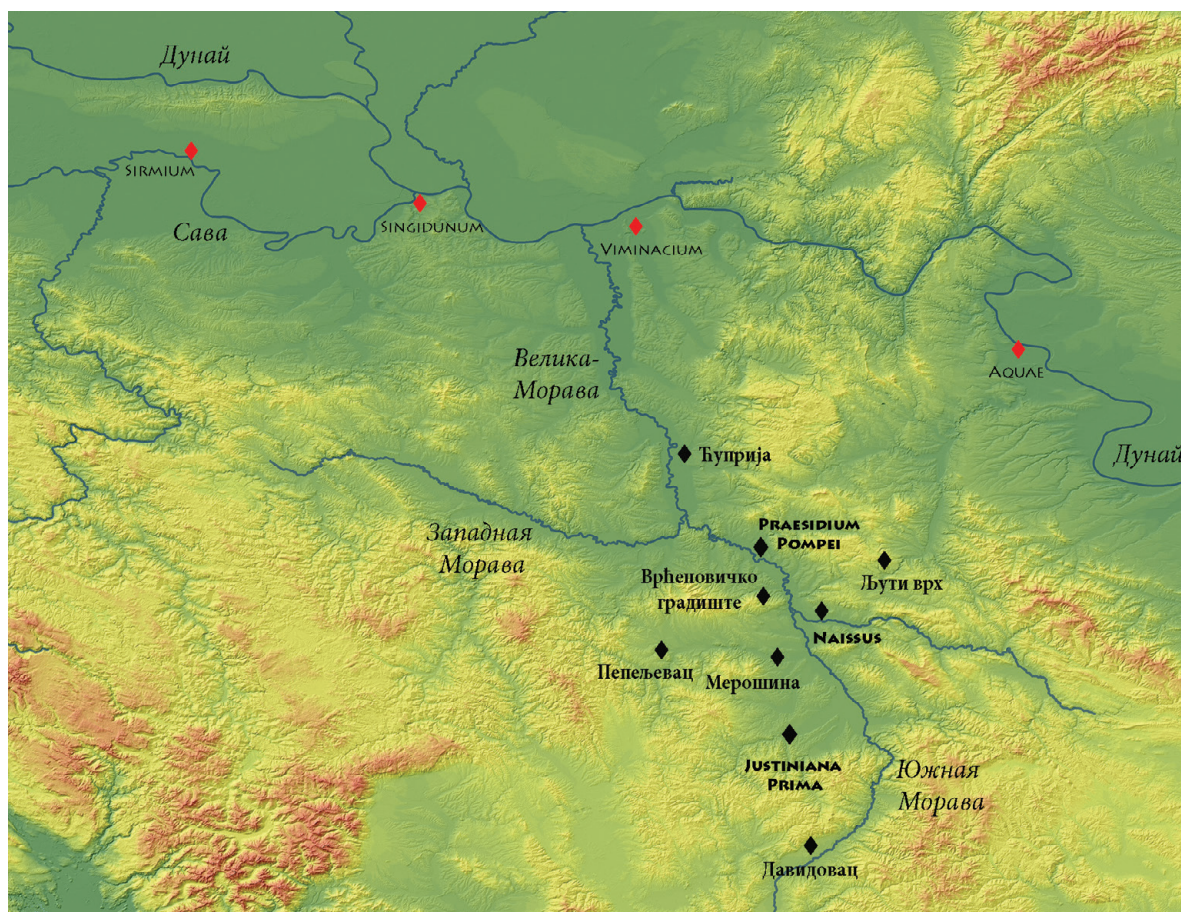


Рис. 5. Карта распространения ранневизантийских находок VII в. на Центральных Балканах.



К статье А.А. Кадиевой, С.В. Демиденко

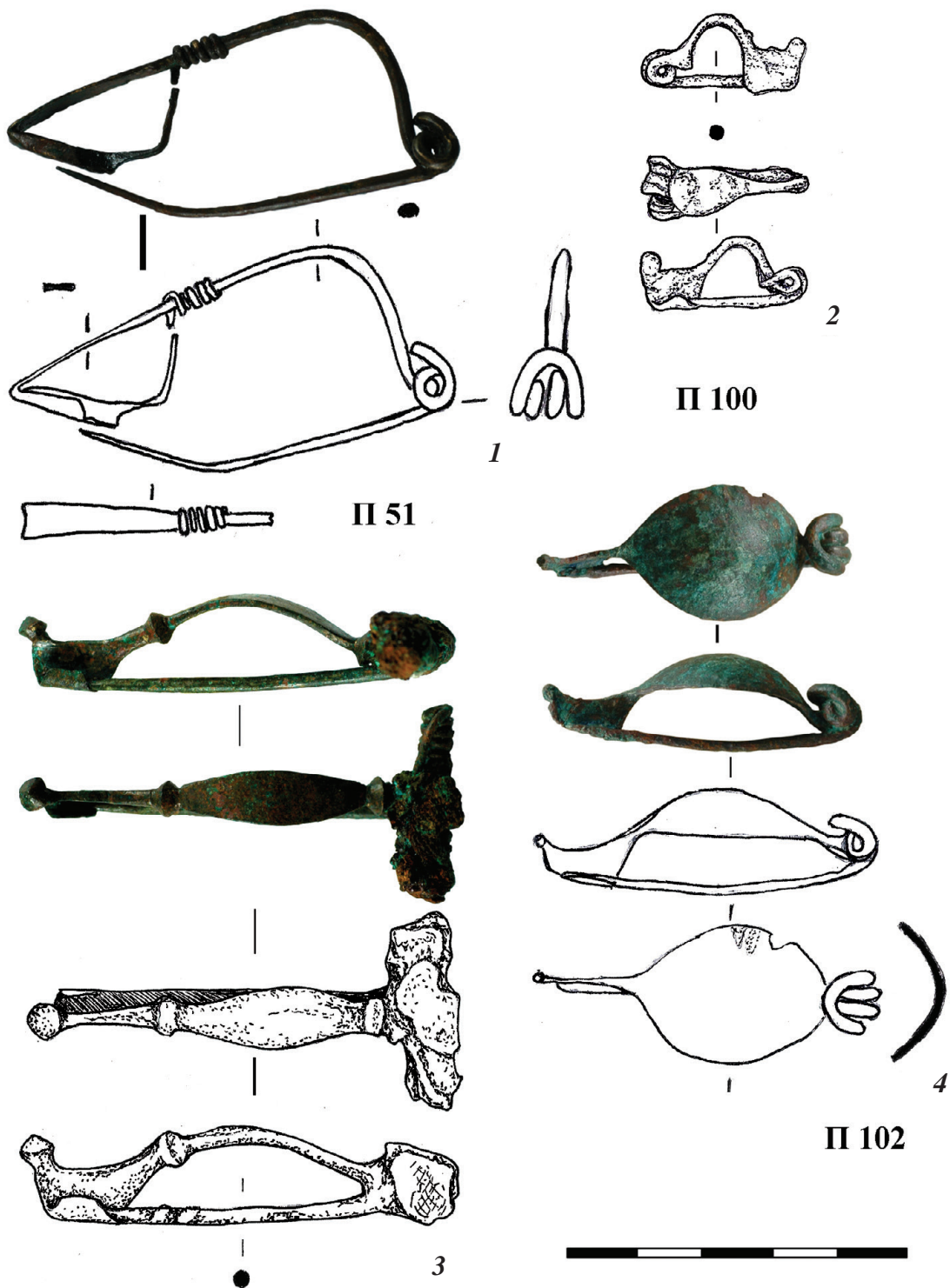


Рис. 1. Фибулы из могильника Заюково-3.

1 – погребение 51 (2016 г.); 2 – погребение 100 (2017 г.); 3, 4 – погребение 102 (2017 г.). 1–4 – бронза.

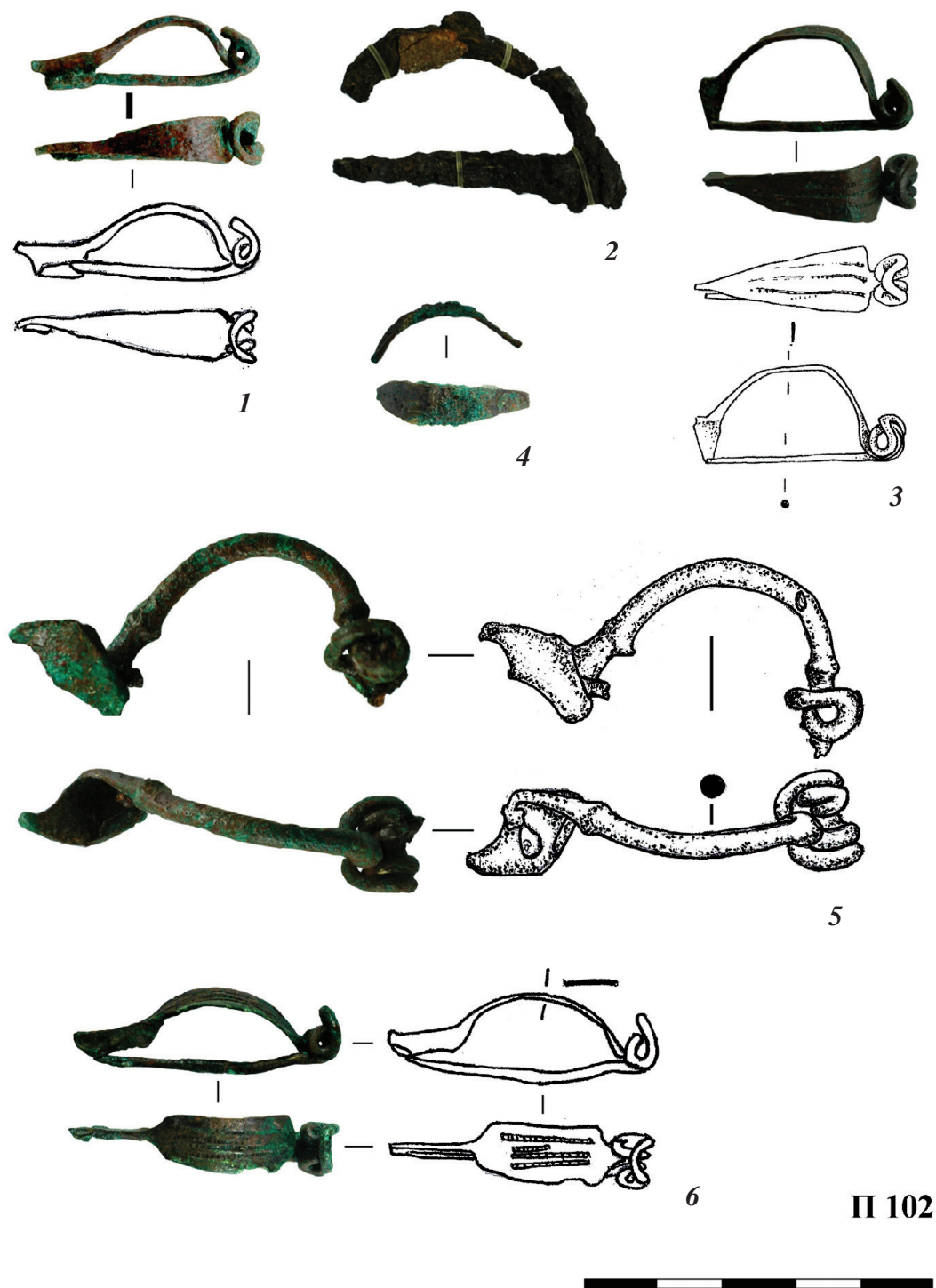
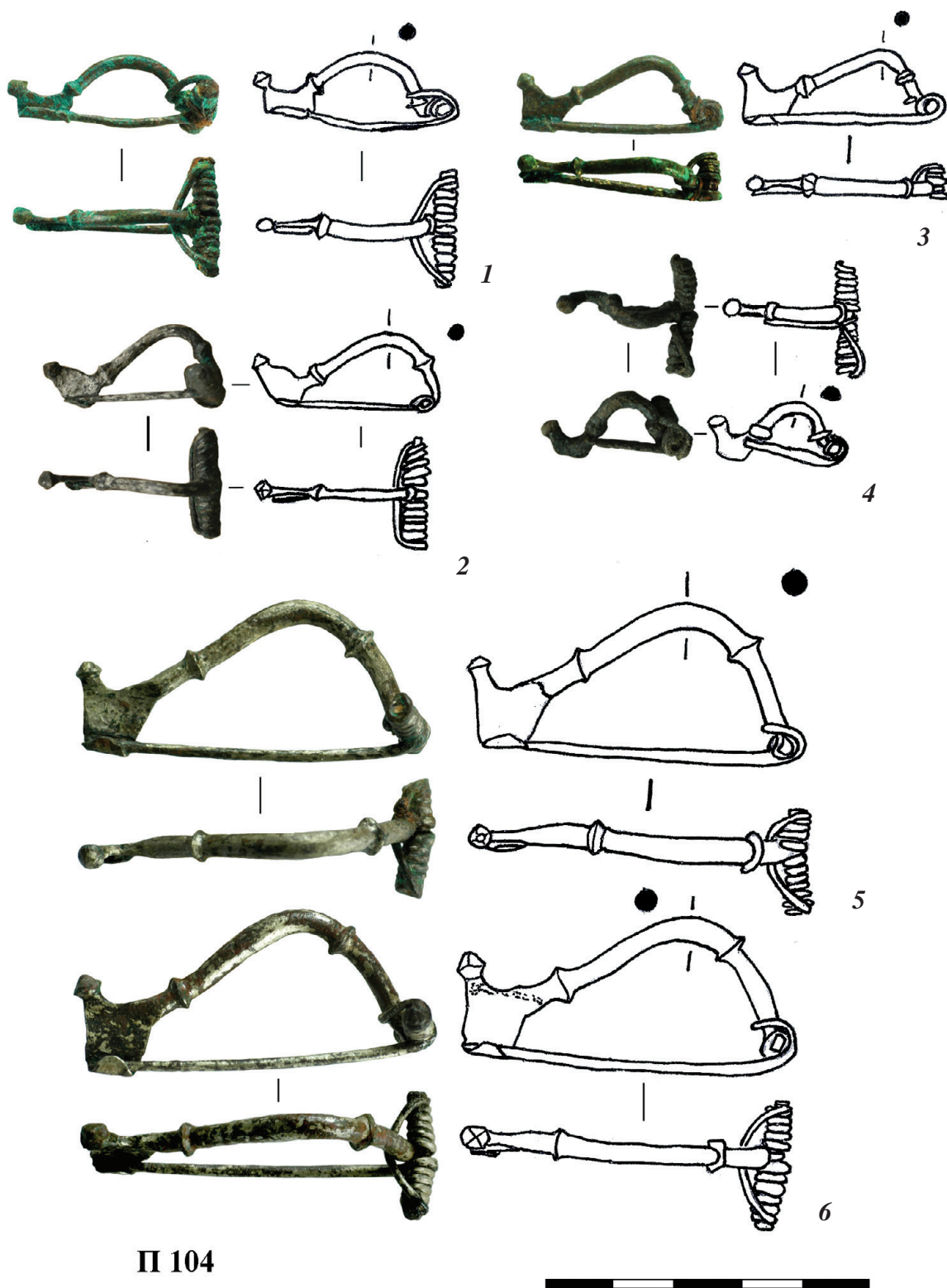


Рис. 2. Фибулы из могильника Заюково-3.  
1–6 – погребение 102 (2017 г.). 1, 3–6 – бронза; 2 – железо.





П 104

Рис. 3. Фибулы из могильника Заюково-3.  
1-6 – погребение 104 (2017 г.). 1-4 – бронза, 5, 6 – серебро.



**Рис. 4.** Фibuлы из могильника Заюково-3.  
1 – фibuла-брошь (2017 г.).

К статье Н. Кисель, А. Коковского, Т. Мазурек

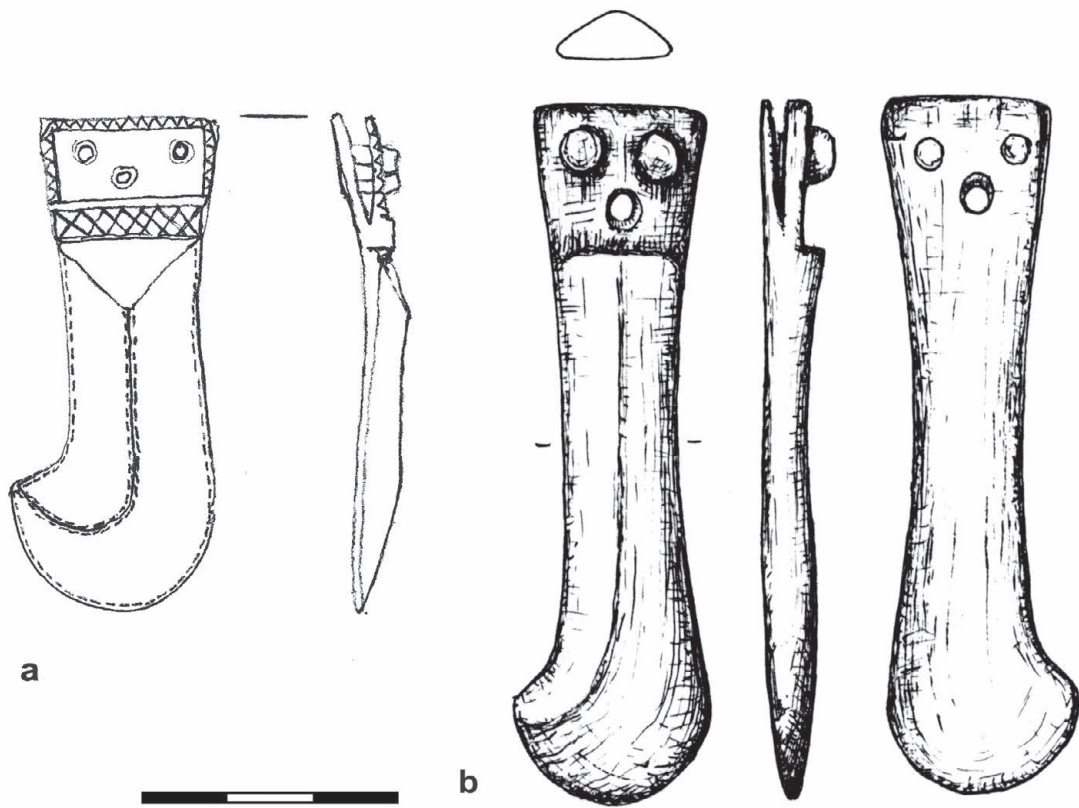
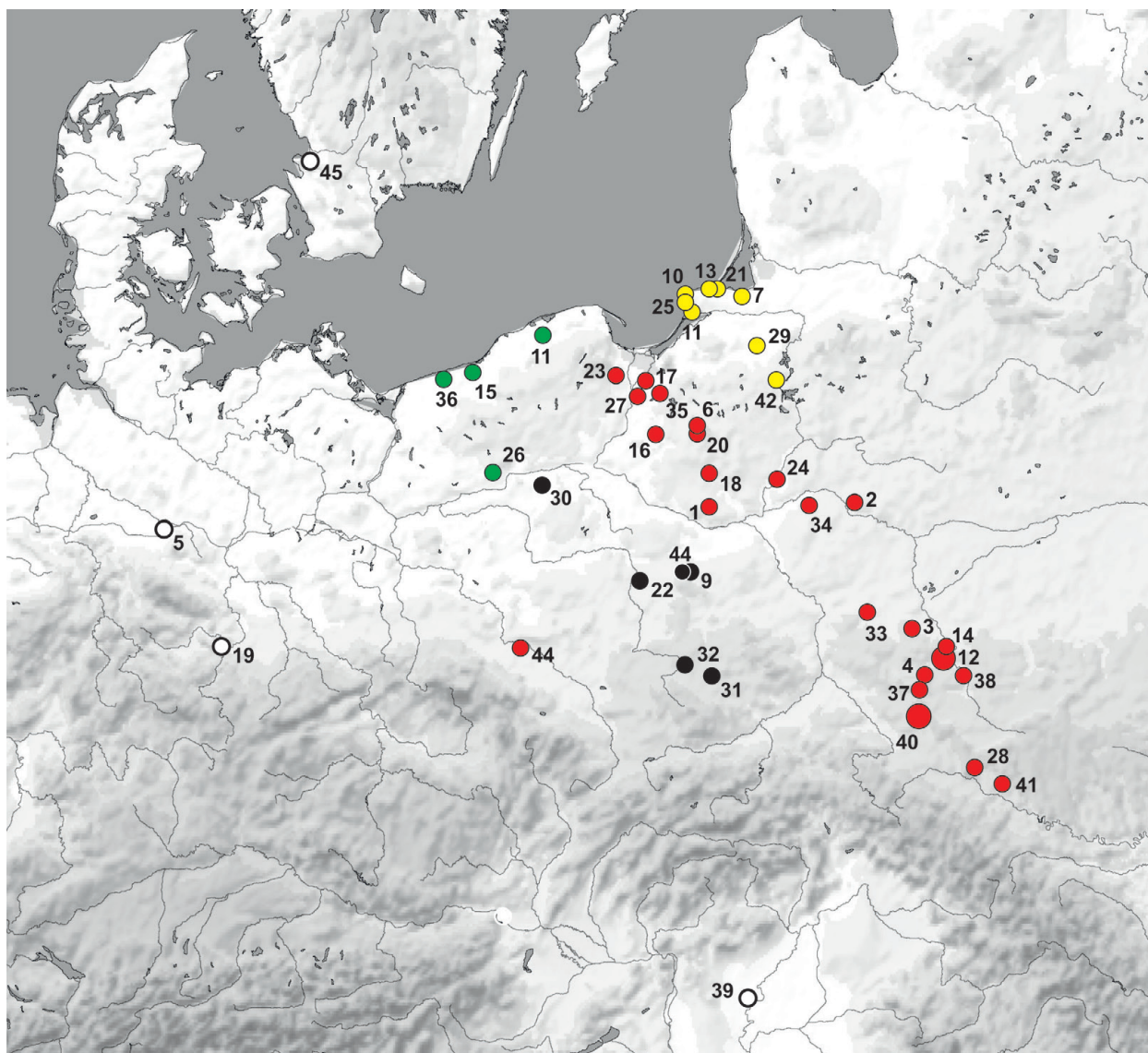


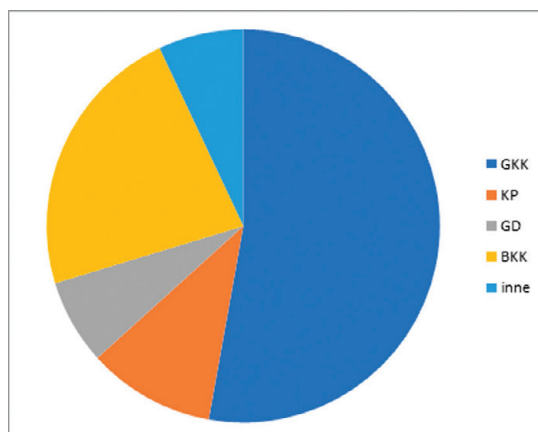
Рис. 1. Okucia dziobowate z okolic Czermna (a) i z Chełma (b). (Rys. N. Kisiel i T. Mazurek).



Рис. 2. Okucia dziobowate z okolic Czermna (a) i z Chełma (b). (Fot. A. Kokowski i T. Mazurek).



**Ryc. 3.** Rozprzestrzenienie dziobowatych okuc końca pasa, kolor: czerwony – okucia z gockiego kręgu kulturowego; żółty – okucia bałtyjskiego kręgu kulturowego; czarny – okucia przeworskie; biały – okucia inne. Numer na mapie odpowiada numerowi w tabeli I.



**Ryc. 4.** Procentowy udział dziobowatych okuc końca pasa w poszczególnych kulturach. Skróty jak w tabeli I (Rys. A. Kokowski).



## К статье А.В. Мастыковой

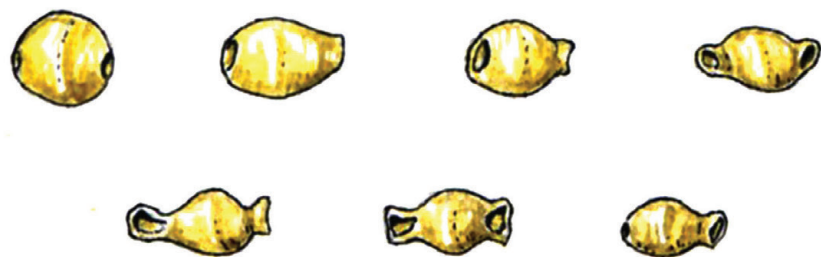


1



2

**Рис. 1.** Золотые эллипсоидной формы бусы в составе ожерелий.  
1 – Вранья, погребение 1. Фото А.В. Мастыковой.  
2 – Тесарски Млинани, погребение 25. Фото М. Руткаи.



1



2

**Рис. 2.** Золотые бусы веретеновидной и эллипсоидной формы.  
1 – Виминациум, погребение 1582. Рисунок С.Л. Богаченко.  
2 – Сентеш-Надьхедь, погребение 84.  
по: Germanen, 1987, Taf. 29.





1



2

**Рис. 3.** Ожерелья с золотыми полиэдрическими бусами.

1 – клад Нэкс, кольцо из золотых многогранников.

по: Catalogue en ligne. Cabinet des médailles, № 56.119.

2 – клад Нэкс, кольцо с гранатовыми (стеклянными?) и золотыми бусами.

по: Catalogue en ligne. Cabinet des médailles, № 56.121.



1



2

**Рис. 4.** Золотые бусы в форме многогранников.

1 – могильник Левоподкумский 1, находки из курганов 1 и 2.

по: Коробов и др., 2014, рис. XII: 3, 4.

2 – Карсиум, находки из склепа С1.

по: Goldhelm, 1994, cat. 89. 1, 2.



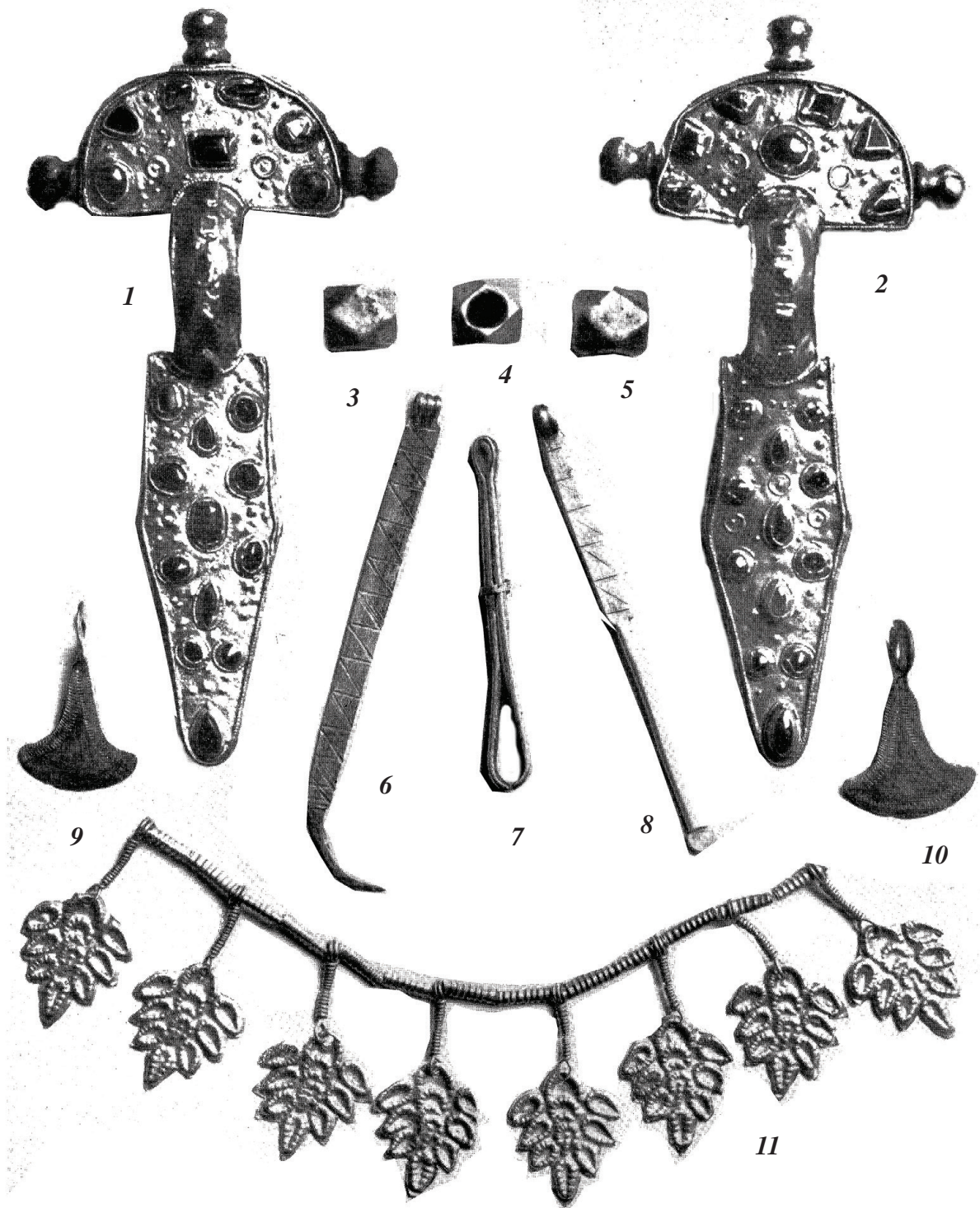


Рис. 5. Находки из погребения Рабапордань.  
по: Alföldi, 1932, Taf. X.





**Рис. 6.** Ранневизантийский клад из Кесарии.  
по: Marina de Marchi, 2008, p. 574, 575.



К статье О.С. Румянцевой, С.В. Воронятова, А.А. Трифонова

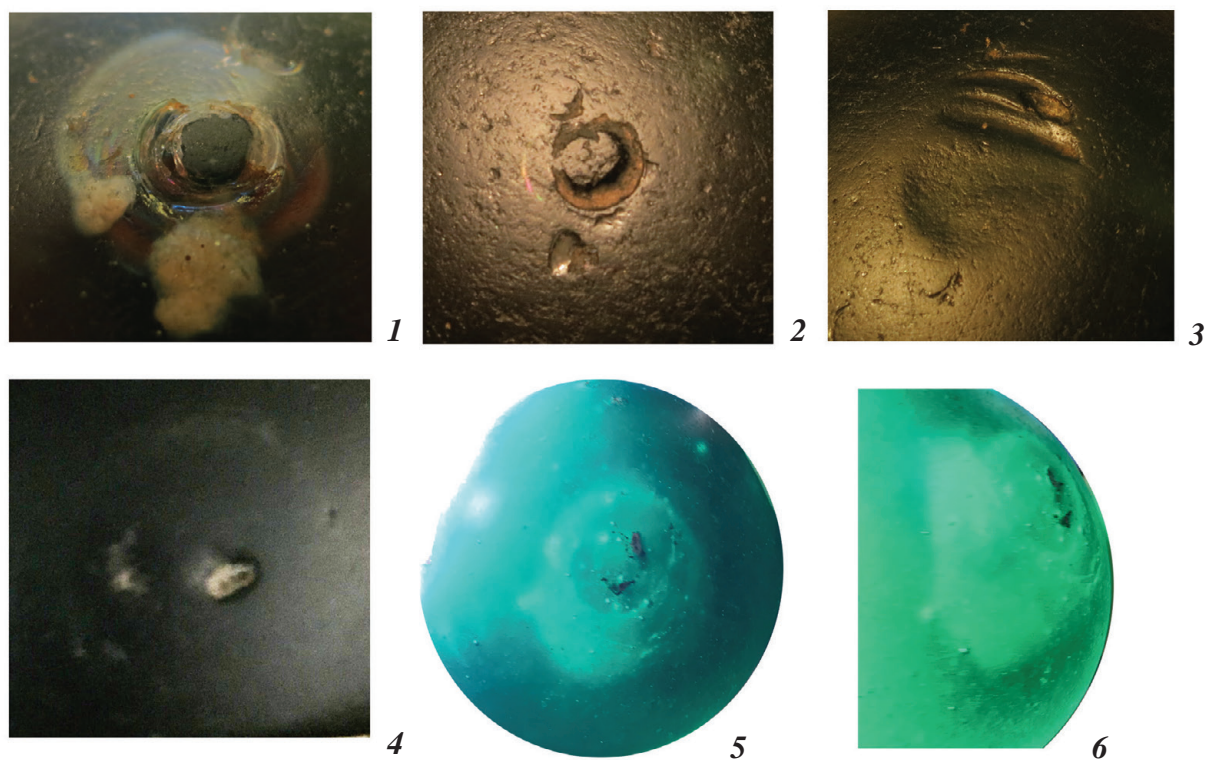


**Рис. 1.** Стекланный шар из коллекции С.С. Гамченко. ©Государственный Эрмитаж.  
Фото М.А. Печкуровой.



**Рис. 3.** Стекланный кубок из коллекции С.С. Гамченко. Высота 18 см, диаметр края венчика 10 см.  
©Государственный Эрмитаж. Фото М.А. Печуровой.





**Рис. 5.** Стекланный шар, технологические детали (без масштаба). Фото авторов.

К статье А.М. Обломского, И.А. Сапрыкиной

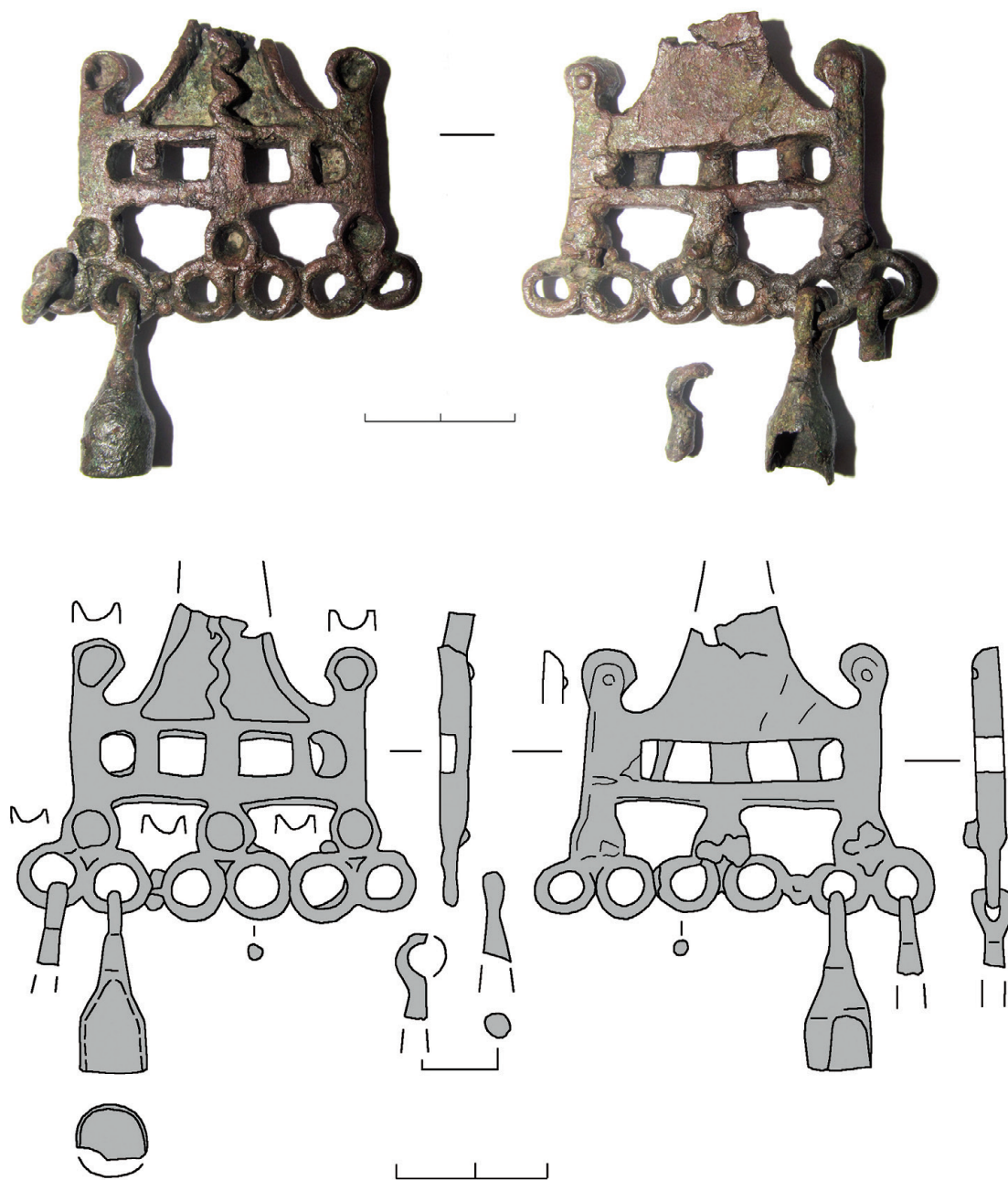


Рис. 1. Украшение из Тюнино (рисунок и фото А.М. Обломского).



**Рис. 2.** Схематический план участка между селами Тюнино и Мирное. Красным кружком обозначено приблизительное место находки шумящего украшения (основа – карта «Яндекс»).



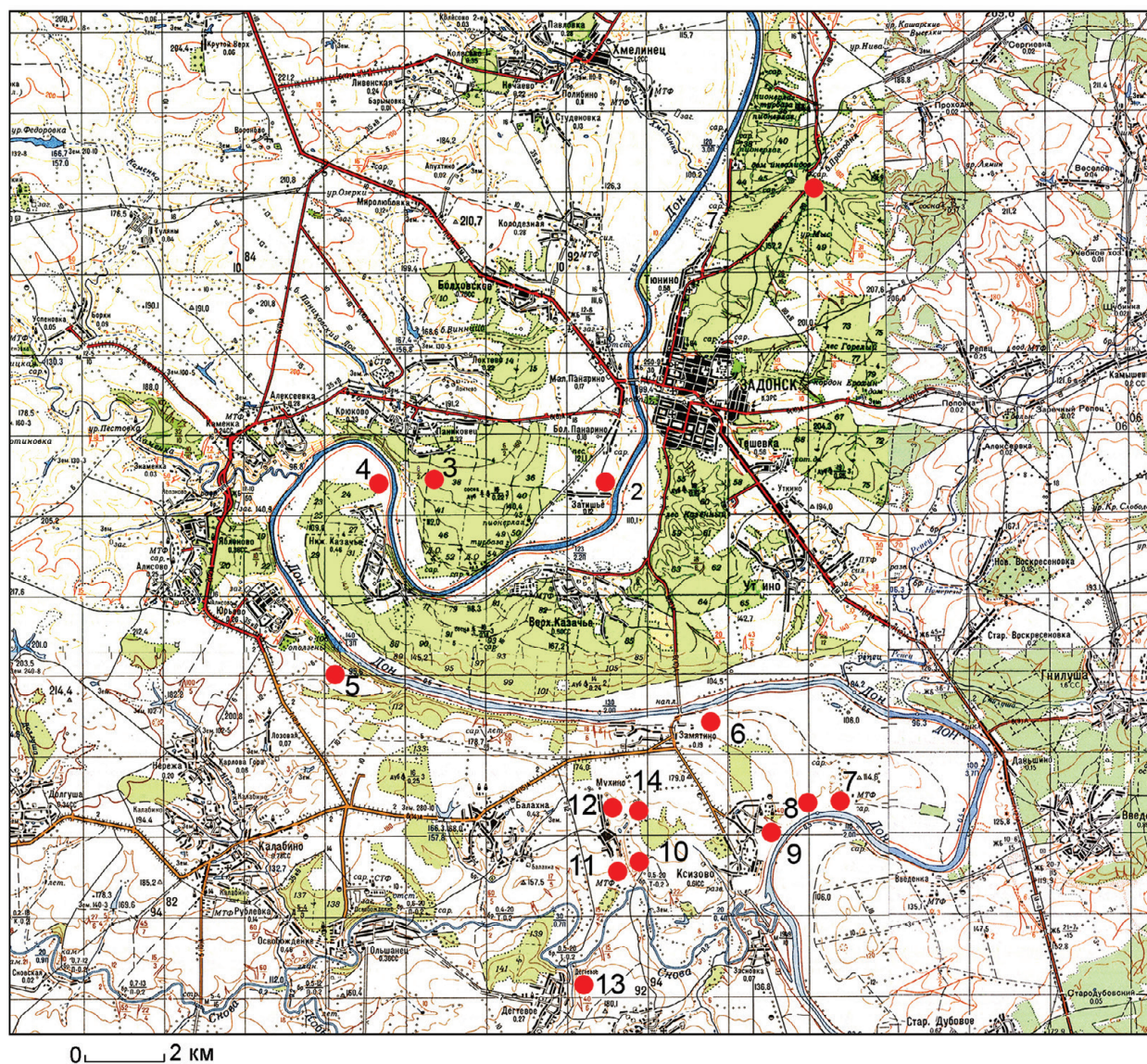
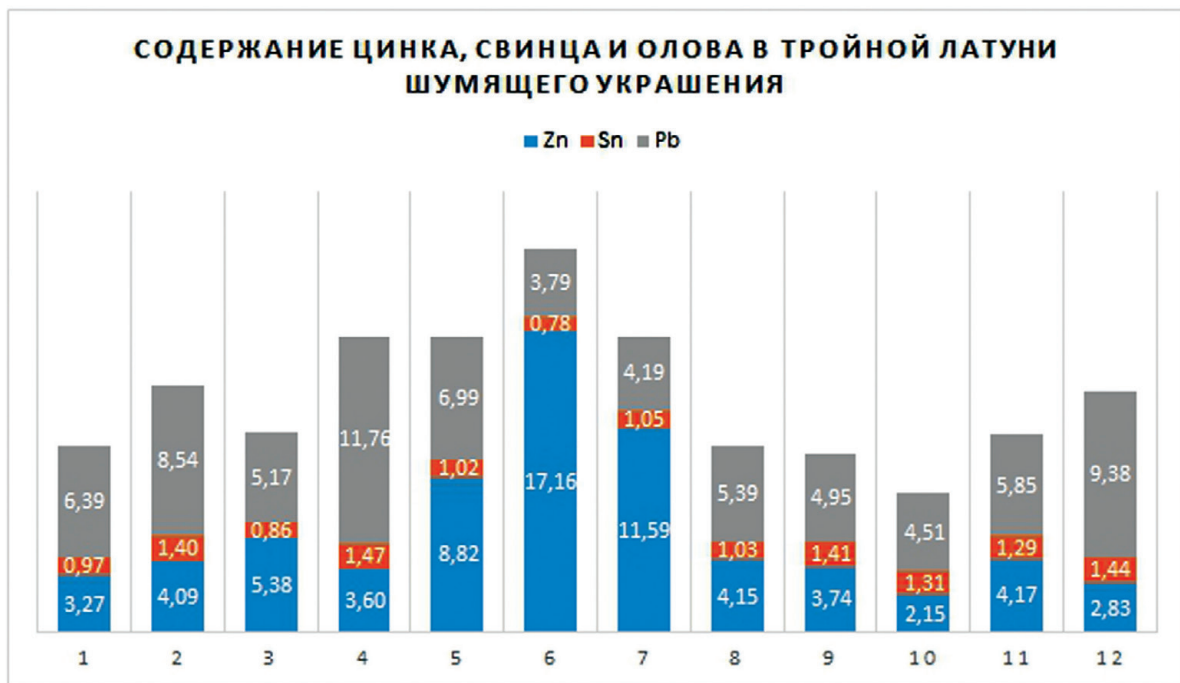


Рис. 3. Карта находок с выемчатыми эмальями на Острой Луке Дона.

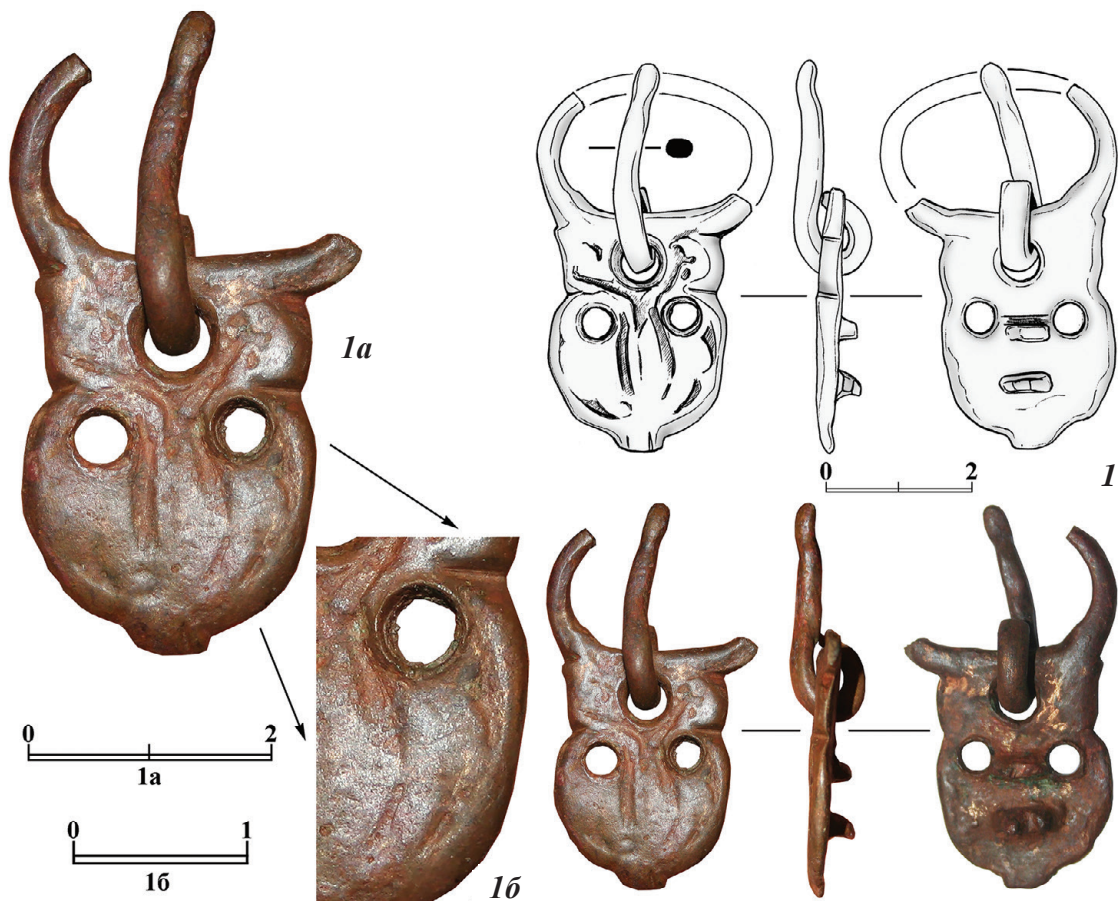
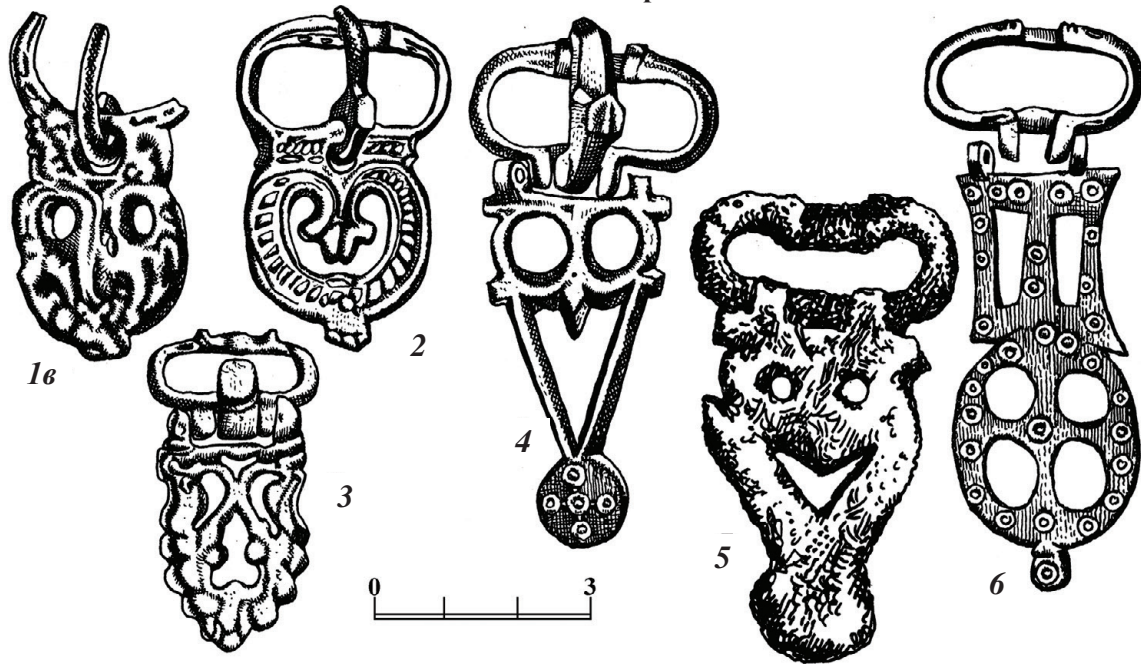
1 – Тюнино; 2 – Затишье; 3 – Паниковец, клад и вещи вне клада; 4 – Нижнее Казачье-10, клад; 5 – Замятино-Юрьево, клад (точное место находки неизвестно); 6 – Замятино-5; 7 – Ксизово-19; 8 – Ксизово-17; 9 – Ксизово-18; 10 – Мухино-7; 11 – Мухино-2; 12 – Мухино-9; 13 – Дегтевое (точное место находки не известно); 14 – Мухино, к востоку (через овраг) от городища.



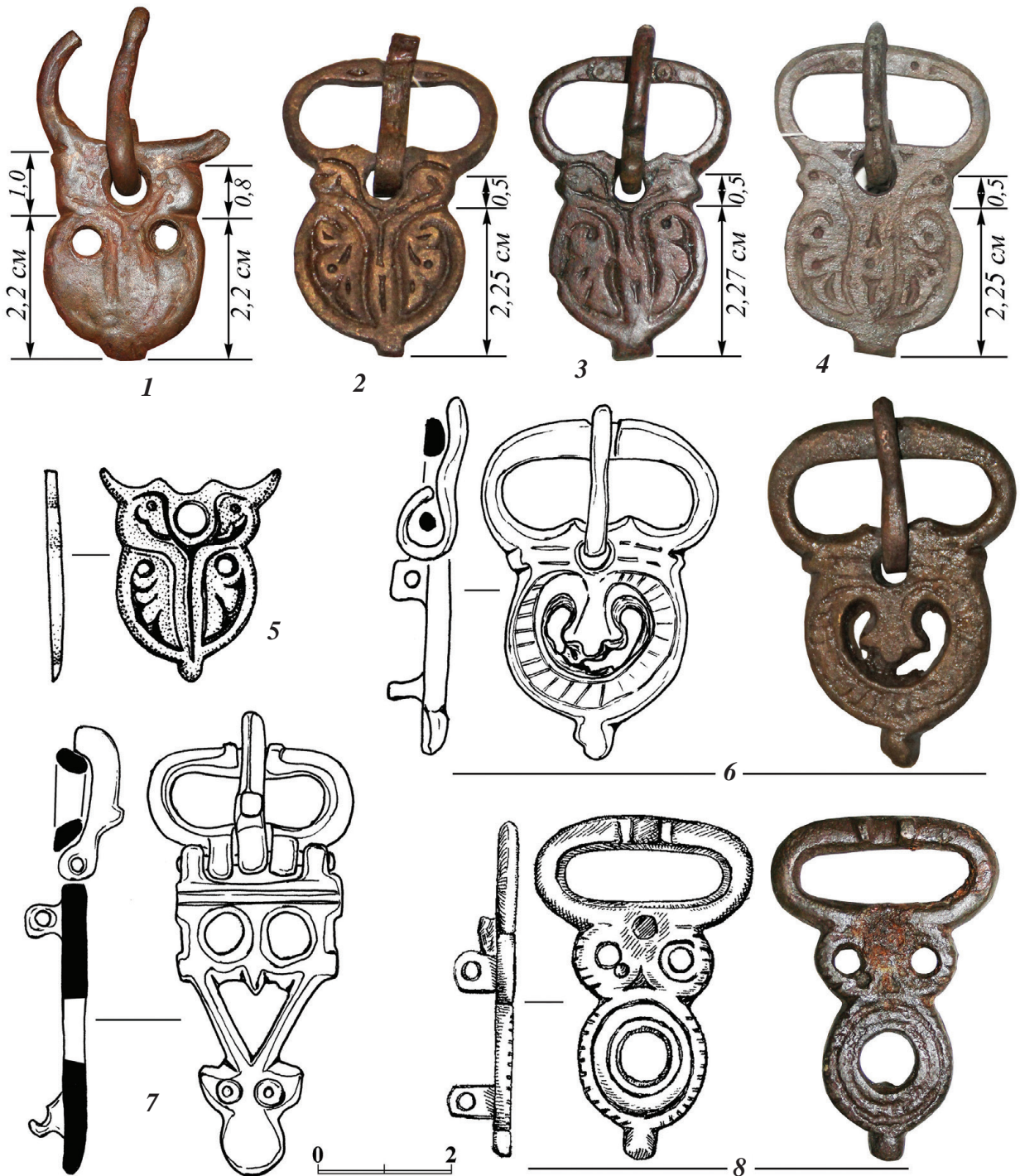


**Рис. 5.** Гистограмма содержания цинка, свинца и олова в тройной латуни (CuZnPb) шумящего украшения из Тюнино.

## К статье Э.А. Хайрединовой



**Рис. 1.** Могильник Узень-Баш, Юго-Западный Крым. Пряжки из склепа 1/1926 г. 1 – пряжка типа «Сиракузы» (а – увеличенное фото; б – увеличенная деталь щитка с отверстием, в котором сохранился натек металла; в – рисунок пряжки в публикации 1993 г.); 2 – цельнолитая пряжка варианта П-5 с прорезным трилистником на щитке; 3–6 – шарнирные пряжки (3 – с фигурным ажурным щитком; 4, 5 – типа «Коринф», вариант 9-2; 6 – типа «Эски-Кермен», вариант 6-4). 1, 1а, 1б – фото и рисунок автора; 1в, 3–6 – по: Айбабина, 1993, рис. П: 1–3,5–7.



**Рис. 2.** Византийские пряжки из Юго-Западного Крыма (1–4, 6–8) и Венгрии (5).

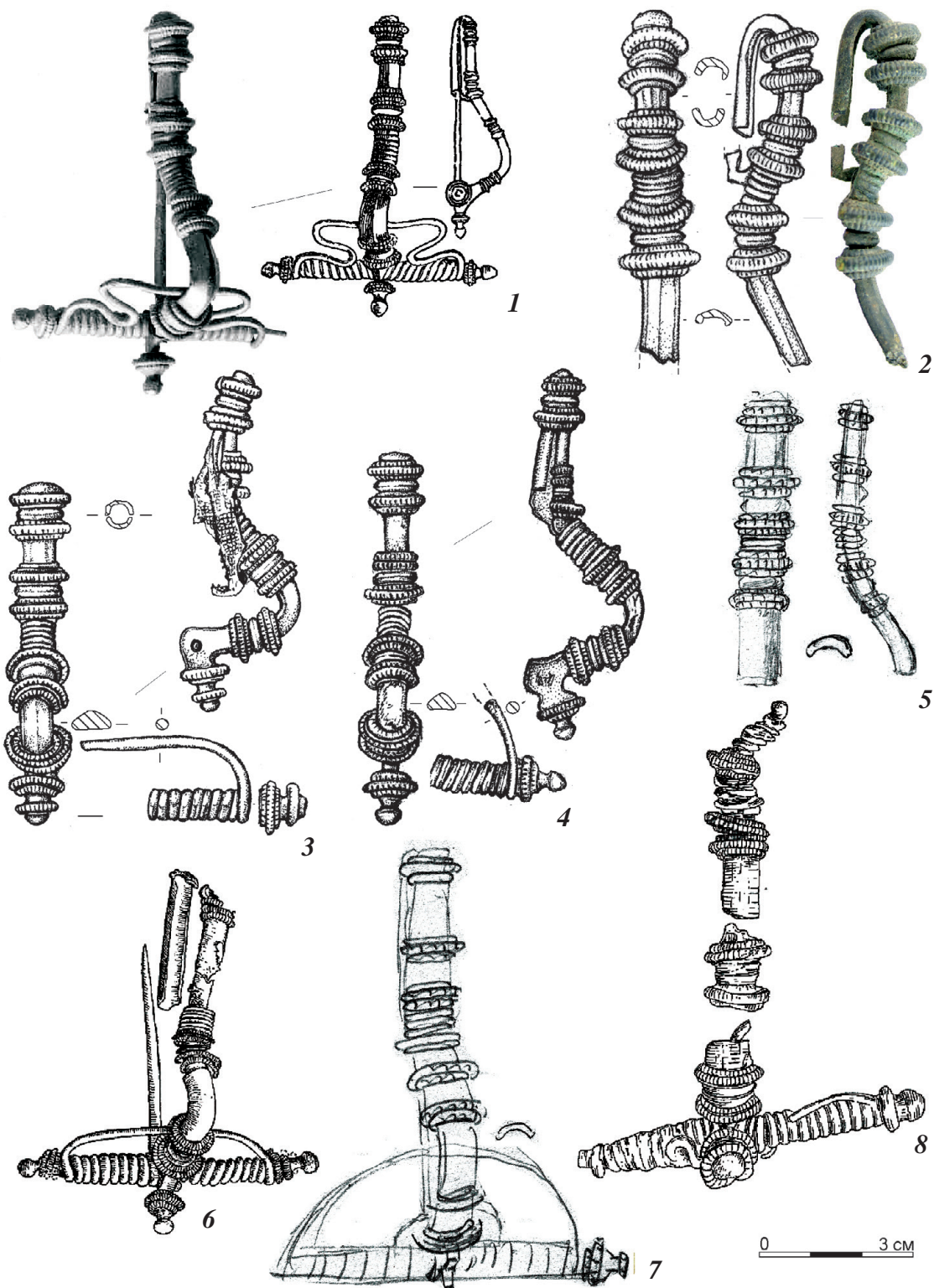
1–5 – пряжки типа «Сиракузы»; 6 – пряжка варианта П-5 с прорезным трилистником на щитке; 7 – шарнирная пряжка типа «Коринф» варианта 9-1; 8 – пряжка с щитком щитком в виде двух маленьких и одного большого диска варианта П-12.

1 – Узень-Баш, склеп 1/1926 г.; 2–4, 6–8 – Лучистое (2, 6, 7 – склеп 54; 3 – склеп 122а; 4 – склеп 43; 8 – склеп 39); 5 – Селевень.

1–4, 6–8 – фото и рисунок автора; 5 – по: Garam, 2001, Taf. 60: 4.



## К статье О.А. Хомяковой



**Рис. 1.** Фибулы типа А.167 с признаками «больших арбалетовидных»:

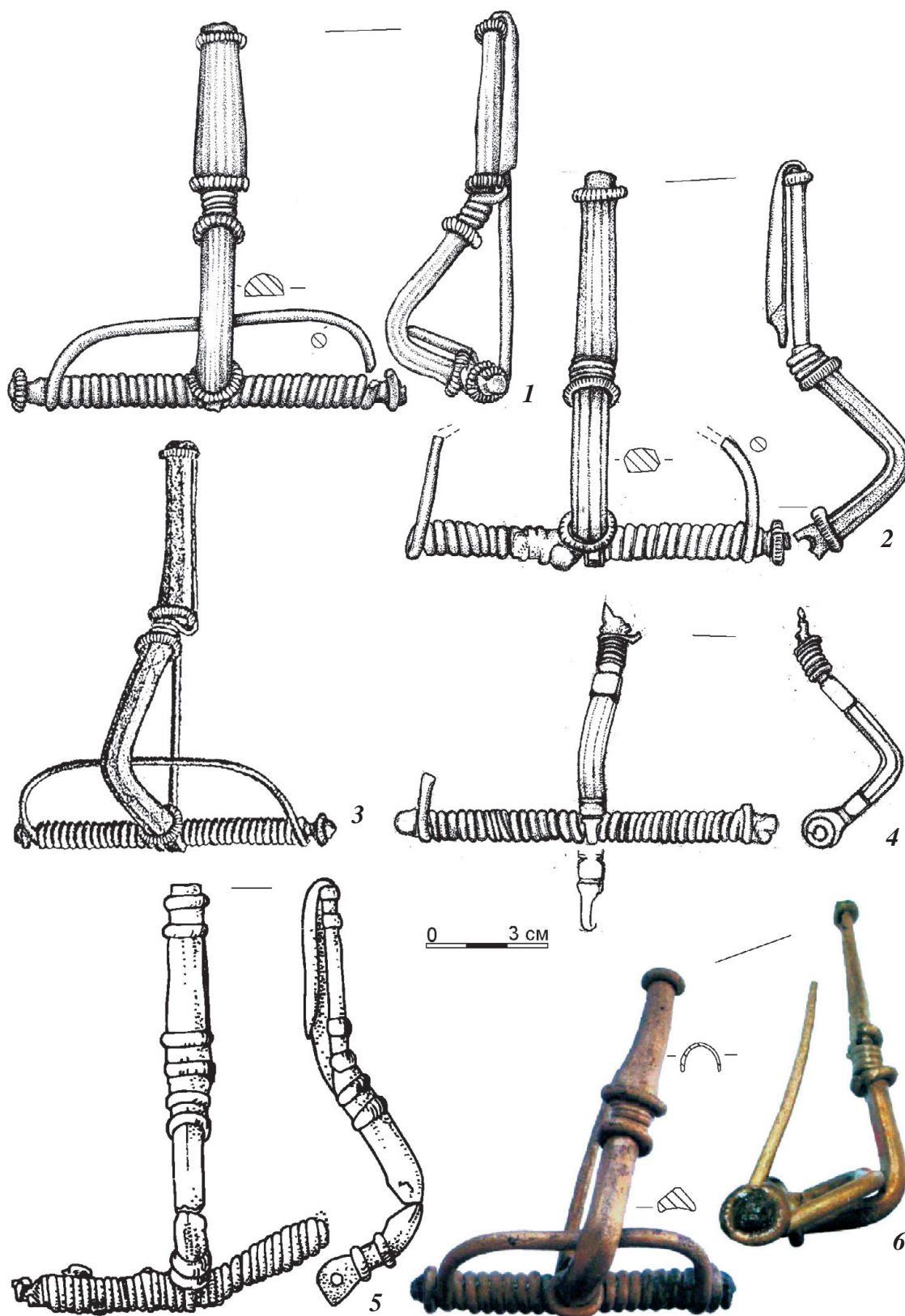
1 – Синявино/Kampischkehmen, находка вне комплекса; 2 – Окунево/Grebeten-123; 3 – Окунево/Grebeten (Nörd)-36; 4 – Окунево/Grebeten (Nörd)-157; 5 – Бабита/Babieten-A; 6 – Нетта/Netta-138A; 7 – Грунайки/Greneiken-D5; 8 – Нетта/Netta-15a.

1 – по: Almgren, 1923. S. 78, 241. Taf. VII: 167, Günther, Voss, 1880. Taf. 9:402; 2–4 – по: SMB-PK MVF, фото и рис. О. Хомяковой; 5, 7 – по: Bitner-Wróblewska et al., 2011. P. 103, 217; 6, 8 – по: Bitner-Wróblewska, 2007, Pl. LXXV: 11, IX:2.





**Рис. 2.** Фибулы группы VI «большие арбалетовидные» (GABF) с тремя кнопками: 1, 1а – Большое Исаково/Lauth-44; 2 – Окунево/Grebiten-70; 4 – Окунево/Grebiten Nörd-177; 4 – Коврово/Dollkeim-85; 5, 5а-б – Елановка/Wackern-31; 6 – Eisliethen I (1891)-194. 1а, 2, 4, 5 – по: КОИХМ и SMB-РК MVF: фото и рис. О. Хомяковой; 1 – по: Skvorzov, 2007, Taf. 52: 48; 3 – по: Günther, Voss, 1880, Taf. 9: 407; 6 – по: Khomiakova, 2012, Fig. 4: 4.

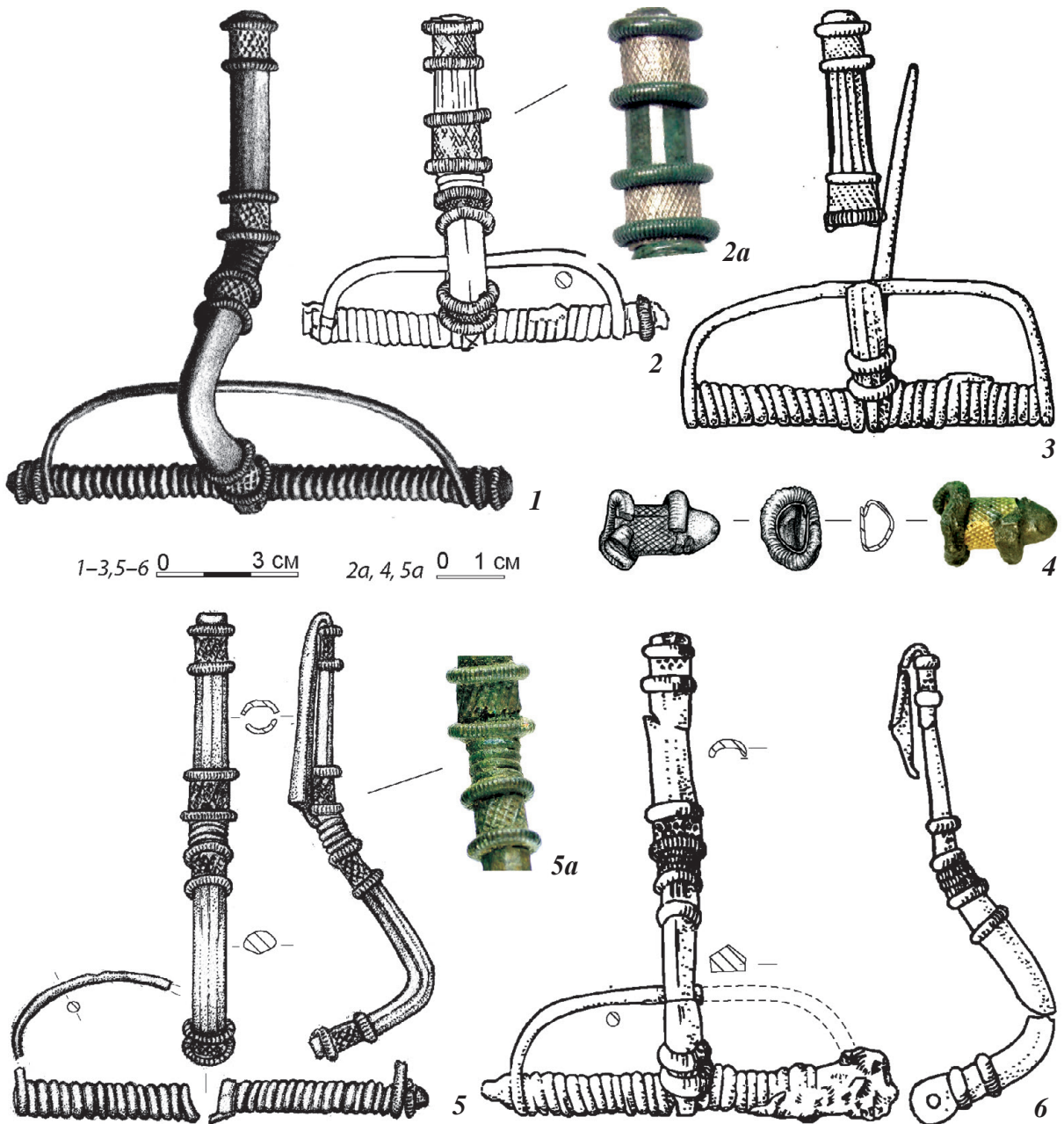


**Рис. 3.** Фибулы группы VI «большие арбалетовидные» (GABF)

(производные прогнутых подвязных А.161–162):

1 – Исаково/Lauth-158; 2 – Окунево/Grebieten-13; 3 – Коврово/Dollkeim-41; 4 – Окунево/Grebieten-70;  
5 – Доброе-204; 6 – Коврово/Dollkeim-258.

1–4, 6 – по: КОИХМ и SMB-ПК MVF: фото и рис. О. Хомяковой; 5 – по: Кулаков, 2003а, Рис. 117: 6, 7.



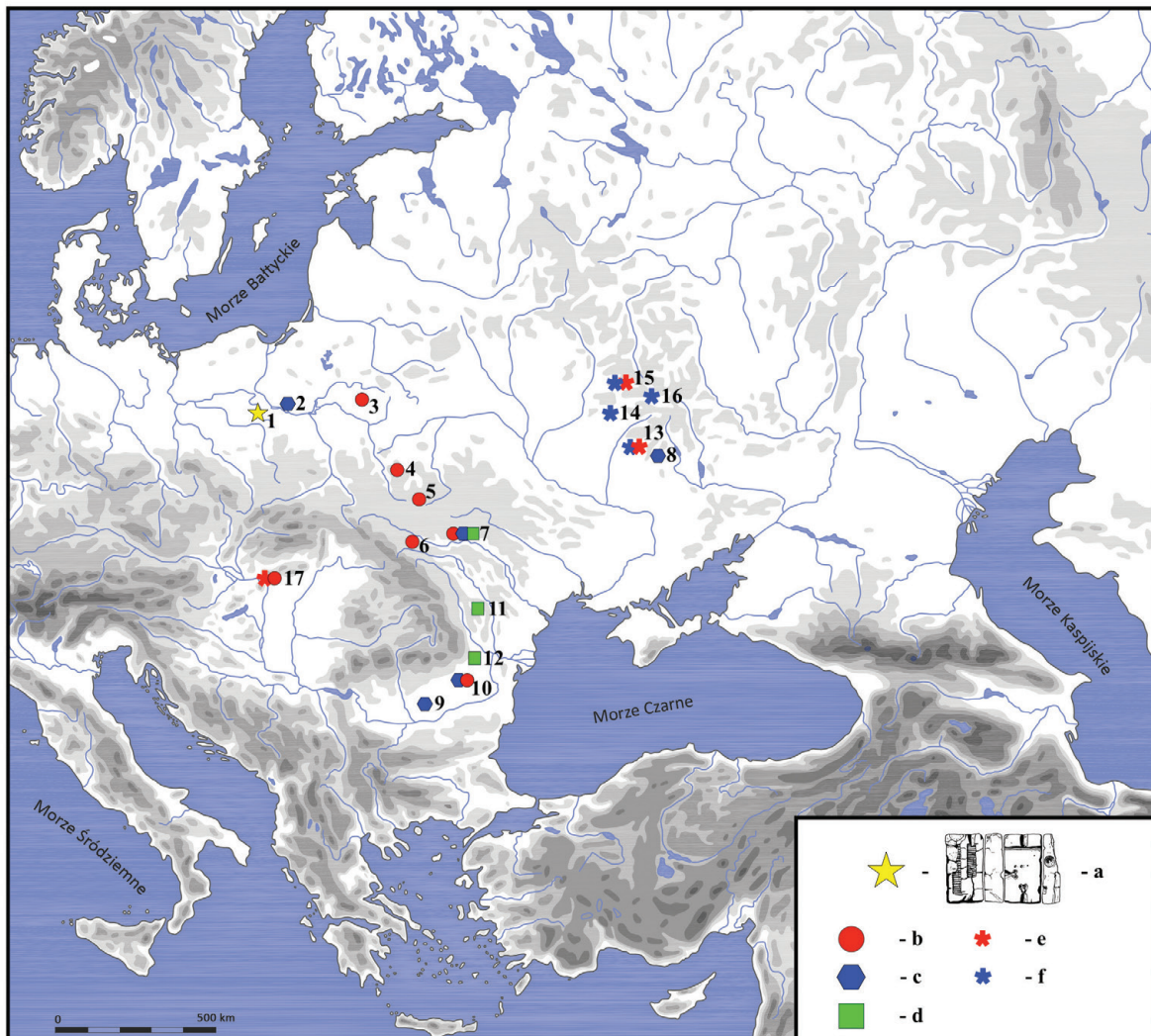
**Рис. 4.** Фибулы группы VI «большие арбалетовидные» (GABF) (производные прогнутых подвязных А.161–162) с декором типа III:

1 – Грейбай/Greibau-203а; 2 – Большое Исаково/Lauth-100; 3 – Коврово/Dollkeim-299; 4 – Логвино/Medenau-1; 5 – Окунево/Gebieten Nörd-185; 6 – Доброе-204 (1 экз.).

1 – по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. III: 24; 2, 4 – по Skvorzov, 2014, Fig. 3–3а; 3 – по: Кулаков, 2007, рис. 92; 5 – по: SMB-ПК MVF: рис. О. Хомяковой; 6 – по: Кулаков, 2005, рис. 15.



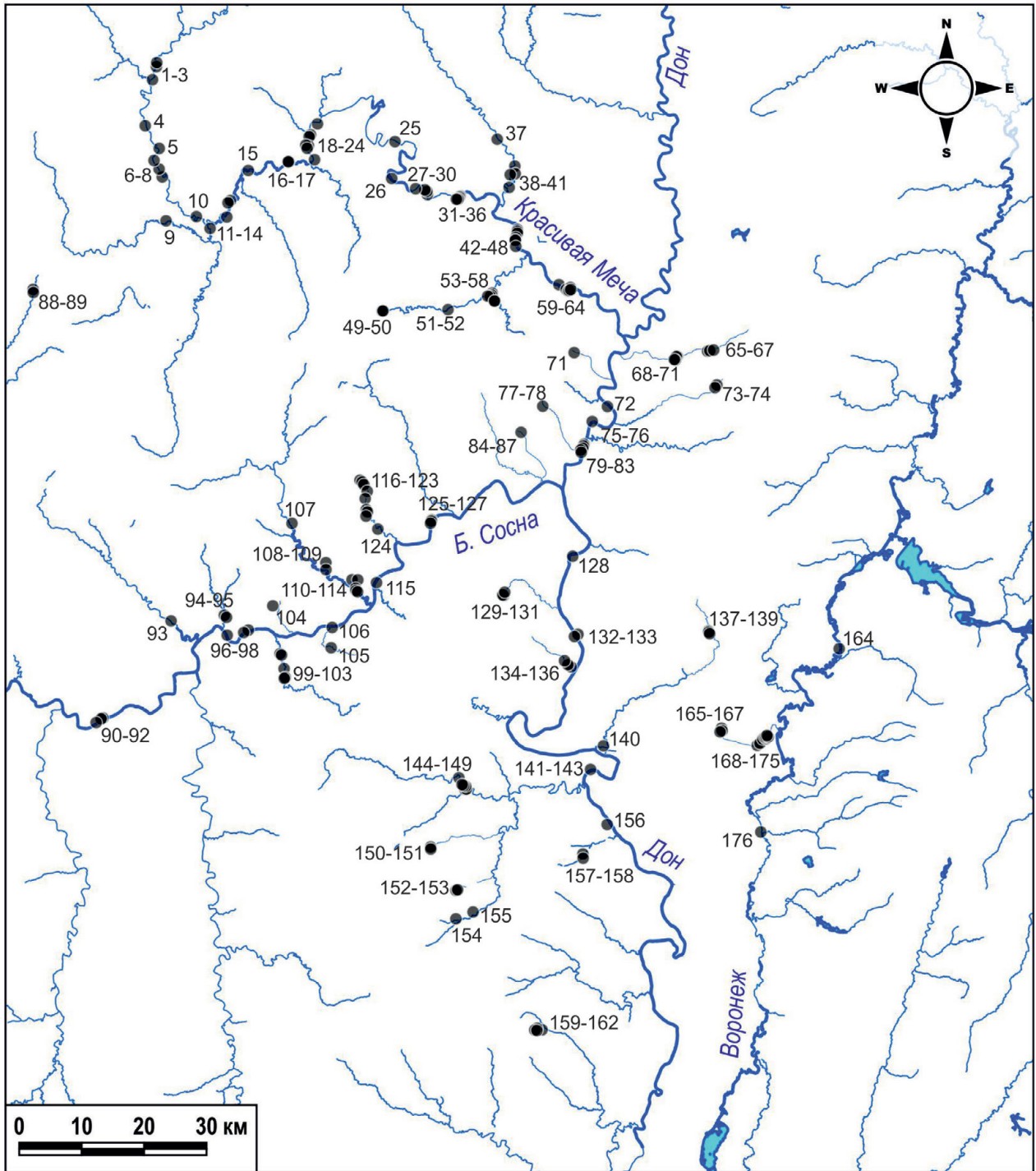
## К статье Б. Шмонеvского



**Рис. 6.** Rozmieszczenie stanowisk, na których odkryto formy odlewnicze omawiane w tekście: a – forma z Lachmirowic, b – formy z negatywami tzw. „wydłużonych prostokątów” c – z negatywami zdwojonych pierścieni, d – formy do odlewu stożków, e, f – przedmioty nawiązujące do negatywów z form: e – b i c – f. 1, 2 – Hački (Polska), 2- Szeligi (Polska), 4 – Hački (Polska), 4 - Zimno (Зимне), Ukraina; 5 – Pleśnik (Плінеськ), Ukraina, 6 – Czernówka 1 (Чорнівка-I); 7 – Bernaszówka (Бернашівка), Ukraina; 8 – Tsyrkuny-13 (Циркуни 13), Ukraina; 9 – Dulceanca, st. 1; Rumunia, 10 – Budureasca, stan. 4 i 5, Rumunia, 11 – Ștefan cel Mare, Rumunia; 12 – Coroteni, Rumunia; 13 – Koziwka/ Nowa Odesa (Козіївка/ Нова Одеса), Ukraina; 14 – Nyżnia Syrowatka (Нижня Сироватка), Rosja; 15 – Garonowo (Гапоново), Rosja; 16 – Smorodino (Смородино), Rosja; 17 – Vác, Węgry. Rys. Karolina Rosińska-Balik i Bartłomiej Sz. Szmoniewski.



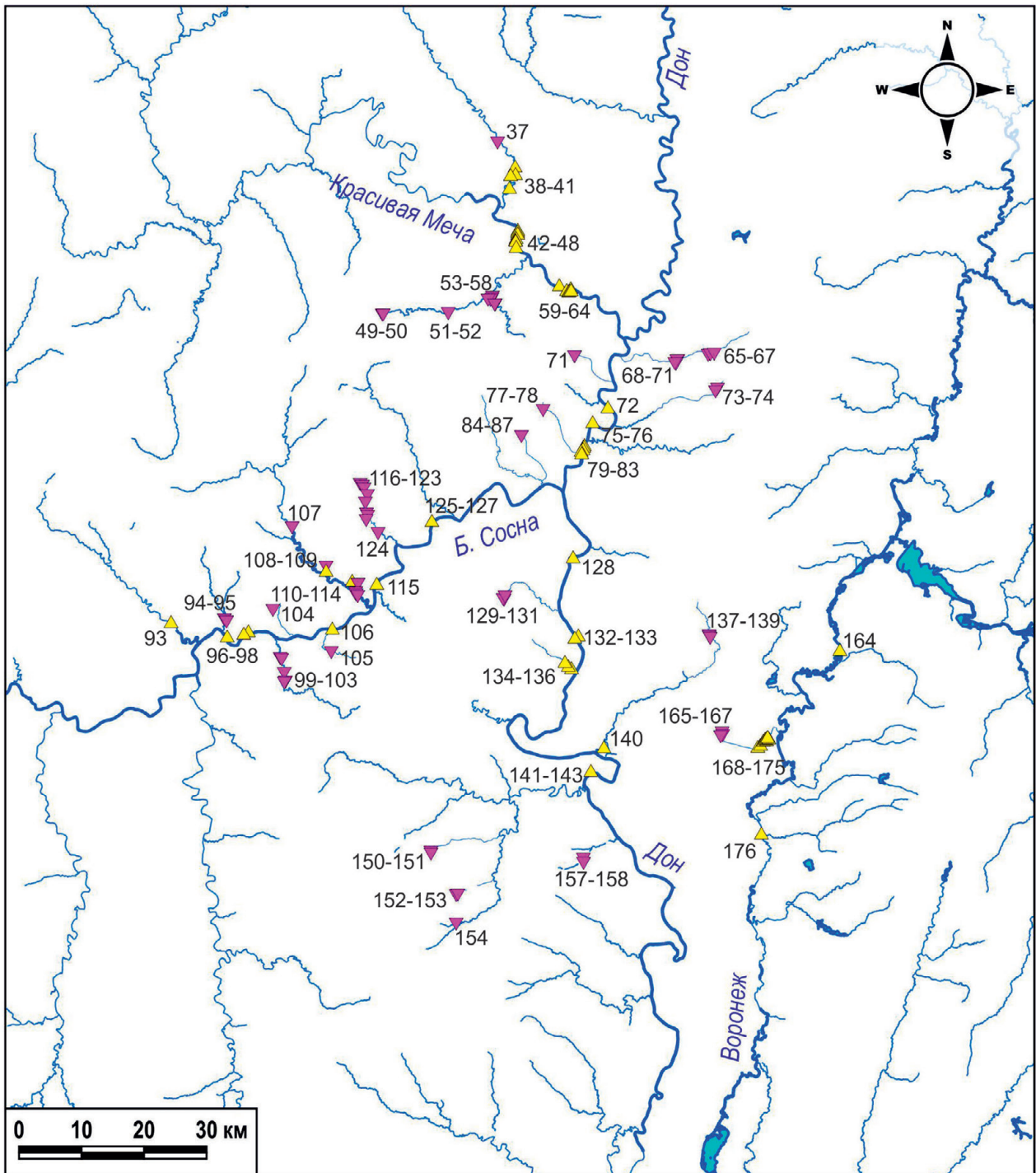
К статье Г.Л. Земцова, Д.В. Сарычева



↳ 163

**Рис. 1.** Карта памятников типа Каширки-Седелок.

1. Кадное (северный участок); 2. Кадное (южный участок); 3. Кадное, селище; 4. Яблонево; 5. Закопы, селище 1; 6. Большая Корчажка; 7. Круглое-3 (по О.А. Радюшу – Круглое-1); 8. Глинка-1; 9. Крюково-1; 10. Красивый-2; 11. Прилепы-1; 12. Иноземка-2; 13. Совхозный; 14. Иноземка; 15. Чернятино; 16. Ново-Красивое; 17. Благодать; 18. Кытино-5; 19. Кытино-4; 20. Кытино-3; 21. Малые Голубочки; 22. Большие Голубочки, селище; 23. Раздолье; 24. Сторожа, селище; 25. Лубянка-2; 26. Иштутино-2; 27. Калининский-1; 28. Алексеевка-3; 29. Алексеевка-2; 30. Алексеевка-1; 31. Хомяково, участок 6; 32. Хомяково, участок 5; 33. Хомяково, участок 4; 34. Хомяково, участок 3; 35. Хомяково, участок 2; 36. Хомяково, участок 1; 37. Воскресенское-1; 38. Орловка-4; 39. Орловка-2; 40. Орловка-3; 41. Стрелки-1; 42. Кузьминки-3, участок 3; 43. Кузьминки-3, участок 2; 44. Кузьминки-3, участок 1; 45. Малинки, участок 3; 46. Малинки, участок 2; 47. Малинки, участок 1; 48. Малинки-2; 49. Звягино-1; 50. Звягино-2; 51. Писарево; 52. Сухинино; 53. Коллектив-1, участок 1; 54. Коллектив-1, участок 2; 55. Коллектив-1, участок 3; 56. Коллектив-1, участок-4; 57. Каширка-1; 58. Каширка-2; 59. Мочилки, местонахождение-2; 60. Мочилки, местонахождение 1; 61. Мочилки-5; 62. Мочилки-4; 63. Мочилки-3; 64. Мочилки-2; 65. Поселение 3 у Хмелевского пруда; 65. Поселение 2 у Хмелевского пруда; 66. Поселение 1 у Хмелевского пруда; 67. Волотовские Озерки-4; 68. Волотовские Озерки-3; 69. Волотовские Озерки-2; 70. Волотовские Озерки-1; 71. Гребенкино-1; 72. Яблоново-4; 73. Куймань-2; 74. Куймань-1; 75. Яблоново-1; 76. Яблоново-2; 77. Скороварово-1; 78. Скороварово-2; 79. Отскачное-1, участок 5; 80. Отскачное-1, участок 4; 81. Отскачное-1, участок 3; 82. Отскачное-1, участок 2; 83. Отскачное-1, участок 1; 84. Лощина-1, участок 1; 85. Лощина-1, участок 2; 86. Лощина-1, участок 3; 87. Лощина-1, участок 4; 88. Пункт 3 по р. Любовша; 89. Пункт 2 по р. Любовша; 90. Пункт 19 (по А.В. Куза); 91. Пункт 20 (по А.В. Куза); 92. Пункт 21 (по А.В. Куза); 93. Слобода-Заречье-1; 94. Ясенок-2; 95. Ясенок-3; 96. Денисово-4; 97. Лобановка-1; 98. Лобановка-2-4; 99. Стрелец-2; 100. Стрелец-1; 101. Хитрово-1; 102. Котово, поселение 1; 103. Котово, селище-1; 104. Черемошный Верх; 105. Паниковец-1; 106. Приречье-1; 107. Казаки-1; 108. Дерновка-3; 109. Дерновка-1; 110. Нижний Воргол-2; 111. Нижний Воргол-14; 112. Нижний Воргол-5; 113. Нижний Воргол-8; 114. Нижний Воргол-9; 115. Лавское Правобережное поселение; 116. Подхорошее-4; 117. Подхорошее-3; 118. Подхорошее-2; 119. Подхорошее-1; 120. Пищулино-1; 121. Сазыкино-10; 122. Сазыкино-9; 123. Подхорошее-5; 124. Александровка-1; 125. Поселок Елецкий-7; 126. Трубицино-6; 127. Трубицино-5; 128. Галичья Гора; 129. Большие Извалы-1; 130. Большие Извалы-2; 131. Большие Извалы-3; 132. Кашары-2; 133. Ленинка-1; 134. Парусное-2; 135. Хмелинка-1; 136. Парусное-3; 137. Васильевка, участок 1; 138. Васильевка, участок 2; 139. Васильевка, участок 3; 140. Уткино-1; 141. Ксизово-16; 142. Ксизово-17; 143. Ксизово-19; 144. Долгуша, участок 6; 145. Долгуша, участок 1; 146. Долгуша, участок 2; 147. Долгуша, участок 3; 148. Долгуша, участок 5; 149. Долгуша, участок 4; 150. Ивановка-3; 151. Ивановка-4; 152. Большая Поляна-1; 153. Большая Поляна-2; 154. Новосильское-1; 155. Перекоповка-1; 156. Трещевка; 157. Седелки (северный участок); 158. Седелки (южный участок); 159. Малая Трещевка-3; 160. Малая Трещевка-2; 161. Малая Трещевка-1; 162. Трещевка-1; 163. Верхнее Турово; 164. Троицкое-8; 165. Ольховец-3; 166. Ольховец-2; 167. Ольховец-4; 168. Плотина-1; 169. Шанхай, местонахождение-3; 170. Шанхай-11; 171. Шанхай-2; 172. Шанхай-10; 173. Шанхай-9; 174. Шанхай-1; 175. Шанхай-8; 176. Курино-1.



**Рис. 2.** Группы памятников позднееримского времени (в пределах Липецкой области).  
Номера на карте соответствуют легенде к рис. 1.

## К статье И.В. Ислановой

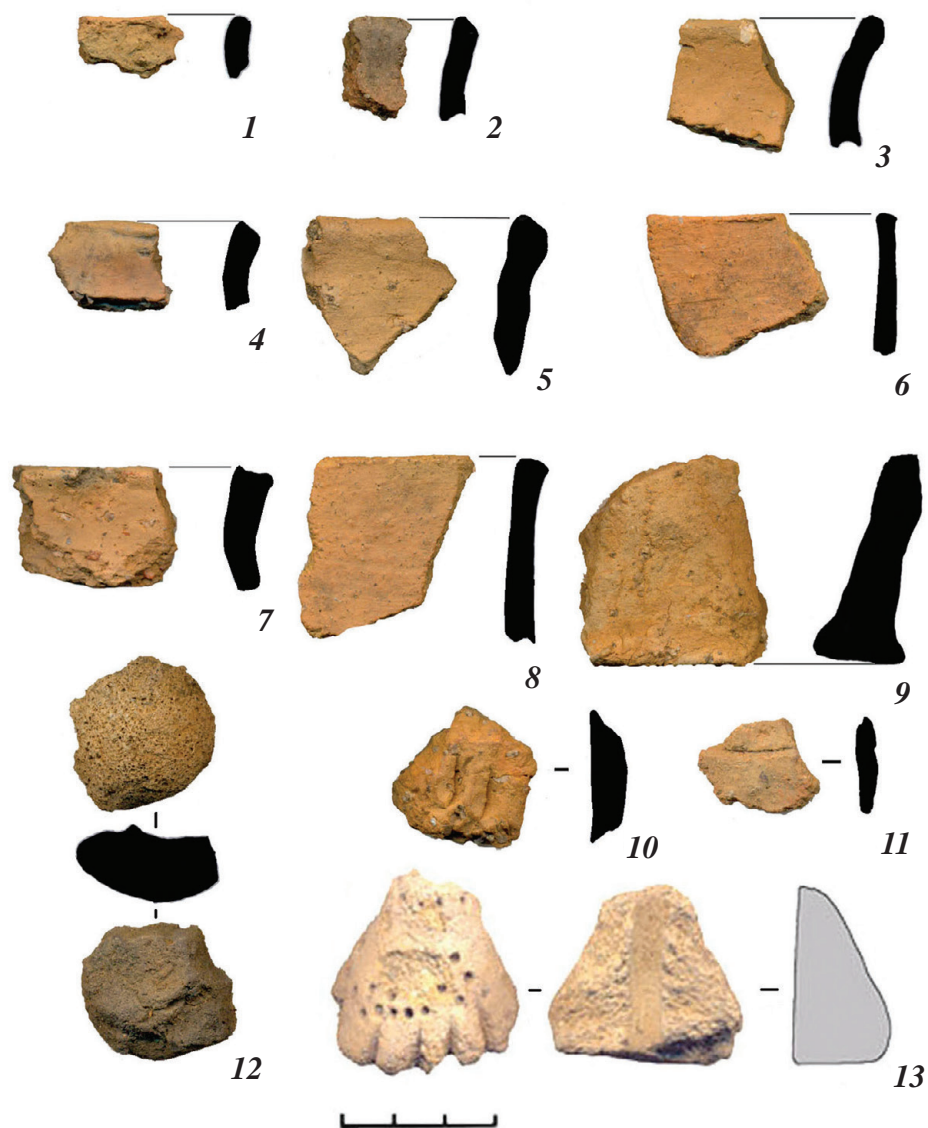
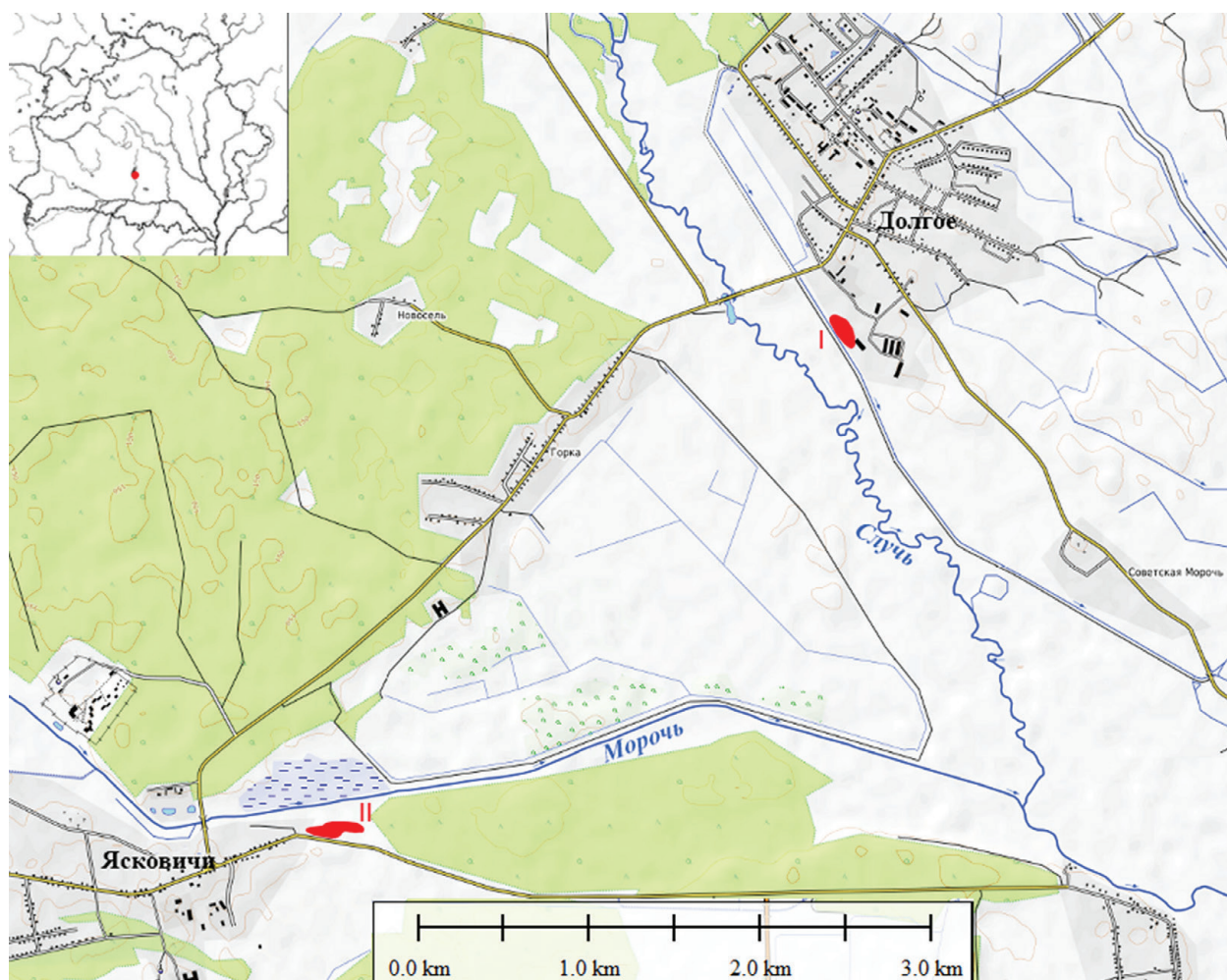


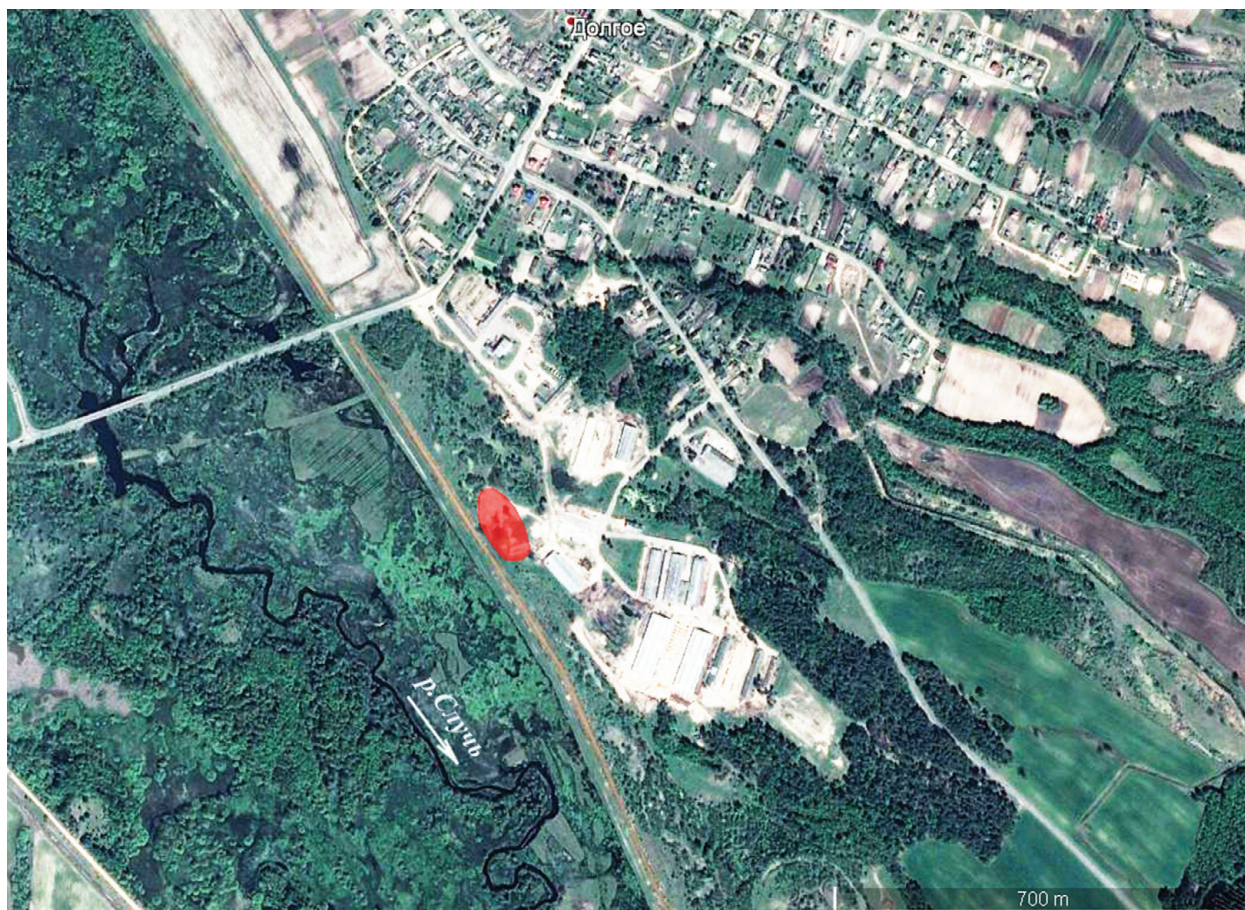
Рис. 6. Находки керамики и вещей с селища Дубок 1.



## К статье Е.Ф. Касюк



**Рис. 1.** Местоположение поселений Долгое 1 (I) и Яськовичи 1 (II). На врезке – размещение памятников на карте Беларуси.



**Рис. 2.** Расположение поселения Долгое-1 на спутниковом снимке системы Google Earth 2020.



## К статье А.А. Красноперова



1



2



3

Рис. 1. Сосуд из Тураево, к.Ш/п.1.

1 – Археологический музей Казанского (Поволжского) Федерального университета, колл. АКУ-238/21;  
 2 – из публикации (Генинг В.Ф., 1962, рис. 30: 1); 3 – из отчета (Генинг В.Ф., 1960, рис. 4).

## К статье Н.А. Кренке, И.Л. Максименко, Е.Ю. Тавлинцевой



Рис. 1. Находки с селища Жуковка.

1 – кремьнь; 2 – 6 – брoнза; 7, 8 – стекло; 9 – 12, 17–20, 26 – глина; 13–15, 21–25 – железо. №№ 2 – 8 рисунки из отчетов А.Г. Векслера.





## Сведения об авторах

**Айбабин Александр Ильич**, д.и.н., профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии древнего и средневекового Крыма, Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского.  
aleksandraibabin@rambler.ru

**Акимов Денис Валерьевич**, к.и.н., Воронежский государственный университет, исторический факультет, доцент кафедры политической истории.  
denisakimov@rambler.ru

**Ахмедов Илья Рафаэлевич**, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.  
i\_akhmedov@mail.ru

**Белицкая Анна Николаевна** (Бяліцкая Г.М.), Институт истории НАН Беларуси, научный сотрудник.  
hannabelitskaya@gmail.com

**Белевец Вадим Георгиевич** (Беявец В.Г.), к.и.н. кафедра археологии и специальных исторических дисциплин, Белорусский государственный университет, доцент.  
wadim.bielawiec@gmail.com

**Биркина Наталья Александровна**, Государственный исторический музей (Москва), м.н.с. отдела археологических памятников.  
dulebova\_natalya@mail.ru

**Бирюков Игорь Егорович**, ООО Научно-производственное объединение «Черноземье» (г. Липецк) начальник отдела археологии.  
bir89030322789@gmail.com

**Иван Бугарски**, д-р. Институт археологии, Белград (старший научный сотрудник).  
ivan.bugarski@gmail.com

**Вергей Валентина Сергеевна** (Вяргей В.С.), к.и.н.  
v.viarhej@gmail.com

**Воронцов Алексей Михайлович**, к.и.н., ученый секретарь Государственного музея-заповедника «Куликово поле».  
e-mail: amvorontsov@gmail.com

**Вороняттов Сергей Вячеславович**, к.и.н., Государственный Эрмитаж, хранитель, младший научный сотрудник.  
s.voroniatov@gmail.com

**Голотвин Александр Николаевич**, к.и.н., генеральный директор ООО «Археологический парк «Аргамач».  
golotwin@mail.ru

**Горбаненко Сергей Анатольевич**, к.и.н. Институт археологии НАН Украины, старший научный сотрудник.  
gorbanenko@gmail.com

**Демиденко Сергей Викторович**, к.и.н., научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии Российской академии наук.  
svdemidenko@hotmail.com

**Земцов Григорий Леонидович**, к.и.н., доцент Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского.  
grizem@rambler.ru

**Исланова Инна Васильевна**, д.и.н., старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья.  
ivisl@mail.ru

**Иштванович Эстер**, к.и.н., музей им. Андраша Йожа, археолог – главный музейвед.  
istvanov@josamuzeum.hu

**Кадиева Анна Анатольевна**, научный сотрудник Отдела археологических памятников, Государственный исторический музей (Москва).  
adelgeida85@mail.ru

**Касюк Елена Фёдоровна**, научный сотрудник отдела археологии средних веков и нового времени Института истории НАН Беларуси.  
kasiuk2585@gmail.com

**Красноперов Александр Анатольевич**, к.и.н., научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского Института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.  
khaa.alec@gmail.com

**Кренке Николай Александрович**, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела археологии Москвы Института археологии РАН.  
nkrenke@mail.ru

**Кульчар Валерия**, к.и.н. Университет Сегеда, доцент.  
vkulcsar58@gmail.com

**Кызласов Игорь Леонидович**, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН.  
kyzlasovil@mail.ru

**Любичев Михаил Васильевич** (Liubichev M.V.), д.и.н. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, профессор, начальник Германо-Славянской археологической экспедиции.  
gsae@karazin.ua

**Максименко Ирина Леонидовна**, зам. начальника научно-хранительского отдела «Археология» Музея Москвы.  
maxi-irina@yandex.ru

**Мастыкова Анна Владимировна**, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН  
amastykova@mail.ru

**Обломский Андрей Михайлович**, д.и.н., заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН.  
oblomsky\_a@rambler.ru

**Румянцева Ольга Сергеевна**, к.и.н., научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН.  
o.roumiantseva@mail.ru

**Сапрыкина Ирина Анатольевна**, к.и.н., научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН.  
dolmen200@mail.ru

**Сарычев Дмитрий Владимирович**, преподаватель Воронежского государственного университета.  
sarychev.geo@gmail.com

**Столярков Евгений Васильевич**, к.и.н., заведующий отделом археологических исследований Государственного музея-заповедника «Куликово поле».  
stolarov\_e@mail.ru

**Тавлинцева Екатерина Юрьевна**, к.и.н., зав. сектором научно-просветительной работы отдела «Старый Английский двор» Музея Москвы.  
tavlintseva@gmail.com

**Трифонов Александр Андреевич**, ООО «ОПТЭК», научный консультант.  
blast\_88@mail.ru

**Хайрединова Эльзара Айдеровна**, к.и.н., зав. отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН.  
khairedinovaz@rambler.ru

**Хомякова Ольга Алексеевна**, к.и.н., научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов Института археологии РАН.  
olga.homiakova@gmail.com

**Чхаидзе Виктор Николаевич**, к.и.н., научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН.  
chkhaidze.v@yandex.ru

**Шультце Эрдмуте (Schultze E.)**, д-р Евроазиатский отдел Германского археологического института, научный сотрудник.  
Erdmute.Schultze@dainst.de

**Kisiel Natalia**, Świdnik – Poland.  
nkisiel95@wp.pl

**Kokowski Andrzej**, dr. Instytut Archeologii, Uniwersytet Marii Curie Skłodowskiej w Lublinie.  
berig1@gazeta.pl

**Mazurek Teresa**, Muzeum Ziemi Chełmskiej im. W. Ambroziewicza.  
teresamazurek42@gmail.com

**Szmoniewski Bartłomiej Szymon, dr.**, Ośrodek Archeologii Gór i Wyżyn, Instytut Archeologii i Etnologii PAN, Kraków, Polska. Faculty of Letters, Soka University, Tokyo, Japan.  
bartheque@yahoo.fr



## Список сокращений

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан  
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края  
 БГУ – Белорусский государственный университет  
 ВГУ – Воронежский государственный университет  
 ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік  
 ГДУ – Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт  
 ГИМ – Государственный исторический музей  
 ГМЗ «КП» – Государственный музей-заповедник «Куликово поле»  
 ИА РАН – Институт археологии РАН  
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН  
 ІА НАН України – Інститут археології НАН України  
 ІГ БАН – Інстытут гісторыі Беларускай акадэміі навук  
 КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей  
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии  
 ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет имени  
 П.П. Семенова-Тян-Шанского  
 МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі  
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии  
 МГУ имени Н.П. Огарева – Мордовский государственный университет  
 им. Н.П. Огарева  
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАН Украины  
 РА – Российская археология  
 СА – Советская археология  
 САИ – Свод археологических источников  
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина  
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- ActaAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae  
 AINV – Association Française pour l’Histoire du Verre  
 AÚ AV ČR Brno – Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky Brno  
 IAUI – Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego  
 MAB – Monumenta archaeologica barbarica. Warszawa  
 RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum  
 SMB-PK MVF – Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz,  
 Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

# Содержание

К юбилею Игоря Олеговича Гавритухина (А.М. Обломский).....	6
Список публикаций И.О. Гавритухина за 1988–2019 гг. ....	9

## Часть 1. История вещей и ремесел

<i>А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова.</i> Новые комплексы с пряжкой типа «Сиракузы» из могильника у с. Лучистое.....	27
<i>A.I. Aibabin, E.A. Khayredinova.</i> New complexes with a buckle of "Syracuse" type from the burial ground near the the village of Luchistoe .....	31
<i>И.Р. Ахмедов.</i> Фибулы «AVCISSA» в Посурье и Поочье .....	36
<i>I.R. Ahmedov.</i> Fibulae "AVCISSA" in the Sura and Oka rivers areas.....	44
<i>Г.М. Бяліцкая.</i> Аб знаходках упрыгажэнняў пастырскага тыпу ў Прыпяцкім Палессі.....	49
<i>G.M. Belitskaya.</i> On the findings of decorations of Pastyrskoje type in the Pripyat Polesye region .....	52
<i>Н.А. Биркина.</i> Инструменты ювелиров круга восточноевропейских эмалей (по материалам вещей з собрания Исторического музея) .....	54
<i>N.A. Birkina.</i> Jewelers' tools of the East European enamels range .....	58
<i>И. Бугарски.</i> Пряжка из Врченовацкого городища и византийские находки середины и второй половины VII в. из Сербского Поморавья.....	59
<i>I. Bugarski.</i> The buckle from Vrćenovac hillfort and Byzantine finds from the middle and the second half f the seventh century in the Serbian Morava region.....	64
<i>А.М. Воронцов, Е.В. Столяров.</i> Восточноевропейские сильно профилированные фибулы с территории Окско-Донского водораздела.....	67
<i>A.M. Vorontsov, E.V. Stolyarov.</i> East European strongly profiled fibulae from the territory of the Oka-Don watershed .....	72
<i>А.А. Кадиева, С.В. Демиденко.</i> Фибулы первых веков нашей эры из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2016–2017 гг.) .....	76
<i>A.A. Kadieva, S.V. Demidenko.</i> Fibulae of the first centuries AD from Zayukovo-3 burial ground (on 2016–2017 excavations materials) .....	81
<i>N. Kisiel, A. Kokowski, T. Mazurek.</i> Nowe dziobowate okucia końców pasa z Lubelszczyzny .....	82
<i>Н. Кисель, А. Коковский, Т. Мазурек.</i> Новые находки клювовидных наконечников пояса из Люблинщины .....	82

<i>N. Kisiel, A. Kokowski, T. Mazurek. New findings of beak-shaped belt tips from Lublin Region</i> .....	88
<i>Э. Иштванович, В. Кульчар. Цикады в Верхнем Потисье</i> .....	89
<i>E. Istvánovits, V. Kulcsár. Cicadae in the Upper Tisza region</i> .....	94
<i>А.В. Мاستыкова. Некоторые типы золотых бус позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов</i> .....	97
<i>A.V. Mastykova. Some types of gold beads of the late Roman period and the epoch of the Great migration of peoples</i> .....	103
<i>О.С. Румянцева, С.В. Воронятов, А.А. Трифонов. Стеклоанный шар из собрания Государственного Эрмитажа (раскопки С.С. Гамченко 1913 г.)</i> .....	104
<i>O.S. Rumyantseva, S.V. Voroniatov, A.A. Trifonov. Glass ball from the State Hermitage collection (excavations by S. S. Gamchenko in 1913)</i> .....	110
<i>А.М. Обломский, И.А. Сапрыкина. Шумящее украшение из Тюнино</i> .....	113
<i>A.M. Oblomsky, I.A. Saprykina. Rustling adornment from Tunino</i> .....	119
<i>Э.А. Хайрединова. Необычная пряжка типа «Сиракузы» из могильника Узень-Баш в Юго-Западном Крыму</i> .....	121
<i>E.A. Khayredinova. Unusual bucle of “Syracuse” type from the burial ground of Uzen-Bash in the Southen-West Crimea</i> .....	124
<i>О.А. Хомякова. Двучленные подвязные фибулы типа «большие арбалетовидные» Юго-Восточной Прибалтики по данным женского убора самбийско-натангийской культуры</i> .....	125
<i>O.A. Khomyakova. Large crossbow tendril brooches (Große Armbrustfibeln) of the Southeast Baltic region according to the female dress of the Sambian-Natangian culture</i> .....	132
<i>B.Sz. Szmoniewski. Zapomniana forma odlewnicza z Lachmirowic na Kujawach. przyczynek do poznania odlewnictwa wczesnosłowiańskiego</i> .....	133
<i>B.Sz. Szmoniewski. Forgotten mould from Lachmirowice in Kujawy. Contributions to the knowledge of early Slavic Castings</i> .....	139
<i>E. Schultze, M.V. Liubichev. Silver fittings of a vessel from a Late Roman burial of the Chernyakhov Culture in Voitenki</i> .....	146
<i>E. Schultze, M.V. Lyubichev. Silver fittings of a vessel from a Late Roman burial of the Chernyakhov culture in Voitenki</i> .....	152
<b>Часть 2. Археологические памятники, культуры и исторические процессы</b>	
<i>Д.В. Акимов. К вопросу об организации властных институтов у населения Верхнего Подонья в гуннское время</i> .....	157
<i>D.V. Akimov. To the issue of the Upper Don region population power-holding structures at the Huns time</i> .....	162

<i>В. Белявец, В. Вяргей.</i> Матэрыялы жалезнага веку з селішча Петрыкаў-2.....	168
<i>V.G. Belyavets, V.S. Viarhej.</i> Iron Age materials from the settlement of Petrikov-2 .....	176
<i>И.Е. Бирюков, А.Н. Голотвин.</i> Новые памятники раннего средневековья V–VII вв. в Тамбовской области.....	184
<i>I.E. Biryukov, A.N. Golotvin.</i> New archaeological sites of the early Middle Ages of the V–VII centuries in Tambov region .....	188
<i>С.А. Горбаненко.</i> Давні слов'яни: домобудування і закладна жертва .....	196
<i>S.A. Gorbanenko.</i> Early Slavs: Housebuilding and foundation sacrifice .....	206
<i>Г.Л. Земцов, Д.В. Сарычев.</i> Карта памятников позднеимского времени типа Каширки-Седелок .....	211
<i>G.L. Zemtsov, D.V. Sarychev.</i> The map of archaeological sites of the late Roman time of the Kashirki-Sedelki type .....	213
<i>И.В. Исланова.</i> Поселение Дубок 1 на озере Селигер.....	214
<i>I.V. Islanova.</i> Settlement of Dubok 1 on Seliger lake.....	216
<i>Е.Ф. Касюк.</i> Поселение Долгое-1 на р. Случь в римский период и эпоху Великого переселения народов.....	221
<i>E.F. Kasiuk.</i> Settlement Dolgoe-1 on the river Sluch in the Roman and Migration periods .....	229
<i>А.А. Красноперов.</i> Сосуд из кургана III Тураевского могильника.....	241
<i>A.A. Krasnoperov.</i> The vessel from Kurgan III of the Turaev burial ground .....	242
<i>Н.А. Кренке, И.Л. Максименко, Е.Ю. Тавлинцева.</i> Селище Жуковка на Москве-реке .....	243
<i>N.A. Krenke, I.L. Maksimenko, E.Y. Tavlintseva.</i> The settlement of Zhukovka on the Moscow river .....	248
<i>И.Л. Кызласов.</i> Азиатские начала Великого переселения народов.....	250
<i>I.L. Kyzlasov.</i> Asian start of the Great migration of peoples .....	262
<i>В.Н. Чхаидзе.</i> Кочевническое погребение первой половины VII в. из степного Закубанья .....	267
<i>V.N. Chkhaidze.</i> Nomadic burial of the first half of the seventh century from the steppe Zakubanye (the left bank of Kuban river area).....	270
Цветные иллюстрации.....	273
Сведения об авторах .....	313
Список сокращений.....	316
Содержание.....	317



Научное издание

**История вещей – история и вещи  
К 60-летию юбилею И.О. Гавритухина**

Перевод резюме на английский язык: Н.Н. Гусарова  
Верстка: О.А. Горяйнов

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 60×84/8.  
Уч.-изд.л. 36,4. Тираж 300 экз. Зак. №

Институт археологии РАН, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в  
ООО «Амирит»  
410004 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У  
Тел.: 8-8452-24-86-33 / 8-800-700-86-33  
E-mail: 248633a@mail.ru

ISBN 978-5-94375-325-1



9 785943 753251